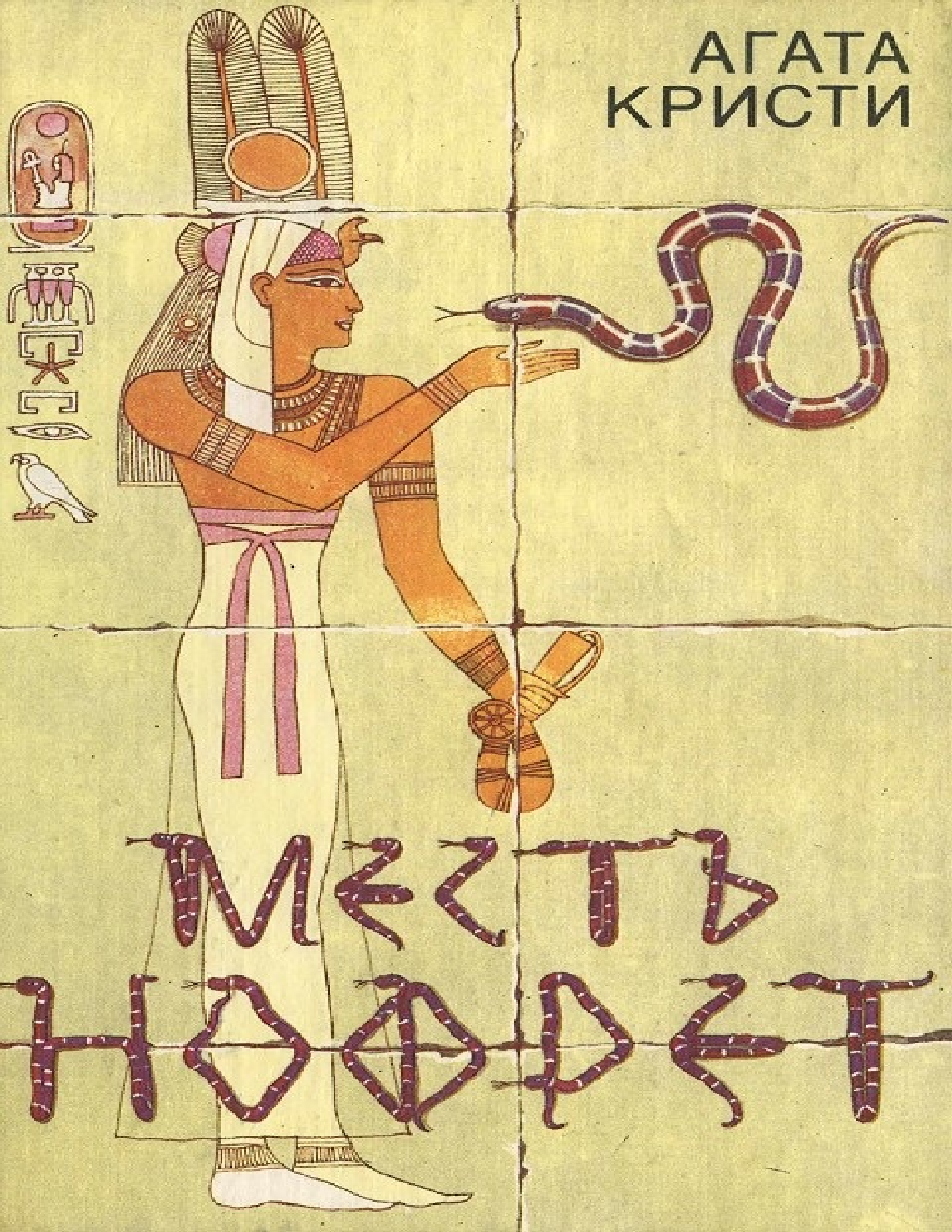

АГАТА КРИСТИ

Annotation

В сборник включены произведения знаменитой английской писательницы Агаты Кристи, столетие которой отмечалось в 1990 году — «Убийство в доме викария», «Смерть Лорда Эдвера», «Мечь Нюфрет. Смерть приходит в конце» и «Испанский сундук».

- [Агата Кристи](#)
  - [Тайна Агаты Кристи](#)
  - [Убийство в доме викария](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XII](#)
    - [Глава XIII](#)
    - [Глава XIV](#)
    - [Глава XV](#)
    - [Глава XVI](#)
    - [Глава XVII](#)
    - [Глава XVIII](#)
    - [Глава XIX](#)
    - [Глава XX](#)
    - [Глава XXI](#)
    - [Глава XXII](#)
    - [Глава XXIII](#)
    - [Глава XXIV](#)
    - [Глава XXV](#)
    - [Глава XXVI](#)
    - [Глава XXVII](#)

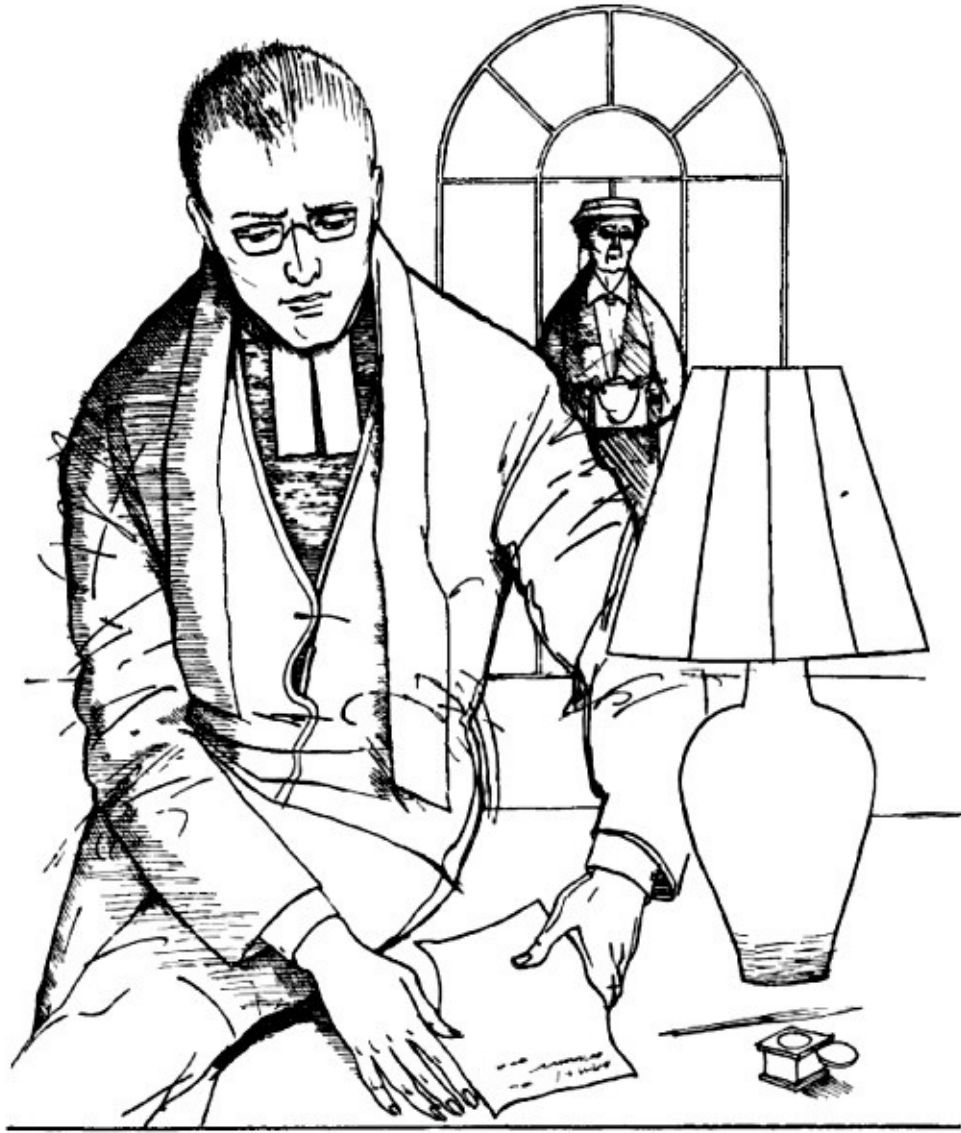
- [Глава XXVIII](#)
- [Глава XXIX](#)
- [Глава XXX](#)
- [Глава XXXI](#)
- [Глава XXXII](#)
- [Смерть Лорда Эдвера](#)
  - [1. Вечер в театре](#)
  - [2. Ужин](#)
  - [3. Человек с золотым зубом](#)
  - [4. Беседа с лордом Эдвером](#)
  - [5. Убийство](#)
  - [6. Вдова](#)
  - [7. Секретарша](#)
  - [8. Версии](#)
  - [9. Вторая смерть](#)
  - [10. Дженни Драйвер](#)
  - [11. Эгоистка](#)
  - [12. Дочь](#)
  - [13. Племянник](#)
  - [14. Пять вопросов](#)
  - [15. Сэр Монтегю Корнер](#)
  - [16. Разговор с инспектором Джеппом](#)
  - [17. Слуга](#)
  - [18. Человек на заднем плане](#)
  - [19. Грозная леди](#)
  - [20. Таксист](#)
  - [21. Рассказ Рональда Марша](#)
  - [22. Странное поведение Эркюля Пуаро](#)
  - [23. Письмо](#)
  - [24. Новость из Парижа](#)
  - [25. Завтрак](#)
  - [26. Париж или Парис!](#)
  - [27. Пенсне](#)
  - [28. Пуаро задает вопросы](#)
  - [29. Пуаро рассказывает](#)
  - [30. Пуаро продолжает рассказ](#)
  - [31. Признание](#)
- [Месье Нофрет. Смерть приходит в конце](#)
  - [Примечания автора](#)

- [Действующие лица](#)
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Испанский сундук](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

Агата Кристи
Местъ Нофрет

Тайна Агаты Кристи

*Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна.*

А. Блок

Вряд ли еще остались на белом свете люди, которым ничего не говорит имя Агаты Кристи. Книги ее переведены на 103 языка, а общий их тираж еще в конце семидесятых был около 400 миллионов экземпляров, а сейчас, я думаю, подбирается к половине миллиарда. В книге рекордов Гиннеса ее портрет помещен рядом с портретами Сименона и Сталина, хотя в нашей стране никаких шансов на соперничество с последним по количеству напечатанных экземпляров ей не представлялось. Как ни обидно, именно советский читатель, в изобилии получавший нечто вроде принудительного идейного питания, к зарубежному детективу должен был прорываться сквозь рогатки и препоны, расставляемые бюстителями социалистической нравственности с усердием, заслуживающим лучшего применения.

На страницы журналов и прочих периодических и не периодических изданий в наши дни детективная литература — подчас и не очень высокого сорта — хлынула довольно ощутимым потоком. Но имя Агаты Кристи стоит особняком и ни в каком изобилии не теряется. Правда, переводились ее романы без всякого порядка, видимо, что под руку попадет, и поэтому известная последовательность, характерная для Агаты Кристи, для читателя полностью теряется.

Дело в том, что англоязычный читатель получал очередную «Агату» в течение 55 лет подряд, иногда более чем по одному роману и сборнику рассказов в год. Всего романов и сборников насчитывается 84 названия. Читатель с радостью встречал знакомые лица: знаменитого сыщика Эркюля Пуаро, который появился впервые в 1920 году в романе «Таинственная история в Стайлсе» и оставался с читателем до конца — до 1975 года. Мисс Марпл, обаятельная старая леди, впервые появившись в 1930 году в романе «Убийство в доме викария», становится «любимицей публики» (и автора, естественно) и последний раз появляется в год смерти Агаты Кристи в 1976 году.

Все дело в том, что еще в сороковые годы Агата Кристи написала два «последних» романа с любимыми своими героями: «Занавес» с Эркюлем Пуаро и «Спящее убийство» с мисс Марпл. Она предполагала опубликовать оба посмертно, но в 1975 году популярность ее была настолько велика (ведь в дело включились и телевидение, и кино), что ее все же уговорили выпустить последний роман с Эркюлем Пуаро при жизни. Увы, он ненадолго опередил «Спящее убийство» с мисс Марпл.

Сама Агата Кристи говорила: «Если бы я знала, что Пуаро останется со мной почти на полвека, я бы сделала его помоложе. Ведь он теперь стал совсем древним стариком». То же касается и мисс Марпл, которая впервые появляется уже старушкой, и жить ей предстоит еще 46 лет, не теряя ни остроты ума, ни памяти, ни присущей ей особой спокойной отваги. Впрочем, кто исчислит годы жизни литературных героев?.. Эти полюбившиеся читателю, живые для него люди намного переживают своих создателей. И часто читатель куда меньше помнит о человеке, который носил «знаменитое» имя, чем о его героях.

Агата Кристи уже была признанной «Королевой детектива», когда в 1970 году, в возрасте восьмидесяти лет, она была удостоена звания Дамы Командора Британской империи и приглашена на обед к королеве Елизавете. Но прибавило ли звание «Дама Агата» (как и к лордам, к титулованной леди обращаются только по имени) что-нибудь к ее славе? Ведь и до того ее звали просто «Агата», когда спрашивали: «Нет ли новой Агаты?», превратив это имя в нарицательное.

И признание Королевой детектива пришло к ней раньше, чем королевские почести.

Но живой человек, живая женщина, которая была и девчушкой, и молодой девушкой, матерью семейства и бабушкой, — о ней мы не просто забываем, а просто ничего не знаем. Особенно потому, что на русском языке есть только отрывок автобиографии, затерявшийся где-то в периодике.

А разве не интересно узнать, как сложился такой своеобразный автор, как получилось, что популярность Агаты Кристи росла постоянно, а ведь жизнь так менялась, и множество литературных «поденок» (это такие однодневные сетчатокрылые насекомые) и «поденщиков» (это, как правило, такие люди, которые выполняют сиюминутный «социальный заказ») позабыты даже архивистами... Читатель выносит свой приговор.

Конечно, и я стала читательницей Агаты Кристи задолго до того, как мне посчастливилось (без преувеличения) стать переводчицей одного из лучших ее детективов. Читала, помнится, еще то и дело «ныряя» в

словарь, — все кто учил язык, знают, что самый верный способ (вместо заучивания слов и грамматики) — взять хороший детектив и читать его со словарем: любопытство заставит прорваться через плохое знание языка и незаметно принесет знания, самым естественным и безусловно приятным путем. Этот путь знаком многим.

Кстати, среди поклонников (как нынче говорят, «фанатов») Агаты Кристи — широкий круг иноязычных читателей, т. е. тех, для кого английский язык не родной. «Труден первый шаг и скучен первый путь», — говорил пушкинский Сальери. Поблагодарим же прежде всего Даму Агату за то, что многим тысячам людей она помогла «преодолеть ранние невзгоды» в изучении языка и при этом избежать весьма реальной опасности выучиться американскому городскому «слэнгу» или простецкой речи ковбоев Дикого Запада. Вопрос этот — не столь маловажный и безобидный, как может показаться.

Как и в любом языке, особенно же в неоднородном социуме классового общества, лексикон и произношение чаще всего определяют и отношение к человеку, его «плейсинг» — место в обществе. Вспомним профессора Хиггинса, «Пигмалиона» Шоу, который не только умел различить по произношению (подчас с точностью до района города) место рождения собеседника, но и делал «герцогинь из цветочниц», то есть давал уроки правильной речи. Впрочем, как известно, «молодая леди из цветочного магазина» должна говорить куда правильнее, чем герцогиня.

Конечно, время меняет язык, но хороший язык, пусть и несколько старомодный, всегда предпочтительнее той стихии странных скелетных конструкций, которая наводняет улицы больших городов или страницы ежедневных газет. Агата Кристи любила читать Джейн Остин, прекрасный, классический язык которой можно принять за некий эталон, хотя скорее литературной, чем разговорной речи.

Язык Агаты Кристи — прежде всего правильный, насыщенный идиомами, язык «высших слоев среднего класса» в основном, но речевые характеристики ее достаточно точны, чтобы можно было отличить горничную от жены викария. И вот оказывается, что для перевода ее книги труднее, чем можно было ожидать. Поэтому поначалу я испугалась.

Ведь читатель получает автора, «переведенного» переводчиком, — но не просто за руку на другую сторону улицы, а как бы трансформированного в результате непростого процесса. Компьютер может перевести правильно. Но творчески перевести может только человек.

Эта трудная задача, если она честно выполнена, приносит удовлетворение при любых масштабных соотношениях автора и

переводчика. Недопустимо только одно: уродовать чужую мысль и чужой стиль небрежной, небратской «халтурой». «Ты слышишь крик поэта Марциала: «Разбой! Позор! Меня он перевел!»

Без ложной скромности — такого разбоя я за собой не числю. Мне думается, на всяком добросовестном переводе можно поставить гриф (по шуточной эпитафии в «Завтраке для чемпионов» Курта Воннегута): «Он старался». Но этого мало...

Написав выше: «чужую мысль» и «чужой стиль», я почувствовала, как покорило меня это двукратное «чужой». Если так же покорило и читающего, это хорошо. Ведь читатель просто читает или перечитывает книгу, когда ему хочется, а переводчик оказывается на какой-то период (предположим, обусловленный договором) в особых, можно сказать, родственных отношениях с переводимым автором.

Вот почему случается, что некоторые профессионалы отказываются *жить* в мире автора, который им чужд, даже если перевод сулит какие-то блага (не только материальные). Так поступала всегда и моя учительница, Рита Яковлевна Райт. Не ради легкой жизни: кошмарный мир Кафки, горестные и короткие последние месяцы жизни голландской девочки Анны Франк... Но не мир наркоманов, проституток, городского дна — от такого романа она позволила себе отказаться.

Уильям Джей Смит, вручавший ей премию Торнтон Уайлдера за лучшие переводы американских писателей, вспомнил слова одного известного американского переводчика Ричарда Уилбура: «Перевод — это акт любви». Так оно и есть. Существуют приемы перевода и нечто вроде системы Станиславского, позволяющей «вжиться» в предлагаемые обстоятельства, но без любви к автору и к его работе творческого перевода не получится.

Почему же я испугалась? Как будто с Агатой Кристи «все в порядке» — ее *все равно* будут читать. Как говорят в кино, «самоигральный материал». Острый сюжет, постоянные неожиданности... Ломаешь голову — «кто это сделал?». Это же не классика... Никто не станет писать работы, как о языке Фолкнера или Сэлинджера, о языке детективного романа. Но в простоте и таится ловушка — не так уж проста Агата Кристи. Сюжет можно рассказать и в коротком рассказе. Есть несколько примеров таких параллелей: рассказ и роман с одним сюжетным ходом. Но атмосфера — разговоры, в частности, деревенские «чаепития со сплетнями» или беседы с разными людьми при расследовании преступления, дружеская болтовня супругов — эта атмосфера передается только при большом внимании к стилю и языку автора. А понять автора, не любив его, передать, не

поняв, — мертвое дело, а может, и незапланированное, добавочное убийство, или, по крайней мере, «причинение тяжких телесных (то есть словесных) повреждений».

Этот страх невыдуманный, но читатель, не разделяя моего испуга, может попытаться войти со мной в мир Агаты Кристи и полюбить ее, как попыталась сделать я.

А разве я ее недостаточно любила? Читала с огромным удовольствием, несомненно. Но по какой-то причине — то ли по привычке, ввиду наличия печальных примеров, которыми полна история нашей недавней литературы, настороженно относиться к незамутненному успеху и удачливости, к богатству литераторов, то ли оттого, что в русской литературе принято равняться на колоссов — Толстого и Чехова, Достоевского и Пушкина, Вещего Бояна наконец, — не хватало мне теплоты, живого человеческого чувства к «Королеве детектива». Не хватало той глубокой жалости, восхищения и сочувствия, которые мы (волею судеб и произволом людей) привыкли почти всегда связывать со всеми великими именами нашей литературы... Благополучие, успех, милости королевские — уж не знак ли это литературы не первого сорта, не триумф ли развлекательности, которая часто девятым валом популярности возносит и недостойных?

Делать было нечего. Нужно было узнать побольше о Даме Агате, увидеть живого человека, постараться его полюбить. Дело даже не в том, чтобы прочесть все ее наследие «от корки до корки», но в том, чтобы понять — кто она? Разгадать тайну ее популярности, даже славы, понять, какой она была. Вот на обложке книги она уже седая, отлично причесанная, с ироническим прищуром, в жемчугах (полагаю, настоящих) и с прекрасным перстнем (точно уж настоящим) — «властительница тайн», как назвал ее один из литературоведов. Добавлю — моя разгадка тайны Агаты Кристи глубоко личная. Я увидела фотографии ее в детстве, ее родственников, дома, где она росла, ее первого мужа и второго, дочери и внука, но это читатель может узнать только из первых рук, из автобиографии. Я же нашла и передаю то, что показалось важным.

Итак, Агата Мэри Кларисса Миллер родилась в 1890 году. Отец ее был американец (т. е. англичанин, два или более колена предков которого жили в Америке), а мать — англичанка, родившаяся в Англии. Но ей пришлось прожить детство и часть юности в Америке, где она и познакомилась с будущим мужем. Она была очень красивая женщина. У Агаты были еще сестра, ставшая примерной матерью семейства и заботливой тетушкой, и брат, «черная овечка» в семье, человек, который пользовался своим

обаянием всю жизнь, довольно беспорядочную, и всегда находил сердобольных женщин, готовых ухаживать за ним...

Но это касается только влияния на некоторые изображенные Агатой характеры. На ее собственный характер и творчество влияли разные, часто весьма прозаические, обстоятельства. Она не всегда сохраняет их масштабные соотношения. Она знает, что радостей, истинных радостей, в жизни считанное число. Когда она пишет в автобиографии, что две главные радости — это покупка собственной машины и обед у королевы, это не значит, что не было иных радостей и горестей. Свою биографию она писала, как «гимн радости жизни». Жизни, в которой было достаточно трудностей, предостаточно горя. Потери и обретения... Но самой острой радостью после самого неутешного горя была радость, когда нашлась птичка, прятая за портьерой, в самом детстве. Это научило ее не предаваться горю, пока есть надежда.

Агата Кристи писала свою автобиографию 15 лет. С апреля 1950 года. Писала не торопясь, с удовольствием, не затрудняя себя соблюдением строгого порядка, вообще писала так, как хотела. Кончила ее в 75 лет.

Но, с истинно царственной щедростью пренебрегая оставшимися годами, заметила: «Это все, что я хотела сказать — во всяком случае, о жизни». И еще в 1965 году — до титула и обеда у королевы — написала: «Я удовлетворена. Я сделала все, что хотела сделать». Многие ли из нас смогут сказать то же о себе?..

Биография писателя всегда нелинейна. Во-первых, она начинается обычно с середины — самые важные события в ней не зависят от времени и поры жизни, а продолжается она далеко за пределы «жизненного пути», очерченного двумя датами на надгробье.

Писать более или менее по порядку?.. Но только о том, что раскрывает грани ее творческой личности, ее человеческий характер.

Систематического образования она не получила. После нескольких неудачных попыток пробыла все же какое-то время в пансионе, во Франции, где и выучила французский. Он пригодится потом, когда она с удовольствием будет играть ломаной речью Эркюля Пуаро (как известно, это был чистейший камуфляж): для того, чтобы изобразить акцент, надо знать оба языка. Агата Кристи любила читать про Шерлока Холмса и в своих книгах обнаруживает неплохое знание собратьев по перу. Но читателю импонирует то, что она «знает свою Библию и своего Шекспира» (это прямой подстрочник), знакома с живописью, с театром.

Мне кажется, очень важно то, что она, может быть, сумела сохранить непосредственность, а главное, с читателем говорит на равных.

Агата Кристи импонирует читателю многими своими качествами. Она всегда приятна — никакой заносчивости, никакой отстраненности. Читатель, почти всегда уставший от чужого высокомерия, отдыхает — от него никто не требует особых знаний, ему все понятно, и в то же время это не рассчитано на простаков и невежд...

Когда родилось такое отношение, такое умение «приручить» читателя?

Может быть, тогда, когда она кончила в 1914 году курсы «сиделок»? Это помогло и при уходе за ранеными. Она была и сиделкой (сестрой милосердия), и фармацевтом — готовила лекарства. «Свою химию» она тоже знала неплохо — рецензенты отметили профессиональное знание ядов в ее романах.

«Я думаю, у меня было истинное призвание к уходу за больными», — пишет она. А разве это не школа внимания к людям, к каждому человеку в отдельности?

Агата вспоминает еще, что надолго пропахла тухлой рыбой (лекарства готовили на рыбьем жире) и вдобавок — знаменитой хлоркой, самым расхожим из тогдашних антисептиков. Прелестный букет для молодой женщины!

Но молодость ни на что не обращает внимания. У Агаты были поклонники, были увлечения. В 1915 году она вышла замуж за молодого летчика, Арчибальда Кристи. Жизнь была счастливая, скудная и неустроенная, правда, все же после окончания войны Арчи нашел службу (повезло больше, чем многим другим военным), но Агата по-прежнему занималась своими пробирками. Именно там, среди пробирок и пузырьков, она и придумала первую детективную историю. Два года работы фармацевтом почти через пятьдесят лет дали материал и для романа «Конь бледный».

Как-то раз, когда Агата, не зная, что делать, слонялась по дому, мать посоветовала ей: «напиши книжку». Совет упал на благоприятную почву.

Агата с детства жила в мире выдуманных игрушечных друзей. Часто она разыгрывала целые сценки, бормоча себе под нос реплики всех выдуманных участников, — эта привычка у нее сохранилась и очень помогла ей потом, хотя не без риска, что ее примут за «тронутую»: идет и бормочет себе под нос. Ребенок, играющий с воображаемыми товарищами, как правило, застенчив. Агата была застенчива. И она потом найдет свой способ отгораживаться от мира: старинную, викторианской эпохи ванну с широким бортом, на котором умещались бумага, письменные принадлежности и пакет с яблоками, — эту привычку писать в ванне, поглощая громадное количество яблок, она потом «подарит» миссис

Ариадне Оливер, сочинительнице детективов, вместе с другими своими забавными недостатками.

А пока жилось трудно. Родилась дочка Розалинда. Няньки, поиски квартир, работа, вечная нехватка денег. Но вот за первую свою книгу она получила гонорар 25 фунтов. За вторую заплатили уже 50 фунтов. Когда встал вопрос о том, не продать ли дом, где она выросла, Арчи возмутился: «Продать Эшфилд! Да сделай же что-нибудь — напиши еще одну книжку!» Так и пошли книги, и она точно знала, сколько принесет та или иная. О славе не думала.

Когда купила машину — это было счастье. Потом Арчи, который был помешан на гольфе, тоже получил машину. Казалось, все хорошо.

В 1926 году вышла книга, которая принесла не только деньги, но и громадный успех, — начало славы, — «Убийство Роджера Экройда». Уже в этой книге проявилась черта, отличающая Агату Кристи от большинства ее предшественников, — умение глубоко раскрыть характер человека.

Но в том же, 1926, году Агату Кристи постигли две потери: она потеряла мать и потеряла мужа. Беда никогда не приходит одна. Здесь эти две беды связаны безусловно.

Нельзя касаться походя таких роковых событий, таких глубоких душевных кризисов. Кажется, они никак не отразились на творчестве Агаты Кристи, не прибавили горечи, не сломили... Так ли это?

Мать давно говорила ей про Арчи: «Если ты будешь слишком часто оставлять его одного, ты его потеряешь». Но именно смерть матери вынудила Агату оставить мужа впервые на несколько месяцев.

Ей пришлось уехать совсем одной — разбирать оставшееся в Эшфилде и завещанное ей имущество. Что это такое — может понять лишь тот, кто перебирал, устраивал, подчас выбрасывал оставшиеся вещи, на которых еще сохранился невидимый след прикосновений, которые заряжены, как ток, воспоминаниями.

Совсем одна в доме, где жила мать, до нее бабушка и «тетя-бабушка» — любимые, родные люди... Как водится, в таких больших семейных домах ничего не выбрасывалось, а сносилось на чердак, хранилось в сундуках и комодах... Думаю, никто толком не осознал ту тяжесть, теперь сказали бы тот стресс, который пришлось выдержать сердцу Агаты. Она написала потом очень коротко: «Это было ужасно». Речь идет не просто о физическом изнеможении.

Она всегда была очень здоровой. А тут почувствовала себя совершенно больной. Разрыдалась, когда машина не пожелала заводиться. Обнаружила какие-то провалы в памяти. Время, захороненное в грудах

вещей, в стенах самого дома, стало искажать истинное ощущение времени.

Она вернулась домой совершенно измученная. Как это она запомнила и то, что «Арчи питал сильнейшее отвращение к болезни, к смерти, к любым неприятностям»? Ее встретил «чужой, незнакомый человек». Он почти с порога объявил, что в его жизни появилась другая женщина, что предстоит развод. Она долго не могла понять, говорила, что надо уехать вместе, отдохнуть... Она почти не осознала удара.

А потом произошло странное событие, которое кому-то вздумалось толковать как рекламный трюк... Они забыли о горе, забыли о том, что Агата Кристи всегда избегала поклонников, крайне редко давала интервью. Судите сами, похоже ли это на «рекламный трюк».

Седьмого декабря 1926 года миссис Кристи уехала из дому на своей машине и не вернулась. Машину обнаружили пустую, на краю обрыва. Саму Агату нашли только через две недели, в отеле в Йоркшире. Она ничего не помнила. Она записалась в книге под чужим именем. Какое это было имя? — Имя *той* женщины. Поистине коварный рекламный «прием»! Сама Агата упоминает об этом вскользь. Подробнее об этом я прочла в другой книге, посвященной ее творчеству.

Она же просто напишет: «Эта часть моей жизни — счастливая, полная успехов и надежд жизнь — кончилась». Она напишет это, когда рядом с ней будет уже другой, любящий, надежный спутник, с которым прожито много лет и предстоит пройти до конца в дружбе и согласии. А тогда не было никого, кто «собрал» бы ее, как Шалтая-Болтая в детской песенке. Шалтая-Болтая после «великого падения», «a great fall».

Год она тянула с разводом — ради дочери и надеясь, что все «перемелется». Потом дочка отправилась в пансион. Агата осталась совсем одна. Остался бедный Шалтай-Болтай, который расшибся вдребезги, так, что «вся королевская конница, вся королевская рать не могут Шалтая, не могут Болтая, Шалтая-Болтая собрать»...

Собирать себя надо было самой.

«И вот я осталась одна. Теперь мне следовало выяснить, что я за человек — и не стала ли я непоправимо зависимой от других, как я боялась... Теперь мне не о ком думать, не с кем считаться, кроме себя самой».

Это не приступ эгоизма. Наоборот, это признание в зависимости от других. Агата хорошо понимала себя: «По характеру я относилась к собакам: собака сама не пойдет на прогулку, если ее кто-то не возьмет с собой, не выведет. Возможно, мне предстояло остаться такой на всю жизнь. Но я надеялась на лучшее».

Это скромность и мужество в горе. Тепло, тепло, Агата Кристи, как в той детской игре со спрятанной вещью!

В ее бедствиях я вижу только одно: удивительную творческую, человеческую натуру Агаты Кристи, одновременно податливую, подвижную и непреклонную в своем алмазном стержне. В своей истинной сути. В рассказе Рэя Бредбери «Марсианин» житель древней планеты, принимая облик любого, о ком думают встретившиеся ему люди, не волен в себе. Он живет в доме родителей умершей девушки, потом уходит, потому что другие своим горем превратили его в погибшего сына; гибнет и он, и облик его меняется: искажаясь, сочетая несочетаемое — голубой глаз и карий, черты разных людей... Он так хотел *помочь*, что не мог противостоять внешним влияниям...

Агата была сочинительница, сказочница, ее зависимость от других — это зависимость художника, все принимающего близко к сердцу. Поэтому, я думаю, она была замечательной сиделкой... Старый дом, наполненный видимыми и невидимыми следами ушедших жизней, так расшатал ее память о самой себе, что она едва не погибла, стараясь сохранить всех, забыв о себе самой. Ее бегство из дома — поступок человека, потерявшего себя. Почему она назвалась тем именем? Может быть, потому, что женщина, занявшая ее место, стала для нее реальнее ее самой; ей не за что было зацепиться в жизни...

Но она решила обрести собственный облик. Два года после смерти матери она не писала. Она собирала себя после «великого падения».

Речь шла почти что о воскрешении из мертвых. Сказать заранее — она вышла победительницей? Да, потому что она сохранила способность меняться, побеждая обстоятельства, она получила свой жизненный урок, стала сильной, и эту ее новую изменчивость я сравню скорее с умением античного божества, Протея, менять облик по собственному желанию.

Она поехала путешествовать — мудрый ход. Путешествие с древнейших времен было лекарством от горя и уныния.

Поехала в Дамаск, в Баальбек. Познакомилась с семьей археолога Вулея. Жена его, Катарина, оказалась полной противоположностью Агате. Властная и капризная, всегда думающая только о себе, а о других — как о прислуге или статистах, — она всех заставляла плясать под свою дудку. Агата уступала ей лучшую комнату, сухую кровать. В экспедиции оказался молодой человек, которого Катарина Вулей послала сопровождать Агату, против его воли, как подозревала сама Агата. Позже она примет его предложение — не сразу, не веря ему и себе, — и выйдет за него замуж. Тут даже планы Катаринины и ее мужа не заставят ее уступить. А Макс Маллоуан

позже признается ей: он еще тогда, в пути, понял, что она будет прекрасной женой.

Машина застряла в песках, где-то у черта на рогах. «И — никаких истерик! Ты не ныла, не твердила, что я один во всем виноват, не повторяла сто раз, что здесь нельзя было останавливаться. Можно было подумать, что тебя совершенно не волнует, поедем мы дальше или нет. Честно говоря, именно в эту минуту мне пришла мысль, что ты — просто чудо!»

Розалинда, познакомившись с Максом, одобрила выбор матери, лаконично заявив: «И Питеру он понравился». Питер был их старший терьер.

Агата зря боялась того, что сэр Макс Маллоуан моложе ее. Он любил ее — а это было так нужно. Слегка посмеиваясь, она вспоминает, как Макс сказал, что смотрел на нее, когда она спала, и что у нее *благородное* лицо. «Про меня можно сказать что угодно: я добродушная, беспорядочная, рассеянная, застенчивая, привязчивая, неуверенная в себе, в достаточной мере лишена эгоизма — но «благородная» — это уж слишком!»

Это не просто факты биографии — это еще и анализ процесса самосохранения творческой личности. Она могла совсем перестать писать, могла стать «душечкой»; кстати, она была отличной помощницей мужа в археологических экспедициях, фотографировала, вносила в каталог и артистически расчищала экспонаты. Но она еще и писала. Уже много лет спустя к их дому в экспедиции пристроили «Агатину комнатку». Там она и писала.

В археологии, особенно в той узкой области, которой пришлось заниматься ее мужу, Агата Кристи приобрела очень глубокие познания.

Но главное, конечно, ее литературная работа. Для нее не понадобилось специального образования. Все, что встречалось в самой обыденной обстановке, становилось толчком к творчеству. «Каждый раз мне кажется, что я написала последнюю свою книжку, но откуда ни возьмись что-то возникает и будоражит мое воображение. Я прямо как налаженный автомат, выпускающий колбасы».

Агата Кристи прекрасно отдавала себе отчет в своих возможностях и способностях. «Я никогда не старалась во что бы то ни стало заниматься тем, что у меня получается плохо, к чему у меня нет способностей от природы». Составила длинный список того, что не может делать и что может. Второй начинался так: «Ну что ж, я могу писать». У нее был отличный девиз: «Не можешь вести поезд — смазывай колеса!»

А писать она могла, честное слово! О творчестве отзывалась трезво и

даже наставительно:

«Просто чувствуешь себя ремесленником, представителем хорошей, честной профессии. Ты должен научиться профессиональным приемам, а уж потом, в рамках своего ремесла, можешь воплощать собственные творческие идеи, но ты обязан соблюдать дисциплину формы».

Для тех, кому это покажется сухо и прозаично, приведу еще одну цитату (хочется переписать ее целиком, поэтому главное выделяю курсивом): «Ради Бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно *просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость*» (А. С. Пушкин. Письма).

Весьма маловероятно, чтобы Агата Кристи читала переписку Пушкина. Просто... искусство прекрасно укладывается в определение «святого ремесла» и даже просто честного ремесла.

Она пишет о начале тридцатых: «В те дни писать было приятно, потому что я прямо переводила работу в деньги». В Америке начались серийные выпуски ее книг. Агата Кристи заняла свое место, у нее нет проблем. Она может купить себе не только машину. Но и дом. И несколько домов.

Она любила дома. И очень хорошо их описывала. Перед второй мировой войной у нее было восемь домов. Во время войны в ее доме были расквартированы военные (кое-какие бытовые «удобства» для множества солдат пришлось потом ликвидировать). Нашли приют в ее доме и дети, вывезенные из-под бомбежки. (В то время я жила под Архангельском в деревне, и помню благодарное отношение к приютившим детей добрым людям.)

Тепло, Агата, или даже «горячо». Я нашла те события, те черточки, которые помогли мне понять отчасти и жизнь, и творчество Агаты Кристи. Но главное объяснение творчества — в самом творчестве.

Во всяком детективном романе есть одно центральное лицо, а именно: детектив, сыщик, расследователь. Его надо придумать. Агата Кристи хотела сделать своего сыщика финном, потом остановилась на бельгийской национальности. Не только потому, что финского языка, а следовательно, и акцента не могла себе представить. Никакого внешнего сходства с автором нет — скорее, это демонстративно яркая противоположность. И все же каждый из нескольких детективов Агаты Кристи — одно из ее «продолжений» или вариантов, маска ее души, способ являться в новом облике, как уже упомянутый Протей или Гудвин, Великий и Ужасный.

Только «властительница тайн» нигде не изменяет своему юмору, везде посмеивается без всякой издевки и над читателем, и над собой, и над своими «обликами». Больше всего «своего» она отдала Ариадне Оливер, начиная с профессии (автор детективных романов) и кончая рассеянностью, импульсивностью и пристрастием к ванне и яблокам. Это слегка карикатурное, шаржированное, но очень симпатичное изображение — себя? Нет, одной из своих ипостасей.

Элемент карикатуры, шаржа — неперемнная черта каждого портрета «детектива». Все они вызывают симпатию, может быть, тем более теплую, что она смягчена усмешкой. Но виртуозное умение распутать тайну преступления вызывает уважение, подчас даже почтение.

Напомню некоторые цифры, прежде чем говорить о сыщиках Агаты Кристи поименно.

С Эркюлем Пуаро — 41 роман и несколько сборников рассказов. Он появляется в 1920 году и последний раз выходит на сцену в 1975, в романе «Занавес»; кстати, местом действия оказывается тот же Стайлс, как и в первом романе.

С мисс Марпл — 13 романов и несколько сборников. Мисс Марпл появляется впервые десятью годами позже Пуаро и в самой последней книге — в 1976 году.

С миссис Ариадной Оливер — 8 названий. Впервые в 1936 году, в романе «Карты на стол», вместе с суперинтендантом Баттлем, за ним 5 названий (1925–1944). Книга «Конь бледный» без Пуаро. Супруги Бирисфорд. Таппенс (Полушка, если переводить, — это ее прозвище вместо данного оптимистическими родителями имени Прюдентс — скромность) и ее муж Томми. С 1922 по 1973 год появляется 5 книг, где они играют главную роль. В начале они молоды, в последней книге уже на покое, на пенсии. Читатель любит следить за знакомыми героями — это еще одна «импонирующая черта» Агаты Кристи.

Капитан Гастингс, появившись в роли «Ватсона» при Эркюле Пуаро в 1920 году, в 1923 уже сослан Агатой в Южную Америку, видимо, навсегда. Но мы еще встретим его в «Большой четверке» — он специально приехал из Аргентины! Возвращается он и в 1927 году, в 1932, 1933, а затем в 1937 году, когда Пуаро теряет клиента, а Гастингс получает очаровательного жесткошерстного терьера, который помог в разгадке тайны как «бессловесный свидетель». Затем Гастингс исчезает опять, и надолго — до 1975 года.

Можно назвать еще мистера Паркера Пайна. По сути дела, он не сыщик, а человек, устраивающий чужие дела: «Счастливы ли вы? Если нет,

обратитесь к мистеру Паркеру Пайну, Ричмонд-стрит, 17» (1934 г.).

Мистер Саттерсуэйт, пожилой джентльмен, располагающий солидными средствами и хорошими знакомствами, добряк и гурман. Рядом с ним — откровенная маска, словно из классической комедии дель'арте, — мистер Кин, точнее Арлей Кин (для тех, кто не сразу догадался: ему постоянно сопутствуют световые эффекты, превращающие его костюм в домино Арлекина). Этот «Загадочный мистер Кин» (сборник 1930 года) больше нигде не появляется, но мистер Саттерсуэйт нам встретится еще раз в «Убийстве в трех актах» (1935 год).

В этом «тандеме» интересно своеобразное сотрудничество прозаического джентльмена средних лет, который сам все разгадывает, и таинственного незнакомца, появление которого наводит мистера Саттерсуэйта на подозрительные случаи или помогает заметить, что здесь что-то неладно. Функция «рока» и функция «ищейки» четко разделены на две ипостаси.

Не так обстоит дело с главными «сыщиками» Агаты Кристи — Эркюлем Пуаро и мисс Марпл. Целая вереница служащих полиции или представителей Скотленд-Ярда сопутствует и тому, и другой, играя одну из сопровождающих тем: или недоверие и полупрезрение, или понимание и невольное восхищение. Это удобно. Но в каждом из этих портретов слиты и те черты, которые могли бы вызвать насмешку и недоверие, и те, которые вызывают восхищение и уважение.

Маски Агаты Кристи сложны и неоднозначны, точнее, двужначны. Внешние, легко уловимые черты смешноваты и как бы вводят в заблуждение. Пуаро несет эту двойственность в самом своем имени: Эркюль (Геркулес) и Пуаро (груша), что при секретарше мисс Лемон приобретает явные черты балаганного смехотворчества. Он боится сквозняков и страдает морской болезнью, любит симметрию и холит свои знаменитые усы, слишком тщательно (для англичан) одевается, любит покушать и полон сознания собственного величия. Да к тому же — иностранец! Во время войны иностранцы (в том числе и беженцы из Бельгии) хлынули в Англию потоком. Может быть, Агата Кристи специально так скроила и оформила своего Эркюля Пуаро? Ведь насмешливое недоверие ко всему *не своему*, так печально затянувшееся в истории некоторых стран, получает щелчок по носу — этот странный человек, говорящий по-английски с французскими конструкциями фраз, обладает редкостным даром — умением пользоваться «серыми клеточками» мозга. Он проницателен, может казаться недалеким чудачком (кстати, когда хочет, он говорит на совершенно правильном английском

языке), кроме того, он человечен, добр и подчас великодушен: как частное лицо он может и не сообщать о своих открытиях правосудию (этот его прием очень славно изображен в новелле «Немейский лев» из сборника «Подвиги Геракла»), Но он грозен для преступников, нарушивших не просто закон, а заповеди поведения человека по отношению к человеку.

Эта традиция как бы двойного облика — старинная традиция сказок и мифов. Богиня Афина может явиться в облике нищей старухи, или могущественный волшебник — в облике голодного старика, выпрашивающего у героя последнюю монету, чтобы испытать его. И мифы, и сказки, и многие притчи учат людей не судить по внешности, уметь разглядеть суть. У Агаты Кристи такая же благородная задача: напомнить, что сословные, национальные, все прочие *внешние* предрассудки и предубеждения — смешны и неуместны.

Мисс Марпл — такое же яркое подтверждение этого принципа. Хрупкая, старенькая (с самого начала, с 1930 года), одинокая дама, у которой всей родни-то — один племянник, правда, знаменитый и очень ее любящий. Кто может быть беззащитнее? И все же именно она отвечает на вопрос «Кто вы?» коротко и грозно: «Немезида». Что общего между жительницей деревушки Сент Мэри Мид и богиней возмездия? И все же мисс Марпл не ошиблась.

О мисс Марпл хочется рассказать подробнее. Хотя по количеству написанных о ней книг она уступает Эркюлю Пуаро, она явно стала и любимицей автора и завоевала любовь читателей. Об этом можно судить хотя бы по тому факту (в детективе сказали бы «улик»), что две экранизации как бы украли сюжет у Эркюля Пуаро и отдали его мисс Марпл: это «Миссис Мак-Гинти убита» (1952) и «Роковые похороны» (1953). Быть может, этим мисс Марпл обязана прекрасной актрисе, Маргарет Резерфорд, игравшей эту роль. В 1962 году очередную книгу с мисс Марпл («И зеркало разбилось...») Агата Кристи посвящает этой актрисе. Наш зритель видел несколько фильмов с Джоан Хиксон в роли мисс Марпл. Еще одна любопытная и красноречивая ошибка — в справочнике «Каталог детективов» в 1971 году авторы «отдали» роман 1939 года («Убивать так легко») мисс Марпл, хотя ее там нет и в помине, а дело ведет молодой полисмен, Люк Фицуильям. Ошибка отчасти оправдана тем, что действие происходит в английской деревушке с уже знакомым «набором» действующих лиц — и викарий, и юрист, и доктор, и местный «очень важный человек», и полный синклит пожилых дам. Есть даже похожая на мисс Марпл старушка, которая все знает, но гибнет в дорожном происшествии. Вот уж что не грозило мисс Марпл, хотя она несколько раз

и была на волосок от смерти! Убить мисс Марпл было не так легко — на то не было воли автора. И не только потому, что детективы обычно имеют нечто вроде «дипломатического иммунитета» (ведь некому будет разгадывать тайну!), но и по желанию публики. Вспомним, что Артуру Конан Дойлю не удалось убить Шерлока Холмса и пришлось его «воскресить».

О том, что мисс Марпл была дорога Агате Кристи, можно судить не по прямым, а по косвенным уликам. Если симпатичной миссис Оливер Агата отдала свои смешные черточки, создав все же шаржированный персонаж, то мисс Марпл получила самое заветное, пожалуй. Мы застаем ее уже на «заслуженном отдыхе», но в нескольких книгах проскальзывает упоминание о том, что она много ухаживала за больными: «Я привыкла к больным. Я так много ухаживала за ними в свое время» («Немезида», 1971). Агата Кристи отдала мисс Марпл свое второе (а может быть, и первое) жизненное призвание, свое «истинное призвание». Мисс Марпл даже в самом начале не так «дружески шаржирована», как Ариадна Оливер или Эркюль Пуаро, в ней много милых человеческих черт: она страстно увлечена садоводством, любит наблюдать за птичками (это занятие, «бэрдуютчинг», — одно из национальных пристрастий британцев от мала до велика), причем сильный бинокль оказывается весьма кстати и при наблюдении за людьми.

Наблюдение за людьми, изучение человеческой природы — это у нее тоже общее с самой Агатой. Поначалу мисс Марпл несколько более стеснительна, непоследовательна в своих речах, кстати, в неумении «складно говорить» Агата Кристи сама признавалась не раз, и это ее черта. Но впоследствии мисс Марпл станет более уверенной в себе, не теряя скромности. Высказывается даже предположение, что это обратное влияние экранного образа, созданного Маргарет Резерфорд. А может быть, вместе с самой Агатой Кристи мисс Марпл понемногу приобретает уверенность в себе?

Позволю себе немного больше рассказать о мисс Марпл, с которой читатель впервые встречается в «Убийстве в доме викария».

Многое о ней мы узнаем из романа «Немезида». Очень точную характеристику ей дает мистер Рафаэль, который впервые встретился с ней в романе «Карибская тайна» и услышал от этой старушки неожиданное в ответ на вопрос «Кто вы?» слово — «Немезида». В письме, которое она получает уже после смерти старого финансиста, он пишет: «У вас, моя дорогая, если позволите так Вас назвать, есть природное чувство справедливости и по этой причине — природное чутье к преступлениям.

Распутывать тайны — Ваш прирожденный талант, дар божий». Давая ей поручение, о сути которого почти ничего не известно, мистер Рафаэль заключает свое письмо строками из библейской книги пророка Амоса: «Пусть как вода течет суд, и правда — как сильный поток!» Грозный облик неотвратимого возмездия с самого начала (с названия) придает серьезность странному поручению: поехать в тур по знаменитым садам и усадьбам Англии и — смотреть в оба.

Сама мисс Марпл пытается найти разгадку, делая запись в своем дневнике, где пишет о себе (редкий прием для Агаты Кристи).

«Моя задача связана с правосудием. Нужно или исправить совершенную несправедливость, или воздать за зло, призвав его к ответу. Об этом говорит пароль «Немезида». Мистер Рафаэль пишет, что у меня есть чувство справедливости и дар распутывать преступные тайны. Преступление — видимо, не шпионаж, не жульничество, не грабеж, с такими вещами я никогда не сталкивалась, и у меня с ними нет решительно ничего общего; я ничего о них не знаю и не владею никакими приемами, чтобы их разгадать. Он знает меня только в связи с убийством. Убийства, о которых сообщала пресса, никогда не привлекали моего внимания. Я в жизни не читала специальных книг по криминалистике, да, по правде сказать, не очень-то интересовалась подобными вещами. Нет, просто так уж получалось, что я оказывалась поблизости чаще, чем можно было бы ожидать. Мое внимание привлекали к тем убийствам, в которых так или иначе были замешаны друзья или знакомые. Мне кажется, в жизни существует особая связь, таинственное тяготение между людьми и событиями. Одна из моих тетушек, насколько я помню, пять раз становилась жертвой кораблекрушения, а моя подруга была, как это называют серьезные ученые, «подвержена несчастным случаям». Помнится, некоторые наши общие знакомые ни за что не соглашались ехать с ней вместе в такси. В дорожные происшествия она попадала четыре раза на такси, три раза на частных машинах, а в железнодорожных катастрофах побывала дважды. Подобные вещи происходят с людьми без каких бы то ни было объяснимых причин. Мне не очень приятно писать об этом, но, судя по всему, убийства часто случаются не со мной, хвала создателю, но просто вокруг меня».

Профессор, которому мистер Рафаэль сказал, что мисс Марпл — дама преклонного возраста и что она отличный знаток людей, услышал от нее такие слова:

— Совершенно не представляю себе, какие он нашел во мне особые достоинства. Я стала глуховата, да и зрение куда хуже, чем раньше. Ума не

приложу, какие у меня преимущества перед другими, вот разве что я умею казаться глуповатой и недалекой старушкой, признаться, я и на самом деле, как говорили в прежние времена, «божий одуванчик». Я форменный божий одуванчик. Может, он *это* имел в виду?

— Нет. Он сказал, что у вас есть *тончайшее чутье на зло*.

— Может быть... Да, вполне возможно. Несколько раз мне случалось испытывать чувство опасности, близости зла, в самом окружении убийцы: я ощущала, что злостное дыхание преступления разлито в воздухе, сплетено с самим течением событий.

Она внезапно улыбнулась, взглянув ему прямо в глаза.

— Понимаете, это похоже на крайне обостренное обоняние. К примеру, вы чувствуете, когда происходит утечка газа, а остальные этого не учуют. Или когда с легкостью различаешь запахи разных духов. Моя покойная тетушка считала, что может почуять запах лжи. Она уверяла, что от людей, которые лгут, исходит совершенно определенный запах. Сначала у них начинает как-то странно подергиваться нос, а потом появляется этот запах. Уж не знаю, так ли это, но она нас частенько поражала. Как-то раз она сказала мужу: «Джек, не бери на работу молодого человека, который беседовал с тобой нынче утром. Он все врал, с первого слова до последнего». И представьте себе — оказалось, что она совершенно права!

Свой метод, безошибочно служивший ей (и правосудию) во всех случаях, сама мисс Марпл излагает крайне просто:

— Я бы не сказала, что я знаток людей. По-моему, дело просто в том, что некоторые люди напоминают мне других, которых я знала, и я могу, исходя из этого, предположить некое сходство и в их действиях.

А уж знание «человеческой природы» (как и знаменитые «серые клеточки» Эркюля Пуаро) — неотъемлемое свойство личности мисс Марпл.

Однако главное, общее для всех профессионалов и любителей в деле правосудия, — именно стремление воздать за зло. Главное же, по мнению Агаты Кристи, обелить невиновных. Один из ее романов называется «Пытка невиновностью».

Чувство справедливости, общее для большинства людей, всегда удовлетворено у читателя Агаты Кристи. Эта в наше время несколько прямолинейная и старомодная (в той же мере, в какой «старомодна» и Библия) точка зрения у мисс Марпл находит точное выражение. О преступлении, связанном с насилием и убийством, она отзывается сухо: «Не очень-то приглядное дело». На замечание профессора: «Вот как вы об этом судите?» она отвечает:

«Таков мой взгляд на вещи. Мне это не по душе. И всегда было не по душе. Если вы ждете, что я стану выражать сострадание, сожаление, стану оправдывать преступление несчастным детством или дурной средой, если вы ждете, что я начну проливать слезы над вашим юным убийцей, — имейте в виду, этого вы не дождетесь. *Я не приемлю злых существ, творящих злые дела*» (курсив мой. — М. К.).

Не всегда осознанное читателем свойство книг Агаты Кристи — ее непоколебимая уверенность в том, что справедливость непременно восторжествует, что доброе имя невинно пострадавшего за чужое преступление человека должно быть оправдано, пусть через много лет! И подчас ждущий казни «козел отпущения» должен быть вырван из рук чересчур прямолинейного и недалекого правосудия, а истинный преступник так или иначе наказан. Подчас, как и в истории с «Немейским львом», справедливость не заботится о требованиях закона, но и это особенно импонирует человеку в нашем мире, где преступления множатся, а возмездие порой заставляет себя ждать долгие годы или обрушивается на головы «стрелочников».

Простая тайна Агаты Кристи в том, что в ее «заправских» детективных романах, где нет недостатка в убийствах, корыстных и подлых побуждениях, где предостаточно примеров «морального дальтонизма» — некоей цветовой слепоты души, — всегда присутствует неподдельное уважение к человеку и к нравственным ценностям (которые подчас подвергаются инфляции чисто внешне, но никогда не теряют истинной ценности). Об этом в книге Иова сказано так: «Испытай меня — выйду как золото».

Именно это неизменное в меняющемся мире свойство, присущее человеческой душе, — высокая проба ее достоинства — позволяет Агате Кристи не стать «старомодной». Понятие о подлинных ценностях при довольно скептическом, как у мисс Марпл, отношении к «природе человека», нужно современному читателю, перенесшему такие повороты руля и столь резкие переоценки, что ему необходимо найти точку опоры, чтобы не потерять равновесия.

Однако никакой поучительности, назидательности в книгах Агаты Кристи нет. И еще одно странное свойство, замеченное всеми: несмотря на убийства, напряжение, непрерывные неожиданности в развитии сюжета (мисс Марпл говорит: «подозревайте всех»), в книгах Дамы Агаты создается какая-то прозрачная, сказочная атмосфера, в которую хочется вернуться. По «перечитыванию» она — настоящий чемпион. Даже когда помнишь, «кто это сделал», с удовольствием отмечаешь, что по всей книге

честно разбросаны «улики», указания, которые могли бы и раньше навести читателя на след. Если не считать, конечно, мастерски подложенных автором «красных селедок» (точнее, «копченных селедок» — здесь подразумевается отвлекающий, ложный след: выражение произошло от практики излюбленной англичанами гонки по проложенному следу для тренировки гончих) — протянутая в сторону от следа упоительно пахнувшая ложная дорожка. С читателем Агата Кристи честна, никогда не лишает его возможности «самому догадаться». Мне лично это пока удалось только один раз. Но удовольствие от чтения получаешь и потому, что Агата Кристи никогда не пишет об отвратительном, никогда не смакует и не приучает нас смаковать кровавые, душераздирающие подробности. Это воздействие, как я определяю, типа «ножом по стеклу», слишком заполонило сейчас и литературу, и теле- и киноэкраны. Подчас в литературе подобного рода на первом месте — кровавые сцены и секс не очень высокого пошиба.

Агата Кристи одна из первых доказала, что детективный «роман» может быть и романом в прежнем смысле слова — историей любви. Подчас трогательной, иногда грустной, случается, и жуткой. Есть у нее и глубокий, тонкий анализ побуждений и хода мыслей преступника. В нескольких романах она анализирует и патологическое, психопатическое убийство. В ее романе «Убийство в доме викария» противники смертной казни найдут очень веские доводы в свою пользу.

Милосердие. Она была сестрой милосердия, она стала знаменитой писательницей, но свойства души не меняются в житейских взлетах и падениях. Доброта, любовь к жизни, радость жизни, драгоценное свойство — юмор, умение с увлечением придумывать ходы сюжета и с истинной приязнью описывать английскую природу, жизнь, уклад ее, кстати, социологи уже сейчас начинают ценить эти точные, хогартовские зарисовки Англии и в период между двумя войнами, и в военное время, и после войны. Особенно живыми у нее были некоторые эпизодические лица, в натуральную величину, без «двойного дна» и облика. Впрочем, следует упомянуть, что в некоторых книгах роль детектива на себя берут очаровательные молодые девушки, притом титулованные, — дань легкому, но неискоренимому снобизму английского среднего читателя, или славные молодые люди, или вообще случайные люди, но про всех них читать интересно.

Некогда королева Виктория бросила бессмертную фразу, вошедшую в набор исторических фраз всего человечества и часто цитируемую: «Нам не интересно». Вот этой фразы от своих читателей Агата Кристи не слышала

ни разу.

Когда ее спросили, за что, по ее мнению, ее будут помнить сто лет спустя, она ответила: «Ну что ж, мне бы хотелось, чтобы обо мне говорили: она хорошо писала детективные и приключенческие романы».

Самой ей больше всего нравилось писать («для отдыха от детективов») приключенческие романы под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Она написала их всего шесть. Любила она и пьесы — не надо заниматься описаниями. Ее пьеса «Мышеловка» неизменно идет в одном из лондонских театров с 1950 года. Я уверена, что есть зрители, которые смотрят пьесу по многу раз и, может быть, по многу лет подряд. Таково свойство некоторых авторов, то, что Белинский назвал «дюмасовским интересом».

Исторические вещи у Агаты Кристи редки. Но когда она бралась за историческую тему, то относилась к ней со свойственной ей серьезностью. В 1945 году она написала исторический детектив «Смерть приходит в конце». Вы найдете его в этой книге под названием «Мечь Нофрет». Действие разворачивается в Древнем Египте. Мысль написать подобный роман ей подал друг ее мужа, египтолог, профессор Ганвилл, который был горячим поклонником ее творчества. Вначале уже знаменитую тогда писательницу охватила робость (честно говоря, это милое свойство души никогда ее не покидало), но профессор ее уговорил, пообещав снабдить книгами, рисунками, любой информацией, какую она потребует. Пришлось заняться громадным научным материалом, чтобы достичь полного правдоподобия. Агата Кристи призналась, что труднее всего было справиться с легионом простых обиходных деталей: надо было выяснить, что тогда ели, во что одевались.

Сюжет был подсказан ей письмами, найденными экспедицией музея Метрополитен в Луксоре, много лет назад. Благодаря своему знанию «человеческой природы» Агата Кристи сумела рассказать про убийства в Древнем Египте не менее убедительно, чем про более современные ей, в хорошо знакомой обстановке современной Англии. Она еще раз доказала, что умеет создавать живые характеры и достоверную драматическую ситуацию, даже если дело происходит за многие столетия до нашей эры.

Хочется отметить, что современность книг Агаты Кристи почти не связана со «злостью дня». Политику, в более или менее отвлеченном виде, можно найти в одной-двух книгах. Во время второй мировой войны она пишет не только уже упомянутые «последние» романы с Пуаро и мисс Марпл, но и такие шедевры, как «Зло под солнцем», «Труп в библиотеке» (1942) (кстати, в нем мисс Марпл возвращается после перерыва в 10 лет и

как всегда победоносно шествует дальше), «Сверкающий цианид» и другие.

Мне кажется, множество интересных наблюдений и даже предчувствий (как мы теперь можем понять) нашли место в последнем периоде творчества Агаты Кристи. Детективы тоже меняются — и хитросплетение ситуаций уступает место анализу психологии преступления. Как и методы, они становятся более «современными», требующими большего знакомства с наукой.

«Конь бледный» (1961) очень интересен сочетанием самых темных предрассудков, «моды» на спиритизм (сейчас переживающей очередной пик и нашествие экстрасенсов) и весьма современных познаний в химии.

Роман «Ночь без края и конца» (1967), строго говоря, не детектив. Это анализ настолько современного характера, что порой мурашки бегут по коже. Стяжательство — откровенное, примитивное желание иметь то, что не заработал, абсолютная, почти подкупающая неразборчивость в средствах — и отказ от настоящей любви во имя лживой, предательской «роскошной жизни с роскошной женщиной». Исповедь этакого «невинного убийцы», просто не понимающего, что такое нравственность.

Роман «Пассажирка до Франкфурта», опубликованный в 1970 году, как бы продолжает линию, намеченную в «Большой четверке» и «В неизвестном направлении». Очередное изображение некоей таинственной интернациональной организации, претендующей на власть над миром. Здесь уже упомянуто и ядерное, и биологическое оружие, торговля наркотиками и «происки международного капитала», торговля оружием... Но главное, что поражает, — то, что борьба идет за молодежь, что уже просматриваются (пусть в фантастической, как бы «оперной» форме) корни неофашизма, и наркотики, разъедающие живую душу и тело молодых людей. Все это заставляет задуматься и сейчас. Эпиграфом к этой книге Агата Кристи взяла такую фразу: «Лидерство, конечно, громадная творческая сила, но оно может стать и дьявольским орудием».

А что думает она о будущем? В автобиографии есть такие размышления:

«Чем все это кончится? Новыми триумфами? Или, может быть, человек в своем ненасытном стремлении к власти над миром сам себя погубит? Не думаю. Человечество выживет, хотя, быть может, только группками, островками, разбросанными по лицу Земли. Может произойти какая-нибудь великая катастрофа, но человечество не погибнет окончательно. Какая-нибудь примитивная община, живущая самыми простыми обычаями, знающая о прошлых событиях лишь понаслышке,

медленно, постепенно построит новую цивилизацию».

Можно сказать, что это оптимистичное высказывание. Хотя очень емкое и всерьез предостерегающее. Но Агата Кристи была далека от намерения изображать ужасы апокалиптического века не потому, что не догадывалась о них. Нет, она хотела, чтобы люди отдыхали, читая ее книги. И чтобы «самые простые обычаи» человеческого общества все же сохранялись в их памяти.

Мне кажется, Агату Кристи читать интересно еще и потому, что ей было интересно писать. Она была человеком жизнерадостным, добрым и мужественным, и это, как некий «чекан души мастера», по выражению восточного мудреца, сохраняется в ее творениях.

Атмосфера, или, пользуясь аналогиями мисс Марпл, «букет», присущий каждой вещи автора, создается всей неповторимостью его личности и, конечно, трудом, «честным ремеслом», роднящим Пушкина и Агату, Диккенса и Достоевского, вне масштабных оценок.

Та атмосфера «антизла», которая так полюбилась читателям и у Сервантеса, и у Стивенсона, и у Дюма, и у Конан Дойля, у Агаты Кристи тоже естественно объединяет всех «рыцарей добра» в некоей вечной нервостихии, в неразменной, не подверженной инфляции, не разъедаемой никакой «царской водкой» золотой валюте духа.

Их общий древнейший девиз: «Пусть как вода течет суд, и правда — как сильный поток!»

Маргарита Ковалева

Убийство в доме vicария

Глава I

Немало труда стоило мне выбрать день и час, с которого надо начать рассказ, но я наконец остановил свой выбор на одной из сред, когда мы собрались ко второму завтраку. Беседа, в общем, не касалась того, о чем я собираюсь рассказать, но все же в ней промелькнуло нечто, оказавшее влияние на последующие события.

Разделавшись с куском вареного мяса (надо сказать, на редкость жесткого), который мне пришлось разрезать как хозяину дома, я вернулся на свое место и с горячностью, отнюдь не приличествующей моему сану, заявил, что тот, кто убьет полковника Протеро, поистине облагодетельствует мир.

Мой юный племянник, Деннис, тут же выпалил:

— Тебе это припомнят, когда найдут старика плавающим в луже крови. Вот и Мэри покажет на тебя, верно, Мэри? Скажет на суде, как ты кровожадно размахивал кухонным ножом!

Мэри служит у нас временно, в надежде на лучшее положение и более солидный заработок, — она громко, официальным тоном объявила: «Зелень» и брякнула треснутое блюдо под нос Деннису с самым воинственным видом.

Моя жена спросила голосом, полным сочувствия:

— Он тебя *очень* замучил?

Я не сразу нашелся с ответом — Мэри, швырнув на стол зелень, сунула почти что мне в лицо другое блюдо, с крайне непривлекательными непечеными клецками. Я сказал:

— Благодарю вас, не надо, — после чего она грохнула блюдо на стол и вылетела из комнаты.

— Какая я ужасная хозяйка — просто беда, — сказала моя жена, и мне послышались нотки искреннего раскаяния в ее голосе.

Я готов был с ней согласиться. Жену мою зовут Гризельда — имя для жены священнослужителя в высшей степени подходящее. Но на этом все подобающие ее положению качества и исчерпываются. Кротости в ней нет ни капли.

Я всегда придерживался мнения, что священнику лучше не жениться. И по сию пору остается тайной, как мне взбрело в голову умолять Гризельду выйти за меня замуж — всего через двадцать четыре часа после нашего знакомства. Как я полагал до того, женитьба — серьезнейший шаг,

который требует длительного обдумывания и подготовки, и самое важное в браке — сходство вкусов и склонностей.

Гризельда моложе меня почти на двадцать лет. Она поразительно хороша собой и абсолютно неспособна серьезно относиться к чему бы то ни было. Она ничего не умеет делать толком, и жить с ней в одном доме — чистое мучение. Весь мой приход для нее что-то вроде цирка или зверинца, созданного ей на потеху. Я попытался сформировать ее ум, но потерпел полную неудачу. Более, чем когда-либо, я убежден, что служителю церкви подобает жить в одиночестве. Я не раз намекал на это Гризельде, но она только заливалась смехом.

— Дорогая моя, — сказал я, — если бы ты хоть чуточку постаралась...

— А я стараюсь, — откликнулась Гризельда. — Только, знаешь, мне кажется, что, чем больше я стараюсь, тем хуже получается. Ничего не поделаешь — я не создана для домашнего хозяйства, это ясно. Я решила, что лучше бросить все на Мэри, примириться с неудобствами и питаться этой неудобоваримой гадостью.

— А о муже ты подумала, радость моя? — укорил я ее и добавил, следуя примеру лукавого, который цитировал Священное писание ради своих целей. — *Она устраивает все в доме своем...*

— Ты подумай, как тебе сказочно повезло: тебя не бросили на растерзание львам, — живо перебила Гризельда. — А то еще и на костер мог бы угодить. Стоит ли поднимать шум из-за невкусной еды и невыметенной пыли сдохлыми осами! Расскажи-ка мне лучше про полковника Протеро. У ранних христиан было одно преимущество — они не знали церковных старост.

— Надутый старый грубиян, — заметил Деннис. — Недаром первая жена от него сбежала.

— По-моему, ничего другого ей и не оставалось, — сказала моя жена.

— Гризельда! — строго оборвал ее я. — Я не потерплю, чтобы ты говорила подобные вещи.

— Ну, милый мой, — с нежностью сказала жена. — Расскажи мне про него. Из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Может, из-за мистера Хоуза, из-за того, что он ежеминутно кланяется, кивает и крестится?

Хоуз — мой новый помощник. Он прослужил в нашем приходе чуть больше трех недель, придерживается правил Высокой Церкви и постится по пятницам. А полковник Протеро — непримиримый противник всех и всяческих ритуалов.

— На этот раз — нет. Хотя походя он об этом упомянул. Нет, все неприятности начались с этой злосчастной фунтовой бумажки миссис

Прайс Ридли.

Миссис Прайс Ридли — достойный член нашей общины. Во время ранней обедни в годовщину смерти своего сына она положила в кружку для пожертвований фунтовую банкноту. Позже, читая вывешенную для сведения паствы справку о пожертвованиях, она была поражена в самое сердце тем, что самой крупной банкнотой значилась бумажка в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне, а я вполне резонно заметил, что она, должно быть, запомнила.

— Мы все уже не так молоды, — добавил я, стараясь как можно тактичнее уладить дело. — Годы берут свою дань, от этого не уйдешь.

Как ни странно, мои слова оказали противоположное действие. Она заявила, что творятся странные вещи, и она чрезвычайно удивлена, что я этого не замечаю. После этого миссис Прайс Ридли, как я догадываюсь, явилась с жалобами к полковнику Протеро. Протеро из тех людей, которые обожают скандалить по любому поводу. Он и устроил скандал. К сожалению, для скандала он выбрал среду. А я утром по средам даю уроки в церковной дневной школе, и это превращает меня в комок нервов, так что я до конца дня не могу прийти в себя.

— Что ж тут такого — надо же и ему хоть чем-то развлечься, — сказала моя жена с видом праведного и беспристрастного судьи. — Около него никто не увивается, называя его нашим дорогим викарием^[1] и никто ему не дарит жутких расшитых туфель, а к Рождеству — теплых ночных носочков. И жена и дочь его видеть не могут. Наверно, ему приятно хоть в чем-то почувствовать себя важной персоной.

— Но ведь для этого вовсе не обязательно оскорблять других, — не без горячности ответил я. — Мне кажется, он даже не понял, какие выводы можно сделать из его слов. Хочет проверить все церковные счета — на случай растрат. Растрат, так и сказал. Не думает же он, что я прикармливаю церковные средства!

— О тебе никто такого не подумает, мой родной, — сказала Гризельда. — Ты настолько выше всех подозрений, что просто грех не воспользоваться такой возможностью. Вот было бы здорово, если бы ты присвоил пожертвования на миссионерскую работу. Терпеть не могу миссионеров — я их всегда ненавидела.

Я бы упрекнул жену за нехристианские чувства, но тут Мэри внесла полусырой рисовый пудинг. Я попробовал слабо протестовать, но Гризельда заявила, что японцы всегда едят недоваренный рис и от этого у них так хорошо варят мозги.

— Попомни мои слова, — сказала она, — если бы ты всю неделю, до самого воскресенья, ел рисовый пудинг, ты произнес бы сногшибательную проповедь, честное слово.

— Боже упаси, — содрогнувшись, ответил я. Затем продолжал:

— Протеро зайдет завтра вечером, и мы вместе просмотрим все счета. А сегодня мне нужно закончить свою речь для МКАЦ. Я тут искал цитату и так зачитался «Реальностью» каноника Ширли, что не успел написать все до конца. А ты сегодня что собираешься делать, Гризельда?

— Исполнять свой долг, — сказала Гризельда. — Свой долг супруги пастыря. Чай со сплетнями в половине пятого.

— А кого ты пригласила?

Гризельда стала перечислять по пальцам, сияя напускной добродетелью:

— Миссис Прайс Ридли, мисс Уэзерби, мисс Хартнелл и это чудовище — мисс Марпл.

— А мне мисс Марпл даже нравится, — возразил я. — По крайней мере, она не лишена чувства юмора.

— Самая жуткая сплетница во всей деревне, — сказала Гризельда. — Всегда знает до мелочей все, что здесь творится, и всегда от всех ждет самого худшего.

Как я уже говорил, Гризельда гораздо моложе меня. В моем возрасте люди понимают, что самые худшие ожидания обычно оправдываются.

— Меня можешь к чаю не ждать, Гризельда! — заявил Деннис.

— Ах ты разбойник! — воскликнула Гризельда.

Деннис благоразумно спасся бегством, а мы с Гризельдой перешли ко мне в кабинет.

— Ума не приложу, кого бы еще позвать, — сказала Гризельда, усаживаясь на мой письменный стол. — Может, доктора Стоуна и мисс Крэм? И еще, пожалуй, миссис Лестрэндж. Между прочим, я к ней вчера заходила и не застала ее. Да, миссис Лестрэндж надо непременно подать к чаю. Она такая таинственная — приехала, сняла дом в деревне и носа из него не кажет, а? Сразу приходят в голову детективные романы. Представляешь — «Кто была эта таинственная дама с бледным и прекрасным лицом? Что таилось в ее прошлом? Никто не ведал. В ней было нечто роковое». По-моему, доктор Хэйдок что-то про нее знает.

— Ты читаешь слишком много детективов, — кротко заметил я.

— А ты-то сам? — парировала она. — Я вчера весь дом перевернула, искала «Пятно на лестнице», пока ты писал тут проповедь. Наконец прихожу спросить тебя, не попадалась ли книга тебе, и что я вижу?

У меня хватило совести покраснеть.

— Да я просто нечаянно на нее наткнулся. Потом какая-то фраза случайно попала мне на глаза, и...

— Знаю я эти случайные фразы, — сказала Гризельда. И напыщенно произнесла, словно читая по книге — «И тут случилось нечто поразительное — Гризельда встала, прошла через всю комнату и нежно поцеловала своего пожилого мужа». — Сказано — сделано.

— Это и вправду «нечто поразительное»? — спросил я ее.

— Ты еще спрашиваешь, — ответила Гризельда. — Ты хоть понимаешь, Лен, что я могла выйти замуж за министра, за баронета, за процветающего дельца, за трех младших офицеров и бездельника с изысканными манерами, а я вместо этого выбрала тебя? Разве это не поразило тебя в самое сердце?

— Тогда — поразило, — признался я. — Я частенько задумывался, почему ты так поступила.

Гризельда залилась смехом.

— А потому, что я почувствовала себя такой неотразимой, — прошептала она. — Остальные считали, что я просто чудо, и, разумеется, для каждого из них я была бы отличной женой. Но ведь я — воплощение всего, что ты не любишь и не одобряешь, а ты передо мной не мог устоять! Мое тщеславие просто не выдержало этого. Знаешь, куда приятнее, когда тебя втайне обожают, сознавая, что это грех, чем когда тобой гордятся и выставляют напоказ. Я причиняю тебе кучу неудобств, я тебя непрерывно шокирую, и, несмотря ни на что, ты любишь меня до безумия. Ты меня любишь до безумия, а?

— Разумеется, я к тебе очень привязан, дорогая.

— Вот как! Лен, ты меня обожаешь. Помнишь, как я осталась в городе, а тебе послала телеграмму — ты ее не получил, потому что сестра почтмейстерши разрешилась двойней и она забыла ее передать? Ты потерял голову, принялся звонить в Скотленд-Ярд и вообще устроил жуткий переполох.

Есть вещи, о которых вспоминать бывает весьма неприятно. В упомянутом случае я действительно вел себя довольно глупо. Я сказал:

— Извини, дорогая, но я хотел бы заняться своей речью для МКАД.

Гризельда страдальчески вздохнула, взъерошила, потом снова пригладила мои волосы и сказала:

— Ты меня недостойн. Нет, правда! Закручу роман с художником. Клянусь, что закручу. Представляешь себе, какие сплетни пойдут по всему приходу?

— Их и без того предостаточно, — мягко заметил я. Гризельда расхохоталась, послала мне воздушный поцелуй и выпорхнула через застекленную дверь.

Глава II

Нет, с Гризельдой нет никакого сладу! После ленча я встал из-за стола в прекрасном настроении, чувствуя, что готов написать действительно вдохновенное обращение к Мужской Конгрегации Англиканской Церкви. И вот никак не могу сосредоточиться и места себе не нахожу.

Когда я, успокоившись, был готов приступить к работе, в кабинет словно ненароком забрела Летиция Протеро. Я не случайно употребил слово «забрела». Мне приходилось читать романы, в которых молодые люди просто лопаются от бьющей через край энергии — *joie de vivre* — волшебной жизнерадостной юности... Но мне лично почему-то попадаются молодые люди, скорее напоминающие бесплотные призраки.

В этот день Летиция была особенно похожа на бесплотную тень. Она очень хорошенькая девушка, высокая, светленькая, но какая-то неприкаянная. Она забрела ко мне, рассеянно стащила с головы желтый беретик и с отсутствующим видом пробормотала:

— А! Это вы...

От Старой Усадьбы идет тропа через лес, прямо к нашей садовой калитке, поэтому гости по большей части проходят в эту калитку и прямо к двери кабинета — дорогой в обход идти далеко, только ради того, чтобы войти с парадного входа. Появление Летиции меня не удивило, но ее поведение вызвало легкую досаду.

Если человек приходит в дом священника, стоит ли удивляться, увидев самого священника?

Она вошла и упала, словно подкошенная, в одно из больших кресел. Подергала себя, непонятно для чего, за прядку волос, уставилась в потолок.

— А Денниса тут у вас нет?

— Я его не видел после ленча. Насколько я понял, он собирался идти играть в теннис на ваших кортах.

— А-а... — протянула Летиция. — Лучше бы он не ходил. Там ни души нету.

— Он сказал, что вы его пригласили.

— Может, и пригласила. Только в пятницу. А сегодня вторник.

— Среда, — сказал я.

— Ой! Кошмар. Значит, я в третий раз позабыла, что меня звали на ленч.

Впрочем, это ее не особенно беспокоило.

— А где Гризельда?

— Я думаю, вы найдете ее в мастерской в саду, она позирует Лоуренсу Реддингу.

— У нас тут из-за него такая склока разгорелась, — сказала Летиция. — Сами знаете, какой у меня папочка. Жуткий папочка.

— Какая склока... — то есть, о чем вы говорите? — спросил я.

— Да все из-за того, что он меня пишет. А папочка узнал. Интересно, почему это я не имею права позировать в купальном костюме? Если я на пляже в нем сижу, то могу и на портрете, а?

Летиция помолчала, потом снова заговорила.

— Чепуха какая-то — отец, видите ли, отказывает молодому человеку от дома. Мы с Лоуренсом прямо обалдели. Я буду ходить сюда, к вам в мастерскую, можно?

— Нельзя, дорогая моя, — сказал я. — Если ваш отец запретил — нельзя.

— Ох, боже ты мой, — вздохнула Летиция. — Вы все как сговорились, сил моих нет! Издергана. До предела. Если бы у меня были деньги, я бы сбежала, а без денег куда денешься? Если бы папочка, как порядочный человек, приказал долго жить, у меня бы все устроилось.

— Летиция, такие слова говорить не следует.

— А что? Если он не хочет, чтобы я ждала его смерти, пусть не жадничает, как последний скряга. Неудивительно, что мама от него ушла. Знаете, я много лет думала, что она умерла. А тот молодой человек, к которому она ушла, — он что, был симпатичный?

— Это случилось до того, как ваш отец приехал сюда.

— Интересно, как она жила потом. Я уверена, что Анна вот-вот закрутит роман с кем-нибудь. Анна меня ненавидит — нет, обращается нормально, но — ненавидит. Старееет, и ей это не по вкусу. В таком возрасте и срываешься с цепи, сами знаете.

Хотел бы я знать — неужели Летиция собирается до вечера сидеть у меня в кабинете?

— Вам мои граммафонные пластинки не попадались? — спросила она.

— Нет.

— Вот досада! Я их где-то забыла. И собака куда-то сбежала. Часики тоже, наручные — только они все равно не ходят. Ох, спать хочется! Не пойму, отчего, — я встала только в одиннадцать. Жизнь так изматывает, правда? Господи! Надо идти. В три часа мне покажут раскоп, который сделал доктор Стоун.

Я взглянул на часы и заметил, что уже без двадцати пяти четыре.

— Ой! Не может быть! Кошмар. Ждут ли они меня, или уже ушли? Надо пойти, посмотреть...

Она встала и побрела из комнаты, бросив через плечо:

— Вы скажете Деннису, ладно?

Я механически ответил «Да», а когда понял, что не имею представления, что именно надо сказать Деннису, было уже поздно. Но поразмыслив, я решил, что это, вероятно, не имело никакого значения. Я задумался о докторе Стоуне — это был знаменитый археолог, недавно он остановился в гостинице «Голубой Кабан» и начал раскопки на участке, входящем во владения полковника Протеро. Они с полковником уже несколько раз спорили не на шутку. Забавно, что он пригласил Летицию посмотреть на раскопки.

Мне подумалось, что Летиция Протеро довольно остра на язычок. Интересно, поладит ли она с секретаршей археолога, мисс Крэм. Мисс Крэм — пышущая здоровьем особа двадцати пяти лет, шумная, румяная, переполнена до краев молодой жизненной энергией, и рот у нее полон зубов — кажется, их там даже больше положенного.

В деревне мнения разделились: одни считают, что она такая же, как все, другие придерживаются мнения, что это молодая особа строгих правил, которая намерена при первой же возможности сделаться миссис Стоун. Она во всем — полная противоположность Летиции.

Насколько я понимал, жизнь в Старой Усадьбе действительно текла не очень счастливо. Полковник Протеро женился второй раз лет пять тому назад. Вторая миссис Протеро отличалась замечательной, хотя несколько необычной, красотой. Я и раньше догадывался, что у нее не очень хорошие отношения с падчерицей.

Меня прервали еще раз. На этот раз пришел мой помощник, Хоуз. Он хотел узнать подробности моего разговора с Протеро. Я сказал, что полковник посетовал на его «католические пристрастия», но что цель его визита была иная. Со своей стороны я тоже выразил протест и недвусмысленно дал ему понять, что придется следовать моим указаниям. В общем, Хоуз принял мои замечания вполне мирно.

Когда он ушел, я стал винить себя за то, что не могу относиться к нему теплее. Я глубоко убежден, что христианину совершенно не подобает испытывать такие безотчетные симпатии и антипатии к своим ближним.

Я вздохнул, заметив, что стрелки часов на письменном столе показывают без четверти пять, что на самом деле означало половину пятого, и прошел в гостиную.

Четыре моих прихожанки сидели там, держа в руках чашки с чаем. Гризельда восседала за чайным столом, стараясь выглядеть как можно естественнее в этой обстановке, но, напротив, казалась еще более неуместной, чем в обычное время.

Я пожал руки всем по очереди и сел между мисс Марпл и мисс Уэзерби.

Мисс Марпл — седовласая старая дама с необыкновенной приятностью в манерах, а мисс Уэзерби — неиссякаемый источник злословия. Мисс Марпл, безусловно, гораздо опаснее.

— Мы тут как раз говорили о докторе Стоуне и мисс Крэм, — сладким как мед голосом сказала Гризельда.

У меня в голове промелькнули дурацкие стишки, которые сочинил Деннис:

«Мисс Крэм даст фору всем».

Меня обуревало невесть откуда накотившее желание сказать эту строчку вслух и посмотреть, что будет, но, к счастью, я совладал с собой.

Мисс Уэзерби выразительно сказала:

— Порядочные девушки так не поступают, — и неодобрительно поджала тонкие губы.

— Как не поступают? — спросил я.

— Не идут в секретарши к холостому мужчине, — сказала мисс Уэзерби замогильным голосом.

— О, дорогая моя, — сказала мисс Марпл. — *По-моему*, женатые куда хуже. вспомните бедняжку Молли Картер.

— Конечно, женатые мужчины, когда живут не дома, ведут себя из рук вон плохо, — согласилась мисс Уэзерби.

— И даже когда живут дома, с женой, — негромко заметила мисс Марпл. — Помнится...

Я поспешил прервать эти небезопасные воспоминания.

— Помилуйте, — сказал я. — В наше время девушка может поступить на службу, как и мужчина.

— И выехать за город? И остановиться в той же гостинице? — сурово произнесла миссис Прайс Ридли.

Мисс Уэзерби шепнула мисс Марпл:

— Спальни на одном этаже...

Мисс Хартнелл, дама закаленная и жизнерадостная — бедняки боятся ее, как огня, — заявила громогласно и энергично:

— Бедняга не успеет оглянуться, как его опутают по рукам и ногам. Он же прост, как нерожденное дитя, — всякому видно.

Удивительно, куда нас иногда заводят привычные выражения! Ни одна из присутствующих дам и помыслить не могла о том, чтобы упомянуть о настоящем младенце, пока он не воркует в колыбельке, у всех на глазах.

— Позорище — иначе не скажешь, — продолжала мисс Хартнелл с присущей ей бестактностью. — Он же на добрых двадцать пять лет старше ее!

Три женских голоса, наперебой, словно стараясь заглушить эту неловкую фразу, заговорили хором и невпопад о Пикнике для мальчиков из хора, о неприятном случае на последнем Митинге матерей, о сквозняках в церкви. Мисс Марпл смотрела на Гризельду ласково сияющими глазами.

— Вам не кажется, — сказала моя жена, — что мисс Крэм просто нравится интересная работа? А доктор Стоун для нее просто руководитель, и только.

Ответом было полное молчание. Все четыре дамы были явно с ней не согласны. Молчание нарушила мисс Марпл; погладив Гризельду по руке, она сказала:

— Душечка, вы так молоды. Молодость так неопытна и доверчива!

Гризельда возмущенно отпарировала, что она вовсе не так уж неопытна и доверчива.

— Естественно, — продолжала мисс Марпл, пропустив возражения мимо ушей, — вы всегда думаете обо всех только самое хорошее.

— А вы серьезно считаете, что она хочет выскочить замуж за этого лысого зануду?

— Насколько я понимаю, в средствах он не стеснен, — сказала мисс Марпл. — Боюсь, что характер у него вспыльчивый. Вчера он повздорил с полковником Протеро.

Все дамы были заинтригованы.

— Полковник Протеро назвал его неучем.

— Полковник Протеро мог сказать такую чепуху, это в его духе, — заметила миссис Прайс Ридли.

— Конечно, в его духе, но я не уверена, что это такая уж чепуха, — сказала мисс Марпл. — Помните, как у нас тут побывала одна женщина, — по ее словам, из общества социального обеспечения, — собрала пожертвования по подписке и как в воду канула. Оказалось, что она не имела к этому обществу никакого отношения. Мы все привыкли верить людям на слово — слишком уж мы доверчивы.

Вот уж не подумал бы, что мисс Марпл может страдать от доверчивости!

— Там был еще какой-то шум из-за молодого человека, художника —

мистера Реддинга — не так ли? — спросила мисс Уэзерби.

Мисс Марпл кивнула.

— Полковник Протеро отказал ему от дома. Кажется, он писал Летицию в купальном костюме.

— А я с самого начала *видела*, что между ними что-то есть, — сказала миссис Прайс Ридли. — Молодой человек вокруг нее слишком увивался. Жаль, что у девушки нет родной матери. Мачеха никогда ее не заменит.

— Я бы этого не сказала, — вмешалась мисс Хартнелл. — Миссис Протеро старается, как может.

— Девушки всегда себе на уме, — посетовала миссис Прайс Ридли.

— Настоящий роман, правда? — сказала сентиментальная мисс Уэзерби. — Он такой красивый!

— Но распущенный, — бросила мисс Хартнелл. — А чего еще ждать? Художник! Париж! Натурщицы! И без ничего!..

— Писал ее в купальном костюме, — заметила миссис Прайс Ридли. — Не совсем прилично.

— Он и мой портрет пишет, — сказала Гризельда.

— Но ведь не в купальном костюме, душечка, — сказала мисс Марпл.

— Подумаешь — могло быть и хуже, — заявила Гризельда.

— Шалунья! — сказала мисс Хартнелл, у которой хватило чувства юмора, чтобы понять шутку. Остальные дамы были слегка шокированы.

— Милая Летиция уже рассказала вам об этих неприятностях? — обратилась ко мне мисс Марпл.

— Мне?

— Ну да. Я видела, как она прошла садом и повернула к двери вашего кабинета.

От мисс Марпл ничто не укроется. Возделывание клумб — превосходная дымовая завеса, а привычка наблюдать за птичками в сильный бинокль оказывается как нельзя более кстати.

— Да, она об этом упомянула, — признался я.

— У мистера Хоуза был очень встревоженный вид, — добавила мисс Марпл. — Надеюсь, он не переутомился на работе.

— Ах! — живо воскликнула мисс Уэзерби. — Совсем из головы вылетело! У меня есть для вас новость. Я видела, как доктор Хэйдок выходил из дома миссис Лестрэндж.

Все переглянулись.

— Может, ей нездоровилось, — сказала миссис Прайс Ридли.

— В таком случае — болезнь скоропостижная, — сказала мисс Хартнелл. — Я видела, как она расхаживает по саду в три часа дня, и с

виду — здоровехонька.

— Должно быть, они давно знакомы с доктором Хэйдоком, — сказала миссис Прайс Ридли. — Сам-то он об этом помалкивает.

— Любопытно, — сказала мисс Уэзерби. — Ведь он об этом *ни словечка* не обронил.

— Если хотите знать... — начала Гризельда тихим и таинственным голосом. Все наклонились к ней, заинтригованные до крайности.

— Мне все *доподлинно* известно. Ее муж был миссионером. Жуткая история. *Его съели*, представляете себе? Буквально съели. А ее заставили стать главной женой их вождя. Доктор Хэйдок спас ее — он там был, в экспедиции.

На некоторое время возникло всеобщее замешательство, а потом мисс Марпл сказала с упреком, но не сдержав ласковой улыбки: «Какая шалунья!» Она похлопала Гризельду по руке и наставительно заметила:

— Очень неразумно, моя душечка. Когда выдумываешь небылицы, люди непременно им верят. А это может вызвать осложнения.

В гостиной явно повеяло холодком. Две дамы встали и начали прощаться.

— Интересно, есть ли что-нибудь между Реддингом и Летицией Протеро, — сказала мисс Уэзерби. — Мне кажется это вполне вероятным. А как вам кажется, мисс Марпл?

Мисс Марпл призадумалась.

— Я бы этого не сказала. Только не Летиция. По-моему, тут замешано совсем иное лицо.

— Но полковник Протеро считает...

— Я всегда замечала, что он — человек недалекий, — сказала мисс Марпл. — Из тех упрямец, которые если что заберут себе в голову, то ни почем от этого не отступятся. Помните Джо Бакнелла, прежнего хозяина «Голубого Кабана»? Сколько шуму было из-за того, что его дочка якобы встречалась с молодым Бейли. А на самом-то деле это была его жена, негодница этакая!

Говоря это, она смотрела прямо на Гризельду, и меня вдруг охватило возмущение, с которым я не сумел совладать.

— Вам не кажется, мисс Марпл, — сказал я, — что все мы слишком склонны злословить о ближних своих? Добродетель не мыслит злого, как вы знаете. Можно причинить неисчислимый вред, позволяя себе болтать глупости и распускать злостные сплетни.

— Дорогой викарий, — ответила мисс Марпл. — Вы человек не от мира сего. Боюсь, что от человеческой природы, за которой мне довелось

наблюдать столь долгое время, хорошего ждать не приходится. Конечно, праздная болтовня — это дело грешное и недоброе, но ведь она так часто оказывается правдой, не так ли?

Эта последняя, парфянская стрела попала в цель [\[2\]](#).

Глава III

— Гадкая старая сплетница! — сказала Гризельда, как только за ней затворилась дверь.

Она скорчила гримаску вслед уходящим гостям, взглянула на меня и — рассмеялась.

— Лен, неужели ты и вправду думаешь, что у меня роман с Лоуренсом Реддингом?

— Что ты, милая, конечно, нет!

— Но ты же подумал, что мисс Марпл намекает на это. И ты ринулся меня защищать — это было великолепно! Ты был похож на разъяренного тигра!

Я на минуту почувствовал себя крайне смущенным. Служителю англиканской церкви отнюдь не подобает подавать повод к тому, чтобы его сравнивали с разъяренным тигром.

— Я почувствовал, что в этом случае обязан выразить протест, — ответил я. — Но, Гризельда, мне бы хотелось, чтобы ты все же выбирала слова и думала, о чем говоришь.

— Это ты про историю с людоедами? — спросила она. — Или про то, что Лоуренс рисует меня нагишом? Знали бы они, что он пишет меня в теплом плаще с высоченным меховым воротником — в таком одеянии можно с чистой совестью идти в гости к самому папе римскому: нигде не видать ни кусочка грешной плоти! Честно говоря, все у нас так чисто, что просто диву даешься. Лоуренс ни разу не попытался за мной поухаживать — никак не пойму, в чем тут дело.

— Несомненно, зная, что ты замужняя женщина...

— Лен, только не притворяйся, что ты сию минуту вылез из Ноева ковчега! Ты отлично знаешь, что очаровательная молодая женщина, у которой пожилой муженек, для молодого человека просто дар небесный. Тут есть какая-то особая причина, а вовсе не недостаток привлекательности — чего-чего, а этого мне не занимать.

— Но разве ты хочешь, чтобы он за тобой ухаживал?

— Н-н-нет, — сказала она, помедлив чуть дольше, чем мне бы хотелось.

— Если он влюблен в Летицию Протеро...

— Мисс Марпл в это не верит.

— Мисс Марпл могла и ошибиться.

— Она всегда права. Такие закоренелые старые сплетницы никогда не ошибаются. — Гризельда на минуту умолкла, потом спросила, взглянув на меня искоса:

— Ты мне веришь, правда? То есть, что у нас с Лоуренсом ничего нет?

— Моя милая Гризельда, — ответил я. — Верю, как самому себе.

Моя жена подбежала и поцеловала меня.

— Если бы только ты не был таким простачком! Тебя же ничего не стоит обвести вокруг пальца! Ты готов поверить всему, что бы я ни сказала.

— А как же иначе? Только, милая, постарайся следить за тем, что ты говоришь, не давай воли своему язычку. У этих дам нет ни малейшего чувства юмора, помни об этом, — они все принимают всерьез.

— Я знаю, чего им не хватает, — сказала Гризельда. — Надо бы им самим обзавестись какими-нибудь грешками — тогда у них не останется времени вынюхивать повсюду чужие грехи.

С этими словами она вышла из комнаты, а я взглянул на часы и без промедления отправился с визитами, которые должен был нанести еще утром.

Вечерняя служба в среду, как всегда, собрала немного прихожан, но когда я, разоблачившись в ризнице, вышел в опустевшую церковь, там стояла одинокая женская фигура, созерцающая один из наших витражей. У нас замечательные старинные цветные витражи в окнах, да и сам храм заслуживает того, чтобы на него посмотреть. Заслышав мои шаги, женщина обернулась, и я узнал миссис Лестрэндж.

Мы оба молчали, пока я не сказал:

— Надеюсь, вам понравилась наша церковь.

— Я любовалась витражом, — ответила она.

Она говорила приятным, низким, хорошо поставленным голосом, четко произнося слова. Она добавила:

— Очень жаль, что я вчера не застала вашу жену.

Мы еще несколько минут поговорили о нашей церкви.

Было очевидно, что она — человек высокой культуры, знакомый с историей церкви и церковной архитектурой. Мы вместе вышли и пошли по дороге, которая проходила мимо ее коттеджа и вела к моему дому. Когда мы подошли к ее калитке, она приветливо сказала:

— Не хотите ли зайти? Мне интересно, что вы скажете о моих достижениях.

Я принял приглашение. Коттедж, «Маленькая калитка», принадлежал раньше полковнику, служившему в Индии, и я поневоле почувствовал облегчение, увидев, что медные столики и бирманские идола исчезли.

Теперь домик был обставлен просто, но с самым изысканным вкусом. В нем воцарился дух гармонии и покоя.

Но я никак не мог взять в толк, что привело такую женщину, как миссис Лестрэндж, в Сент Мэри Мид. Этот вопрос с каждым днем мучил меня все больше. Она была светской женщиной до мозга костей и тем не менее решила похоронить себя в нашей деревенской глуши.

При ясном свете, озарявшем гостиную, я смог впервые рассмотреть ее как следует.

Она была очень высокого роста. Волосы золотистые, с рыжеватым оттенком. Брови и ресницы были у нее темные — то ли от природы, то ли подкрашены — я не мог судить. Если она и подкрашивала их слегка, как мне показалось, то делала это артистически. В ее лице, когда оно было спокойно, было что-то от Сфинкса, а глаза у нее были совершенно необыкновенные, я ни у кого таких не видел — они казались почти золотыми.

Она была одета безукоризненно и держалась с непринужденностью, обнаруживавшей отличное воспитание, но все же в ней сквозило что-то, не совпадавшее с этим образом, и это меня смущало. Сразу чувствовалось, что она окружена тайной. Мне вспомнилось слово, которое сказала Гризельда: *роковая*. Глупость, конечно, — и все же — так ли уж это глупо? Мне пришла в голову непрощеная мысль: «Эта женщина ни перед чем не остановится».

Мы беседовали о самых обычных вещах — о картинах, книгах, старых соборах. Но я никак не мог отделаться от ощущения, что миссис Лестрэндж хотела сказать мне что-то еще — что-то совсем иное.

Несколько раз я ловил ее взгляд, устремленный на меня со странной нерешительностью, как будто она никак не могла собраться с духом и решиться на что-то. Она старалась вести беседу только на отвлеченные темы. Ни разу не упомянула мужа, друзей или родных. Но из ее глаз ни на минуту не исчезало странное выражение, словно мольба о помощи. Казалось, ее глаза вопрошают: «Можно ли вам все сказать? Я так этого хочу. Неужели вы не поможете мне?»

Но это выражение постепенно угасло — быть может, я просто вообразил себе все это. Я почувствовал, что мной начинают тяготиться. Встал и распрощался. Выходя из комнаты, я оглянулся и поймал ее пристальный, недоуменный, мучительный взгляд. Повинуясь внезапному наитию, я вернулся:

— Если я могу вам чем-то помочь...

Она нерешительно проговорила:

— Вы очень добры...

Мы оба смолкли. Потом она сказала:

— Я сама не знаю. Это очень сложно. Нет, я думаю, что мне уже никто не поможет. Но благодарю вас за доброе намерение.

Видимо, она приняла окончательное решение, и мне оставалось только одно — уйти. Но, уходя, я не мог отделаться от сомнений. Мы здесь, в Сент Мэри Мид, не привыкли к роковым тайнам.

В подтверждение тому я подвергся нападению, едва успел затворить калитку. Мисс Хартнелл умеет мастерски налетать на вас и отрезать все пути к отступлению.

— Я вас видела! — возопила она с тяжеловесной игривостью. — И я просто вне себя от любопытства. Теперь-то вы нам все откроете!

— О чем это?

— О загадочной особе! Она вдова, или у нее есть муж?

— Простите, ничего не могу сказать. Она мне не говорила.

— Что за странность! Она непременно должна была об этом упомянуть, хотя бы ненароком. Можно подумать, будто что-то заставляет ее молчать, вам не кажется?

— Честно говоря, нет.

— Ах! Но милая мисс Марпл верно сказала, что вы человек не от мира сего, дорогой викарий. Скажите, а с доктором Хэйдоком она давно знакома?

— Она об этом не говорила, и я не могу сказать.

— Вот как? А о чем же вы вообще разговаривали, если не секрет?

— О картинах, музыке, книгах, — честно перечислил я.

Мисс Хартнелл, для которой темы разговора ограничиваются перемиыванием чужих косточек, взглянула на меня подозрительно и недоверчиво. Пока она собиралась с мыслями, я воспользовался временным преимуществом, пожелал ей доброй ночи и быстро зашагал прочь.

Я навестил прихожан в деревне и вернулся домой через садовую калитку, пробравшись мимо опасной засады, которая могла поджидать меня в саду мисс Марпл, хотя и не представлял себе, как до нее могли бы дойти новости о моем посещении миссис Лестрэндж — это было выше человеческих возможностей.

Запирая калитку, я подумал, что надо бы заглянуть в сарайчик, который использовал молодой Лоуренс Реддинг за неимением мастерской, и поглядеть своими глазами на портрет Гризельды.

Я не мог себе представить, что в мастерской кто-то есть. Оттуда не

доносилось ни звука, а мои шаги по траве были бесшумны.

Я открыл дверь и застыл на пороге, совершенно огорошенный. В мастерской оказались двое: мужчина, обняв женщину, страстно ее целовал.

Эти двое были художник Лоуренс Реддинг и миссис Протеро.

Я поспешно отступил и скрылся в своем кабинете. Там я уселся в кресло, вытащил свою трубку и принялся обдумывать события. Это открытие поразило меня как гром с ясного неба. Особенно после разговора с Летицией в середине дня: я был в полной уверенности, что между ней и молодым человеком зародились какие-то отношения.

Более того, я был убежден, что она сама так думает. И я готов был дать голову на отсечение, что она не догадывается о чувствах художника к ее мачехе.

Пренеприятнейший переплет! Я поневоле отдал должное мисс Марпл. Она-то не дала себя провести и достаточно точно представляла истинное положение вещей. Я абсолютно неверно истолковал красноречивый взгляд, который она бросила на Гризельду.

Мне самому и в голову бы не пришло подозревать миссис Протеро. Было в ней что-то от жены Цезаря, которая выше подозрений, — такая спокойная, замкнутая женщина, в ней никогда не заподозришь склонности к сильным чувствам.

Когда мои размышления дошли до этого места, они были прерваны стуком в дверь кабинета. Я встал и подошел к двери. За ней стояла миссис Протеро. Я отворил дверь, и она вошла, не дожидаясь приглашения. Миссис Протеро прошла через комнату, тяжело дыша, и без сил опустилась на диван.

Мне показалось, что я раньше никогда ее не видел. Спокойная, замкнутая женщина исчезла. На ее месте было загнанное, задыхающееся существо. В первый раз я понял, что Анна Протеро красавица.

Она была шатенка, с бледным лицом и очень глубоко посаженными серыми глазами. Сейчас она раскраснелась, грудь ее вздымалась. Казалось, статуя внезапно стала живой женщиной. Я даже заморгал от этого превращения, как от яркого света.

— Я решила, что лучше всего зайти к вам, — сказала она. — Вы — вы сейчас видели?

Я утвердительно кивнул. Она сказала тихо и спокойно:

— Мы любим друг друга...

Даже сейчас, в минуту растерянности и отчаяния, она не смогла сдержать легкую улыбку, тронувшую ее губы. Улыбку женщины, которая видит нечто чудесное, преисполненное красоты.

Я молча ждал, и она поспешила спросить:

— Должно быть, вам это кажется страшным грехом?

— Как вы думаете, миссис Протеро, разве я могу сказать иначе?

— Нет-нет, я другого и не ждала.

Я продолжал, стараясь говорить как можно мягче:

— Вы замужняя женщина...

Она прервала меня.

— О! Я знаю, знаю. Неужели вы думаете, что я не говорила себе это сотни раз! Я же совсем не безнравственная женщина — нет. И у нас все не так — не так, как вы могли бы подумать.

Я серьезно сказал:

— Рад это слышать.

Она спросила с некоторой опаской:

— Вы собираетесь сказать моему мужу?

Я довольно сухо ответил:

— Почему-то принято считать, что служитель церкви не способен вести себя, как джентльмен. Это не соответствует истине.

Она поблагодарила меня взглядом.

— Я так несчастна. О, я бесконечно несчастна! Я так больше жить не могу. Просто не могу! И я не знаю, что мне делать. — Голос ее зазвенел, словно она боролась с истерикой. — Вы себе не представляете, как я живу. С Люциусом я была несчастна, с самого начала. Ни одна женщина не может быть счастливой с таким человеком. Я хочу, чтобы он умер... Это ужасно, но я желаю ему смерти... Я в полном отчаянии... Говорю вам, я готова на все...

Она вздрогнула и посмотрела в сторону двери.

— Что это? Мне показалось, или там кто-то есть? Наверно, это Лоуренс.

Я прошел к двери, которую, как оказалось, позабыл затворить. Вышел, выглянул в сад, но там никого не было. Но я был почти уверен, что тоже слышал чьи-то шаги. Хотя, может быть, она мне это внушила.

Когда я вошел в кабинет, она сидела наклонившись вперед и уронив голову на руки. Это было воплощение отчаяния и безнадежности. Она еще раз повторила:

— Я не знаю, что мне делать. Что делать?

Я подошел и сел рядом. Я говорил то, что мне подсказывал долг, и пытался произносить эти слова убедительно, но все время чувствовал, что моя совесть нечиста: я же сам этим утром высказал вслух мысль, что мир станет лучше без полковника Протеро.

Но я больше всего настаивал на том, чтобы она не принимала поспешных решений. Оставить дом, оставить мужа — это слишком серьезный шаг.

Боюсь, что я не сумел ее убедить. Я прожил достаточно долго, чтобы понимать, что уговаривать влюбленных практически бессмысленно, но думаю, что мои слова хоть немного ее утешили и приободрили.

Собравшись уходить, она поблагодарила меня и пообещала подумать над моими словами.

И все же после ее ухода я чувствовал большое беспокойство. Я понял, что до сих пор совершенно не знал характера Анны Протеро. Теперь я видел воочию женщину, доведенную до крайности; такие, как правило, не знают удержу, когда ими владеет сильное чувство. А она была отчаянно, безумно влюблена в Лоуренса Реддинга, который на несколько лет моложе ее. Мне это не нравилось.

Глава IV

Я совершенно позабыл, что мы пригласили к обеду Лоуренса Реддинга. Когда вечером Гризельда прибежала и отчитала меня за то, что до обеда всего две минуты, а я не готов, я, по правде сказать, сильно растерялся.

— Я думаю, все пройдет хорошо, — сказала Гризельда мне вслед, когда я поднимался вверх. — Я подумала над тем, что ты сказал за завтраком, и постаралась сочинить что-нибудь вкусненькое.

Кстати, позволю себе заметить, что наша вечерняя трапеза подтвердила самым наглядным образом мнение Гризельды, что, когда она старается заниматься хозяйством, все идет гораздо хуже. Меню было составлено роскошное, и Мэри, казалось, получала какое-то нездоровое удовольствие, со злостной изобретательностью чередуя полусырые блюда с безбожно пережаренными. Правда, Гризельда заказала устрицы, которые, как могло показаться, находятся вне досягаемости любой неумехи — ведь их подают сырыми, — но их нам тоже не довелось отведать, потому что в доме не оказалось никакого прибора, чтобы их открыть, — и мы заметили это упущение только в ту минуту, когда настала пора попробовать устриц.

Я был почти уверен, что Лоуренс Реддинг не явится к обеду. Нет ничего легче, чем прислать отказ с подобающими извинениями.

Однако он явился без опоздания, и мы вчетвером сели за стол.

Спору нет — Лоуренс Реддинг чрезвычайно привлекателен. Ему, насколько я могу судить, около тридцати. Волосы у него темные, а глаза ярко-синие, сверкающие так, что иногда просто оторопь берет. Он из тех молодых людей, у которых всякое дело спорится. В спортивных играх он всегда среди первых, отменный стрелок, прекрасный актер-любитель и первоклассный рассказчик. Он сразу становится душой любого общества. Мне кажется, в его жилах есть ирландская кровь. И он совершенно не похож на типичного художника. Но, как я понимаю, художник он тоже изысканный, модернист. Сам я в живописи смыслю мало.

Вполне естественно, что в этот вечер он казался несколько *distract*^[3]. Но в общем вел себя вполне непринужденно. Не думаю, чтобы Гризельда или Деннис заметили что-нибудь. Я и сам бы, пожалуй, ничего не заметил, если бы не знал о случившемся.

Гризельда и Деннис веселились вовсю — шутки по поводу доктора Стоуна и мисс Крэм так и сыпались — что поделаешь, это же Местная

Сплетня! И вдруг я подумал, что Деннис по возрасту гораздо ближе к Гризельде, чем я, и у меня больно сжалось сердце. Меня он зовет дядя Лен, а ее просто Гризельда. Я почему-то почувствовал себя очень одиноким.

Наверно, меня расстроила миссис Протеро, подумал я. Предаваться столь безотрадным размышлениям вовсе не в моем характере.

Гризельда и Деннис порой заходили довольно далеко в своих островах, но у меня не хватило духу сделать им замечание. И без того, к сожалению, даже молчаливое присутствие священника обычно оказывает на окружающих угнетающее впечатление.

Лоуренс болтал и веселился с ними как ни в чем не бывало. И все же я заметил, что он то и дело поглядывает в мою сторону, поэтому совсем не удивился, когда после обеда он незаметно устроил так, что мы оказались одни в моем кабинете.

Как только мы остались с глазу на глаз, он совершенно переменялся.

— Вы застали нас врасплох, сэр, и все поняли. Что вы намерены предпринять?

С Реддингом я мог говорить более откровенно, чем с миссис Протеро. Я высказал ему все напрямик. Он выслушал меня внимательно.

— Само собой, — сказал он, — вы не могли сказать ничего другого. Вы же священник, не в обиду будь сказано. По правде говоря, я с вами даже готов согласиться. Но у нас с Анной совсем не обычные отношения.

Я ответил, что подобными фразами люди оправдывались еще на заре человечества, и на его губах появилась странная полуулыбка.

— Хотите сказать, что каждый считает свой случай единственным в своем роде? Может быть, так оно и есть. Но вы должны мне поверить только в одном.

Он начал доказывать мне, что между ними «нет ничего недозволенного». По его словам, Анна — одна из самых преданных и верных женщин на всем белом свете. И что с ними будет, он просто не знает.

— Если бы все это было написано в романе, — сумрачно сказал он, — старик умер бы, а для остальных это было бы счастливым избавлением. Туда ему и дорога.

Я ответил строгим упреком.

— Да нет, я вовсе не собираюсь воткнуть ему нож в спину, хотя любому, кто это сделает, я принес бы глубокую благодарность. Ни одна живая душа не скажет о нем доброго слова. Право, не понимаю, как это первая миссис Протеро его не прикончила. Я ее один раз видел, много лет назад, и мне показалось, что она вполне на это способна. Из тех

сдержанных женщин, которые способны на все. Протеро повсюду бахвалится, затевает скандалы, скуп как черт, а характер у него отвратительный, хуже некуда. Вы представить себе не можете, что Анне пришлось от него вытерпеть. Не будь я нищ как церковная крыса, я бы увез ее, не задумываясь.

Я обратился к нему со всей серьезностью. Я упрашивал его покинуть Сент Мэри Мид. Оставаясь здесь, он причинил бы Анне Протеро еще больше горя, чем и без того выпало ей на долю. Люди станут болтать, дело дойдет до полковника Протеро — и для нее настанут поистине черные дни.

Лоуренс возразил мне:

— Никто ничего не знает, кроме вас, падре.

— Дорогой юноша, вы недооцениваете рвение наших доморощенных детективов. В Сент Мэри Мид всем известны самые интимные отношения между людьми. Во всей Англии ни один сыщик не сравнится с незамужней дамой неопределенного возраста, у которой бездна свободного времени.

Он спокойно сказал, что с этим все в порядке. Все думают, что он равнодушен к Летиции.

— А вам не приходило в голову, — спросил я, — что и сама Летиция может так думать?

Он искренне удивился. Летиция, по его словам, на него даже внимания не обращает. Он был в этом твердо уверен.

— Странная девушка, — сказал он. — Кажется, что она все время во сне или в трансе, но я-то думаю, что за всем этим кроется вполне практичная особа. По-моему, напускная мечтательность и рассеянность — только маска. Летиция отлично знает, что делает. И есть в ней какая-то непонятная мстительность, что ли. Ненависть к Анне, как ни странно. Она ее просто видеть не может. А ведь Анна всю жизнь вела себя с ней, как истинный ангел.

Последние его слова я, разумеется, не принял всерьез. Влюбленному молодому человеку его возлюбленная всегда кажется чистым ангелом. Тем не менее, насколько я мог видеть своими глазами, Анна всегда была добра и справедлива к падчерице. Меня поразило, с какой неприязнью и горечью говорила о ней Летиция сегодня.

На этом нам пришлось прервать разговор — Гризельда и Деннис влетели в кабинет и заявили, что очень нехорошо с моей стороны делать из Лоуренса скучного старика.

— Ох, ну и тоска! — сказала Гризельда, бросаясь в кресло. — Хоть бы случилось что-нибудь интересное! Убийство или грабеж, на худой конец!

— По-моему, тут и грабить-то некого, — сказал Лоуренс,

подлаживаясь под ее настроение. — Разве что пойти, стащить у мисс Хартнелл вставные челюсти?

— Как они жутко щелкают! — сказала Гризельда. — А вот насчет того, что некого грабить, вы ошибаетесь. В Старой Усадьбе есть потрясающее старинное серебро. Прибор для специй и Чаша Карла II — и еще много редкостей. Все это стоит не одну тысячу фунтов, я уверена.

— А старик возьмет да подстрелит тебя из своего армейского пистолета! — вставил Деннис. — И сделает это с превеликим удовольствием. Он бы тут всех перестрелял, за милую душу!

— Вот еще! Мы бы ворвались и приставили ему дуло к виску! — отвечала Гризельда. — У кого нам найти пистолет?

— У меня есть пистолет, системы маузер, — сказал Лоуренс.

— Правда? Как здорово! А как он к вам попал?

— Сувенир военных лет, — коротко ответил Лоуренс.

— Старик Протеро сегодня хвастался своим серебром перед доктором Стоуном, — сообщил Деннис. — Старина Стоун делал вид, что в полном восторге от этих финтифлюшек.

— А я думала, они повздорили из-за раскопа, — сказала Гризельда.

— Да нет, они договорились в конце концов, — сказал Деннис. — Никак не пойму, чего ради люди роются в этих раскопах.

— А мне непонятно, что за птица этот Стоун, — сказал Лоуренс. — Сдается мне, что он чересчур рассеянный. Иногда я готов поклясться, что для него собственная специальность — темный лес и он в археологии ни черта не смыслит.

— Виной всему любовь, — подхватил Деннис. — О Глэдис прекрасная Крэм, приятна ужасно ты всем! В зубах белоснежных твоих предел наслаждений земных. И там, в «Кабане Голубом», где спишь ты невиннейшим сном...

— Достаточно, Деннис, — сказал я.

— Однако мне пора, — сказал Лоуренс Реддинг. — Большое спасибо за приятнейший вечер, миссис Клемент.

Гризельда с Деннисом пошли его проводить. Деннис вернулся в кабинет один. Видимо, что-то сильно рассердило мальчика — он принялся слоняться по кабинету, хмурясь и время от времени награждая пинками ни в чем не повинную мебель.

Наша мебель находится в столь бедственном состоянии, что ей вряд ли можно нанести дальнейший ущерб, но я все же счел себя обязанным вступить за нее.

— Прости, — буркнул Деннис.

Он с минуту помолчал, а потом вдруг взорвался:

— Черт бы побрал эти подлые, гнусные сплетни!

Я был слегка удивлен.

— В чем дело? — спросил я его.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить.

Я удивился еще больше.

— Такая жуткая низость, — заговорил Деннис. — Ходят люди и повсюду болтают гадости. Даже не болтают. Намекают. Нет, будь я проклят, — извини, пожалуйста, — если я смогу тебе сказать! Слишком жуткая гадость, честное слово.

Я смотрел на него с интересом, но ни о чем не расспрашивал. Стоило, однако, над этим призадуматься — Деннису вообще-то не свойственно принимать что-либо близко к сердцу.

В эту минуту вошла Гризельда.

— Только что звонила мисс Уэзерби, — сказала она. — Миссис Лестрэндж ушла из дому в четверть девятого и до сих пор не вернулась. И никто не знает, куда она пошла.

— А почему они должны это знать?

— У доктора Хэйдока ее нет. Мисс Уэзерби знает точно — она созвонилась с мисс Хартнелл, которая живет в соседнем доме и непременно увидела бы ее.

— Для меня остается тайной, — сказал я, — как у нас тут люди успевают поесть. Должно быть, едят стоя, только бы не пропустить что-нибудь.

— Это еще не все, — доложила Гризельда, сияя от радости. — Они уже произвели разведку в «Голубом Кабане». Доктор Стоун и мисс Крэм занимают смежные спальни, но, — она подняла указательный палец и помахала им, — ДВЕРИ МЕЖДУ НИМИ НЕТ!

— Представляю себе всеобщее разочарование, — заметил я.

Гризельда расхохоталась.

Четверг начался с неприятностей. Две почтенные дамы из моего прихода решили обсудить убранство храма и поссорились. Мне пришлось выступить арбитром в споре пожилых дам, буквально трясущихся от ярости. Не будь все это столь тягостно, я не без интереса наблюдал бы это физическое явление.

Затем пришлось сделать выговор двум мальчуганам из хора за то, что они непрерывно сосали леденцы во время богослужения, но я поймал себя на том, что делаю это без должной убедительности, и мне стало как-то неловко.

Потом пришлось уговаривать нашего органиста, который на что-то разобиделся — он у нас обидчив до крайности.

К тому же в четыре часа беднейшие из прихожан подняли форменный бунт против мисс Хартнелл, которая прибежала ко мне, задыхаясь от возмущения.

Я как раз шел домой, когда мне повстречался полковник Протеро. Он был в отменном настроении — как мировой судья он только что осудил троих браконьеров.

— В наше время нужно только одно — твердость! Для острастки! Этот негодяй, Арчер, вчера вышел из тюрьмы и обещает свести со мной счеты, как я слышал. Наглый бандит. Есть такое присловье: кому грозят смертью, тот долго живет. Я ему покажу счеты — пусть только тронет моих фазанов! Распустились! Мы стали чересчур мягкотелы, вот что! По мне, так надо каждому показать, чего он стоит. И вечно они просят пожалеть жену и малых ребятишек, эти бандиты. Чушь собачья! Чепуха! Каждый должен отвечать за свое дело, и нечего хныкать про жену и детишек! Для меня все равны! Кто бы ты ни был — доктор, законник, священник, браконьер, пьяный бродяга, — попался на темном деле — отвечай по закону! Уверен, что вы со мной согласны.

— Вы забываете, — сказал я, — что мое призвание обязывает меня ставить превыше всех одну добродетель — милосердие.

— Я человек справедливый. Это все знают.

Я не отвечал, и он сердито спросил:

— Почему вы молчите? Выкладывайте, что у вас на уме!

Я немного помедлил, потом решил высказаться.

— Я подумал о том, — сказал я, — что, когда настанет мой час, мне будет очень грустно, если единственным доводом в мое оправдание будет то, что я был справедлив. Ведь тогда и ко мне отнесутся только справедливо...

— Ба! Чего нам не хватает — это боевого духа в христианстве. Я свой долг всегда выполнял неукоснительно. Ладно, хватит об этом. Я зайду сегодня вечером, как договорено. Давайте отложим с шести на четверть седьмого, если не возражаете. Мне надо повидать кое-кого тут, в деревне.

— Мне вполне удобно и в четверть седьмого.

Полковник зашагал прочь, размахивая палкой. Я обернулся и столкнулся нос к носу с Хоузом. Я собирался как можно мягче указать ему на некоторые упущения в порученных ему делах, но, увидев его бледное, напряженное лицо, решил, что он заболел.

Я так ему и сказал, но он стал уверять меня, хотя и без особой

горячности, что совершенно здоров. Потом все же признался, что чувствует себя неважно, и с готовностью последовал моему совету пойти домой и лечь в постель.

Я наспех проглотил ленч и пошел навестить некоторых прихожан. Гризельда уехала в Лондон — по четвергам билет на поезд стоит дешевле.

Вернулся я примерно без четверти четыре, собираясь набросать план воскресной проповеди, но Мэри сказала, что мистер Реддинг ожидает меня в кабинете.

Когда я вошел, он расхаживал взад-вперед, лицо у него было озабоченное. Он был бледен и как-то осунулся.

Услышав мои шаги, он резко обернулся.

— Послушайте, сэр. Я думал о том, что вы мне сказали вчера. Всю ночь не спал. Вы правы. Я должен бежать отсюда.

— Дорогой мой мальчик! — сказал я.

— И то, что вы про Анну сказали, — чистая правда. Если я здесь останусь, ей несдобровать. Она — она слишком хорошая, ей это не подходит. Я вижу, что должен уйти. Я и так уже причинил ей много зла, да простит меня Бог.

— По-моему, вы приняли единственное возможное решение, — сказал я. — Понимаю, как вам было тяжело, но в конце концов все к лучшему.

Я видел, что ему кажется, будто такие слова легко говорить только тому, кто понятия не имеет, о чем идет речь.

— Вы позаботитесь об Анне? Ей необходим друг.

— Можете быть спокойны — я сделаю все, что в моих силах.

— Благодарю вас, сэр! — Лоуренс крепко пожал мне руку. — Вы славный, падре. Сегодня вечером я в последний раз с ней повидаюсь, чтобы попрощаться, а завтра, может, соберусь и исчезну. Не стоит продлевать агонию. Спасибо, что позволили мне работать в вашем сарайчике. Жаль, что я не успел закончить портрет миссис Клемент.

— Об этом можете не беспокоиться, мой дорогой мальчик. Прощайте, и да благословит вас Бог!

Когда он ушел, я попытался сосредоточиться на проповеди, но у меня ничего не получалось. Мои мысли все время возвращались к Лоуренсу и Анне Протеро.

Я выпил чашку довольно невкусного, холодного черного чая, а в половине шестого зазвонил телефон. Мне сообщили, что мистер Аббот с Нижней Фермы умирает, и меня просят немедленно прийти.

Я тут же позвонил в Старую Усадьбу — до Нижней Фермы добрых две мили, так что я никак не смогу быть дома к четверти седьмого.

Искусству ездить на велосипеде я так и не научился...

Но мне ответили, что полковник Протеро только сейчас уехал на автомобиле, и я отправился в путь, наказав Мэри передать ему, что меня срочно вызвали, но я попытаюсь вернуться в половине седьмого или немного позже.

Глава V

Когда я подошел к калитке нашего сада, время близилось к семи. Но не успел я ее открыть, как она распахнулась, и передо мной предстал Лоуренс Реддинг. Увидев меня, он окаменел, и я был поражен, взглянув на него. Он был похож на человека на грани безумия. Глаза его вперились в меня со странным выражением; бледный как смерть, он весь передергивался.

Я было подумал, что он выпил лишнего, но тут же отказался от этой мысли.

— Добрый вечер! — сказал я. — Вы снова хотели меня видеть? К сожалению, я отлучался. Поедемте со мной. Мне надо обсудить кое-какие дела с Протеро, но это ненадолго.

— Протеро, — повторил он. Потом вдруг засмеялся. — Вы договорились с Протеро? Вы его увидите, даю слово. О, Господи, — вы его увидите.

Я смотрел на него, ничего не понимая. Инстинктивно я протянул к нему руку. Он резко отшатнулся.

— Нет! — он почти сорвался на крик. — Мне надо идти — подумать. Я должен все обдумать!

Он бросился бежать к деревне и вскоре скрылся из виду, а я глядел ему вслед, вновь задавая себе вопрос, не пьян ли он.

Наконец я опомнился и пошел домой. Парадная дверь у нас никогда не запирается, но я все же позвонил. Мэри открыла дверь, вытирая руки передником.

— Наконец-то пришли, — приветствовала она меня.

— Полковник Протеро здесь? — спросил я.

— В кабинете дожидается. Сидит с четверти седьмого.

— А мистер Реддинг тоже заходил?

— Несколько минут, как зашел. Вас спрашивал. Я сказала, что вы с минуты на минуту вернетесь, а полковник ждет в кабинете, тогда он говорит: я тоже подожду, и пошел туда. Он и сейчас там.

— Да нет, — заметил я. — Я только что встретил его, он пошел в деревню.

— Не слыхала, как он вышел. И двух минут не пробыл. А хозяйка еще из города не вернулась.

Я рассеянно кивнул. Мэри вернулась в свои владения, на кухню, а я прошел по коридору и отворил дверь кабинета.

После темного коридора свет вечернего солнца заставил меня зажмурить глаза. Я сделал несколько шагов вперед и прирос к месту.

Несколько мгновений я не мог осмыслить то, что видели мои собственные глаза.

Полковник Протеро лежал грудью на письменном столе, в пугающей, неестественной позе. Около его головы по столу расплзлось пятно какой-то темной жидкости, которая тихо капала на пол с жутким мерным звуком.

Я собрался с духом и подошел к нему. Дотронулся — кожа холодная. Поднял его руку — она безжизненно упала. Полковник был мертв — убит выстрелом в голову.

Я кликнул Мэри. Приказал ей бежать со всех ног за доктором Хэйдоком, он живет на углу, рукой подать. Я сказал ей, что произошло несчастье.

Потом вернулся в кабинет, закрыл дверь и стал ждать доктора.

К счастью, Мэри застала его дома. Хэйдок — славный человек, высокий, статный, с честным, немного суровым лицом.

Когда я молча показал ему на то, что было в глубине кабинета, он удивленно поднял брови. Но, как истинный врач, сумел скрыть свои чувства. Он склонился над мертвым и быстро его осмотрел. Потом, выпрямившись, взглянул на меня.

— Ну, что? — спросил я.

— Мертв, можете не сомневаться. И не меньше, чем полчаса, судя по всему.

— Самоубийство?

— Исключено. Взгляните сами на рану. Даже если он и застрелился, то где оружие?

Действительно, ничего похожего на пистолет в комнате не было.

— Не стоит тут ничего трогать, — сказал Хэйдок. — Надо поскорей позвонить в полицию.

Он поднял трубку. Сообщив как можно лаконичнее все обстоятельства, подошел к креслу, на котором я сидел.

— Да, дело дрянь. Как вы его нашли?

Я рассказал.

— Это... Это убийство? — спросил я упавшим голосом.

— Похоже на то. Ничего другого и не придумаешь. Странно, однако. Ума не приложу, кто это поднял руку на несчастного старика. Знаю, знаю, что его у нас тут недолюбливали, но ведь за это, как правило, не убивают. Не повезло бедняге.

— Есть еще одно странное обстоятельство, — сказал я. — Мне

сегодня позвонили, вызвали к умирающему. А когда я туда явился, все ужасно удивились. Больному стало гораздо лучше, чем в предыдущие дни, а жена его категорически утверждала, что и не думала мне звонить.

Хэйдок нахмурил брови.

— Это подозрительно, весьма подозрительно. Вас просто убрали с дороги. А где ваша жена?

— Уехала в Лондон, на целый день.

— А прислуга?

— Она была в кухне, на другой стороне дома.

— Тогда она вряд ли слышала, что происходило. Да, отвратительная история. А кто знал, что Протеро будет здесь вечером?

— Он сам об этом объявил во всеуслышание.

— Хотите сказать, что об этом знала вся деревня? Да они бы и так до всего дознались. Вы знаете кого-нибудь, кто мог затаить на него зло?

Передо мной встало смертельно бледное лицо Лоуренса Реддинга с застывшим взглядом полубезумных глаз. Но от необходимости отвечать я был избавлен — в коридоре послышались шаги.

— Полиция, — сказал мой друг, поднимаясь.

Наша полиция явилась в лице констебля Хэрста, сохранявшего внушительный, хотя и несколько встревоженный вид.

— Добрый вечер, джентльмены, — приветствовал он нас. — Инспектор будет здесь незамедлительно. Тем временем я выполню его указания. Насколько я понял, полковника Протеро нашли убитым в доме священника.

Он замолчал и устремил на меня холодный и подозрительный взгляд, который я постарался встретить с подобающим случаю видом удрученной невинности.

Хэрст прошагал к письменному столу и объявил:

— Ни к чему не прикасаться до прихода инспектора!

Констебль извлек записную книжку, поспешил карандаш и вопросительно воззрелся на нас.

Я повторил рассказ о том, как нашел покойного. Записав мои показания, что заняло немало времени, он обратился к доктору.

— Доктор Хэйдок, что послужило причиной смерти, по вашему мнению?

— Выстрел в голову с близкого расстояния.

— А из какого оружия?

— Точно сказать не могу пока не извлекут пулю. Но похоже, что это будет пуля из пистолета малого калибра, скажем, маузера-25.

Я вздрогнул, вспомнив, что накануне вечером Лоуренс признался, что у него есть такой револьвер. Полицейский тут же уставился на меня холодными рыбьими глазами.

— Вы что-то сказали, сэр?

Я отрицательно покачал головой. Какие бы подозрения я ни питал, это были всего лишь подозрения, и я имел право их не высказывать.

— А когда, по вашему мнению, произошло это несчастье?

Доктор помедлил с минуту. Потом сказал:

— Он мертв примерно с полчаса. Могу с уверенностью сказать, что не дольше.

Хэрст повернулся ко мне:

— А служанка что-нибудь слышала?

— Насколько я знаю, она ничего не слышала, — сказал я. — Лучше вам самому у нее спросить.

Но тут явился инспектор Слак — приехал на машине из городка Мач Бенэм, что в двух милях от нас.

Единственное, что я могу сказать про инспектора Слака — то, что никогда человек не прилагал столько усилий, чтобы стать полной противоположностью собственному имени^[4]. Это был черноволосый смуглый человек, непоседливый и порывистый, с черными глазками, шнырявшими туда-сюда. Вел он себя крайне грубо и заносчиво.

На наши приветствия он ответил коротким кивком, выхватил у своего подчиненного записную книжку, полистал, бросил ему несколько коротких фраз вполголоса и подскочил к мертвому телу.

— Конечно, все тут залапали и переворошили, — буркнул он.

— Я ни к чему не прикасался, — сказал Хэйдок.

— И я тоже, — сказал я.

Инспектор несколько минут был поглощен делом: рассматривал лежавшие на столе вещи и лужу крови.

— Ага! — торжествуя воскликнул он. — Вот то, что нам нужно. Когда он упал, часы опрокинулись. Мы знаем время совершения преступления. Двадцать две минуты седьмого. Как вы там сказали, доктор, когда наступила смерть?

— Я сказал — с полчаса назад, но...

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Пять минут восьмого. Мне доложили минут десять назад, без пяти семь. Труп нашли примерно без четверти семь. Как я понял, вас вызвали немедленно. Скажем, вы освидетельствовали его без десяти... Да, время сходится, почти секунда в секунду!

— Я не могу утверждать категорически, — сказал Хэйдок. — Время определяется примерно в этих границах.

— Неплохо, сэр, совсем недурно.

Я уже некоторое время пытался вставить слово.

— Кстати, часы у нас...

— Прошу прощения, сэр, здесь я задаю вопросы, если мне что понадобится узнать. Времени в обрез. Я требую абсолютной тишины.

— Да, но я только хотел сказать...

— Абсолютной тишины! — повторил инспектор, буравя меня бешеным взглядом. Я решил исполнить его требование.

Он все еще шарил взглядом по столу.

— Зачем это он сюда уселся? — проворчал он. — Хотел записку оставить — эге! А это что такое?

Он с видом победителя поднял вверх листок бумаги. Слак был так доволен собой, что даже позволил нам приблизиться и взглянуть на листок из своих рук.

Это был лист моей писчей бумаги, и сверху стояло время: 6.20.

«Дорогой Клемент, — стояло в записке. — Простите, ждать больше не могу, но я обязан...»

Слово обрывалось росчерком, там, где перо сорвалось.

— Яснее ясного, — раздувшись от гордости, возвестил инспектор Слак. — Он усаживается, начинает писать, а убийца потихоньку проникает в окно, подкрадывается и стреляет. Ну, чего вы еще хотите?

— Я просто хотел сказать... — начал я.

— Будьте любезны, посторонитесь, сэр. Я хочу посмотреть, нет ли следов.

Он опустил на четвереньки и двинулся к открытому окну.

— Я считаю своим долгом заявить... — настойчиво продолжал я. Инспектор поднялся в полный рост. Он заговорил спокойно, но жестко.

— Этим мы займемся потом. Буду очень обязан, джентльмены, если вы освободите помещение. Прошу на выход, будьте так добры!

Мы позволили выставить себя из комнаты, как малых детей.

Казалось, прошли часы — а было всего четверть восьмого.

— Вот так, — сказал Хэйдок. — Ничего не напишешь. Когда я понадобится этому самовлюбленному ослу, можете прислать его ко мне в приемную. Всего хорошего.

— Хозяйка приехала, — объявила Мэри, на минуту возникнув из кухни. Глаза у нее были совершенно круглые и шальные. — Минут пять, как пришла.

Я нашел Гризельду в гостиной. Вид у нее был утомленный, но взволнованный.

Она внимательно выслушала все, что я ей рассказал.

— На записке сверху помечено «6.20», — сказал я в заключение. — А часы свалились и остановились в 6.22.

— Да, — сказала Гризельда. — А ты ему разве не сказал, что эти часы всегда поставлены на четверть часа вперед?

— Нет, — ответил я. — Не удалось. Он мне рта не дал раскрыть. Я старался, честное слово.

Гризельда хмурилась, явно чем-то озадаченная.

— Послушай, Лен, — сказала она, — тогда это все вообще уму непостижимо! Ведь когда эти часы показывали двадцать минут седьмого, на самом-то деле было всего шесть часов пять минут, а в это время полковник Протеро еще и в дом не входил, понимаешь?

Глава VI

Мы некоторое время ломали голову над этой загадкой, но так ни к чему и не пришли. Гризельда сказала, что я должен сделать еще одну попытку сообщить об этом инспектору Слаку, но я проявил несговорчивость, которая заслуживает скорее названия «ослиное упрямство».

Инспектор Слак вел себя чудовищно грубо без всякого повода. Я предвкушал ту минуту, когда к его вящему посрамлению выступлю со своим важным сообщением. Пожалуй, я замечу с мягкой укоризной:

— Если бы вы тогда сообразовали меня выслушать, инспектор Слак...

Я все же надеялся, что он хотя бы поговорит со мной, прежде чем покинуть мой дом, но, к нашему удивлению, мы узнали от Мэри, что он уже ушел, закрыв на ключ двери кабинета и приказав, чтобы никто не смел туда входить.

Гризельда предложила пойти в Старую Усадьбу.

— Какой это будет ужас для Анны Протеро — полиция, и все такое, — сказала она. — Может быть, я смогу ей хоть чем-то помочь.

Я одобрил ее намерения, и Гризельда отправилась в путь, с наказом, чтобы она мне непременно позвонила, если окажется, что я смогу быть чем-то полезен или если кто-нибудь будет нуждаться в утешении, Анна или Летиция.

Я тут же принялся звонить учителям воскресной школы, которые должны были прийти в 7.45, — каждую неделю по средам они собирались у меня для подготовки к занятиям. При сложившихся обстоятельствах я счел за лучшее отложить встречу.

Следующим действующим лицом, появившимся на сцене, был Деннис, возвратившийся после игры в теннис. Судя по всему, убийство, происшедшее в нашем доме, доставило ему громадное удовольствие.

— Вот это повезло! — радовался он. — Убийца среди нас! Всю жизнь мечтал участвовать в расследовании убийства. А почему полиция заперла кабинет? Ключи от других дверей не подойдут, а?

Я наотрез отказался допустить подобные попытки. Деннис надулся. Вытянув из меня все до малейших подробностей, он отправился в сад на поиски следов, заметив на прощанье, что нам еще повезло — ухлопали всего-навсего старика Протеро, которого и так никто терпеть не мог.

Меня покорила его бессердечная веселость, но я рассудил, что не стоит так строго спрашивать с мальчика. Деннис был в том возрасте, когда любят детективы больше всего на свете, так что он, обнаружив настоящую детективную историю, да еще и мертвое тело впридачу прямо, так сказать, на пороге своего дома, должен быть на седьмом небе от счастья, как и положено нормальному молодому человеку. В шестнадцать лет мало задумываются о смерти.

Гризельда вернулась примерно через час. Она повидалась с Анной Протеро и пришла как раз когда инспектор сообщал ей о случившемся.

Узнав, что миссис Протеро рассталась со своим мужем в деревне примерно без четверти шесть, и ей нечего добавить по этому поводу, он распрощался, но сказал, что завтра зайдет поговорить посерьезнее.

— По-своему он был очень внимателен, — Гризельда была вынуждена это признать.

— А как перенесла эту весть миссис Протеро?

— Как сказать, — она была очень спокойна, — но ведь она всегда такая.

— Да, — сказал я. — Я не могу представить себе Анну Протеро в истерике.

— Конечно, для нее это страшный удар. Это было заметно. Она меня поблагодарила за то, что я пришла, но сказала, что ни в какой помощи не нуждается.

— А как Летиция?

— Ее не было — играла где-то в теннис. До сих пор не вернулась.

После небольшой паузы Гризельда сказала:

— Знаешь, Лен, она вела себя странно, очень, очень странно.

— Шок, — предположил я.

— Да, конечно, ты прав... И все же... — Гризельда задумчиво нахмурила брови. — Что-то не то, понимаешь? Она была не подавлена, не огорчена, а перепугана до смерти.

— Перепугана?

— Да, и изо всех сил старалась это скрыть, понимаешь? Не хотела выдавать себя. И в глазах такое странное выражение — настороженность. Я подумала, а вдруг она знает, кто его убил? Она то и дело спрашивала, кого они подозревают.

— Вот как? — задумчиво сказал я.

— Да. Конечно, Анна умеет держать себя в руках, но видно было, что она ужасно встревожена. Гораздо больше, чем я от нее ожидала: в конце концов, она не была к нему так уж привязана. Я бы сказала, скорее, что она

его вовсе не любила, если уж на то пошло.

— Подчас смерть меняет чувства к человеку, — заметил я.

— Разве что так...

Влетел Деннис, вне себя от радости — он нашел на клумбе чей-то след. Он был в полной уверенности, что полиция пропустила эту главнейшую улику, которая откроет тайну убийцы.

Ночь я провел беспокойно. Деннис вскочил ни свет ни заря и удрал из дому не дожидаясь завтрака, чтобы, как он сказал, «быть в курсе дела».

Тем не менее не он, а Мэри принесла нам в то утро самую сенсационную новость.

Только мы сели завтракать, как она ворвалась в комнату — глаза горят, щеки пылают, и со свойственной ей бесцеремонностью обратилась к нам:

— Слыхали что-нибудь подобное? Мне сейчас булочник сказал. Они арестовали молодого мистера Реддинга!

— Арестовали Лоуренса? — Гризельда не верила своим ушам. — Не может быть! Опять какая-нибудь идиотская ошибка.

— А вот и не ошибка, мэм, — заявила Мэри, упиваясь своим торжеством. — Мистер Реддинг сам туда пошел, да и признался во всем, как на духу. На ночь глядя, в последнюю минуту. Входит, бросает на стол пистолет и говорит: «Это сделал я», так и сказал. И все тут.

Она победоносно взглянула на нас, энергично тряхнула головой и удалилась, довольная произведенным впечатлением. Мы с Гризельдой молча смотрели друг на друга.

— Да нет, этого не может быть! — сказала Гризельда. — Не может быть!

Заметив, что я промолчал, она сказала:

— Лен, неужели ты думаешь, что это *правда*?

Я не находил слов. Сидел и молчал, а мысли вихрем носились у меня в голове.

— Он сошел с ума, — сказала Гризельда. — Буйное помешательство. Как ты думаешь, если они вместе рассматривали пистолет, а он вдруг выстрелил, а?

— Это маловероятно.

— Я уверена, что это несчастный случай. Ведь нет ни малейшего намека на мотив преступления. С какой стати Лоуренс стал бы убивать полковника Протеро?

Я мог бы дать вполне определенный ответ на этот вопрос, но мне хотелось уберечь Анну Протеро, насколько это возможно. Пока оставалась еще возможность не впутывать ее имя в это дело.

— Вспомни, они перед этим поссорились.

— А, из-за Летиции и ее купальника. Да это же чистый пустяк! Даже если они с Летицией были тайно обручены — это, знаешь ли, вовсе не причина убивать ее родного отца!

— Мы не знаем истинных обстоятельств дела, Гризельда.

— Значит, ты этому *веришь*, Лен! Как ты можешь! Говорю тебе, я совершенно уверена, что Лоуренс ни волоска у него на голове не тронул!

— А ты вспомни — я встретил его у самой калитки. У него был совершенно безумный вид.

— Да, знаю, но... Господи! Это невозможно!

— Не забывай про часы, — сказал я. — Тогда все ясно. Лоуренс мог перевести их назад, на 6.20, чтобы обеспечить себе алиби. Ты же знаешь, как инспектор Слак попался на эту удочку.

— Ты ошибаешься, Лен. Лоуренс знал, что часы переставлены. «Чтобы наш падре никуда не опаздывал», — он всегда так говорил. Лоуренс никогда бы не стал переставлять их обратно на 6.22. Он бы поставил стрелки на более вероятное время — без четверти семь, например.

— Он мог и не знать, когда Протеро пришел в дом. Мог и просто забыть, что часы переставлены.

Гризельда не сдавалась.

— Нет уж, коли дело доходит до убийства, всегда ужасно стараешься помнить все мелочи.

— Откуда тебе знать, дорогая моя, — мягко заметил я. — Ты никогда никого не убивала.

Не успела Гризельда ответить, как на скатерть легла чья-то тень, и мы услышали негромкий, очень приятный голос:

— Надеюсь, я не помешала? Простите меня, ради бога. Но при столь печальных обстоятельствах, весьма печальных обстоятельствах...

Это была наша соседка, мисс Марпл. Мы вежливо ответили, что она нисколько не помешала, и она, приняв наше приглашение, переступила через порожек двери; я пододвинул ей стул. Она была настолько взволнована, что даже слегка порозовела.

— Ужасно, не правда ли? Бедный полковник Протеро! Человек он был не такой уж симпатичный, и душой общества его никак не назовешь, но все равно это очень, очень грустно. И убит прямо здесь, у вас в кабинете, как мне сказали?

Я ответил утвердительно.

— Но ведь нашего дорогого викария в тот час не было дома? —

продолжала допрос мисс Марпл, обращаясь к Гризельде. Я объяснил, почему меня не было.

— А мистер Деннис сегодня не завтракает с вами? — спросила мисс Марпл, оглядевшись.

— Деннис вообразил себя великим сыщиком, — сказала Гризельда. — Чуть не сошел с ума от радости, когда обнаружил какой-то след на клумбе. Наверно, понесся в полицию с этой потрясающей вестью.

— Боже, боже! — воскликнула мисс Марпл. — Какой переполох, подумайте. И мистер Деннис уверен, что знает убийцу. Впрочем, каждый из нас считает, что знает виновника преступления.

— Вам кажется, что это настолько очевидно?

— Нет, моя душечка, я вовсе не думаю этого. Я хотела сказать, что каждый из нас думает о разных людях. Оттого-то так важно иметь улики. Взять хоть бы меня — я совершенно уверена, что знаю, кто это сделал. Но, должна признаться, у меня нет ни одной самой ничтожной улики. И я знаю, что в таких случаях нужна исключительная осмотрительность — всякое необдуманное слово может быть сочтено клеветой, а это ведь подсудное дело, не так ли? Я решила вести себя как можно более *осторожно* с инспектором Слаком. Он велел мне передать, что зайдет сегодня утром, но только что звонил и сказал, что надобность в этом отпала.

— Должно быть, после ареста надобность и вправду отпала, — заметил я.

— После ареста? — мисс Марпл наклонилась вперед, и щеки у нее от волнения зарделись. — Про арест я ничего не знала!

Неслыханное дело, чтобы мисс Марпл не знала того, что известно нам. Я к этому не привык и нисколько не сомневался, что она в курсе самых свежих событий.

— Боюсь, что мы говорили о разных вещах, — сказал я. — Да, они взяли под арест молодого Лоуренса Реддинга.

— Лоуренса Реддинга? — казалось, мисс Марпл не может прийти в себя от удивления. — Ни за что бы не подумала!..

Гризельда живо подхватила:

— А я и теперь не думаю! Не верю, и все, хотя он сам признался.

— Признался? — повторила мисс Марпл. — Вы сказали, что он сам признался? Ах, теперь я вижу, что ничего не понимала, вот беда...

— Мне все кажется, что произошел какой-то несчастный случай, — сказала Гризельда. — А тебе, Лен? После того, как он сам пришел в полицию и признался, я это почувствовала.

— Он сам явился в полицию, вот как?

— Да.

— Ох, — сказала мисс Марпл, переводя дыхание. — Как я рада, как я рада!

Я взглянул на нее, не скрывая удивления.

— Мне кажется, это говорит об искреннем раскаянии, — сказал я.

— Раскаяние? — мисс Марпл была поражена. — Только не говорите, дорогой мой викарий, что вы верите в его виновность!

Настала моя очередь окаменеть от удивления.

— А как же, если он сам признался...

— Конечно, это лучшее доказательство его невинности, не так ли? Ясно, что он полковника не убивал.

— Только не мне, — сказал я. — Может быть, я туповат, но мне абсолютно неясно. Если человек не совершал убийства, не вижу никакой причины, которая могла бы заставить его взять вину на себя.

— О, что вы! Разумеется, причина есть, — сказала мисс Марпл. — Естественно. Причина всегда есть, не правда ли? А молодые люди — это такие горячие головы, и частенько готовы поверить в самое дурное.

Она обратилась к Гризельде.

— А вы согласны со мной, душечка?

— Я... Я не знаю, — призналась Гризельда. — Прямо не знаю, что и подумать. Нет никакой причины, чтобы Лоуренс вел себя как полный идиот.

— Если бы ты видела его лицо прошлым вечером... — начал я.

— Расскажите мне, — попросила мисс Марпл.

Я рассказал о своем вчерашнем возвращении домой, и она выслушала меня с глубоким вниманием. Когда я кончил рассказ, она заговорила сама.

— Признаюсь, я частенько по глупости воспринимаю все не так, как следовало бы, но на этот раз я вас совсем не поняла.

Мне кажется, что если уж молодой человек задумал такое черное дело — отнять жизнь у своего ближнего, то после этого он не станет приходить в безумное отчаяние. Это было бы заранее обдуманное, хладнокровное преступление, и, хотя убийца мог бы несколько взволноваться и совершить какой-нибудь мелкий промах, я не думаю, что он пришел бы в такое неистовство, как вы описали. Нелегко вообразить себя на месте другого человека, но я не представляю, что могла бы настолько потерять власть над собой.

— Мы не знаем всех обстоятельств, — возразил я. — Если они поссорились, и Лоуренс выстрелил под влиянием приступа ненависти, то после он мог прийти в ужас от того, что натворил. Признаюсь, мне

хотелось бы так думать.

— Знаю, дорогой мистер Клемент, что мы хотели бы все видеть в определенном свете. Но ведь приходится соглашаться с фактами, каковы бы они ни были, правда? А мне кажется, что факты никак нельзя подогнать под ваше объяснение. Прислуга ясно показала, что мистер Реддинг пробыл в доме минуту-две, а этого, конечно, недостаточно для такой ссоры, как вы себе представили. Кроме того, как я поняла, полковнику выстрелили в голову, когда он писал записку, — по крайней мере, так говорит моя служанка.

— Совершенно верно, — сказала Гризельда. — Очевидно, он писал записку, чтобы сообщить, что он больше не может ждать. Записка была помечена временем «6.20», а часы упали и остановились в 6.22, это ужасно странно, мы с Леном ничего не можем понять!

Она пояснила, что часы у нас всегда поставлены на четверть часа вперед.

— Интересно, — заметила мисс Марпл. — Очень, очень интересно. Но записка, на мой взгляд, куда интереснее. Я бы сказала...

Она замолчала и оглянулась. За окном стояла Летиция Протеро. Она вошла, слегка кивнув и пробормотав себе под нос: «Доброе утро».

Потом она упала в кресло и сказала несколько более оживленно, чем это было у нее в обычае:

— Говорят, они арестовали Лоуренса.

— Да, — сказала Гризельда. — Мы все в полном шоке.

— А я никогда всерьез не верила, что кто-то убьет отца, — сказала Летиция. Она явно гордилась тем, что не проявляет ни горя, ни вообще намека на какие-то человеческие чувства. — Конечно, руки чесались у многих. Иногда я сама была готова его прикончить.

— Хочешь чего-нибудь выпить или поесть, Летиция? — спросила Гризельда.

— Нет, спасибо. Я забрела просто так — поискать свой беретик, такой смешной, маленький, желтенький. Мне казалось, я забыла его вчера в кабинете.

— Значит, там он и лежит, — сказала Гризельда. — Мэри никогда и ничего не убирает.

— Пойду поищу, — сказала Летиция, пытаясь подняться. — Простите, что причиняю лишнее беспокойство, но мне совершенно нечего надеть на голову — все растеряла.

— Боюсь, что сейчас вам туда не попасть, — сказал я. — Инспектор Слак запер кабинет на ключ.

— Вот зануда! А через окно туда пролезть нельзя?

— Нет, к сожалению. Заперто изнутри. Однако, Летиция, мне кажется, при сложившихся обстоятельствах вам желтый берет не так уж и нужен.

— Вы имеете в виду траур и все прочее? И не подумаю надевать траур. По-моему, жутко допотопный обычай. Какая досада, что Лоуренсу так не повезло. Ужасно досадно.

Она встала и не двигалась с места, рассеянно хмурясь.

— Наверно, это из-за меня и купального костюма. Такая глупость, сил нет.

Гризельда открыла было рот, чтобы что-то сказать, но по какой-то необъяснимой причине промолчала.

Странная улыбка тронула губы Летиции.

— Пожалуй, — сказала она как бы себе самой, очень тихо, — пойду домой и скажу Анне, что Лоуренса арестовали.

И она вышла. Гризельда обернулась к мисс Марпл.

— Почему вы наступили мне на ногу?

Старая дама улыбнулась.

— Мне показалось, что вы собираетесь что-то сказать, душечка. Знаете, подчас гораздо лучше наблюдать, как все развивается само собой. Можете мне поверить, это дитя совсем не так уж витает в облаках, как старается показать. У нее в голове есть четкий замысел, и ведет она себя соответственно.

Мэри громко постучала в дверь и тут же влетела в столовую.

— Что такое? — спросила Гризельда. — И, Мэри, запомните, пожалуйста, что стучать не надо. Я вам сто раз говорила.

— Мало ли, может, вы заняты, — отпарировала Мэри. — Полковник Мельчетт. Хочет видеть хозяина.

Полковник Мельчетт — начальник полиции в нашем графстве. Я встал не мешкая.

— Я думала, не годится оставлять его в холле, и пустила его в гостиную, — сообщила Мэри. — Со стола убрать?

— Нет еще, — сказала Гризельда. — Я позвоню.

Она снова обернулась к мисс Марпл, а я вышел из комнаты.

Глава VII

Полковник Мельчетт — живой маленький человечек, и у него странная привычка внезапно и неожиданно фыркать носом.

— Доброе утро, викарий, — сказал он. — Пренеприятное дело, а? Бедняга Протеро. Не подумайте, что он мне нравился. Вовсе нет. По правде говоря, никто его не любил. Да и для вас куча неприятностей, верно? Надеюсь, ваша хозяйюшка держится молодцом?

Я сказал, что Гризельда приняла все, как должно.

— Вот и ладно. Когда такое случается в твоём кабинете, радости мало. Реддинг меня удивил, доложу я вам, — позволить себе такое в чужом доме! Совершенно не подумал о чувствах других людей!

Меня вдруг охватило непреодолимое желание расхохотаться, но полковник Мельчетт, как видно, не находил ничего смешного в том, что убийца обязан щадить чувства окружающих, и я сдержался.

— Честно скажу, меня порядком удивило известие, что этот малый просто взял да и явился с повинной, — продолжал полковник Мельчетт, плюхаясь в кресло.

— А как это было? Когда?

— Вчера вечером. Часов около десяти. Влетает, бросает на стол пистолет и заявляет: «Вот и я. Я это сделал». Без околичностей.

— А как он объясняет содеянное?

— Да никак. Конечно, мы его предупредили о даче ложных показаний. А он смеется, и все тут. Говорит, зашел сюда повидаться с вами. Видит полковника. Они повздорили, и он его пристрелил. О чем был спор, не говорит. Слушайте, Клемент, — это останется между нами — вы об этом хоть что-нибудь знаете? До меня доходили слухи, что его выставили из дома, и прочее в этом роде. Что у них там — дочку он соблазнил, или еще что? Мы не хотим втягивать в это дело девушку, пока возможно, ради ее и общего блага. Весь сыр-бор из-за этого загорелся?

— Нет, — сказал я. — Можете поверить мне на слово, дело отнюдь не в этом, но в настоящее время я больше ничего не могу сказать.

Он кивнул и вскочил.

— Рад это слышать. А то люди бог весть что болтают. Слишком много бабья в наших местах. Ну, мне пора. Надо повидать Хэйдока. Его куда-то вызвали, но он должен вернуться. Признаюсь по чести, жалко мне этого Реддинга. Всегда считал его славным малым. Может, они придумают ему

какие-то оправдания. Последствия войны, контузия, что-нибудь в этом роде. Особенно если не откопают какой-нибудь подходящий мотив для преступления. Ну, я пошел. Хотите со мной?

Я сказал, что пойду с удовольствием, и мы вышли вдвоем.

Хэйдок живет в соседнем доме. Слуга сказал, что доктор только сейчас вернулся, и провел нас в столовую. Хэйдок сидел за столом, а перед ним аппетитно пускала парок яичница с беконом. Он приветливо кивнул нам.

— Простите, но пришлось ехать. Роды принимал. Почти всю ночь провозился с вашим делом. Достал для вас пулю.

Он толкнул по столу в нашу сторону маленькую коробочку. Мельчетт рассмотрел пулю.

— Ноль двадцать пять?

Хэйдок кивнул.

— Технические подробности попридержу до расследования, — сказал он. — Вам нужно знать только одно: смерть была практически мгновенной. Этот молодой идиот сказал, ради чего он это сделал? Кстати, меня поразило, что ни одна живая душа не слышала выстрела.

— Да, — сказал Мельчетт. — Удивительно.

— Окно кухни выходит на другую сторону, — объяснил я. — Когда закрыты все двери — и в кабинете, и в буфетной, и в кухне, вряд ли что-нибудь можно услышать, а наша служанка была одна в доме.

— Гм-м... — сказал Мельчетт. — Все равно, странно это. Интересно, не слышала ли чего старушка — как ее звать — а, мисс Марпл. Окно в кабинете было открыто.

— Возможно, она и слышала, — сказал Хэйдок.

— Не думаю, — сказал я. — Она только что у нас была и ничего об этом не сказала, а я уверен, что она упомянула бы о том, что слышала.

— А может, она и слышала, да не придавала этому значения — подумала, что у машины выхлоп не в порядке.

Я заметил, что в это утро Хэйдок был настроен куда более добродушно и жизнерадостно, чем вчера. Он был похож на человека, который изо всех сил старается скрыть обуревающую его радость.

— А что, если там был глушитель? — добавил он. — Не исключено. Тогда никто ничего бы и не услышал.

Мельчетт отрицательно покачал головой.

— Слак ничего такого не нашел, потом спросил Реддинга напрямик, Реддинг поначалу вообще не мог взять в толк, о чем речь, а когда понял, категорически заявил, что ничем таким не пользовался. Я думаю, можно ему поверить на слово.

— Да, конечно. Бедняга.

— Юный идиот, черт бы его побрал! — взорвался полковник Мельчетт. — Прошу прощения, Клемент. Но ведь иначе его не назовешь. Как-то не могу думать о нем как об убийце.

— Мотив какой? — спросил Хэйдок, одним глотком допивая кофе и вставая из-за стола.

— Он говорит, что они поссорились, он вспылил и не помнит, как застрелил полковника.

— Хочет вытянуть на непреднамеренное убийство, э? — Доктор потряс головой. — Ничего не выйдет. Он подкрался сзади, когда старик писал письмо, и выстрелил ему в затылок. Ссорой тут и не пахнет.

— Да у них и времени на ссору не было, — вмешался я, припомнив слова мисс Марпл. — Подкрасться, застрелить полковника, переставить часы назад на 6.20 и убраться подобру-поздорову, да у него едва хватило бы времени на все это. Я никогда не забуду, какое у него было лицо, когда я встретил его за калиткой, и как он сказал: «Вы его увидите, даю слово. О! Вы его увидите!» Уже одно это должно было разбудить мои подозрения относительно событий, разыгравшихся за несколько минут до нашей встречи.

Хэйдок уставился на меня удивленным взглядом.

— То есть как это «за несколько минут до встречи»? Как вы считаете, когда Реддинг его застрелил?

— За несколько минут до моего прихода.

Доктор покачал головой.

— Невозможно. Исключено. Он уже был мертв задолго до этого.

— Но, дорогой вы мой, — воскликнул полковник Мельчетт, — вы же сами сказали, что полчаса — только приблизительный срок.

— Полчаса, тридцать пять минут, двадцать пять минут, даже двадцать — это в пределах вероятности, но меньше — ни в коем случае. Ведь тогда тело было бы еще теплое, когда я подоспел.

Мы молча смотрели друг на друга. Лицо Хэйдока внезапно изменилось. Стало серым, на глазах постарело. Эта перемена меня поразила.

— Да вы послушайте, Хэйдок, — полковник первым обрел дар речи. — Если Реддинг застрелил его в четверть восьмого...

Хэйдок вскочил.

— Я вам сказал, что это невозможно, — проревел он. — Если Реддинг утверждает, что застрелил Протеро в четверть восьмого, значит, Реддинг лжет. Пропади оно все пропадом — я врач, говорю вам, мне лучше знать!

Кровь уже начала свертываться.

— Если Реддинг лжет... — начал было полковник Мельчетт, потом смолк и потряс головой.

— Пожалуй, надо пойти в полицейский участок, поговорить с ним, — сказал он.

Глава VIII

По дороге в участок мы почти не разговаривали. Хэйдок слегка отстал и сказал мне вполголоса:

— Знаете, не нравится мне все это. Не нравится. Мы все чего-то тут не понимаем.

У него был крайне озабоченный, встревоженный вид. Инспектор Слак был на месте, и мы уже вскоре оказались лицом к лицу с Лоуренсом Реддингом.

Его бледное лицо выглядело усталым, но он был совершенно спокоен, поразительно спокоен, сказал бы я, при сложившихся обстоятельствах. Мельчетт же хмыкал и фыркал, явно нервничая.

— Слушайте, Реддинг, — начал он, — мне известны показания, которые вы давали инспектору Слаку. Вы утверждаете, что пришли в дом викария примерно без четверти семь, встретили Протеро, поссорились с ним, застрелили его и ушли. Протокол я вам не читаю, но это главное.

— Да.

— Я собираюсь задать вам несколько вопросов. Вас уже уведомили, что вы можете не отвечать на них, если не сочтете нужным. Ваш адвокат...

Лоуренс не дал ему договорить.

— Мне нечего скрывать. Я убил Протеро.

— А! Ладно! — и Мельчетт громко фыркнул. — А как у вас оказался с собой пистолет?

— Он был у меня в кармане, — ответил Лоуренс, слегка помявшись.

— И вы взяли его с собой, когда шли к священнику?

— Да.

— Зачем?

— Я всегда держу его при себе.

Он снова слегка замешкался с ответом, и я окончательно уверился, что он говорит неправду.

— А зачем вы перевели часы назад?

— Часы? — Лоуренс явно не знал, что сказать.

— Ну да, стрелки показывали 6.22.

Его лицо внезапно исказилось от страха.

— А, да — конечно. Я — я их перевел.

Хэйдок неожиданно бросил ему в лицо:

— Куда вы стреляли?

— В полковника Протеро.

— Я спрашиваю, в какую часть тела?

— А! Я, кажется, в голову. Да, я стрелял в голову.

— Вы что, не помните?

— Вам все и так известно, зачем вы спрашиваете?

Это была слабая, неловкая попытка вывернуться. Снаружи послышался какой-то шум. Вошел констебль с запиской. Он был без шлема.

— Письмо викарию. Написано — срочно.

Я вскрыл конверт и прочел:

«Прошу вас, умоляю, приходите ко мне. Я не знаю, что мне делать. Я должна кому-то признаться. Пожалуйста, приходите немедленно и приведите с собой кого хотите. Анна Протеро».

Я бросил на Мельчетта красноречивый взгляд. Он понял намек. Мы вышли все вместе. Я бросил взгляд через плечо и мельком увидел лицо Лоуренса Реддинга. Глаза его были прикованы к листку бумаги, который я держал в руке, с выражением такого мучительного отчаяния и страдания, какое мне едва ли приходилось видеть на человеческом лице.

Я вспомнил, как Анна Протеро, сидя передо мной на диване, сказала: «Я готова на все», и на душе у меня стало невыразимо тяжело. Я вдруг увидел причину героического самооговора Лоуренса Реддинга. Мельчетт разговаривал со Слаком.

— Выяснили, чем Реддинг занимался в течение дня? Есть основания полагать, что он убил Протеро раньше, чем он говорит. Разберитесь и доложите.

Он обернулся ко мне, и я молча протянул ему письмо Анны Протеро. Он пробежал его и удивленно надул губы. Потом пристально взглянул на меня.

— Вы на это намекали утром?

— Да. Тогда я не был уверен, должен ли я все рассказать. Теперь я считаю это своим долгом.

И я рассказал ему о том, что видел в тот вечер в «мастерской».

Полковник обменялся несколькими словами с инспектором, и мы отправились в Старую Усадьбу. Доктор Хэйдок пошел вместе с нами.

Дверь отворил безукоризненный дворецкий — с приличествующей обстоятельству торжественностью в каждом движении.

— Доброе утро, — сказал Мельчетт. — Будьте добры, попросите горничную миссис Протеро доложить о нас, а потом возвращайтесь сюда, я вам задам несколько вопросов.

Дворецкий поспешно удалился, но вскоре вернулся и доложил, что поручение выполнено.

— А теперь поговорим про вчерашний день, — сказал Мельчетт. — Ваш хозяин был дома во время ленча?

— Да, сэр.

— И настроение у него было обычное?

— Насколько я мог заметить, да, сэр.

— А потом что было?

— После ленча миссис Протеро пошла к себе прилечь, а полковник ушел к себе в кабинет. Мисс Протеро уехала играть в теннис, на спортивной машине. Полковник и миссис Протеро пили чай в гостиной, в половине пятого. Шоферу было приказано подать машину в пять тридцать, они собирались ехать в деревню. Как только они уехали, позвонил мистер Клемент, — поклон в мою сторону, — и я сказал ему, что они уже уехали.

— Гм-м... — протянул полковник Мельчетт. — Когда мистер Реддинг был здесь в последний раз?

— Во вторник днем, сэр.

— Насколько мне известно, они немного не поладили?

— Должно быть, так, сэр. Мне было приказано впредь не принимать мистера Реддинга.

— А вы сами слышали, как они ссорились? — напрямик спросил полковник Мельчетт.

— У полковника Протеро был очень звучный голос, сэр, особенно когда он сердился. Я поневоле слышал кое-что, когда он повышал голос.

— Достаточно, чтобы понять, о чем идет спор?

— Я понял, сэр, что речь идет о портрете, который писал мистер Реддинг, о портрете мисс Летиции.

Фырканье Мельчетта прозвучало, как рычанье.

— Вы видели мистера Реддинга перед уходом?

— Да, сэр, я его провожал.

— Он был очень сердит?

— Да нет, сэр, если позволите, я бы сказал, что он скорее выглядел довольным.

— Так вчера он сюда не заходил?

— Нет, сэр.

— А еще кто-нибудь заходил?

— Вчера — никто, сэр.

— А позавчера?

— Во второй половине дня приходил мистер Деннис Клемент. И

доктор Стоун пробыл здесь некоторое время. А вечером заходила дама.

— Дама? — Мельчетт искренне удивился. — Кто такая?

Дворецкий не смог припомнить ее имя. Дама была незнакомая, он никогда раньше ее не видел. Она, конечно, назвала себя, и он ей сказал, что сейчас все обедают, тогда она согласилась подождать. И он проводил ее в малую гостиную.

Она спрашивала полковника Протеро, а не миссис Протеро. Он доложил полковнику, и тот прошел в малую гостиную, как только отобедали.

Сколько дама пробыла? Пожалуй, с полчаса. Полковник сам проводил ее из дому. А! Наконец-то, он вспомнил ее имя. Эта дама назвалась миссис Лестрэндж.

Этого никто не ожидал.

— Любопытно, — сказал Мельчетт. — Весьма, весьма любопытно.

Но больше мы ничего сказать не успели — нам доложили, что миссис Протеро готова нас принять.

Анна лежала в постели. Лицо у нее было бледное, а глаза лихорадочно блестели. Выражение ее лица меня поразило — суровое, решительное. Она обратилась ко мне.

— Благодарю вас за то, что вы пришли, — сказала она. — Я вижу, вы правильно поняли мою просьбу привести с собой кого вы хотите. — Она замолчала.

— Самое лучшее — разом со всем покончить, верно? — продолжала она. Ее губы тронула странная, жалкая полуулыбка. — Должно быть, я обязана заявить об этом вам, полковник Мельчетт. Видите ли, это я убила своего мужа.

Полковник Мельчетт заговорил с необычной мягкостью:

— Дорогая моя миссис Протеро...

— Нет! Это чистая правда. Боюсь, что я слишком прямо вам об этом сказала, но я совершенно не способна устраивать истерики по какому бы то ни было поводу. Я долго ненавидела его, а вчера убила.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза.

— Вот и все. Я думаю, что вы арестуете меня и заберете с собой. Я встану и оденусь, как только соберусь с силами. А сейчас мне нехорошо.

— Вам известно, миссис Протеро, что мистер Лоуренс Реддинг уже признался в совершении этого преступления?

Анна открыла глаза и оживленно закивала.

— Знаю. Глупый мальчишка. Он очень влюблен в меня, вы знаете? Ужасно благородный поступок — и ужасная глупость.

— Он знал, что преступление совершили вы?

— Да.

— Откуда он это узнал?

Она замялась.

— Вы сами ему сказали?

Она все еще медлила с ответом. Казалось, она не знает, какой ответ выбрать.

— Да, я ему сказала...

Она нервно передернула плечами.

— Вы не могли бы меня оставить? Я же вам все сказала. Я не желаю больше об этом говорить.

— А где вы достали пистолет, миссис Протеро?

— Пистолет? О, — это пистолет мужа. Я взяла его из ящика ночного столика.

— Понятно. И взяли с собой в дом священника?

— Да. Я знала, что муж должен быть там.

— Когда это было?

— Должно быть, после шести — четверть или двадцать минут седьмого — примерно в это время.

— Вы взяли пистолет, намереваясь застрелить своего мужа?

— Нет, нет, я... я взяла его для себя.

— Понятно. Но вы пошли к священнику?

— Да. Я прошла к окну. Голосов не было слышно. Я заглянула в кабинет. Увидела мужа. Что-то меня подтолкнуло и я выстрелила.

— Дальше?

— Дальше? О! Потом я ушла.

— И рассказали мистеру Реддингу, что вы сделали?

Я заметил, что она снова помедлила, прежде чем ответить.

— Да.

— Кто-нибудь видел, как вы шли туда или обратно?

— Нет, то есть да. Старая мисс Марпл. Я с ней поговорила несколько минут. Она была в своем садике.

Она беспокойно заметалась на подушках.

— Неужели этого мало? Я вам сказала все. Зачем вы меня мучаете?

Доктор Хэйдок подошел к постели, взял ее руку пощупать пульс.

Он знаком подозвал Мельчетта.

— Я с ней побуду, — сказал он шепотом, — пока вы там все приготовите. Ее нельзя оставлять. Может что-нибудь над собой сделать.

Мельчетт кивнул.

Мы вышли из комнаты и спустились вниз. Я заметил, что из соседней комнаты вышел худой бледный человек. Повинуясь непонятному импульсу, я снова взошел на лестницу.

— Вы — камердинер полковника Протеро?

Человек удивился:

— Да, сэр.

— Вы не знаете, держал ли ваш хозяин где-нибудь спрятанный пистолет?

— Нет, я об этом ничего не знаю.

— Может быть, в одном из ящиков ночного столика? Подумайте, друг мой.

— Только не в ящиках, точно вам говорю. Я бы видел, непременно. Как же иначе?

Я поспешил спуститься вниз и присоединиться к остальным.

Миссис Протеро солгала про пистолет.

Зачем?

Глава IX

Полковник Мельчетт сообщил о случившемся в полицейский участок, а затем сказал, что собирается нанести визит мисс Марпл.

— Пожалуй, лучше будет, если вы пойдете со мной, викарий, — добавил он. — Не хочу сеять панику среди вашей паствы. Так что вы уж поддержите меня, пожалуйста, — в вашем присутствии все обойдется без истерики.

Я улыбнулся. Невзирая на свой хрупкий вид, мисс Марпл вполне способна устоять перед натиском любого рядового полисмена или любого начальника полиции на свете.

— А что она за птица? — спросил полковник, позвонив у ее дверей. — Можно верить всему, что она говорит, или наоборот?

Я немного подумал.

— По-моему, ей вполне можно доверять, — осторожно сказал я. — Во всяком случае, пока она говорит о том, что видела собственными глазами. Разумеется, когда речь пойдет о том, что она думает, — это уже другое дело. Воображение у нее на редкость богатое, и она неукоснительно думает обо всех самое худшее.

— Значит, типичная старая дева, — засмеялся Мельчетт. — Ну, эту породу мне пора бы знать. Только вспомнишь здешние чаепития — дрожь берет!

Миниатюрная горничная открыла дверь и провела нас в гостиную.

— Мебели многовато, — заметил полковник Мельчетт, оглядывая комнату. — Но по большей части отменная работа. Комната настоящей леди, да, Клемент?

Я выразил согласие, в эту минуту дверь отворилась, и перед нами предстала мисс Марпл.

— Глубоко сожалею, мисс Марпл, что пришлось вас побеспокоить, — заявил полковник, как только я его представил, с прямотой старого вояки; как он полагал, это импонирует пожилым дамам. — При исполнении долга, сами знаете.

— Ну что вы, что вы, — сказала мисс Марпл. — Я все понимаю. Не хотите ли присесть? Не выпьете ли стаканчик шерри-бренди? Домашний! Я сама делала, по рецепту моей бабушки.

— Премного благодарен, мисс Марпл. Вы очень добры. Но я, пожалуй, откажусь. Ни капли до ленча — вот мой девиз. Так вот, я хотел поговорить

с вами об этом печальном случае — очень печальный случай. Конечно, мы все очень огорчены. Видите ли, благодаря расположению вашего дома и сада вы могли заметить прошлым вечером что-то важное для нас.

— Представьте себе, я и вправду была в своем садике с пяти часов, весь вечер, и, само собой, оттуда все видно, то есть просто невозможно не видеть, что творится в соседнем доме.

— Насколько я понимаю, мисс Марпл, вчера вечером мимо вас проходила миссис Протеро?

— Да, проходила. Я ее окликнула, и она похвалила мои розы.

— Вы можете сказать примерно, когда это было?

— Я бы сказала, минуту или две спустя после четверти седьмого. Церковные часы только отзвонили четверть.

— Прекрасно. А что было потом?

— Потом миссис Протеро сказала, что хочет зайти в дом vicария за мужем, чтобы вместе возвратиться домой. Она пришла по аллее, видите ли, и прошла к дому священника через заднюю калитку, садом.

— Она пришла по аллее?

— Да, я вам сейчас покажу.

Мисс Марпл с завидным энтузиазмом провела нас в сад и показала на аллею, которая проходила позади садика.

— Вот та дорожка, напротив, с перелазом, ведет в Старую Усадьбу, — пояснила она. — По этой дорожке они должны были возвращаться домой. А миссис Протеро пришла из деревни.

— Замечательно, замечательно, — сказал полковник Мельчетт. — И она прошла дальше, к дому vicария?

— Да, я видела, как она завернула за угол дома. Должно быть, полковника там еще не было, потому что она вышла обратно почти сразу и пошла через лужайку к мастерской — вон к тому домику. Vicарий разрешил мистеру Реддингу пользоваться им как мастерской.

— Ясно. А выстрела вы не слышали, мисс Марпл?

— Нет, тогда я ничего не слышала, — сказала мисс Марпл.

— Но вы все же слышали выстрел?

— Да, мне показалось, что в лесу кто-то стрелял. Но это было целых пять, а то и десять минут спустя, и притом в лесу, как я уже сказала. Не может быть, не может быть, чтобы...

Она умолкла, побледнев от волнения.

— Да! Да, об этом мы еще поговорим, — сказал полковник Мельчетт. — Прощу вас, продолжайте. Миссис Протеро прошла в мастерскую, так?

— Да, она вошла туда. Вскоре по аллее со стороны деревни пришел мистер Реддинг. Он подошел к калитке, оглянулся...

— И увидел вас, мисс Марпл.

— Признаться, меня он не видал, — сказала мисс Марпл, слегка зардевшись. — Я, видите ли, как раз в эту минуту наклонилась — надо было выполоть эти противные одуванчики, понимаете? Никакого сладу с ними! А он прошел в калитку и дальше, к мастерской.

— Он не подходил к дому?

— Нет-нет, он напрямик пошел к мастерской. Миссис Протеро встретила его на пороге, и они оба скрылись внутри.

Здесь мисс Марпл сделала исключительно красноречивую паузу.

— Возможно, она ему позировала? — предположил я.

— Возможно, — сказала мисс Марпл.

— И они вышли — когда?

— Минут через десять.

— И это было примерно в...

— Церковные часы отзвонили полчаса. Они вышли через калитку и пошли по аллее, и как раз в эту минуту доктор Стоун появился со стороны Старой Усадьбы, перелез через изгородь и присоединился к ним. Все вместе они пошли по направлению к деревне. А в конце аллеи, как мне показалось, хотя я не вполне уверена, к ним присоединилась и мисс Крэм. Я подумала, что это мисс Крэм, — уж очень на ней была короткая юбочка.

— У вас отличное зрение, мисс Марпл — разглядеть все на таком расстоянии!

— Я наблюдала за птичкой, — сказала мисс Марпл. — Кажется, это был королек. Хохлатый. Просто прелесть, такой шустрый! Я как раз смотрела в бинокль, вот почему я и увидела мисс Крэм (если это была мисс Крэм, а я в этом почти уверена), когда она к ним подошла.

— Вот как! Ну что ж, вполне вероятно, — сказал полковник Мельчетт. — А теперь, мисс Марпл, скажите — я полагаюсь на вашу отменную наблюдательность, — не заметили ли вы, какое было выражение на лице у миссис Протеро и мистера Реддинга, когда они прошли мимо вас по аллее?

— Они улыбались и болтали, — сказала мисс Марпл. — Казалось, они очень счастливы быть вместе, — вы понимаете, что я хочу сказать.

— Они не казались расстроенными или встревоженными?

— Что вы! Совсем наоборот.

— Чертовски странно, — сказал полковник. — Во всем этом есть что-то чертовски странное.

Внезапно мисс Марпл задала вопрос, который застал нас врасплох, так что у нас буквально перехватило дыхание:

— А что, теперь миссис Протеро говорит, что это она совершила преступление? — спросила она очень спокойно.

— Святые угодники! — воскликнул полковник. — Вы-то как догадались, мисс Марпл?

— Да так, мне почему-то казалось, что это вполне возможно, — ответила мисс Марпл. — По-моему, милочка Летиция того же мнения. Она ведь очень смышленная девушка. Хотя боюсь, что не особенно щепетильная. Значит, Анна Протеро говорит, что убила своего мужа. Так, так. Не думаю, что это правда. Нет, я положительно уверена, что это неправда. Анна Протеро — не такая женщина. Хотя никогда нельзя верить человеку до конца, не так ли? По крайней мере, этому меня научила жизнь. А когда она его застрелила, по ее словам?

— В двадцать минут седьмого. После того, как поговорила с вами. Сразу.

Мисс Марпл медленно, с глубоким сожалением покачала головой. Мне показалось, что сожаление касалось нас, двух взрослых мужчин, которые по глупости попались на удочку. По крайней мере, так мне показалось.

— А из чего она его застрелила?

— Из пистолета.

— А где она его взяла?

— Принесла с собой.

— Вот этого как раз она и не могла сделать, — заявила мисс Марпл с неожиданной уверенностью. — Готова дать присягу. У нее с собой ничего не было.

— Вы могли не заметить.

— Я непременно заметила бы.

— А если он был у нее в сумочке?

— Никакой сумочки у нее не было.

— Хорошо — она могла его спрятать — э-э — в одежде.

Мисс Марпл бросила на него взгляд, полный жалости и укоризны.

— Дорогой полковник Мельчетт, вы же знаете нынешних молодых женщин. Совершенно не стыдятся показывать себя в том виде, как их сотворил Господь. Ей было негде спрятать даже носовой платочек.

Мельчетт не сдавался.

— Но согласитесь, что все сходится, — сказал он. — Время, опрокинутые часы — на них было 6.22...

Мисс Марпл обернулась ко мне.

— Неужели вы еще не сказали ему про эти часы?

— Что такое, Клемент?

Я ему сказал. Он очень рассердился.

— Какого... Почему это вы ни слова не сказали Слаку вчера вечером?

— А он мне не дал ни слова вымолвить, вот почему, — отпарировал я.

— Чушь! Надо было быть понастойчивей!

— Вероятно, — сказал я, — инспектор Слак ведет себя с вами несколько иначе, чем со мной. У меня не было ни малейшей возможности настаивать на чем бы то ни было.

— Совершенно небывалое дело, — сказал Мельчетт. — Если еще кто-нибудь явится и взвалит на себя это убийство, я отправлюсь прямехонько в сумасшедший дом.

— Если мне будет дозволено высказать одно предположение... — еле слышно сказала мисс Марпл.

— Прошу!

— Если бы вы сказали мистеру Реддингу, что сделала миссис Протеро, и потом убедили его, что и вправду верите, будто это она. А потом пошли бы к миссис Протеро и сказали бы ей, что с мистером Реддингом все в порядке, — знаете, они оба могли бы сказать вам правду. А правда всегда пригодится, хотя, мне кажется, они и сами-то не много знают, бедняжки.

— Ладно, все это очень хорошо, но ведь эти двое — единственные люди, у которых был мотив для убийства Протеро.

— О, этого я бы не сказала, полковник Мельчетт, — возразила мисс Марпл.

— Что вы? Вы можете назвать еще кого-нибудь?

— О, конечно, безусловно. Ну, что же, — она принялась считать на пальцах. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, да и еще, вполне вероятно, седьмой. Я могу назвать по крайней мере семерых, которым было бы очень на руку убрать с дороги полковника Протеро.

Огорошенный полковник не верил своим ушам.

— Семь человек? В Сент Мэри Мид?

Мисс Марпл оживленно кивнула.

— Прошу заметить, что я не называю имен, — сказала она. — Этого делать нельзя. Но боюсь, что в мире слишком много зла. Только откуда такому славному, честному и прямодушному солдату, как вы, полковник Мельчетт, знать о подобных вещах?

Мне показалось, что полковника вот-вот хватит удар.

Глава X

Когда мы вышли из дома мисс Марпл, полковник высказал о ней далеко не лестное мнение.

— Кажется, эта высохшая старая дева и вправду воображает, что знает все доподлинно. Да она же за всю жизнь из этой деревушки носу не высовывала! Много на себя берет! Что она может знать о жизни?

Я кротко возразил, что если мисс Марпл практически ничего не знает о Жизни с большой буквы, то о жизни в Сент Мэри Мид она знает все, досконально.

Мельчетт неохотно согласился со мной. Она все-таки очень ценный свидетель, особенно того, что касается миссис Протеро.

— Я полагаю, можно не сомневаться в том, что она сказала?

— Если мисс Марпл сказала, что пистолета у нее с собой не было, значит, так оно и есть, — сказал я. — Если была бы малейшая возможность его пронести, мисс Марпл до этого докопалась бы, глаз у нее острый.

— Что верно, то верно. Пойдемте-ка, посмотрим мастерскую.

Так называемая мастерская — всего-навсего сарайчик с верхним светом. Окон там нет, войти и выйти можно только в дверь. Убедившись в этом, Мельчетт объявил мне, что придет к нам в дом вместе с инспектором.

— А сейчас я иду в полицейский участок.

Я вошел домой через парадную дверь и услышал чьи-то голоса. Открыл дверь в гостиную.

На диване рядом с Гризельдой, оживленно болтая, сидела мисс Глэдис Крэм. Ее ноги, обтянутые особенно блестящими розовыми чулками, были скрещены, так что я не мог не заметить, что на ней розовые в полосочку шелковые панталончики.

— Привет, Лен, — сказала Гризельда.

— Доброе утро, мистер Клемент, — сказала мисс Крэм. — Представьте себе, я просто в ужас пришла, когда услышала про полковника! Бедный старый джентльмен!

— Мисс Крэм, — сказала моя жена, — была настолько добра, что предложила помочь нам в работе с «Примерными детьми». Ты помнишь, мы приглашали добровольных помощников в прошлое воскресенье?

Это я прекрасно помнил и был уверен (как и Гризельда — я догадался по ее тону), что вступить в ряды добровольцев мисс Крэм и в голову бы не пришло, если бы не сенсационные события, которые произошли в нашем

доме.

— Я только сию минуту говорила миссис Клемент, — продолжала мисс Крэм, — когда я услышала эти новости, я была прямо-таки ошарашена. Убийство, говорю? В этой захудалой, сонной деревушке — ведь она сонная, вы должны это признать, даже музейчика нету, не говоря уж о кино! А потом узнала, что это полковник Протеро, я ушам своим не поверила! Мне почему-то казалось, что таких людей не убивают.

— Вот почему, — объяснила Гризельда, — мисс Крэм и забежала узнать все подробности.

Я было испугался, что такая прямота обидит юную леди, но она только откинула голову назад и оглушительно расхохоталась, показывая весь набор зубов, которым располагала.

— Какая жалость! Вам палец в рот не клади, миссис Клемент, а? Но ведь это совершенно естественно — каждому хочется выведать всю подноготную в таком деле. И будьте уверены, что я не прочь и с детишками вам помочь, пожалуйста, сколько угодно. До чего же интересно, сил моих нет! Я прямо подыхала тут со скуки. Правду говорю, скука смертная. Не подумайте, что у меня работа плохая — работа приличная, и платят хорошо, а доктор Стоун всегда себя держит, как настоящий джентльмен. Но ведь девушке надо же немного поразвлечься после работы, а тут не с кем слова сказать, кроме вас, миссис Клемент, — сплошные старые ведьмы!

— А Летиция Протеро?

Глэдис Крэм тряхнула головой.

— Что вы, разве она станет водиться с такими, как я? Задается, считает себя выше всех в графстве, так боится себя уронить, что и не взглянет на девушку, которая сама зарабатывает на жизнь. А я, кстати, слыхала, как она говорила, что собирается поступить на работу. Да кто ее возьмет, хотела бы я знать? Недели не пройдет, как ее выгонят. Разве что в манекенщицы — там только и надо, что вырядиться в пух и прах да расхаживать взад-вперед чудной походочкой. Это у нее получится, пожалуй.

— Из нее вышла бы прекрасная манекенщица, — сказала Гризельда. — У нее прелестная фигурка. (Да, в Гризельде не найти ни малейшего сходства с ведьмой.) А когда она говорила, что хочет поступать на работу?

Мисс Крэм на минуту была обескуражена, но мгновенно пришла в себя и со свойственной ей ловкостью вышла из положения.

— Можно подумать, что я сплетничаю, верно? — сказала она. — Но она это сказала, честное слово. Должно быть, дома ей несладко живется. Чтобы я согласилась жить в одном доме с мачехой — нет уж, извините! Да

я бы этого ни минуты не потерпела!

— Ах, вы же такая энергичная, независимая, — серьезно сказала Гризельда, и я посмотрел на нее не без подозрения.

Мисс Крэм была явно польщена.

— Вот именно. Прямо вылитый мой портрет. Меня можно звать, но не гнать. Так мне гадалка сказала, недавно. Нет уж. Я не из тех, кто стерпит любую обиду и даже не пикнет. Я и доктору Стоуну сразу же сказала, что у меня должны быть выходные дни, как положено. Эти ученые джентльмены думают, что девушка — все равно что машина, что ее можно не замечать, как будто ее здесь и нет.

— А как вам работается с доктором Стоуном? Он приятный человек? Должно быть, работа очень интересная, если вы увлекаетесь археологией.

— Я в этой науке не очень-то много смыслю, — призналась девушка. — Мне все же кажется, что выкапывать на свет божий людей, которые давно умерли — сотни лет пролежали в земле, — как-то нескромно, вроде как всюду совать свой нос, а как по-вашему? А вот доктор Стоун так прямо с головой ушел в работу, поесть забывает, он бы голодный ходил, если бы не я.

— А он и сегодня с утра на раскопе? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм покачала головой.

— Не с той ноги встал, — пояснила она. — Нет настроения работать. А это значит, что у крошки Глэдис выдался свободный денек.

— Жаль его, — сказал я.

— Да нет, пустяки. Не бойтесь, второго покойника не будет. Вы лучше расскажите, мистер Клемент. Мне сказали, что вы все утро ходили вместе с полицией. Что они думают?

— Как вам сказать, — медленно произнес я. — Не все еще до конца ясно.

— Ага! — воскликнула мисс Крэм. — Выходит, они все же не верят, что это мистер Реддинг. Такой красивый, верно? Прямо киногерой. Такая ослепительная улыбка, когда он с тобой здоровается. Я не поверила своим ушам, когда узнала, что его арестовали. Хотя про этих деревенских полисменов все говорят, что они ужасные дураки.

— На этот раз вряд ли можно их винить, — сказал я. — Мистер Реддинг сам явился с повинной.

— Как? — девушка была явно ошеломлена. — Ну, знаете, видала я простофиль! Уж я-то не побежала бы с повинной, если бы убила кого-нибудь. Я думала, у Лоуренса Реддинга на это хватит ума. Надо же так свалить дурака! А с какой стати он убил Протеро? Он признался? Просто

повздорили, да?

— Пока еще не известно с полной достоверностью, что он его убил, — сказал я.

— Да как же так, раз он сам говорит, что вы, мистер Клемент, — ему-то лучше знать!

— Разумеется, — согласился я. — Но полиция не вполне удовлетворена тем, что он рассказывает.

— С чего бы он стал говорить, что он убил, если он не убивал?

По этому поводу я не намеревался давать разъяснения мисс Крэм. Поэтому я высказался довольно туманно:

— Мне кажется, во всех случаях, когда совершено сенсационное убийство, полиция получает множество писем от людей, которые признаются в этом убийстве.

Мисс Крэм в ответ на это сообщение произнесла лишь:

— Чокнутые, не иначе! — голосом, полным недоумения и презрения.

— Ну ладно, — добавила она, вздыхая. — Пожалуй, мне пора бежать. — Она встала. — Доктору Стоуну будет интересно узнать, что мистер Реддинг сам признался в убийстве.

— И вправду интересно? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм недоуменно наморщила лоб.

— Станный он какой-то. Ничего у него не поймешь. Весь закопался в прошлое. Ему в сто раз интереснее разглядывать жуткий бронзовый нож, выкопанный из груды земли, чем посмотреть на нож, которым Криппен разрезал на куски собственную жену, конечно, если бы ему представился случай.

— Что ж, — сказал я. — Должен признаться, что я с ним согласен.

Во взгляде мисс Крэм промелькнуло непонимание и легкое презрение. Потом, не один раз попрощавшись, она наконец удалилась.

— Не такая уж она плохая, знаешь, — сказала Гризельда, когда дверь за ней закрылась. — Ужасно вульгарна, конечно, но в таких больших, бесцеремонных, добродушных девушках есть даже что-то симпатичное. Как ты думаешь, зачем она приходила?

— Из любопытства.

— Да, наверное. Ну, Лен, а теперь рассказывай все подряд. Я умираю от нетерпения.

Я уселся и честно пересказал все, что произошло этим утром. Гризельда то и дело прерывала мой рассказ, не в силах совладать с удивлением и любопытством.

— Так, значит, Лоуренс с самого начала увивался за Анной, а вовсе не

за Летицией. Какие же мы все слепцы! А ведь именно на это намекала мисс Марпл вчера вечером, тебе не кажется?

— Да, — ответил я, отводя взгляд.

Вошла Мэри.

— Там пришли какие-то двое, говорят из газеты. Пускать или нет?

— Ни в коем случае, — сказал я. — Отошлите их к инспектору Слаку, в полицейский участок.

Мэри кивнула и собралась идти.

— А когда вы от них избавитесь, приходите сюда, — сказал я. — Я хочу вас кое о чем спросить.

Мэри снова кивнула.

Вернулась она через несколько минут.

— Никак от них не отвяжешься, — сказала она. — Еле отбилась, такие настырные. Слыханное ли дело — им говоришь — нельзя, а они лезут.

— Боюсь, что они нас не оставят в покое, — сказал я. — Так вот, Мэри, о чем я хотел вас спросить: вы совершенно уверены, что вчера вечером не слышали выстрела?

— Выстрела, которым его убили? Конечно, не слышала. А услышала бы, так пошла бы поглядеть, что там стряслось.

— Да, но... — я вспомнил утверждение мисс Марпл, что она слышала выстрел в лесу. Я решил изменить форму вопроса. — Вы вообще никаких выстрелов не слышали, например вдали, в лесу?

— А, это дело другое. — Девушка замолчала. — Теперь, как подумаешь, был выстрел, был. Не выстрелы, а один-единственный. Какой-то странный, вроде взорвалось что.

— Вот именно, — сказал я. — А когда это было?

— Когда?

— Ну да, в котором часу?

— Уж этого я вам никак не скажу. После чая много времени прошло. Это точно.

— А немного точнее вы не могли бы?..

— Нет, не могу. Я ведь без дела не сижу, кручусь по хозяйству день-деньской. Некогда мне на часы глядеть. Да все равно толку мало — будильник каждый день отстает на три четверти часа, то его подвести надо, то завести — я никогда и не знаю, который час.

Я начинал понимать, почему нам никогда не подают еду в назначенное время. Иногда обед сильно запаздывает, зато завтрак подают на удивление рано.

— Это было задолго до того, как пришел мистер Реддинг?

— Да нет, незадолго. Минут десять — четверть часа, самое большое.
Я кивнул, довольный ответом.

— Все? — спросила Мэри. — А то у меня мясо в духовке, а рис, небось, уже весь выкипел.

— Хорошо. Можете идти.

Она вышла, а я обратился к Гризельде.

— По-видимому, нет никакой возможности заставить Мэри говорить «сэр» или «мэм»?

— Я ей говорила. Она никак не может запомнить. Не забывай, она попала к нам совсем неотесанной девчонкой.

— Это я отлично помню, — сказал я. — Но неотесанные предметы не должны же вечно оставаться в первозданном состоянии. Мне кажется, можно было бы хоть немного научить ее готовить.

— Знаешь, я с тобой не согласна, — сказала Гризельда. — Ведь мы платим прислуге сущие гроши. Стоит нам ее немного подучить, как она от нас уйдет. Само собой. К тем, кто может себе позволить платить побольше. Но пока Мэри не умеет готовить и у нее такие жуткие манеры — можем спать спокойно, никто ее у нас не переманит.

Я понял, что моя жена ведет хозяйство вовсе не просто так, как бог на душу положит. В ее методах есть нечто обдуманное! Хотя стоит ли вообще держать прислугу, которая не умеет готовить и швыряет тарелки на стол с такой же обескураживающей резкостью, как и слова, срывающиеся у нее с языка? Об этом можно было бы поспорить.

— Кроме того, — продолжала Гризельда, — сейчас ей надо прощать любые грубости. И нельзя ждать, чтобы она особенно горевала о смерти полковника Протеро — ведь он засадил за решетку ее молодого человека.

— Как, разве он посадил в тюрьму ее парня?

— Ну да, за браконьерство. Да ты его знаешь — Арчер. Мэри гуляла с ним два года.

— Этого я не знал.

— Лен, милый, ты никогда ничего не знаешь.

— Вот что странно, — сказал я. — Все твердят, что выстрел донесся из лесу.

— А по-моему, ничего странного, — сказала Гризельда. — Понимаешь, в лесу то и дело стреляют. Поэтому, естественно, когда слышишь выстрел, думаешь, что опять стреляют в лесу. Может быть, он кажется только чуть громче, чем обычно. Конечно, если находишься в соседней комнате, сразу поймешь, что стреляли в доме, но на месте Мэри, которая была в кухне, с окном в другую сторону, тебе бы и в голову не

пришло, что стреляют в доме. Дверь снова отворилась.

— Там полковник Мельчетт опять пришел, — сказала Мэри. — И с ним этот инспектор, велели передать, что будут рады, если вы к ним выйдете. Они в кабинете.

Глава XI

С первого взгляда я заметил, что полковник Мельчетт и инспектор Слак не сходятся во взглядах на это дело. Мельчетт покраснел от возмущения, а у инспектора вид был мрачный и надутый.

— Как ни прискорбно, — сказал Мельчетт, — но я должен сказать, что инспектор Слак не согласен со мной относительно виновности молодого Реддинга.

— Если он не виноват, то с какой стати он идет и заявляет, что он — убийца? — скептически спросил Слак.

— Миссис Протеро поступила точно таким же образом, как вы помните, Слак.

— Это другое дело. Она — женщина, а женщины вечно делают глупости. Я ни на минуту не поверил, что она это сделала. Услыхала, что его арестовали, и сочинила историю. Мне к этим играм не привыкать. Не поверите, какие идиотские фокусы выкидывали женщины на моем веку. Но Реддинг же не баба. У него голова на плечах, и коль скоро он признается, значит, я говорю — он и виноват. И пистолет его собственный, тут уж ничего не попишешь. А теперь, когда это дельце с миссис Протеро выяснилось, мы и мотив знаем. Поначалу это было слабое местечко, а теперь-то мы доподлинно знаем — дальше все пойдет как по маслу.

— Вы полагаете, что он мог застрелить полковника раньше — скажем, в половине седьмого?

— Нет, не мог.

— Вы проверили, когда и где он был?

Инспектор кивнул.

— Был в деревне, в «Голубом Кабане», в десять минут седьмого. Оттуда прошел по аллее, задами, где, по вашим словам, старушка-соседка его видела, по-моему, от нее мало что укроется, а потом встретился, как было условлено, с миссис Протеро в мастерской, что в саду. Они вышли вместе чуть позже половины седьмого, пошли по аллее в деревню, и к ним присоединился доктор Стоун. Он это подтвердил, я с ним говорил. Все они стояли и разговаривали перед почтой, недолго, потом миссис Протеро зашла к мисс Хартнелл одолжить журнал по садоводству. Это тоже проверено. Я к ней заходил. Миссис Протеро сидела у нее почти до семи часов, а потом вдруг забеспокоилась: дескать, как поздно, ей давно уже пора домой.

— А как она себя держала?

— Совершенно непринужденно и со своей обычной приятностью, по словам мисс Хартнелл. Настроение у нее было веселое, мисс Хартнелл абсолютно уверена, что ее ничто не беспокоило.

— Так. Продолжайте.

— Реддинг пошел с доктором Стоуном в «Голубой Кабан», и они выпили вместе. Расстались без двадцати семь. Реддинг быстро пошел по деревенской улице и свернул к дому священника. Его многие видели.

— На этот раз он не пошел задами? — заметил полковник.

— Нет, вошел с парадного хода, спросил, дома ли викарий, узнал, что его дожидается полковник Протеро, вошел в кабинет, пристрелил его, точь-в-точь, как он сам говорит. Все сходится, нечего больше и копаться в этом деле.

Мельчетт покачал головой.

— Показания доктора. От этого никуда не денешься. Протеро был убит не позже половины седьмого.

— Уж эти мне доктора! — презрительно процедил сквозь зубы инспектор Слак. — Нашли кому верить — доктору. Выдерут у вас все зубы, до единого, — теперешние доктора все такие, — а потом: ах, извините, у вас, оказывается, был аппендицит! Доктора называются!

— Дело тут не в диагнозе. Доктор Хэйдок с самого начала абсолютно уверен в точности данных. Против медицинского освидетельствования возражать не приходится, Слак.

— Я тоже могу засвидетельствовать, по мере сил, — сказал я, внезапно вспомнив забытое обстоятельство. — Я дотронулся до тела, оно было совсем холодное. Могу в этом присягнуть.

— Вот видите, Слак? — сказал Мельчетт.

— Конечно, если уж на то пошло. А жаль — красивое было бы дельце. Мистер Реддинг сам просится на виселицу, так сказать.

— А вот это само по себе кажется мне не вполне естественным, — заметил полковник Мельчетт.

— Ну, знаете, о вкусах не спорят, — сказал инспектор. — После войны у многих джентльменов мозги набекрень. Значит, придется опять начинать все с начала, как я понимаю. — Он обратился ко мне. — Ума не приложу, с какой стати вы так старались ввести меня в заблуждение с этими часами, сэр. Квалифицируется, как учинение помех правосудию, вот что.

— Я три раза пытался вам об этом сказать, — отпарировал я. — И каждый раз вы затыкали мне рот и наотрез отказывались выслушать.

— Словесные увертки, вот как это называется, сэр. Прекрасно могли

мне сказать, при желании. Записка подтверждала показание часов, тютелька в тютельку. А теперь, если верить вам, часы ввали. Никогда ничего подобного не видел. Чего ради надо переводить часы на пятнадцать минут вперед?

— Исходя из предположения, — сказал я, — что это заставит человека быть пунктуальным.

— Мне кажется, не стоит больше об этом рассуждать, инспектор, — тактично вмешался полковник Мельчетт. — Теперь нам нужно главное — вытянуть правду из мистера Реддинга и миссис Протеро. Я позвонил Хэйдоку, просил его зайти за миссис Протеро и проводить ее сюда. Они будут здесь через четверть часа. Следовало бы пригласить сюда и Реддинга, заблаговременно.

— Свяжусь с участком, — бросил инспектор Слак, хватая телефонную трубку.

— Так. А теперь займемся вплотную осмотром кабинета, — и он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Может быть, я вам мешаю?

Инспектор незамедлительно распахнул передо мною двери. Мельчетт крикнул мне вслед:

— Приходите, когда явится Реддинг, прошу вас, викарий. Вы его друг и обладаете достаточным авторитетом, чтобы убедить его сказать все, как на духу.

Я застал жену и мисс Марпл за конфиденциальной беседой.

— Мы перебирали все возможности, — сказала Гризельда. — Вот хорошо было бы, мисс Марпл, если бы вы распутали это дело; помните, как вы угадали, куда девалась баночка в четверть пинты с очищенными креветками, что пропала у мисс Уэзерби? И все потому, что это напомнило вам совсем другой случай — с мешком угля.

— Вы смеетесь, душечка, — сказала мисс Марпл, — а ведь это не такой уж плохой способ добраться до правды. На самом-то деле это интуиция, как нынче говорят, как будто это бог весть какое чудо! Интуиция — это как привычка читать слова, не складывая их по буквам. Дитя этого не умеет — у него слишком мало опыта. Но взрослый человек узнает слово с первого взгляда, потому что видел его сотни раз. Вы понимаете, что я хочу сказать, викарий?

— Да, — задумчиво протянул я. — Мне кажется, я уловил смысл. Вы хотите сказать, что если одно событие напоминает вам нечто иное, значит, это события одного рода.

— Совершенно верно.

— А о чем же, позвольте узнать, напоминает вам убийство полковника Протеро?

Мисс Марпл вздохнула.

— В том-то вся трудность, что на ум приходят сразу столько похожих случаев. Например, был такой майор Харгривз, церковный староста, человек весьма уважаемый и достойный. И все это время он, оказалось, жил на два дома — содержал бывшую горничную, вы только подумайте! И пятеро ребятишек — целых пятеро — это был ужасный удар для его жены и дочери.

Я попытался вообразить полковника Протеро в роли тайного грешника, но это было выше моих сил.

— Или взять еще случай с прачечной, — продолжала мисс Марпл. — Мисс Хартнелл такая неосмотрительная — забыла в блузке с оборками опаловую брошку, да так и отослала в прачечную. А женщина, которая ее взяла, вовсе не была воровкой, ей эта брошка была ни к чему. Она просто спрятала брошку в доме у другой женщины и донесла в полицию, что эта особа ее украла. Все по злобе, только бы насолить человеку. Ненависть — поразительный мотив. Разумеется, в этом был замешан мужчина. Как всегда.

На этот раз я не сумел разглядеть ни малейшего, даже отдаленного сходства с нашим делом.

— А то еще дочка бедняги Элвелла — такое прелестное, эфирное создание — пыталась задушить своего меньшого братца. И случай с деньгами, которые собрали на пикник для мальчиков из хора (это еще до вас было, викарий), — их взял органист, просто взял. Жена его запуталась в долгах, как ни печально. Да, этот случай приводит на память столько других — слишком много, слишком. До правды докопаться очень трудно.

— Мне бы хотелось узнать, — сказал я, — кто эти семь человек, которых вы подозреваете?

— Семь человек, которых я подозреваю?

— Вы сказали, что можете назвать семь человек, которые... в общем, которые будут рады смерти полковника Протеро.

— Да что вы? Ах да, припоминаю.

— И это правда?

— О, разумеется, чистая правда. Но мне не пристало называть имена. Вы сами легко можете их назвать. Я в этом совершенно уверена.

— Уверяю вас, что я о них понятия не имею. Разве что Летиция Протеро — только потому, что она, вероятно, получит наследство после смерти отца. Но подозревать ее в этом нелепо, а кроме нее мне вообще

никто не приходит на ум.

— А вам, душечка? — спросила мисс Марпл, обращаясь к Гризельде. К моему удивлению, моя жена покраснела. В глазах у нее появился подозрительный блеск, очень похожий на блеск слез. Она сжала обе руки в кулачки.

— О! — возмущенно вскричала она. — Люди так отвратительны! Ужасно! Что они болтают! Какие низости они могут выдумать...

Я смотрел на нее с интересом. Подобные вспышки совершенно не в характере Гризельды. Она поймала мой взгляд и попыталась улыбнуться.

— Не смотри на меня так, будто я диковинная букашка, которую ты никогда не видел, Лен. Давайте не будем попусту горячиться и отвлекаться от темы, ладно? Я не верю, что виноват Лоуренс или Анна, а о Летиции вообще речи быть не может. Нужно найти хоть какую-нибудь улику, которая наведет нас на след.

— Конечно, записка очень странная, — сказала мисс Марпл. — Помните, я еще утром сказала, что меня поразило некоторое несоответствие.

— Насколько я понимаю, записка с замечательной точностью указывает время совершения преступления, — сказал я. — Но ведь это вряд ли возможно? Миссис Протеро только что вышла из кабинета. Она едва ли успела даже дойти до мастерской. Я могу представить только одно объяснение — убийца, должно быть, посмотрел на свои часы, а они сильно отставали. Это единственное, что приходит мне в голову.

— А у меня другая мысль, — сказала Гризельда. — Что если часы уже были переведены назад — нет, это то же самое — какая я бестолочь!

— Когда я уходил, они не были переведены, помню, я посмотрел на свои карманные часы. Но ты права — к нашей теме это никакого отношения не имеет.

— А вы как думаете, мисс Марпл? — спросила Гризельда.

— Милочка, признаюсь, что я думала вовсе не об этом. Мне показалось очень любопытным с самого начала то, что было написано в записке.

— А я этого не нахожу, — заметил я. — Полковник Протеро просто написал, что больше не может ждать...

— В двадцать минут седьмого? — возразила мисс Марпл. — Ваша служанка Мэри предупредила его, что вы вернетесь не раньше половины седьмого, и он как будто согласился подождать. И вот в двадцать минут седьмого он садится и пишет, что «больше ждать не может».

Я во все глаза смотрел на старую даму, проникаясь все более сильным

уважением к остроте ее ума. Она с необычайной пронизательностью обратила внимание на то, что все мы проглядели. Это и вправду было странно, чрезвычайно странно.

— Да, — сказал я, — но если бы сверху не было проставлено время...
Мисс Марпл кивнула.

— Вот-вот, — сказала мисс Марпл, — если бы там не стояло время!

Я попробовал припомнить то, что видел своими глазами: лист почтовой бумаги с неровными строчками, а сверху аккуратно выведено «6.20». Несомненно, эти цифры были совсем не похожи на остальные каракули. Я ахнул.

— А что, если никакого времени там не было обозначено? — сказал я. — Предположим, полковнику Протеро где-то около шести тридцати надоело ждать, и он сел писать записку. И пока он сидел за столом и писал, кто-то проник через окно и...

— Или вошел в дверь, — перебила Гризельда.

— Он бы услышал скрип двери и поднял голову.

— Полковник Протеро был глуховат, как вы, должно быть, помните, — сказала мисс Марпл.

— Да, вы правы. Он все равно не услышал бы. Но неважно, как убийца проник в комнату, — он подкрался к полковнику Протеро и застрелил его. Потом увидел записку и часы, и у него родилась идея. Он написал сверху на письме «6.20», а часы перевел на 6.22. Это была остроумная мысль. Он создал себе, по крайней мере так он полагал, железное алиби.

— И нам только осталось отыскать человека, — подхватила Гризельда, — у которого железное алиби на 6.20, и никакого алиби на... да, это не так уж просто. Нельзя же узнать точное время.

— Но мы можем определить его в довольно узких рамках, — сказал я. — Хэйдок считает, что 6.30 — это верхний предел, самое позднее время. Пожалуй, можно даже продлить до 6.35. Исходя из наших с вами рассуждений, Протеро никак не мог проявить нетерпение до 6.30. Так что мы можем довольно точно определить время, когда было совершено убийство.

— Помните, я слышала выстрел? Да, все как будто сходится. А мне-то даже в голову не пришло. Какая досада! И все же, когда я стараюсь припомнить, мне кажется, что выстрел был какой-то не совсем обыкновенный. Не такой, как те выстрелы, что слышишь обычно.

— Громче? — подсказал я.

Нет, мисс Марпл полагала, что дело не в громкости. Собственно говоря, она затруднялась сказать, что в нем было необыкновенного, но

настаивала на том, что выстрел был не похож на привычные выстрелы в лесу.

Я мог бы подумать, что она просто выдает желаемое за действительное, если бы она только что не развернула перед нами такую четкую картину, не обнаружила такой свежий взгляд на вещи, что я поневоле преклонялся перед ее умом и дальновидностью.

Она встала, пробормотала, что ей давно пора идти, но она не могла противиться искушению обсудить все с милой Гризельдой. Я проводил ее к стене, разделявшей наши владения, закрыл за ней калитку и вернулся. Гризельда была погружена в глубокую задумчивость.

— Все еще пытаешься решить тайну записки? — спросил я.

— Нет.

Она внезапно вздрогнула и раздраженно передернула плечами.

— Лен, я думала и думала. Кто-то смертельно ненавидит Анну Протеро.

— Ненавидит?

— Ну да! Неужели ты не понимаешь? Против Лоуренса нет ни одной достоверной улики — все показания против него косвенные, случайные, как говорится. Ему вдруг взбрело в голову зайти сюда, иначе никто бы и не подумал, что он замешан в преступлении. Но Анна — это другое дело. Представь себе: кому-то известно, что она была здесь точно в 6.20, ведь и часы, и время в письме — все прямо указывает на нее. Мне кажется, часы переставили совсем не ради алиби, по-моему, дело не так уж просто — кто-то хотел свалить всю вину на нее. Если бы мисс Марпл не сказала, что у Анны с собой не было пистолета, и не заметила, что она только заглянула сюда и сразу же пошла в мастерскую, — подумай, если бы не мисс Марпл... — Она снова вздрогнула. — Лен, я чувствую, что кто-то страшно ненавидит Анну Протеро. И мне — мне это не нравится.

Глава XII

Меня позвали в кабинет, когда явился Лоуренс Реддинг. Вид у него был измученный и затравленный. Полковник Мельчетт встретил его приветливо, почти сердечно.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов — прямо тут, на месте, — сказал он.

Лоуренс недоверчиво усмехнулся.

— Кажется, французский метод? Реконструкция преступления?

— Мой милый мальчик, — сказал полковник Мельчетт. — Не надо с нами разговаривать в таком тоне. Вам известно, что другое лицо призналось в совершении преступления, которое вы хотели взять на себя?

Эти слова ошеломили Лоуренса, как молниеносный, сокрушительный удар.

— Д-д-другое лицо?.. — еле выговорил он. — Кто? Кто?

— Миссис Протеро, — сказал полковник Мельчетт, не спуская глаз с его лица.

— Чушь! Она тут ни при чем. Она на это не способна. Невозможно!

Мельчетт перебил его.

— Вам покажется странным, но мы ей не поверили. Могу добавить, что и вашим рассказам мы не верим. Доктор Хэйдок со всей ответственностью утверждает, что убийство не могло иметь место в то время, которое вы называете.

— Доктор Хэйдок так считает?

— Да, так что, хотите вы этого или нет, вас это оправдывает.

Лоуренс все еще сомневался.

— Вы не обманываете меня — насчет миссис Протеро? Вы и вправду ее не подозреваете?

— Даю слово чести, — сказал полковник Мельчетт.

Лоуренс облегченно перевел дух.

— Какой же я дурак, — сказал он. — Классический дурак. Как я мог хоть на минуту подумать, что она способна...

— Расскажите-ка нам все по порядку, — предложил начальник полиции.

— Да тут и рассказывать почти что нечего. Я... Я встретился с миссис Протеро в тот вечер... — Он замялся.

— Об этом мы знаем, — сказал Мельчетт. — Вы, наверное, думали,

что ваши чувства к миссис Протеро — глубочайшая тайна, а на самом деле все давно знали и судачили об этом. Неважно — теперь это выйдет наружу, ничего не поделаешь.

— Ну что ж, если так... Надо думать, вы правы. Я обещал викарию, — он бросил взгляд в мою сторону, — уехать, да, убраться отсюда. Я встретился с миссис Протеро в тот вечер в мастерской, в четверть седьмого. Я ей сказал о своем решении. И она согласилась, что это — единственный выход. Мы попрощались навсегда, вышли из мастерской, и к нам почти сразу подошел доктор Стоун. Анна взяла себя в руки и держалась совершенно спокойно. Но у меня не хватило сил. Я пошел со Стоуном в «Голубой Кабан» и выпил немного. Потом я пошел домой, но, дойдя до угла, передумал и решил зайти повидать викария. Я чувствовал потребность с кем-то поговорить, отвести душу.

Служанка открыла двери и сказала, что викария нет, но он скоро будет, а полковник Протеро уже дожидается в кабинете. Понимаете, было неловко сразу уходить — как будто я его избегаю. Я сказал, что тоже подожду, и пошел в кабинет.

Он замолчал.

— Дальше? — сказал полковник Мельчетт.

— Протеро сидел у письменного стола в той позе, в которой вы его нашли. Я подошел, дотронулся до него. Он был мертв. Тогда я взглянул вниз и увидел, что рядом на полу валяется револьвер. Я его поднял и сразу узнал собственный пистолет.

Я остолбенел. Мой пистолет! Внезапно я понял, все понял. Анна тайком взяла у меня револьвер, для себя, понимаете, если жизнь станет для нее невыносимой. Может быть, он был у нее с собой в этот вечер. После того, как мы расстались в деревне, она, должно быть, вернулась и... Господи! Я, видно, совсем свихнулся, что позволил себе такое подумать. Но я так и подумал. Я сунул пистолет в карман и вышел. И за воротами наткнулся на самого викария. Он сказал что-то приветливое, нормальное, про то, что должен увидеться с Протеро. На меня вдруг накатила приступ смеха. Он был такой спокойный, ни о чем не подозревал, а я весь взвинченный — вот так встреча! Помню, я выкрикнул какую-то чепуху и увидел, как он переменялся в лице. Мне кажется, я был близок к безумию. Я пошел куда глаза глядят, ходил, ходил и больше выдержать не мог. Если Анна совершила страшное дело, то я несу за это ответственность, по чести и совести. Я пошел и признался.

Когда он кончил рассказ, воцарилось молчание. Затем полковник сказал деловым тоном:

— Я хотел бы задать вам еще несколько вопросов. Первое: вы трогали или перемещали тело каким бы то ни было образом?

— Нет, я к нему не прикасался. И без того было видно, что он мертв.

— Вы видели записку, отчасти скрытую телом полковника, на столе?

— Нет.

— Вы производили какие-либо манипуляции с часами?

— Я к ним даже не притрагивался. Вспоминаю, что видел на столе опрокинутые часы, но я их не трогал.

— Теперь касательно вашего пистолета. Когда вы видели его в последний раз?

Лоуренс задумался.

— Трудно точно сказать.

— Где вы его держали?

— А! В куче всякого хлама у себя в гостиной. На полке книжного шкафа.

— Вы оставляли его без присмотра, на видном месте?

— Да. Честно говоря, он у меня вообще из головы вылетел. Просто валялся, и все.

— Значит, любой ваш посетитель мог его видеть?

— Да.

— И вы не помните, когда видели его в последний раз?

Лоуренс нахмурился, силясь вспомнить.

— Я почти уверен, что он был на месте позавчера. Помню, я его отодвинул, когда доставал старую трубку. Думаю, это было позавчера или днем раньше.

— Кто в последние дни бывал у вас в доме?

— Ох, да куча народу! Вечно кто-то забегает, убегает. Третьего дня у меня было что-то вроде званого чаепития. Летиция Протеро, Деннис и вся их компания. Порой и милые старушки-говорушки меня навещают.

— Вы запираете коттедж, когда уходите?

— Нет, с какой стати? Грабить у меня нечего. Здесь никто двери не запирает.

— А кто помогает вам по хозяйству?

— Старушка миссис Арчер заходит по утрам «убраться», как здесь говорят.

— Как вы думаете, может она вспомнить, когда пистолет был на месте в последний раз?

— Понятия не имею. Возможно. Но сдается мне, в число ее достоинств не входит привычка аккуратно вытирать пыль.

— Выходит — почти любой мог взять это оружие?

— Выходит, так.

Дверь отворилась, и вошла Анна Протеро в сопровождении доктора Хэйдока.

Увидев Лоуренса, она вздрогнула. А он нерешительно шагнул ей навстречу.

— Простите меня, Анна, — сказал он. — Чудовищно, что я смел подумать...

— Я... — Она заколебалась, потом умоляюще взглянула на полковника Мельчетта. — То, что сказал мне доктор Хэйдок, — правда?

— Что мистер Реддинг находится вне подозрения? Да. А что вы на это скажете, миссис Протеро? Зачем вы вводили нас в заблуждение?

Она ответила смущенной улыбкой.

— Наверно, вы считаете, что я вела себя ужасно?

— Как вам сказать, очень неразумно, скорее. Но с этим покончено. Я хочу слышать правду, миссис Протеро, чистую правду.

Она торжественно склонила голову.

— Я вам все скажу. Догадываюсь, что вы знаете, знаете обо всем.

— Да.

— Я должна была в этот вечер встретиться с Лоуренсом — с мистером Реддингом — в мастерской. В четверть седьмого. Мы с мужем поехали в деревню вместе. Мне надо было кое-что купить. Когда мы расставались, он вскользь заметил, что идет повидать священника. Лоуренса предупредить я не могла, и очень волновалась. В общем, было очень неловко встречаться с ним в саду, когда мой муж находится в доме.

Щеки ее вспыхнули, когда она говорила эти слова. Это была трудная для нее минута.

— Я подумала, что мой муж там долго не задержится. Решила узнать и прошла аллеей к задней калитке, оттуда в сад. Я очень надеялась, что меня никто не заметит, но мисс Марпл, разумеется, оказалась в своем садике! Она окликнула меня, мы немного поговорили, и я ей сказала, что хочу зайти за мужем. Надо же было что-то сказать. Не знаю, поверила ли она мне. Вид у нее был какой-то странный. Когда я с ней распрощалась, то пошла прямо к дому, завернула за угол и прошла к двери кабинета. Я прокралась очень тихо, ожидая услышать голоса. Но, к моему удивлению, все было тихо. Я заглянула в окно, увидела, что в комнате никого нет, и побежала через лужайку к мастерской. Лоуренс пришел сразу же следом за мной.

— Вы говорите, что в комнате никого не было, миссис Протеро?

— Да, моего мужа там не было.

— Поразительно.

— Вы хотите сказать, мэм, что вы его не видели? — спросил инспектор.

— Нет, не видела.

Инспектор Слак что-то шепнул начальнику полиции. Тот кивнул.

— Если вам не трудно, миссис Протеро, покажите нам, как именно это было?

— Охотно.

Она встала, инспектор Слак распахнул перед ней створки двери, она вышла из дома и завернула налево, за угол.

Инспектор Слак повелительным жестом приказал мне сесть за письменный стол.

Мне стало как-то не по себе. Но я, разумеется, повиновался и сел к столу.

Вскоре я услышал снаружи шаги, они на минуту стихли, потом стали удаляться. Инспектор Слак дал мне понять, что я могу вернуться обратно к камину. Миссис Протеро вошла в кабинет.

— Вы в точности повторили все, как было тогда? — спросил полковник Мельчетт.

— По-моему, в точности.

— Тогда скажите нам, миссис Протеро, где был викарий, когда вы сейчас сюда заглянули?

— Викарий? Я боюсь, что не заметила. Я его не видела.

Инспектор Слак кивнул.

— Вот так же вы и мужа своего не видели. Он был за выступом, у письменного стола.

— О! — она смолкла. Внезапно глаза у нее расширились от ужаса. — Не может быть! Неужели здесь — здесь...

— Да, миссис Протеро. Это произошло, когда он сидел за столом.

— О, Боже! — ее охватила дрожь.

Слак продолжал допрос.

— Миссис Протеро, было ли вам известно, что у мистера Реддинга есть пистолет?

— Да. Он мне сказал как-то раз.

— Вы когда-либо брали у него этот пистолет?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Вам было известно, где он его держит?

— Не уверена. А, да, кажется, я видела его на полке, в шкафу. Он ведь там был, Лоуренс?

— Когда вы в последний раз посещали коттедж, миссис Протеро?

— О, недели три назад. Мы с мужем пили там чай.

— И больше вы там не бывали?

— Нет. Я никогда туда не ходила. Видите ли, по деревне могли пойти разговоры.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил полковник Мельчетт. — А где же вы обычно виделись с мистером Реддингом, разрешите спросить?

— Он приходил к нам, в Усадьбу. Он писал портрет Летиции. Мы часто после этого встречались в лесу.

Полковник Мельчетт кивнул.

— Может быть, хватит? — голос у нее внезапно зазвучал глухо. — Ужасно говорить с вами об этом. Ведь ничего плохого в этом не было. Не было ничего. Мы хотели быть друзьями. Но не любить друг друга мы не могли.

Она бросила умоляющий взгляд на доктора Хэйдока, и этот добряк, как истый рыцарь, пришел ей на помощь. Он шагнул вперед.

— Я считаю, Мельчетт, — сказал он, — что на этот раз с миссис Протеро вполне достаточно. Она перенесла тяжкий удар, и даже не один.

Начальник полиции кивнул.

— Да мне больше и нечего у вас спрашивать, миссис Протеро, — сказал он. — Благодарю за откровенные ответы.

— Значит, значит, мне можно идти?

— Ваша жена дома? — спросил меня Хэйдок. — Мне кажется, миссис Протеро была бы рада с ней повидаться.

— Да, — ответил я. — Гризельда дома. Она, должно быть, в гостиной.

Анна Протеро и Хэйдок вышли из комнаты, а за ними и Лоуренс Реддинг.

Полковник Мельчетт, поджав губы, вертел в руках нож для разрезывания книг. Слак уставился на записку. Тогда-то я и изложил им теорию мисс Марпл. Слак еще пристальнее всмотрелся в записку.

— Честное слово, — сказал он, — а старушка-то, ей-богу, права. Смотрите-ка, сэр, видите, цифры написаны другими чернилами! Провалиться мне на этом месте, если это не самопишущая ручка!

Надо признаться, мы все пришли в волнение.

— Вы, конечно, проверили записку на отпечатки пальцев? — спросил начальник полиции.

— И что бы вы думали, полковник? Никаких отпечатков, чисто. На

пистолете пальчики Лоуренса Реддинга. Может, там и было что другое, пока он не вздумал с ним дурачиться и таскать с собой в кармане, вот там никаких следов и не осталось.

— Поначалу улики складывались не в пользу миссис Протеро, — задумчиво заговорил полковник. — Ее дело куда серьезнее, чем дело Реддинга. Правда, старушка Марпл показывает, что пистолета при ней не было, но эти престарелые дамы частенько ошибаются.

Я промолчал, но с ним не согласился. Я был совершенно уверен, что у миссис Протеро револьвера не было, коль скоро мисс Марпл это утверждает. Мисс Марпл не из тех «престарелых дам», которые ошибаются. Она каким-то непостижимым образом всегда оказывается права. Подчас даже оторопь берет.

— Одно никак не могу понять — почему никто не слышал выстрела. Если там кто-то выстрелил, хоть один человек *должен был* услышать выстрел. Откуда он послышался — это другой вопрос. Слак, советую вам расспросить прислугу.

Инспектор Слак с готовностью бросился к двери.

— Я бы на вашем месте не стал ее спрашивать, слышала ли она выстрел в доме, — сказал я. — Если вы спросите, она просто ответит «нет». Назовите это «выстрелом в лесу». Это единственная возможность заставить ее признать, что она вообще слышала выстрел.

— Я сам знаю, как с ними управляться, — бросил инспектор Слак, скрываясь за дверью.

— Мисс Марпл говорит, что слышала выстрел позже, — сказал полковник Мельчетт задумчиво. — Надо выяснить, может ли она назвать точное время. Конечно, это мог быть просто случайный выстрел, не имеющий никакого отношения к делу.

— Вполне возможно, — согласился я.

Полковник несколько раз прошелся по комнате.

— А знаете, Клемент, — неожиданно сказал он. — Я чувствую, что это куда более запутанное и сложное дело, чем казалось всем нам поначалу. Пропади оно пропадом, только мне кажется, за всем этим что-то кроется. — Он фыркнул. — Что-то, нам не известное. Мы толком еще и не начали, Клемент. Верьте мне на слово, все еще впереди. Все эти улики — часы, записка, пистолет — не складываются друг с другом, как ни крути.

Я покачал головой. В этом я был с ним согласен.

— Но я докопаюсь до смысла. И нечего вызывать Скотленд-Ярд. Слак — отличный сыщик. Ему палец в рот не клади. Он вроде хорька. Разнюхает правду, как только возьмет след. Он уже решил несколько сложных дел, а

это будет его триумф. Кое-кто на моем месте передал бы дело в Скотленд-Ярд. Только не я. Мы тут сами разберемся, в Дауншайре.

— Нимало в этом не сомневаюсь, — поддержал его я.

Я постарался вложить в свои слова как можно больше энтузиазма, но инспектор Слак стал мне настолько антипатичен, что его возможная победа меня вовсе не радовала. Слак-триумфатор, подумалось мне, будет куда отвратительнее Слака озадаченного.

— А кто живет по соседству? — вдруг спросил полковник.

— Вы хотите сказать, ближе к перекрестку? Миссис Прайс Ридли.

— Зайдем к ней, когда Слак кончит допрос вашей прислуги. Может быть, она все же что-то слышала. Она у вас, часом, не туга на ухо, с ней все в порядке?

— Я бы сказал, что слух у нее на редкость острый. Я сужу по тому количеству сплетен, которые она распускает, уверяя, что «услышала по чистой случайности».

— Это как раз то, что нам нужно. А, вот и Слак.

У инспектора был вид жертвы уличной потасовки.

— Фью! — выдохнул он. — Ну и дикарка она у вас, сэр.

— Мэри обладает от природы сильным характером, — ответил я.

— Полицию на дух не переносит, — пояснил инспектор. — Я ее предупреждал — старался, как мог, внушить ей страх перед законом, но все впустую. Я ей слово — она мне десять.

— Бойкая девушка, — сказал я, чувствуя зарождающуюся симпатию к Мэри.

— Но я ее все же расколол. Она слышала выстрел — единственный. И это было спустя целую вечность после прихода полковника. Точное время из нее вытянуть не удалось, но мы наконец добились толку с помощью рыбы. Рыба опоздала, и она задала перцу парнишке-посыльному, когда он наконец появился, а он сказал в свое оправдание, что всего-то половина седьмого, чуть больше, и как раз после нагоняя она и слышала выстрел. Само собой, никакой точности тут нет, но все же дает примерное представление.

— Гм-м, — сказал Мельчетт.

— Вряд ли миссис Протеро все-таки в это замешана, — сказал Слак с явным сожалением в голосе. — Во-первых, у нее не хватило бы времени, а во-вторых, женщины боятся связываться с огнестрельным оружием. Мышьяк для них — самое милое дело. А жаль! — и он вздохнул.

Мельчетт сказал, что собирается к миссис Прайс Ридли, и Слак одобрил его решение.

— Можно и мне пойти с вами? — спросил я. — Это становится интересным.

Я получил разрешение, и мы пошли вместе. Не успели мы выйти из наших ворот, как услышали громкое «Эй!» — мой племянник, Деннис, сломя голову неся к нам со стороны деревни.

— Слушайте, — сказал он инспектору, — выяснили про след, который я вам разыскал?

— Садовник, — лаконично ответил Слак.

— А вам не кажется, что кто-то взял и надел сапоги садовника?

— Нет, не кажется, — отрезал Слак.

Это могло бы обескуражить любого, только не Денниса. Денниса обескуражить не так-то просто.

Он держал в поднятой руке две сгоревшие спички.

— Вот — нашел у самых ворот.

— Благодарю, — сказал Слак и сунул спички в карман.

Казалось, наш разговор зашел в тупик.

— Вы, случайно, не арестовали дядю Лена? — ехидно спросил Деннис.

— С чего бы это? — сказал Слак.

— А против него уйма улик, — заявил Деннис. — Вы сами спросите, у Мэри. За день до убийства он желал полковнику перейти в лучший мир. Помнишь, дядя Лен?

— Э-э... — начал я.

Инспектор Слак медленно перевел на меня взгляд, в котором затеплилось подозрение, и я почувствовал, как мне стало вдруг жарко. Деннис бывает совершенно невыносим. Надо бы ему знать, что полицейские в подавляющем большинстве начисто лишены чувства юмора.

— Не болтай глупостей, Деннис, — сердито сказал я.

Невинное дитя широко раскрыло удивленные глаза.

— Послушайте, я же пошутил, — сказал он. — Дядя Лен просто сказал, что тот, кто убьет полковника Протеро, облагодетельствует мир.

— А! — сказал инспектор Слак. — Теперь понятно, про что говорила служанка.

У прислуги, как правило, чувство юмора — такая же редкость, как и у полиции. Про себя я ругал Денниса на чем свет стоит — зачем было вообще об этом вспоминать? Эти слова и история с часами — да инспектор возьмет меня на заметку до конца жизни!

— Пошли, Клемент, — сказал полковник Мельчетт.

— Куда вы идете? А мне можно с вами? — засуетился Деннис.

— Тебе нельзя! — рявкнул я.

Он стоял, обиженно глядя нам вслед. Мы подошли к безукоризненной двери дома миссис Прайс Ридли, и инспектор стал стучать и трезвонить, как и положено служителю закона, — это все, что я могу позволить себе заметить. На звонок вышла хорошенькая горничная.

— Миссис Прайс Ридли у себя? — спросил Мельчетт.

— Нет, сэр. — Горничная помолчала и сказала. — Она недавно ушла в полицейский участок.

Вот уж чего мы никак не ожидали! Когда мы шли обратно, Мельчетт взял меня за локоть и сказал вполголоса:

— Если и она пошла сдаваться с повинной, я окончательно рехнусь.

Глава XIII

Мне как-то не верилось, что миссис Прайс Ридли обуревали столь драматические намерения, но все же я не мог не задать себе вопрос: зачем она все-таки отправилась в полицейский участок? Может быть, у нее была действительно важная информация, или, по крайней мере, что-то казалось ей важным? Но, как бы то ни было, нам предстояло узнать это в ближайшее время.

Мы застали миссис Прайс Ридли уже в участке: она с невероятной скорострельностью вела словесную атаку на сильно растерявшегося дежурного констебля. Я с первого взгляда понял, что она возмущена до крайности — бант на ее шляпке весьма красноречиво трясся. Миссис Прайс Ридли носит, насколько я понимаю, головной убор, называемый «шляпка для почтенной матери семейства», — фирменный товар, выпускаемый в соседнем городке Мач Бенэм. Эта шляпка изящно балансирует на бастионе из волос, хотя и несколько перегружена пышными шелковыми бантами. Когда Гризельда хочет меня напугать, она грозитя купить «шляпку для почтенной матери семейства».

Когда мы вошли, миссис Прайс Ридли прервала свою горячую речь.

— Миссис Прайс Ридли? — осведомился полковник Мельчетт, приподнимая шляпу.

— Позвольте представить вам полковника Мельчетта, миссис Прайс Ридли, — сказал я. — Полковник Мельчетт — начальник полиции нашего графства.

Миссис Прайс Ридли окинула меня ледяным взглядом, но на долю полковника у нее все же нашлось нечто вроде благосклонной улыбки.

— Мы только что заходили к вам домой, миссис Прайс Ридли, — пояснил полковник, — и узнали, что вы уже опередили нас.

Миссис Прайс Ридли окончательно растаяла.

— А! — Я рада, что на этот случай *наконец* обратили внимание, — заметила она. — Хулиганство, вот как это называется. Форменное хулиганство.

Спору нет, убийство — весьма прискорбный случай, но я бы не стал называть его хулиганством. Полковнику Мельчетту, насколько я заметил, термин тоже показался не совсем подходящим.

— Вы можете сообщить нам что-нибудь, относящееся к делу? — спросил он.

— Сами должны знать. Это обязанность полиции. За что мы платим налоги, я вас спрашиваю?

Каждый раз поневоле задаешь себе вопрос — сколько раз в год мы слышим эту фразу?

— Мы делаем все, что можем, миссис Прайс Ридли, — сказал начальник полиции.

— Да ведь ваш дежурный ничего об этом не знал, пока я сама ему не сказала! — воскликнула возмущенная дама.

Мы все взглянули на дежурного констебля.

— Леди сообщила о телефонном звонке. Ее оскорбили. Как я понял, это случай оскорбления в грубых нецензурных выражениях.

— О! Понимаю. — Хмурое лицо полковника просветлело. — Мы говорили о совершенно разных вещах. Вы пришли сюда принести жалобу, не так ли?

Мельчетт — человек, умудренный опытом. Он знает, что единственный способ обращения с разгневанной дамой средних лет — это выслушать ее до конца. Когда она выскажет все, что хотела сказать, появится хотя бы небольшая вероятность, что она услышит и то, что вы ей скажете.

Речь миссис Прайс Ридли снова полилась неудержимым потоком.

— Как можно допускать подобное хулиганство? Его надо пресекать! Звонить даме домой и оскорблять ее, да, оскорблять! Я не привыкла терпеть такие оскорбления. После войны нравственность так упала, все распустились — аморальность! Говорят что попало, носят что попало...

— Согласен, — поспешно ввернул полковник Мельчетт. — Расскажите, что именно произошло?

Миссис Прайс Ридли сделала глубокий вдох и снова заговорила:

— Мне позвонили...

— Когда?

— Вчера днем — точнее, ближе к вечеру. Около половины седьмого. Я подошла к телефону ни о чем не подозревая. И на меня тут же посыпались грязные оскорбления, угрозы...

— А в каких словах это выражалось?

Миссис Прайс Ридли слегка порозовела.

— Я отказываюсь их повторять.

— В нецензурных выражениях, — сообщил констебль, слегка приглушая свой рокошующий бас.

— Вы слышали площадную брань?

— Смотря что называть площадной бранью.

— А вы поняли, о чем идет речь? — спросил я.

— Разумеется, поняла.

— Значит, никакой грубой брани не было, — сказал я.

Миссис Прайс Ридли подозрительно взглянула на меня.

— Утонченная леди, естественно, не может быть знакома с грубой бранью, — пояснил я.

— Да нет, никаких дурных слов не было, — сказала миссис Прайс Ридли. — Вначале я даже попала на удочку. Приняла за обычный разговор. Потом это... э-э... лицо перешло к личным оскорблениям.

— Оскорблениям?

— Да, это были ужасные оскорбления. Я так перепугалась!

— Угрожали вам, да?

— Да. А я не привыкла, чтобы мне угрожали.

— А чем они вам угрожали? Речь шла о телесных повреждениях?

— Этого бы я не сказала.

— Боюсь, миссис Прайс Ридли, что вам придется быть несколько более откровенной. Чем именно вам угрожали?

Миссис Прайс Ридли явно не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Точно не могу вспомнить. Я так переволновалась. Но под конец, когда я была уже совсем вне себя, этот *негодяй* расхохотался.

— Голос был мужской или женский?

— Голос дегенерата, — авторитетно заявила миссис Прайс Ридли. — Неестественный, я бы сказала. То грубый, то писклявый. Очень *странный* голос.

— Наверно, обычный розыгрыш, — утешил ее полковник.

— Если и так, то преступный розыгрыш — у меня мог случиться разрыв сердца!

— Мы постараемся все выяснить, — сказал полковник. — Верно, инспектор? Проверьте, откуда звонили. Вы не могли бы сказать нам более определенно, что он говорил, миссис Прайс Ридли?

В глубине души миссис Прайс Ридли началась жестокая борьба. Скрытность боролась с мстительностью. Мстительность возобладала.

— Конечно, это должно остаться между нами, — начала она.

— Разумеется!

— Это существо сказала — я вряд ли смогу повторить эти слова...

— Ничего, ничего, — ободряюще вставил полковник Мельчетт.

— *Вы зловредная старая сплетница!* Я, полковник Мельчетт! Я — «старая сплетница»! *Но на этот раз вы зашли чересчур далеко. Скотленд-Ярд вас притянет к суду за клевету.*

— Понимаю, как вы разволновались, — заметил полковник Мельчетт, покусывая усы, чтобы скрыть улыбку.

— *Попридержите язык, а то вам будет худо, и очень худо.* Не могу вам передать, с какой угрозой это было сказано. Я еле выговорила — «Кто вы?», вот так, и голос ответил: «Мститель». Я слабо вскрикнула. Слово прозвучало так жутко. А потом — потом оно засмеялось! Засмеялось! Это я точно слышала. И все. Я слышала, как оно повесило трубку. Конечно, я тут же позвонила на коммутатор, узнать, откуда звонили, а они сказали, что понятия не имеют. Вы же знаете, какие там барышни. Ужасающе грубые и черствые.

— О да, — сказал я.

— Я просто лишилась сил, — продолжала миссис Прайс Ридли. — Нервы были так взвинчены, что, когда в лесу раздался выстрел, я буквально подскочила на полметра, уверяю вас. Можете себе представить!

— Выстрел в лесу? — насторожился инспектор Слак.

— Я была в таком состоянии, что он мне показался выстрелом из пушки. О, воскликнула я и без сил упала на софу. Клара была вынуждена принести мне стаканчик терносливовой наливки.

— Ужасно, — сказал Мельчетт. — Ужасно. Для вас это было тяжелое испытание. Выстрел был очень громкий, как вы сказали? Как будто стреляли поблизости?

— Мне это показалось, у меня нервы не выдержали.

— Конечно. Я понимаю. А в какое время вы слышали выстрел? Нам нужно знать, чтобы проследить, кто звонил.

— Примерно в половине седьмого.

— А более точно вы не могли бы сказать?

— Видите ли, маленькие часы у меня на камине только что отзвонили половину часа, и я сказала себе: «Эти часы опять спешат». (Часы и вправду убегают.) Я посмотрела на свои часики, и на них было всего десять минут седьмого, но, когда я поднесла их к уху, оказалось, что они стоят. Тут я подумала: «Что ж, если эти часы спешат, я через минуту-другую услышу звон на церковной колокольне». Но тут, как назло, зазвонил телефон, и у меня все из головы вылетело. — Она замолчала, еле переводя дух.

— Что ж, это достаточно точно, — сказал полковник Мельчетт. — Мы все для вас сделаем, миссис Прайс Ридли.

— Вы просто считайте это глупой шуткой и больше не тревожьтесь, миссис Прайс Ридли, — добавил я.

Она холодно посмотрела на меня. Я понял, что происшествие с фунтовой бумажкой еще не позабыто.

— Диковинные вещи творятся у нас в деревне последнее время, — сказала она, обращаясь к Мельчетту. — Диковинные вещи, иначе не скажешь. Полковник Протеро собирался ими заняться, и что же с ним сделали, с бедняжкой? Может, настал и мой черед?

И она удалилась, недовольно покачивая головой. Мельчетт пробормотал себе под нос: «Держи карман!» Потом вопросительно взглянул на инспектора Слака.

Славный служака медленно наклонил голову.

— Похоже, все сходится, сэр. Выстрел слышали трое. Остается узнать, кто стрелял. Возня с делом мистера Реддинга порядком нас задержала. Но у нас есть кое-какие кончики. Пока я считал мистера Реддинга виновным, я за них не брался. Теперь все переменялось. И первое, чем я займусь, — это телефонный звонок.

— К миссис Прайс Ридли?

Инспектор ухмыльнулся.

— Да нет, хотя придется взять и его на заметку, а то старушенция от нас не отвяжется. Я говорю про ложный звонок, которым вызвали викария.

— Да, — сказал Мельчетт. — Это очень важно.

— А потом мы выясним, что делал каждый из них между шестью и семью часами. Я хочу сказать, опросим всех в Старой Усадьбе, да и в деревне тоже придется почти всех допросить.

Я не сдержал вздоха:

— Вы на диво энергичны, инспектор Слак.

— Мой девиз: работа, работа, и еще раз работа! С вас, пожалуй, и начнем, мистер Клемент. Расскажите, что вы делали.

— Охотно. Мне позвонили около половины шестого.

— Голос мужской или женский?

— Женский. По крайней мере, мне так показалось. Но я, само собой, был в полной уверенности, что говорит миссис Аббот.

— Но вы не узнали голос миссис Аббот?

— Нет, этого я утверждать не берусь. Я вообще не обратил внимания на голос, как-то не задумывался над этим.

— И вы тотчас вышли? Пешком? У вас что, нет велосипеда?

— Нет.

— Понятно. Вы шли — много это заняло?

— До фермы две мили без малого, какой дорогой ни пойдешь.

— Через лес Старой Усадьбы все же короче, не так ли?

— Вы правы. Но дорога плохая. Я шел туда и обратно тропинкой через поля.

— Той самой, что подходит к калитке вашего сада?

— Да.

— А миссис Клемент?

— Жена была в Лондоне. Вернулась на поезде в 6.50.

— Верно. Служанка ее видела. Ну, с вашим домом все ясно. Надо побывать в Старой Усадьбе. Потом хочу допросить миссис Лестрэндж. Она ходила к Протеро накануне убийства — что-то тут нечисто. Да, в этом деле много странностей.

Я согласился.

Бросив взгляд на часы, я увидел, что пора ко второму завтраку. Я пригласил Мельчетта закусить чем бог послал, но он отговорился тем, что ему надо непременно быть в «Голубом Кабане». Там кормят отменно — у них всегда подадут и жаркое, и гарнир из овощей. Я подумал, что он сделал правильный выбор. После разговоров с полицией Мэри, вероятно, не в самом благодушном настроении.

Глава XIV

По дороге домой я попался мисс Хартнелл, и она не давала мне проходу минут десять, если не больше, гулким басом обличая расточительность и неблагодарность бедняков. Камнем преткновения, насколько я понял, было то, что Беднота не желала пускать на порог мисс Хартнелл. Я был всецело на их стороне. Мое общественное положение лишает меня возможности выразить свои симпатии или антипатии в столь недвусмысленной форме, как эти простые люди.

Я умиротворил ее, как сумел, и спасся бегством.

На углу, где я должен был свернуть к своему дому, меня обогнал Хэйдок на машине.

— Я только что отвез миссис Протеро домой, — крикнул он.

Он ждал меня у ворот своего дома.

— Загляните на минутку, — сказал он. Я не возражал.

— Поразительная история, — сказал он, бросая шляпу на стул и отворяя дверь в свою приемную.

Он уселся в потертое кожаное кресло и уставился неподвижным взглядом в стенку напротив. Хэйдок был явно ошеломлен, сбит с толку.

Я сообщил ему, что нам удалось установить время, когда был произведен выстрел. Он рассеянно выслушал известие.

— Это окончательно исключает вину Анны Протеро, — сказал он. — Что же, я рад, что эти двое не виноваты. Они оба мне нравятся.

Я верил ему, и все же не мог не задать себе вопрос: если, по его же словам, оба они ему нравились, почему он впал в такое мрачное настроение, узнав, что они невиновны? Только сегодня утром он был похож на человека, у которого с души свалился камень, а теперь сидел передо мной растерянный, в глубоком расстройстве.

И все же я знал, что он говорит правду. Ему нравились оба — и Анна Протеро и Лоуренс Реддинг. В чем же дело, откуда эта сумрачная сосредоточенность? Он сделал над собой усилие, чтобы встать.

— Я хотел поговорить с вами о Хоузе. Весь этот переполох заставил меня позабыть про него.

— Он серьезно болен?

— Да нет, ничего серьезного у него нет. Вы, конечно, знаете, что он переболел энцефалитом, или сонной болезнью, как это обычно называют?

— Нет, — ответил я, крайне удивленный. — Понятия не имел. Он мне

ни слова про это не говорил. А когда он болел?

— Примерно с год назад. Он выздоровел, в общем, насколько можно выздороветь при такой болезни. Странная болезнь — у нее бывают поразительные остаточные явления, она отражается на психике, на моральном облике. Характер может измениться до неузнаваемости.

Минуту или две он помолчал, потом продолжал:

— Сейчас мы с ужасом думаем о тех временах, когда жгли на кострах ведьм. Мне кажется, что настанут дни, когда мы содрогнемся при одной мысли о том, что мы когда-то вешали преступников.

— Вы не верите в высшую меру наказания?

— Дело даже не в этом. — Он умолк. — Знаете, — медленно произнес он наконец, — я бы предпочел свою профессию вашей.

— Почему?

— Потому что вам приходится очень часто судить, кто прав, кто виноват, а я вообще не уверен, что можно об этом судить. А если все это целиком зависит от желез внутренней секреции? Слишком активна одна железа, слишком мало развита другая — и вот перед вами убийца, вор, рецидивист. Клемент, я убежден, что настанет время, когда мы с ужасом и отвращением будем вспоминать долгие века, когда мы позволяли себе упиваться так называемыми справедливыми мерами наказания за преступления, и думать, что мы осуждали и наказывали людей больных, которые были не в силах справиться с болезнью, бедолаги! Ведь не вешают же человека, больного туберкулезом!

— Он не представляет опасности для окружающих.

— Нет, в определенном смысле он опасен. Он может заразить других. Ладно, возьмем к примеру несчастного, который воображает, что он китайский император. Вы же не обвиняете его в злом умысле. Я согласен, что общество нуждается в защите. Поместите людей куда-нибудь, где они никому не причинят вреда, даже устраните их безболезненным путем, да, я готов согласиться на крайние меры, но только не называйте это наказанием. Не убивайте позором их семьи — невинных людей.

Я с интересом смотрел на него.

— Я никогда раньше не слышал от вас таких речей.

— А я не привык рассуждать о своих теориях на людях. Сегодня я сел на своего конька. Вы разумный человек, Клемент, а не о всяком священнике это можно сказать. Вы, безусловно, не согласитесь, что такого понятия, как «грех», вообще не должно существовать, но хотя бы сможете допустить мысль об этом — вы человек широких взглядов.

— Это подрывает самую основу общепринятого мировоззрения, —

сказал я.

— А как же иначе — ведь мы набиты предрассудками, чванством и ханжеством и обожаем судить о том, чего не понимаем. Я по чести считаю, что преступнику нужен врач, а не полиция и не священник. А в будущем, надеюсь, преступлений вообще не будет.

— Вы могли бы их лечить?

— Мы вылечили бы их. Какая удивительная мысль! Вы когда-нибудь интересовались статистикой преступности? Нет? Очень немногие ею интересуются. А я ее изучал. Вас поразило бы количество несовершеннолетних преступников — опять дело в железах, понимаете? Юный Нийл, убийца из Оксфордшира, убил пятерых маленьких девочек, прежде чем его задержали. Хороший мальчик, никогда никаких проступков за ним не водилось. Лили Роуз, девчушка из Корнуэлла, убила своего дядю за то, что он не разрешал обедаться конфетами. Ударила его молотком для разбивания угля, когда он спал. Ее отослали домой, и она через две недели убила свою старшую сестру из-за какой-то пустяковой обиды. Конечно, их не приговаривали к повешению. Отослали в исправительные заведения. Может, они с возрастом исправились, а может, и нет. Девочка, во всяком случае, вызывает у меня сомнение. Ничем не интересуется, обожает смотреть, как режут свиней. Вы знаете, на какой возраст падает максимум самоубийств? На пятнадцать — шестнадцать лет. От самоубийства до убийства не так уж далеко. Но ведь это не моральный порок, а физический.

— Страшно слушать, что вы говорите!

— Нет — просто это для вас внове. Приходится смотреть прямо в лицо новым, непривычным истинам. Менять соответственно свои понятия. Однако порой это сильно осложняет жизнь.

Он сидел, сурово нахмурясь, словно придавленный необъяснимой усталостью.

— Хэйдок, — сказал я, — если бы вы подозревали, если бы знали, что некто совершил убийство, вы предали бы это лицо в руки закона или постарались бы выгородить его?

Воздействие этого вопроса превзошло мои ожидания. Хэйдок вспылел и бросил мне подозрительно и сердито:

— Почему вы это спросили, Клемент? Что у вас на уме? Выкладываете начистоту.

— Признаюсь, я ничего определенного не имел в виду, — смущенно ответил я. — Но ведь мы сейчас только об убийстве и говорим. Я просто хотел узнать, как бы вы отнеслись к этому, если бы случайно угадали правду, вот и все.

Его гнев улегся. Он снова устремил взгляд прямо перед собой, как будто старался прочесть ответ на мучительную загадку, рожденную его собственным мозгом.

— Если бы я подозревал — если бы знал — я исполнил бы свой долг, Клемент. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Вопрос только в том, что вы сочтете своим долгом?

Он взглянул мне в глаза, и я не смог ничего прочесть в его взгляде.

— Этот вопрос встает перед каждым человеком рано или поздно, Клемент. И каждый принимает решение лично.

— Значит, вы не знаете?

— Не знаю...

Я счел за благо переменить тему.

— Мой племянник — вот кто получает от всего этого бездну удовольствия, — заметил я. — Все забросил, рыскает в поисках следов и окурков.

Хэйдок улыбнулся.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать исполнилось. В этом возрасте трагедии всерьез не воспринимаются. В голове только Шерлок Холмс да Арсен Люпен.

Хэйдок задумчиво сказал:

— Красивый мальчик. А что вы с ним собираетесь делать дальше?

— Университет, боюсь, мне не по карману. Сам он хочет пойти в торговый флот. В военные моряки его не взяли.

— Да, жизнь там не сахар, но ведь он мог выбрать и похуже. Да, это еще не самое плохое.

— Мне пора бежать, — воскликнул я, бросив взгляд на часы. — Я почти на полчаса опаздываю к ленчу!

Мое семейство как раз усаживалось за стол, когда я пришел. Они потребовали полного отчета о том, чем я занимался утром, и я все им рассказал, чувствуя, что рассказ звучит как-то неинтересно, буднично.

Деннису, однако, очень понравился рассказ про телефонный звонок к миссис Прайс Ридли, и, когда я описывал нервное потрясение, которое потребовало лекарства в виде терносливовой наливки, он так и покатывался со смеху.

— Так ей и надо, старой греховоднице, — заявил он. — Самая злодейская сплетница в округе. Жаль, что мне не пришлось в голову позвонить ей и напугать до полусмерти. Слушай, дядя Лен, а не вкатить ли ей вторую дозу, как ты думаешь?

Я поспешно и убедительно попросил его даже и не думать об этом.

Нет ничего опаснее, чем благие намерения молодежи, которая старается искренне помочь вам и проявить свое сочувствие.

Настроение у Денниса резко переменялось. Он нахмурился и напустил на себя вид светского льва.

— Я почти все утро провел с Летицией, — сказал он. — Знаешь, Гризельда, она и вправду *очень* огорчена. Не хочет показывать виду, конечно. Но она *очень* огорчена.

— Хотелось бы верить, — сказала Гризельда, потрянув головкой.

Гризельда не особенно любит Летицию Протеро.

— По-моему, ты несправедлива к Летиции, вот что.

— Ты так думаешь? — сказала Гризельда.

— Сейчас почти никто не носит траур.

Гризельда промолчала, и я тоже. Деннис не унимался:

— Она почти ни с кем не может поделиться, но *со мной-то* она говорила. Эта история ее жутко взволновала, и она считает, что надо что-то предпринимать.

— Она будет рада узнать, — сказал я, — что инспектор Слак разделяет ее мнение. Он сегодня собирается зайти в Старую Усадьбу, вполне вероятно, что от усердия в поисках истины он сделает жизнь для всех совершенно невыносимой.

— А как ты думаешь, в чем истина, Лен? — внезапно спросила моя жена.

— Трудно сказать, дорогая моя. Сейчас я вообще не знаю, что и думать.

— Ты, кажется, говорил, что инспектор собирается проследить, откуда тебе звонили, когда вызвали к Абботам?

— Да.

— А он сумеет? Ведь это очень трудно сделать, да?

— По-моему, вовсе не трудно. На центральном коммутаторе отмечают все звонки.

— О! — и моя жена надолго задумалась.

— Дядя Лен, — сказал мой племянник, — с чего это ты так набросился на меня сегодня утром, когда я пошутил, что ты, мол, хотел, чтобы полковника Протеро кто-то прикончил?

— А потому, — сказал я, — что всему свое время. У инспектора Слака чувство юмора отсутствует. Он принял твои слова за чистую монету, он может подвергнуть Мэри перекрестному допросу и выправить ордер на мой арест.

— Он что, не понимает, когда его разыгрывают?

— Нет, — сказал я. — Не понимает. Он добился своего теперешнего положения неустанным трудом и служебным рвением. У него не оставалось времени на мелочи жизни.

— Он тебе нравится, дядя Лен?

— Нет, — сказал я. — Отнюдь. Я его терпеть не могу. Но не сомневаюсь, что в своей профессии он достиг многого.

— Как ты думаешь, он докопается, кто убил старика Протеро?

— Если не докопается, — сказал я, — то вовсе не от недостатка усердия.

В дверях возникла Мэри и объявила:

— Там мистер Хоуз вас спрашивает. Я его провела в гостиную. Вам записка. Ждут ответа. Можно словами.

Я развернул записку и прочел:

«Дорогой мистер Клемент, я буду очень благодарна вам, если вы зайдете ко мне, как только сможете. Я в большом затруднении, и мне необходим ваш совет.

Искренне ваша Эстелла Лестрэндж».

— Передайте, что я буду через полчаса, — сказал я Мэри. Потом пошел в гостиную, где ждал Хоуз.

Глава XV

Я очень огорчился, увидев Хоуза. Руки у него тряслись, лицо нервно подергивалось. Судя по всему, ему полагалось лежать в постели — так я ему и сказал. Он настойчиво возражал, что чувствует себя совершенно здоровым.

— Уверю вас, сэр, я никогда не чувствовал себя лучше. Никогда в жизни.

Это так разительно противоречило действительности, что я не нашелся, что ответить. Нельзя не почувствовать уважения к человеку, который героически сопротивляется болезни, но Хоуз зашел слишком далеко.

— Я пришел выразить вам свое глубокое сочувствие относительно событий, имевших место в вашем доме.

— Да, — ответил я, — приятного в этом мало.

— Ужасно, ужасно. Кажется, они освободили мистера Реддинга из-под ареста?

— Да. Произошла ошибка. Он, э-э, довольно необдуманно оговорил себя.

— И полиция окончательно уверилась в его невиновности?

— Безусловно.

— Могу ли я спросить — почему? Разве... то есть... Подозрение пало на кого-то другого?

Мне никогда бы и в голову не пришло, что Хоуз может так заинтересоваться перипетиями расследования дела об убийстве. Может быть, причина в том, что убийство произошло в доме священника. Он выпытывал подробности, как заправский газетчик.

— Не думаю, чтобы инспектор Слак посвящал меня во все свои соображения. Насколько мне известно, он пока не подозревает никого в частности. Он занят расследованием.

— Да, да, разумеется. Но вы могли бы вообразить, что кто-то способен на такое черное дело?

Я покачал головой.

— Полковник Протеро не пользовался популярностью, я знаю. Но пойти на убийство! Для убийства нужны очень серьезные основания.

— Надо полагать, — сказал я.

— А у кого могли быть настолько серьезные основания? Полиция

знает?

— Не могу сказать.

— У него могли быть враги, если подумать. Чем больше я размышляю над этим, тем более убеждаюсь, что у такого человека обязательно должны быть враги. В судейских кругах у него была репутация сурового судьи.

— Да, я полагаю.

— Как, сэр, разве вы не помните? Он еще вчера утром говорил вам об угрозах этого самого Арчера.

— Да, теперь я припоминаю, — сказал я. — Разумеется, помню. Вы как раз стояли совсем рядом с нами.

— Да, и я слышал его слова. Невозможно не подслушать — такой уж у него был голос. Очень громкий голос. Я помню, что на меня произвели большое впечатление ваши слова. Вы ему сказали, что, когда настанет его час, к нему могут тоже проявить справедливость вместо милосердия.

— Разве я так сказал? — спросил я, нахмурившись. Сам я помнил собственные слова несколько иначе.

— Вы сказали это так внушительно, сэр. Я был потрясен. Справедливость может быть ужасной. И подумать только: бедного полковника так скоро постигла смерть. Поневоле поверишь в предчувствия.

— Никакого предчувствия у меня не было, — отрезал я. Мне очень не по душе склонность Хоуза к мистицизму. В нем есть что-то от духовидца.

— А вы сообщили полиции про этого Арчера, сэр?

— Мне о нем ничего не известно.

— Я имел в виду то, что вам сказал полковник Протеро, что Арчер ему угрожает. Это вы им передали?

— Нет, — медленно произнес я. — Не передал.

— Но ведь вы собираетесь это сделать?

Я не отвечал. Вызывать гонения на человека, который уже пострадал от рук закона и правопорядка, — это мне не по душе. Я не заступаюсь за Арчера. Он закоренелый браконьер — один из тех развеселых бездельников, которые водятся в любом приходе. И что бы он там ни говорил в горячности, когда его посадили, я не был уверен, что, выйдя из тюрьмы, он будет лелеять чувство мести.

— Вы слышали наш разговор, — сказал я наконец. — Если вы считаете своим долгом сообщить полиции, можете это сделать.

— Лучше, если это услышали бы от вас.

— Возможно, но, по правде говоря, я этого делать не собираюсь. Не хотелось бы помогать затягивать петлю на шее невиновного.

— Но если это он застрелил полковника Протеро...

— Ах, *если!* Против него нет никаких улик или показаний.

— Он угрожал.

— Если говорить начистоту, угрожал не он, а полковник Протеро. Полковник Протеро грозился показать Арчеру, чего стоит месть, когда он попадет еще раз на браконьерстве.

— Мне непонятно ваше отношение, сэр.

— Вот как? — устало сказал я. — Вы человек молодой. Вы ревностно служите делу справедливости. Когда доживете до моего возраста, вы увидите, что предпочитаете толковать сомнение в пользу обвиняемого.

— Дело не в том — то есть...

Он замолк, и я посмотрел на него не без удивления.

— Вы сами — вы никого не подозреваете — не предполагаете, кто убийца, я хотел спросить?

— Боже упаси, нет.

Хоуз настаивал:

— А о причинах убийства?..

— Ничего не знаю. А вы?

— Я? Что вы, нет. Просто любопытствовал. Может быть, полковник Протеро поделился с вами — упомянул — в частной беседе...

— Его «частная беседа»! Все, что он сказал, слышала вся улица нашей деревни вчера утром.

— Да, да, вы правы. Так вы не думаете про Арчера?

— Полиция вскорости будет знать про Арчера все, что нужно, — сказал я. — Если бы я собственными ушами слышал, как он угрожает полковнику Протеро, это было бы другое дело. Но можете быть уверены, что, если он и вправду угрожал полковнику расправой, его слышало полдеревни, и до полиции это дойдет своим чередом. Но вы, естественно, вольны поступать по собственному разумению.

Однако Хоуз с непонятным упорством отказывался предпринимать что-либо лично.

Во всем его поведении проглядывала неестественная нервозность. Я вспомнил, что говорил Хэйдок о его болезни. Очевидно, этим все и объяснялось.

Он нехотя распрощался со мной, как будто хотел еще что-то сказать, но не знал, как к этому подступиться.

Я договорился с ним, что он возьмет на себя службу для Союза матерей, а заодно и собрание Гостей округа по окончании службы. У меня на вторую половину дня были свои планы.

Хоуз ушел, а я, выбросив из головы и его, и его горести, решил, что

пора идти к миссис Лестрэндж.

На столике в холле лежали нераспечатанные газеты: «Гардиан» и «Церковный Вестник».

По дороге я вспомнил, что миссис Лестрэндж встречалась с полковником Протеро вечером накануне убийства. Вполне возможно, что в этом разговоре проскользнуло что-нибудь, указывающее на тайну убийцы.

Меня сразу же проводили в маленькую гостиную, и миссис Лестрэндж поднялась мне навстречу. Я еще раз глубоко почувствовал ту чудодейственную атмосферу, какую умела создать вокруг себя эта женщина. На ней было платье из совершенно черной, без блеска, материи, подчеркивавшей необычайную белизну ее кожи. В ее лице застыла какая-то странная мертвенность. Только глаза сверкали огнем, были полны жизни. Сегодня в ее взгляде я уловил настороженность. И все — никаких признаков оживления я больше не заметил.

— Вы очень добры, мистер Клемент, — сказала она, пожимая мне руку. — Спасибо, что пришли. Я хотела все вам сказать еще тогда. Потом передумала. Но я была не права.

— Как я вам уже сказал — я готов помочь вам всем, чем могу.

— Да, вы это сказали. И мне кажется, это не пустые слова. Очень немногие, мистер Клемент, когда-либо искренне хотели мне помочь. Считанные люди, на всем белом свете.

— В это трудно поверить, миссис Лестрэндж.

— Это правда. Большинство людей — большинство мужчин, по крайней мере, — преследуют свои собственные цели. — В ее голосе прозвучала горечь.

Я не отвечал, и она продолжала:

— Прошу вас, присядьте.

Я повиновался, и она села на стул напротив. Немного помедлив, она заговорила неторопливо и задумчиво, словно взвешивая каждое слово прежде, чем его произнести.

— Я попала в очень необычное положение, и мне хочется с вами посоветоваться. То есть я хотела бы спросить у вас совета — как мне быть дальше. Что прошло, то прошло — тут ничего уже не изменишь. Вы понимаете меня?

Я не успел ответить — горничная, которая мне открывала, распахнула дверь и испуганно пролепетала:

— О, простите, мэм, там пришел инспектор полиции, он сказал, что ему нужно с вами поговорить, простите!

Наступило молчание. Миссис Лестрэндж нимало не изменилась в

лице. Только медленно прикрыла и снова открыла глаза. Мне показалось, что она преодолела легкий спазм в горле, но голос у нее был все тот же — чистый, спокойный:

— Проведите его сюда, Хильда.

Я собрался было уходить, но она повелительным жестом приказала мне остаться.

— Если вы не возражаете — я была бы очень вам обязана, если бы вы остались.

Я снова сел, пробормотав:

— Разумеется, как вам угодно.

Тут в комнату беглым строевым шагом ворвался Слак.

— Добрый день, мадам.

— Добрый день, инспектор.

В эту минуту инспектор заметил меня и скорчил злую гримасу. Можно не сомневаться — Слак добрых чувств ко мне не питал.

— Надеюсь, вы не возражаете против присутствия викария?

Очевидно, Слаку было неловко сказать, что он возражает.

— Н-н-ет, — сварливо сказал он. — Хотя, возможно, было бы желательно...

Миссис Лестрэндж намеком пренебрегла.

— Чем могу быть полезна, инспектор? — спросила она.

— А вот чем, мадам. Я расследую дело об убийстве полковника Протеро. Мне поручено собрать все сведения.

Миссис Лестрэндж кивнула.

— Это чистая формальность, но я всем задаю вопрос: где вы были вчера между шестью и семью часами вечера? Чистая формальность, как вы понимаете.

— Вы хотите знать, где я была вчера вечером между шестью и семью часами?

— Так точно, мадам.

— Попробую вспомнить. — Она немного поразмыслила. — Я была здесь. В этом доме.

— А! — я видел, как блеснули глаза инспектора. — А ваша служанка — у вас, кажется, одна служанка — она может подтвердить ваши показания?

— Нет, у Хильды был свободный вечер.

— Понятно.

— Так что, к сожалению, вам придется поверить мне на слово, — любезно сказала миссис Лестрэндж.

— Вы с полной ответственностью утверждаете, что были дома весь вечер?

— Вы сказали «между шестью и семью», инспектор. Несколько раньше я выходила прогуляться. Когда я вернулась, еще не было пяти.

— Значит, если некая дама — к примеру, мисс Хартнелл — определенно заявляет, что зашла сюда около шести, позвонила, но так никого и не добила и вынуждена была уйти, вы скажете, что она ошибается, э?

— О, нет, — миссис Лестрэндж покачала головой.

— Однако...

— Если горничная дома, она может сказать, что вас нет дома. А когда остаешься одна и тебе не хочется принимать визитеров — что ж, остается только терпеть, пока они трезвонят в дверь.

Инспектор Слак слегка смешался.

— Старые дамы нагоняют на меня ужасную скуку, — сказала миссис Лестрэндж. — А мисс Хартнелл в этом смысле не имеет себе равных. Она позвонила раз шесть, прежде чем соблаговолила уйти.

Она благосклонно улыбнулась инспектору Слаку.

Инспектор переменял тему.

— А если кто-нибудь сказал, что видел вас около этого времени...

— Но ведь меня никто не видел, не правда ли? — она мгновенно нащупала слабое звено. — Меня никто не видел, потому что я была дома.

— Вы совершенно правы, мадам.

Инспектор пододвинул свой стул чуть ближе.

— Теперь вот что, миссис Лестрэндж: мне известно, что вы нанесли визит полковнику Протеро накануне убийства, поздно вечером.

Миссис Лестрэндж спокойно подтвердила:

— Да, это так.

— Можете ли вы сказать мне что-нибудь о теме разговора?

— Беседа касалась личных дел, инспектор.

— Боюсь, что я должен настаивать: объясните, о чем шел разговор.

— Никаких объяснений я дать не смогу. Могу только уверить вас, что этот разговор не имел никакого отношения к преступлению.

— Не думаю, что вы можете судить об этом вполне компетентно.

— Тем не менее вам придется поверить мне на слово.

— Получается, что я во всем должен верить вам на слово.

— Кажется, вы правы, — согласилась она с той же улыбкой, с тем же спокойствием.

Инспектор Слак вдруг сделался красным, как рак.

— Это дело серьезное, миссис Лестрэндж. Мне нужна правда... — Он грохнул кулаком по столу. — И я намерен ее узнать.

Миссис Лестрэндж не произнесла ни слова.

— Разве вы не видите, мадам, что ставите себя в весьма сомнительное положение?

Миссис Лестрэндж по-прежнему не удостоила его ответом.

— Вы будете обязаны дать показания на следствии.

— Да.

Короткое словечко. Без нажима, без интереса. Инспектор изменил тактику.

— Вы были знакомы с полковником Протеро?

— Да, я была с ним знакома.

— Близко знакомы?

— Я не виделась с ним много лет, — ответила она после небольшой паузы.

— Были ли вы знакомы с миссис Протеро?

— Нет.

— Вы извините меня, но время для визита выбрано довольно странное.

— Я думаю иначе.

— Что вы хотите сказать?

— Мне хотелось видеть полковника Протеро наедине. Я не хотела встречаться с миссис Протеро или с мисс Протеро. И я сочла это время наиболее удобным для моих целей.

— Почему вы не хотели видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро?

— А это уж мое дело, инспектор.

— Значит, вы отказываетесь от дальнейших показаний?

— Категорически.

Инспектор Слак вскочил.

— Если вы не поостережетесь, мадам, то можете поставить себя в скверное положение. Это все выглядит очень подозрительно — весьма подозрительно.

Она рассмеялась. Я мог бы пояснить инспектору Слаку, что такую женщину напугать не очень-то просто.

— Ну, ладно, — сказал он, стараясь отступить без ущерба для собственного достоинства, — только потом не говорите, что я вас не предостерег. Доброго вечера, мадам, но помните: мы все равно добьемся правды.

Он удалился. Миссис Лестрэндж поднялась и протянула мне руку.

— Я хочу попрощаться с вами — да, так будет лучше. Видите ли, теперь советоваться поздно. Я сделала выбор.

Она повторила с какой-то безнадежностью в голосе:

— Я сделала свой выбор.

Глава XVI

На пороге дома я столкнулся с Хэйдоком. Он бросил неприязненный взгляд вслед Слаку, как раз выходявшему из калитки, и резко спросил:

— Он ее допрашивал?

— Да.

— Надеюсь, он был вежлив?

По моему мнению, вежливость — искусство, которому инспектор Слак научиться так и не сумел, но с его собственной точки зрения, как я полагал, он был достаточно любезен, и, кроме того, мне не хотелось еще больше расстраивать Хэйдока. Он и без этого выглядел озабоченным и удрученным. Поэтому я сказал, что инспектор держался в рамках вежливости.

Кивнув, Хэйдок прошел в дом, а я пошел вперед по деревенской улице и вскоре нагнал инспектора. Подозреваю, что он нарочно замедлял шаг. Какую бы антипатию он ко мне ни испытывал, он не из тех, кто допустит, чтобы симпатии и антипатии мешали ему раздобыть нужную информацию.

— Вы что-нибудь знаете об этой даме? — спросил он меня напрямик.

Я ответил, что совершенно ничего не знаю.

— Она вам не говорила, почему сюда переехала?

— Нет.

— Но тем не менее вы к ней ходите?

— В мои обязанности входит посещение моих прихожан, — ответил я, не упоминая о том, что за мной посылали.

— Угу... Пожалуй, это так. — Он минуту или две помолчал, а потом заговорил снова, не устояв перед искушением поговорить о своем недавнем промахе. — Скверное дельце, как я погляжу.

— Вы так думаете?

— Спросите меня, и я вам скажу: «вымогательство». Забавно, если подумать, какая репутация была у этого полковника Протеро. Но ведь верить никому нельзя. Великое дело — церковный староста, который ведет двойную жизнь. Не он первый, не он последний.

У меня в голове промелькнуло смутное воспоминание о высказывании мисс Марпл по тому же поводу.

— Неужели вы серьезно думаете, что это возможно?

— Так уж выходит, все факты налицо, сэр. С чего бы такой изящной и нарядной леди забираться в эту забытую богом дыру? С чего это она

отправляется к нему в гости в такое время, когда с визитами не ходят? Странно! А почему она не желает видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро? Да уж, все сходится. Она не спешит признаваться, ведь вымогательство — уголовно наказуемое деяние. Но мы из нее правду вытряхнем. Можно ожидать, исходя из того, что нам известно, что ее показания будут очень интересны. Если у полковника Протеро был какой-то темный секретик в жизни — что-нибудь постыдное — тогда, сами понимаете, перед нами открываются широкие возможности.

Я вполне понимал.

— Я пытался вытянуть что-нибудь из дворецкого. Мог же он подслушать, о чем говорили полковник Протеро и Лестрэндж. За дворецкими это водится. Но он клятвенно уверяет, что даже понятия не имеет, о чем они говорили. Кстати, он на этом потерял работу: полковник на него набросился чуть не с кулаками за то, что он посмел ее впустить. Дворецкий в ответ предупредил об уходе. Говорит, что место все равно было ему не по душе и он собирался уходить в любом случае.

— Вот как.

— А нам это дает еще одного человека, который мог затаить зло на полковника.

— Но вы же не подозреваете всерьез этого человека — как его фамилия, кстати?

— Фамилия его Ривз, и я не говорил, что я его подозреваю. Верить никому нельзя, вот что я вам скажу. Мне его манеры не нравятся — уж больно он елейный, скользкий, как угорь.

Интересно, что сказал бы Ривз о манерах инспектора Слака?

— Теперь пришла пора допросить шофера.

— В таком случае, — сказал я, — нельзя ли мне подъехать с вами на машине? Мне нужно поговорить с миссис Протеро.

— О чем это?

— О предстоящих похоронах.

— А! — инспектор Слак едва заметно смутился. — Следствие будет завтра, в субботу.

— Именно так. Похороны, вероятно, будут назначены на вторник.

Казалось, инспектор Слак слегка устыдился своей грубости. Он сделал попытку примирения, предложив мне присутствовать при допросе шофера, Мэннинга.

Мэннинг славный малый, ему не больше двадцати пяти — двадцати шести лет. Инспектор явно нагонял на него страх.

— Ну вот что, парень, — сказал Слак, — мне нужно у тебя кое-что

узнать.

— Да, сэр, — пролепетал шофер. — Как угодно, сэр.

Если бы убийство было делом его рук, он вряд ли выглядел бы более потерянным и перепуганным.

— Ты возил своего хозяина в деревню вчера днем?

— Да, сэр.

— В котором часу?

— В пять тридцать.

— Миссис Протеро была с вами?

— Да, сэр.

— По дороге нигде не останавливались?

— Нет, сэр.

— А что вы делали в деревне?

— Полковник вышел и сказал, что машина ему больше не понадобится. Он пойдет домой пешком. Миссис Протеро поехала за покупками. Свертки уложили в машину. Она сказала, что я больше не нужен, и я поехал домой.

— А она осталась в деревне?

— Да, сэр.

— Который был час?

— Четверть седьмого, сэр. Точно четверть седьмого.

— А где ты ее оставил?

— Возле церкви, сэр.

— Полковник говорил, куда собирается, или нет?

— Он сказал, что надо повидать ветеринара... насчет одной из лошадей.

— Ясно. И ты приехал сюда, напрямиком?

— Да, сэр.

— В Старой Усадьбе два въезда — Южный и Северный. Как я понимаю, в деревню ты выезжал через Южные ворота?

— Да, сэр, как всегда.

— А обратно — тем же путем?

— Да, сэр.

— Гм-м... Ну ладно, пока достаточно. А! Вот и мисс Протеро.

Летиция шла к нам медленно, словно нехотя.

— Я беру «фиат», Мэннинг, — сказала она. — Заведите мотор, пожалуйста.

— Сию минуту, мисс.

Он подошел к двухместной спортивной машине и поднял капот.

— Можно вас на минуту, мисс Протеро? — сказал Слак. — Мне необходимо знать, кто где был вчера во второй половине дня. Простая формальность, не обижайтесь.

Летиция смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Я никогда в жизни не замечаю, который час!

— Насколько я знаю, вы ушли из дому вчера вскоре после ленча?

Она кивнула.

— А куда, разрешите узнать?

— Играть в теннис.

— С кем?

— С семьей Хартли Напье.

— Из Мач Бенэма?

— Да.

— А когда вы вернулись?

— Не знаю. Я же вам сказала, что никогда не знаю, который час.

— Вы вернулись, — сказал я, — около половины восьмого.

— А, верно, — сказала Летиция. — Прямо в разгар представления.

Анна в истерике, а Гризельда ее утешает.

— Благодарю вас, мисс, — сказал инспектор. — Это все, что я хотел узнать.

— Странновато, — сказала Летиция. — Все это удивительно малоинтересно.

Она пошла от нас к «фиату».

Инспектор украдкой дотронулся до своего лба и шепотом спросил:

— Что, малость не в себе?

— Ничего подобного, — сказал я. — Но ей нравится такой казаться.

— Ладно. Пойду, допрошу прислугу.

Заставить себя полюбить инспектора Слака — свыше сил человеческих, но его кипучую энергию нельзя не одобрить.

Мы расстались, и я спросил у Ривза, где я могу найти миссис Протеро.

— Она прилегла отдохнуть, сэр.

— Тогда я не стану ее беспокоить.

— Может, вы подождете, сэр, я знаю, миссис Протеро хотела обязательно с вами повидаться. Она сама сказала, за ленчем.

Он провел меня в гостиную, включил свет — занавески были опущены.

— Какие печальные события, — сказал я.

— Да, сэр. — Голос дворецкого звучал холодно, хотя и почтительно.

Я взглянул на него. Какие чувства кипят под этой маской бесстрастия?

Может быть, он знает что-то, но не говорит? Трудно найти что-либо более неестественное для человека, чем маска вышколенного слуги.

— Еще что-нибудь угодно, сэръ?

Мне почудилось, что за этим привычным выражением таилась хорошо скрытая тревога.

— Нет, ничего, — ответил я.

Мне не пришлось долго ждать — Анна Протеро вышла ко мне очень скоро. Мы поговорили о некоторых делах, а потом она воскликнула:

— Какой чудный, добрый человек доктор Хэйдок!

— Лучший из всех, кого я знаю.

— Он был поразительно добр ко мне. Но у него такой грустный вид — вам не кажется?

Мне как-то не приходило в голову называть Хэйдока грустным. Я немного подумал.

— Мне кажется, я этого никогда не замечал, — сказал я.

— И я тоже, до сегодняшнего дня.

— Порой наши собственные горести обостряют наше зрение, — сказал я.

— Как это верно. — Она помолчала и сказала:

— Мистер Клемент, одного я *никак* не могу понять. Если мужа застрелили сразу же после моего ухода, то почему я не слышала выстрела?

— Полиция полагает, что выстрел был сделан позже.

— А как же записка — там стоит 6.20?

— Возможно, эти цифры приписаны другой рукой — рукой убийцы.

Кровь отхлынула от ее щек.

— А вам не бросилось в глаза, что цифры написаны не его почерком?

— Какой ужас!

— Этот почерк вообще не похож на его почерк!

Это была правда. Неразборчивые каракули в записке ничем не напоминали четкий почерк Протеро.

— Вы уверены, что они не подозревают Лоуренса?

— По-моему, с него сняты все подозрения.

— Но, мистер Клемент, кто же это сделал? Люциус не пользовался популярностью — я знаю, но и настоящих врагов у него не было, мне кажется. То есть — заклятых врагов.

Я покачал головой:

— Это покрыто тайной.

Я снова вспомнил о семи подозреваемых, которых не назвала мисс Марпл. Хотелось бы знать, кто они?

Распрощавшись с Анной, я приступил к выполнению своего замысла.

Я пошел домой по тропинке. Дойдя до перелаза, я немного вернулся назад, до места, где растительность казалась мне слегка помятой, свернул с тропинки и углубился в кусты. Лес здесь был густой, с кустарником, ветви которого переплетались внизу. Я пробивался сквозь заросли с некоторым усилием, как вдруг услышал, что недалеко от меня еще кто-то пробирается через кустарник. Я остановился в нерешительности, и передо мной возник Лоуренс Реддинг. Он тащил увесистый валун.

Должно быть, вид у меня был удивленный — Лоуренс вдруг разразился смехом.

— Да нет, — сказал он. — Это не улика, а нечто вроде мирного подношения.

— Мирное подношение?

— Ну да, назовем это началом мирных переговоров. Мне нужен предлог, чтобы зайти к вашей соседке, мисс Марпл, и мне подсказали, что лучше всего преподнести ей камень или обломок скалы для японского садика, который она создает.

— Это верно, — согласился я. — А что вам понадобилось от почтенной леди?

— Вот что. Если вчера вечером можно было что-нибудь увидеть, мисс Марпл это видела. Я даже не говорю о чем-то, непременно связанном с убийством, о том, что с ее точки зрения казалось бы связанным с убийством. А просто что-то из ряда вон выходящее, диковинное, какая-нибудь мелочь, которая поможет нам разгадать загадку. Что-то такое, о чем она даже не сочла нужным сообщить полиции.

— Вполне вероятно, мне кажется.

— Во всяком случае, игра стоит свеч. Клемент, я собираюсь разобраться в этом деле до конца. Хотя бы ради Анны. А на Слака я не очень надеюсь, конечно, он из кожи вон лезет, но усердие никогда не заменит ума.

— Насколько я понял, передо мной излюбленный герой приключенческих историй — сыщик-любитель, — сказал я. — Не уверен, что в реальной жизни они так же оказываются выше профессионалов.

Он пристально взглянул на меня и внезапно расхохотался.

— А вы-то что делаете в лесу, падре?

Признаюсь, я покраснел.

— Наверно, то же, что и я, могу поклясться. У нас с вами явилась одна и та же мысль, правда? *Как убийца пробрался в кабинет?* Первый путь — по аллее и в калитку, второй путь — через парадную дверь, третий путь —

есть какой-нибудь третий путь, а? Я решил расследовать, нет ли следов и сломанных кустов поблизости от стены вашего сада.

— И мне пришло в голову то же самое, — сознался я.

— Однако, я не успел приступить к делу, — продолжал Лоуренс. — Потому что решил, что надо бы сначала повидать мисс Марпл, убедиться, что никто не проходил по аллее вчера вечером, пока мы были в мастерской.

Я отрицательно покачал головой.

— Она настаивала на том, что никто не проходил.

— Ну да, никто — никто из тех, кого она считает кем-то. Звучит как дикий бред, но вы меня понимаете. Мог же там быть кто-то вроде почтальона или молочника, или рассыльного от мясника — кто-то, чье присутствие настолько привычно, что вы об этом не считаете нужным даже упоминать.

— Вы начитались Честертона, — заметил я, и Лоуренс не отпирался.

— Вам не кажется, что в этом что-то есть?

— Все может быть, — согласился я.

И мы без промедления отправились к мисс Марпл. Она работала в своем садике и окликнула нас, когда мы перебирались через перелаз.

— Что я говорил? — шепнул Лоуренс. — Она видит всех и вся.

Она приняла нас очень приветливо и очень обрадовалась громадному валуну, который Лоуренс торжественно ей преподнес.

— Вы так внимательны, мистер Реддинг. Необыкновенно внимательны.

Лоуренс, ободренный похвалой, приступил к расспросам. Мисс Марпл выслушала его со вниманием.

— Да-да, я понимаю, что вы хотите сказать, и вы совершенно правы — об этих встречах никто никогда не упоминает или не считает их достойными упоминания. Но я вас уверяю, что ничего подобного не было. Ничего подобного.

— Вы уверены, мисс Марпл?

— Совершенно уверена.

— А вы видели кого-нибудь, кто шел в тот вечер по тропинке в лес? — спросил я. — Или выходил из лесу?

— О! Да, множество народу. Доктор Стоун и мисс Крэм пошли той дорогой — им так ближе всего до раскопа. Это было после двух. Доктор Стоун потом вернулся тем же путем — вы это сами знаете, мистер Реддинг, он ведь подошел к вам и миссис Протеро.

— Кстати, — вспомнил вдруг я. — Выстрел — тот, что вы слышали, мисс Марпл. Мистер Реддинг и миссис Протеро должны были тоже его

слышать.

Я вопросительно взглянул на Лоуренса.

— Да, — сказал он, хмурясь. — Мне кажется, я слышал какие-то выстрелы. Кажется, был один или два выстрела?

— Я слышала только один, — заметила мисс Марпл.

— Мне было не до того, и я не обратил внимания, — сказал Лоуренс. — Проклятье, если бы я мог вспомнить! Если бы я знал! Вы понимаете, я был так поглощен, так...

Он смутился и умолк. Я тактично кашлянул. Мисс Марпл, благопристойности ради, переменяла тему.

— Инспектор Слак пытался выяснить, слышала я выстрел после того, как мистер Реддинг и миссис Протеро вышли из мастерской, или до того. Мне пришлось признаться, что я определенно сказать не могу, но мне кажется — и тем больше, чем больше я об этом думаю — что это было после.

— Тогда это, по крайней мере, оправдывает знаменитого доктора Стоуна, — сказал Лоуренс с глубоким вздохом. — Хотя не было ни малейшего повода подозревать его в убийстве бедняги Протеро.

— Ах, — откликнулась мисс Марпл. — Мне всегда казалось, что было бы благоразумно подозревать каждого — совсем немного, чуть-чуть. Я всегда говорю — ничего нельзя знать заранее, не правда ли?

Мисс Марпл оставалась верна себе. Я спросил Лоуренса, согласен ли он с ее показаниями относительно выстрела.

— Ничего не могу сказать, хоть убейте. Понимаете, был просто какой-то привычный звук. Я бы скорее сказал, что он прозвучал, когда мы еще были в мастерской. Стены заглушили его и — мы его не заметили.

Тому были иные причины, кроме глухих стен, заметил я про себя.

— Я спрошу Анну, — сказал Лоуренс. — Она может вспомнить. Да, кстати, мне кажется, есть еще одно загадочное происшествие, нуждающееся в объяснении. Миссис Лестрэндж, эта Таинственная Незнакомка в Сент Мэри Мид, нанесла визит старику Протеро после обеда, вечером в среду. И похоже, что никто не знает, в чем там было дело. Старик Протеро не заикнулся об этом ни жене, ни Летиции.

— Быть может, наш викарий знает, — сказала мисс Марпл.

Ну как эта женщина проведала, что я сегодня днем заходил к миссис Лестрэндж? Как она обо всем дознается, ума не приложу! В этом есть что-то мистическое. Просто ужас берет.

Я покачал головой и сказал, что ничего не знаю.

— А что думает инспектор Слак? — спросила мисс Марпл.

— Он приложил все усилия, чтобы запугать дворецкого, но дворецкий оказался, как видно, не слишком любопытен и не подслушивал под дверь. Так что никто ничего не знает, увы.

— А мне казалось, что кто-нибудь должен был услышать, хотя бы случайно, — сказала мисс Марпл. — Понимаете, кто-нибудь всегда *слышит*, не так ли? Мне кажется, мистер Реддинг может что-нибудь разузнать.

— Но миссис Протеро тоже ничего не знает.

— А я и не говорю про Анну Протеро, — парировала мисс Марпл. — Я говорю про служанок, про женскую часть прислуги. Они ни за что не станут откровенничать с полицией. Но привлекательный молодой человек — прошу меня извинить, мистер Реддинг — да еще после того, как его несправедливо заподозрили — о! Я не сомневаюсь, что ему они тотчас все выложат.

— Пойду и попытаю счастья сегодня же, — с жаром заявил Лоуренс. — Благодарю за идею, мисс Марпл. Пойду туда сразу же — сразу же после того, как мы с викарием довершим одно маленькое общее дельце.

Я подумал, что пора бы этим делом заняться. Я попрощался с мисс Марпл, и мы с Лоуренсом снова пошли в лес.

Сначала мы прошли по тропе до другого места, где явно кто-то протоптал след вправо от дорожки. Лоуренс сказал, что он уже шел по этому следу и ничего не обнаружил, но, добавил он, можно еще раз проверить. Может быть, он чего-то не заметил.

Однако он был прав. Через десять-двенадцать ярдов было уже не видно ни сломанных веток, ни сбитой листвы. Именно с этого места Лоуренс вернулся на тропу раньше, когда мы повстречались.

Мы оба вышли на тропу и прошли по ней немного дальше. И снова нашли место, где кусты были примяты, едва заметно, но для меня совершенно ясно. На этот раз след оказался более интересным. Он извивался, но неуклонно приближался к стене моего сада. Наконец мы вышли к месту, где кусты вплотную подступали к стене. Стена была высокая, а поверху были вделаны куски битых бутылок — сомнительное украшение. Если кто-то приставлял к стене лестницу, следы обязательно сохранились бы.

Мы медленно пробирались вдоль стены, когда до наших ушей донесся треск сломанной ветки. Я поспешил вперед, прорываясь сквозь густые заросли кустарника, и столкнулся нос к носу с инспектором Слаком.

— Так, это вы, — сказал он. — И мистер Реддинг. Позвольте спросить, что это вы, джентльмены, тут делаете?

Мы были слегка обескуражены и признались во всем начистоту.

— Ах вот как, — сказал инспектор. — Мы ведь тоже не такие идиоты, как о нас думают, и мне пришла в голову та же мысль. Я здесь уже больше часа. Хотите, я вам что-то скажу?

— Да, — кротко ответил я.

— Кто бы там ни убил полковника Протеро, он подкрался не с этой стороны! Ни одного следа ни с этой стороны, ни с той. Тот, кто убил полковника Протеро, вошел с парадного хода. И другого пути нет.

— Невозможно! — воскликнул я.

— Почему это невозможно? У вас дверь всегда нараспашку. Любой может войти, при желании. Из кухни ничего не видать. Они знали, что вас удалось убрать с дороги, знали, что миссис Клемент уехала в Лондон, знали, что мистер Деннис приглашен играть в теннис. Это же проще, чем дважды два четыре. И никакой необходимости не было разгуливать по деревне. Прямо против ворот вашего сада проходит дорожка, по ней можно повернуть вот в этот самый лес и выйти где вам заблагорассудится. И все пойдет как по маслу — если только миссис Прайс Ридли в эту самую минуту не выйдет из своей калитки. Нечего по стенам лазать. Из боковых окон верхнего этажа в доме миссис Прайс Ридли просматривается почти вся стена. Нет, вы уж мне поверьте, они прошли только так, и не иначе.

Приходилось согласиться с ним — очевидно, он был прав.

Глава XVII

Инспектор Слак зашел повидать меня на следующее утро. Мне кажется, что он понемногу сменил гнев на милость. Может быть, со временем он позабудет даже историю с часами.

— Знаете, сэр, — начал он вместо приветствия, — а я проследил, откуда вам звонили.

— Что вы? — живо отозвался я.

— Странноватая штука. Звонили из домика привратника, что у Северных ворот Старой Усадьбы. Надо вам сказать, что домик пустует — старого сторожа проводили на пенсию, новый еще не въехал. Удобное, тихое местечко — окно сзади было открыто. На самом аппарате ни одного отпечатка — вытерли начисто. Наводит на подозрения.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что звонили вам нарочно, чтобы убрать подальше от дома. Следовательно, убийство было заранее тщательно обдумано. Будь это просто дурацкий розыгрыш, никто не стал бы стирать отпечатки пальцев.

— Да. Это логично.

— Отсюда следует и второе: убийца был хорошо знаком со Старой Усадьбой и ее окрестностями. Звонила вам не миссис Протеро. Я знаю все ее занятия в этот день до последней минутки. Полдюжины слуг готовы присягнуть, что она была дома до половины шестого. Шофер подал автомобиль и отвез их с полковником в деревню. Полковник зашел к ветеринару Квинтону поговорить об одной из лошадей. Миссис Протеро заказала кое-что у бакалейщика и в рыбной лавке, а оттуда напрямик пошла по аллее задами, где мисс Марпл ее и увидела. Все лавочники в одно слово говорят, что при ней даже сумочки не было. Старушенция-то была права.

— Как всегда, — смиренно заметил я.

— А мисс Протеро в 5.30 была в Мач Бенэме.

— Совершенно верно, — сказал я. — Мой племянник тоже там был.

— Значит, с ней все нормально. Прислуга тоже вне подозрений. Конечно, взвинченна, перепуганна, но другого и ждать не приходится, а? Само собой, я не спускаю глаз с дворецкого — приспичило ему вдруг уходить, и вообще... Но мне сдается, что он ничего не знает.

— Мне кажется, ваша работа принесла в основном отрицательные результаты, инспектор.

— Это еще как сказать, сэр. Обнаружилась одна интересная деталь —

и совершенно неожиданно, доложу я вам.

— Да?

— Помните, какую сцену закатила миссис Прайс Ридли, ваша соседка, вчера с утра пораньше? По поводу телефонного звонка?

— Да? — сказал я.

— Так вот, мы проследили, откуда звонок, просто чтобы ее утихомирить, и вы нипочем не угадаете, откуда звонили!

— Из переговорного пункта? — спросил я наугад.

— Нет, мистер Клемент. Ей звонили из коттеджа мистера Лоуренса Реддинга.

— Что? — воскликнул я, пораженный.

— Да. Странновато, а? Сам мистер Реддинг тут ни при чем. Он в это время — в 6.30 — направлялся с доктором Стоуном к «Голубому Кабану», на виду у всей деревни. Но это факт. Наводит на мысли, да? Некто вошел в пустой коттедж и позвонил по телефону — кто это был? Два подозрительных телефонных звонка в один день. Думается, что между ними должна быть связь. Провалиться мне на этом месте — звонил один и тот же тип.

— Но с какой целью?

— А вот это нам и надо выяснить. Второй звонок кажется довольно бессмысленным, но какая-то зацепка в нем должна быть. Улавливаете связь? Звонили от мистера Реддинга. Пистолет мистера Реддинга. Все как нарочно бросает подозрение на мистера Реддинга.

— Было бы более логично, если бы *первый* звонок был сделан из его дома, — возразил я.

— Ага! Но я это хорошенько обдумал. Что делал мистер Реддинг почти каждый день? Отправлялся в Старую Усадьбу и писал мисс Протеро. От своего коттеджа он ехал на мотоцикле через Северные ворота. Теперь понимаете, почему звонили оттуда? *Убийца не знал, что мистер Реддинг больше не ездит в Старую Усадьбу.*

Я немного поразмыслил, стараясь уложить в голове доводы инспектора. Они показались мне вполне логичными, а выводы — бесспорными.

— А на трубке телефона мистера Реддинга были отпечатки пальцев? — спросил я.

— Не было, — с досадой ответил инспектор. — Эта чертова перечница, что убирает у него, побывала там и стерла все вместе с пылью. — Он помолчал, все больше распаляясь злобой. — Старая дура, что с нее возьмешь. Не может вспомнить, когда в последний раз видела

револьвер. Может, он лежал себе на месте утром в день убийства, а может и нет. Она «не знает, ей-богу, не знает». Все они одинаковы!

— Ходил разговаривать с доктором Стоуном, ради проформы, — продолжал он. — Он был сама любезность — дальше некуда. Они с мисс Крэм пошли на свой раскоп или на раскопки, как оно там называется, примерно в половине третьего и провели там почти весь день. Доктор Стоун вернулся один, а она пришла попозже. Он говорит, что выстрела не слышал, однако жалуется на свою рассеянность. Но все это подтверждает наши выводы.

— Дело за малым, — сказал я. — Вы не поймали убийцу.

— Гм-м, — откликнулся инспектор. — Вы слышали по телефону женский голос. И миссис Прайс Ридли, возможно, тоже слышала женский голос. Если бы выстрел не прозвучал сразу же после звонка, уж я бы знал, где искать.

— Где?

— А! Вот этого я вам и не скажу, сэр, — так будет лучше.

Я без малейшего зазрения совести предложил выпить по стаканчику старого портвейна. У меня сохранился запас отличного марочного портвейна. В одиннадцать часов утра не принято пить портвейн, но я полагал, что для инспектора Слака это значения не имеет. Конечно, это истинное кощунство и варварство по отношению к марочному портвейну, но тут уж не приходилось особенно щепетильничать.

«Усидев» второй стакан, инспектор Слак оттаял и разоткровенничался. Таково свойство этого славного вина.

— Не то чтобы я вам не доверял, сэр, — пояснил он. — Вы же будете держать язык за зубами? Не станете трезвонить по всему приходу?

Я заверил его в этом.

— Раз уж все это произошло у вас в доме, вроде бы положено и вам все знать, верно?

— Я с вами совершенно согласен, — сказал я.

— Так вот, сэр, что вы скажете про даму, которая навещала полковника Протеро вечером накануне убийства?

— Миссис Лестрэндж! — вырвалось у меня; я так удивился, что не умерил своего голоса.

Инспектор укоризненно взглянул на меня.

— Потише, сэр. Она самая, миссис Лестрэндж, я к ней давно приглядываюсь. Помните, я вам говорил — вымогательство.

— Едва ли оно могло стать причиной убийства. Это было бы так же глупо, как убивать курицу, несущую золотые яйца. Разумеется, если

согласиться с вашим предположением, а я ни на минуту этого не допускаю.

Инспектор фамильярно подмигнул мне.

— Ага! За таких, как она, джентльмены всегда стоят горой. А вы послушайте, сэр. Предположим, она в прошлом исправно тянула денежки со старого джентльмена. Через несколько лет она его выслеживает, приезжает сюда и снова берется за старое дело. *Однако* за это время кое-что переменялось. Закон теперь другой. Все преимущества тем, кто подает в суд на вымогателя, — гарантия, что имя не упоминается в печати. Предположим, что полковник Протеро взбеленился и заявил, что подаст на нее в суд. Она попадает в переплет. Теперь за вымогательство не милуют. Отольются кошке мышьи слезки. И ей ничего не остается, как отделаться от него, да побыстрей.

Я молчал. Приходилось признать, что гипотеза, выдвинутая инспектором, была вполне допустима. На мой взгляд, только одно делало ее абсолютно неприемлемой — личные качества миссис Лестрэндж.

— Не могу согласиться с вами, инспектор, — сказал я. — Мне кажется, миссис Лестрэндж не способна заниматься вымогательством. Она — пусть это прозвучит старомодно, но она — настоящая леди.

Он поглядел на меня с нескрываемой жалостью.

— А, ладно, сэр, — сказал он снисходительно, — вы лицо духовное. Вы представления не имеете о том, что творится на свете. Леди, скажете тоже! Да если бы вы знали то, что я знаю, вы бы изумились.

— Я говорю не о положении в обществе. Я даже готов допустить, что миссис Лестрэндж не принадлежит к высшему классу. Но я говорю не об этом, а о личной утонченности и благородстве.

— Вы на нее смотрите другими глазами, сэр. Я — дело другое: конечно, я тоже мужчина, но при этом я офицер полиции. Со мной всякие фокусы с личной утонченностью не пройдут! Помилуйте, да эта женщина из тех, кто сунет вам нож под ребро и бровью не поведет!

Как ни странно, мне гораздо легче было представить себе миссис Лестрэндж убийцей, чем вымогательницей.

— Но, само собой, она не могла одновременно звонить своей настырной соседке и убивать полковника Протеро, — продолжал инспектор.

Не успел инспектор вымолвить эти слова, как с размаху хлопнул себя по ляжке.

— Ясно! — воскликнул он. — Вот в чем цель телефонного звонка. Вроде *алиби*. Знала, что мы его свяжем с первым. Нет, я это так не оставлю. Может, она подкупила какого-нибудь деревенского парнишку, чтобы

позвонил вместо нее. *Он-то* ни за что не догадался бы, что участвует в убийстве.

Инспектор вскочил и поспешно удалился.

— Мисс Марпл хочет тебя видеть, — сказала Гризельда, заглядывая в комнату. — Прислала совершенно неразборчивую записку — буковки, как паутинка, и сплошь подчеркнутые слова. Я даже прочесть толком не могу. Видимо, она не может выйти из дома. Беги поскорей, повидайся с ней и разузнай, что творится. Я бы и сама с тобой пошла, но с минуты на минуту нагрянут мои старушки. Не выношу я старушек! Вечно жалуются на больные ноги и норовят еще сунуть их тебе под нос! Нам еще повезло, что на сегодня назначили следствие! Тебе не придется сидеть и смотреть матч в крикет в Юношеском клубе.

Я поспешил к мисс Марпл, перебирая в уме возможные причины столь срочного вызова.

Мисс Марпл встретила меня в большом волнении, которое, мне кажется, можно было даже назвать паникой. Она вся раскраснелась и впопыхах выражала свои мысли несколько бессвязно.

— Племянник! — объяснила она. — Родной племянник, Рэймонд Уэст, литератор. Приезжает сегодня. Как снег на голову. И за всем я должна следить сама! Разве служанка может хорошенько выбить постель, а к тому же придется готовить мясное к обеду. Джентльменам нужна такая уйма мяса, не правда ли? И выпивка. Непременно должны быть в доме выпивка и сифон.

— Если я могу чем-нибудь помочь... — начал я.

— О! Вы так добры! Я не к тому. Времени предостаточно, честно говоря. Трубку и табак он привозит с собой — прекрасно, я рада, признаюсь вам. Рада — ведь не придется гадать, какие сигареты ему покупать. А с другой стороны, очень печально, что запах потом не выветривается из гардин целыми неделями. Конечно, я открываю окна и вытряхиваю их каждое утро. Рэймонд встает очень поздно — наверно, у всех писателей такая привычка. Он пишет очень умные книжки, хотя, я думаю, люди вовсе не такие несимпатичные, как в его книгах. Умные молодые люди так мало знают жизнь, правда?

— Не хотите ли пообедать с нами, когда он приедет? — спросил я, все еще не понимая, зачем меня сюда вызвали.

— О! Нет, благодарю вас, — ответила мисс Марпл. — Вы очень добры, — добавила она.

— Вы хотели меня видеть, — наконец не выдержал я.

— О! Конечно! Я так переполошилась, что у меня все из головы

вылетело. — Она внезапно побежала к двери и окликнула служанку:

— Эмили! Эмили! Не те простыни! С оборочками и вензелями — и не держите так близко к огню!

Она прикрыла дверь и на цыпочках вернулась ко мне.

— Дело в том, что вчера вечером случилось нечто интересное, — объяснила она. — Мне показалось, что вы захотите об этом узнать, хотя в тот момент я ничего не поняла. Вчера ночью мне не спалось — обдумывала это печальное событие. Я встала и выглянула в окно. Как вы думаете, что я увидела?

Я вопросительно смотрел на нее.

— Глэдис Крэм, — сказала мисс Марпл очень веско. — Представьте себе — она шла в лес с чемоданом!

— С чемоданом?

— Где это слыхано? Чего ради она шла в лес с чемоданом в полночь? Понимаете, — сказала мисс Марпл, — я не стану утверждать, что это связано с убийством. Но это Странное Дело! А именно сейчас мы все понимаем, что обращать внимание на Странные Дела — наш долг.

— Уму непостижимо, — сказал я. — Может быть, она решила — э-э — переночевать у раскопа, как вы полагаете?

— Нет, ночевать она там не собиралась, — сказала мисс Марпл. — Потому что вскоре она возвратилась, и чемодана при ней не было.

Глава XVIII

Следствие производилось в этот субботний день в два часа пополудни в «Голубом Кабане». Едва ли следует упоминать о том, что вся округа была в сильнейшем волнении. В Сент Мэри Мид убийств не случалось лет пятнадцать, если не больше. А тут еще убийство такого лица, как полковник Протеро, да к тому же в доме священника, — это воистину пиршество для истосковавшихся по сенсациям деревенских жителей; такое на их долю выпадает куда как редко.

До меня доносились обрывки разговоров, едва ли предназначенные для моих ушей.

— Вон викарий. Уж очень он сегодня бледный, а? Как знать, может, и он к этому руку приложил. Кто, как не он, — в своем-то доме...

— Постыдитесь, Мэри Адамс! Он же в это время ходил к Генри Абботу!

— Мало ли что! Все говорят, что они с полковником не поладили. А вон и Мэри Хилл. Ишь, как нос задирает, а все потому, что она у них в прислугах. Ш-ш-ш! Следователь!

Следователем^[5] был назначен доктор Робертс из соседнего городка Мач Бенэм. Он откашлялся, поправил очки и напустил на себя важный вид.

Излагать все показания подробно не имеет смысла. Лоуренс Реддинг рассказал, как он обнаружил труп и опознал пистолет, подтвердив, что оружие принадлежит ему. Насколько он может вспомнить, в последний раз он видел его во вторник, за два дня до убийства. Держал он его на полке в коттедже, который никогда не запирался.

Миссис Протеро показала, что видела своего мужа примерно без четверти шесть, когда они расстались на главной улице в деревне. Она пошла в дом священника примерно в четверть седьмого, по аллее, через садовую калитку. Она не слышала голосов в кабинете и подумала, что там никого нет; вполне возможно, что ее муж сидел у письменного стола, но в таком случае она не могла бы его видеть. Насколько она может судить, он был в добром здравии и обычном настроении. Она не знает ни одного личного врага, который мог бы злоумышлять против него.

После нее давал показания я; я рассказал о назначенном свидании с Протеро и о том, как меня вызвали к Абботу. Я изложил обстоятельства, при которых нашел мертвое тело, и сказал, что тут же вызвал доктора Хэйдока.

— Сколько человек, мистер Клемент, знали о том, что полковник Протеро собирается вечером нанести вам визит?

— Великое множество, должен сказать. Знали моя жена, мой племянник, и сам полковник упомянул об этом утром, когда мы с ним встретились в деревне. Многие могли слышать, мне кажется, поневоле, так как полковник был глуховат и говорил очень громко.

— Значит, это было общеизвестно? Об этом мог знать любой?

Я ответил утвердительно.

За мной настала очередь Хэйдока. Это был очень важный свидетель. Он подробно и профессионально описал положение и состояние тела и нанесенные повреждения. По его мнению, покойный был убит в интервале от 6.20 до 6.30, никак не позже 6.35. Это граница возможного. Он утверждал решительно и на этом настаивал. О самоубийстве речи быть не может, положение пулевого отверстия исключает такую возможность.

Инспектор Слак говорил скупно и кратко. Он рассказал, как был вызван, и описал обстановку, при которой нашел тело. Представил незаконченную записку и отметил, что время на ней проставлено: 6.20. Упомянул о настольных часах. Подразумевалось, что время смерти — 6.22. Позднее Анна Протеро мне сказала, что ей посоветовали показать время своего прихода несколько ранее 6.20.

Следующим свидетелем — и довольно непокладистым — была наша служанка Мэри. Ничего она не слыхала, и слышать не хочет. Как будто джентльменов, навещавших викария, каждый раз расстреливали в упор. Ничего подобного. У нее своей работы выше головы. Полковник Протеро пришел точно в четверть седьмого. С чего это она станет смотреть на часы? Слышала звон с церковной колокольни, как раз когда провела полковника в кабинет. Выстрела не слышала. А был бы выстрел, так она уж услышала бы. Конечно, она знает, что выстрел должен был быть, раз джентльмена застрелили на месте, но так уж оно вышло. Она никакого выстрела не слышала, и все тут.

Следователь не настаивал больше. Я догадался, что он и полковник Мельчетт договорились обо всем заранее.

Миссис Лестрэндж была вызвана на следствие повесткой, но было представлено медицинское свидетельство за подписью доктора Хэйдока, что она по состоянию здоровья присутствовать не может.

Остался еще один свидетель, точнее свидетельница, — старушка с трясущейся головой. Та самая, которая, по выражению Слака, «убиралась» у Лоуренса Реддинга.

Миссис Арчер был предъявлен пистолет, и она опознала его как тот

самый, что она видела в гостиной у мистера Реддинга: «Он у него валялся на полке, в шкафу». В последний раз она видела оружие в день убийства. Да — ответила миссис Арчер на дальнейшие расспросы — она совершенно уверена, что пистолет был на месте во время ленча в четверг — без четверти час, когда она уходила.

Вспомнив, что мне говорил инспектор, я немного удивился. Как бы она ни путалась, когда он ее допрашивал, на следствии она говорила с полной уверенностью.

Следователь сделал краткие выводы, в основном по отсутствию улик, но весьма убедительно. Вердикт был вынесен без промедления: «Преднамеренное убийство неизвестным лицом или группой лиц».

Выходя из комнаты, я обратил внимание на небольшую штурмовую группу, состоящую из бойких молодых людей с блестящими пытливыми глазами, чем-то похожих друг на друга. Нескольких я узнал — это они осаждали мой дом последние дни. Стараясь их избежать, я бросился обратно в недра «Голубого Кабана» и, на свое счастье, лицом к лицу столкнулся с археологом, доктором Стоуном. Я без церемоний уцепился за него.

— Газетчики! — шепнул я отрывисто, но выразительно. — Не могли бы вы избавить меня от их когтей?

— Охотно, мистер Клемент! Пойдемте со мной наверх.

Он провел меня по узкой лестнице наверх, в свою гостиную, где сидела мисс Крэм, с пулеметной скоростью тарахтевшая на пишущей машинке. Она встретила меня ослепительной улыбкой и тут же воспользовалась возможностью прервать работу.

— Жуть, правда? — сказала она. — То есть жутко — не знать, кто убийца. А следствие — какой в нем толк? Тоска и преснятина, вот как это называется. Ни капельки пикантности от начала до конца.

— Значит, вы там присутствовали, мисс Крэм?

— Присутствовала, можете быть уверены. А вы меня и не заметили — вот это да! Надо же — не заметить меня! Я и обидеться могу, имейте в виду. Может, вы ослепли? Джентльмену это не к лицу, даже если он — священник.

— А вы тоже там были? — спросил я доктора Стоуна, пытаюсь уклониться от кокетливого поддразнивания. Юные особы типа мисс Крэм всегда вызывают у меня чувство неловкости.

— Нет — боюсь, что меня несколько не интересуют подобные вещи. Я из тех, кто ничего не замечает, кроме собственного хобби.

— Должно быть, хобби весьма интересное, — заметил я.

— Вы, очевидно, имеете об этом некоторое представление?

Я был вынужден признаться, что ни малейшего представления об археологии не имею.

Да, доктор Стоун был не из тех, кого может обескуражить признание в невежестве. Можно было подумать, что я признался в том, что моя единственная отрада и отдача: — копать в земле. Результат был тот же. Он нырнул в свою стихию, взлетая на волнах собственного красноречия. Продольные разрезы, круговые раскопки, каменный век, бронзовый век, гробницы и кромлехи — все это лилось из его уст бурным потоком. Мне оставалось только кивать головой, сохраняя умный вид, — последнее, боюсь, мне плохо удавалось. Доктор Стоун несся на всех парусах. Это был маленький человек. Голова круглая, совершенно лысая, лицо круглое и румяное, глаза так и сияли за толстыми линзами очков. Мне не случалось встречать человека, который впадал бы в такое неистовство без всякой видимой причины. Он перебрал все доводы за и против своей излюбленной теории — кстати сказать, я так и не понял, в чем она заключается!

Он долго и подробно распространялся о своих спорах с полковником Протеро.

— Самовлюбленный невежда, — в пылу увлечения воскликнул он. — Да, я знаю, он мертв, а о мертвых плохого не говорят. Но даже смерть не влияет на факты. Самовлюбленный невежда — это точная характеристика. Только потому, что он просмотрел пару книжонок, он осмеливается спорить на равных с человеком, который всю жизнь посвятил этой теме. Мистер Клемент, я отдал этой работе всю свою жизнь. Всю свою жизнь я...

Он брызгал слюной от возбуждения. Глэдис Крэм вернула его к земным делам одной короткой фразой:

— Смотрите, как бы вам не опоздать на поезд, — спокойно заметила она.

— О! — Маленький человек запнулся на полуслове и вытащил из кармана часы. — Ну и ну! Без четверти! Быть не может!

— Как начинаете говорить, так все на свете забываете. Что бы с вами стало, если бы я за вами не присматривала, — не представляю!

— Вы правы, моя прелесть, совершенно правы. — Он нежно потрепал ее по плечу. — Золото, а не девушка, мистер Клемент. Никогда ничего не забывает. Мне сказочно повезло, когда я ее нашел.

— Ох! Да будет вам, доктор Стоун, — ответила юная леди. — Вы меня вконец разбалуете!

Я не мог не признаться себе, что мнение второй группы — той, что предсказывает законный брак между доктором Стоуном и мисс Крэм, —

получает в моем лице поддержку, подкрепленную личными впечатлениями. Мне подумалось, что мисс Крэм по-своему очень умная молодая женщина.

— Поторапливайтесь, а то опоздаете, — сказала мисс Крэм.

— Да, мне пора, решительно пора.

Он скрылся в соседней комнате и вышел с чемоданом в руках.

— Вы уезжаете? — спросил я, несколько удивленный.

— Хочу съездить в город на пару деньков, — ответил он. — Завтра надо повидать старушку-мать, а в понедельник — поговорить с моими поверенными. Вернусь во вторник. К слову сказать, я надеюсь, смерть полковника Протеро ничего не изменит в наших делах. Я имею в виду раскоп. Миссис Протеро не станет возражать, если мы продолжим работу?

— Я полагаю, что не станет.

Его слова заставили меня задуматься над тем, кто станет распоряжаться в Старой Усадьбе. Вполне возможно, что Протеро завещал ее Летиции. Я подумал, что было бы интересно ознакомиться с завещанием Протеро.

— Уж если что и переворачивает все в доме вверх дном, так это смерть, — заметила мисс Крэм с мрачным удовлетворением. — Рассказать — не поверите, какие жуткие склоки иногда поднимаются.

— Ну, мне пора, мне пора. — Доктор Стоун тщетно пытался удержать в руках одновременно чемодан, большой плед и громадный зонтик. Я бросился на помощь. Он запротестовал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я прекрасно справлюсь сам. Внизу мне, конечно, кто-нибудь поможет.

Но внизу не обнаружилось ни коридорного, ни «кого-нибудь» вообще. Я думаю, они угощались за счет представителей прессы. Время бежало, и мы вдвоем поспешили на вокзал; доктор Стоун нес чемодан, а я — плед и зонтик. Пыхтя и отдуваясь, доктор Стоун отрывисто бросал рубленные фразы:

— Вы очень добры, неловко вас затруднять... Только бы не опоздать на поезд. Глэдис славная девушка — просто чудесная девушка — ангельский характер — боюсь, дома не все гладко, — душа детская — совершенно детская. Уверяю вас, несмотря на разницу в возрасте, у нас много общего...

Поворачивая к вокзалу, мы увидели коттедж Лоуренса Реддинга. Он находится на отлете, рядом домов нет. Я заметил, что два щеголеватых молодых человека стоят на крыльце, а два других заглядывают в окна. У прессы выдался горячий денек.

— Славный малый этот молодой Реддинг, — заметил я, чтобы

услышать мнение своего спутника.

Доктор в это время окончательно запыхался и едва мог говорить, он бросил одно слово, которое я не расслышал.

— Опасный, — выдохнул он, когда я переспросил.

— Опасный?

— Очень опасный. Неопытные девушки — откуда им знать — попадают на удочку, такие субъекты вечно увиваются вокруг женщин... Добра не ждите.

Из этих слов я сделал вывод: единственный молодой мужчина в деревне не остался незамеченным прекрасной Глэдис.

— Боже! — воскликнул доктор Стоун. — Мой поезд!

Мы уже были невдалеке от вокзала и сделали последний рывок. Поезд в город стоял на станции, а лондонский как раз подходил.

В дверях кассы мы столкнулись с довольно изысканным молодым человеком, и я узнал племянника мисс Марпл, только что прибывшего к нам. Я полагаю, что этому молодому человеку не очень нравится, когда с ним кто-то сталкивается в дверях. Он гордится своим самообладанием и невозмутимостью, стараясь держаться обособленно, а нет никакого сомнения в том, что столь вульгарные контакты, как столкновения в дверях, неблагоприятны для какой бы то ни было обособленности. Я извинился на ходу, и мы протиснулись в двери. Доктор Стоун вскочил на подножку, а я передал ему его вещи, и поезд, норовисто дернувшись, неохотно пополз вперед.

Я помахал ему вслед и повернулся. Рэймонд Уэст уже ушел, но наш местный аптекарь, гордо носящий имя Херувим, тоже направлялся в деревню. Я пошел с ним рядом.

— Чуть было не упустили, — заметил он. — Ну, скажите, мистер Клемент, как прошло следствие?

Я сообщил ему вердикт.

— А! Вот оно как. Так я и думал. А куда спешил доктор Стоун?

Я передал ему то, что сам слышал от доктора Стоуна.

— Еще повезло, что поспел на поезд. Хотя на нашей дороге точности не дождешься. Говорю вам, мистер Клемент, — вопиющее безобразие! Мой поезд опоздал на десять минут. И это в субботу, когда и движения никакого нет. А в среду — нет, в четверг, — да, точно в четверг, помню, это было в день убийства, потому что я собирался написать жалобу в правление железнодорожной компании — в самых сильных выражениях — из-за убийства все из головы вылетело, так вот, в четверг это и было. Я был на собрании Общества фармакологов. Как вы думаете, на сколько опоздал

поезд «6.50»? *На полчаса.* Целых полчаса! Ну, что вы на это скажете? Десять минут — это еще куда ни шло. Если поезд прибывает в шесть двадцать, то домой раньше половины седьмого не попадешь. Вот я и говорю: к чему тогда называть этот поезд — «6.50»?

— Совершенно верно, — сказал я и, не желая дальше выслушивать монолог, воспользовался случаем и ускользнул поговорить с Лоуренсом Реддингом, который как раз шел нам навстречу по другой стороне улицы.

Глава XIX

— Очень рад вас видеть, — сказал Лоуренс. — Зайдите ко мне.

Мы свернули к низенькой деревенской калитке, прошли по дорожке к двери, которую он отпер, вынув ключ из кармана.

— Вы стали запираеть дверь, — заметил я.

— Да, — он невесело рассмеялся. — Что толку запираеть конюшню, когда коня свели, верно? Похоже на то. Знаете ли, падре, — он придержал дверь, пропуская меня вперед, — во всей этой истории есть что-то, что мне сильно не нравится. Слишком смахивает на — как бы это сказать — на семейное дело. Кто-то знал все про мой пистолет. А это значит, что убийца — кто бы он ни был — заходил ко мне в дом, может, мы с ним даже пили вместе.

— Это вовсе не обязательно, — возразил я. — Вся деревня Сент Мэри Мид может в точности знать, где вы держите свою зубную щетку и каким порошком чистите зубы.

— А что в этом интересного?

— Не знаю, — сказал я. — Их интересует все. Стоит вам переменить крем для бритья, и это станет темой для пересудов.

— Должно быть, они просто задыхаются без новостей.

— Ваша правда. Здесь никогда не случается ничего интересного.

— Ну, теперь-то у них интересного вдоволь. И с лихвой.

Я согласился.

— А кто им выбалтывает все секреты? Крем для бритья и все такое?

— Должно быть, старая миссис Арчер.

— Старая карга? Да она вообще полоумная, я давно заметил.

— Всего лишь уловка, камуфляж для бедняков, — объяснил ему я. — Они прячутся за маской идиотизма. Стоит присмотреться и окажется, что старушка не глупее нас с вами. Кстати, она с уверенностью утверждает, что пистолет лежал на своем месте еще в полдень в четверг. Отчего она вдруг обрела такую уверенность?

— Хотел бы я знать!

— А как вы считаете, она правду говорит?

— Не имею ни малейшего понятия. Я же не делаю полную инвентаризацию своего имущества каждый божий день!

Я обвел взглядом тесную комнату. На полках и на столе громоздились самые разные вещи. Лоуренс спокойно жил среди такого артистического

беспорядка, который меня свел бы с ума, и очень скоро.

— Иногда не так-то просто отыскать нужную вещь, — сказал он, поймав мой взгляд. — А если посмотреть с другой стороны — все под рукой, ничего не запрятано.

— Да, ничего не запрятано, — сказал я. — Может, было бы все-таки лучше, если бы пистолет был запрятан подальше.

— Знаете, а я ожидал, что следователь скажет что-нибудь такое. Эти следователи — настоящие ослы. Думал, он выразит мне порицание, или как там это называется.

— Кстати, — спросил я, — а он был заряжен?

Лоуренс покачал головой.

— Я все же не настолько беспечен. Он не был заряжен, но рядом лежала коробка с патронами.

— Как оказалось, все шесть гнезд были заряжены и произведен единственный выстрел.

Лоуренс кивнул.

— Чья рука это сделала? Все как будто сошло, сэр, но ведь если не найдут настоящего убийцу, меня будут считать преступником до самого смертного часа.

— Не надо так говорить, мой мальчик.

— А я говорю.

Он погрузился в молчание, хмурясь в задумчивости. Наконец он встал и сказал:

— Не забыть бы рассказать вам, чего я достиг вчера вечером. Знаете, старая мисс Марпл кое в чем разбирается.

— И, насколько я понимаю, именно поэтому не пользуется всеобщей симпатией.

Лоуренс продолжал свой рассказ.

По совету мисс Марпл он отправился в Старую Усадьбу. Там он с помощью Анны побеседовал с горничной. Анна просто сказала:

— Роза, мистер Реддинг хочет задать вам несколько вопросов.

И вышла из комнаты.

Лоуренс слегка нервничал. Роза, хорошенькая девушка двадцати пяти лет, смотрела ему в глаза простодушным взглядом, который его немного смущал.

— Это — это касается смерти полковника Протеро.

— Слушаю, сэр.

— Мне совершенно необходимо, понимаете ли, выяснить всю правду.

— Да, сэр.

— Я чувствую, что может быть... что кто-нибудь мог... что по случайности...

Тут Лоуренс понял, что отнюдь не выглядит героем, и про себя стал от всей души проклинать и мисс Марпл, и ее предположения.

— Короче — не могли бы вы мне помочь?

— Да, сэр?

Роза по-прежнему держалась, как образцово вышколенная горничная, вежливая, готовая услужить, но совершенно равнодушная.

— Черт побери, — сказал Лоуренс, — неужели вы не обсуждали это дело у себя, в комнате для прислуги?

Это неожиданное нападение немного расшевелило Розу. Ее безукоризненное самообладание поколебалось.

— В комнате для прислуги, сэр?

— Ну, в комнате экономки, в каморке у лакея, где угодно, где вы собираетесь поболтать. Должно же быть такое место.

Роза чуть не захихикала, и Лоуренс приободрился.

— Послушайте, Роза, вы чертовски славная девушка. Я уверен, что вы поймете мои чувства. Мне не хочется болтаться в петле. Я не убивал вашего хозяина, а многие думают, что я — убийца. Пожалуйста, помогите мне, если можете.

Могу себе представить, что в эту минуту Лоуренс был неотразим. Красивая голова откинута назад, в синих, как небо, глазах мольба. Роза растаяла и капитулировала.

— О, сэр — честное слово — мы все хотели бы вам помочь. Никто из нас не думает на вас, сэр. Честное слово, никто!

— Это я знаю, дорогая моя девочка, но ведь вы — не полиция.

— Полиция! — Роза встряхнула головкой. — Одно вам скажу, сэр, — всем нам не по душе этот инспектор. Слак, так он, кажется, зовется. Тоже мне полиция!

— И все-таки у полиции все козыри в руках. Ну, Роза, ты сказала, что готова мне помочь. Мне все время кажется, что мы еще далеко не все знаем. Например, про ту даму, которая была у полковника Протеро вечером накануне убийства.

— Миссис Лестрэндж?

— Вот-вот, миссис Лестрэндж. Я думаю, что в этом посещении кроется какая-то тайна.

— Да, сэр, мы все так думаем.

— Правда?

— Приходит вот так, без предупреждения. Спрашивает полковника.

Само собой, мы только об этом и говорили, и никто у нас здесь ничего о ней не знает. И миссис Симмонс — это наша экономка, сэр, — она прямо говорит, что будто эта женщина не из порядочных. Но когда я услышала, что сказала Глэдди, я прямо не знала, что и подумать.

— А что сказала Глэдди?

— Ой! Ничего, сэр. Просто — болтала, как все, сами знаете.

Лоуренс внимательно смотрел на нее. Он чувствовал, что она что-то скрывает.

— Трудно себе представить, о чем она говорила с полковником Протеро.

— Да, сэр.

— Сдается мне, ты кое-что знаешь, Роза?

— Я? Да бог с вами, сэр. Честное благородное слово! Откуда мне знать?

— Послушай меня, Роза. Ты сама сказала, что поможешь мне. Если ты случайно слышала что-нибудь — хоть одно словцо — может, это показалось пустяком, но хоть что-нибудь... Я буду тебе благодарен до самой смерти. В конце концов, кто угодно мог случайно — чисто *случайно* — что-нибудь подслушать.

— Я ничего не подслушивала, сэр, ей-богу, не подслушивала! Как можно?

— Значит, кто-то другой подслушал, — не давал ей опомниться Лоуренс.

— Прямо не знаю, сэр...

— Прошу, скажи мне, Роза.

— Не знаю, что скажет Глэдди, прямо не знаю.

— Она разрешила бы сказать мне. А кто это — Глэдди?

— Наша судомойка, сэр. Понимаете, она только вышла поговорить с приятелем, и ей надо было пройти как раз под окном — под окном кабинета, — где был хозяин и эта дама. А он, конечно, говорил во весь голос — наш хозяин всегда говорил очень громко. И, само собой, ей это показалось любопытным, то есть...

— Само собой, естественно, — подхватил Лоуренс. — Тут уж ничего не поделаешь — любой стал бы слушать.

— Но, конечно, она никому не сказала, только мне. И мы с ней обе решили, что это странное дело. Но Глэдди ничего сказать не могла, потому что знали, что она вышла поговорить с дружкой, а уж тут... тут ей влетело бы от миссис Пратт — это повариха, сэр. Но я уверена, что вам она бы все рассказала, с охотой, сэр.

— А что? Может, мне пойти на кухню, поговорить с ней?

При одной мысли об этом Роза пришла в ужас.

— О! Нет, сэр, никак нельзя! Глэдди у нас и без того пугливая.

Наконец дело было улажено — после долгого обсуждения особо щекотливых моментов. Было назначено подпольное свидание в саду, где кусты погуще.

Здесь Лоуренс и повстречался с пугливой Глэдди, которая, по его словам, смахивала скорее на трясущегося кролика, чем на человеческое существо. Минут десять он потратил на то, чтобы слегка ее успокоить, — Глэдис же дрожала и уверяла, что она ни за что на свете, что как же можно, и что она не ожидала, что Роза ее выдаст, что она никому не желала зла, ей-богу, не желала, и что ей несдобровать, если дойдет до самой миссис Пратт.

Лоуренс ее успокаивал, умащивал, уговаривал; наконец Глэдис решила говорить.

— Если вы обещаете, что дальше не пойдет, сэр.

— Само собой, я никому не скажу.

— И меня за это не притянут к ответу в суде?

— Никогда.

— А хозяйке не скажете?

— Ни под каким видом.

— А если дойдет до миссис Пратт...

— Ни в коем случае. Ну, говори же, Глэдис.

— А вы уверены, что можно?

— Можно, уверен. Когда-нибудь ты сама будешь рада, что спасла меня от петли.

Глэдис негромко взвизгнула.

— Ой! Да что вы, сэр, боже упаси! Да ведь я слышала совсем мало и по чистой случайности, вы понимаете...

— Понимаю.

— Хозяин-то, он сердился, ясное дело. «Через столько лет» — так и говорит, — «вы осмелились сюда прийти — это неслыханное оскорбление». Что леди говорила, мне было не слышать, но он на это сказал: «Я отказываюсь наотрез, категорически» — все я не запомнила, но они так уж ругались, она у него что-то просит, а он — ни в какую. «Позор, что вы сюда явились» — вот что он еще говорил, и: «Вы не смеете с ней видеться, я вам запрещаю», — тут я и наострила уши. Похоже, что леди собиралась кое-что порассказать миссис Протеро, а он боялся, как бы чего не вышло. Я себе и говорю: «Подумать только! Вот тебе и хозяин. Такой придира. А сам-то, может, коли во всем разобраться, сам-то он не больно

хорош. Подумать только», — говорю. «Все мужчины одинаковы», — так я и сказала своему дружку после того. Он не соглашался, ни за что. Спорил, да еще как. Но он тоже сказал, что удивляется полковнику Протеро — он у нас и церковный староста, и с кружки глаз не спускает, и в воскресной школе уроки дает. «Это самое плохое и есть», — я ему говорю. Сколько раз мне матушка говаривала, что в тихом омуте черти водятся.

Глэдди умолкла, запыхавшись, и Лоуренс попытался тактично вернуть ее к началу разговора.

— А еще что ты слышала?

— Да всего ведь и не упомнишь, сэр. Все одно и то же. Раз или два он сказал: «Не верю». Вот так: «Мало ли что Хэйдок говорит, а я не верю».

— Так он и сказал: «Мало ли что Хэйдок говорит»?

— Да, так и сказал. И еще сказал, что все это — заговор.

— А ты совсем не слышала, что говорила леди?

— Только в самом конце. Наверное, она встала и подошла поближе к окну. И я слышала, что она сказала. У меня вся кровь застыла, ей-богу. Никогда этого не забуду. «*Может быть, в этот час, завтра вечером, Вас уже не будет в живых*» — вот что она сказала. С такой злобой. Я как только услышала про убийство, так и сказала Розе: «Вот! Что я тебе говорила?»

Лоуренс задумался. Он пытался сообразить, насколько можно верить рассказу Глэдис. Она не врала, но он подозревал, что рассказ был сильно приукрашен и отшлифован после убийства. Особенно он сомневался в том, что она точно передала последнюю фразу. Он опасался, что своим появлением на свет эта фраза обязана совершившемуся убийству.

Он поблагодарил Глэдис, поблагодарил ее как положено, уверил, что никто не расскажет о ее проступках миссис Пратт, и покинул Старую Усадьбу. Ему было над чем поразмыслить.

Ясно было одно: беседа полковника Протеро с миссис Лестрэндж носила отнюдь не мирный характер, и он боялся, что об этом узнает его жена.

Я вспомнил о церковном старосте, о котором рассказывала мисс Марпл, — о его двойной жизни. Не было ли тут чего-нибудь подобного?

Мне еще больше хотелось знать, причем тут Хэйдок? Он избавил миссис Лестрэндж от необходимости давать показания на следствии. Он сделал все, от него зависящее, чтобы защитить ее от полиции.

Насколько далеко мог он зайти в своем стремлении ее выгородить?

Предположим, что он подозревал в ней убийцу, стал бы он, несмотря на это, защищать ее до конца?

Эта необыкновенная женщина обладала поразительным, неотразимым обаянием. Я сам всеми силами противился даже мысли о том, что она могла совершить преступление.

Что-то в моей душе утверждало: «Она на это не способна!»

А бесенок в моем мозгу возражал: «И только потому, что она на редкость красивая и привлекательная женщина. Вот и все!»

Как сказала бы мисс Марпл, такова уж человеческая натура.

Глава XX

Возвратившись домой, я оказался в самом центре домашней трагедии. Гризельда выбежала в холл со слезами на глазах, увлекла меня в гостиную и сказала:

— Она уходит.

— Кто уходит?

— Мэри. Она уже предупредила.

Честно говоря, я не видел в этом сообщении ничего ужасного.

— Что ж, — сказал я, — придется нанять другую прислугу.

По-моему, это был совершенно естественный ход мыслей. Когда одна прислуга уходит, вы нанимаете другую. Я не понимал, почему Гризельда смотрит на меня так укоризненно.

— Лен, ты — бессердечное существо. Тебе *все равно*.

Вот этого я бы не сказал. Напротив, я чувствовал, что сердце у меня встрепенулось от радости при мысли о том, что кончится эра подгорелых пудингов и недоваренных овощей.

— Мне придется искать девушку, пока ее еще найдешь, а потом надо ее вышколить, — сказала Гризельда, и в ее голосе слышалась острая жалость к своей горькой участи.

— А разве Мэри вышколена? — спросил я.

— Ну конечно!

— Тогда, наверное, — предположил я, — кто-нибудь услышал, как она то и дело вежливо говорит «сэр» или «мадам», и тут же решил похитить у нас сей образец для всех служанок. Мне только остается сказать, что их ждет разочарование.

— Да не в том дело, — сказала Гризельда. — Никому она пока не нужна. И никто ее у нас никогда не переманит, не бойся. Дело в ее оскорбленных чувствах. Она очень близко приняла к сердцу, когда Летиция Протеро сказала, что она плохо вытирает пыль.

Гризельда часто поражает меня неожиданными заявлениями, но это оказалось настолько неожиданным, что я даже усомнился в его истинности. Ничто на свете не заставит меня поверить, что Летиция Протеро снизошла до того, чтобы входить в наши домашние дела и попрекать нашу служанку за неряшливость. Это было совершенно не в духе Летиции, так я и сказал Гризельде.

— Не усматриваю ни малейшей связи между Летицией Протеро и

нашей пылью, — сказал я.

— И я тоже, — сказала моя жена. — Это вопиющая нелепость. Пожалуйста, поговори с Мэри сам. Она на кухне.

Мне вовсе не хотелось беседовать с Мэри на эту тему, но Гризельда — она удивительно энергична и порывиста — буквально втолкнула меня в кухню, прежде чем я успел взбунтоваться.

Мэри чистила картофель над раковиной.

— Э-э — добрый день, — неуверенно сказал я.

Мэри взглянула на меня и фыркнула носом, иного ответа я от нее не дождался.

— Миссис Клемент сказала мне, что вы выразили желание нас покинуть.

На это обращение Мэри соблаговолила ответить.

— Бывает такое, — сказала она угрюмо, — что порядочная девушка этого нипочем не потерпит.

— Не скажете ли вы мне, что собственно вас так огорчило?

— Дело нехитрое, — скажу, в двух словах. (Должен заметить, что она сильно недооценила свои возможности.) Шляются тут разные, вынюхивают, когда я не вижу. Всюду суют свой нос. Да какое ей дело, когда я мету или пыль вытираю? Раз вы и хозяйка довольны, пусть другие-прочие не лезут. Коли я вам угодила, тут и говорить больше не о чем, я так считаю.

Что касается меня, то мне Мэри никак не могла угодить. Признаюсь, я вижу в мечтах комнату, которую аккуратно прибирают каждое утро — стирают всюду пыль, ставят вещи на место... У Мэри свой метод — смахнуть пыль на самых видных местах, например на столе, — и мне он кажется крайне несовершенным. Однако в тот момент я понимал, что не время обсуждать второстепенные вопросы.

— И на следствие меня вытащили, да? Выставили перед двенадцатью мужчинами такую порядочную девушку, как я! Мало ли какие вопросы они вздумают задавать! Я вам одно скажу. Я никогда не жила в доме, где произошло смертоубийство, и впредь не собираюсь.

— Надеюсь, вам и не придется, — сказал я. — По закону вероятностей, это вряд ли повторится.

— Мне законы ни к чему. Это он был мировым судьей. Сколько хороших людей засадил за решетку только за то, что они несчастного кролика словят себе на обед, не то что он, со своими фазанами и прочей дичью, — стреляет потехи ради! Мало того, не успели его похоронить, как эта его дочка заявляется сюда и говорит, что я не умею свою работу справлять!

— Вы хотите сказать, что мисс Протеро была здесь?

— Была! Прихожу из «Голубого Кабана» и вижу — здесь. В кабинете вашем. И говорит: «Оу! — так она говорит. — Я ищу мой маленький желтенький беретик — шляпку такую, желтую. Я вчера ее тут позабыла».

— «Вот что, — я ей говорю, — никакой такой шляпки я в глаза не видала. Ее тут не было, когда я убиралась утром в четверг», — говорю, — а она опять: «Оу, — говорит, — я полагаю, что вы ее не заметили. Вы ведь тут на скорую руку убираете, верно?» И с этими словами проводит пальчиком по каминной доске и сует его себе под нос. Как будто у меня было время снимать все безделушки, а потом ставить обратно — это в то самое утро, а полиция отперла кабинет только к ночи. «Раз хозяин с хозяйкой мною довольны, тут и говорить больше не о чем, мисс», — говорю. А она как засмеется — и вышла с такими словами: «Оу! А вы уверены, что они довольны?»

— Теперь понятно, — сказал я.

— Вот видите! Разве я бесчувственная какая? Да я, честное слово, готова себе пальцы до кости стереть, только бы вы с хозяйкой были довольны. А когда она задумает приготовить какое-нибудь новомодное блюдо, я всегда стараюсь ей угодить.

— Я знаю вы стараетесь, — успокоил ее я.

— Но она, видно, что-то слышала, а то бы не стала такие слова говорить. А если я вам не угодила, уж лучше мне уйти. Вовсе не потому, что я ей верю, этой мисс Протеро. В Усадьбе ее не очень-то любят, скажу я вам. Чтобы сказать «пожалуйста» или «спасибо» — это нет, а вещи направо-налево раскидывать — это сколько угодно. Не стала бы я и внимания обращать на эту мисс Летицию Протеро, а вот мистер Деннис по ней сохнет. Это она умеет — обвести молодого джентльмена вокруг пальца, она такая.

Увлечшись своими обличениями, Мэри выковыривала глазки из картофеля так энергично, что они летали по кухне, стуча, как частый град. В эту минуту один из них попал мне прямо в глаз, и это вызвало небольшую паузу.

— Вам не кажется, — сказал я, прижимая платок к глазу, — что вы слишком близко к сердцу принимаете совсем безобидные слова? Видите ли, Мэри, хозяйка будет очень огорчена, если вы от нас уйдете.

— Против хозяйки я ничего не имею, и против вас тоже, сэр, если уж на то пошло.

— Ну вот, и хорошо. Сознаться, что вы вспылили из-за пустяков, а? Мэри зашмыгала носом.

— Я была прямо сама не своя после следствия и всего прочего. Не бесчувственная я, на самом деле. Но хозяйку обижать я не стану.

— Значит, все в порядке, — сказал я.

Я вышел из кухни. Гризельда и Деннис поджидали меня в холле.

— Ну как? — воскликнула Гризельда.

— Она остается, — сказал я со вздохом.

— Лен, — сказала моя жена, — ты *такой* умница!

Я в душе никак не мог с ней согласиться. Разве умные люди так поступают... Я твердо уверен, что на всем белом свете не сыщешь служанки хуже Мэри. Я прекрасно понимал, что любая перемена была бы переменной к лучшему.

Но мне было приятно порадовать Гризельду. Я подробно изложил обстоятельства, разобидевшие Мэри.

— Похоже на Летицию, — сказал Деннис. — Она и не могла оставить свой желтый беретик здесь в среду. Она в нем пришла на теннис в четверг.

— Мне это кажется вполне вероятным, — заметил я.

— Никогда не помнит, куда она что бросила, — сказал Деннис с совершенно необоснованной, на мой взгляд, нежностью, словно тут было чем гордиться. — Теряет с дюжину вещей каждый день.

— Необычайно привлекательная черта, — произнес я.

Но Деннис не заметил никакого сарказма.

— Да, она *очень* привлекательна, — сказал он, глубоко вздохнув. — Ей все время делают предложения, она сама мне сказала.

— Если это происходит здесь, предложения незаконные — у нас нет ни одного неженатого мужчины, — сказал я.

— А доктор Стоун? — сказала Гризельда, глаза у нее так и искрились лукавством.

— Верно — он приглашал ее позавчера посмотреть на раскопки, — сказал я.

— Как же иначе? — сказала Гризельда. — Она очень привлекательная, Лен. Даже лысые археологи это чувствуют.

— Громадный сексапил, — изрек Деннис с видом знатока.

Однако Лоуренс Реддинг оказался неподвластен очарованию Летиции. Гризельда и тут нашла объяснение и с уверенностью в своей правоте изложила его нам.

— У Лоуренса у самого С. А. — хоть отбавляй. Таким людям обычно нравятся — как бы это сказать — квакерши, понимаете? Замкнутые, скромницы. Таких женщин все почему-то считают холодными. Мне кажется, единственная женщина, которая могла пленить и удержать

Лоуренса, — это Анна Протеро. Я уверена, что они никогда друг другу не наскучат. И все-таки, он сделал одну глупость, по-моему. Понимаете — он как-то воспользовался чувствами Летиции. Не думаю, чтобы он догадывался о них — ему это и в голову не пришло, он иногда проявляет скромность, но я чувствую, что она в него влюблена.

— Она терпеть его не может, — с непререкаемым апломбом заявил Деннис. — Сама мне сказала.

Никогда не слышал такого сочувственного молчания, каким Гризельда ответила на эти слова.

Я пошел к себе в кабинет. Я до сих пор чувствовал в нем какое-то леденящее дыхание. Необходимо было преодолеть это ощущение. Я знал, что стоит мне уступить этому чувству, и я никогда в жизни не смогу пользоваться кабинетом. Погруженный в раздумье, я медленно подошел к письменному столу. Вот здесь сидел Протеро — румяный, энергичный, самодовольный — и вот здесь, в короткий миг, его поразили насмерть. Преступник стоял вот здесь, на том месте, где сейчас стою я.

Итак, Протеро больше нет...

Вот и перо, которое он держал в руке.

На полу темноватое пятно: ковер отослали в чистку, но кровь пропитала доски пола.

Меня пробрала дрожь.

— Нет, не могу оставаться в этой комнате, — сказал я вслух. — Не могу здесь быть.

Вдруг мне в глаза бросилось что-то, ярко-голубое пятнышко, не больше. Я наклонился. Под столом лежала небольшая вещица. Я ее поднял.

Я стоял неподвижно, не сводя глаз с вещицы, которую держал на ладони. Вошла Гризельда.

— Забыла тебе сказать, Лен. Мисс Марпл приглашает нас зайти сегодня вечером, после обеда. Поразвлечь племянника. Она опасается, что ему тут скучно. Я обещала, что мы придем.

— Прекрасно, милая.

— Что это ты рассматриваешь?

— Ничего.

Я сжал пальцы в кулак, посмотрел на жену и сказал:

— Если ты не сумеешь развеселить мистера Рэймонда Уэста, значит, ему угодить невозможно.

Моя жена сказала: «Как тебе не стыдно, Лен», и покраснела.

Она ушла, и я снова разжал пальцы.

У меня на ладони лежала сережка с голубой бирюзой, окруженной

мелким жемчугом.

Драгоценность была необычная, довольно заметная, и я помнил совершенно точно, где видел ее в последний раз.

Глава XXI

Не стану утверждать, что когда-либо испытывал особую приязнь к мистеру Рэймонду Уэсту. Я знаю, что его считают прекрасным прозаиком, а стихи принесли ему широкую известность. У него в стихах нет ни одной заглавной буквы; как я понимаю, это основной признак авангардизма. Все его романы о пренеприятных людях, влачащих неимоверно жалкое существование.

Он по-своему, несколько покровительственно, любит «тетю Джейн», которую часто прямо в глаза зовет «Пережиток».

Она слушает его разглагольствования с весьма лестным вниманием, и, хотя у нее в глазах иногда мелькает насмешливый огонек, я уверен, что он никогда этого не замечает.

С решительностью, которая могла бы польстить самолюбию, он обратил все свое внимание на Гризельду. Они обсудили современные пьесы, потом заговорили о современных вкусах в декоративном искусстве. Хотя Гризельда притворно посмеивается над Рэймондом Уэстом, мне кажется, что она поддается чарам его красноречия.

Я беседовал с мисс Марпл (о чем-то совсем скучном), и до меня не один раз доносилась фраза: «Вы похоронили себя в этой глуши».

Наконец этот рефрен начал действовать мне на нервы. Внезапно у меня вырвалось:

— Вы считаете, что мы здесь живем на краю света?

Рэймонд Уэст взмахнул рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

— Я считаю Сент Мэри Мид, — многозначительно отчеканил он, — лужей со стоячей водой.

Он взглянул на всех вызывающе, ожидая возражений, но никто не возмутился; мне кажется, это его разочаровало.

— Сравнение не очень удачное, милый Рэймонд, — живо отозвалась мисс Марпл. — Мне кажется, если посмотреть в микроскоп на каплю воды из стоячей лужи, жизнь там так и кипит.

— Конечно, там кишит всякая мелочь, — сказал литератор.

— А разве это не такая же жизнь, как и повсюду? — сказала мисс Марпл.

— Вы равняете себя с инфузорией из стоячей лужи, тетя Джейн?

— Мой милый, ты сам так писал в своем последнем романе, я запомнила.

Остроумный молодой человек обычно не любит, когда его собственные изречения обращают против него. Рэймонд Уэст не был исключением из этого правила.

— Это сказано совсем не о том, — отрезал он.

— Жизнь, в общем, везде одинакова, — продолжала мисс Марпл своим негромким, спокойным голосом. — Человек рождается, потом растет, взрослеет, сталкивается с другими людьми, обкатывается, как галька, потом женится, появляются новые дети...

— А финал один — смерть, — подхватил Рэймонд Уэст. — И не всегда имеется свидетельство о смерти. Порой умирают заживо.

— Раз уж мы заговорили о смерти, — сказала Гризельда. — Вы знаете, что у нас здесь произошло убийство?

Рэймонд Уэст взмахнул сигаретой, отмечая убийство одним жестом.

— Убийство — это так грубо, — сказал он. — Меня это не интересует.

Я ни на минуту не поверил его словам. Как говорят, весь мир любит любовь; переиначьте эту поговорку применительно к убийству, и она станет еще более правдивой. Это истинная правда: ни один человек не останется равнодушным к убийству. Люди простые, как я и Гризельда, откровенно в этом признаются, а такие, как Рэймонд Уэст, непременно должны поломаться, напустить на себя притворную скуку, хотя бы на первые пять минут.

Однако мисс Марпл выдала племянника, заметив:

— Мы с Рэймондом во время обеда только об этом и говорили.

— Я всегда интересуюсь местными новостями, — поспешил вмешаться Рэймонд. Он одарил мисс Марпл ласковой, снисходительной улыбкой.

— А у вас есть своя версия, мистер Уэст? — спросила Гризельда.

— Если рассуждать логически, — сказал Рэймонд Уэст, в который раз помахивая своей сигаретой, — Протеро мог убить только один человек.

К его удовольствию, мы замерли, ловя каждое слово.

— Кто? — спросила Гризельда.

— Викарий, — ответил Рэймонд и обличающе указал на меня пальцем.

Я опешил.

— Само собой, — успокоил он меня, — я знаю, что вы его не убивали. Жизнь никогда не соответствует идеалу. Подумайте, какая блестящая драма, как это естественно, церковный староста злодейски убит в кабинете викария самим викарием. Что за прелесть!

— А по каким мотивам? — спросил я.

— О, это самое интересное. — Он выпрямился на стуле, забыв про сигарету, и она погасла. — Я бы сказал — комплекс неполноценности. Возможно, слишком много подавленной агрессивности. Я бы с удовольствием написал об этом роман. Можно здорово закрутить интригу. Неделю за неделей, год за годом он видит своего недруга то в ризнице, то на пикниках для мальчиков из хора, собирающего пожертвования в церкви, несущего их к алтарю. Не перестает ненавидеть этого человека и каждый раз подавляет ненависть. Это не подобает христианину, и он не станет лелеять ненависть в сердце. А она грызет и терзает его втайне, и в один прекрасный день...

Он сделал выразительный жест.

Гризельда повернулась ко мне.

— Ты когда-нибудь чувствовал что-то подобное, Лен?

— Никогда, — честно ответил я.

— И все же я слышала, что вы не так давно желали его смерти, — заметила мисс Марпл.

(Деннис — негодный мальчишка! Конечно, я сам виноват — не стоило мне говорить об этом.)

— Боюсь, что я это сказал, — признался я. — Порой говоришь несусветные глупости, но в то утро он меня довел до белого каления, честное слово.

— Какая жалость, — сказал Рэймонд Уэст. — Понимаете ли, если бы ваше подсознание жаждало его смерти, оно бы не допустило, чтобы вы высказались вслух.

Он вздохнул.

— Моя теория пошла прахом. Должно быть, это самое прозаическое убийство — месть браконьера или что-нибудь в этом роде.

— Мисс Крэм заходила ко мне сегодня, — сказала мисс Марпл. — Я повстречала ее в деревне и спросила, не хочет ли она посмотреть на мой садик.

— Она так любит садоводство? — спросила Гризельда.

— Вовсе нет, — отвечала мисс Марпл, едва заметно подмигивая. — Но это прекрасный предлог для разговора, вам не кажется?

— А какого вы о ней мнения? — спросила Гризельда. — Я думаю, она не такая уж плохая.

— Она много мне порассказала, — заметила мисс Марпл. — О себе, о своей семье. Кажется, они все умерли в Индии. Грустно, знаете ли. Кстати, она проводит уик-энд в Старой Усадьбе.

— Что?

— Да-да, кажется, миссис Протеро ее пригласила или она сама напросилась, не знаю, каким образом это устроилось. Нужно сделать какую-то секретарскую работу, там накопилась целая куча писем. Это для нее большая удача.

Доктор Стоун в отъезде, и девушке нечем заняться. Раскоп был преинтересный, правда?

— Стоун? — повторил Рэймонд. — Археолог?

— Да, он производит раскопки. Во владениях Протеро.

— Интересный человек. Влюблен в свою профессию, — сказал Рэймонд. — Мы познакомились недавно на званом обеде, с ним необыкновенно интересно говорить. Надо будет зайти к нему, повидаться.

— К сожалению, — сказал я, — он только что уехал в Лондон на весь уик-энд. Пойдите, да вы с ним столкнулись сегодня днем на вокзале.

— Я столкнулся с вами. А при вас был какой-то коротышка в очках.

— Ну да — доктор Стоун.

— Помилуйте, дорогой мой, — это был вовсе не Стоун.

— Как не Стоун?

— Не археолог, во всяком случае. Я его прекрасно знаю. Этот тип вовсе не Стоун — ни малейшего сходства.

Мы уставились друг на друга. Я, в частности, уставился на мисс Марпл.

— Чрезвычайно странно, — сказал я.

— Чемодан, — сказала мисс Марпл.

— Зачем? — сказала Гризельда.

— Совсем как в тот раз, когда человек ходил по домам, выдавая себя за инспектора газовой компании, — сказала, ни к кому не обращаясь, мисс Марпл. — Немалый улов он унес, немалый.

— Самозванец, — произнес Рэймонд Уэст. — Это уже интересно.

— Замешан ли он в убийстве — вот в чем вопрос, — сказала Гризельда.

— Во все не обязательно, — сказал я. — Однако... — и я взглянул на мисс Марпл.

— Это Странное Дело, — сказала она. — Еще одно Странное Дело.

— Да, — сказал я, вставая. — И мне кажется, что об этом надо немедленно поставить в известность инспектора полиции.

Глава XXII

Как только я дозвонился до инспектора Слака, мне тут же были даны короткие, категорические приказания. Ничто не должно «просочиться». Главное — не спугнуть мисс Крэм. Тем временем будут организованы поиски чемодана в районе раскопа.

Мы с Гризельдой вернулись домой, взволнованные новыми открытиями. В присутствии Денниса мы не могли поговорить — мы честно обещали инспектору Слаку не проронить ни словечка кому бы то ни было.

Но Деннису было не до нас — у него были свои заботы. Он вошел ко мне в кабинет и принялся слоняться, шаркая ногами, вертеть в руках что попало, и вообще вид у него был крайне растерянный и смущенный.

— В чем дело, Деннис? — наконец не выдержал я.

— Дядя Лен, я не хочу идти во флот.

Я удивился. Казалось, что мальчик твердо выбрал будущую профессию.

— Ведь ты об этом так мечтал.

— Да, а теперь передумал.

— Что же ты собираешься делать?

— Хочу стать финансистом.

Я удивился еще больше.

— Как финансистом?

— Обыкновенно. Хочу работать в городе, в Сити.

— Послушай, милый мой мальчик, я уверен, что эта жизнь не для тебя. Даже если я устрою тебя на работу в банк...

Деннис сказал, что он думал не об этом. В банке ему делать нечего. Я спросил, что он конкретно имел в виду, и, разумеется, он сам не знал, чего хочет, как я и догадывался.

В его понимании «стать финансистом» значило быстро стать богачом; с юношеским оптимизмом он считал, что это дело верное, достаточно «работать в Сити». Я попытался рассеять его заблуждения, стараясь не обидеть его.

— А что навело тебя на эти мысли? — спросил я. — Ты был вполне доволен перспективой служить в торговом флоте.

— Верно, дядя Лен, только я подумал... Когда придет время жениться, понимаешь, чтобы жениться на хорошей девушке, надо быть богатым.

— Твоя теория не подтверждается фактами, — заметил я.

— Знаю. Но я говорю о настоящей хорошей девушке. Из хорошей семьи. Она к этому привыкла.

Несмотря на туманные выражения, я понимал, что он имеет в виду.

— Но ведь не все девушки похожи на Летицию Протеро, — сказал я ласково.

Он все равно вспылал.

— Ты к ней ужасно несправедлив. Тебе она не нравится. И Гризельде тоже. Она называет ее занудой!

Со своей, чисто женской, точки зрения Гризельда совершенно права. Летиция и вправду нагоняет на человека скуку. Но мне было вполне понятно, почему это слово задело Денниса.

— Почему люди не могут понять, пожалеть! Даже Хартли Напье, и те на нее напустились — в такое тяжелое время! Подумаешь — ну, ушла она с их дурацкой теннисной игры чуть пораньше. Обязана она, что ли, торчать там, если ей надоело? По-моему, еще много чести, что она вообще туда пошла.

— Это большая честь, — сказал я, но Деннис не заподозрил сарказма. Он весь кипел от обиды за Летицию.

— А на самом деле она такая чуткая. Суди сам — она меня заставила там остаться. Само собой, я тоже собрался уходить. Но она об этом и слышать не хотела. Сказала, что Хартли Напье ужасно обидятся. И я остался еще минут на пятнадцать, ради нее.

У молодежи какие-то странные представления о чуткости.

— А теперь, как мне сказали, Сюзанна Хартли Напье всюду ходит и говорит, что Летиция жутко невоспитанная.

— На твоём месте я бы не обращал на это внимания, — сказал я.

— Тебе легко говорить, а я...

Голос у него прервался от волнения.

— Я... Я ради нее готов на все.

— Очень немногие из нас могут сделать хоть что-то для другого человека. Как бы мы ни старались, это не в наших силах.

— Лучше бы мне умереть, — сказал Деннис.

Бедный малый! Эта полудетская любовь всегда протекает как острое заболевание. Я не позволил себе сказать ни одной банальной и поучительной фразы, которые так и просятся на язык, — это только разобидело бы его вконец. Я просто пожелал ему спокойной ночи, и мы разошлись.

Наутро у меня была с восьми часов служба, а вернувшись, я увидел Гризельду за столом, накрытым для завтрака, в руках она держала письмо.

Письмо было от Анны Протеро.

«Дорогая Гризельда, если Вы с викарием можете зайти сегодня к ленчу, я буду очень благодарна. Произошло нечто чрезвычайно странное, и я хотела бы посоветоваться с мистером Клементом.

Пожалуйста, не упоминайте об этом, когда будете у нас, — я никому ничего не сказала.

*С любовью,
искренне Ваша,
Анна Протеро».*

— Непременно надо пойти, — сказала Гризельда.

Я согласился.

— Интересно, что там произошло?

Мне тоже было интересно.

— Знаешь, — сказал я Гризельде, — у меня такое чувство, что это дело затянется надолго.

— Ты хочешь сказать — пока не арестуют настоящего убийцу?

— Нет, — ответил я. — Я имел в виду другое. Видишь ли, в этом деле столько разветвлений, столько подводных течений, о которых мы и не догадываемся. Нужно выяснить множество загадочных обстоятельств, прежде чем мы доберемся до сути дела.

— Понимаю, ты говоришь о тех обстоятельствах, которые сами по себе ничего не значат, но мешают и путаются под ногами?

— Пожалуй, ты довольно точно истолковала мои слова.

— А по-моему, мы устраиваем много шума из ничего, — сказал Деннис, намазывая хлеб повидлом. — Ведь это здорово, что старик Протеро отправился к праотцам. Никто его не любил. Пусть у полиции голова болит — это их дело, пусть и суетятся. Я лично надеюсь, что они никогда не изловят убийцу. Еще не хватало, чтобы Слак получил повышение и ходил надутый от важности, как индюк, воображая, что он великий сыщик.

Признаюсь, что я не настолько чужд простым человеческим чувствам, чтобы не разделять его мнения о повышении Слака. Человеку, который всегда и повсюду, словно нарочно, восстанавливает людей против себя, не приходится ждать от них хорошего отношения.

— Доктор Хэйдок со мной согласен, — продолжал Деннис. — Он ни за что не выдал бы убийцу властям. Он мне так и сказал.

Вот в этом, мне кажется, опасная черта воззрений Хэйдока. Сами по себе его взгляды, возможно, заслуживают уважения — не мне судить, — но на молодой неокрепший ум они могут оказать действие, совершенно неожиданное для самого Хэйдока.

Гризельда выглянула в окно и сообщила, что в саду у нас репортеры.

— Наверное, опять фотографируют окна кабинета, — сказала она со вздохом.

Нам пришлось немало претерпеть от подобных нашествий. Поначалу — жители деревни, полные праздного любопытства, ни один из них не преминул постоять и поглазеть разинув рот. Потом пошла в наступление армия газетчиков, вооруженная фотоаппаратами, а за ними — опять зеваки: поглазеть теперь уже на газетчиков. В конце концов пришлось поставить на страже у окон кабинета констебля из Мач Бенэма.

— Хорошо, что похороны состоятся завтра утром, — сказал я, — После этого все страсти улягутся, я уверен.

Когда мы подошли к Старой Усадьбе, нас уже подстерегали несколько репортеров. Они засыпали меня самыми разнообразными вопросами, на которые я давал неизменный ответ (мы решили, что это наилучший выход) — а именно: «Мне нечего сказать».

Дворецкий проводил нас в гостиную, где оказалась единственная гостья — мисс Крэм, которая явно была в превосходном настроении.

— Вот вам и сюрприз, а? — заговорила она, пожимая нам руки. — Мне бы такое и в голову не пришло, но миссис Протеро ужасно добрая, правда? Конечно, не очень-то прилично, когда молодая девушка остается в «Голубом Кабане» одна-одинешенька, это все скажут, — репортеры так и шныряют, и вообще мало ли что. Ну, само собой, я тут без дела не сижу, в такое время секретарша нужна до зарезу, а мисс Протеро и пальчиком не шевельнет, верно?

Я заметил, что старая вражда к Летиции Протеро не угасла, и это меня позабавило, зато девушка стала горячей защитницей Анны. Однако я сомневался, что ее рассказ соответствует истине. По ее словам, приглашение исходило от Анны, но мне хотелось бы знать, так ли это на самом деле. Девушка могла сама прозрачно намекнуть, что ей не вполне удобно оставаться одной в «Голубом Кабане». Как бы то ни было, без всякого предубеждения, я все же полагал, что мисс Крэм может выдать желаемое за действительное.

В эту минуту вошла Анна Протеро.

Она была одета в простое черное платье. В руке у нее была воскресная газета, которую она и протянула мне с грустным видом.

— Мне никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Отвратительно, да? Я этого репортера видела мельком, на следствии. Я только сказала, что ужасно расстроена и не могу ничего сообщить, а потом он сказал, что я, должно быть, очень хочу найти убийцу мужа, и я ответила: «Да». Спросил, подозреваю ли я кого-нибудь, я сказала: «Нет». А не думаю ли я, что преступление совершено кем-то из местных жителей? Я сказала, что это очевидно. Вот и все. А теперь посмотрите, что тут написано!

Посередине страницы красовалась фотография, сделанная добрых десять лет назад, — бог знает, откуда они ее выкопали. Громадными буквами был набран заголовок:

«ВДОВА ДАЛА ОБЕТ, ЧТО НЕ УСПОКОИТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ВЫСЛЕДИТ УБИЙЦУ МУЖА».

«Миссис Протеро, вдова убитого, уверена, что убийцу надо искать среди местных жителей. У нее есть подозрения, но пока она их не высказывает. Она заявила, что убита горем, но повторила многократно, что намерена выследить убийцу».

— Я не могла так говорить, это на меня не похоже, правда? — сказала Анна.

— Могло быть куда хуже, смею заметить, — сказал я, возвращая ей газету.

— Нахалы, вот они кто, — сказала мисс Крэм. — Посмотрела бы я, как им удалось бы вытянуть что-нибудь из меня!

Глаза у Гризельды блеснули, и я догадался, что это заявление она восприняла буквально, на что мисс Крэм, конечно, не рассчитывала.

Было объявлено, что второй завтрак подан, и мы перешли в столовую. Летиция явилась с большим опозданием, проплыла к свободному месту и села, улыбнувшись Гризельде и кивнув мне. Я смотрел на нее очень внимательно — у меня были на то свои причины, — но она, казалось, по-прежнему витала в облаках. Удивительно хорошенькая — это я должен признать по чести и справедливости. Она так и не надела траур, но бледно-зеленое платье оттеняло и подчеркивало в ее облике всю прелесть пастельных тонов.

Когда мы выпили кофе, Анна спокойно сказала:

— Мне нужно поговорить с викарием. Мы пойдем в мою гостиную, наверх.

Наконец-то мне предстояло узнать, почему нас сюда пригласили. Я

встал и последовал за ней вверх по лестнице. У дверей комнаты она задержалась. Я хотел заговорить, но она остановила меня жестом. Послушала, устремив глаза вниз, что творится в холле.

— Хорошо. Они уходят в сад. Нет, нам не сюда. Пройдемте прямо наверх.

К моему удивлению, она повела меня по коридору в самый конец крыла. Оттуда на верхний этаж вела деревянная лесенка из отдельных дощатых ступенек, она поднялась по ней, я — следом. Мы оказались в пыльном, обшитом досками закутке. Анна отворила дверь и провела меня на громадный сумрачный чердак, который явно служил свалкой для всякой рухляди. Там были сундуки, ломаная мебель, несколько старых картин, наваленных как попало, и прочий хлам, который годами накапливается в кладовках.

Я не сумел скрыть своего удивления, и она слабо улыбнулась.

— Прежде всего я вам все объясню. Сейчас я стала спать очень плохо. Прошлой ночью — нет, скорее сегодня утром, часа в три, я услышала, что кто-то ходит по дому. Я прислушалась, немного погодя встала и вышла из комнаты. Тут я поняла, что звуки доносятся не снизу, а сверху. Я подошла к этой лесенке. Мне опять показалось, что я слышу шорох. Я спросила: «Кто там?» Но ответа не было, и оттуда не донеслось больше ни звука; я решила, что у меня просто нервы шалют, вернулась и легла.

И все же сегодня, рано утром, я поднялась сюда из чистого любопытства. И нашла здесь вот что!

Она наклонилась к картине, которая была прислонена к стене, оборотной стороной к нам, и повернула ее лицом.

Я ахнул от неожиданности. Это был портрет, писанный маслом, но лицо было исполосовано и искромсано до полной неузнаваемости. Мало того, разрезы и царапины были совсем свежие.

— Поразительно, — сказал я.

— И вы поражены, да? А как вы думаете, в чем дело?

Я покачал головой.

— В этом есть какой-то дикий вандализм, — сказал я. — И это меня тревожит. Как будто кто-то выместил на портрете зло в припадке бешеной ярости.

— И я так подумала.

— Чей это портрет?

— Не имею представления. Я его ни разу не видела. Весь этот хлам уже был сложен на чердаке, когда я вышла за Люциуса и приехала сюда. Я сюда никогда не ходила и даже не вспоминала про этот чердак.

— Поразительно, — повторил я.

Я наклонился, перебирая остальные картины. Там, как и следовало ожидать, были несколько посредственных пейзажей, несколько олеографий и две-три репродукции в дешевых рамках.

Ничто не могло навести нас на след. В углу стоял старинный сундук, из тех, что называются «ковчегами», на нем инициалы Е. П. Я поднял крышку. Сундук был пуст. На чердаке больше ничего интересного не было.

— Да, совершенно необычное происшествие, — сказал я. — И такое бессмысленное.

— Да, — сказала Анна. — Но я немного напугана.

Рассматривать было больше нечего. Мы спустились в ее гостиную. Она плотно затворила дверь.

— Как вы считаете, мне нужно что-то предпринять? Сообщить в полицию?

Я помедлил с ответом.

— Признаться, трудно сразу сказать, связано ли это...

— С убийством, — подхватила Анна. — Понимаю. Это очень трудно. Судя по всему, никакого отношения к убийству это не имеет.

— Да, — сказал я. — Но это еще одно Странное Дело.

Мы оба молчали, глубоко задумавшись.

— Какие у вас планы, могу ли я спросить? — наконец сказал я.

Она подняла голову.

— Я собираюсь прожить здесь полгода, не меньше, — в ее словах прозвучал вызов. — Не потому, что мне хочется. Я в ужасе от одной мысли, что придется здесь оставаться. Но мне кажется, это единственный выход. А иначе люди начнут говорить, что я сбежала — что у меня совесть нечиста.

— Ну что вы!

— Нет, я их знаю. Особенно после того... — Она замолкла, потом продолжала. — Через полгода я выйду замуж за Лоуренса. — Она взглянула мне прямо в глаза. — Так мы решили. Дольше мы ждать не собираемся.

— Я этого ожидал, — сказал я.

Внезапно она разрыдалась и закрыла лицо руками.

— Если бы вы только знали, как я вам благодарна, если бы вы знали! Мы с ним уже распрощались — он готов был уехать. Мне... мне так страшно думать о смерти Люциуса. Если бы мы собирались уехать вдвоем, и тут он умер бы — сейчас я была бы в отчаянии. Но вы заставили обоих нас опомниться, удержаться от греха. Вот за что я вас и благодарю.

— Возблагодарим господу, — сказал я торжественно.

— Но это ничего не значит, — она выпрямилась. — Пока убийцу не найдут, все будут думать, что это Лоуренс, — о, да! Непременно будут! Особенно когда он на мне женится.

— Дорогая моя, показания доктора Хэйдока совершенно ясно доказывают...

— Какое людям дело до показаний? Они про это ничего не знают. И медицинские свидетельства никогда не убеждают никого из посторонних. Вот еще одна причина, заставляющая меня остаться. Мистер Клемент, я *должна узнать правду*.

Когда она говорила это, глаза ее горели огнем. Она добавила:

— Поэтому я и пригласила эту девицу.

— Мисс Крэм?

— Да.

— Значит, вы все-таки сами ее пригласили. Я правильно понял, что это ваша инициатива?

— Целиком и полностью. Да, конечно, она немного похныкала. На следствии — она была уже там, когда я пришла. Но я пригласила ее сюда нарочно.

— Неужели вы думаете, — воскликнул я, — что эта глупенькая девушка имеет отношение к убийству?

— Нет ничего легче, чем представиться дурочкой. Легче легкого.

— Значит, вы все же думаете...

— Нет. Честное слово, я ее не подозреваю. Мне просто кажется, что она что-то знает. Хотелось разузнать о ней побольше.

— И в первую же ночь, когда она здесь оказалась, был изуродован портрет, — задумчиво сказал я.

— Вам кажется, это она? Зачем? По-моему, это совершенно нелепо и невозможно.

— Мне тоже казалось, что нелепо и невозможно было бы убить вашего мужа у меня в кабинете, — с горечью возразил я. — Однако кто-то это сделал.

— Знаю. — Она положила ладонь на мою руку. — Как это ужасно для вас. Я это глубоко чувствую, хотя мало говорю.

Я вынул из кармана сережку с голубой бирюзой и протянул ей.

— Это, кажется, ваша?

— О! Да. — Она с радостной улыбкой протянула руку. — Где вы ее подобрали?

Я не спешил класть украшение в ее раскрытую ладонь.

— Если вы не возражаете, — сказал я, — я бы еще немного подержал

ее у себя.

— Пожалуйста! — Она глядела на меня удивленно и пытливо. Но я не стал удовлетворять ее любопытство.

Я спросил, как ее денежные дела.

— Вопрос нескромный, — сказал я, — но, поверьте, я не хотел бы, чтобы вы так его поняли.

— Я не считаю, что вопрос нескромный. Вы и Гризельда — мои лучшие друзья в этих местах. Еще я питаю слабость к этой смешной мисс Марпл. Люциус был довольно богат, должна вам сказать. Он разделил состояние поровну между мной и Летицией. Старая Усадьба остается мне, но Летиция имеет право выбрать мебель, чтобы обставить небольшой домик, на покупку которого ей оставлена отдельная сумма, чтобы все было по справедливости.

— А вы знаете что-нибудь о ее планах на жизнь?

Анна с шутливой гримаской сказала:

— Мне она о них не сообщала. Я думаю, что она уедет отсюда очень скоро. Она меня не любит и никогда не любила. Должно быть, это моя вина, хотя я изо всех сил старалась держать себя достойно. Просто любая девочка восстает против молодой мачехи, мне кажется.

— А вам она нравится? — спросил я напрямик.

Она ответила не сразу, и я еще раз убедился, что Анна Протеро — человек честный и прямой.

— Вначале нравилась, — сказала она. — Она была такая хорошенькая девчушка. А теперь нет, теперь нет. Сама не знаю, в чем дело. Может быть, из-за того, что она меня не любит. Видите ли — я люблю, когда меня любят.

— Как и все мы, — сказал я, и Анна Протеро улыбнулась.

Мне оставалось выполнить еще одно дело, а именно — поговорить с Летицией Протеро. Это трудностей не представляло — я нашел ее в одиночестве в гостиной. Гризельда и Глэдис Крэм вышли погулять в сад.

Я вошел и закрыл за собой дверь.

— Летиция, — сказал я. — Мне нужно с вами кое о чем поговорить.

— Да?

Я заранее обдумал, что буду говорить. Я протянул ей на ладони бирюзовую сережку и спокойно спросил:

— Зачем вы подбросили это в мой кабинет?

Я заметил, что она на мгновение напряглась, но это было одно мгновение. Она так быстро оправилась, что я не решился бы присягнуть в том, что видел собственными глазами. Она сказала небрежно:

— Я ничего не подбрасывала в ваш кабинет. Это не моя сережка.

Сережка Анны.

— Это мне известно, — сказал я.

— Тогда зачем вы меня спрашиваете, не понимаю? Анна ее обронила, и все.

— Миссис Протеро была в моем кабинете только один раз после убийства, и она была в трауре. Вряд ли она могла надеть голубые серьги.

— В таком случае, — сказала Летиция, — она обронила ее раньше. — И добавила. — Это вполне логично.

— Весьма логично, — откликнулся я. — Я думаю, вы припомните, когда ваша мачеха надевала их в последний раз?

— О! — она смотрела растерянным, доверчивым взглядом прямо мне в глаза. — А разве это так важно?

— Может быть, — сказал я.

— Я попытаюсь вспомнить. — Она сидела, сдвинув брови. Я никогда не видел Летицию Протеро такой очаровательной, как в эту минуту.

— О! Да, — вдруг сказала она. — Они были на ней в четверг, я вспомнила.

— Четверг, — отдельно произнес я, — это день убийства. Миссис Протеро была в тот день в мастерской, в саду, но, если вы помните, она показала, что стояла снаружи, у окна, не заходя в комнату.

— А где вы нашли серьгу?

— Она закатилась под стол.

— Тогда получается, судя по всему, — безмятежно сказала Летиция, — что она говорила неправду, да?

— Вы хотите сказать, что она вошла в кабинет и стояла у самого стола?

— А что, разве не так?

Она смотрела на меня чистыми, прозрачными глазами.

— Если хотите знать, — спокойно сказала она, — я никогда не верила, что она говорит правду.

— Но я *точно* знаю, что *вы* говорите неправду.

— Что такое?

Она явно встревожилась.

— А вот что, — сказал я. — Я видел эту сережку собственными глазами в пятницу утром, когда приходил сюда с полковником Мельчеттом. Она лежала рядом со второй на туалетном столике у вашей мачехи. Я даже подержал их в руках.

— О-о! — Она смешалась, потом вдруг перегнулась через ручку кресла и разрыдалась. Ее подстриженные светлые волосы почти касались

пола. Поза была странная — удивительно красивая, полная по-детски необузданного отчаяния.

Я дал ей поплакать несколько минут, не нарушая молчания, потом очень ласково спросил:

— Летиция, зачем вы это сделали?

— Что?

Она вскочила, резким взмахом головы откинув волосы назад. Она была ужасно перепугана.

— Что вы такое говорите?

— Из-за чего вы это сделали? Из ревности? Из ненависти к Анне?

— О да! — Она снова откинула волосы с лица и внезапно совершенно овладела собой. — Да, можете назвать это ревностью. Я Анну всегда ненавидела — с самого начала, когда она приехала сюда. Строила из себя королеву. Я забросила эту чертову штуку под стол. Я хотела, чтобы у нее были неприятности. И были бы, если бы не вы, — как вас угораздило трогать чужие вещи на туалетном столике! И вообще, духовному лицу не подобает быть на побегушках у полиции!

Она так по-детски обрушила на меня свой гнев, что я не обратил на ее слова никакого внимания. В эту минуту она казалась и вправду несчастным, обиженным ребенком.

Едва ли ее ребяческая попытка насолить Анне заслуживала серьезного внимания. Так я ей и сказал, добавив, что я верну сережку хозяйке и ни словом не упомяну, где я ее нашел. Девушка, казалось, была тронута.

— Вы очень славный, — сказала она.

С минуту помолчав, она добавила, отвернув лицо и с трудом подбирая слова:

— Знаете, мистер Клемент, — я бы на вашем месте отослала Денниса отсюда, и поскорее.

— Денниса? — я поднял брови удивленно и слегка насмешливо.

— Я думаю, так будет лучше. — И она смущенно продолжала. — Мне жалко Денниса. Я и не знала, что он... в общем, мне очень жаль.

Больше мы об этом не говорили.

Глава XXIII

На обратном пути я предложил Гризельде сделать небольшой крюк и заглянуть на раскопки. Мне не терпелось узнать, занялась ли этим делом полиция, и если они там побывали, то до чего успели докопаться. У Гризельды, однако, оказалась уйма дел дома, и мне пришлось совершить эту экспедицию в одиночестве.

Операцию возглавлял инспектор Хэрст.

— Пока ничего не нашли, сэр, — доложил он. — Но по всем показаниям это самое лучшее место для cache^[6].

На минуту я опешил, введенный в заблуждение его произношением — он произнес cache, как «кэч»^[7], — но почти мгновенно сообразил, что он имел в виду.

— Сами понимаете, сэр, куда еще могла идти эта молодая особа, раз она шла по тропинке в лес? В одну сторону к Старой Усадьбе, в другую — сюда, больше некуда.

— Я полагаю, — сказал я, — что инспектор Слак счел ниже своего достоинства просто спросить об этом молодую леди?

— Боится спугнуть, — сказал Хэрст. — Может, она напишет доктору Стоуну или он ей — для нас всякая мелочь сгодится. А если она почует, что мы идем по следу, прикусит язычок, и пиши пропало.

Признаюсь, я сильно сомневался в том, что мисс Крэм способна «прикусить язычок» в каком бы то ни было смысле. Я не в силах был представить ее молчащей — ее образ всегда связывается у меня с неудержимым словоизвержением.

— Когда человек оказался самозванцем, положено выяснить, почему он пошел на самозванство, — поучительно сказал констебль Хэрст.

— Естественно, — согласился я.

— А ответ зарыт в этих раскопках, а иначе — к чему он все это и затеял?

— Просто *raison d'être*^[8] для того, чтобы пошарить вокруг, — сказал я, но на этот раз у констебля не хватило познаний во французском языке. Он сквитался со мной за это, холодно ответив на мое предположение:

— Это непрофессиональная точка зрения.

— Во всяком случае, чемодана вы не нашли, — сказал я.

— Найдем, сэр. Можете не сомневаться.

— Я в этом не уверен, — сказал я. — Я об этом думал. Мисс Марпл

говорила, что девушка вышла с пустыми руками очень скоро. В таком случае она не успела бы дойти сюда и обратно.

— Нечего обращать внимание на разговоры старых леди. Стоит им увидеть что-то интересное, как они про все забывают — ждут, что будет, а время летит. И вообще, какая женщина имеет понятие о времени!

Я часто задумывался над всеобщей склонностью к поспешным обобщениям. Обобщения почти никогда не содержат истины и обычно отличаются крайней неточностью. Сам-то я не в ладах со временем (поэтому и приходится ставить часы вперед), но мисс Марпл, на мой взгляд, прекрасно чувствует время. Часы у нее всегда идут минута в минуту, и она известна своей неизменной строжайшей пунктуальностью.

Тем не менее спорить с констеблем Хэрстом я не стал. Я пожелал ему удачи, распрощался и пошел домой.

Я уже подходил к дому, когда меня осенила одна идея. Она возникла без видимого повода, просто у меня в голове вдруг вспыхнула возможная отгадка.

Вы, наверное, помните, что в первый раз, когда я обследовал тропинку, на другой день после убийства, я заметил место, где кусты были слегка примяты. Очевидно, их потревожил Лоуренс, которого я застал за тем же делом, по крайней мере, тогда я в этом не сомневался.

Но я вспомнил, что мы с ним позже наткнулись на другой малозаметный след, который, как оказалось, проложил наш инспектор. Обдумывая все это после, я отчетливо вспомнил, что первый след (Лоуренса) был гораздо заметнее второго, как будто там прошел не один, а несколько человек. Я подумал, что Лоуренс обратил внимание на это место именно потому, что там уже кто-то прошел. А если это был след доктора Стоуна или мисс Крэм?

Я даже вспомнил, — если надо мной не сыграло шутку мое собственное воображение, — что на сломанных ветках было несколько увядших листков, а это значило, что они были сломаны раньше, до нас.

Я как раз приближался к этому месту. Узнать его было нетрудно, и я снова углубился в заросли. На этот раз я заметил несколько свежесломанных веток. Значит, кто-то проходил здесь после нас с Лоуренсом.

Я вскоре добрался до места, где повстречал Лоуренса. Но едва заметный след шел дальше, и я тоже пошел дальше. Внезапно передо мной открылась небольшая полянка, по которой явно кто-то недавно ходил. Я говорю «полянка», потому что густой кустарник в этом месте отступил, но ветви деревьев сплетались над головой, и всю полянку можно было

пересечь за несколько шагов.

По другую сторону кустарник снова смыкался стеной, и я видел, что сквозь него никто еще не прокладывает себе дорогу. Но все же одно место показалось мне подозрительным.

Я прошел вперед, встал на колени и развел кусты в обе стороны. Передо мной, в награду за мое терпение, блеснула лакированная коричневая плоскость. В радостном волнении я просунул руку глубже и не без труда извлек из кустов небольшой коричневый чемоданчик.

Я испустил вопль торжества. Я своего добился! Что ж, пусть констебль Хэрст облил меня ледяным презрением — я все-таки оказался прав, мои рассуждения оправдали себя. Передо мной, без сомнения, был чемодан, который несла мисс Крэм. Я потрогал замок — он был заперт.

Поднявшись на ноги, я заметил на земле маленький буроватый кристалл. Почти автоматически я поднял его и сунул в карман.

Затем, крепко взяв за ручку обретенный чемоданчик, я пошел обратно к тропе.

Когда я занес ногу над перелазом, выходящим к аллее, я услышал рядом взволнованный голос:

— О! Мистер Клемент! Вы его нашли! Какой же вы находчивый!

Отметив про себя, что в искусстве все видеть, никому не попадаясь на глаза, мисс Марпл не имеет себе равных, я поставил чемодан на разделявшую нас ограду.

— Он самый, — сказала мисс Марпл. — Я его сразу узнала.

Мне показалось, что она слегка преувеличивает. Таких дешевых лакированных чемоданчиков многие тысячи, и они абсолютно не отличимы друг от друга. Никто не может опознать определенный чемоданчик этого рода, да еще видевши его мельком, издали и при лунном свете, но я понимал, что вся история с чемоданчиком — личный триумф мисс Марпл, а победителей не судят, и ей можно простить это безобидное маленькое преувеличение.

— Я думаю, он заперт, мистер Клемент?

— Да. Я сейчас отнесу его в полицейский участок.

— А вы не считаете, что лучше сначала позвонить?

Ну конечно, лучше было позвонить. Прошествовать по всей деревне с чемоданом в руке — это совсем нежелательная сенсация, способная вызвать лишь брожение умов.

Я отпер задвижку на калитке садика мисс Марпл и вошел в ее дом. В полной безопасности — из гостиной с закрытой дверью — я позвонил и сообщил о находке.

Инспектор Слак ответил, что мигом подскочит — лично.

Он явился в самом сварливом состоянии духа.

— Значит, мы-таки его раскопали, а? — выпалил он. — Не следовало бы вам, сэр, запираяться. Если у вас есть основание предполагать, что вы знаете о местонахождении данного предмета, полагается доложить, кому следует.

— Да это была чистая случайность, — сказал я. — Неведомо откуда у меня вдруг возникла идея.

— Хороша сказочка, да верится с трудом, — сказал инспектор Слак. — Почти три четверти мили пробирались лесом, вышли точно на место и прибрали его к рукам.

Я мог бы изложить инспектору Слаку шаг за шагом те рассуждения, которые привели меня на нужное место, но он в кратчайшее время добился обычного результата — вывел меня из себя. Я промолчал.

— Ну? — сказал инспектор Слак, глядя на чемодан с неприязнью и притворным безразличием, — пожалуй, можно взглянуть, что там внутри, раз уж на то пошло.

Он прихватил с собой связку ключей и проволоку. Замок был дешевенький. Через две секунды чемодан открылся.

Не знаю, что мы ожидали там увидеть — что-нибудь сенсационное, должно быть. Но первое, что нам бросилось в глаза, был засаленный шерстяной шарф. Инспектор вытащил его. За ним последовало сильно поношенное пальто, некогда темно-синего цвета. Далее была извлечена клетчатая кепка.

— Ну и тряпье, — заметил инспектор.

Там еще оставалась пара стоптанных, сбитых башмаков. На самом дне лежал сверток, завернутый в газету.

— Крахмальная рубашка, не иначе, — язвительно проронил инспектор, разрывая газету.

Тут он ахнул от неожиданности.

Ибо в свертке оказалось несколько простеньких вещиц из чистого серебра и круглая чаша из того же металла.

Мисс Марпл пронзительно вскрикнула, узнав их.

— Прибор для пряностей! — воскликнула она. — Прибор для пряностей полковника Протеро и чаша Карла II. Ну кто бы мог подумать!

Инспектор стал красным, как рак.

— Значит, вот в чем было дело, — пробормотал он себе под нос. — Грабеж. Но чего-то я тут не понимаю. Никто не заявлял о пропаже.

— Быть может, пропажа еще не обнаружена, — предположил я. — Не

думаю, чтобы эти драгоценные вещи все время были в ходу. Возможно, полковник Протеро держал их в запертом сейфе.

— Надо это выяснить, — сказал инспектор. — Я немедленно иду в Старую Усадьбу. Теперь понятно, почему доктор Стоун отсюда смылся. Убийство, переполох и все такое прочее — он и струсил, что мы докопаемся до его делишек. Его имущество запросто могли подвергнуть обыску. Он велел девушке спрятать вещи в лесу, и вместе с ними — одежду, чтобы переодеться. Он собирался вернуться тайком и забрать добычу, а она оставалась здесь для отвода глаз. Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Отводит от него подозрение в убийстве. В этом деле он не замешан. У него была своя игра.

Он побросал вещи в чемодан и удалился, отказавшись от предложенного мисс Марпл стаканчика шерри.

— Ну вот, одна тайна разгадана, — сказал я со вздохом облегчения. — В этом Слак совершенно прав: к убийству Стоун не имел никакого отношения. Все объясняется наилучшим образом.

— На первый взгляд, может быть, и так, — сказала мисс Марпл. — Хотя никогда нельзя быть в полной уверенности, не правда ли?

— Полное отсутствие мотивов преступления, — напомнил я ей. — Он получил то, что хотел, и уже собирался уходить подобра-поздорову.

— Да...

Было очевидно, что у нее что-то на уме, и я глядел на нее без любопытства. Мисс Марпл поспешила ответить на мой молчаливый вопрос; она говорила с живостью, словно оправдываясь:

— Конечно, я *ничего* не понимаю. Я такая бестолковая. Я только хотела узнать... кажется, это серебро — большая ценность, или я ошибаюсь?

— Такая чаша продавалась недавно больше чем за тысячу фунтов, насколько я помню.

— То есть — ценность не только в самом металле, да?

— Отнюдь — они имеют ценность для коллекционеров, для знатоков.

— Так я и думала. Сразу такие вещи продать не удастся и, даже если договориться о продаже, дело надо держать в тайне. Я хочу только сказать, что, если бы о краже стало известно и поднялся бы большой шум — вещи вообще нельзя было бы продать.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, — признался я.

— Я знаю, что ничего не умею толком объяснить, — она еще больше разволновалась, чувствуя себя виноватой. — Но мне кажется, что такие вещи нельзя просто украсть. Есть только один способ — заменить их

копиями.

Тогда кража некоторое время не будет раскрыта.

— Весьма хитроумная идея, — сказал я.

— Это единственный правильный способ, верно? А ежели так, то вы совершенно правы — как только подмена удалась, нет никакого резона убивать полковника Протеро — скорее наоборот.

— Бесспорно, — сказал я. — Я так и говорил.

— Да, только мне показалось... конечно, откуда мне знать... а полковник Протеро всегда сообщал заранее, что собирается сделать, а порой и вовсе до дела не доходило, но он сам сказал...

— Что?

— Что собирается оценить все эти вещи, вызвать оценщика из Лондона. Для завещания — нет, это когда человек умирает, ах, для страховки. Кто-то ему посоветовал непременно их оценить. Он очень много говорил, как, мол, важно это сделать. Конечно, я не знаю, договорился ли он с оценщиком, но если он успел...

— Понимаю, — сказал я.

— Разумеется, как только эксперт увидел бы серебро, он бы узнал подделку, а тут и полковник Протеро вспомнил бы, что показывал вещи доктору Стоуну, — как знать, может быть, тогда же он их и подменил, ловкость рук — кажется, так это называется? И вот все его хитрости пошли бы прахом, говоря по-старинке.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал я. — По-моему, надо выяснить все сейчас же.

Я еще раз подошел к телефону. Через несколько минут меня соединили со Старой Усадьбой, и я мог поговорить с Анной Протеро.

— Нет, ничего особенного. Инспектор еще не прибыл? А! Значит, он скоро будет. Миссис Протеро, вы не могли бы сказать мне, производилась ли когда-либо оценка имущества в Старой Усадьбе? Что вы сказали?

Я выслушал ее ответ, точный и ясный. Поблагодарив, я повесил трубку и обернулся к мисс Марпл.

— Все совершенно ясно. Полковник Протеро вызвал оценщика из Лондона на понедельник — то есть на завтра — для оценки всего имущества. Из-за смерти полковника все пришлось отложить.

— Значит, мотив для преступления был, — мягко заметила мисс Марпл.

— Мотив, предположим, был. А что еще? Вы запомнили. Когда прозвучал выстрел, доктор Стоун только что встретился с Лоуренсом и Анной или перебирался через перелаз в это самое время.

— Да, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Значит, он вне подозрений.

Глава XXIV

Я возвратился домой — в кабинете меня уже поджидал Хоуз. Он нервно шагал взад-вперед по комнате, а когда я вошел, он вздрогнул, как подстреленный.

— Прошу прощения, — сказал он, отирая пот со лба. — Последнее время нервы у меня никуда не годятся.

— Дорогой мой друг, — сказал я, — вам непременно нужно уехать, переменить обстановку. Иначе вы тут у нас совсем расклеитесь, нельзя же так.

— Я не могу покинуть свой пост. Нет, на это я ни за что не пойду.

— Да это же ничего общего не имеет с дезертирством! Вы больны. Я уверен, что Хэйдок меня поддержит.

— Хэйдок? Хэйдок! Разве это настоящий врач? Деревенский лекарь, невежда.

— Мне кажется, вы к нему несправедливы. Он всегда считался замечательным профессионалом.

— Да? Возможно. Не спорю. Но мне он не по душе. Однако я пришел совсем не за этим. Я пришел спросить, не сможете ли вы произнести проповедь сегодня вечером вместо меня. Будьте так добры, — я... я сегодня не смогу говорить, честное слово.

— Безусловно! Я и службу за вас отслужу.

— Нет, нет. Я хочу служить сам. Я себя прекрасно чувствую. Просто при одной мысли, что нужно подняться на кафедру, и все глаза будут устремлены прямо на меня...

Он закрыл глаза и сглотнул, словно у него комок застрял в горле.

Мне было совершенно ясно, что с Хоузом творится что-то неладное. Должно быть, он угадал мои мысли — открыв глаза, он поспешил сказать:

— Со мной все в порядке. Только вот головные боли чудовищные, настоящая пытка. Простите, вы не могли бы дать мне стакан воды?

— Сейчас, — сказал я.

Я сам пошел и налил воды из-под крана. Звонить прислуге в нашем доме — занятие совершенно безнадежное.

Я принес ему воду, он поблагодарил меня. Потом вынул из кармана маленькую картонную коробочку, достал оттуда капсулу из папиросной бумаги и проглотил ее, запив водой.

— Порошки от головной боли, — пояснил он.

Вдруг меня осенило, — а что, если Хоуз сделался наркоманом? Это объяснило бы многие странности в его поведении.

— Я надеюсь, вы не слишком ими увлекаетесь, — сказал я.

— Нет, что вы, нет. Доктор Хэйдок меня предостерег. Но порошки просто чудодейственные. Снимают боль как рукой.

И впрямь, он на глазах успокоился, овладел собой.

Он поднялся.

— Значит, вы возьмете на себя вечернюю проповедь! Это будет истинное благодеяние, сэр.

— Тут и говорить не о чем. Но я непременно хочу снять с вас и службу. Отправляйтесь домой и отдохните. Не возражайте, я так решил. Ни слова — все решено.

Он снова стал меня благодарить. Потом сказал, избегая моего взгляда, уставившись в окно за моей спиной:

— Вы сегодня были в Старой Усадьбе, правда, сэр?

— Да.

— Простите меня — но... за вами посылали?

Я удивленно взглянул на него, и он залился краской.

— Прошу прощенья, сэр. Я просто подумал, что выяснилось что-нибудь еще, и миссис Протеро послала за вами. Что-нибудь новое...

В мои намерения вовсе не входило удовлетворение любопытства Хоуза.

— Она хотела обсудить со мной предстоящие похороны и еще какие-то мелочи, — сказал я.

— А! Только и всего. Понимаю.

Я молчал. Он стал переминаясь с ноги на ногу, и наконец сказал:

— Вчера вечером ко мне заходил мистер Реддинг. Я никак не пойму, что ему было нужно.

— А он сам разве не сказал?

— Он только сказал, что забежал на огонек. Сказал, что вечером ему одиноко. Никогда прежде он этого не делал.

— Что ж, его считают интересным собеседником, — сказал я с улыбкой.

— Зачем ему понадобилось приходить ко мне? Мне это не нравится. — В его голосе слышались истерические нотки. — Он сказал, что зайдет еще. Что все это значит? Что ему взбрело в голову, как вы думаете? — Хоуз почти кричал.

— А почему вам кажется, что у него были какие-то тайные цели? — спросил я.

— Мне это не нравится, — упрямо повторил Хоуз. — С *ним* мне делить нечего, я его никогда не трогал. Я никогда не верил, что *он* виноват, даже когда он сам себя оговорил, я заявил во всеуслышание, что это невероятно. Если уж подозревать кого-то, то скорее Арчера, а его я никогда не подозревал. Арчер — другое дело — негодяй, безбожник. Пьяница и бандит.

— Вам не кажется, что вы слишком суровы к нему? — спросил я. — Ведь по сути дела мы о нем почти ничего не знаем.

— Браконьер, только что из тюрьмы. Он на все способен.

— Неужели вы думаете, что он застрелил полковника Протеро? — полюбопытствовал я.

У Хоуза укоренилась привычка никогда не отвечать прямо да или нет. В последние дни я несколько раз ловил его на этом.

— Разве вам не кажется, сэр, что это единственное возможное решение?

— Насколько мне известно, — сказал я, — против него нет ни одной, даже самой малой, улики.

— А угрозы? — живо возразил Хоуз. — Вы забыли — он грозился отомстить.

Мне до смерти надоело слушать про угрозы Арчера. Насколько я понимаю, их никто своими ушами не слышал, прямых свидетельств нет, одни слухи.

— Он собирался свести счеты с полковником Протеро. Напился для храбрости и застрелил его.

— Это чистейшие домыслы, — сказал я.

— Но вы признаете, что это вполне вероятно?

— Нет, не признаю.

— Но все-таки он имел такую возможность?

— Возможность — да.

Хоуз бросил на меня косой взгляд.

— А почему вы считаете, что это маловероятно?

— А потому, — сказал я, — что Арчеру и в голову бы не пришло стрелять из револьвера. Не то оружие.

Хоуза, кажется, озадачили мои доводы. Он явно ожидал возражений иного рода.

— И вы серьезно думаете, что это реальное подтверждение невиновности Арчера? — спросил он неуверенно.

— На мой взгляд, это полностью исключает виновность Арчера, — сказал я.

Убедившись в том, что я твердо держусь своего мнения, Хоуз больше не спорил. Он еще раз поблагодарил меня и ушел.

Я проводил его до входной двери и на столике в холле заметил четыре письма. В них было что-то общее. Почерк, почти несомненно, женский. Одинаковая надпись: «С посылным, срочно». Единственное различие, которое мне бросилось в глаза, — то, что одно было гораздо грязнее остальных.

Это сходство на минуту заставило меня испытать забавное ощущение, что у меня двоится, нет, четверится в глазах.

Мэри вышла из кухни и увидела, что я задумчиво рассматриваю эти записки.

— Принесли после ленча, — сообщила она, не дожидаясь расспросов. — Кроме одного. Одно я вынула из ящика.

Я кивнул, собрал письма и понес их к себе в кабинет.

В первом из них было написано:

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошли некоторые сведения, которые я хотела бы сообщить Вам. Это касается смерти бедного полковника Протеро. Я была бы очень благодарна за совет — обращаться ли мне в полицию, или нет. После безвременной кончины моего дорогого супруга я так боюсь всякой суеты. Не могли бы вы зайти ко мне сегодня днем на несколько минут?»

Искренне ваша, Марта Прайс Ридли».

Я открыл второе письмо:

«Дорогой мистер Клемент, я в такой тревоге — у меня от волнения все в голове перепуталось, прямо не знаю, как быть. Я услышала нечто очень важное, мне кажется. Но при одной мысли, что придется иметь дело с полицией, я прихожу в ужас. Я в полном отчаянии и растерянности. Не сочтете ли вы за труд, дорогой викарий, заглянуть ко мне на минутку и разрешить все мои сомнения и затруднения? Вы такой чудесный утешитель в горестях для всех нас!

Извините за беспокойство.

*Искренне ваша,
Каролина Уэзерби».*

Я почувствовал, что содержание третьего письма могу, пожалуй, угадать, не читая.

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошло нечто чрезвычайно важное. Я считаю, что вы должны узнать об этом первый. Заходите ко мне сегодня в любое время. Я буду ждать».

Это воинственное послание было подписано: «Аманда Хартнелл».

Я вскрыл четвертое письмо. По милости судьбы, я получал очень мало анонимных писем. Я думаю, что анонимное письмо — самое низкое и жестокое оружие. То, что я держал в руках, не было исключением. Несмотря на старания выдать его за послание малограмотного человека, некоторые черты заставили меня в этом усомниться.

«Дорогой викарий, я думаю, вам надо знать, что Творится. Вашу леди видели, как она выходила из дома мистера Реддинга, украдкой. Сами понимаете, в чем тут Дело. Между ними Что-то есть. Думаю, вам надо знать. Друг».

У меня вырвался негромкий возглас отвращения, я скомкал бумагу и швырнул ее в камин. В эту минуту вошла Гризельда.

— Что это ты выбрасываешь с таким презрением? — спросила она.

— Грязь, — сказал я.

Я вынул спичку из кармана, чиркнул и наклонился к каминной решетке. Но Гризельда меня опередила. Она наклонилась, подняла скомканную бумажку и разгладила ее, прежде чем я успел ей помешать.

Она прочла, вскрикнула и гадливо отбросила ее мне обратно, отвернув лицо. Я зажег спичку и смотрел, как бумага горела.

Гризельда отошла от меня. Она стояла у окна и смотрела в сад.

— Лен, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да, милая.

— Я хочу тебе что-то сказать. Не мешай, я так хочу. Пожалуйста! Когда Лоуренс Реддинг сюда приехал, я сделала вид, что мы с ним едва знакомы. И ты мне поверил. А это неправда. Я, в общем, я его давно знала. Честно говоря, еще до того, как я встретила с тобой, я даже была в него влюблена. Мне кажется, в Лоуренса почти все влюбляются. И я — было время, когда я вела себя, как дурочка. Не подумай, что я писала ему компрометирующие письма или делала глупости, как в романах. Но я была

к нему очень равнодушна.

— Почему же ты мне не сказала? — спросил я.

— Ну! Потому! Сама не знаю, из-за того, что ты иногда бываешь такой глупый, прямо на себя не похож. Подумаешь, раз ты меня намного старше — это не значит, что я должна... что мне должны нравиться другие люди. Я подумала, что ты начнешь мучиться, раздумывать, — проще было скрыть от тебя эту дружбу с Лоуренсом.

— Ты очень ловко умеешь скрывать, — сказал я, вспоминая, что она говорила мне в этой самой комнате на прошлой неделе и какая искренность звучала в ее голосе.

— Правда, мне всегда удавалось скрывать, что хочу. Мне это даже нравится.

Она сказала это с детским удовольствием.

— Я тебе говорю чистую правду. Про Анну я не догадывалась, и ломала голову, почему это Лоуренс так изменился — совсем, понимаешь, совсем не обращает на меня внимания. Я к этому не привыкла.

Молчание.

— Ты все понял, Лен? — с беспокойством спросила Гризельда.

— Да, — ответил я. — Понял.

В чем я совсем не уверен.

Глава XXV

Оказалось довольно трудно загладить впечатление от анонимного письма. Дегтем поневоле замараешься.

Но я собрал остальные три письма, взглянул на часы и отправился в путь.

Было бы очень интересно угадать, что именно «дошло» до всех трех дам одновременно. Я решил, что новость у всех одна и та же. Но мне пришлось вскоре убедиться в том, что логика моя хромает.

Не стану делать вид, что главная цель — мои визиты — помешала мне зайти в полицейский участок. Ноги сами принесли меня туда. Мне не терпелось узнать, вернулся ли инспектор Слак из Старой Усадьбы. Оказалось, он уже вернулся, и, кроме того, с ним вместе пришла и мисс Крэм. Прекрасная Глэдис восседала на стуле в полицейском участке и норовила всех заставить плясать под свою дудку. Она категорически утверждала, что никакого чемодана ни в какой лес не носила.

— Что я виновата, что одна из здешних старых сплетниц всю ночь торчит у окна? Делать ей нечего, а вы и рады все свалить на меня. Она уже один раз обозналась — говорит, что видела меня в конце аллеи, в день убийства, но, если она обозналась среди бела дня, разве ночью, при луне, она бы меня узнала?

Злые языки у здешних старух, злые! Мелют что попало. А я-то сплю себе в своей постели, ничего ведать не ведаю. Постыдились бы все вы нападать на невинную девушку!

— А если хозяйка «Голубого Кабана» признает, что чемоданчик ваш, мисс Крэм?

— Что бы она ни признала, все неправда. На нем моего имени нет. Да почти у всех такие чемоданы, если хотите знать. А бедного доктора Стоуна — как можно его обвинять в краже! У него после имени куча всяких букв!

[9]

— Значит, вы отказываетесь давать объяснения, мисс Крэм?

— Что значит отказываюсь? Просто вы ошиблись, и все. Вы с вашими старушками Марпл, которые везде нос суют. Больше вы из меня ни слова не вытянете, только в присутствии моего адвоката. И я сию минуту отсюда уйду, если вы меня не посадите под арест, конечно.

Вместо ответа инспектор встал и распахнул перед ней дверь. Встряхнув головкой, мисс Крэм вышла на улицу.

— Уперлась на своем, — сказал Слак, возвращаясь к столу. — Отрицает все начисто. Само собой, старушка могла и обознаться. Суд присяжных нипочем не поверит, что можно кого-то узнать с такого расстояния в лунную ночь. И конечно, как я уже сказал, старушка вполне могла обознаться.

— Могла, — сказал я. — Но я не думаю, что она ошиблась. Мисс Марпл всегда бывает права. За это ее и недолюбливают.

Инспектор ухмыльнулся.

— Вот и Хэрст то же самое говорит. Ох уж эти мне деревушки!

— А что с серебром, инспектор?

— Похоже, все в полном порядке. Ясно, что какой-нибудь из наборов — подделка. В Мач Бенэме есть один знаток, специалист по старинному серебру. Я ему позвонил и послал за ним машину. Скоро узнаем, где настоящее, где подделка. То ли кража уже совершена, то ли имело место покушение на кражу. Вообще-то это не очень важно с нашей точки зрения, понимаете? Кража — пустяк по сравнению с убийством. А эта парочка в убийстве не замешана. Мы можем выйти на него через девушку, потому я ее и отпустил без проволочек.

— А я как раз об этом думал, — сказал я.

— Жаль все-таки, что мистер Реддинг сорвался с крючка. Не каждый день встречаешь человека, который на все готов, чтобы сделать тебе одолжение.

— Да уж, это большая редкость, — сказал я с легкой улыбкой.

— Все беды от женщин, — наставительно сказал инспектор.

Он вздохнул и продолжал, к моему удивлению:

— Конечно, у нас есть еще Арчер.

— А! — сказал я. — Вы и о нем подумали?

— Само собой, сэр, в первую очередь. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня наводили на след анонимками.

— Анонимками? — резко перебил его я. — Значит, вы получили анонимное письмо?

— Ничего особенного, сэр. Мы их получаем по дюжине в день, самое малое. Да-да, нам напомнили про Арчера. Как будто полиция не справится без них! Арчер с самого начала был на подозрении. Одна загвоздка — у него есть алиби. Пустое дело, но все же так просто от этого не отделаешься.

— То есть как пустое дело? Что вы хотите сказать?

— Видите ли, получается, что он весь день провел с двумя своими дружками. Как я и сказал, дело пустое, для нас это ничего не значит. Такие

ребята, как Арчер и его дружки, присягнут в чем угодно. Таким верить не приходится. *Мы-то* знаем. Но публика не знает, а присяжных выбирают из публики, к сожалению. Они ничего не знают, и верят на слово любому, кто дает показания. Арчер, само собой, будет божиться и клясться до посинения, что он тут ни при чем.

— Далеко ему до мистера Реддинга, верно? — улыбнулся я.

— Небо и земля, — ответил инспектор с уверенностью.

— Вполне естественно, мне кажется, бороться за свою жизнь, — задумчиво произнес я.

— Если бы вы только знали, сколько убийц гуляет на свободе по милости добросердечных присяжных, — мрачно сказал инспектор, — вы бы поразились.

— А вы серьезно думаете, что это сделал Арчер?

Мне с самого начала бросилась в глаза одна странность — инспектор Слак ни разу не высказал свои собственные предположения относительно убийцы. Единственное, что его, судя по всему, интересовало — насколько легко или трудно притянуть к ответу каждого отдельного человека.

— Да, не мешало бы знать поточнее, — сказал он. — Хотя бы отпечаток пальца или след от ботинка, а может, кто-нибудь видел, как он шлялся поблизости в час убийства. Пока таких улик нет, брать его под арест рискованно. Видели его возле дома мистера Реддинга раз или два, но он говорит, что заходил поболтать со своей мамашей. Она очень порядочная женщина. Нет, я в общем и целом склоняюсь в сторону той леди. Только бы достать доказательства шантажа, но в этом преступлении вообще никаких доказательств нет! Теории, теории, теории и все. Какая жалость, что с вами по соседству нет еще одной одинокой старой дамы, мистер Клемент. Бьюсь об заклад, уж она бы ничего не пропустила.

Его слова напомнили мне о предстоящих визитах, и я откланялся. Это был, кажется, единственный случай, когда я застал инспектора в благодушном настроении.

Сначала я зашел к мисс Хартнелл. Очевидно, она поджидала меня у окна — я даже не успел позвонить, как она открыла дверь дома, крепко схватила меня за руку и повлекла за собой.

— Спасибо, что пришли. Сюда. Тут нам не помешают.

Мы вошли в микроскопическую комнатку, размером с клетку для кур. Мисс Хартнелл захлопнула дверь и с видом заговорщицы указала мне на один из трех стульев. Я видел, что она наслаждается таинственностью обстановки.

— Ходить вокруг да около не в моих привычках, — сказала она своим

жизнерадостным голосом, слегка приглушив его ради серьезности событий. — Скажу без околичностей — вы сами знаете, как быстро вести разносятся в такой деревушке, как наша.

— К несчастью, знаю, — ответил я.

— Я с вами согласна. Я сама ненавижу сплетни больше всех. Но ничего не попишешь. Я сочла своим долгом сообщить полиции, что я заходила к миссис Лестрэндж вечером в день убийства, и ее не было дома. Никакой благодарности я не жду, я всегда выполняю свой долг, не рассчитывая на благодарность. Вокруг сплошная неблагодарность, такова жизнь. Да только вчера эта бесстыдница миссис Бейкер...

— Да, да, — поспешил я вмешаться в надежде избежать обычных излияний. — Печально, очень печально... Но вы говорили, что...

— Эти низшие классы не знают, кто их лучший друг, — сказала мисс Хартнелл. — Я всегда нахожу, что сказать для их пользы, когда навещаю их. И не думайте, что они хоть раз поблагодарили.

— Вы говорили, что сообщили инспектору о вашем визите к миссис Лестрэндж, — подсказал ей я.

— Вот именно, и, кстати сказать, он меня тоже не поблагодарил. Сказал, что, когда ему нужно узнать, он сам спрашивает, — может быть, не этими словами, но в таком духе. Нынче в полиции служат люди совершенно иного класса.

— Вполне вероятно, — сказал я. — Но вы хотели еще что-то сказать?

— Я решила, что ноги моей больше не будет у этого отвратительного инспектора. В конце концов, духовное лицо может оказаться джентльменом — хотя бы в виде исключения, — добавила она.

Я понял, что попал в число немногих избранных.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь... — начал я.

— Чувство долга — вот что мною руководит, — заявила мисс Хартнелл и захлопнула рот, как капкан. — Мне не хочется даже произносить эти слова. Душа не лежит. Но долг есть долг.

Я ждал.

— Мне дали понять, — продолжала мисс Хартнелл, понемногу багровея, — что миссис Лестрэндж рассказывает, будто она была все время дома, что она не открывала дверь потому, в общем, не хотела открывать. Какое жеманство! Я заходила выполнить свой долг, а со мной так обходятся!

— Она была нездорова, — мягко заметил я.

— Ах, нездорова! Не смешите меня. Вы и впрямь не от мира сего, мистер Клемент. Эта женщина здоровее нас с вами. Так больна, что не в

силах прийти на следствие! Справка от доктора Хэйдока! Да она им вертит как хочет — это всем известно. Так о чем это я?..

Я не сумел ответить. Очень трудно уследить, когда мисс Хартнелл переходит от изложения фактов к поношению ближних.

— А! Я говорила, что была у нее в тот вечер. Так вот, плюньте в глаза тому, кто скажет, что она была дома. Ничего подобного. Я-то знаю.

— Как вы могли это узнать?

Мисс Хартнелл покраснела еще гуще. Если бы не ее воинственный пыл, можно было бы сказать, что она смутилась.

— Я стучала, я звонила, — стала объяснять она. — Два раза. Или даже три. Потом мне вдруг пришло в голову, что звонок испорчен.

Я с удовлетворением заметил, что она не могла смотреть мне в глаза, произнося эти слова. Все наши дома построены одним подрядчиком, и звонки он ставит такие, что их отлично слышно всякому, кто стоит на половике перед входной дверью. Мисс Хартнелл не хуже меня знала об этом, но, как я понимаю, требовалось соблюсти приличия.

— Да? — негромко сказал я.

— Мне не хотелось совать свою карточку в почтовый ящик. Это так невежливо, а я — какая бы я ни была — невежливой я быть не хочу.

Она высказала эту замечательную мысль не дрогнув.

— Вот я и подумала — обойду дом, постучу в окно, — продолжала она, уже не краснея. — Я обошла дом вокруг, заглядывала во все окна: в доме не было ни души!

Я прекрасно понимал ее. Воспользовавшись тем, что в доме никого не было, мисс Хартнелл дала полную волю своему любопытству и пошла в обход, обыскала сад и заглянула в каждое окно, стараясь разглядеть по мере возможности внутренность дома. Она решила рассказать все мне, уповая на то, что я проявлю больше понимания и сочувствия, чем полицейский инспектор. Предполагается, что духовный пастырь, по крайней мере, толкует сомнение в пользу своих прихожан.

Я не высказал никакого мнения. Я только спросил:

— А в котором часу это было, мисс Хартнелл?

— Если память мне не изменяет, — сказала мисс Хартнелл, — было около шести. Я пошла прямо домой, пришла минут в десять седьмого, около половины седьмого пришла миссис Протеро, доктор Стоун и мистер Реддинг остались ждать снаружи — мы с ней говорили про луковицы. А в это время бедняга полковник лежал убитый. Как печален этот мир!

— Порой он достаточно неприятен, — сказал я.

Я встал.

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Просто подумала — это может пригодиться.

— Может, — согласился я.

Не вступая в дальнейшие обсуждения, что немало разочаровало мисс Хартнелл, я распрощался.

Мисс Уэзерби, к которой я зашел после мисс Хартнелл, встретила меня в некотором волнении.

— Дорогой викарий! Как вы добры, право! Вы уже пили чай? Правда не хотите? Дать вам подушечку под спину? Как это трогательно — вы пришли, как только я вас позвала. Вы себя не жалеете ради ближних.

Пришлось выслушать еще много в этом же роде, но наконец, не без уклончивости, мы все же подошли к главной теме.

— Поймите, пожалуйста, что у меня сведения из самых надежных источников.

В Сент Мэри Мид самым надежным источником всегда является чужая прислуга.

— Вы не можете мне сказать, от кого вы это слышали?

— Я дала слово, дорогой мистер Клемент. А честное слово для меня святыня.

Она приняла чрезвычайно серьезный вид.

— Давайте скажем, что мне начирикала птичка, ладно? Так будет спокойнее, не правда ли?

Мне очень хотелось сказать: «Чертовски глупо!» Жаль, что я удержался. Хотелось бы посмотреть, как это подействует на мисс Уэзерби.

— Так вот, эта маленькая птичка сказала мне, что она видела одну даму, которую я называть не стану.

— Другой вид птички? — поинтересовался я.

К превеликому моему удивлению, мисс Уэзерби покатила со смеху и игриво хлопнула меня по руке со словами:

— О, викарий, можно ли так шутить?

Немного придя в себя, она продолжала:

— Одну даму; и как вы думаете, куда эта дама направлялась? Она повернула по дороге к вашему дому, но сначала она самым странным образом оглянулась по сторонам — как я полагаю, чтобы убедиться, что ее не видит никто из знакомых.

— А маленькая птичка? — спросил я.

— Она как раз была в рыбной лавке — в комнате над лавкой, собственно говоря.

Я понятия не имею, куда ходят служанки в свои выходные дни. Но

твердо знаю, куда они ни за что носу не высунут — на свежий воздух.

— И это было, — продолжала мисс Уэзерби, наклоняясь вперед с таинственным видом, — как раз около шести часов.

— А какой это был день?

Мисс Уэзерби коротко вскрикнула:

— День убийства, разумеется, неужели я не сказала?

— Я так и предполагал, — сказал я. — Имя этой дамы...

— Начинается на «Л», — подхватила мисс Уэзерби, несколько раз кивнув головой.

Поняв, что информация, которую мне собиралась передать мисс Уэзерби, исчерпана, я встал.

— Но вы не допустите, чтобы полиция меня допрашивала? — жалобно сказала мисс Уэзерби, сжимая мою руку обеими руками. — Я не выношу, совершенно не выношу многочисленность. А стоять перед судом!..

— В особых случаях, — сказал я, — они разрешают свидетелю сидеть.

И ускользнул.

Оставалось повидать еще миссис Прайс Ридли. Эта леди сразу же поставила меня на подобающее мне место.

— Я не желаю быть замешанной в какие бы то ни было дела с полицией, — сказала она сурово, холодно пожимая мне руку. — Но вы должны понять, что, с другой стороны, столкнувшись с обстоятельством, которое требует объяснений, я решила, что следует обратиться к официальному лицу.

— Это касается миссис Лестрэндж? — спросил я.

— С чего вы взяли? — холодно отпарировала она.

Я понял, что попал впросак.

— Все очень просто, — продолжала она. — Моя служанка, Клара, стояла у калитки, она спустилась на несколько минут, как она утверждает, глотнуть свежего воздуха. Верить ей, конечно, нельзя. Скорее всего, она высматривала посыльного из рыбной лавки — поздновато звать его мальчишкой на побегушках — дерзкий нахал, думает, что если ему стукнуло семнадцать, он может заигрывать со всеми девушками подряд. Ну, как бы то ни было, стоит она у калитки и вдруг слышит — кто-то чихнул.

— Так, так, — сказал я, ожидая продолжения.

— Вот и все. Я вам говорю: она услышала, как кто-то чихнул. И не вздумайте мне толковать, что я не так уж молода и мне могло послышаться — это слышала Клара, а ей всего девятнадцать.

— Но, — сказал я, — почему она не могла слышать, как кто-то чихнул?

Миссис Прайс Ридли окинула меня взглядом, полным нескрываемой жалости к моим убогим умственным способностям.

— Она слышала этот звук в день убийства и в то время, когда у вас в доме никого не было. Ясно, что убийца затаился в кустах, выжидая удобную минуту. Вам нужно найти человека с насморком!

— Или с сенной лихорадкой, — подхватил я. — Но, если уж на то пошло, миссис Прайс Ридли, тайна разрешается очень просто. Наша служанка, Мэри, сильно простужена. Признаюсь, последнее время нам действует на нервы ее шмыганье носом. Наверно, она и чихнула, а ваша служанка услышала.

— Чихал мужчина, — не терпящим возражений тоном сказала миссис Прайс Ридли. — И от нашей калитки нельзя услышать, как ваша прислуга чихает у себя на кухне.

— Зато от вашей калитки не слышно, если чихают в моем кабинете, — сказал я. — Во всяком случае, я в этом сильно сомневаюсь.

— Я же сказала, что мужчина мог скрываться в кустах, — повторила миссис Прайс Ридли. — Не сомневаюсь — когда Клара ушла, он проник через парадную дверь.

— Это, конечно, вполне возможно, — сказал я.

Я старался, чтобы мой голос не звучал умиротворяюще, но, как видно, мало в этом преуспел — миссис Прайс Ридли ни с того ни с сего обожгла меня негодующим взглядом.

— Я привыкла, что меня никто не слушает, но все же не могу не сказать, что когда теннисную ракетку швыряют на траву без чехла, она потом никуда не годится. А теннисные ракетки нынче дороги.

Я не видел ни повода, ни смысла в этом внезапном нападении с тыла. Оно застало меня врасплох.

— Может быть, вы со мной не согласны, — сказала миссис Прайс Ридли.

— О, что вы — совершенно согласен.

— Очень рада. Так вот, это все, что я хотела сказать. И я умываю руки.

Она откинулась в кресле и закрыла глаза, как человек, утомленный мирской суетой. Я поблагодарил ее и попрощался.

У входной двери я рискнул спросить Клару о том, что рассказала ее хозяйка.

— Чистая правда, сэръ, я слышала — кто-то ка-ак чихнет! И это чиханье было не простое, нет, не простое.

Все, связанное с убийством, не простое, а особенное. И выстрел был какой-то особенный. И чихнул кто-то как-то необыкновенно. Думаю, это

было фирменное чиханье, специально для убийц. Я спросил девушку, когда это было, но она определенно сказать не могла — кажется, где-то между четвертью седьмого и половиной. Во всяком случае, «до того, как хозяйке позвонили по телефону, и ей стало плохо».

Я спросил, слышала ли она какой-нибудь выстрел. Она сказала, что стрельба поднялась — просто жуть! После этого доверять ее показаниям не приходилось.

Я подошел почти к самой калитке нашего сада, но решил навестить сначала своего друга.

Взглянув на часы, я увидел, что у меня как раз хватит времени до вечерней службы. Я пошел по дороге к дому Хэйдока. Он встретил меня на пороге.

Я снова заметил, какой у него измученный, изможденный вид. Последние события состарили его до неузнаваемости.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Какие новости?

Я рассказал ему то, что мы узнали про Стоуна.

— Вор высокого класса, — заметил он. — Да, это многое объясняет. Он читал кое-что, но в разговорах со мной иногда ошибался. А Протеро, как видно, сразу его раскусил. Помните, как они поссорились? А девушка — как по-вашему, она в этом тоже замешана?

— По этому поводу определенного мнения нет, — сказал я. — Я, со своей стороны, считаю, что девушка тут ни при чем.

— Она призовая идиотка, — добавил я.

— Ну нет! Я бы не сказал. Она себе на уме, эта мисс Глэдис Крэм. Исключительно здоровый экземпляр. Вряд ли станет докучать представителям медицины, вроде меня.

Я сказал ему, что меня очень беспокоит Хоуз, и я хотел бы, чтобы он уехал, переменял обстановку, отдохнул как следует.

Я заметил, что после моих слов доктор как бы замкнулся. Ответ его прозвучал не совсем искренне.

— Да, — уклончиво протянул он. — Думаю, это будет самое для него лучшее. Бедняга. Бедняга.

— А мне казалось, что он вам несимпатичен, — сказал я.

— Конечно, не очень. Но мне жаль многих людей, которым я не симпатизирую. — Минуту или две спустя он добавил. — Мне даже Протеро жалко. Бедный малый — никто его не любил. Был чересчур упоен собственной праведностью, самовлюблен, никого слушать не хотел. Малоприятная смесь. И он всегда был таким, даже в молодости.

— А я и не знал, что вы с ним были знакомы.

— Да, был. Когда мы жили в Вестморленде, я там неподалеку практиковал. Много воды утекло. Почти двадцать лет назад...

Я вздохнул. Двадцать лет назад Гризельде было пять лет. Странная штука время...

— Вы мне все сказали, что хотели, Клемент?

Я вздрогнул и поднял глаза. Хэйдок внимательно смотрел на меня.

— Есть еще что-то, да? — сказал он.

Я кивнул головой.

Когда я шел сюда, я не был уверен, стоит ли говорить, но теперь решил, что надо все сказать. Хэйдок мне очень по душе. Прекрасный человек, во всех отношениях. То, что я был готов сообщить, могло ему пригодиться.

Я передал ему разговоры с мисс Хартнелл и мисс Уэзерби.

Выслушав меня, он надолго погрузился в молчание.

— Это правда, Клемент, — сказал он наконец. — Я старался оградить миссис Лестрэндж от всяких огорчений, насколько это в моих силах. Ведь она старый мой друг. Но это не единственная причина. Медицинская справка, которую вы все считаете подделкой, — вовсе не подтасовка.

Он опять замолчал, потом торжественно произнес:

— Это должно остаться между нами, Клемент. Миссис Лестрэндж обречена.

— Что?

— Она умирает. Ей осталось жить, по моим соображениям, месяц, не больше. Теперь вас не удивляет, что я хочу избавить ее от назойливых, мучительных допросов?

Он продолжал:

— Когда она свернула на эту дорогу в тот вечер, она шла сюда — в мой дом.

— Вы об этом никому не сказали.

— Не хотел пересудов. С шести до семи у меня приема нет, и это все знают. Но я даю вам слово, что она была здесь.

— Но, когда я за вами пришел, ее здесь не было. Помните, когда мы нашли убитого.

— Не было. — Он сильно смутился. — Она уже ушла — у нее была назначена встреча.

— Где была назначена встреча? У нее в доме?

— Не знаю, Клемент. Слово чести, не знаю.

Я ему верил, но...

— А что если повесят невиновного? — сказал я.

— Нет, — возразил он. — Никого не повесят за убийство полковника Протеро. Поверьте мне.

Как раз это мне и не удавалось. Но все же он говорил с такой убежденностью...

— Никого не повесят, — повторил он.

— А тот малый, Арчер...

Он раздраженно отмахнулся.

— Да у него не хватит ума стереть отпечатки с рукоятки.

— Может статься, — сказал я неуверенно.

Тут я вдруг вспомнил о маленьком коричневом кристалле, который нашел в лесу, вынул его из кармана и протянул Хэйдоку — не знает ли он, что это такое?

— Гм-мм, — он немного замялся. — С виду похоже на пикриновую кислоту. Где вы его подобрали?

— А это, — отвечал я, — секрет Шерлока Холмса.

Он улыбнулся.

— А что это такое — пикриновая кислота?

— Взрывчатое вещество.

— Это я знаю, но, мне кажется, у нее есть и другое применение?

Он кивнул.

— В медицине — применяется в примочках от ожогов. Прекрасно помогает.

Я протянул руку, и он как-то неохотно вернул мне кристалл.

— Может быть, этот кристаллик ничего не значит, — сказал я. — Но я нашел его в довольно неожиданном месте.

— И не хотите сказать где?

Я уперся, совершенно по-детски.

У него свои тайны. Что ж, пусть и у меня будет тайна.

Я все-таки немного обиделся, что он от меня что-то скрывает.

Глава XXVI

В тот вечер я вошел на кафедру в странном настроении.

Церковь была полна народу. Вряд ли такое необычное стечение верующих можно было объяснить желанием послушать проповедь Хоуза. Хоуз — нудный догматик. А если они успели проведать, что я буду говорить вместо Хоуза, это тоже не могло их привлечь. Мои ученые проповеди не менее нудны. Боюсь, что приписать эту многлюдность религиозному рвению тоже нельзя.

Я решил, что все пришли поглядеть, кто еще будет в церкви, и, возможно, немного посплетничать после службы, выходя из церкви.

Среди прихожан оказался Хэйдок, что было у него не в обычае, и Лоуренс Реддинг. К своему удивлению, я увидел рядом с Лоуренсом Хоуза, лицо у него было бледное, напряженное. Была здесь и Анна Протеро — она всегда посещает вечернюю службу по воскресеньям, но на этот раз я не ожидал ее увидеть. Гораздо более меня удивило присутствие Летиции. Воскресных утренних служб она не пропускала, полковник Протеро вменял это в обязанность домашним, но на вечерней службе я видел Летицию впервые.

Пришла и Глэдис Крэм, она выглядела вызывающе юной и пышущей здоровьем рядом с высохшими старыми девами; и, как мне показалось, в темном углу, куда она проскользнула перед самым началом, сидела миссис Лестрэндж.

Стоит ли упоминать, что миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Уэзерби и мисс Марпл присутствовали в полном составе. Вся деревня, как один человек, явилась в церковь. Не припомню такого собрания в нашем приходе.

Толпа обладает странным свойством. В тот вечер атмосфера явно была насыщена магнетизмом, и первым это почувствовал я.

Как правило, я готовлюсь к проповеди заблаговременно. Я готовлю свои проповеди с превеликой тщательностью и ответственностью, но, увы, никто лучше меня не видит их недостатков.

В тот вечер мне по воле обстоятельств пришлось проповедовать extempore^[10], и, когда я взглянул на море поднятых ко мне лиц, мой мозг захлестнуло безумие. Во мне ничего не осталось от служителя божьего. Я превратился в актера. Передо мной была публика, и я жаждал власти над чувствами публики, более того — я чувствовал, что эта власть в моих

руках.

Мне не пристало гордиться тем, что я сделал в тот вечер. Я всегда был серьезным противником эмоций, всяких сектантских радений. Но в этот вечер я сыграл роль неистового, красноречивого проповедника.

Я отдельно произнес евангельскую тему проповеди:

«Я пришел не праведников, но грешников призвать к раскаянию».

Дважды повторил эти слова, и услышал собственный голос, сильный, звучный, абсолютно не похожий на голос Леонарда Клемента.

Я увидел, как Гризельда в первом ряду подняла удивленный взгляд, и Деннис последовал ее примеру.

На минуту я задержал дыхание, а потом дал себе волю.

Все собравшиеся в тот вечер в церкви были и без того взвинчены, готовы к взрыву эмоций — было легко сыграть на их чувствах. И я играл. Я призвал грешников к раскаянию. Я взвинтил себя до какого-то дикого экстаза. Я то и дело выбрасывал вперед руку с указующим на грешника перстом и каждый раз сопровождал обличающий жест словами:

— Я обращаюсь к тебе...

И каждый раз в ответ на эти слова с разных сторон до меня доносился общий вздох, почти рыдание.

Чувства толпы — это нечто необъяснимое и ужасное.

Я закончил проповедь прекрасными, грозными словами, быть может, самыми грозными словами в Библии:

«Если в эту ночь душу твою возьмут от тебя...»

Это было недолговечное, странное вдохновение. Домой я вернулся прежним, бесцветным и неприметным человеком. Гризельда меня ждала. Она была немного бледна. Она взяла меня под руку.

— Лен, — сказала она, — ты сегодня был такой... беспощадный. Мне это не понравилось. Я никогда раньше не слышала такой проповеди.

— Я думаю, что никогда больше и не услышишь, — сказал я, в изнеможении добираясь до дивана. Я чувствовал себя совершенно измученным.

— Что с тобой стряслось?

— На меня накатило безумие.

— О! А ничего такого, особенного, не было?

— Что значит — «ничего особенного»?

— Просто спросила, и все. Ты человек непредсказуемый, Лен. Мне

всегда кажется, что я тебя совсем не знаю.

Мы сели за стол. Ужин был холодный ввиду отсутствия Мэри.

— Тебе письмо в холле лежит, — сказала Гризельда. — Деннис, принеси, пожалуйста.

Деннис, не проронивший ни слова за весь вечер, молча пошел за письмом.

Я взглянул на письмо и невольно застонал. В левом верхнем углу было написано «С посылным. Срочно».

— Это, несомненно, от мисс Марпл, — сказал я. — Больше никого не осталось.

Мое предположение оправдалось.

«Дорогой мистер Клемент, — мне очень хотелось бы поговорить с вами о нескольких мелочах, которые пришли мне в голову. Мне кажется, все мы должны по мере сил помочь в расследовании этой печальной тайны. Я подойду, с Вашего разрешения, около половины десятого, и стукну в окошко кабинета. Не будет ли милая Гризельда так добра — пусть забежит к нам и поможет моему племяннику скоротать вечер. Разумеется, мы будем рады и мистеру Деннису, если он захочет прийти. Если не будет другого ответа, я дождусь их и приду к вам в назначенное время.

Искренне ваша, Джейн Марпл».

Я протянул письмо Гризельде.

— Ой, мы непременно пойдем, — весело воскликнула она. — Стаканчик-другой домашней наливки — как раз то, что нужно человеку в воскресный вечерок. По-моему, Мэри сегодня приготовила особенно удручающее бланманже. От него у нас такое похоронное настроение.

Деннис встретил приглашение далеко не так восторженно.

— Вам-то хорошо, — проворчал он. — Рассуждаете обо всех этих высоких материях, о книгах, об искусстве. А я сижу развесив уши и чувствую себя круглым дураком.

— Это тебе полезно, — как ни в чем не бывало, откликнулась Гризельда. — Чтобы ты помнил свое место. А вообще, по-моему, мистер Рэймонд Уэст вовсе не такой уж всезнайка, он больше представляется.

— Всезнаек среди нас нет, — сказал я.

Мне не терпелось узнать, что именно хочет сказать мне мисс Марпл. Из всех дам моего прихода она, безусловно, самая проникательная. Мало

того, что она видит и слышит практически все, что творится вокруг, — она еще умеет дать удивительно точное и убедительное истолкование фактам, которые привлекли ее внимание.

Если бы я когда-либо решил вступить на стезю преступления, то больше всего опасался бы мисс Марпл.

«Спасательно-развлекательная экспедиция к племяннику» — так ее назвала Гризельда — отправилась в поход в начале десятого, а я в ожидании мисс Марпл развлекался тем, что составлял нечто вроде описи фактов, связанных с преступлением. Я расположил их в более или менее хронологическом порядке. Человеком пунктуальным меня не назовешь, но я люблю аккуратность, и мне нравится записывать все в надлежащем порядке.

Точно в половине десятого в окно тихонько постучали, я встал и впустил в кабинет мисс Марпл.

На голову и плечи у нее была накинута тончайшая, пушистая шетландская шаль, и от этого она казалась старенькой и хрупкой. Она вошла и сразу же начала говорить, торопясь и слегка запыхавшись от волнения.

— Вы так добры, что позволили мне зайти... Душечка Гризельда — сама доброта... Рэймонд от нее без ума, всегда говорит о ней: прелестная головка Греза... Можно присесть сюда? Это не ваше кресло? О, благодарю вас... Нет, что вы, не надо скамеечки для ног.

Я повесил шетландскую шаль на спинку стула, потом подошел и сел в кресло напротив своей гостьи. Мы сидели и глядели друг на друга; на лице мисс Марпл заиграла лукавая улыбка.

— Вот вы сейчас сидите и думаете — отчего я во все это вмешиваюсь? Наверно, вам кажется, что это не женского ума дело. Нет-нет, прошу вас, позвольте мне объяснить все самой.

Она на минуту умолкла, и щеки ее начали медленно заливаться нежным румянцем.

— Видите ли, — наконец начала она, — когда живешь совсем одна в таком заброшенном уголке, поневоле приходится искать себе хобби. Ну, разумеется, есть и вязание, и Образцовые Дети, и благотворительность, можно и пейзажи рисовать, но у меня одно хобби с давних пор: Человеческая Натура. Такое разнообразие, так невероятно увлекательно! И как-то само собой получается, когда человек живет в глухой деревушке, где нет никаких развлечений, у него возникает масса возможностей стать настоящим знатоком, если так можно сказать. Начинаешь классифицировать людей, как по определителю, словно они птицы или

цветы, такой-то класс, такой-то род, такой-то вид. Разумеется, порой можно и ошибиться, но со временем ошибаешься все реже. Знаете ли, привыкаешь себя проверять на практике. Например, берешь мелкую загадку — помните, милая Гризельда так смеялась над историей с полупинтой креветок? Эту мелочь и тайной не назовешь, и тем не менее она абсолютно неразрешима, если не найти верный ключ. Или вот еще случай с подменной микстуры от кашля, и с зонтиком мясниковой жены — он тут как бы и ни при чем, если не предположить, что бакалейщик и жена аптекаря ведут себя совершенно неподобающим образом; конечно, так оно и оказалось. Это так увлекательно, когда поразмыслишь над чем-нибудь, а потом убеждаешься в своей правоте.

— А вы всегда оказываетесь правы, мне кажется, — улынулся я.

— В том-то и дело, что из-за этого становишься чуточку самоуверенной, — созналась мисс Марпл. — Но мне так хотелось проверить, смогу ли я так же разгадать настоящую, серьезную тайну? То есть сумею ли я в ней разобраться? Рассуждая логически, это совершенно тот же процесс. В конце концов, маленькая действующая модель торпеды — то же самое, что настоящая торпеда.

— Вы считаете, что все дело в подобии, а размеры относительны? — медленно проговорил я. — Должно быть, это так, признаю, это логично. Но я не уверен, что теория подтвердится практикой.

— Уверяю вас, это одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, все можно свести к общему знаменателю, кажется, мы так это называли в школе? Во-первых, деньги, потом привлекательность для людей, мм-м, противоположного пола, и, конечно, разные странности — людей со странностями такое множество, не правда ли? Признаться, когда узнаешь человека получше, непременно углядишь в нем какую-то странность. Нормальные люди иногда такое выкинут, что и не придумаешь, а ненормальные часто ведут себя очень разумно и как следует. Понимаете, единственный выход — сравнивать людей с другими, которых вы знаете или знали раньше. Вы бы очень удивились, если бы я вам сказала, что всех людей можно отнести к немногим определенным типам.

— Вы меня пугаете, — сказал я. — Я себя чувствую, как под микроскопом.

— Вы, конечно, понимаете, что у меня и в мыслях не было говорить об этом ни с полковником Мельчеттом — он такой властный, ни с бедняжкой инспектором Слаком — он ведь точь-в-точь как молоденькая продавщица в обувной лавке, которая хочет непременно заставить вас купить лакированные лодочки, потому что у нее есть как раз ваш размер, и

слышать не хочет, что вам нужны простые опойковые туфли.

Честно говоря, это блестящая характеристика Слака.

— Но вы, мистер Клемент, знаете о преступлении не меньше инспектора Слака, я уверена. И я подумала, что если мы с вами станем работать вместе...

— Как знать, — сказал я. — Должно быть, каждый человек в глубине души воображает себя Шерлоком Холмсом.

Потом я рассказал ей про три письма, полученные сегодня. Рассказал и о том, как Анна нашла портрет, изуродованный до неузнаваемости ножом. Описал и поведение мисс Крэм в полицейском участке, упомянул и о том, как Хэйдок определил подобранный мною кристалл.

— А так как я его нашел, то мне и хотелось бы, чтобы он имел решающее значение, — сказал я в заключение. — Но, всего вероятнее, этот кристалл вообще не имеет отношения к нашему делу.

— А я за эти дни прочла кучу американских детективов — брала в библиотеке, — сказала мисс Марпл. — Может пригодиться для дела.

— Там ничего нет про пикриновую кислоту?

— Боюсь, что нет. Однако я где-то читала, что одного человека отравили, растирая его вместо лекарства пикриновой кислотой на ланолине.

— Но у нас тут никого не отравляли, так что это не подходит, — сказал я.

Потом взял со стола и подал ей свой небольшой реестр.

— Вот моя попытка восстановить некоторые факты, привести их в порядок, — сказал я.

Моя опись фактов

Четверг, 21 сего месяца.

12.30 — полковник Протеро переносит время своего визита с 6 часов на 6.15. Весьма возможно, что это слышала вся деревня.

12.45 — пистолет в последний раз видели лежащим на своем месте (несколько сомнительно, так как ранее миссис Арчер утверждала, что этого не помнит).

5.30 (примерно) — полковник и миссис Протеро выезжают из дому в деревню на машине.

5.30 — ложный вызов к умирающему, звонили из привратничкой у Северных ворот.

6.15 (или раньше на одну-две минуты) — полковник Протеро зашел в мой кабинет, куда его проводила Мэри.

6.20 — миссис Протеро проходит аллеей со стороны сада к окну кабинета. Она не видела полковника Протеро.

6.29 — звонок из коттеджа Лоуренса Реддинга к миссис Прайс Ридли (по данным с телефонной станции).

6.30–6.35 — слышен выстрел (если считать, что время телефонного звонка было указано точно). По показаниям Лоуренса Реддинга, Анны Протеро и доктора Стоуна, выстрел был слышен раньше, но весьма вероятно, что права миссис П. Р.

6.45 — Лоуренс Реддинг приходит в мой дом и обнаруживает труп.

6.48 — я встречаюсь с Лоуренсом Реддингом.

6.49 — я обнаруживаю труп.

6.55 — Хэйдок осматривает труп.

Примечание. Никакого алиби на время с 6.30 до 6.35 нет у двух лиц — у мисс Крэм и миссис Лестрэндж. Мисс Крэм говорит, что была на раскопках, но свидетелей нет. Однако подозрение с нее может быть снято, так как она явно не связана с этим делом. Миссис Лестрэндж вышла от доктора Хэйдока в самом начале седьмого, так как торопилась на свидание. Где и с кем было назначено свидание? Едва ли с полковником Протеро, так как он в это время должен был быть у меня. Миссис Лестрэндж могла быть поблизости от места преступления в указанное время, но у нее вряд ли имелись какие-либо мотивы для убийства. Она ничего не выиграла с его смертью, а теория инспектора — вымогательство — мне кажется неприемлемой. Миссис Лестрэндж не такой человек. Также маловероятно, что она могла получить доступ к пистолету Лоуренса Реддинга.

— Очень четко, — сказала мисс Марпл, одобрительно кивая головой. — Джентльмены всегда все записывают с отменной точностью.

— А вы согласны с тем, что я написал? — спросил я.

— О, да — вы так прекрасно все расписали.

Тогда я задал ей вопрос, который мне давно не терпелось задать.

— Мисс Марпл, — сказал я. — Кого вы подозреваете? Вы как-то говорили, что подозреваете семерых.

— Да, как будто, — рассеянно сказала мисс Марпл. — Но, мне кажется, каждый из нас подозревает разных людей. Собственно говоря, так оно и есть.

Но она не стала спрашивать, кого я подозреваю.

— Все дело в том, — сказала она, — что необходимо подыскать

объяснение для всего случившегося. Каждую мелочь нужно истолковать и объяснить. И если у вас есть теория, которая включает в себя все факты без исключения — значит, вы правы. Но это невероятно сложно. Если бы не эта записка...

— Записка? — удивился я.

— Да, вы же помните, я вам говорила. Записка мне не дает покоя с самого начала. Что-то в ней не так.

— Но ведь теперь все совершенно ясно, — сказал я. — Записка была написана в шесть тридцать пять, а сверху другой рукой, рукой убийцы, приписано 6.20. Я думаю, что с этим все ясно.

— Пусть так, — сказала мисс Марпл. — И все же записка меня беспокоит.

— Почему?

— Послушайте, — мисс Марпл с живостью наклонилась ко мне поближе. — Миссис Протеро, как я вам уже говорила, прошла мимо моего сада, и она прошла к окну кабинета, заглянула внутрь и не увидела полковника Протеро.

— Он сидел и писал за столом, — сказал я.

— Вот тут-то все и сходится! Это было в двадцать минут седьмого. Мы с вами говорили, что он не мог сесть и написать, что ждать больше не может до половины седьмого — скажите сами, зачем ему было усаживаться за стол заблаговременно?

— Об этом я и не подумал, — задумчиво сказал я.

— Давайте-ка еще раз во всем разберемся, мой дорогой мистер Клемент. Миссис Протеро подходит к окну и ей кажется, что в комнате никого нет, она должна быть в этом уверена, иначе она ни за что не пошла бы прямо в мастерскую к мистеру Реддингу. Это было бы очень неосторожно. В комнате должно быть совершенно тихо, чтобы она решила, что там никого нет. Это можно объяснить одной из трех причин на выбор.

— Вы хотите сказать...

— Первая возможная причина — полковник Протеро был уже мертв, но в этом я сомневаюсь. Во-первых, пяти минут не прошло, как он туда вошел, и она или я — мы непременно услышали бы выстрел, а во-вторых, и в этом случае трудно объяснить, зачем он сел за стол. Вторая возможная причина — он уже сидел за столом и писал записку, но тогда записка должна была быть совсем про другое. Он не мог писать, что ему некогда ждать. А третья...

— Да? — сказал я.

— Третья причина — совершенно ясно, что в комнате и вправду

никого не было, и миссис Протеро была права.

— Вы хотите сказать, что он прошел в кабинет, потом куда-то вышел и вернулся позже?

— Да.

— Но зачем ему это понадобилось?

Мисс Марпл слегка развела руками, выражая недоумение.

— Тогда на все это надо смотреть с совершенно иной точки зрения, — сказал я.

— Нам так часто приходится менять точку зрения на многие вещи. Вам не кажется?

Я не отвечал. Я тщательно обдумывал три варианта, которые предложила мисс Марпл.

Старая леди вздохнула и встала.

— Мне пора домой. Я так рада, что нам удалось с вами чуточку поболтать, хотя мы немногого добились, да?

— Сказать по совести, — заметил я, подавая ей шаль, — вся эта история для меня — темный лес.

— Что вы! Этого я бы не сказала. Мне думается, что одна теория подходит. То есть, если допустить некое совпадение... а мне кажется, такое допущение позволительно. Только одно, не более, это было бы слишком.

— Вы это серьезно говорите? Про теорию? — спросил я, глядя ей в глаза.

— Должна признаться, что в моей теории не все гладко — есть один факт, который я не могу объяснить. О! Вот если бы записка была совсем другая...

Она вздохнула и покачала головой. Уже выходя, она машинально протянула руку и пощупала цветок, стоявший на высокой подставке; вид у растения был унылый и неухоженный.

— Вы знаете, мистер Клемент, его надо поливать почаще. Бедняжка, он просто сохнет! Скажите вашей служанке, чтобы поливала его каждый день. Я думаю, она этим занимается?

— В той же мере, в какой она вообще чем-то занимается, — сказал я.

— Немного не хватает выучки, да? — спросила мисс Марпл.

— О да, — сказал я. — Гризельда же и слушать не хочет о том, чтобы ее рассчитать. Она уверена, что служанка останется у нас только потому, что ее никто другой не возьмет. Однако Мэри вчера предупредила нас об уходе.

— Вот как? А мне всегда казалось, что она очень привязана к вам обоим.

— Я этого как-то не замечал, — сказал я. — Кстати, ее обидела Летиция Протеро. Мэри вернулась со следствия в расстроенных чувствах, а Летиция уже была здесь, и они... в общем, они повздорили.

— О! — воскликнула мисс Марпл. Она уже было переступила через порог, но внезапно застыла на месте, и лицо у нее изменилось, на нем мелькнула целая череда сменяющих друг друга выражений. Я был удивлен.

— О, боже ты мой, — пробормотала она себе под нос. — Какая же я глупая. Так вот в чем дело. Вполне, вполне возможно, с самого начала.

— Простите?

Она подняла ко мне встревоженное лицо.

— Нет, ничего. Просто мне пришла в голову мысль. Я, пожалуй, пойду домой и хорошенько все обдумаю. Знаете ли, я, кажется, была удивительно недогадлива, просто не верится.

— И мне не верится, — галантно сказал я.

Я проводил ее через сад.

— А вы не могли бы поделиться со мной этой внезапной догадкой? — спросил я.

— Мне бы не хотелось пока что. Понимаете ли, все же есть вероятность, что я ошибаюсь. Впрочем, не думаю. А вот и моя калитка. Большое вам спасибо. Прощу вас, не провожайте меня дальше.

— Записка по-прежнему остается камнем преткновения? — спросил я, когда она, войдя в калитку, закрывала за собой задвижку.

Она посмотрела на меня, словно не понимая.

— Записка? А! Ну, разумеется, это была не та записка. Я и не думала, что она настоящая. Доброй ночи, мистер Клемент.

Она быстрым шагом пошла по тропинке к дому, а я глядел ей вслед, словно прикованный к месту.

Я терялся в догадках.

Глава XXVII

Гризельда и Деннис еще не вернулись. Я подумал, что надо было мне проводить мисс Марпл и заодно позвать их домой — это было бы вполне естественно. Но мы с ней были так поглощены обдумыванием тайны убийства, что забыли о существовании всех остальных.

Я стоял в холле в нерешительности — не пойти ли мне за ними, когда в дверь позвонили.

Я вернулся к двери. Заметив, что в почтовом ящике лежит письмо, я решил, что звонил почтальон, и вынул письмо из ящика. Но звонок снова зазвонил, и я, впопыхах сунув письмо в карман, открыл дверь.

За дверью стоял полковник Мельчетт.

— Привет, Клемент. Еду домой из города, на машине. Решил заглянуть, проведать. Не дадите ли чего-нибудь выпить?

— Конечно, я очень рад. С превеликим удовольствием! — сказал я. — Пойдемте в кабинет.

Он снял кожаное пальто и прошел со мной в кабинет. Я достал виски, содовую и два бокала. Мельчетт стоял у камина, широко расставив ноги, и поглаживал стриженные щеточкой усы.

— У меня для вас есть кое-что новенькое, Клемент. Вы такого еще и не слыхивали. Но с этим можно повременить. Как дела тут, у вас? Еще какая-нибудь старая леди взяла след?

— Ничего плохого про них сказать не могу, — сказал я. — Во всяком случае, одна из них считает, что идет по горячему следу.

— Наша приятельница мисс Марпл? Да?

— Наша приятельница мисс Марпл.

— Такие особы всегда считают, что знают все лучше всех, — сказал полковник Мельчетт.

Он с явным удовольствием потягивал виски с содовой.

— Быть может, с моей стороны нескромно задавать вопросы, — сказал я, — но я надеюсь, что кто-нибудь допросил парнишку из рыбной лавки. Я хочу сказать, что, если убийца вышел через парадную дверь, малый, возможно, видел его.

— Слак его допросил, можете не сомневаться, — сказал Мельчетт. — Но парень говорит, что никого не встречал. Да это вообще маловероятно. Убийца не станет лезть на глаза. У ваших ворот в кустах можно и переждать. Посыльный заходил к вам, к Хэйдоку и к миссис Прайс Ридли.

От него схорониться ничего не стоило.

— Да, — сказал я. — Вы правы.

— А с другой стороны, — продолжал Мельчетт, — если все же это дело рук негодяя Арчера, и юный Фред Джексон видел его здесь, он едва ли проговорился бы. Арчер его двоюродный брат.

— Вы всерьез подозреваете Арчера?

— Понимаете ли, старик Протеро его на дух не переносил. И тот был не прочь с ним расквитаться. Снисходительностью старик похвастаться не мог.

— Да, — сказал я. — Человек он был жесткий и непримиримый.

— Я всегда говорю: живите и давайте жить другим, — сказал Мельчетт. — Конечно, закон есть закон, но никому не повредит хоть малая доля человечности. Протеро не знал снисхождения.

— Он этим гордился, — сказал я.

Мы помолчали, потом я спросил:

— А что это за удивительная новость, которую вы мне обещали?

— Да уж, куда удивительнее. Помните ту незаконченную записку, которую Протеро писал, когда его убили?

— Да.

— Мы ее отдали на экспертизу, чтобы убедиться, что «6.20» было приписано другой рукой. Само собой, послали образцы почерка Протеро. Хотите знать заключение? *Эту записку Протеро вообще не писал.*

— Значит, это подделка?

— Вот именно, «6.20» действительно написано другой рукой, но они в этом не уверены. Эта отметка сделана другими чернилами, но сама записка — подделка. Протеро ее не писал.

— Они в этом уверены?

— Настолько, насколько могут быть уверены эксперты. Вы же знаете, что такое эксперт! Ох! Но в этом они уверены, как будто.

— Потрясающе, — сказал я. Затем память вдруг преподнесла мне сюрприз.

— Послушайте, — сказал я. — Я помню, что миссис Протеро сразу сказала, что почерк совсем не похож на почерк ее мужа, но я не обратил на это внимания.

— Вот как?

— Я решил, что это обычная непоследовательность, женская глупость. Тогда единственное бесспорное во всем деле было именно то, что Протеро написал записку.

Мы смотрели друг на друга.

— Любопытно, — сказал я. — Мисс Марпл только нынче вечером говорила, что записка не настоящая.

— Ну и шустрая старушенция, можно подумать, что она своими руками совершила убийство — слишком много знает, а?

Тут зазвонил телефон. В телефонном звонке есть что-то до странности одушевленное. На этот раз он звонил отчаянно, с какой-то мрачной, трагической настойчивостью.

Я подошел и взял трубку.

— Викарий слушает, — сказал я. — Кто это?

Странный, сдавленный и визгливо-истерический голос раздался в трубке:

— *Я хочу покаяться*, — возопил он. — *Боже мой, я хочу покаяться!*

— Алло, — сказал я. — Алло! Послушайте, вы меня разъединили. С какого номера мне звонили?

Тягучий голос ответил, что не знает. И лениво добавил, что просит извинить за беспокойство.

Я положил трубку и обернулся к Мельчетту.

— Вы как-то сказали, что рехнетесь, если еще кто-нибудь признается в убийстве?

— Ну и что?

— Да вот еще кто-то хочет покаяться. А коммутатор нас разъединил.

Мельчетт бросился к телефону и схватил трубку.

— Я им сейчас кое-что скажу!

— Скажите, — согласился я. — Возможно, это на них подействует. Желаю удачи. А я ухожу. Мне кажется, я узнал этот голос.

Глава XXVIII

Я быстро шел по деревенской улице. Было одиннадцать часов, в воскресный вечер в это время деревня Сент Мэри Мид словно вымерла. Однако, увидев свет в окне второго этажа в одном из домов, я понял, что Хоуз еще не ложился, и решил зайти. Я остановился и позвонил в дверь.

Долгое время никто не открывал, наконец домоправительница Хоуза, миссис Сэдлер, медленно и с трудом отодвинула два засова, сняла цепь и повернула ключ в дверях, после чего подозрительно выглянула в щелку.

— Да это викарий! — удивленно воскликнула она.

— Добрый вечер, — сказал я. — Я хотел повидать мистера Хоуза. Я увидел в окне свет, должно быть, он еще не спит.

— Может, и не спит. Я к нему не заходила, только ужин подала. Вечер у него выдался тихий — никто не навещал, да и сам он никуда не ходил.

Я кивнул, прошел мимо нее и поднялся по лестнице. У Хоуза и спальня и гостиная на втором этаже.

Я прошел в гостиную. Хоуз лежал на низком кресле-диване. Он спал. Мои шаги его не разбудили. Рядом с ним стояла пустая коробочка из-под порошков и стакан, до половины налитый водой.

На полу, возле его левой ноги, валялся исписанный, смятый в комок лист бумаги. Я поднял его и разгладил. Начал читать:

«Мой дорогой Клемент...»

Я дочитал письмо до конца, невольно вскрикнул и спрятал его в карман. Потом склонился над Хоузом, вглядываясь в его лицо.

Затем я протянул руку к телефону, стоявшему у него под рукой, и назвал свой номер. Мельчетт, как видно, все еще пытался выяснить, откуда был тот звонок, — телефон был занят. Я попросил соединить меня, как только он освободится, и положил трубку.

Я сунул руку в карман — хотел еще раз посмотреть на письмо. Вместе с ним из кармана выпало другое письмо — то, что я вынул из почтового ящика и позабыл прочесть.

Почерк на нем был до отвращения знакомый. Тот самый почерк, которым было написано анонимное письмо, подброшенное сегодня днем.

Я вскрыл письмо.

Я прочел его, перечитал, но не смог осмыслить его содержание.

Я начал читать в третий раз, когда зазвонил телефон. Словно во сне я взял трубку и сказал: «Алло?»

— Алло!

— Это вы, Мельчетт?

— Я, а вы-то где? Я проследил, откуда звонили. Номер...

— Я знаю номер.

— А! Отлично. Вы оттуда говорите?

— Да.

— Что там насчет признания?

— Я его получил.

— Вы что, поймали убийцу?

Я пережил сильнейшее искушение в жизни. Я посмотрел на Хоуза. Посмотрел на измятое письмо. Бросил взгляд на каракули анонимки. Потом на пустую аптечную коробочку с фамилией Херувим на крышке. И вспомнил одну случайную беседу.

Я сделал титаническое усилие.

— Я, я не знаю, — сказал я. — Будет лучше, если вы сами придете.

И дал ему адрес.

Потом сел в кресло напротив кресла Хоуза и стал думать.

На все размышления у меня было ровно две минуты.

Через две минуты Мельчетт будет здесь.

Я взял анонимное письмо и перечитал его в третий раз.

Потом закрыл глаза и задумался...

Глава XXIX

Сколько я так просидел — не заметил, — должно быть, прошло всего несколько минут. Но мне показалось, что миновала целая вечность, когда я услышал скрип двери, обернулся и увидел входящего в комнату Мельчетта.

Он пристально взгляделся в спящего Хоуза, потом обратился ко мне:

— Что тут происходит, Клемент? В чем дело?

Я взял одно из двух писем, которые держал в руке, и дал ему.

Он прочел его вслух, приглушив голос.

«Дорогой мой Клемент, мне необходимо сообщить вам нечто крайне неприятное. Поэтому я предпочел написать. Позже мы можем об этом поговорить. Дело касается недавних пропаж. Неприятно об этом говорить, но я нашел виновника, и ни о каких сомнениях не может быть речи. Как бы ни было тяжело обвинять священнослужителя, церковного пастыря, я выполняю свой долг, с болью, но неукоснительно. Пусть это послужит примером и...»

Мельчетт вопросительно взглянул на меня. После этих слов в письме стоял непонятный росчерк, на этом месте смерть остановила руку писавшего.

Мельчетт с шумом вдохнул воздух, посмотрел на Хоуза.

— Так вот в чем разгадка! И раскаяние заставило его признаться!

— В последние дни он был сам не свой, — сказал я.

Внезапно Мельчетт вскрикнул и в два шага оказался возле спящего. Он взял его за плечо и потряс, сначала легонько, потом все сильнее и резче.

— Да он не спит! Он наглотался лекарств! Это еще что?

Его взгляд упал на пустую аптечную коробочку. Он поднял ее.

— Неужели он...

— Я думаю, да, — сказал я. — Он мне показывал эти порошки. Сказал, что его предупреждали не принимать большими дозами. Для него это был единственный выход. Бедняга. Может быть, наилучший выход. Не нам его судить.

Но Мельчетт был прежде всего начальником полиции графства. Те доводы, которые я мог принять во внимание, для него ничего не значили. Он поймал убийцу, а убийцу было положено судить и повесить.

Он мгновенно перешел к телефону и нетерпеливо стучал по рычажку, пока не получил ответа. Он назвал номер Хэйдока. Затем на минуту стало тихо — он ждал ответа, не сводя глаз с простертой в кресле фигуры.

— Алло-алло-алло, доктор Хэйдок? Скажите доктору, путь немедленно идет на Хай-стрит. Мы у мистера Хоуза. Срочно!.. Да что там у вас? А какой это номер? Прошу прощения.

Он стукнул по рычажку, вспыхнув от возмущения.

— Не тот номер, не тот номер, вечно у них не те номера! А дело идет о человеческой жизни! АЛЛО!!! Вы дали мне не тот номер! Да, не теряйте времени, дайте три-девять, а не три-пять!

Еще одна напряженная пауза, на этот раз короче первой.

— Алло, это вы, Хэйдок? Говорит Мельчетт. Приходите на Хай-стрит, 19, сейчас же, прошу вас. Хоуз наглотался каких-то порошков. Спешите, дорога каждая минута.

Он бросил трубку и зашагал взад-вперед по комнате.

— Как вы не догадались сразу же вызвать доктора, Клемент, просто уму непостижимо. Сидите здесь и считаете ворон!

На мое счастье, Мельчетту столь же непостижимо и то, что у других могут быть иные соображения и намерения, чем у него лично. Я промолчал, и он продолжал:

— Где вы нашли это письмо?

— Валялось скомканное на полу — видно, выпало у него из рук.

— Поразительное дело — старая дева как в воду глядела — мы ведь и вправду нашли не ту записку. Как она умудрилась это сообразить! Но этот тоже хорош — не порвал ее, не сжег — просто осел! Только подумайте, держать при себе самую неопровержимую улику из всех мыслимых улик!

— Человеческая натура соткана из противоречий.

— А если бы не это, нам бы ни одного убийцу поймать не пришлось. Рано или поздно они обязательно сморозят какую-нибудь глупость! У вас очень подавленный вид, Клемент. Должно быть, это для вас ужасный удар?

— Верно. Я говорил, что Хоуз последнее время был какой-то странный, но я себе и представить не мог...

— А кто мог? Ага, похоже, машина. — Он подошел к окну, поднял штору и выглянул на улицу. — Точно. Хэйдок.

Через минуту доктор вошел в комнату.

Мельчетт объяснил ему все в нескольких словах.

Хэйдок никогда не выдавал своих чувств. Он только приподнял брови, кивнул и подошел к пациенту. Пощупал пульс, приподнял веко, внимательно взгляделся в глаз.

Потом обернулся к Мельчетту.

— Вам нужно спасти его для виселицы? Дело зашло довольно далеко, если хотите знать. Все висит на волоске. Не знаю, сумею ли привести его в себя.

— Делайте все, что в ваших силах.

— Хорошо.

Он порылся в своем саквояже, вынул шприц, сделал инъекцию в руку Хоуза. Потом выпрямился.

— Лучше будет доставить его в Мач Бенэм в больницу. Помогите перенести его в машину.

Мы оба бросились помогать. Усаживаясь за руль, Хэйдок бросил через плечо последнюю фразу:

— Кстати, повесить его вам не удастся, Мельчетт, имейте в виду.

— Вы считаете, что он не выкарабкается?

— Это уж как получится. Я не об этом. Просто даже если он выживет, понимаете, бедняга не может отвечать за свои действия. Я дам медицинское свидетельство.

— Что он хотел сказать? — спросил Мельчетт, когда мы снова поднимались по лестнице.

Я объяснил, что Хоуз страдал энцефалитом.

— Сонной болезнью, что ли? В наше время обязательно найдется уважительная причина для всякого грязного дела. Верно?

— Наука многое нам объясняет.

— К черту науку! Прошу прощенья, Клемент, но меня прямо воротит от всех этих слюней и соплей — нечего миндальничать! Я человек простой. Ладно, пора заняться осмотром комнаты.

Но в эту минуту нам помешали — и это было совершенно неожиданное и поразительное явление. Дверь отворилась, и в комнату вошла мисс Марпл.

Она порозовела от смущения, понимая, в какое недоумение повергла нас обоих. Говорила она взволнованно, словно оправдываясь:

— Простите, простите меня, ради бога, — так вторгаться! Добрый вечер, полковник Мельчетт. Я еще раз прошу меня извинить, но я узнала, что мистер Хоуз занемог, и решила, что надо зайти, спросить, не нужна ли моя помощь.

Она замолчала. Полковник Мельчетт глядел на нее довольно неблагосклонно.

— Вы очень добры, мисс Марпл, — сухо ответил он. — Не стоило беспокоиться. А как вы узнали, кстати?

Я сам ждал минуты, чтобы задать тот же вопрос!

— По телефону, — объяснила мисс Марпл. — На телефонной станции постоянно путают номера, верно? Вы сначала говорили со мной, а думали, что это доктор Хэйдок. Мой номер три-пять.

— Так вот в чем дело! — воскликнул я.

— И вот, — продолжала она, — я решила зайти, узнать, не надо ли помочь.

— Вы очень добры, — сказал Мельчетт еще более сухо. — Ничего не нужно. Хэйдок увез его в больницу.

— Прямо в больницу? Как я рада это слышать! У меня камень с души свалился. Там он будет в полной безопасности. Когда вы сказали, что ничего не нужно, вы ведь не хотели сказать, что ему уже ничем не поможешь? Да? Неужели вы считаете, что он не выживет?

— Ничего нельзя предсказать, — заметил я.

Мисс Марпл уже углядела картонную коробочку.

— Я думаю, он принял большую дозу? — сказала она.

Я уверен, что Мельчетт предпочел бы все от нее утаить. Может быть, и я бы так поступил при иных обстоятельствах. Но в моей памяти слишком свежа была беседа с мисс Марпл, и я поступил вразрез с его принципами, хотя, признаюсь, ее мгновенное появление и нескрываемое любопытство вызвали у меня несколько неприятное чувство.

— Посмотрите-ка вот на это, — сказал я, протягивая ей незаконченное письмо Протеро.

Она взяла его и прочла, не выказывая ни малейшего удивления.

— Вы нечто подобное предвидели, не правда ли? — спросил я.

— Да-да, разумеется. Можно ли мне спросить, мистер Клемент, что привело вас сюда именно сегодня? Это мне не совсем понятно. Вы и полковник Мельчетт — этого я никак не ожидала.

Я объяснил, что звонили по телефону и мне показалось, что я узнал голос Хоуза. Мисс Марпл задумчиво кивнула.

— Очень интересно. Счастливый случай, если можно так сказать. Да, ведь вы пришли сюда вовремя, как раз вовремя.

— Что значит — вовремя? Вы так считаете? — с горечью спросил я.

Мисс Марпл искренне удивилась.

— Конечно, вы же спасли жизнь мистера Хоуза.

— А вам не кажется, — сказал я, — что лучше было бы ему не выздоравливать? Лучше и для него, и для всех остальных. Теперь мы знаем правду, и...

Я замолк на полуслове — мисс Марпл кивала головой что-то уж

слишком энергично, — я даже забыл, о чем хотел говорить.

— Вот именно! — сказала она. — Вот именно! Как раз то, что он хотел вам внушить! Что вы знаете всю правду и что для всех было бы лучше так, как оно вышло. О да, все сходится наилучшим образом: письмо, и отравление порошками, и настроение бедного мистера Хоуза, и его исповедь... Все сходится, но все это *неправда!*

Мы молча смотрели на нее.

— Вот почему я так рада, что мистер Хоуз в безопасности — в больнице, там до него никто не доберется. Если он выздоровеет, он вам сам расскажет всю правду.

— Правду?

— Да! Что он не тронул и волоска на голове полковника Протеро.

— А телефонный звонок? — возразил я. — Письмо, отравление порошками. Все яснее ясного.

— Он и хотел, чтобы вы так думали. Он очень хитрый. Сохранить письмо и подбросить его в удобную минуту — это требует большой хитрости.

— Кто это «он»? — сказал я.

— Убийца, — отвечала мисс Марпл.

И невозмутимо добавила:

— Мистер Лоуренс Реддинг...

Глава XXX

Мы смотрели на нее в полном изумлении. Я думаю, в тот момент оба мы искренне считали, что она не в своем уме. Обвинение звучало в высшей степени неправдоподобно.

Полковник Мельчетт опомнился первым. Он заговорил ласково, с какой-то жалостливой снисходительностью.

— Побойтесь бога, мисс Марпл, — сказал он. — Молодой Реддинг вне всякого подозрения.

— Естественно, — сказала мисс Марпл. — Он об этом позаботился.

— Наоборот, — сухо возразил полковник Мельчетт. — Он сделал все, от него зависящее, чтобы его обвинили в убийстве.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Он нас всех провел, и меня точно так же, как и других. Может быть, вы припомните, дорогой мистер Клемент, как я была поражена, когда услышала, что мистер Реддинг признался. У меня в голове все перевернулось, и я решила, что он не виноват, хотя до тех пор я не сомневалась, что он преступник.

— Значит, вы подозревали Лоуренса Реддинга?

— В книгах преступником всегда оказывается тот, кого меньше всех подозревают, я знаю. Только это правило вовсе не годится для реальной жизни. Чаще всего именно то, что бросается в глаза, и есть правда. Я всегда хорошо относилась к миссис Протеро, но это не помешало мне заметить, что она полностью попала под влияние мистера Реддинга и готова исполнить все, что он велит, а он, разумеется, не из тех молодых людей, которые мечтают сбежать с чужой женой, у которой нет ни гроша за душой. С его точки зрения, полковник Протеро был помехой, которую следовало устранить, и он его устранил. У некоторых молодых людей нет *никаких* моральных устоев.

Полковник Мельчетт давно уже нетерпеливо фыркал. Теперь он рванулся в бой.

— Неслыханная чепуха от начала до конца! Нам известно все, что делал Реддинг до 6.50, а Хэйдок ясно сказал, что в это время полковник Протеро был еще жив. Вы, кажется, думаете, что знаете все лучше врача! А может, вы считаете, что Хэйдок солгал — бог весть зачем?

— Я считаю, что доктор Хэйдок сказал чистую правду. Он очень порядочный человек. Дело в том, что полковника Протеро застрелила миссис Протеро, а вовсе не мистер Реддинг.

Мы снова онемели. Мисс Марпл поправила кружевное жабо, спустила с плеч пушистую воздушную шаль и начала читать нам лекцию в самых благопристойных, подобающих для старой девы, тонах, мягко и совершенно естественно сообщая самые поразительные вещи.

— До этого времени я не считала себя вправе говорить. Если вам кажется, что вы все точно знаете, — это еще не доказательство. И пока вы не найдете объяснения для всех фактов до единого (как я уже говорила сегодня вечером дорогому мистеру Клементу), нельзя с уверенностью выдвигать свою теорию. А у меня не хватало всего одного факта, только одно и оставалось объяснить, — и вот, совершенно внезапно, когда я выходила из кабинета мистера Клемента, я заметила фикус в горшке возле окна — в нем-то и была разгадка! Ясно как божий день!

— Спятила, — шепнул мне полковник Мельчетт. — Окончательно спятила.

Но мисс Марпл, как ни в чем не бывало, продолжала свой рассказ мелодичным голосом истинной леди, сияя безмятежной благожелательностью к нам.

— Мне было очень прискорбно поверить в это, очень прискорбно. Видите ли, они оба мне так нравились. Но вы же знаете, что такое человеческая натура. Должна вам сказать, что, когда они, друг за дружкой, оговорили себя самым глупым образом, у меня прямо камень с души свалился. Я обрадовалась своей ошибке. И я стала размышлять: у кого еще был мотив для устранения полковника Протеро.

— Семеро подозреваемых! — пробормотал я себе под нос.

Она одарила меня улыбкой.

— Вот именно. Этот Арчер — весьма сомнительно, но если он напьется — можно ли за него поручиться? Алкоголь ударяет в голову. И, само собой, ваша Мэри. Она очень давно встречается с Арчером, а характер у нее престранный. И мотив, и возможность — ведь она была в доме одна-одинешенька! Старая миссис Арчер могла с легкостью похитить пистолет у мистера Реддинга и отдать ему или ей. Потом, конечно, Летиция — ей нужна и свобода, и деньги, чтобы жить в свое удовольствие. Я знаю множество случаев, когда самые прелестные, неземные девушки выказывали полное отсутствие щепетильности, хотя, конечно, джентльмены ни за что не согласятся в это поверить.

Я виновато моргнул.

— Потом еще теннисная ракетка, — продолжала мисс Марпл.

— Теннисная ракетка?

— Ну да, та самая, что попала на глаза Кларе, служанке миссис

Прайс Ридли, валялась на траве у ваших ворот. А это говорит о том, что мистер Деннис ушел с теннисной игры раньше, чем получается по его словам. Мальчики в шестнадцать лет такие уязвимые и неуравновешенные! Каков бы ни был мотив — ради Летиции или ради вас — он мог на это пойти. И наконец, бедняжка мистер Хоуз и вы сами, но альтернативно, как выражаются юристы.

— Я? — вскричал я с живейшим удивлением.

— Да, конечно. Вы уж простите великодушно — я в это ни минуты не верила, но был разговор об исчезающих церковных сборах. Один из вас — либо вы, либо мистер Хоуз — должен быть виноват, и миссис Прайс Ридли повсюду намекала, что это дело ваших рук, главным образом на основании того, что вы так резко протестовали против всяких расследований. Разумеется, я-то была уверена с самого начала, что это мистер Хоуз, он очень напомнил мне того несчастного органиста, о котором я вам рассказывала, но все же никогда нельзя быть уверенной...

— Зная человеческую натуру, — мрачно изрек я.

— Вот именно. Ну, и кроме того, естественно, остается еще душечка Гризельда.

— Миссис Клемент абсолютно ни при чем, — оборвал ее полковник Мельчетт. — Она вернулась поездом в 6.50.

— Это она так говорит, — отпарировала мисс Марпл. — Никогда нельзя верить людям на слово. В этот вечер поезд в 6.50 опоздал на полчаса. Но я своими собственными глазами видела ее в четверть седьмого, она шла в сторону Старой Усадьбы. Следовательно, она приехала раньше, на другом поезде. Собственно говоря, ее видели, но вы, должно быть, об этом знаете?

Она испытующе посмотрела на меня.

Повинуясь необъяснимому магнетизму ее взгляда, я протянул ей последнее анонимное письмо, то самое, которое прочел незадолго до нашего разговора. Там было подробно изложено, как Гризельду видели выходящей из коттеджа Лоуренса Реддинга через застекленную дверь в двадцать минут седьмого, в тот роковой день.

Ни тогда, ни после я не проронил ни слова об ужасном подозрении, в некий момент пронзившем мне душу. Это представилось мне, как страшный сон, как наваждение, — былая близость между Лоуренсом и Гризельдой, которая стала известна Протеро, его угроза довести все до моего сведения, — и Гризельда в отчаянии похищает револьвер и заставляет его замолчать навсегда. Как я уже сказал — это было наваждение, кошмарный сон, на несколько бесконечных минут

приобретший все признаки жуткой реальности.

Не знаю, подозревала ли это мисс Марпл. Вполне возможно. От нее ничто не укроется.

Она отдала мне письмо, коротко кивнув головой.

— Вся деревня об этом судачила, — сказала она. — И вправду, выглядело это довольно подозрительно. Особенно когда миссис Арчер показала под присягой, что пистолет был на своем месте, когда она уходила в полдень.

Она на минуту умолкла, затем продолжала:

— Но я непозволительно отвлеклась от главного! Я вот что хотела — я считаю это своим долгом — изложить вам мое объяснение тайны. Если вы мне не поверите, я буду утешаться тем, что сделала все, что в моих силах. И без того мое желание — прежде совершенно увериться, а потом говорить, — едва не стоило жизни бедному мистеру Хоузу.

Она снова замолчала, а когда заговорила снова, ее голос звучал иначе — тверже, решительней. Больше не казалось, что она оправдывается или извиняется.

— Вот мое объяснение всего происшедшего. К четвергу преступление было полностью обдуманно, до мельчайших подробностей. Сначала Лоуренс Реддинг зашел к викарию, зная, что не застанет его дома. Он принес пистолет, который спрятал в горшок с фикусом, на подставке возле окна. Когда вернулся викарий, Лоуренс Реддинг объяснил свое присутствие тем, что он решил уехать отсюда. В пять тридцать Лоуренс Реддинг позвонил викарию из дома привратника, что у Северных ворот, подражая женскому голосу (вы помните, что он одаренный актер).

Миссис Протеро с мужем только что выехали в деревню. И одна прелюбопытная деталь (хотя никому не пришло в голову этим заинтересоваться) — миссис Протеро не взяла с собой сумочку. Это совершенно *необычный* для женщины поступок. Почти точно в двадцать минут седьмого она проходит мимо моего садика и останавливается поговорить со мной, чтобы я могла хорошенько рассмотреть, что оружия при ней не было и что она ведет себя нормально, как всегда. Они, видите ли, знали, что я человек наблюдательный. Она скрылась за углом дома и прошла к двери кабинета. Бедный полковник сидел за столом и писал вам письмо. Он глуховат — это всем известно. Она вынимает пистолет из горшка — он у нее под рукой, как задумано, — подходит к нему сзади, стреляет в затылок, бросает пистолет на пол, молнией вылетает из дома и бежит к мастерской. Любой будет готов присягнуть, что на это у нее хватило бы времени!

— А выстрел? — придирчиво спросил полковник. — Вы же не слышали выстрела?

— Насколько мне известно, существует приспособление, которое называется глушитель Максима. Я читала о нем в детективных романах. Я подумала, что «чиханье», которое слышала Клара, служанка, и был тот самый выстрел. Но это неважно. Миссис Протеро встречается у мастерской с мистером Реддингом. Они входят туда вместе, но, такова уж человеческая натура! — боюсь, они упустили из виду, что я не уйду из сада, пока они не выйдут оттуда!

Мисс Марпл, так весело признававшая собственные слабости, окончательно завоевала мое сердце.

— Когда они вышли, они вели себя естественно, даже весело. Вот тут они и совершили просчет, учитывая обстоятельства. Ведь если они и вправду распрощались навсегда, как они утверждают, у них был бы совсем другой вид. Но в этом, видите ли, было слабое место их заговора. Они просто *не смели* выглядеть встревоженными или огорченными. А на следующие десять минут они старательно обеспечили себе алиби. Так это, кажется, называется? Наконец, мистер Реддинг идет в ваш дом и выбегает оттуда вам навстречу. Вероятно, он увидел вас на тропинке издали, и неплохо подсчитал, сколько времени в его распоряжении. Он поднимает пистолет и глушитель, оставляет на столе поддельное письмо с указанием времени, написанным другим почерком и другими чернилами. Когда подделка будет раскрыта, ее истолкуют как неумелую попытку бросить тень на Анну Протеро.

Но, подбрасывая письмо, он находит другое, написанное самим полковником Протеро, — полная для него неожиданность. Будучи чрезвычайно умным молодым человеком, он понимает, что письмо ему может пригодиться, и берет его с собой. Он переводит стрелки настольных часов на время, указанное в записке, — прекрасно зная, что часы всегда поставлены на пятнадцать минут вперед. Замысел тот же — еще одна попытка очернить миссис Протеро. Затем он уходит, встречает вас у калитки и играет роль человека, близкого к безумию. Как я уже говорила, он и вправду очень умен. Что станет делать убийца, только что совершивший преступление? Разумеется, он постарается держаться как можно более естественно. Значит, мистер Реддинг будет вести себя совсем иначе. Он выбрасывает глушитель, он отправляется напрямик в полицейский участок с пистолетом, в подтверждение шитого белыми нитками самоговора, и все мы попадаем на удочку!

В изложении мисс Марпл было что-то завораживающее. Она говорила

с такой уверенностью, что оба мы чувствовали — преступление было совершено именно так, а не иначе.

— А выстрел, который донесся из лесу? — спросил я. — Это и есть то случайное совпадение, о котором вы упоминали раньше?

— О, что вы, нет! — Мисс Марпл решительно помотала головой. — *Это* было вовсе не случайное совпадение, ничего похожего. Было совершенно необходимо, чтобы люди слышали выстрел, иначе трудно было бы отвести подозрения от миссис Протеро. Как мистер Реддинг это подстроил, мне не совсем ясно. Но я поняла, что пикриновая кислота взрывается, когда на нее падает что-то тяжелое, а вы ведь припоминаете, дорогой викарий, что встретили мистера Реддинга с большим камнем в руках как раз в том самом месте, где потом подобрали кристалл. Джентльмены выдумывают такие хитроумные приспособления — подвесить камень над кристаллами, подвести бикфордов шнур, или запал, если я не спутала, в общем, нечто, что будет тлеть минут двадцать, так что взрыв прозвучит примерно в 6.30, когда они с миссис Протеро выйдут из мастерской и будут у всех на виду. Надежное приспособление — на этом месте потом окажется большой булыжник и больше ничего! Но он позаботился и камень убрать, когда вы на него вышли.

— Я думаю, вы правы, — воскликнул я, вспомнив, как вздрогнул от неожиданности Лоуренс Реддинг, увидев меня перед собой. Тогда я ничего не заподозрил, но теперь...

Мисс Марпл, казалось, читала мои мысли — она многозначительно кивнула.

— Да, — сказала она, — для него это была пренеприятная встреча, в самый неподходящий момент. Но он отлично вывернулся — сделал вид, что несет мне камень для альпийской горки. Только вот... — мисс Марпл вдруг заговорила с особенным нажимом:

— *Камень был совершенно неподходящий для моей альпийской горки!* И это навело меня на след!

Полковник Мельчетт просидел все это время словно в трансе. Тут он проявил признаки жизни. Фыркнув раз-другой носом и растерянно высморкавшись, он заявил:

— Ну, я вам скажу! Это уж, честное слово...

На более определенное высказывание он не отважился. Мне кажется, что и его, как и меня, подавила логическая безупречность умозаключений мисс Марпл. Но в данный момент он не хотел в этом признаваться.

Напротив, он протянул руку, схватил скомканное письмо и рявкнул.

— Ладно, это сойдет. А что вы скажете про Хоуза? Этот тип позвонил

и сам признался!

— Да, это был перст божий. Несомненно, влияние проповеди vicария. Знаете, мистер Клемент, вы произнесли замечательную проповедь. Она глубоко повлияла на мистера Хоуза, я думаю. Он больше не мог этого выносить, он жаждал признаться в злоупотреблении церковными сборами.

— Что?

— Конечно, и это, по воле Провидения, спасло ему жизнь. (Я искренне надеюсь и уповаю, что его жизнь спасена. Доктор Хэйдок — замечательный врач.) Насколько я понимаю, мистер Реддинг сохранил письмо (дело рискованное, но я думаю, что он спрятал его в надежном месте) и постарался выяснить, к кому оно относится. Вскоре он уверился, что это мистер Хоуз. Я слышала, что он вчера вечером вернулся с мистером Хоузом к нему домой и провел здесь весь вечер. Я подозреваю, что он подменил коробочку с лекарством мистера Хоуза, а письмо спрятал в карман его халата. Бедный молодой человек в полном неведении проглотит смертельный порошок, а после его смерти найдут письмо, и все непременно решат, что он застрелил полковника Протеро и покончил с собой в приступе раскаяния. Мне кажется, что мистер Хоуз нашел письмо сегодня, после того, как проглотил яд. В его болезненном состоянии ему причудилось, что это нечто сверхъестественное — да еще после проповеди vicария — и он почувствовал, что должен во всем признаться.

— Ну и ну! — сказал полковник Мельчетт. — Честное слово!.. Абсолютно невероятно! Я не верю ни одному слову!

Ему никогда еще не случалось высказываться столь неубедительно. Видимо, и сам он это понял, поэтому задал еще один вопрос:

— А вы можете объяснить другой звонок по телефону, из коттеджа мистера Реддинга к миссис Прайс Ридли?

— А! — сказала мисс Марпл. — Это я и называю совпадением. Этот звонок подстроила душечка Гризельда, я думаю, не обошлось тут и без мистера Денниса. Они проведали, какие слухи миссис Прайс Ридли распускает про vicария, и задумали таким образом (конечно, это ребячество) заставить ее замолчать. А совпадение в том, что звонок раздался точно в тот же момент, что и выстрел в лесу. Это и навело всех на мысль, что между ними есть какая-то связь.

Я вдруг вспомнил, как все, слышавшие выстрел, говорили, что он «не такой, как обычные выстрелы». И они были правы. Однако как трудно было объяснить, чем именно он отличался от других выстрелов.

Полковник Мельчетт откашлялся.

— Ваше решение выглядит довольно убедительно, мисс Марпл, —

сказал он. — Но разрешите мне указать вам на то, что у вас нет никаких улик.

— Знаю, — сказала мисс Марпл. — Но все же вы мне верите, не правда ли?

После затянувшейся паузы полковник сказал довольно принужденно:

— Да, верю. Пропади оно все пропадом, только так это и могло произойти. Но нет ни малейшей улики — ни тени улики!

Мисс Марпл негромко кашлянула.

— Поэтому я и подумала, что при подобных обстоятельствах...

— Да?

— Позволительно будет поставить маленькую ловушку.

Глава XXXI

Мы оба — полковник Мельчетт и я — воззрились на нее.

— Ловушку? Какую еще ловушку?

Мисс Марпл помялась, как бы в нерешительности, но было совершенно ясно, что у нее готов тщательно разработанный план.

— Скажем, мистеру Реддингу кто-то звонит по телефону и предупреждает его.

Полковник Мельчетт улыбнулся.

— «Все пропало! Бегите!» Старый трюк, мисс Марпл. Нет, я не говорю, что он так уж плох. Иногда срабатывает. Но наш мистер Реддинг — слишком шустрая птичка, чтобы попасть в такой силоч.

— Тут нужно что-нибудь особенное, я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Я бы предложила — это мое предположение, не больше, — предостеречь его должен человек, известный своими неординарными взглядами на подобные дела. Доктор Хэйдок иногда высказывал такие воззрения, что люди могли подумать, будто он и на убийство смотрит с какой-то особой точки зрения. Если бы он намекнул, что кто-то, миссис Сэдлер или кто-нибудь из ее детишек, своими глазами видел, как он подменил коробочку с порошками, тогда, естественно, если мистер Реддинг ни в чем не виноват, он пропустит это мимо ушей, но если...

— Верно, он может тогда и сорваться, сделать какую-нибудь глупость.

— И сам попадетсЯ нам в руки. Возможно. Очень хорошо придумано, мисс Марпл. А Хэйдок пойдет на это? Вы сами сказали, что его воззрения...

Мисс Марпл оживленно перебила его.

— О! Да ведь это все теории! Они никогда не применяются на практике, верно? А вот и он, кстати, можете сами у него спросить.

Хэйдок, как мне показалось, удивился, застав мисс Марпл в нашем обществе. У него был усталый, замученный вид.

— Пронесло, — сказал он. — Я уж и не чаял его выцарапать. Но он выкарабкается. Долг врача — спасти своего пациента, и я его спас, но я был бы рад не меньше, если бы мне это не удалось.

— Вы перемените мнение, — сказал полковник Мельчетт, — когда услышите, что мы вам расскажем.

Коротко и лаконично он изложил доктору теорию мисс Марпл, закончив ее последним предложением.

Тут нам представился исключительный случай увидеть своими глазами, что именно имела в виду мисс Марпл, утверждая, что теории никогда не применяются на практике.

Воззрения Хэйдока, судя по всему, мгновенно и резко переменялись. Мне кажется, он был бы рад видеть голову Лоуренса Реддинга на блюде, как царь Ирод. И мне кажется, вовсе не убийство полковника Протеро заставило его жаждать крови, а покушение на несчастного Хоуза.

— Негодяй проклятый! — бушевал Хэйдок. — Негодяй проклятый! И этот бедолага Хоуз! У него мать и сестра. Клеймо — мать и сестра убийцы! — осталось бы на них до конца жизни, а на какую душевную пытку он их обрек! Неслыханная, трусливая, гнусная подлость!

Хотите видеть безудержную, первозданную ярость в чистом виде, пожалуйста, стоит только довести до белого каления убежденного гуманиста.

— Если это правда, — добавил он, — можете на меня рассчитывать. Этого типа надо стереть с лица земли. Тронуть беззащитное существо, беднягу Хоуза!..

Все неудачники и подранки могут всегда рассчитывать на сочувствие доктора Хэйдока.

Он с увлечением обсуждал детали операции с Мельчеттом, когда мисс Марпл встала, собираясь уходить. Я вызвался ее проводить.

— Вы так добры, мистер Клемент, — сказала мисс Марпл, когда мы шли по опустевшей улице. — Боже, уже за полночь! Надеюсь, Рэймонд лег спать, не дожидаясь меня.

— Ему бы следовало вас сопровождать, — заметил я.

— А я ему не сказала, что ухожу, — призналась мисс Марпл.

Я вдруг улыбнулся, вспомнив тонкий психологический анализ преступления, сделанный Рэймондом Уэстом.

— Если ваша теория оправдается — я-то в этом ни на минуту не сомневаюсь, — сказал я, — вы обставите племянника на много очков.

Мисс Марпл тоже улыбнулась — и это была снисходительная улыбка.

— Я запомнила одно присловье своей двоюродной бабушки Фанни. Мне тогда было шестнадцать, и оно показалось мне ужасно глупым.

— Да? — заинтересовался я.

— Бабушка любила повторять: «Молодым кажется, что старики глупы, но старики-то *знают*, что молодые — дурачки!»

Глава XXXII

Рассказать осталось совсем немного. План мисс Марпл себя оправдал. Так как Лоуренс Реддинг был виноват, намек на то, что есть свидетель подмены лекарства, заставил его «сделать глупость». Нечистая совесть не дает покоя.

Конечно, положение его было не из легких. Первым его побуждением, я думаю, было бежать куда глаза глядят. Но ведь нельзя было бросать соучастницу. Он не смог исчезнуть, не переговорив с ней, а ждать до утра не рискнул. Той же ночью он проник в Старую Усадьбу, а за ним следовали два самых надежных подчиненных полковника Мельчетта. Он бросил горсть гравия в окно Анны Протеро, разбудил ее и отчаянным шепотом вызвал вниз, поговорить. Несомненно, снаружи они чувствовали себя в большей безопасности, чем в доме, — Летиция могла проснуться. Однако вышло так, что два полицейских офицера подслушали весь разговор, от начала до конца. Никаких сомнений не оставалось. Мисс Марпл оказалась права во всем, до мелочей.

Суд над Лоуренсом Реддингом и Анной Протеро — достояние гласности. Я не намерен повторять отчеты прессы. Замечу только, что большие почести выпали на долю инспектора Слака, благодаря служебному рвению и уму которого преступники были переданы в руки правосудия. Естественно, об участии мисс Марпл нигде не упомянуто. Да она сама пришла бы в ужас при одной мысли об этом.

Летиция зашла ко мне перед самым судом. Она вплыла в дверь моего кабинета, как всегда, похожая на бесплотную тень. Она сказала, что с самого начала была уверена в виновности мачехи. Под предлогом поисков желтого беретика она хотела обыскать кабинет получше. Она надеялась, пусть даже напрасно, обнаружить что-то, укрывшееся от глаз полиции.

— Знаете, — протянула она своим потусторонним голосом, — они же не могли ее так ненавидеть, как я. А ненависть очень помогает.

Она ничего не нашла, но зато подбросила под стол серезжку Анны.

— Раз я *знала*, что она убийца, это же все равно. Так или иначе. Она его *убила* или нет?

Я незаметно вздохнул. Летиция никогда не научится видеть некоторые вещи. В некоторых отношениях она поражена моральным дальтонизмом — цветовой слепотой.

— Какие у вас планы, Летиция? — спросил я.

— Когда все будет позади, я уеду за границу. — Она помолчала и добавила. — Я еду за границу со своей матерью.

Я взглянул на нее, не веря своим ушам.

Она кивнула.

— Неужели вы не догадывались? Миссис Лестрэндж — моя мать. Она при смерти, знаете? Она хотела со мной повидаться и приехала сюда под вымышленным именем. Ей помогал доктор Хэйдок. Он очень старый друг — когда-то был в нее по уши влюблен, — видно невооруженным глазом! Он к ней равнодушен. Мужчины всегда сходили с ума по маме, я знаю. Она и сейчас ужасно привлекательна. Во всяком случае, доктор Хэйдок старался вовсю, помогал ей. Она свое настоящее имя скрыла — люди обо всем болтают и сплетничают, противно! Она тогда пошла к отцу, сказала, что умирает и очень хочет меня повидать. А отец вел себя, как скотина. Сказал, что она потеряла все родительские права и что я думаю, будто она умерла. Как бы не так, меня не проведешь! Такие, как отец, никогда дальше своего носа не видят!

Но мама сдаваться не собиралась, она не такая. Она просто считала, что приличнее обратиться сперва к отцу, а когда он ей так нагрубил, она послала мне записочку, я договорилась, что уйду с тенниса пораньше и встречу с ней в конце тропинки, в четверть седьмого. Мы просто встретились на минутку и условились, когда встретимся опять. Расстались до половины седьмого. А потом я была в кошмарном состоянии — боялась, что ее обвинят в убийстве отца. Ужу нее-то была причина его ненавидеть. Поэтому я и добралась до ее портрета — там, на чердаке, — и изрезала его. Полиция могла разнюхать и узнать ее на портрете, вот чего я боялась. И доктор Хэйдок тоже перетрусил. Мне даже казалось, что он иногда всерьез думает, что она и есть убийца! Мама такая — отчаянная. Она не думает о последствиях.

Она на минуту замолчала.

— Вот что странно... Мы с ней родные. А отец мне был, как неродной. Но мама... ладно, я еду с ней за границу, это решено. Я буду рядом с ней до... до конца.

Она встала, и я взял ее руку в свои.

— Да благословит Господь вас обеих, — сказал я. — Я уверен, что в один прекрасный день вас ждет большое счастье, Летиция.

— Пора бы, — сказала она, пытаясь засмеяться. — До сих пор оно меня не очень-то баловало, а? Да ну, в конце концов, это не важно. Прощайте, мистер Клемент. Вы всегда ко мне хорошо относились, вы ужасно добрый, и Гризельда тоже.

Гризельда!

Пришлось ей рассказать начистоту, как ужасно огорчило меня анонимное письмо; сначала она рассмеялась, а потом с самым серьезным видом отчитала меня.

— Тем более, — сказала она в заключение, — что я собираюсь в будущем стать скромной и богобоязненной — в точности, как Отцы-пилигримы^[11].

Я никак не мог представить себе Гризельду в роли Отца-пилигрима.

Она продолжала:

— Понимаешь, Лен, в мою жизнь скоро войдет что-то новое, и я стану более спокойной, уравновешенной. В твою жизнь оно тоже войдет, только тебе оно принесет радость, молодость, во всяком случае, я на это надеюсь! И ты не будешь то и дело называть меня «дорогое дитя», когда у нас будет настоящий ребенок, мой и твой. Знаешь, Лен, я решила, что пора мне стать настоящей «женой и матерью» (как пишется в книгах), и домашним хозяйством тоже займусь всерьез. Я уже купила две книжки про Домоводство и одну — про Материнскую Любовь, и если уж это не сделает меня идеальной женой, я не знаю, что еще для этого нужно! Книжки потешные, я смеялась до колик, нет, написаны они всерьез, ну ты сам понимаешь. Смешнее всего про воспитание молодого поколения.

— А ты случайно не купила книгу про то, как Надо Обращаться с Мужем, признавайся? — спросил я с опаской и привлек ее к себе.

— Мне она ни к чему, — отвечала Гризельда. — Я образцовая жена. Я люблю тебя всем сердцем. Что тебе еще нужно?

— Ничего, — сказал я.

— Ты не мог бы сказать, один-единственный разок, что безумно меня любишь, а?

— Гризельда, — сказал я, — я тебя обожаю! Я тебя боготворю! Я люблю тебя безумно, безнадежно и страстно, да простит мне Бог!

Моя жена глубоко и удовлетворенно вздохнула.

Вдруг она выскользнула из моих объятий.

— Вот досада! Сюда идет мисс Марпл. Ни словечка ей, слышишь? Не хватало мне только, чтобы мне подсовывали подушки под спину и настаивали, чтобы я держала ноги повыше! Скажи, что я ушла играть в гольф. Это собьет ее со следа, и это чистая правда — я забыла там свой желтый свитер, а он мне нужен.

Мисс Марпл подошла к окну, смущенно остановилась поодаль и спросила, может ли она видеть Гризельду.

— Гризельда, — сказал я, — ушла на поле для гольфа.

В глазах мисс Марпл вспыхнула тревога.

— О! Но, согласитесь, — это крайне неосторожно в ее положении.

И она залилась самым милым, старомодным, стародавическим, благопристойным румянцем, как и подобает настоящей леди.

Чтобы скрыть минутное замешательство, мы торопливо заговорили о деле Протеро, вспомнили «доктора Стоуна», который оказался вором и мошенником, известным под многими именами и кличками. С мисс Крэм, кстати, было полностью снято обвинение в соучастии. Она после долгого заперательства призналась в том, что отнесла чемодан в лес, но сделала это по доверчивости — доктор Стоун ее уверил, что опасается соперничающих с ним археологов — от них всего можно ожидать, даже открытого грабежа ради того, чтобы дискредитировать его теорию. Судя по всему, девушка приняла эти рассказы за чистую монету. А теперь, как поговаривают в деревне, она отправилась на поиски какого-нибудь неподдельного пожилого холостяка, которому нужна секретарша.

Пока мы болтали, меня грызла одна мысль — как мисс Марпл ухитрилась докопаться до нашего самого нового секрета? Но вскоре мисс Марпл, в свойственной ей тактичной манере, сама дала мне это понять.

— Я надеюсь, душечка Гризельда воздерживается от крайностей, — тихо сказала она, выдержав пристойную паузу. — Я вчера была в книжной лавке в Мач Бенэме...

Бедняжка Гризельда — книга про Материнскую Любовь выдала ее с головой!

— Знаете, мисс Марпл, — сказал я внезапно. — Я все думаю, если бы вы совершили убийство, сумел ли бы кто-нибудь его раскрыть?

— Какие у вас ужасные мысли! — воскликнула глубоко шокированная мисс Марпл. — Надеюсь, я никогда не пойду на такой смертный грех!

— Но ведь такова человеческая натура, — процитировал я.

Мисс Марпл оценила шутку и рассмеялась мелодичным, лукавым смехом.

— Какой вы шутник, мистер Клемент! — Она встала. — Хотя, вполне естественно, настроение у вас должно быть отличное.

У двери в сад остановилась.

— Передайте нежный привет моей милой Гризельде и скажите ей, что я умею хранить тайны.

Честное слово, наша мисс Марпл — просто прелесть...

Смерть Лорда Эдвера

1. Вечер в театре

У людей короткая память. Убийство Джорджа Альфреда сент Винцента Марша, четвертого барона Эдвера, вызвавшее невиданный всплеск эмоций, давно уже забыто. Новые сенсации завладели умами обывателей.

О том, что в расследовании этого дела принимал участие мой друг Эркюль Пуаро, никогда не упоминалось. Он так решил — и лавры достались другим. Более того, с точки зрения Пуаро это было одно из самых неудачных его дел. Он не уставал повторять, что только реплика случайного прохожего натолкнула его на правильное решение.

Так или иначе, я считаю, что преступление было раскрыто именно благодаря гениальности Эркюля Пуаро. Если бы не он, убийцу вряд ли бы разоблачили.

Я думаю, что настало время рассказать обо всем по порядку. Никто не знает лучше меня всех деталей расследования. Стоит также заметить, что я выполняю волю одной очаровательной леди.

Я часто вспоминаю тот день, когда Пуаро, вышагивая взад-вперед по ковру своей аккуратной гостиной, мастерски излагал нам детали этого ошеломляющего дела. Я начну свой рассказ с того, с чего начал его Пуаро — с посещения одного из лондонских театров в июне прошлого года. В то время среди театралов столицы только и разговоров было, что об актрисе Карлотте Адамс, которая с огромным успехом выступила годом раньше в нескольких спектаклях. Ее нынешние выступления в Лондоне продолжались три недели; мы с Пуаро попали на предпоследний спектакль.

Карлотта Адамс была американкой с изумительным талантом сценического перевоплощения без какого-либо грима или декораций. Ее пародия на вечер в заграничном отеле буквально очаровала всех зрителей. Перед нашими глазами поочередно появлялись образы американских и немецких туристов, семей среднего класса, женщин сомнительной репутации, обедневших русских аристократов и утомленных сдержанных официантов. Казалось, актриса с легкостью говорит на любом языке.

Ее скетчи были то безудержно смешными, то предельно трагическими. Зрители видели умирающую в больнице женщину-чешку и чуть не рыдали. Минуту спустя они изнемогали от смеха, глядя на зубного врача, дружески болтающего со своими будущими жертвами.

В конце программы Карлотта Адамс объявила, что покажет несколько

пародий на знаменитых людей. И опять актриса продемонстрировала свои исключительные способности. Черты ее лица неожиданно менялись — и в следующий миг зрители без труда узнавали известного политического деятеля, популярную актрису или светскую красавицу. Причем каждый персонаж говорил присущим только ему языком. Между прочим, эти короткие речи были весьма остроумными. Они метко подчеркивали слабости выбранного для пародии субъекта.

Одной из последних Карлотта пародировала Джейн Уилкинсон, очень популярную в Англии американскую актрису. Номер был продуман до мелочей. Банальные фразы слетали с языка мисс Адамс с таким эмоциональным зарядом, что зрители вопреки своему желанию начинали чувствовать, как каждое слово обретает смысл и силу. Ее голос, непередаваемо изысканного оттенка, глубокий, хрипловатый, казалось, пьянил публику. Карлотта исключительно четко копировала сдержанные жесты Джейн Уилкинсон, ее слегка раскачивающуюся походку и даже ее необыкновенную красоту. И как это у нее получалось, ума не приложу!

Я всегда был горячим поклонником прекрасной Джейн Уилкинсон. Она будоражила мои чувства в своих лучших драматических ролях, и вопреки всем тем, кто считал, что она — женщина красивая, но вовсе не актриса, я был исключительно высокого мнения о ее сценических способностях. И вот сейчас не совсем приятное чувство овладело мной: казалось, появилась вторая Джейн Уилкинсон. Я слышал знакомый, с ноткой фаталистической обреченности, хрипловатый голос. Я видел трогательные жесты бессильно сжимающихся и разжимающихся рук. Я наблюдал за запрокинутой вдруг головой, когда каскад пышных волос отлетает назад, открывая лицо, — и узнавал Джейн Уилкинсон.

Она была одной из тех актрис, которых даже супружеская жизнь не может заставить покинуть сцену. Джейн Уилкинсон вышла замуж за богатого, но несколько эксцентричного лорда Эдвера. Если верить слухам, вскоре она бросила его. Так или иначе, через полтора года после свадьбы она уже снималась в американских фильмах, а затем играла в одном из лондонских театров в популярной пьесе.

Наблюдая за остроумными, но несколько обидными имитациями Карлотты Адамс, я подумал, что интересно было бы знать, как относятся к этому сами пародируемые. Рады ли они тому, что так популярны и что получают от этих скетчей дополнительную рекламу? Или негодуют, что секреты их ремесла как бы раскрываются подобными пародиями? Ведь Карлотта Адамс была в положении человека, который объясняет публике трюки фокусника: о, это старый фокус! Он очень прост. Сейчас я покажу

вам, как он это делает!

Я решил, что если бы объектом пародии был я, то наверняка сильно обиделся бы. Конечно, я постарался бы ничем не выдать своих чувств, но скажу совершенно определенно: мне бы это не понравилось. Нужно обладать исключительным чувством юмора и великодушием, чтобы оценить такое безжалостное шаржирование.

Едва лишь я подумал об этом, как приятный хриловатый смех со сцены эхом отозвался у меня за спиной. Я обернулся. За мной сидела та, которую так смешно передразнивали сейчас на эстраде: леди Эдвер, более известная как мисс Джейн Уилкинсон.

Я сразу понял, что об обиде здесь не может быть и речи. Взволнованная актриса, подавшись вперед и приоткрыв рот от удовольствия, восхищенно смотрела на сцену.

Когда номер закончился, она засмеялась, громко захлопала и наклонилась к своему спутнику, рослому, симпатичному мужчине, напоминавшему внешностью греческого бога. Это был Брайен Мартин, один из популярнейших актеров кино. Джейн Уилкинсон снималась с ним в нескольких фильмах.

— Замечательно, правда? — спросила леди Эдвер.

Он засмеялся.

— Ты так взволнована, Джейн.

— Эта актриса просто великолепна! Даже чересчур. Лучше, чем я ожидала.

Я не услышал, что ответил ей приятно удивленный Мартин. Карлотта Адамс начала следующую пародию.

После спектакля мы с Пуаро решили поужинать в отеле «Савой». По забавной, на мой взгляд, случайности, за соседним столиком оказались леди Эдвер, Брайен Мартин и еще двое, которых я не знал. В тот самый момент, когда я говорил об этом Пуаро, в зал вошли мужчина и женщина и сели за следующий столик. Лицо женщины было удивительно знакомым, но какой-то миг я, как ни странно, не мог узнать его.

Потом я вдруг понял, что это Карлотта Адамс. Ее спутника я не знал. Это был выхоленный джентльмен с веселым, но пустым выражением лица. Мне такие не нравятся.

Карлотта Адамс была в черном неприметном платье. Ее лицо, подвижное и чувственное, нельзя было назвать особо привлекательным, но оно прекрасно подходило для подражания. Такие лица легко приобретают черты чужого характера, но своего не имеют.

Я стал делиться своими размышлениями с Пуаро. Он внимательно

слушал, слегка склонив набок свою яйцевидную голову, и в то же время бросал внимательные взгляды на оба столика.

— Так, значит, это леди Эдвер? Да, припоминаю, я видел ее в спектакле. Она *belle femme*^[12].

— И к тому же отличная актриса.

— Возможно.

— Похоже, вы не совсем убеждены в этом.

— Думаю, что ее актерские способности зависят от обстановки, мой друг. Для того, чтобы она играла хорошо, пьеса должна быть *о ней и для нее*. Если она играет главную роль и вся пьеса вращается вокруг нее — да, тогда я с вами согласен. Но я сомневаюсь, что она сможет сыграть должным образом маленькую роль или даже, что называется, характерную роль. Мне кажется, что она из тех женщин, которые интересуются только собой.

Пуаро помолчал и потом совершенно неожиданно добавил:

— Таких людей поджидает в жизни большая опасность.

— Опасность? — удивился я.

— Я вижу, *mon ami*^[13], что вас удивило это слово. Да, именно опасность, потому что такие женщины заняты только собственной персоной и не замечают происходящего вокруг. А ведь жизнь — это миллион противоборствующих интересов и конфликтных отношений между людьми. Нет, такие женщины видят только свой собственный путь вперед, и поэтому рано или поздно их ждет катастрофа.

Я всерьез заинтересовался. Подобное не приходило мне в голову.

— А вторая женщина? — спросил я.

— Мисс Адамс?

Пуаро перевел взгляд на другой столик.

— Ну и что же вы хотите узнать от меня? — улыбнулся он.

— Какое она производит на вас впечатление?

— *Mon cher*^[14], вы хотите, чтобы я, как гадалка, предсказывал судьбу по линиям ладони?

— У вас это получается лучше, чем у других, — заметил я.

— Вы слишком высокого мнения о моих способностях, Гастингс, это очень трогательно. Но разве вы не знаете, мой друг, что душа каждого из нас — это тайна за семью печатями, это лабиринт конфликтующих эмоций, страстей и склонностей. *Mais oui, c'est vrai*^[15]. Можно делать сколько угодно предположений насчет того или другого человека, но в девяти случаях из десяти обязательно ошибешься.

— Эркюль Пуаро не ошибается, — улыбнулся я.

— Ошибается даже Эркюль Пуаро! О! Я знаю, что вы считаете меня тщеславным, но, уверяю вас, я очень скромный человек.

Я засмеялся.

— Вы — и скромный!

— Именно так. Правда, о своих усах я могу сказать без ложной скромности: ни у кого в Лондоне я таких не видел.

— И не увидите, — сказал я сдержанно. — В этом отношении вам нечего опасаться. Так вы ничего не скажете о Карлотте Адамс?

— Elle est artiste!^[16] — ответил Пуаро просто. — Этим все сказано, не правда ли?

— Но вы не считаете, что ее поджидает в жизни опасность?

— Это можно сказать о любом из нас, — серьезно заметил Пуаро. — Несчастья и испытания подкарауливают нас повсюду. Но вернемся к вашему вопросу. Я думаю, мисс Адамс преуспеет в жизни. Она умна — и не только. Ну, а что касается опасности, да, ее опасность тоже не минует.

— Какого рода?

— Любовь к деньгам. Она может увести с прямой дороги здравомыслия и осмотрительности.

— Но это может случиться с каждым, — заметил я.

— Верно, но в любом случае и вы и я сможем вовремя заметить опасность, взвесить все за и против. А вот если человек слишком любит деньги, только их и видит, то они заслоняют от него все остальное.

Я рассмеялся над серьезностью моего друга и ехидно сказал:

— Королева гадалок цыганка Эсмральда за работой.

— Психология вообще очень интересная вещь, — продолжал Пуаро, не обращая внимания на мою колкость. — Без нее нельзя братья за расследование преступления. Сыщика должно интересовать в первую очередь не само убийство, а что стоит за ним. Понимаете, о чем я говорю, Гастингс?

Я ответил, что прекрасно понимаю.

— Я заметил, что, когда мы работаем вместе, вы всегда стараетесь принудить меня к физическим действиям, — продолжал Пуаро. — Вы хотите, чтобы я измерял следы обуви, брал анализы сигаретного пепла или, ползая на коленях по полу, выискивал какие-то вещественные доказательства. Вам никогда не приходит в голову, что, когда сидишь с закрытыми глазами в кресле, удастся быстрее подойти к решению проблемы, потому что ум видит больше, чем глаза.

— У меня так не получается, — пожаловался я. — Когда я сижу в

кресле, со мной всегда происходит одно и то же.

— Я это заметил, — ответил Пуаро. — Очень странно. В такие моменты мозг должен лихорадочно работать, а не проваливаться в бездеятельный сон. Умственная деятельность так увлекательна, она так стимулирует. Работа маленьких серых клеточек доставляет субъекту моральное удовольствие. Только они могут провести сквозь туман к истине.

Боюсь, что у меня выработалась привычка переключать свое внимание на другие вещи, едва Пуаро упоминал маленькие серые клеточки. Я слишком часто слышал от него одно и то же.

В данном случае мое внимание было привлечено к соседнему столику. Когда мой друг закончил, я, посмеиваясь, сказал:

— А вы пользуетесь успехом, Пуаро. Прекрасная леди Эдвер не может глаз отвести от вас.

— Несомненно, ей сказали, кто я такой, — заметил Пуаро, стараясь ничем не выдать своего удовольствия. Это ему не удалось.

— Думаю, что это из-за ваших знаменитых усов, — продолжал я. — Они ее очаровали.

Пуаро украдкой погладил предмет своей гордости.

— Они уникальны, это правда, — сказал он. — Ах, мой друг, эта «зубная щетка под носом», как вы изволите называть усы, на самом деле — величайший дар природы. И искусственно сдерживать их рост — это же преступление! Прекратите их подстригать, умоляю вас.

— Вот это да! — воскликнул я, не обращая внимания на слова Пуаро. — Кажется, леди Эдвер хочет подойти к нам. Брайен Мартин, похоже, против, но она его не слушает.

Действительно, Джейн Уилкинсон порывисто поднялась со своего места и направилась к нашему столику. Пуаро встал и поклонился. Я последовал его примеру.

— Мистер Пуаро, не так ли? — произнесла актриса тихим хрипловатым голосом.

— К вашим услугам.

— Мистер Пуаро, я хочу поговорить с вами. Я *должна* поговорить с вами.

— Разумеется, мадам. Садитесь, пожалуйста.

— Нет, нет, не здесь. Я хочу поговорить с глазу на глаз. Давайте поднимемся в мой номер.

В это время к нашему столику подошел Брайен Мартин. С просительной улыбкой он обратился к леди Эдвер:

— Джейн, не будь такой нетерпеливой. Мы же еще не кончили

ужинать. Да и мистер Пуаро тоже.

Но переубедить Джейн Уилкинсон было не так легко.

— Брайен, ну какая разница? Закажем ужин в номер. Поговори, пожалуйста, с официантом. И еще, Брайен...

Она отвела его в сторону и стала в чем-то убеждать. По виду Мартина я понял, что он не соглашается: актер хмурился и качал головой. Но Джейн Уилкинсон заговорила еще более горячо, и в конце концов Мартин, пожав плечами, сдался.

Во время этого разговора Джейн Уилкинсон несколько раз взглянула в сторону столика, за которым сидела Карлотта Адамс, и я подумал, что их беседа, возможно, имеет к ней какое-то отношение.

Убедив Мартина, довольная Джейн вернулась к нам.

— Мы пойдем прямо сейчас, — заявила она, одарив ослепительной улыбкой не только Пуаро, но и меня.

Похоже, ей в голову просто не приходила мысль о том, что мы можем отказаться. Она повела нас к лифту даже не извинившись.

— Какая удача, что я встретила вас сегодня, мистер Пуаро. Видно, мне везет. Я как раз думала, как же мне быть, а потом смотрю: за соседним столиком вы. И я сказала себе: мистер Пуаро посоветует, что делать.

Она прервала свою речь и бросила мальчику-лифтеру: «Третий этаж».

— Если я смогу вам помочь... — начал Пуаро.

— Я уверена, что сможете. Все вокруг исключительно высокого мнения о ваших способностях. Я оказалась в чрезвычайно затруднительном положении, и кто-то должен помочь мне. Мне кажется, что вы и есть тот самый человек.

Лифт остановился на третьем этаже, мы прошли по коридору и вошли в один из самых роскошных номеров отеля.

Мисс Уилкинсон небрежно бросила свою белую меховую пелерину и маленькую, украшенную бриллиантами, сумочку. Потом села в глубокое кресло и воскликнула:

— Мистер Пуаро, я должна избавиться от своего мужа!

2. Ужин

После секундного замешательства Пуаро пришел в себя.

— Но мадам, — сказал он, смешно моргая глазами. — Вы не по адресу: я не избавляю от мужей. Это не моя профессия.

— Я это знаю.

— Вам нужен адвокат.

— Здесь вы не правы. Я по горло сыта этими адвокатами. Сколько у меня их было, и честных, и мошенников, но ни те, ни другие не принесли мне пользы. Законы-то они знают, но, похоже, не имеют ни капли здравого смысла.

— А я, по-вашему, имею?

Она засмеялась.

— Я слышала, что вы на этом собаку съели, мистер Пуаро.

— Comment^[17]? Собаку? Какую собаку?

— Ну, в общем вы то, что надо.

— Мадам, одни люди умны, другие не очень. К чему притворяться — я умен. Но ваша просьба, это не мой genre^[18].

— Почему нет? Это ведь задачка.

— О! Задачка!

— Да. И к тому же трудная, — продолжала Джейн Уилкинсон. — А вы, я знаю, трудностей не боитесь.

— Примите мои поздравления по поводу вашей проницательности, мадам. Но все равно я не занимаюсь разводами. Для меня не представляет интереса ce metierla^[19].

— Мой дорогой, я не прошу вас шпионить. Здесь это все равно не поможет. Но мне просто необходимо избавиться от своего мужа, и я уверена, что вы можете подсказать, как это сделать.

Пуаро помолчал. Когда он заговорил, в его голосе послышалась новая нотка.

— Сначала скажите мне, почему вы горите таким желанием «избавиться» от лорда Эдвера?

Джейн Уилкинсон ни секунды не раздумывала. Ее ответ был коротким и предельно ясным:

— Все очень просто. Я хочу выйти замуж за другого человека. Какие еще могут быть причины?

Ее голубые глаза невинно смотрели на Пуаро.

— А почему вы не разведетесь? Ведь это нетрудно.

— Вы не знаете моего мужа, мистер Пуаро. Он... он... — она передернула плечами. — Я не знаю, как сказать... Он странный... не такой, как все.

После небольшой паузы она продолжала:

— Ему вообще не надо было никогда жениться. Я знаю, что говорю. Я не могу объяснить все, как следует, но он... странный. А вы знаете, что первая жена просто сбежала от него? Даже трехмесячного ребенка бросила. Он так и не дал ей развода, и она умерла в нищете где-то за границей. Потом он женился на мне. Но у нас ничего не вышло. Мне было почему-то страшно жить с ним. Я уехала от него в Штаты. У меня не было оснований для развода, но даже если бы я их и нашла, лорд Эдвер не обратил бы на них внимания. Он... он фанатик.

— В некоторых американских штатах можно получить развод и без согласия супруга.

— Мне это не подходит. Я собираюсь жить в Англии.

— Вы собираетесь жить в Англии?

— Да.

— За кого вы хотите выйти замуж?

— В том-то и дело. За герцога Мертон.

Я застыл от удивления. До сих пор герцог Мертон внушал лишь отчаяние тем мамочкам, которые пытались заинтересовать его своими дочерьми. Молодой человек с монашескими склонностями, истинный англокатолик^[20], он был, как говорится, целиком под каблуком своей матери, грозной вдовы-герцогини. Мертон вел жизнь, аскетичную до предела. Он коллекционировал китайский фарфор и обладал, по общему мнению, тонким эстетическим вкусом. Женщинами, похоже, он не интересовался вовсе.

— Я просто с ума от него схожу, — сказала Джейн сентиментально. — Такого человека я еще не встречала. Он чудесный, он такой симпатичный, ну, как монах-мечтатель. Это так романтично.

Она помолчала.

— Когда я выйду замуж, то брошу сцену. Меня это больше не интересует.

— А лорд Эдвер стоит на пути ваших романтических надежд, — сухо заметил Пуаро.

— Да... и это меня раздражает, — она откинулась в кресле и задумалась. — Конечно, если бы мы были в Чикаго, я бы нашла кого надо, и моего супруга прикончили бы, а здесь, в Англии, вы, как видно, не

держите наемных убийц.

— А здесь, в Англии, мы считаем, что каждый человек имеет право жить, — сказал Пуаро улыбаясь.

— Ну, не знаю. Я полагаю, что без кое-кого из ваших политиканов вполне можно обойтись. Если бы вы знали о лорде Эдвере то, что знаю о нем я, вы бы поняли, что общество ничего без него не потеряет. Скорее, наоборот.

Раздался стук в дверь, и вошел официант с подносом. Джейн Уилкинсон продолжала, не обращая на него никакого внимания:

— Я не хочу, чтобы вы его убивали, мистер Пуаро.

— Мерси, мадам.

— Я просто думала, что вы можете серьезно поговорить с ним и убедить его дать мне развод. У вас получится.

— Мне кажется, вы переоцениваете мои возможности, мадам.

— О! Но вы можете что-нибудь придумать, мистер Пуаро, — актриса подалась вперед и смотрела на моего друга широко открытыми глазами. — Вы ведь хотите, чтобы я была счастлива, правда?

Ее голос звучал мягко, приятно и соблазнительно.

— Я хочу, чтобы все были счастливы, — заметил Пуаро осторожно.

— Да, но до всех мне нет дела. Я только себя имела в виду.

— Похоже, что вы всегда думаете только о себе, мадам, — улыбнулся мой друг.

— Вы считаете, что я эгоистка?

— О! Я этого не говорил, мадам.

— Осмелюсь сказать, что я действительно эгоистка. Но видите ли, я просто ненавижу быть несчастной. Это даже влияет на мою игру. А несчастной я буду до тех пор, пока лорд Эдвер не даст мне развод — или не умрет.

— В общем-то, — продолжала она задумчиво, — будет даже лучше, если он умрет. Тогда я избавлюсь от него окончательно.

Она посмотрела на Пуаро, очевидно, ожидая найти поддержку.

— Вы мне поможете, мистер Пуаро, правда? — Джейн встала, взяла свою пелерину и снова просительно посмотрела на него.

В коридоре послышались голоса.

— Если вы не... — начала она.

— Что же тогда, мадам?

— Тогда мне придется вызвать такси, поехать к лорду Эдверу домой и самой прикончить его.

Как раз в этот момент дверь открылась. Смеясь, Джейн ушла в

соседнюю комнату. В номер вошли Брайен Мартин, Карлотта Адамс, ее спутник, а также мужчина и женщина, которые сидели за столиком с Джейн Уилкинсон. Их представили как супругов Уидберн.

— Привет! — сказал Брайен. — А где Джейн? Я хочу сообщить ей, что выполнил ее поручение.

Джейн появилась на пороге спальни. Она держала тюбик помады.

— Привел? Отлично. Мисс Адамс, своим представлением вы доставили мне истинное наслаждение. Я решила обязательно познакомиться с вами. Давайте пройдем в спальню. Поговорим там, пока я подкрашусь немного. Я выгляжу просто ужасно.

Карлотта Адамс последовала за ней. Брайен Мартин упал в кресло.

— Ну, мистер Пуаро, — начал он, — вас взяли в плен. Убедила ли вас наша Джейн вступить в бой на ее стороне? Рано или поздно вы все равно вынуждены были бы согласиться. Она не понимает слова «нет».

— Может, ей просто не приходилось его слышать.

— У Джейн весьма своеобразный характер, — заметил Брайен Мартин. Он откинулся в кресле и, затянувшись сигаретой, пустил в потолок клуб дыма. — Для нее нет запретов. Никаких моральных обязанностей. Я не хочу сказать, что она аморальна, нет. Скорее легкомысленна. Просто для нее в жизни существует только то, чего хочет она.

Он засмеялся.

— Я думаю, что она и убила бы кого-нибудь вполне жизнерадостно и очень обиделась бы, если бы ее поймали и приговорили к повешению. Беда в том, что она наверняка попадет. У нее нет мозгов. Для убийства она закажет такси на свое имя, поедет и, нисколько не таясь, застрелит свою жертву.

— Интересно, зачем вы мне все это говорите, — пробормотал Пуаро.

— Что?

— Вы хорошо ее знаете, мосье?

— Полагаю, что да.

Мартин снова засмеялся, и я поразился тому, сколько горечи было в этом смехе.

— Вы согласны с моей точкой зрения? — обратился он к своим спутникам.

— Да. Джейн первосортная эгоистка, — согласилась миссис Уидберн. — Впрочем, актриса и должна быть такой, если она желает подчеркнуть свою индивидуальность.

Пуаро молчал. Он внимательно смотрел на Брайена Мартина, размышляя о чем-то. Я не мог понять выражение лица моего друга.

В этот момент в комнату вошли Джейн и Карлотта Адамс. Джейн, видимо, уже «подкрасилась», хотя, на мой взгляд, она выглядела точно так же, как и прежде. Улучшить такую прекрасную внешность, по-моему, просто невозможно.

Ужин прошел довольно оживленно, хотя мне казалось, что между нашими новыми знакомыми возникает время от времени какая-то напряженность. Причины ее я не понимал.

Джейн Уилкинсон вела себя грубовато. Я прощал ей это: если таким женщинам приходит в голову какая-нибудь идея, они уже не могут думать ни о чем другом. Леди Эдвер надо было познакомиться с Пуаро — и она осуществила свое желание немедленно. Теперь она была, конечно, в приподнятом настроении. Ее желание пригласить Карлотту Адамс было, я полагаю, просто капризом. Она, как ребенок, восхищалась этой остроумной пародией на себя.

Нет, эта напряженность исходила не от Джейн Уилкинсон. Тогда от кого же?

Я стал по очереди изучать гостей. Брайен Мартин? Действительно, он вел себя не совсем естественно. Но это я объяснял себе просто характером кинозвезды. Преувеличенная застенчивость тщеславного человека, который слишком привык играть подобную роль на публике и не может расстаться с ней так просто.

Карлотта Адамс, напротив, вполне освоилась в незнакомой компании. Это была спокойная девушка с низким приятным голосом. Теперь, когда я получил возможность взглянуть на нее поближе, я изучал ее довольно внимательно. Эта девушка олицетворяла собой мягкую покорность. Никакой решительности, несогласия. У нее были темные волосы, светло-голубые, почти бесцветные глаза, бледное лицо, подвижные чувственные губы. В ней было определенное обаяние, но если обладателя такой внешности встретишь в другой одежде, то вряд ли узнаешь.

Карлотте, казалось, были приятны комплименты Джейн, ее великодушные. Я подумал, что любая девушка была бы польщена таким вниманием со стороны известной актрисы, но как раз в этот момент я вынужден был изменить свои скоропалительные выводы.

Карлотта Адамс посмотрела через стол на хозяйку вечера, которая в это время повернула голову, чтобы заговорить с Пуаро. Мисс Адамс смотрела на Джейн внимательным, оценивающим взглядом: меня поразило, что в ее светло-голубых глазах сквозило вполне определенное недружелюбие. Впрочем, мне это могло просто показаться. А может, в Карлотте заговорила профессиональная ревность. Джейн была популярной

актрисой, которая добилась всего, а мисс Адамс только начинала путь к славе.

Я перевел взгляд на трех остальных участников ужина. Кто такие супруги Уидберн? Он — высокий, страшно худой мужчина, она — светлая пухлая болтушка. По виду — обеспеченные люди. Оба страстно интересовались всем, что связано с театром, и не желали говорить на другие темы. Я долго отсутствовал в Англии и не был в курсе последних театральных событий, так что в конце концов миссис Уидберн, передернув пухлым плечиком, отвернулась от меня и совершенно забыла о моем существовании.

Последним участником вечеринки был спутник Карлотты Адамс, смуглый молодой человек с круглым бодрым лицом. Уже с первого взгляда я понял, что он навеселе. Теперь, когда он выпил шампанского, это стало еще более очевидным.

Похоже, у него совершенно отсутствовало чувство собственного достоинства. Первую половину ужина он хранил угрюмое молчание, зато к концу вечеринки принялся изливать мне душу, полагая, очевидно, что я один из его закадычных приятелей.

— Я вот что хочу сказать, — начал он. — Нет, старина, не то...

Язык его слегка заплетался.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал он. — Ты послушай. Вот взять, к примеру, эту девушку, которая, ну, в общем, во все вмешивается. Все только портит. Нет, я, конечно, не говорил ей ничего такого. Она все равно бы не послушала. Знаешь, родители-пуритане, «Мейфлауэр»^[21] и тому подобное. Да бог с ним, девушка-то неплохая. Так я вот что хочу сказать... э, на чем я остановился?

— Вы жаловались на трудности, — мягко подсказал я.

— Да, черт возьми, правильно. Деньги на эту вечеринку я был вынужден занять у своего портного. Очень любезный парень, этот портной. Я ему долги годами не отдаю. Так что нас теперь вроде как узы связывают. Нет ничего крепче уз, старина. Ты и я. Ты и я. А кстати, кто ты такой?

— Моя фамилия Гастингс.

— Да что ты говоришь! Я готов был поклясться, что ты Спенсер Джонс. Старина Спенсер Джонс. Я встретил его недавно на «Итон энд Херроу» и одолжил пятерку. Вот я и говорю, что все так похоже. Если бы мы были китайцами, то вообще друг друга не различали бы.

Он горестно покачал головой, потом неожиданно повеселел и выпил шампанского.

— По крайней мере, я не негр, — заявил он.

Эта мысль вызвала у молодого человека такой подъем, что он произнес несколько реплик более оптимистического характера.

— С другой стороны, — начал он, — да, если взглянуть с другой стороны. Очень скоро, ну, когда мне стукнет семьдесят пять или около этого, я стану богатым. Когда умрет мой дядя, я смогу отдать все долги портному.

Он радостно улыбнулся этой перспективе.

У молодого человека было круглое лицо и нелепые маленькие черные усики, которые выглядели на его лице чахлым оазисом в центре пустыни. Но все равно в нем было что-то чрезвычайно привлекательное.

Я заметил, что Карлотта Адамс время от времени смотрела в его сторону. Через какое-то время она встала, и вечеринка закончилась.

— Очень любезно с вашей стороны, что приняли мое приглашение, — сказала ей Джейн. — Я так люблю делать все экспромтом, не раздумывая. А вы?

— А я нет, — ответила мисс Адамс с едва заметным вызовом. — Я всегда все тщательно планирую. Зато потом не беспокоюсь.

— Ну, так или иначе, в вашем случае результаты себя оправдывают, — засмеялась Джейн. — Не помню, когда в последний раз я получала такое наслаждение, как на вашем представлении.

Лицо мисс Адамс смягчилось.

— Большое спасибо, — тепло поблагодарила она. — Мне так приятно слышать это от вас. Мне нужна поддержка. Да и кому она не нужна?

— Карлотта, — вмешался молодой человек с черными усиками, — пожми всем руки, поблагодари тетю Джейн за ужин и пойдем.

Ему с большим трудом удавалось идти не качаясь. Карлотта быстро последовала за ним.

— Кто это назвал меня тетей Джейн? — спросила леди Эдвер. — Как он сюда попал? Я его прежде не встречала.

— Дорогая, не обращайтесь внимания, — сказала миссис Уидберн. — Этот джентльмен когда-то учился в Оксфорде, подавал большие надежды в Драматическом обществе. Не скажешь, правда? Жаль, что из него ничего не вышло. Но нам с Чарльзом пора идти.

И Уидберны ушли вместе с Брайеном Мартином.

— Ну, мистер Пуаро?

— Eh bien^[22], леди Эдвер? — улыбнулся мой друг.

— Ради бога, не называйте меня так. Дайте мне забыть эту фамилию, если только вы не самый бессердечный человек во всей Европе.

— Что вы, нет. Я не бессердечный.

Я подумал, что последний бокал шампанского был для Пуаро, видимо, лишним.

— Так вы поговорите с моим мужем? Заставите его сделать то, что я хочу?

— Я встречусь с ним, — осторожно пообещал Пуаро.

— Если он откажется, а он наверняка откажется, вы придумаете какой-нибудь план. Говорят, вы самый умный человек в Англии, мистер Пуаро?

— Мадам, когда вы говорили о бессердечности, то это была Европа, а когда вы заговорили про ум, то это только Англия.

— Если вам удастся выполнить мою просьбу, я готова назвать даже Вселенную!

Пуаро сделал нетерпеливый жест.

— Мадам, я ничего не обещаю. Но мне было бы интересно оценить вашего супруга с точки зрения психологии. Я приложу все усилия, чтобы встретиться с ним.

— Психоанализируйте его сколько хотите. Может, это пойдет ему на пользу. Только убедите его в необходимости развода. Я хочу спасти свой роман, мистер Пуаро.

И она добавила мечтательно:

— Какая это будет сенсация.

3. Человек с золотым зубом

Несколько дней спустя во время завтрака Пуаро передал мне письмо, которое только что получил:

— Взгляните, *mon ami*, и скажите, что вы об этом думаете.

Письмо было от лорда Эдвера. Сухим официальным языком в нем сообщалось, что лорд Эдвер примет Пуаро на следующий день в одиннадцать часов утра. Должен сказать, что я очень удивился. Я не принял всерьез обещание моего друга, данное мисс Джейн во время той беззаботной вечеринки в отеле «Савой». Я и не знал, что он уже предпринял шаги, чтобы выполнить свое обещание.

Сообразительный Пуаро как будто читал мои мысли:

— Ну, конечно, *mon ami*, вы думаете, что это шампанское развязало мне язык в тот вечер.

— Вовсе нет.

— Да, да. Вы подумали: вот, мол, Пуаро наобещал бог знает чего на том развеселом ужине, а сам и не думает выполнять. Но знайте, мой друг: обещания Эркюля Пуаро святы!

Произнося последнюю фразу, он принял торжественный вид.

— Конечно, конечно. Знаю, — торопливо согласился я. — Просто я думал, что леди Эдвер, как бы это сказать, на вас слегка повлияла.

— Никто и ничто не может на меня повлиять, Гастингс. Ни лучшее сухое шампанское, ни самые соблазнительные женщины с золотистыми волосами не могут воздействовать на Эркюля Пуаро. Нет, *mon ami*, я согласился, потому что мне самому интересно. Вот и все.

— Вы заинтересовались любовными делами Джейн Уилкинсон?

— Не совсем так. Ее, как вы изволили выразиться, любовные дела — вполне заурядное явление. Это просто эпизод в жизни преуспевающей женщины. Если бы герцог Мертон не имел ни титула, ни денег, то его романтическая внешность мечтательного монаха вряд ли привлекла бы леди Эдвер. Нет, Гастингс, меня интересует психологический аспект этого дела. Столкновение двух характеров. Я весьма рад возможности взглянуть на лорда Эдвера поближе.

— Но вы не надеетесь, что вам удастся выполнить просьбу его супруги?

— *Pourquoi pas?*^[23] У каждого человека есть слабости. Не думайте, Гастингс, что если это дело интересует меня с психологической точки

зрения, то я не попытаюсь выполнить возложенную на меня миссию. Мне всегда приятно применить свои способности на практике.

Я испугался, что сейчас Пуаро опять начнет разглагольствовать о маленьких серых клеточках, но, к счастью, он этого не сделал.

— Значит, завтра мы едем к лорду Эдверу? — спросил я.

— Мы? — поднял брови мой друг.

— Пуаро! — воскликнул я. — Вы не можете оставить меня в стороне! Я всегда с вами.

— Если бы это было преступление, ну, например, загадочное отравление, убийство — словом, все, что приводит вас в трепет, тогда бы я с вами согласился. Но в данном случае дело скорее относится к области светской хроники.

— Ни слова больше! — решительно заявил я. — Я еду с вами.

Пуаро тихо засмеялся, и в этот момент нам сообщили, что пришел какой-то джентльмен.

К нашему удивлению, это был Брайен Мартин. При дневном свете знаменитый актер выглядел старше. Мартин был в нервном, возбужденном состоянии, и у меня промелькнула мысль, что он, возможно, принимает наркотики.

— Доброе утро, мистер Пуаро, — начал он бодрым тоном. — Я вижу, вы завтракаете. Очень рад, что вы уже встали. Видимо, вы заняты сейчас?

— Нет, — дружески улыбнулся ему мой друг. — В настоящее время у меня нет ни одного мало-мальски важного дела.

— Рассказывайте, — засмеялся Мартин. — Неужели вас больше не беспокоит Скотленд-Ярд? И нет никаких деликатных просьб от королевской семьи? Не верю.

— Не выдавайте желаемое за действительное, — шутливо ответил Пуаро. — Уверяю вас, что сейчас я совершенно безработный, хотя и не получаю пока пособия, Dieu merci^[24].

— Значит, мне повезло, — заявил актер. — Может быть, вы согласитесь взяться за мое дело.

Пуаро задумчиво посмотрел на гостя.

— У вас для меня есть дело?

— Ну... можно сказать, есть, а можно сказать, нет.

На этот раз его смех прозвучал натянуто. Пуаро предложил актеру сесть, все так же задумчиво глядя на него. Я пересел поближе к моему другу.

— Теперь мы готовы выслушать вас, — объявил Пуаро.

Брайен Мартин все еще колебался.

— Беда в том, что я не могу рассказать вам всего, — он задумался. — Трудно. Все это началось в Америке.

— В Америке, да?

— Я ехал в поезде и совершенно случайно обратил внимание на одного мужчину. Страшно некрасивый тип, чисто выбритый, в очках и с золотым зубом.

— Ага! С золотым зубом.

— Именно так. С этого все и началось.

— Я начинаю понимать, — кивнул Пуаро. — Продолжайте.

— Ну так вот. Я просто обратил на него внимание, и все. Кстати, тогда я ехал в Нью-Йорк. Полгода спустя я был в Лос-Анджелесе и опять увидел этого человека. Не знаю, как уж так получилось, но факт остается фактом. И все же я решил не беспокоиться.

— Продолжайте.

— Месяц спустя я поехал по делам в Сиэтл и вскоре встретил там — кого бы вы думали? Того же самого мужчину, *только на этот раз у него была борода.*

— Действительно интересно.

— Вы находите? Конечно, и на этот риз я подумал, что ко мне это не имеет никакого отношения. Потом я опять встретил этого человека в Лос-Анджелесе без бороды, в Чикаго я видел его с усами и наклеенными бровями, в одной деревушке в горах я заметил его переодетым бродягой. Я начал беспокоиться.

— Естественно.

— И наконец он начал ходить за мной, что называется, по пятам. Как это ни странно, но в этом нет ни малейшего сомнения.

— Исключительно интересно.

— Правда? Вот тогда я и понял, что за мною следят. Где бы я ни находился, всегда поблизости был этот человек, все время менявший внешность. К счастью, золотой зуб всегда выдавал его.

— Ага! Этот золотой зуб помогал вам.

— Очень.

— Извините, что перебиваю вас, мистер Мартин. Вы пытались заговорить с этим человеком? Выяснить, почему он преследует вас?

— Нет, не пытался, — актер заколебался. — Пару раз я хотел подойти к нему, но каждый раз передумывал. Я решил, что просто насторожу его и ничего не выясню. Возможно, после этого они заставили бы следить за мной кого-нибудь другого, без такого заметного признака.

— En effet^[25] кого-нибудь без этого примелькавшегося золотого зуба.

— Именно так. Может быть, я ошибаюсь, но это мое мнение.

— Мистер Мартин, вы сказали «они». Кого вы имеете в виду?

— Я просто употребил это слово для удобства. Не знаю почему, но мне кажется, что за этим человеком стоят какие-то люди.

— У вас есть основания так думать?

— Никаких.

— Вы хотите сказать, что у вас нет никаких предположений насчет того, кто и с какой целью?

— Ни малейшего понятия. По крайней мере...

— Continuez^[26], — подбодрил Пуаро.

— У меня появилось одно предположение, — медленно сказал Брайен Мартин, — но имейте в виду, что это просто догадка.

— Иногда догадка может очень помочь, мосье.

— Года два назад в Ловдоне со мной произошел один случай. В общем-то ничего особенного, но я не смог ни объяснить, ни забыть этот инцидент. С тех пор я часто ломал голову, но поскольку так и не смог найти ему объяснения, то склонен думать, что слезка за мной как-то с ним связана. Но как и почему — не имею ни малейшего понятия.

— Может, я смогу вам помочь.

— Да, но видите ли... — снова замялся Брайен Мартин. — Беда в том, что я не могу рассказать вам об этом сейчас. Через несколько дней я, наверное, смогу это сделать.

Пуаро вопросительно смотрел на актера, и тот вынужден был продолжать.

— Видите ли, здесь замешана женщина, — выпалил он в отчаянии.

— Ah! Parfaitement!^[27] Англичанка?

— Да. А как вы догадались?

— Очень просто. Вы не можете сказать мне сейчас, но надеетесь сделать это через несколько дней. Значит, вы хотите получить согласие этой леди. Следовательно, она в Англии. В то время, когда за вами следили, она также наверняка была в Англии, потому что, если бы она находилась в Америке, вы бы уже тогда попросили разрешения назвать ее имя при возможном расследовании. Логично?

— Вполне. А теперь скажите, мистер Пуаро, если я получу ее разрешение, вы займетесь этим делом?

Пуаро не ответил. Видно, он взвешивал все за и против. Наконец он сказал:

— Почему вы пришли сначала ко мне, а не к той леди?

— Ну, я считал... — актер заколебался. — Я хотел убедить ее... э... прояснить... то есть я хотел сказать, чтобы она разрешила с вашей помощью... В общем, я хотел заручиться вашим согласием, потому что если за дело возьметесь вы, то это не делается достоянием публики, правда?

— Это зависит от разных обстоятельств, — ответил мой ДРУГ.

— Что вы имеете в виду?

— Если это дело связано с преступлением...

— О! Оно не связано с преступлением.

— Вы не знаете. Может, и связано.

— Но вы приложите все усилия ради нее... ради нас?

— Разумеется.

Пуаро помолчал, потом спросил:

— Скажите, этому человеку, который следил за вами, сколько ему было лет?

— Довольно молодой. Около тридцати.

— Ага! — произнес Пуаро. — Замечательно. Это делает задачу более интересной.

И я и Брайен Мартин с недоумением посмотрели на Пуаро. Я был уверен, что и актер не понял последней реплики моего друга. Мартин перевел на меня вопросительный взгляд. Я покачал головой.

— Да, — пробормотал Пуаро. — Дело становится более интересным.

— Может быть, он и старше, — с сомнением добавил Брайен, — но не думаю.

— Нет, нет, я уверен, что ваши наблюдения вполне точны, мистер Мартин. Очень интересно. Исключительно интересно.

Удивленный загадочными словами Пуаро, наш гость, похоже, не знал, что ему говорить или делать дальше. Он предпринимал отчаянные попытки продолжить беседу.

— А замечательно все-таки прошел у нас тот вечер, — сказал он. — Правда, Джейн Уилкинсон самая своенравная женщина, которая когда-либо жила на свете.

— У нее весьма своеобразные умственные способности, — улыбнулся Пуаро. — Если ей приходит в голову какая-то идея, то для других мыслей там просто нет места.

— Ей все сходит с рук! — воскликнул Мартин. — Не могу понять, как люди это терпят.

— Красивой женщине можно многое простить, мой друг, — заметил Пуаро с озорным огоньком в глазах. — Вот если бы у нее был

приплюснутый нос, нездоровый цвет лица, неухоженные волосы, тогда ей ничего бы не «сходило с рук», как вы изволили выразиться.

— Видимо, да, — согласился актер. — Но иногда это так раздражает. И все равно я предан Джейн, хотя кое в чем, учтите, считаю, она чуть-чуть «того».

— Наоборот, я сказал бы, что она довольно неплохо ориентируется во многих вопросах.

— Я не совсем это имел в виду. Да, она может постоять за себя. У нее хорошая деловая хватка. Но я хотел сказать — с точки зрения морали.

— Ага! Морали!

— Для нее нет никаких нравственных запретов, нет понятий «хорошо» и «плохо».

— Да, я помню, вы говорили что-то в этом роде в тот вечер.

— Мы только что говорили о преступлении...

— И что же, мой друг?

— Так вот: меня совсем не удивило бы, если бы Джейн совершила преступление.

— Вам, конечно, виднее, — задумчиво пробормотал Пуаро. — Вы много снимались с ней в кино, не правда ли?

— Да. Можно сказать, я вижу ее насквозь. Она может убить — и сделает это без малейших угрызений совести.

— Ага! Ее легко вывести из себя?

— Вовсе нет. Она холодна, как огурец. Я имею в виду, что если кто-то встанет на ее пути — она уберет его не задумываясь. И с моральной точки зрения ее нельзя винить: она просто считает, что тот, кто мешает Джейн Уилкинсон, должен умереть.

В его словах послышалась горечь. Я подумал, что у Мартина связаны с этой женщиной какие-то неприятные воспоминания.

— Так вы считаете, что она может пойти на убийство? — спросил Пуаро, пристально глядя на актера.

Брайен глубоко вздохнул:

— Клянусь, может. И может быть, очень скоро вы припомните мои слова... Видите ли, она убьет с такой же легкостью, с какой выпьет чашку чая. Я знаю, что говорю.

— Вижу, что знаете, — спокойно произнес Пуаро.

Актер встал.

— Да, — произнес он. — Вижу ее насквозь.

Он постоял минуту нахмурившись, потом другим тоном добавил:

— Что касается дела, о котором мы говорили, то через несколько дней

я дам вам знать, согласна ли та леди. Но вы возьметесь за него, да?

Пуаро некоторое время молча смотрел на собеседника.

— Да, — сказал он наконец, — возьмусь. Я нахожу его весьма интересным.

Последние слова он произнес каким-то особенным тоном. Я проводил Мартина. У двери он спросил:

— Вы поняли, почему мистер Пуаро поинтересовался возрастом человека, следившего за мной? И что здесь такого, если ему тридцать лет? Я совсем ничего не понял.

— Я тоже, — признался я.

— Похоже, что это его замечание не имеет никакого смысла. Или он просто пошутил?

— Нет, — возразил я, — Пуаро не такой. Уж поверьте, раз он сказал, что возраст имеет значение, значит, так оно и есть.

— Ничего не понимаю, черт побери. Рад, что и вы тоже, а то неприятно чувствовать себя круглым дураком.

И он ушел. Я вернулся к своему другу.

— Пуаро, объясните, почему возраст того человека имеет для вас значение? — попросил я.

— Разве вы не видите? Бедный Гастингс! — он улыбнулся и покачал головой. — Какого вы мнения о нашей беседе?

— Я не могу пока ничего сказать. Трудно за что-либо зацепиться. Если бы мы знали больше...

— А разве на основании того, что он нам рассказал, вы не можете уже сделать кое-какие выводы, *top ami*?

Мне было стыдно признаться, что я не могу сделать абсолютно никаких выводов. К счастью, меня спас телефонный звонок. Я взял трубку.

— Говорит секретарь лорда Эдвера, — услышал я сухой, официальный женский голос. — Лорд Эдвер сожалеет, но он вынужден отменить назначенную на завтра встречу с мистером Пуаро, так как срочно уезжает в Париж. Но лорд Эдвер может уделить мистеру Пуаро несколько минут сегодня в двенадцать пятнадцать, если это будет удобно.

Я спросил Пуаро.

— Конечно, мой друг, поедем сегодня.

Я повторил его ответ секретарше.

— Очень хорошо. Значит, сегодня в двенадцать пятнадцать, — сказала женщина тем же сухим деловым тоном и повесила трубку.

4. Беседа с лордом Эдвером

Я ехал на Риджент-гейт, где находился дом лорда Эдвера, предвкушая интересную встречу. Хотя я и не разделял увлечения Пуаро «психологией», те слова, которыми леди Эдвер описала своего супруга, возбудили мое любопытство. Мне не терпелось самому составить мнение об этом человеке.

Дом выглядел весьма внушительно: прекрасно спланированный, красивый, без архитектурных излишеств, но несколько угрюмый. Мы ожидали, что нас встретит солидный седовласый слуга под стать внешнему виду особняка. Но нет, дверь быстро открылась, и на пороге показался один из самых красивых людей, которых мне когда-либо приходилось видеть. Высокий, белокурый, он вполне мог бы позировать скульптору, решившему создать фигуру Гермеса или Аполлона. Несмотря на мужественную красоту, в его голосе слышались какие-то женственно-нежные нотки, и мне это не понравилось. У меня появилось любопытное чувство: этот человек напомнил мне кого-то, кого я встречал совсем недавно, но как я ни напрягал память, не мог вспомнить где и когда.

Мы спросили о лорде Эдвере.

— Сюда, господа.

Слуга провел нас через просторную прихожую мимо лестницы на второй этаж, открыл дверь одной из комнат и тем же нежным голосом, которому я инстинктивно не доверял, объявил о нашем приходе.

Комната, в которую нас пригласили, служила библиотекой. Мебель была темной, мрачной, но красивой, стены заставлены книгами. Кресла показались мне не слишком удобными.

Навстречу нам поднялся лорд Эдвер, высокий человек лет пятидесяти с темными волосами, кое-где тронутыми сединой. У него было худощавое лицо и насмешливый рот. Глаза его имели странное выражение, как будто скрывали какую-то тайну. Похоже, лорд Эдвер был не в настроении.

Он сдержанно, официально приветствовал нас.

— Я, конечно, слышал о вас, мистер Пуаро. Да и кто о вас не знает?

Пуаро кивком поблагодарил за комплимент.

— Но я не могу понять, — продолжал лорд Эдвер, — какую роль играете вы сейчас? Вы пишете, что хотели бы поговорить со мной по поручению... э... моей жены.

Он произнес два последних слова так, как будто они дались ему с

трудом.

— Совершенно верно, — подтвердил Пуаро.

— Насколько я понимаю, вообще-то вы расследуете преступления, мистер Пуаро?

— Я расследую разные дела. Конечно, некоторые из них бывают связаны с преступлениями. А некоторые — нет.

— Разумеется. Ну а это, которым вы занялись сейчас, к какой отнести категории? — в словах лорда Эдвера отчетливо прозвучала насмешка, но мой друг не обратил на это внимания.

— Я имею честь обратиться к вам от имени леди Эдвер, — заявил он. — Она, как вы знаете, желает получить развод.

— Я в курсе, — холодно заметил лорд Эдвер.

— Она предложила мне обсудить эту проблему с вами.

— Нечего здесь обсуждать.

— Значит, вы отказываетесь дать развод?

— Отказываюсь? Конечно нет.

Пуаро ожидал чего угодно, но только не такого ответа. Я редко видел своего друга таким озадаченным. На него было смешно смотреть: от удивления он приоткрыл рот, а его брови поползли вверх. В тот миг он напоминал карикатуру на самого себя.

— Comment? — воскликнул он. — Что вы сказали? Вы не отказываетесь?

— Не могу понять, чем вызвано ваше удивление, мистер Пуаро.

— Escoutez^[28], вы готовы дать развод вашей жене?

— Конечно. И она об этом прекрасно знает. Я написал ей об этом в письме.

— Вы написали ей письмо?

— Да. Еще полгода назад.

— Но тогда я совершенно ничего не понимаю!

Лорд Эдвер промолчал.

— Мне сказали, что вы из принципа не согласны на развод.

— Мои принципы не должны вас касаться, мистер Пуаро. Своей первой жене я не дал развода, это правда. Мои взгляды не позволили мне сделать это. А второй брак, честно скажу вам, был ошибкой. Когда моя вторая жена предложила развестись, я наотрез отказался. Полгода назад она снова затронула эту тему в письме. Как я понял, она хочет выйти замуж за какого-то артиста или кого-то в этом роде. К тому времени мои взгляды изменились. Я написал ей в Голливуд и выразил согласие. Не могу понять, почему она прислала вас. Наверное, дело в деньгах.

Губы лорда Эдвера исказила презрительная усмешка.

— Чрезвычайно интересно, — пробормотал Пуаро. — Чрезвычайно. Но я ничего не понимаю.

— Что касается денег, — продолжал лорд Эдвер, — то я и пальцем не шевельну, чтобы выплатить ей хоть что-нибудь. Моя жена бросает меня по собственной инициативе. Если она хочет выйти замуж за кого-то, я предоставляю ей полную свободу действий. Но она не получит от меня ни пенни.

— Этот вопрос она не затрагивала.

Брови лорда Эдвера удивленно приподнялись.

— Видно, Джейн выходит замуж за богатого человека, — пробормотал он с циничной усмешкой.

— И все-таки я здесь чего-то недопонимаю, — заявил Пуаро. Лицо моего друга по-прежнему выражало недоумение, на лбу собрались морщины. — Я считал, что леди Эдвер неоднократно обращалась к вам через своих адвокатов.

— Обращалась, — сухо подтвердил лорд Эдвер. — Через английских адвокатов, американских адвокатов, через любых адвокатов, вплоть до последнего замухрышки. В конце концов, как я уже сказал, она написала мне сама.

— По причине ваших неоднократных отказов?

— Да.

— Но, получив ее письмо, вы согласились на развод. Почему, лорд Эдвер?

— Во всяком случае, не из-за того, что в письме было что-то компрометирующее, — резко ответил он. — Просто мои взгляды изменились, вот и все.

— Что-то очень уж неожиданно они у вас изменились.

Лорд Эдвер не ответил.

— Так что же произошло? Что заставило вас изменить своим принципам?

— Это вас не касается, мистер Пуаро. Я не буду говорить на эту тему. Может быть, я увидел преимущества, которые принесет мне разрыв этого, простите, униженного союза. Второй брак был ошибкой.

— Ваша жена тоже так считает, — мягко заметил Пуаро.

— Правда? — в глазах лорда Эдвера появился и сразу же пропал странный блеск.

Он поднялся, давая нам понять, что разговор окончен. Его официальная манера несколько смягчилась.

— Вы должны простить меня за то, что я изменил время нашей встречи. Завтра я должен ехать в Париж.

— Ничего, ничего.

— Там состоится продажа предметов искусства. Мне понравилась одна статуэтка. По-своему замечательная работа, хотя многие, наверное, найдут тему чересчур мрачной. Но мне такие всегда нравились. У меня вообще своеобразный вкус.

И опять у нашего собеседника появился в глазах тот же странный блеск. Я рассматривал книги на ближних полках. Здесь были «Мемуары Казановы», том сочинений маркиза де Сада, книга о средневековых пытках.

Я вспомнил, как Джейн Уилкинсон передернула плечами, когда говорила о своем муже. Да, то было вполне искреннее отвращение. Кто же такой этот Джордж Альфред сент Винцент Марш, четвертый барон Эдвер?

Он вежливо попрощался с нами и нажал кнопку звонка. Мы вышли из библиотеки. Тот же слуга с внешностью греческого бога ждал в прихожей. Закрывая дверь библиотеки, я обернулся и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Лорд Эдвер смотрел нам вслед. Его улыбка трансформировалась в чудовищную гримасу: зубы были оскалены, глаза горели яростью, почти безумным бешенством. Теперь я понял, почему лорда Эдвера покинули обе жены. Я восхитился его железной выдержкой: с какой холодной вежливостью он вел себя во время нашей беседы, не выдав своих чувств абсолютно ничем!

Мы подошли к выходу. Неожиданно справа от нас открылась дверь одной из комнат, и на пороге показалась девушка. Заметив нас, она отпрянула.

Это было высокое стройное создание с темными волосами и бледным лицом. На какой-то миг наши взгляды встретились. У нее были черные испуганные глаза. Потом, как привидение, девушка исчезла в комнате, прикрыв за собой дверь.

Секунду спустя мы были на улице. Пуаро подозвал такси. Мы сели, и мой друг приказал водителю отвезти нас в отель «Савой».

— Ну что ж, Гастингс, наша беседа прошла вовсе не так, как я предполагал, — констатировал Пуаро.

— Да, действительно. Какой все-таки странный человек этот лорд Эдвер.

Я рассказал Пуаро, какое жуткое выражение увидел на лице лорда Эдвера, когда обернулся, чтобы закрыть дверь библиотеки. Мой друг медленно, задумчиво покачал головой.

— Похоже, что этот человек находится на грани безумия. Я полагаю, что он предается втайне многим садистским порокам и что под его холодной безукоризненной внешностью скрывается глубоко укоренившаяся жестокость.

— Неудивительно, что обе женщины бросили его.

— Согласен.

— Пуаро, а вы заметили девушку? Такую бледную, с темными волосами?

— Заметил, топ амі. Несчастливая испуганная юная леди, — голос моего друга был серьезен.

— Как вы думаете, кто она?

— Наверное, его дочь. У него ведь есть дочь.

— Она действительно выглядела испуганной, — согласился я. — В таком мрачном доме ей, видно, не по себе.

— Конечно. Ну вот мы и прибыли, топ амі. Давайте познакомим с хорошей новостью леди Эдвер.

Джейн была у себя. Служащий известил ее по телефону о нашем прибытии, и она ответила, что ждет нас. Мальчик-рассыльный проводил нас до двери ее номера.

Дверь открыла аккуратно одетая женщина средних лет в очках. Ее седые волосы были уложены в строгую прическу. Из спальни раздался хрипловатый голос Джейн:

— Эллис, это мистер Пуаро? Пусть присядет. Я наброшу что-нибудь и выйду через минуту.

Это «что-нибудь» оказалось тончайшей накидкой, открывавшей взору гораздо больше, чем прятанной. Войдя в комнату, Джейн воскликнула:

— Мистер Пуаро! Как хорошо!

Пуаро встал и поклонился:

— «Хорошо» — самое подходящее в данном случае слово, мадам.

— Э... что вы имеете в виду?

— То, что лорд Эдвер совершенно не возражает против развода.

— Что?!

Одно из двух: или изумление на лице Джейн было неподдельным, или мы имели дело с великолепной актрисой.

— Мистер Пуаро! Вам удалось! Сразу же! Так просто! Ну, вы гений! Ради бога, скажите, как это у вас получилось?

— Мадам, я не могу принять комплименты, если я их не заслужил. Полгода назад ваш муж написал вам о своем согласии на развод.

— Что вы сказали? *Написал мне?* Куда?

— Я так понимаю, это было тогда, когда вы находились в Голливуде.

— Не получала я никакого письма. Наверное, затерялось где-нибудь. Подумать только: все это время я чуть с ума не сходила, переживала, думала, как быть.

— Лорд Эдвер считает, что вы хотите выйти замуж за актера.

— Правильно. Я сама сказала ему об этом, — она по-детски улыбнулась. Неожиданно на лице Джейн появилось выражение тревоги. — Мистер Пуаро, вы не сказали ему о герцоге Мертоне?

— Нет, нет, будьте спокойны. Я благоразумно промолчал. Этого не надо было делать, да?

— Видите ли, у лорда Эдвера очень злобная натура. Он бы почувствовал, что если я выйду замуж за Мертон, то ничего не потеряю, и постарался бы расстроить мои планы. А какой-то актер — это совсем другое. Но я все равно удивлена. Да, да. А ты, Эллис?

Хотя во время нашего разговора служанка несколько раз уходила в спальню, чтобы унести одежду, разбросанную по спинкам кресел, у меня сложилось впечатление, что она слушает, о чем мы беседуем. Видимо, Джейн абсолютно ей доверяла.

— Да, действительно, миледи. Их светлость, видно, сильно изменились с тех пор, — язвительно заметила служанка.

— Наверное.

— Вы не можете понять столь резкой перемены в вашем супруге? Вас это удивляет? — спросил Пуаро.

— О да. Но в любом случае не стоит беспокоиться. Не все ли равно, почему он изменил свои взгляды. Главное, что он их изменил.

— Вам, может быть, и не интересно, а мне — очень, мадам.

Джейн не обратила на его слова никакого внимания.

— Главное, что я наконец свободна.

— Пока еще нет, мадам.

Она нетерпеливо взглянула на моего друга.

— Ну, буду свободна. Не все ли равно?

По виду Пуаро можно было заключить, что это не все равно.

— Герцог в Париже, — объявила Джейн. — Я должна дать ему телеграмму. О, его мамочка сойдет с ума!

— Я рад, что все выходит так, как вы хотите, мадам, — Пуаро встал.

— До свиданья, мистер Пуаро, и огромное вам спасибо.

— Но я ничего такого не сделал.

— По крайней мере, принесли мне добрую весть. Я так благодарна вам. Честное слово.

— Ну вот и все, — сказал Пуаро, когда мы вышли из номера. — Только о себе! Ни одной мысли, ни даже простого любопытства, куда девалось письмо. Вы заметили, Гастингс, она чрезвычайно умна в житейских делах, но абсолютно лишена интеллекта. Что поделаешь, бог не может одарить всем сразу.

— Это не относится к Эркюлю Пуаро, — заметил я лукаво.

— Опять вы смеетесь надо мной, — безмятежно сказал мой друг. — Давайте пойдем по набережной. Я хочу привести в порядок свои мысли.

Я хранил благоразумное молчание, пока оракул не заговорил.

— Это письмо не дает мне покоя, — начал Пуаро, когда мы неспешно шли над рекой. — Может быть четыре объяснения его исчезновения.

— Даже четыре?

— Да. Первое: письмо затерялось на почте. Такое, как вы знаете, случается, хотя и не часто. Если бы адрес был написан неправильно, оно давно бы вернулось к лорду Эдверу. Нет, я склонен исключить это предположение, хотя, конечно, оно может быть и верным.

Второе: наша прекрасная леди лжет, что не получала никакого письма. Это вполне возможно, поскольку леди Эдвер может сказать для своей пользы любую неправду, сохраняя при этом по-детски невинный вид. Но я не понимаю, Гастингс, какая ей от этого польза? Если она знает, что он даст ей развод, зачем просить помощи у меня? Это бессмысленно.

Третье предположение. Лжет лорд Эдвер. И скорее всего говорит неправду он, а не его жена. Но опять-таки я не вижу в этом смысла. Зачем изобретать фиктивное письмо, посланное якобы полгода назад? Нет, я склонен думать, что он действительно послал письмо, хотя я не могу понять, чем вызвана такая неожиданная перемена его взглядов.

И вот мы пришли к четвертому предположению. Кто-то мог перехватить письмо. Вот здесь, Гастингс, мы вступаем в очень интересную полосу размышлений, так как письмо могло быть перехвачено и в Америке и в Англии.

Тот, кто это сделал, не заинтересован в расторжении брака Джейн Уилкинсон и лорда Эдвера. Гастингс, я много бы дал за то, чтобы узнать, что за этим скрывается. Клянусь вам, здесь что-то есть.

Он помолчал немного, потом медленно добавил:

— Это «что-то» я пока смог увидеть лишь краем глаза.

5. Убийство

Утром следующего дня, в полдесятого, нам сообщили, что приехал инспектор Джепп, который срочно хочет поговорить с мистером Пуаро.

— Ah! Ce bon Japp^[29], — сказал Пуаро. — Интересно, что ему понадобилось?

— Помощь! — воскликнул я. — У него что-то не ладится, вот он и пришел к вам.

Я относился к Джеппу не так снисходительно, как мой друг: инспектор Скотленд-Ярда постоянно присваивал себе его мысли. Пуаро это льстило, а меня, наоборот, раздражало, ведь Джепп делал вид, что ничего подобного не происходит. Не люблю, когда люди лицемерят. Я сказал об этом Пуаро, и он рассмеялся.

— Вы такой принципиальный, да, Гастингс? Но не следует забывать, что бедный Джепп вынужден спасать свою репутацию. Вот он и притворяется, что ничего такого нет. Это вполне естественно.

Я ответил Пуаро, что глупо быть таким великодушным, но мой друг не согласился.

— Внешняя форма — это *bagatelle*^[30], но люди обращают на нее внимание. Она позволяет им тешить свое *amour propre*^[31].

Лично я считал, что самоуверенному инспектору было бы полезно чувствовать время от времени хотя бы маленький комплекс неполноценности. Но я решил не спорить. Кроме того, мне поскорей хотелось услышать, зачем пришел Джепп.

Он сердечно поздоровался с нами.

— Я вижу, вы завтракаете. Ну что, мистер Пуаро, вы не встречали еще кур, которые несли бы стандартные яйца? — пошутил инспектор.

(Однажды Пуаро пожаловался ему на то, что все куриные яйца имеют почему-то различные размеры. Любовь моего друга к симметрии и порядку была поистине невероятной.)

— Пока нет, — улыбнулся Пуаро. — Мой добрый Джепп, что привело вас сюда в столь ранний час?

— Для меня не столь ранний. Я уже два часа, как на ногах. А привело меня сюда убийство.

— Убийство?

— Именно, — кивнул Джепп. — Лорд Эдвер убит у себя в доме на Риджент-гейт. Жена ударила его ножом в шею.

— Жена? — воскликнул я.

В тот же миг я вспомнил слова Брайена Мартина, сказанные им накануне. Неужели он предвидел, что такое может случиться? Я припомнил, с какой легкостью Джейн говорила о том, что может «прикончить» своего супруга. Брайен Мартин сказал, что для нее нет моральных запретов. Да, именно так. Бездушная, самолюбивая, глупая — как точно он охарактеризовал ее.

Пока эти мысли проносились у меня в голове, Джепп продолжал:

— Вы ее знаете. Популярная актриса Джейн Уилкинсон. Вышла за него замуж три года назад. Но они не ужились, и она бросила лорда Эдвера. Пуаро слушал с озабоченным видом. Лицо его выражало недоумение.

— А почему вы думаете, что убила она?

— Не думаю, а знаю. Ее опознали свидетели. Да она и не очень-то маскировалась. Подъехала в такси...

— В такси... — как эхо повторил я. Слова Джейн, сказанные в тот вечер в отеле, снова всплыли в моей памяти.

— ...Позвонила и спросила, дома ли лорд Эдвер. Было десять часов вечера. Слуга ответил, что сейчас посмотрит. «Не стоит, — хладнокровно говорит она. — Я — леди Эдвер. Он наверняка в библиотеке». Потом она хладнокровно идет в библиотеку и закрывает за собой дверь.

Слуга подумал, что все это довольно странно, но не стал ничего предпринимать. Минут через десять он услышал, как хлопнула входная дверь. Так что леди Эдвер оставалась в доме недолго. Около одиннадцати часов вечера слуга закрыл входную дверь на замок. Потом заглянул в библиотеку, но там было темно, и он решил, что хозяин пошел спать. Утром служанка обнаружила тело. Удар был нанесен в шею, как раз в том месте, где начинают расти волосы.

— Лорд Эдвер не кричал? Никто ничего не слышал?

— Говорят, что нет. Знаете, дверь в этой библиотеке плохо пропускает звук. К тому же шум транспорта. Лезвие вошло в какую-то там цистертию, а потом проникло в костный мозг. Так сказал доктор. После этого удара смерть наступила чрезвычайно быстро. Если ударить ножом в строго определенное место, смерть наступает мгновенно.

— Значит, убийца должен был точно знать, куда ударить. Для этого, вероятно, надо обладать медицинскими знаниями.

— Верно. Это единственное очко в ее пользу. Но ставлю десять против одного, что это чистая случайность. Она нечаянно попала в нужное место. Простое везение.

— Вряд ли можно назвать везением смертную казнь через

повешение, — заметил Пуаро.

— Согласен. Конечно, она сделала глупость. Убила его несколько не скрываясь, назвала свое имя и все такое.

— Действительно, очень любопытно.

— Возможно, сначала она не хотела его убивать. Но потом они поссорились, она выхватила перочинный нож и ударила его.

— Так это был перочинный нож?

— По крайней мере, что-то в этом роде. Так сказал доктор. Все равно леди Эдвер забрала нож с собой, потому что в ране его не было.

Пуаро недовольно покачал головой.

— Нет, нет, мой друг, все было не так. Я знаю эту женщину. Она не из тех, кто теряет голову в подобных ситуациях. К тому же откуда у нее мог оказаться под рукой нож? Вряд ли кто из женщин будет носить с собой перочинный нож, и уж конечно не Джейн Уилкинсон.

— Так вы говорите, что знаете ее, мистер Пуаро?

— Да, знаю, — коротко ответил мой друг.

Некоторое время Джепп вопросительно смотрел на него.

— Так, может быть, вам уже кое-что известно? — наконец осмелился спросить инспектор.

— Что привело вас ко мне? — осведомился Пуаро. — Желание поболтать со старым другом? Конечно, нет. У вас на руках несомненное убийство. Вы знаете имя преступника. У вас есть мотив преступления. А каков, кстати, этот мотив?

— Она хотела выйти замуж за другого человека. Люди слышали, как она говорила об этом меньше недели назад. Слышали также, как она грозилась: приеду, мол, на такси к лорду Эдверу и прикончу его!

— Ага! Вы отлично информированы. Замечательные сведения, — констатировал Пуаро. — Кто-то очень любезно сообщил вам массу полезных фактов.

Мне показалось, что в словах моего друга прозвучал скрытый вопрос, но, даже если и так, инспектор не ответил.

— Все знать — наша профессия, — бесстрастно сказал он.

Пуаро кивнул. Он взял со стола газету, которую Джепп, несомненно, просматривал, пока ждал нас, и которую он нетерпеливо отбросил при нашем появлении. Пуаро машинально сложил ее и разгладил. Хотя взгляд его был устремлен на газетный лист, мозг напряженно работал над какой-то загадкой.

— Вы не ответили, — вновь обратился Пуаро к инспектору, — почему вы пришли, если это дело не представляет никакой сложности?

— Потому что я узнал о вашем вчерашнем визите на Риджент-гейт.

— Ясно.

— Когда я услышал об этом, я сказал себе: здесь что-то не то. Лорд Эдвер обратился к Эркюлю Пуаро. С какой стати? Чего боялись их светлость? Кого подозревали? Вот я и решил поговорить с вами перед тем, как предпринимать конкретные шаги.

— Под «конкретными шагами», я полагаю, вы подразумеваете арест леди Эдвер?

— Именно так.

— Вы с ней уже разговаривали?

— О да, разговаривал. Первым делом я поехал в «Савой». Она ведь могла улизнуть, и я не стал рисковать.

— Ага! — воскликнул Пуаро. — Значит, вы...

Он прервал себя на полуслове. Взгляд его был по-прежнему устремлен на газету, но выражение лица изменилось. Потом он поднял голову и спросил другим тоном:

— И что же вам сказала леди Эдвер? А, мой друг? Что она сказала?

— Я ее информировал, конечно, о том, что любое ее заявление может быть использовано против нее. Нельзя упрекнуть английскую полицию в том, что она действует не по закону.

— Верно. Хотя иногда и доходит до глупости. Но продолжайте, прошу вас. Итак, что же сказала миледи?

— У нее началась истерика. Она стала носиться по комнате, заламывать руки и в конце концов хлопнулась на пол. О, это был замечательный спектакль. Чего-чего, а актерских способностей у нее не отнимешь.

— Значит, у вас сложилось впечатление, что истерика была ненастоящей? — мягко спросил Пуаро.

— А вы как думали? — подмигнул ему инспектор. — Только со мной этот номер не пройдет. У нее и обморок-то был фальшивый. Просто хотела меня провести. Клянусь, ей это даже понравилось.

— Да, — задумчиво произнес Пуаро. — Весьма возможно. Ну а что было дальше?

— Дальше она пришла в себя. То есть, я хочу сказать, сделала вид, что пришла в себя. Застонала, заохала, и тут ее служанка, особа с таким кислым выражением лица, сунула ей под нос нюхательную соль. Наконец леди Эдвер оправилась настолько, что потребовала своего адвоката. Ничего не хотела говорить без него. То в обморок падает, то потом сразу адвоката требует. Вот я вас и спрашиваю, сэр: это естественное поведение?

— В данном случае вполне, — спокойно ответил Пуаро.

— Вы хотите сказать, что она прекрасно сознает свою вину?

— Вовсе нет. Я хочу сказать, что подобное поведение прекрасно отражает ее темперамент. Сначала она дает вам понять, как следует играть роль жены, которая внезапно узнает о смерти мужа. Когда же она удовлетворяет свои артистические инстинкты, ее природная практичность заставляет подумать и об адвокате. То, что она создала искусственную ситуацию ради собственного удовольствия, не есть доказательство ее вины. Это говорит лишь о том, что она прирожденная актриса.

— Она виновна. В этом нет никакого сомнения.

— Вы так уверены, — заметил Пуаро. — Что ж, может быть, вы и правы. Значит, она отказалась говорить? Так ничего и не сказала?

Джепп ухмыльнулся:

— Она заявила, что без адвоката не скажет ни слова. Служанка позвонила ему. Я оставил в номере двух полицейских и приехал сюда. Подумал, что неплохо бы обсудить это дело с вами, прежде чем продолжать расследование.

— Но тем не менее вы уверены, что она виновата?

— Конечно уверен. Но я хочу иметь в своем распоряжении как можно больше фактов. Видите ли, замять это дело — не удастся. Оно получит большую огласку. Вы же знаете, какой шум поднимут газеты.

— Кстати, о газетах, — сказал Пуаро. — Как вы объясните вот это, мой друг? Видно, вы не совсем внимательно читаете утренние выпуски.

Он пальцем указал инспектору на заметку в колонке светских новостей. Джепп прочитал ее вслух:

— *«Сэр Монтегю Корнер дал вчера вечером роскошный ужин в своем доме на набережной в Чизвике^[32]. Среди гостей присутствовали сэр Джордж и леди дю Фисс, известный театральный критик мистер Джеймс Блант, сэр Оскар Хаммерфельдт с киностудии «Овертон-фильм», мисс Джейн Уилкинсон (леди Эдвер) и другие».*

На какое-то мгновение Джепп растерялся. Потом, овладев собой, сказал:

— Ну и что из этого? Прессу информировали авансом. Вот увидите: окажется, что нашей леди там не было или что она пришла туда позднее, часов в одиннадцать. Боже сохрани, сэр, слепо верить всему, что пишут газеты. Уж кому, как не вам, знать это.

— О! Я знаю, знаю. Просто мне это сообщение показалось любопытным.

— Да, бывают же такие совпадения. А теперь, мистер Пуаро, хотя я и знаю, что иногда вы закрываетесь ото всех, как устрица, расскажите мне, зачем лорд Эдвер приглашал вас к себе.

— Лорд Эдвер вовсе не приглашал меня, — покачал головой Пуаро. — Это я просил его принять меня.

— Правда? А зачем?

Какое-то время Пуаро колебался.

— Ладно. Я отвечу на ваш вопрос, — наконец медленно произнес он. — Но я отвечу на него по-своему.

Джепп тихо застонал. Я почувствовал к инспектору тайную симпатию: своими выкрутасами Пуаро вызывал иногда непреодолимое раздражение.

— Я прошу вашего разрешения, — продолжал мой друг, — позвонить одному человеку и пригласить его сюда.

— Какому человеку?

— Мистеру Брайену Мартину.

— Кинозвезде? А какое он имеет к этому отношение?

— Я думаю, что он может сообщить нам нечто весьма интересное и, вероятно, полезное. Гастингс, будьте любезны, посмотрите его телефон в справочнике.

Мартин жил в небольшом районе недалеко от Сент-Джеймского парка.

— Виктория 49 499, — назвал я номер телефонистке.

Через несколько минут Брайен Мартин отозвался довольно сонным голосом:

— Алло, кто говорит?

— Что сказать ему? — зашептал я, прикрывая трубку ладонью.

— Скажите, что убит лорд Эдвер и что я буду очень благодарен, если мистер Мартин немедленно приедет ко мне, — подсказал Пуаро.

Я повторил все слово в слово. На другом конце провода послышалось испуганное восклицание.

— Боже мой! *Так она все-таки убила его!* Я сейчас же еду к вам.

— Что он сказал? — поинтересовался Пуаро. Я ответил.

— Ага! *«Так она все-таки убила его!»* Он так и сказал? Я так и думал, так и думал, — Пуаро вызвал своим довольным видом недоумевающий взгляд Джеппа.

— Не могу вас понять, мистер Пуаро. Сначала вы намекнули, что считаете эту женщину невиновной. Теперь, когда Брайен Мартин сказал, что она убила своего мужа, вы заявляете, что знали все с самого начала.

Пуаро улыбнулся и ничего не ответил.

6. Вдова

Брайен Мартин сдержал слово. Менее чем через десять минут он был у нас. Пока мы ждали его прибытия, Пуаро говорил на разные отвлеченные темы и упорно отказывался удовлетворить любопытство Джеппа даже в самой малой степени.

Новость, несомненно, огорчила актера. Его лицо побледнело и как-то осунулось.

— Боже мой, мистер Пуаро, — сказал он, пожав нам руки, — это ужасно. Я потрясен до основания, и все же не могу сказать, что удивлен. В глубине души я всегда подозревал, что нечто подобное может случиться. Вы, наверное, помните, что я говорил вам об этом вчера.

— Mais oui, mais oui^[33], — подтвердил Пуаро. — Я прекрасно помню, что вы сказали мне вчера. Позвольте представить вам инспектора Джеппа, которому поручено расследование этого дела.

Брайен Мартин бросил на Пуаро укоризненный взгляд.

— Я не знал, — пробормотал он. — Вам следовало предупредить меня.

Он холодно кивнул инспектору и сел, обиженно поджав губы.

— Не понимаю, зачем вы просили меня приехать. Я не имею к этому делу никакого отношения.

— Думаю, что имеете, — мягко возразил Пуаро. — В случае убийства следует помогать в расследовании, даже если у вас не лежит к этому душа.

— Да, да. Я снимался с Джейн в кино. Я хорошо знаю ее. Черт возьми, я ведь дружу с ней.

— И однако, едва вы услышали, что лорд Эдвер убит, вы сразу решили, что убийца — она, — сухо заметил Пуаро.

Актер вздрогнул и посмотрел на Пуаро широко открытыми глазами.

— Вы хотите сказать, что... вы хотите сказать, что я неправ? Что она не убивала?

— Нет, нет, мистер Мартин, — вмешался Джепп. — Она действительно это сделала.

Мартин откинулся в кресле.

— А я уж подумал, что оговорил невинного человека, — пробормотал он.

— В таком деле ваша дружба с леди Эдвер не должна мешать расследованию, — решительно сказал Пуаро.

— Да, конечно, но...

— Мой друг, вы же не хотите выгораживать женщину, которая является убийцей? Убийство — самое отвратительное из преступлений.

Актер вздохнул.

— Вы не понимаете. Джейн — не обыкновенная преступница. Она... она не различает, что хорошо, а что плохо. Она не виновата, честное слово.

— Это решит жюри присяжных, — вставил инспектор.

— Не расстраивайтесь, — мягко сказал Пуаро. — Не думайте, что подставляете ее под удар. Обвинение ей предъявлено и без вас. Но вы должны рассказать нам все, что знаете. Это ваш долг перед обществом, мой друг.

Брайен Мартин вздохнул:

— Наверное, вы правы. Что вам рассказать?

Пуаро взглянул на Джеппа.

— Вы слышали, как леди Эдвер, или, может быть, лучше называть ее мисс Уилкинсон, произносила угрозы в адрес своего мужа? — задал инспектор первый вопрос.

— Да, неоднократно.

— Что именно она говорила?

— Она говорила, что если он не даст ей свободу, то она прикончит его.

— Это говорилось серьезно?

— Да, думаю, что она не шутила. Один раз она заявила, что закажет такси, приедет к нему домой и убьет его. Ведь и вы это слышали, мистер Пуаро? — нерешительно обратился актер к моему другу.

Пуаро кивнул. Джепп продолжал задавать вопросы.

— Мистер Мартин, нам известно, что свобода нужна мисс Уилкинсон для того, чтобы выйти замуж за другого человека. Вы знаете, за кого?

— Знаю.

— За кого?

— За... за герцога Мертонна.

— За герцога Мертонна! — инспектор присвистнул от удивления. — Высоко же летает наша леди, а? Говорят, он один из самых богатых людей в Англии.

Брайен кивнул с унылым видом.

Я не мог понять позицию Пуаро в этом вопросе. Мой друг сидел откинувшись в кресле и переплетя пальцы рук. Он ритмично покачивал головой, как человек, который наслаждается, слушая любимую пластинку.

— Разве муж не дал бы ей развода?

— Нет, он категорически отказывался.

— Вы это точно знаете?

— Да.

— А сейчас, — сказал Пуаро, неожиданно включаясь в разговор, — вы увидите, Джепп, какую роль играл в этом деле я. Леди Эдвер попросила меня встретиться с ее мужем и убедить его в необходимости развода.

Брайен Мартин покачал головой.

— Бесплезно, — уверенно заявил он. — Эдвер никогда на это не согласился бы.

— Думаете, что нет? — дружелюбно глядя на него, спросил Пуаро.

— Уверен. Джейн знала это в глубине души и не думала, что вы сможете выполнить ее поручение. Она давно уже перестала надеяться. Этот человек был помешан на идее целостности брака.

Пуаро улыбнулся, и его глаза вдруг стали очень зелеными.

— Вы неправы, мой друг, — мягко возразил он. — Я вчера разговаривал с лордом Эдвером. *Он был согласен на развод.*

Нет никакого сомнения, что это сообщение ошеломило Брайена Мартина. Его глаза округлились.

— Вы... вы разве виделись с ним вчера? — пролепетал он.

— В двенадцать часов пятнадцать минут, — сообщил пунктуальный Пуаро.

— И он согласился на развод?

— И он согласился на развод.

— Вам надо было сразу сообщить об этом Джейн, — укоризненно заметил актер.

— Я так и сделал, мистер Мартин.

— Сделали? — в один голос воскликнули Мартин и Джепп.

Пуаро улыбнулся.

— После этого мотив убийства почти что отпадает, не правда ли? — негромко сказал он. — А теперь, мистер Мартин, я хочу обратить ваше внимание вот на это.

И он показал актеру заметку в газете. Брайен без особого интереса пробежал ее глазами.

— Вы хотите сказать, что это алиби? — спросил он. — Надо полагать, лорда Эдвера застрелили вчера вечером?

— Его не застрелили, а зарезали, — поправил Пуаро.

— Боюсь, что это не алиби, — Мартин отложил газету. — Джейн не была на том ужине.

— Откуда вы знаете?

— Мне кто-то сказал, что она передумала. Не помню кто.

— Жаль, — задумчиво протянул Пуаро.

Джепп с любопытством посмотрел на него:

— Никак не могу понять вас, мосье. Теперь вы вроде бы хотите, чтобы эта женщина оказалась невиновной.

— Нет, нет, мой друг. Просто я ничего не принимаю слепо на веру. Но откровенно говоря, это дело в том виде, в котором излагаете его вы, не в ладах со здравым смыслом.

— Что значит — не в ладах со здравым смыслом? Лично с моим здравым смыслом в ладах.

Я видел, что с губ моего друга вот-вот сорвутся какие-то насмешливые слова. Но Пуаро сдержался.

— Молодая женщина желает избавиться от своего мужа. С этим я не спорю. Она и мне вполне откровенно говорила об этом. Eh bien, как она решает эту проблему? Она несколько раз ясно и громко повторяет в присутствии свидетелей, что хочет убить его. Потом однажды вечером она едет к нему домой, называет свое имя, убивает его ножом и преспокойно уезжает. Как это называется, мой друг? Есть ли в этом хоть капелька здравого смысла?

— Конечно, это не совсем разумно.

— Не совсем разумно? Да это настоящее слабоумие.

— Ну что ж, — сказал инспектор, вставая. — Когда преступник теряет голову, это на руку полиции. А сейчас я должен вернуться в «Савой».

— Можно я поеду с вами? — спросил Пуаро.

Джепп не возражал, и мы отправились в отель. Брайен Мартин расстался с нами с явной неохотой. Похоже, он сильно нервничал. Актер настоятельно просил нас информировать его о дальнейшем развитии событий.

— Нервный тип, — заметил Джепп, когда Мартин ушел.

Пуаро согласился.

В «Савое» нас встретил джентльмен, весь облик которого говорил о том, что он адвокат. Он приехал незадолго до нас. Мы вчетвером отправились в номер Джейн.

— Что-нибудь есть? — лаконично обратился инспектор к одному из полицейских.

— Она хотела позвонить по телефону.

— Куда? — нетерпеливо спросил Джепп.

— В похоронную контору Джейза.

Джепп тихо выругался. Мы вошли в номер.

Новоиспеченная вдова примеряла перед зеркалом шляпки. Сейчас на

ней было нечто черно-белое, тонкое, как паутинка. Актриса приветствовала нас ослепительной улыбкой.

— Ой, мистер Пуаро, как хорошо, что вы пришли. И вы тоже, мистер Моксон, — обратилась она к адвокату. — А теперь, мистер Моксон, садитесь рядом и подсказывайте мне, на какие вопросы отвечать. Кажется, этот человек считает, что это я убила сегодня утром лорда Эдвера.

— Вчера вечером, мадам, — поправил Джепп.

— Вы же сказали, что в десять часов.

— Я сказал в десять часов вечера.

— Главное, что в десять часов. Мне какая разница, утра или вечера?

— Это сейчас у нас десять часов утра, — строго добавил инспектор.

— Боже мой, — глаза Джейн широко раскрылись, — я давно уже не вставала в такую рань. Значит, это вы приходили на рассвете?

— Минуточку, инспектор, — сказал Моксон своим нудным адвокатским голосом. — Когда случилось это э... ужасное... трагическое происшествие?

— Вчера вечером, примерно в десять часов, сэр.

— Ну, тогда все в порядке, — вмешалась Джейн. — В то время я была на ужине... ой! — она прервала себя на полуслове. — Наверное, мне нельзя было это говорить.

И актриса робко взглянула на адвоката.

— Если в десять часов вечера вы э... были на ужине, леди Эдвер, то я э... не вижу никаких причин скрывать этот факт от инспектора.

— Правильно, — сказал Джепп. — Я же вас и спрашивал о том, что вы делали вчера вечером.

— Нет. Вы сказали — в десять часов и еще что-то. И вообще вы меня ужасно перепугали. Я сразу упала в обморок, мистер Моксон.

— Что вы можете сказать об этом ужине, леди Эдвер?

— Он был в доме сэра Монтегю Корнера в Чизвике.

— Когда вы поехали туда?

— Ужин был назначен на восемь тридцать.

— Во сколько вы выехали отсюда?

— Примерно в восемь часов. Я заехала на минутку в отель «Пиккадилли» попрощаться со своей подругой миссис Ван Дюсен. Она уезжала в Штаты. В Чизвик я прибыла без пятнадцати девять.

— А оттуда вы во сколько уехали?

— Около половины двенадцатого.

— И приехали сюда?

— Да.

— На такси?

— Нет. В своем автомобиле. Я беру его напрокат в компании «Даймлер».

— Во время ужина вы никуда не отлучались?

— Э... я...

— Значит, отлучались? — инспектор напоминал сейчас охотничью собаку, настигающую дичь.

— Не знаю, что вы имеете в виду. Меня вызывали к телефону.

— Кто?

— Я думаю, что это была шутка. Кто-то спросил меня: «Это леди Эдвер?» Я ответила: «Да, это я». На том конце провода засмеялись и повесили трубку.

— Вы воспользовались телефоном в доме?

Глаза актрисы широко раскрылись от удивления:

— Конечно.

— Сколько времени занял у вас разговор по телефону?

— Минуты полторы.

После этого Джепп пал духом. Я был абсолютно уверен, что он не поверил ни одному слову мисс Уилкинсон, но он не мог пока ничем опровергнуть ее рассказ.

Холодно поблагодарив Джейн, инспектор ушел. Мы тоже собрались уходить, но мисс Уилкинсон задержала Пуаро.

— Мистер Пуаро, вы можете оказать мне одну услугу?

— Конечно, мадам.

— Пошлите от моего имени телеграмму герцогу Мертону. Он сейчас в Париже, в отеле «Крилон». Ему следует знать о том, что произошло. Мне бы не хотелось телеграфировать самой. Я полагаю, неделю или две мне придется играть роль безутешной вдовы.

— Все не обязательно посылать телеграмму, — вежливо заметил мой друг. — Ведь это происшествие попадет в газеты.

— Да, у вас голова что надо! Несомненно попадет. Тогда лучше не телеграфируйте. Я чувствую, что теперь, когда все так хорошо сложилось, мне следует поступать, как жене лорда. Знаете, такая благородная вдова. Я думаю послать венок орхидей. Это, пожалуй, самые дорогие цветы. Мне, наверное, придется пойти на похороны, как вы считаете?

— Я считаю, что сначала вам придется пойти на дознание.

— Да, видно, так оно и будет, — какое-то время она раздумывала. — Мне этот инспектор из Скотленд-Ярда совсем не понравился. Напугал меня до смерти. Мистер Пуаро?

— Да?

— А все-таки хорошо, что я передумала и пошла на ужин к сэру Монтегю.

Пуаро уже подошел к двери. Услышав эти слова, он резко обернулся.

— Что вы сказали, мадам? Вы передумали?

— Да. Сначала я хотела никуда не ходить, потому что вчера после обеда у меня ужасно разболелась голова.

Пуаро сглотнул.

— Вы... вы сказали об этом кому-нибудь? — спросил он медленно и раздельно, как будто эти простые слова дались ему с трудом.

— Конечно. Мы пили чай. Людей было довольно много. Все хотели, чтобы я пошла на коктейли, но я сказала «нет». Я объяснила, что у меня раскалывается голова, что после чая я вернусь домой и на ужин в Чизвик тоже не поеду.

— А почему вы потом передумали?

— Из-за Эллис. Она начала упрекать меня, сказала, что я не должна отказываться. Сэр Монтегю имеет, мол, большие связи и к тому же он тонкая натура, легко обижается. Ну мне-то все равно. Как только я выйду замуж за Мертона, со всем этим будет покончено. Но Эллис, она такая перестраховщица. Она считает, что не стоит говорить «гоп», ну, и так далее, и я думаю, она права. Так или иначе, я поехала на тот ужин.

— И теперь вы должны благодарить Эллис, — серьезно заметил Пуаро.

— Наверное, да. Этот инспектор был разочарован, правда?

Она засмеялась. Пуаро оставался серьезен.

— И все же, — тихо сказал он, — это наводит на размышления. Да, на серьезные размышления.

— Эллис, — позвала Джейн.

Из соседней комнаты пришла служанка.

— Мистер Пуаро говорит, это такая счастливая случайность, что ты заставила меня идти вчера на ужин.

Эллис едва удостоила моего друга взглядом.

— Нехорошо нарушать обещания, миледи, — хмуро и неодобрительно сказала она. — А вы слишком любите это делать. Люди этого часто не прощают и устраивают потом разные пакости.

Джейн взяла шляпку, которую мерила, когда мы вошли, и снова надела ее.

— Ненавижу черный цвет. Никогда не ношу черного. Но как примерная вдова, — уныло добавила она, — я вынуждена это делать. Все

эти шляпы просто ужасны. Эллис, позвони в другой магазин. Мне надо выглядеть так, чтобы на меня было приятно смотреть.

Мы с Пуаро тихо вышли.

7. Секретарша

Выйдя на улицу, мы уже не увидели Джеппа. Но примерно через час он опять появился у нас дома. Бросив шляпу на стол, инспектор выругался.

— Навели справки? — с симпатией спросил Пуаро.

Джепп угрюмо кивнул.

— За ужином ее видели четырнадцать человек. Она совершила это преступление только при условии, что все они лгут, — мрачно изрек он. — Не буду скрывать от вас, мистер Пуаро, я ожидал, что алиби будет заранее подготовленным. Леди Эдвер — единственный человек, у которого был мотив для убийства. Больше никто не заинтересован в смерти лорда Эдвера.

— Я бы не сказал. Mais continuez^[34].

— Итак, я с самого начала предполагал, что алиби будет сфабриковано. Вы же знаете этих актеров: все будут твердить одно и то же, чтобы покрыть дружка. Но на этом ужине гости были совсем другие: все большие «шишки», и никто из них близко с ней не знаком. Кое-кто даже и друг друга-то не знал. Их показания независимы и заслуживают доверия. Я надеялся, что она уходила с той вечеринки хотя бы на полчаса или около этого. Но нет, она выходила из-за стола только для того, чтобы подойти к телефону, причем в это время с ней был слуга. Ее рассказ полностью подтвердился. Слуга слышал, как она ответила по телефону: «Да, это я, леди Эдвер». Потом ее собеседник повесил трубку. Любопытный случай, хотя и не имеет к убийству никакого отношения.

— Возможно и нет, но все равно интересно. А кто говорил с ней, мужчина или женщина?

— По-моему, она сказала, что женщина.

— Странный случай, — задумчиво протянул Пуаро.

— Не придавайте этому значения. Давайте перейдем к главной части, — нетерпеливо сказал Джепп. — Весь ужин прошел точно так, как нам рассказывала леди Эдвер. Она приехала туда без четверти девять, а в отель вернулась в одиннадцать сорок пять. Я разговаривал с ее шофером. Он работает в компании «Даймлер», где она взяла напрокат автомобиль. Персонал «Савоя» видел, как она возвратилась, и подтверждает, что это было без четверти двенадцать.

— Eh bien, это весьма убедительно.

— Как же тогда быть с показаниями людей в доме лорда Эдвера? Не

только слуга, но и секретарша видела ее там. Оба клянутся всеми святыми, что в десять вечера приходила леди Эдвер.

— Сколько работает в доме лорда Эдвера этот слуга?

— Шесть месяцев. Между прочим, очень красивый парень.

— Да, действительно. Eh bien, мой друг, если он работает там всего полгода, то он не мог узнать леди Эдвер, поскольку она давно уже не живет с мужем.

— Ну, он видел ее фотографии в газетах. И все равно, секретарша-то хорошо знает ее. Она работает у лорда Эдвера пять или шесть лет и абсолютно уверена, что это была леди Эдвер.

— Я хочу поговорить с этой секретаршей, — заявил Пуаро.

— Тогда поедemте со мной.

— Спасибо, mon ami, с великим удовольствием. Надеюсь, на Гастингса ваше приглашение тоже распространяется?

Джепп усмехнулся.

— А вы как думаете? Куда хозяин, туда и его собака, — пошутил он далеко не лучшим образом.

— Это преступление напоминает мне дело Элизабет Каннинг, — заметил инспектор. — Помните? По крайней мере, десятка два свидетелей заявляли, что видели эту цыганку, Мэри Сквайрз, в одном конце Англии и столько же утверждали, что в другом. И все свидетели были к тому же весьма уважаемые люди. А у этой цыганки было такое уродливое лицо, что ошибиться было невозможно. Эта тайна так и осталась нераскрытой. В нашем случае все очень похоже: и та и другая группа свидетелей готовы поклясться, что видели леди Эдвер в двух разных местах одновременно. Кто же из них говорит правду?

— Мы это скоро выясним.

— А кто унаследует титул лорда Эдвера? — спросил я.

— Племянник, капитан Рональд Марш. Я бы сказал, никчемный человек.

— Что говорит доктор насчет времени смерти? — поинтересовался мой друг.

— Чтобы быть абсолютно точным, надо подождать вскрытия. Посмотреть, насколько переварился ужин в желудке лорда Эдвера, — к большому моему сожалению, Джепп выражался далеко не самым изящным образом. — Но смерть наступила приблизительно в десять часов вечера. В начале десятого он окончил ужин, и слуга отнес в библиотеку виски с содовой. В одиннадцать часов, когда слуга ложился спать, света в библиотеке не было. Видимо, тогда лорд Эдвер был уже мертв. Он не стал

бы сидеть в темноте.

Пуаро задумчиво кивнул. Через несколько минут мы подъехали к дому. Шторы на окнах были задернуты.

Дверь открыл тот же самый красавец-слуга. Инспектор вошел первым, за ним последовали мы с Пуаро. Входная дверь открывалась в левую сторону, поэтому слуга стоял у левой стены. Пуаро шел справа от меня, и поскольку мой друг был ниже ростом, то слуга заметил его только тогда, когда мы вошли в прихожую. Находясь к этому красавцу ближе всех, я услышал, как он шумно вздохнул. Повернувшись, я заметил, что слуга со страхом смотрит на моего друга. Я решил запомнить этот факт как заслуживающий внимания.

Джепп прошел в столовую, которая находилась по правую сторону от нас, и позвал слугу.

— Итак, Альтон, я хочу еще раз выслушать твой рассказ. Эта леди пришла в десять часов вечера?

— Да, сэр.

— Как ты ее узнал?

— Она назвала свое имя, сэр, и, кроме того, я видел ее фотографии в газетах. И в театре я ее тоже видел.

Пуаро кивнул.

— Как она была одета?

— На ней было черное платье, сэр, и маленькая черная шляпка. На шее перламутровые бусы. Серые перчатки.

Мой друг вопросительно посмотрел на инспектора.

— На ужине в Чизвике на Джейн Уилкинсон было белое вечернее платье и горностаевая пелерина, — отозвался тот.

Слуга продолжал. Его рассказ в точности совпадал с тем, что мы уже слышали от инспектора.

— Еще кто-нибудь приходил вчера вечером к вашему хозяину? — спросил Пуаро.

— Нет, сэр.

— Как закрывается входная дверь?

— На автоматический замок, сэр. Перед тем, как я ложусь спать, я закрываю дверь на засовы. Но вчера мисс Джеральдина ходила в оперу, и я не задвигал засовы.

— А как была закрыта дверь, когда вы встали утром?

— На засовы, сэр. Мисс Джеральдина закрыла их, когда пришла домой.

— Вы можете сказать, когда она вернулась?

— Думаю, примерно без четверти двенадцать, сэр.

— Значит, до этого времени входную дверь нельзя было открыть без ключа? А изнутри ее можно было открыть просто потянув рычажок замка?

— Да, сэр.

— Сколько ключей в доме?

— Один был у лорда Эдвера, сэр, а второй лежит в ящике стола в прихожей. Вчера вечером его взяла мисс Джеральдина. Не знаю, есть ли еще другие ключи.

— Ни у кого в доме больше нет ключей?

— Нет, сэр. Мисс Кэрролл, секретарша, всегда звонит, когда приходит откуда-нибудь.

Пуаро отпустил слугу, и мы отправились на поиски секретарши.

Мы обнаружили мисс Кэрролл за большим письменным столом. Она что-то писала с сосредоточенным видом. Это была симпатичная женщина лет сорока пяти. В ее волосах кое-где пробивалась седина, сквозь пенсне на нас смотрели умные голубые глаза. Уже по ее виду можно было заключить, что это весьма квалифицированный работник. Когда мисс Кэрролл заговорила, я сразу же узнал этот голос: это она договаривалась со мной о встрече лорда Эдвера с Пуаро.

— О! Мистер Пуаро, — сказала она, когда Джепп представил моего друга. — Значит, это вы приходили вчера утром к лорду Эдверу?

— Именно так, мадемуазель.

Мисс Кэрролл была, несомненно, олицетворением аккуратности и точности, и мне показалось, что она произвела на моего друга благоприятное впечатление.

— Итак, инспектор Джепп, — начала она, — чем еще я могу вам помочь?

— Я хочу спросить вас, абсолютно ли вы уверены в том, что сюда приходила вчера вечером леди Эдвер?

— Вы спрашиваете меня об этом в третий раз. Конечно, уверена. Я же видела ее собственными глазами.

— Где вы ее видели, мадемуазель?

— В прихожей. Она минуту поговорила со слугой, а потом пошла в сторону библиотеки.

— А вы где были?

— На площадке второго этажа. Я смотрела вниз.

— Вы не могли ошибиться?

— Исключено. Я отчетливо видела ее лицо.

— А может, это было другое лицо, просто похожее?

— Конечно, нет. У Джейн Уилкинсон весьма своеобразные черты лица. Это была она.

Джепп взглянул на Пуаро, как бы говоря: вот видите.

— Были ли у лорда Эдвера враги? — неожиданно спросил мой друг.

— Вздор! — отрезала мисс Кэрролл.

— Как это понять — вздор, мадемуазель?

— Враги! В наше время у людей нет врагов. Тем более у англичан.

— И все же лорд Эдвер убит.

— Это сделала его жена, — заявила секретарша.

— А жена, значит, не враг?

— То, что случилось, невероятнейшее происшествие. Я никогда о таком и не слышала. По крайней мере, с людьми из высшего общества такого не случалось.

Мисс Кэрролл явно считала, что убийства совершаются только пьяницами низшего сословия.

— Сколько имеется ключей от входной двери?

— Два, — не задумываясь ответила секретарша. — Лорд Эдвер всегда носил один с собой. Другой лежал в ящике стола в прихожей, и любой член семьи мог взять его, если собирался прийти домой поздно. Был еще и третий ключ, но капитан Марш потерял его. Очень легкомысленно с его стороны.

— Он часто приходил сюда?

— Когда-то он постоянно жил здесь. Но три года назад уехал из этого дома.

— Почему? — спросил Джепп.

— Не знаю. Я полагаю, не мог ужиться со своим дядей.

— Мне кажется, что вы знаете немного больше, мадемуазель, — мягко заметил Пуаро.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Я не передаю сплетен.

— И не надо. Вы расскажите нам, как было на самом деле. Ходили слухи, что у лорда Эдвера и его племянника была серьезная размолвка.

— Не такая уж серьезная. С лордом Эдвером вообще было трудно ужиться.

— Даже вы такого мнения?

— Я не о себе говорю. У меня никогда не было разногласий с лордом Эдвером. Он знал, что на меня всегда можно положиться.

— Но что касается капитана Марша... — Пуаро вел свою линию, незаметно подталкивая собеседницу к нужной теме.

Мисс Кэрролл пожала плечами.

— Он сорил деньгами. Залез в долги. Потом была еще какая-то неприятность, не знаю точно какая. Они поссорились. Лорд Эдвер запретил ему жить в своем доме. Вот и все.

Секретарша поджала губы, очевидно, не желая больше говорить.

Комната, где проходила наша беседа, была на втором этаже. Когда мы покинули ее, Пуаро взял меня за руку.

— Минуточку, Гастингс. Постойте, пожалуйста, здесь. Я спущусь с Джеппом вниз. Смотрите на нас, пока мы не войдем в библиотеку, а потом приходите к нам.

Я давно уже перестал задавать Пуаро вопросы, которые начинались с «почему?», и жил по солдатскому принципу «Вопросы не задавай, а воюй и если надо — умирай». К счастью, до умирания дело пока не дошло. Вероятно, мой друг подозревал, что слуга следит за ним, а потому решил проверить, так ли это.

Я занял свой наблюдательный пункт. Пуаро и Джепп спустились по лестнице — и исчезли из моего поля зрения.

Потом они вновь появились. Я наблюдал за ними до тех пор, пока они, неторопливо шагая, не скрылись в библиотеке. Я подождал пару минут на случай, если слуга все-таки появится, но поскольку никто так и не показался, я спустился по лестнице и присоединился к своим друзьям.

Тело лорда Эдвера, конечно, уже убрали. Шторы были задернуты, и в библиотеке горел свет. Пуаро и Джепп стояли в центре комнаты и оглядывали обстановку.

— Ничего особенного, — заявил инспектор.

— Увы! Ни сигаретного пепла, ни следов обуви, ни перчатки с женской руки, ни даже запаха духов! — с улыбкой отозвался Пуаро. — В детективных романах все как раз наоборот.

— И полицейские в этих книжонках всегда слепы, как летучие мыши, — ухмыляясь, добавил Джепп.

— Однажды я нашел улику, — сказал мечтательно Пуаро. — Но поскольку она была длиной четыре фута, а не четыре сантиметра, никто не желал принимать ее во внимание.

Я припомнил этот случай и рассмеялся. Потом информировал своего друга о выполнении его задания:

— Все в порядке, Пуаро. Я наблюдал очень внимательно: за вами никто не следил.

— Вот это глаза! — заметил Пуаро с легкой иронией. — А скажите, мой друг, вы не заметили у меня в зубах розу?

— Розу у вас в зубах? — спросил я в величайшем изумлении. Джепп отвернулся.

— Вы сведете меня в могилу, мистер Пуаро, — с трудом произнес инспектор, давясь от смеха. — Роза. Что дальше?

— Я вообразил, что я — Кармен, — пояснил Пуаро с невозмутимым видом.

Я подумал, что кто-то из нас двоих сходит с ума.

— Так вы не видели розы, Гастингс? — с упреком спросил мой друг.

— Нет, — ответил я, удивленно глядя на него. — Ведь я не видел вашего лица.

— Ладно, неважно, — покачал он головой.

Они что, смеются надо мной?

— Ну что ж, больше, я полагаю, нам здесь делать нечего, — заявил Джепп. — Я хотел бы еще раз поговорить с дочерью лорда Эдвера. Утром она была слишком расстроена, и я не смог ничего добиться от нее.

Он позвонил. Появился слуга.

— Спроси у мисс Марш, могу ли я побеседовать с ней недолго.

Слуга вышел. Несколько минут спустя в библиотеку вошла мисс Кэрролл.

— Джеральдина спит, — объявила она. — Бедняжка в ужасном шоке. После того, как вы ушли, я дала ей снотворное, и она заснула. Но я думаю, что через час-два вы сможете поговорить с ней.

Джепп согласился.

— В любом случае она не скажет вам ничего такого, чего вы не могли бы узнать от меня, — твердо сказала секретарша.

— Какого вы мнения о слуге? — спросил Пуаро.

— Мне он не очень нравится, хотя я и не знаю почему, — ответила мисс Кэрролл.

Мы подошли к входной двери.

— Вы вон там стояли вчера вечером, мадемуазель, не правда ли? — спросил Пуаро, указывая рукой на лестницу.

— Да. А что?

— И вы видели, как леди Эдвер прошла через прихожую в библиотеку?

— Да.

— И вы отчетливо видели ее лицо?

— Конечно.

— Но вы не могли видеть ее лицо, мадемуазель. С того места, где вы стояли, вы могли видеть только ее затылок.

Мисс Кэрролл покраснела. Слова Пуаро застали ее врасплох, и она раздраженно сказала:

— Но ведь это одно и то же! Ее затылок, ее голос, ее походка! Абсолютно никаких сомнений! Говорю вам, это была Джейн Уилкинсон. Я знаю. Таких скверных женщин еще поискать надо.

И отвернувшись, она торопливо взбежала по ступенькам.

8. Версии

Джепп ушел. Мы с Пуаро завернули в Риджентс-парк и сели на свободную скамейку.

— Теперь я понял, почему вы спросили про розу в зубах, — засмеялся я. — А то ведь сначала я подумал, что вы сошли с ума.

Пуаро кивнул с серьезным видом.

— Вы заметили, Гастингс, какой опасный свидетель эта секретарша? Опасный потому, что неточный. Сначала она заявила, что видела *лицо* той женщины. Я уже тогда подумал, что это невозможно. Когда человек выходит из библиотеки — да, но не тогда, когда он идет в библиотеку. Поэтому я и проделал мой маленький эксперимент. Он окончился именно так, как я ожидал. Но когда я уличил мисс Кэрролл во лжи, она тут же стала говорить по-другому.

— Она так и осталась при своем мнении, — заметил я. — В конце концов она права в том, что и голос и походку можно определить безошибочно.

— Вовсе нет.

— Пуаро, я думаю, что и голос и походка являются наиболее характерными особенностями человека.

— Согласен. Следовательно, их легче всего скопировать.

— Вы считаете...

— А ну-ка вспомните, как несколько дней назад мы с вами сидели в партере театра и наслаждались пародиями...

— Карлотты Адамс? Да, но ведь она гений.

— Скопировать какую-нибудь известную личность не так уж трудно. Но я согласен, у этой девушки действительно необычайный дар. Я верю, что она может преображаться до неузнаваемости без помощи театральной подсветки. Даже на небольшом расстоянии ее трудно узнать.

Неожиданная мысль мелькнула у меня.

— Пуаро! — закричал я. — Может быть, вы считаете... нет, это исключено.

— Все зависит от того, как на это посмотреть, Гастингс. Ничего нельзя исключать.

— Но зачем Карлотте Адамс убивать лорда Эдвера? Она ведь даже не знала его.

— Откуда вам известно, что не знала? Не утверждайте того, в чем не

уверены, Гастингс. Может быть, между ними была какая-то связь, о которой нам неизвестно. Впрочем, у меня несколько иная версия.

— Так у вас уже есть соображения на этот счет?

— Да. Я с самого начала подумал, что Карлотта Адамс могла иметь отношение к этому делу.

— Но Пуаро...

— Подождите, Гастингс. Позвольте напомнить вам несколько фактов. Леди Эдвер безо всякого стеснения обсуждает отношения со своим мужем и даже заявляет о том, что могла бы убить его. И это слышим не только мы с вами. Официант слышит это, ее служанка слышала это, вероятно, не один раз, Брайен Мартин слышит это и, я полагаю, Карлотта Адамс тоже. К тому же есть люди, которым они могли рассказать об этих угрозах. Затем, в тот же вечер, все обсуждают прекрасную пародию мисс Адамс на Джейн Уилкинсон. У кого есть мотив для убийства лорда Эдвера? У его жены.

Теперь предположим, что убить лорда Эдвера хочет кто-то еще. Тогда Джейн станет для убийцы козлом отпущения, на которого можно бросить все подозрения. В тот день, когда она объявила о том, что у нее болит голова и она остается дома, *убийца реализует свой план.*

Надо, чтобы свидетели видели, как леди Эдвер входит в дом своего мужа на Риджент-гейт. Что ж, «ее» видят. «Она» даже называет свое имя. Ah! C'est un peu trop, sa!^[35] Это вызвало бы подозрения даже у устрицы.

И еще одно замечание, хотя, допускаю, не столь существенное. Женщина, которая вошла в дом лорда Эдвера вчера вечером, была в черном платье. Джейн Уилкинсон никогда не носит черного. Мы слышали, как она сама сказала об этом. Теперь напрашивается вывод, что женщина, которая приходила в дом вчера вечером, была не Джейн Уилкинсон: она только имитировала Джейн Уилкинсон. Так может, лорда Эдвера убила она?

А вдруг в дом пробралась еще какая-то женщина, и убийство — дело ее рук? И если так, приходила ли она до визита загадочной «леди Эдвер» или после? А если после, то что сказала эта женщина лорду Эдверу? Как объяснила свое присутствие? Она могла бы обмануть слугу, который не знает ее как следует, или секретаршу, если бы та стояла на каком-то расстоянии от нее, но у нее не было ни малейшей надежды провести самого лорда Эдвера. Или к тому времени в комнате уже лежал труп? Может быть, лорд Эдвер был убит до прихода этой женщины, где-нибудь между девятью и десятью часами вечера?

— Остановитесь, Пуаро! — взмолился я. — У меня уже кружится голова.

— Что вы, мой друг. Мы только рассматриваем различные версии. Это

как примерка одежды. «Вот это вам подойдет?» — «Нет, чуть жмет в плечах». — «А это?» — «Да, это лучше, но тоже чуть-чуть тесновато». — «А вот это?» — «А это слишком свободно». И так далее, пока мы не выберем то, что нам подходит, — истину.

— Кого же вы подозреваете в этом чудовищном преступлении? — спросил я.

— О, делать выводы еще слишком рано. Надо выяснить, кому выгодна смерть лорда Эдвера. Конечно, племянник унаследует его состояние, но это слишком очевидный мотив. А потом, несмотря на категорическое заявление мисс Кэрролл об отсутствии врагов у англичан, надо все-таки подумать и о возможных врагах лорда Эдвера. Он произвел на меня впечатление человека, который может нажать их весьма легко.

— Да, это верно, — согласился я.

— Кем бы ни был убийца, наверняка он считает себя в полной безопасности. Помните, Гастингс, что если бы Джейн Уилкинсон не передумала в последнюю минуту и не пошла бы на ту вечеринку, то алиби у нее не было бы. Она могла бы действительно остаться в своем номере в «Савое», но это было бы трудно доказать. Ее бы арестовали, судили — и, вероятно, повесили бы.

Я вздрогнул.

— Одно мне непонятно, — продолжал Пуаро. — Кто-то желает, чтобы ее обвинили в убийстве, это ясно. Но тогда к чему этот телефонный звонок? Зачем кто-то звонил ей в Чизвик и, убедившись, что она там, тут же повесил трубку? Похоже, кому-то надо было знать наверняка, что она на ужине у сэра Монтегю, перед тем, как... перед тем, как что? Позвонили в полдесятого, видимо, незадолго до убийства. Но сам убийца позвонить не мог, так как он заинтересован как раз в обратном: в том, чтобы Джейн Уилкинсон отсутствовала на этой вечеринке. Выходит, позвонивший — ее *доброжелатель*? Тогда кто же это? Все выглядит так, как будто звонок не имеет отношения к убийству.

Голова у меня пошла кругом.

— А может, это и правда случайное совпадение? — предположил я.

— Нет, нет, слишком много совпадений. Полгода назад исчезло письмо. Почему? Да и многие другие факты тоже остаются без объяснения. И все же есть что-то такое, что объединяет их.

Он вздохнул, потом продолжал:

— Эта история, которую рассказал нам Брайен Мартин...

— Но она наверняка к делу не относится, Пуаро.

— Вы слепой, Гастингс. Слепой, добровольно не желающий видеть.

Поэтому до вас не доходит суть. Разве вы не замечаете, как из этих разрозненных фактов начинает вырисовываться определенная картина? Она пока еще очень смутная, но со временем все прояснится.

Я подумал, что Пуаро слишком оптимистичен на этот счет. Лично я считал, что никогда ничего не прояснится. Откровенно говоря, я был как в тумане.

— Ваши рассуждения неверны, — неожиданно заявил я. — Я не могу поверить, что здесь замешана Карлотта Адамс. Она кажется такой э... исключительно порядочной девушкой.

И тут я вспомнил слова моего друга о любви мисс Адамс к деньгам. А вдруг эта любовь действительно толкнула ее на то, во что я не могу поверить? Я почувствовал, что в тот вечер в ресторане, когда Пуаро взялся анализировать характеры двух женщин, он был в ударе. Он предвидел, что Джейн попадет в беду из-за своего эгоистичного характера и что Карлотту собьет с пути истинного страсть к деньгам.

— Я не думаю, что это сделала мисс Адамс, Гастингс. Она слишком хладнокровна и уравновешенна для этого. Возможно, ей даже и не сказали про готовящееся убийство. Карлотту могли использовать и без ее ведома. Но тогда...

Он остановился на полуслове и нахмурился.

— Но даже если и так, она стала сообщницей, — заметил я. — Сегодня, когда она прочитает в газетах сообщение об убийстве, — то поймет, что...

Хриплый крик вырвался из груди моего друга.

— Быстро, Гастингс! Быстро! Я был слеп и глуп. Такси! Немедленно!

Я уставился на него в изумлении... Пуаро замахал руками.

— Такси! Сию же минуту!

Мимо как раз проезжала свободная машина. Пуаро остановил ее, и мы вскочили внутрь.

— Вы знаете ее адрес?

— Кого? Карлотты Адамс?

— Mais oui, mais oui. Быстрее, Гастингс, быстрее. Дорога каждая минута. Вы что, ничего не поняли?

— Нет, — ответил я, — не понял.

Мой друг тихо выругался.

— Может быть, в телефонном справочнике есть ее адрес. Нет, вряд ли. Едем в театр!

В театре нам не хотели давать адрес мисс Адамс, но Пуаро настоял на своем. Ее квартира была недалеко от Слоун-сквер. Мы отправились туда.

Пуаро дрожал от нетерпения.

— Только бы не опоздать, Гастингс. Только бы не опоздать.

— Не понимаю, к чему эта спешка? Что все это значит?

— Это значит, что я соображал слишком медленно. Ужасно медленно.

А ведь все было так очевидно. О, mon Dieu^[36], только бы успеть!

9. Вторая смерть

Я не понимал, чем вызвано такое возбужденное состояние Пуаро, но я слишком хорошо знал своего друга, чтобы сомневаться, есть ли у него для этого основания.

Мы прибыли на место. Пуаро расплатился с водителем, выскочил из такси и поспешил в дом. Квартира мисс Адамс была на втором этаже, о чем говорила табличка с ее фамилией, прикрепленная на доске у входа.

Пуаро взбежал по ступенькам, не ожидая лифта, который был на одном из верхних этажей. Он позвонил, потом постучал. С некоторой задержкой дверь открыла аккуратно одетая женщина средних лет. Волосы ее были собраны в тугий узел. Глаза женщины были красными, как будто она недавно плакала.

— Можно нам видеть мисс Адамс? — нетерпеливо спросил Пуаро.

Женщина посмотрела на него с удивлением:

— Разве вы не слышали?

— Что? Что мы должны были слышать?

Лицо Пуаро стало мертвенно-бледным, и я понял: случилось то, чего он боялся.

Женщина горестно покачала головой:

— Она умерла. Скончалась во сне. Ужасно.

Пуаро прислонился к дверному косяку.

— Слишком поздно, — пробормотал он.

Его чувства читались так ясно, что женщина взглянула на моего друга более внимательно.

— Извините, сэр, вы ее друг? Я не припомню, чтобы вы приходили сюда когда-нибудь.

Пуаро не ответил. Вместо этого он спросил:

— Вы вызывали врача? Что он сказал?

— Что она приняла слишком большую дозу снотворного. Какое несчастье! Такая хорошая девушка. Все эти проклятые таблетки — они такие опасные. Доктор сказал, что это был веронал.

Пуаро неожиданно выпрямился. В его облике появилась решительность.

— Я должен войти, — заявил он.

Женщину, по-видимому, охватили сомнения.

— Я не думаю, что... — начала она.

Но мой друг не собирался отступать. Он принял единственно правильное в данной ситуации решение.

— Вы должны меня впустить, — сказал он. — Я сыщик и должен ознакомиться с обстоятельствами смерти вашей хозяйки.

Женщина ахнула, отступила, и мы прошли в комнату. С этого момента Пуаро взял инициативу в свои руки.

— То, что я сказал вам, — большая тайна, — важно заявил он служанке. — Никому ни слова. Все должны думать, что смерть мисс Адамс — случайность. Пожалуйста, назовите мне фамилию и адрес доктора, которого вы вызывали.

— Доктор Хит, Карлайл-стрит, 17.

— А вас как зовут?

— Алиса. Алиса Беннетт.

— Я вижу, мисс Беннетт, вы были очень преданны мисс Адамс.

— О да, сэр! Она была такой хорошей девушкой. Я работала у нее с тех пор, как она приехала сюда год назад. Она была совсем не такая, как все актрисы. Элегантная, с утонченным вкусом, словом, настоящая леди.

Пуаро слушал внимательно, с сочувствием и ничем не выдавал своего нетерпения. Я понял, что лучший способ получить нужную информацию — это не подгонять собеседника.

— Для вас это, наверное, ужасное потрясение, — мягко вставил Пуаро.

— О да, сэр! В полдесятого утра, как обычно, я принесла чай в ее комнату. Мисс Адамс лежала в кровати.

Я подумала, что она спит, поставила поднос и стала отодвигать шторы. Одно кольцо зацепилось. Я сильно дернула и очень удивилась, когда от такого шума она не проснулась. Я посмотрела на нее, и тут у меня появилось какое-то тревожное чувство. У мисс Адамс была такая неестественная поза. Я подошла к кровати, коснулась ее руки. Рука была холодна, как лед, сэр, и я закричала.

Служанка замолчала, и в ее глазах показались слезы.

— Да, да, — сочувственно произнес Пуаро. — Не дай бог пережить такое. Часто ли мисс Адамс принимала снотворное?

— Время от времени она пила таблетки от головной боли, сэр, такие маленькие, в бутылочке, но доктор сказал, что вчера юна выпила не то, что принимала всегда.

— Кто-нибудь приходил к ней вчера вечером?

— Нет, сэр. Вчера вечером ее не было дома.

— Она не сказала, куда идет?

- Нет, сэр. Она ушла около семи вечера.
- Ага. Как она была одета?
- В черное платье, сэр. Черное платье и черная шляпка.
- Мы переглянулись.
- А что-нибудь из украшений на мисс Адамс было?
- Да, сэр. Перламутровое ожерелье.
- И перчатки, да? Серые перчатки?
- Верно, сэр. У нее были серые перчатки.
- Ясно. А теперь опишите нам ее настроение вчера вечером. Она была веселой? Или волновалась? Нервничала? А может, была печальной?
- Мне показалось, что мисс Адамс была чем-то очень довольна. Все время улыбалась, как будто услышала хорошую новость.
- Когда она вернулась?
- Чуть позже двенадцати ночи, сэр.
- В каком настроении? Таком же веселом?
- Она выглядела ужасно уставшей, сэр.
- Но не разочарованной? Не огорченной?
- О нет, сэр. Мне кажется, что ее настроение не изменилось, просто она с ног валилась от усталости. Она начала звонить кому-то по телефону, но потом сказала, что у нее нет никаких сил и что она позвонит завтра.
- Ага! — глаза Пуаро заблестели от волнения. Он наклонился к служанке и спросил с напускным равнодушием:
- А вы не слышали имени того, кому она звонила?
- Нет, сэр. Мисс Адамс позвонила на телефонную станцию. Телефонистка на коммутаторе, наверное, сказала ей как обычно: «Ждите, вызываю», и мисс Адамс ответила: «Хорошо», а потом вдруг зевнула и проговорила: «Ох, как я устала. Просто никаких сил», положила трубку и стала раздеваться.
- А по какому номеру она звонила? Не помните? Подумайте, это может оказаться важным.
- К сожалению, не могу сказать, сэр. Помню только, что это был номер в районе Виктории. Видите ли, я не особенно прислушивалась.
- Мисс Адамс что-нибудь пила или ела перед тем, как лечь спать?
- стакан теплого молока, как всегда.
- Кто приготовил его?
- Я, сэр.
- Вчера вечером никто сюда не приходил?
- Никто, сэр.
- А днем?

— Не припоминаю, сэр. Мисс Адамс уходила обедать, пить чай. Вернулась в шесть часов.

— А откуда молоко? То, которое она пила вчера перед сном.

— Его приносят в четыре часа пополудни, сэр, и оставляют у двери. Но я уверена, что с молоком все в порядке, сэр. Я сама пила его с чаем сегодня утром. Да и доктор сказал, что она умерла от того лекарства.

— Может быть, я ошибаюсь, — заявил Пуаро. — Да, возможно, я совсем неправ. Я поговорю с доктором. Но видите ли, у мисс Адамс были враги. Там у них в Америке все не так, как здесь...

Он замолчал, но бесхитростная Алиса уже попала на крючок.

— О! Я знаю, сэр! Я читала про Чикаго и про бандитов и все такое. Это ужасная страна. Не знаю, куда там полиция смотрит. У нас в Англии полицейские совсем не такие.

Пуаро не стал перебивать простодушную служанку, понимая, что это избавляет его от обязанности объясняться самому.

Его взгляд упал на небольшой кожаный портфель, лежащий в кресле.

— Мисс Адамс брала этот портфель с собой вчера вечером? — спросил Пуаро.

— Она взяла его утром, сэр. В шесть часов вечера она пришла домой без портфеля, но ночью вернулась с ним.

— Ясно. Можно я открою его?

После того, как Алиса преодолела свое первоначальное недоверие, управлять ею стало легко, как ребенком. Теперь она могла разрешить все, что угодно.

Портфель не был закрыт на замок. Пуаро открыл его, и я заглянул через плечо своего друга.

— Видите, Гастингс? Вы видите? — взволнованно пробормотал Пуаро.

Содержимое портфеля говорило о многом. Там была коробка с гримом, два предмета, в которых я узнал супинаторы — специальные стельки, вкладываемые в обувь для того, чтобы увеличить рост ее владельца, пара серых перчаток и завернутый в бумажную салфетку изящный парик золотистого цвета с точно таким же оттенком, как у Джейн Уилкинсон. Парик был расчесан на центральный пробор и завит сзади.

— Ну, теперь вы верите, Гастингс? — спросил Пуаро.

Если у меня и оставались до этого момента какие-то сомнения, то теперь они рассеялись.

Пуаро закрыл портфель и повернулся к служанке.

— Вы не знаете, с кем мисс Адамс ужинала вчера вечером?

— Нет, сэр.

— А с кем обедала или пила чай?

— Насчет чая не знаю. А обедала, я думаю, с мисс Драйвер.

— Мисс Драйвер?

— Да. Это ее близкая подруга. У нее шляпный магазин на Моффат-стрит. Называется «Женевьева».

Пуаро записал этот адрес в блокнот под адресом доктора Хита.

— Еще один вопрос, мадам. Вы можете припомнить хоть что-нибудь заслуживающее на ваш взгляд внимания, например, что мадемуазель Адамс говорила или делала после того, как вернулась в шесть вечера после чая.

Служанка задумалась.

— Не могу припомнить, сэр, — наконец сказала она. — Я спросила ее, не выпьет ли она чаю, но она сказала, что недавно пила.

— О! Сказала, что пила, — перебил ее Пуаро. — Pardon^[37].
Продолжайте.

— А потом она писала письмо почти до тех пор, пока не ушла.

— Письмо, да? Вы не знаете кому?

— Знаю, сэр. Сестре в Вашингтон. Она писала своей сестре дважды в неделю и сама отправляла эти письма. Всегда старалась успеть до выемки почты из ящика. А это письмо мисс Адамс забыла отправить.

— Так оно сейчас здесь?

— Нет, сэр. Его отправила я. Мисс Адамс вспомнила о нем, когда леглась спать. Я сказала, что сбегаю и опущу его. Есть такой специальный ящик для опоздавших писем, так если наклеить дополнительную марку и бросить письмо туда, оно уйдет вовремя.

— Ага! А далеко от вас этот ящик?

— Нет, сэр, прямо за углом.

— Вы закрыли квартиру на ключ, когда уходили?

Алиса растерянно посмотрела на Пуаро.

— Нет, сэр, просто притворила дверь. Я всегда так делаю, когда отлучаюсь ненадолго.

Пуаро хотел что-то сказать, но передумал.

— Хотите взглянуть на нее, сэр? — спросила служанка, и в глазах ее заблестели слезы. — Она и мертвая такая же красивая.

Мы прошли за Алисой в спальню.

Карлотта Адамс неподвижно лежала в кровати. Лицо ее было странно умиротворенным, как у спящего ребенка. Сейчас она выглядела даже моложе, чем в тот вечер в «Савое».

Странное выражение появилось на лице моего друга. Он

перекрестился.

— J'ai fait un serment^[38],— сказал он, когда мы спускались по ступенькам к выходу.

Я не стал спрашивать, какую клятву дал себе Пуаро: догадаться было нетрудно. Минуты через две он сказал:

— По крайней мере, одно меня утешает. Я не мог спасти ее. К тому времени, когда я услышал об убийстве лорда Эдвера, мисс Адамс была уже мертва. Да, это меня очень утешает.

10. Дженни Драйвер

Нашим следующим шагом был визит к доктору, адрес которого дала нам служанка. Он оказался суетливым пожилым человеком с не совсем разборчивой дикцией. Доктор много слышал о Пуаро и выразил неподдельную радость оттого, что может лицезреть знаменитого сыщика лично.

— Чем могу служить, мистер Пуаро? — спросил он после приветственной речи.

— Господин le Docteur^[39], сегодня утром вас вызывали к некой мисс Карлотте Адамс.

— Да. Бедная девушка. Хорошая актриса. Я два раза был на ее спектаклях. Ужасно жаль, что она так кончила. И зачем девушки принимают эти наркотики, ума не приложу.

— Так вы думаете, что у нее было пристрастие к наркотическим средствам?

— Ну, как врач-профессионал я бы так не сказал. По крайней мере, шприцем она не кололась. На коже никаких следов иглы. Вероятно, всегда глотала. Служанка сказала, что мисс Адамс и без таблеток спала неплохо, но служанки могут точно и не знать. Не думаю, что она глотала веронал каждую ночь, но, возможно, какое-то время она его принимала.

— Почему вы так думаете?

— А вот почему.

Он начал искать что-то в своем саквояже.

— Черт, куда же я ее дел? Ага, вот она.

Он вытащил маленькую сафьяновую сумочку черного цвета.

— Конечно, еще будет дознание. Я забрал ее, чтобы служанка не совала нос.

Он открыл сумочку и вытащил золотую коробочку. На ней рубинами были выложены инициалы «К. А». Это была чрезвычайно дорогая безделушка. Доктор открыл ее. Коробочка почти до краев была наполнена белым порошком.

— Веронал, — пояснил он коротко. — А теперь посмотрите, что написано внутри.

С обратной стороны крышки было выгравировано:

«К. А. от Д. Париж, 10 ноября. Желая сладких грез».

— Десятого ноября, — задумчиво сказал Пуаро.

— Верно. А сейчас июнь. Похоже на то, что она принимала это средство по крайней мере полгода, а поскольку год не указан, то это может быть и восемнадцать месяцев, и два с половиной года, и даже больше.

— Париж. Д., — нахмурился Пуаро.

— Да. Вам это о чем-нибудь говорит? Кстати, я не спрашиваю вас, каков ваш интерес в этом деле. Предполагаю, что у вас веские основания интересоваться этим происшествием. Наверное, вы хотите знать, не самоубийство ли это? Я не могу сказать. И никто не сможет. Служанка говорила, что вчера мисс Адамс была в отличном настроении. Похоже на несчастный случай, и, по-моему, так оно и есть. Веронал это такое средство, в котором нельзя быть уверенным на сто процентов. Можно принять чертовски много, и вам ничего не будет, а можно глотнуть щепотку и отдать концы. Веронал опасен именно по этой причине. Я не сомневаюсь, что на дознании признают смерть от несчастного случая. Боюсь, больше ничем не смогу вам помочь.

— Можно мне взглянуть на сумочку мадемуазель?

— Конечно, конечно.

Пуаро вытряхнул на стол содержимое сумочки: платок из тонкого материала с вышитыми в уголке инициалами «К. М. А.», губную помаду, пудреницу, купюру достоинством в один фунт стерлингов, несколько мелких монет и пенсне.

Этот последний предмет Пуаро осмотрел чрезвычайно внимательно. Пенсне было в золотой оправе и имело довольно строгий вид.

— Интересно, — промолвил мой друг. — Я не знал, что мисс Адамс носит очки. А может, это для чтения?

Доктор осмотрел пенсне и заявил:

— Нет, это для прогулок. И к тому же оно с сильным увеличением. Тот, кто им пользуется, должен быть очень близоруким.

— А вы случайно не знаете, мисс Адамс...

— Я никогда не лечил ее. Однажды, правда, у ее служанки нарывал палец, и меня вызывали, но больше я у них не был. В тот раз, когда я приходил, очков у мисс Адамс не было.

Пуаро поблагодарил доктора, и мы ушли. На лице моего друга было недоумение.

— Не может быть, чтобы я ошибся, — заявил он.

— В том, что она устроила этот маскарад?

— Нет, нет, это для меня очевидно. Я имею в виду ее смерть. Ясно, что у нее был с собой веронал. Видимо, она сильно устала и перенервничала прошлой ночью и решила обеспечить себе хороший сон.

Вдруг Пуаро остановился как вкопанный, к большому удивлению прохожих, и азартно хлопнул рукой об руку.

— Нет, нет и нет! — с чувством произнес он. — С чего это вдруг несчастный случай произошел в такое удобное для убийцы время? Это не несчастный случай и не самоубийство. Нет, Карлотта Адамс сыграла отведенную ей роль и этим подписала себе смертный приговор. Преступник использовал веронал просто потому, что знал о ее пристрастии к этому наркотику и о том, что у нее есть коробочка с этим средством. Значит, убийца тот, кто хорошо знал мисс Адамс. Кто такой Д., Гастингс? Я бы много дал, чтобы узнать, кто такой Д.

— Пуаро, — обратился я к своему глубоко задумавшемуся другу. — Давайте пойдем, а? На нас уже все смотрят.

— Что? Да, вы правы. Хотя мне и не мешает, когда на меня смотрят. На мой мыслительный процесс это не влияет.

— Так ведь смеяться будут, — пробормотал я.

— Неважно.

С такой точкой зрения я был не согласен. Лично мне чрезвычайно неприятно привлекать внимание посторонних. Что касается моего друга, то на него влияло лишь повышение температуры или влажности воздуха, поскольку это могло привести к изменению наклона его знаменитых усов.

— Возьмем такси, — заявил Пуаро и, взмахнув тростью, подозвал одну из машин.

Мы отправились в магазин «Женевьева» на Моффат-стрит.

Обычно в таких магазинах на первом этаже можно увидеть в качестве рекламы лишь одну невыразительную шляпку в паре с шарфом, помещенную для обозрения в стеклянную коробку. Но стоит подняться по пахнущим затхлостью ступенькам на второй этаж, как сразу становится ясно, где на самом деле сосредоточена бурная коммерческая активность заведения.

Поднявшись по лестнице, мы увидели дверь с надписью: «Женевьева. Пожалуйста, входите». Последовав этому указанию, мы оказались в маленькой комнате, полной различных шляп. Внушительных форм блондинка приблизилась к нам и подозрительно взглянула на Пуаро.

— Мисс Драйвер? — спросил он.

— Я не знаю, сможет ли мадам принять вас. Вы по какому делу?

— Пожалуйста, скажите мисс Драйвер, что с ней хочет поговорить друг мисс Адамс.

Но блондинке не пришлось никуда идти. Черная бархатная штора резко отодвинулась в сторону, и из-за нее выпорхнуло миниатюрное

существо с огненно-рыжими волосами.

— Что такое? — строго спросила она.

— Вы мисс Драйвер?

— Да. Что вы там сказали насчет Карлотты?

— А вы разве не слышали эту печальную новость?

— Какую печальную новость?

— Мисс Адамс скончалась во сне от чрезмерной дозы веронала.

Глаза девушки широко открылись.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Бедная Карлотта. Не могу поверить. Еще вчера она была такой жизнерадостной.

— И тем не менее это правда, — сказал Пуаро. — Сейчас уже почти час дня. Приглашаю вас на ленч со мной и с моим другом. Окажите нам такую честь, прошу вас. Я хочу задать вам несколько вопросов.

Мисс Драйвер, это дерзкое маленькое создание, смерила Пуаро взглядом с головы до ног. Эта девушка чем-то напоминала мне фокстерьера.

— Вы кто? — в упор спросила она.

— Меня зовут Эрюоль Пуаро. А это мой друг, капитан Гастингс.

Я поклонился. Девушка поочередно осмотрела нас, потом отрывисто сказала Пуаро:

— Я слышала о вас. Принимаю ваше приглашение. Дороти, — позвала она блондинку.

— Да, Дженни.

— Вот-вот должна прийти миссис Лестер. Мы делаем для нее фасон «роз-декарт». Попробуй с другими перьями. Я скоро вернусь. Пока.

Она надела маленькую черную шляпку, слегка сдвинула ее на ухо, старательно попудрила нос и, взглянув на Пуаро, коротко сказала:

— Я готова.

Пять минут спустя мы сидели в маленьком ресторане на Довер-стрит. Официант принес коктейли.

— А теперь я хочу знать, что все это значит, — заявила Дженни Драйвер. — В какую историю Карлотта попала на этот раз?

— А что, значит, она и прежде попадала в какие-то истории, мадемуазель?

— Послушайте, кто здесь задает вопросы, вы или я?

— Я думал, что я, — улыбнулся Пуаро. — Насколько я осведомлен, вы с мисс Адамс были хорошими друзьями?

— Верно.

— Eh bien, тогда прошу принять мои торжественные заверения в том,

что я сделаю все, чтобы о вашей покойной подруге осталась добрая память.

Дженни Драйвер помолчала, обдумывая слова Пуаро, потом кивнула.

— Я верю вам. Продолжим. Что вы хотите знать?

— Я слышал, мадемуазель, что вы вчера обедали с вашей подругой.

— Да.

— Она рассказывала о своих планах на вечер?

— Ну, она не говорила, что это будет вечером.

— Значит, разговор был?

— Да, и, может быть, это как раз то, что вам нужно. Но учтите, Карлотта сказала все это по секрету.

— Я понимаю.

— Дайте подумать. Будет лучше, если я расскажу все своими словами.

— Пожалуйста, мадемуазель.

— Ну, слушайте. Карлотта была взволнована. А она не из тех, кто волнуется по пустякам. Ничего толком она мне не говорила, сказала, что обещала ни с кем не делиться. Но она намекнула, что у нее намечается нечто грандиозное. Я так поняла, что это будет какой-то колоссальный розыгрыш.

— Розыгрыш?

— Да, она так сказала. Только... — девушка замолчала и нахмурилась. — Видите ли... ну, в общем Карлотта была не из тех, кто получает удовольствие от всяких там грубых шуток и примитивных розыгрышей или чего-нибудь в этом роде. Она была серьезная, трудолюбивая девушка. Без глупостей в голове. Я хочу сказать, что кто-то, видимо, надоумил ее. И еще я считаю... она, конечно, не сказала, но...

— Понимаю. И что же вы подумали?

— Я подумала... я почти уверена, что... в общем, ничто так не волновало Карлотту, как деньги. Так уж она была воспитана. Во всем, что касается бизнеса, у нее была светлая голова. Она не была бы такой возбужденной, если бы не деньги, причем большие деньги. У меня сложилось впечатление, что она заключила какое-то пари и была абсолютно уверена, что выиграет круглую сумму. Раньше, насколько я знаю, она этим не занималась. Я уверена, что речь шла о больших деньгах.

— Она прямо так и сказала?

— Н-нет. Просто намекнула, что скоро заживет совсем по-другому. Она собиралась вызвать в Париж свою сестру из Штатов. Ее сестра, видно, тоже девушка с утонченным вкусом. Карлотта говорила, что у нее отличные музыкальные способности. Ну, вот и все, что я знаю. Вам это было нужно?

Пуаро кивнул.

— Да. Это подтверждает мою теорию. Правда, я ожидал, что Карлотта рассказала вам больше. Я предполагал, что с нее возьмут слово хранить все в тайне, но я считал, что женщина не посчитает за разглашение тайны беседу со своей лучшей подругой.

— Я старалась узнать все поподробней, — сказала Дженни, — но она только смеялась и обещала объяснить все потом.

— Что вы знаете о лорде Эдвере? — спросил Пуаро после небольшой паузы.

О ком? Это тот человек, которого убили? Я читала об этом в газете.

— Вы не знаете, была ли с ним знакома мисс Адамс?

— Не думаю. Наверное, нет. Хотя подождите...

— Да, мадемуазель? — нетерпеливо произнес мой друг.

— Однажды она упоминала это имя, — мисс Драйвер нахмурила брови, стараясь вспомнить. — Что же она тогда сказала? Причем в очень резкой форме.

— В резкой форме?

— Да. Сказала... э, дайте вспомнить... что таким людям, как лорд Эдвер, нельзя позволять калечить жизнь другим своей жестокостью и отсутствием понимания. Еще она сказала... э... что смерть такого человека наверняка будет благом для всех окружающих.

— Когда она это сказала, мадемуазель?

— Я думаю, где-то месяц назад.

— А почему вы с ней вдруг заговорили о лорде Эдвере?

Дженни Драйвер в течение нескольких минут напрягала память, но в конце концов медленно покачала головой.

— Не помню, — призналась она. — Просто его имя как-то всплыло в нашей беседе. Может быть, незадолго до этого Карлотта прочитала о нем в газете. Я еще удивилась, что она так резко высказывается о человеке, которого даже не знает.

— Конечно, это странно, — задумчиво согласился Пуаро. — Вы не знаете, мисс Адамс не принимала веронал?

— Не знаю. Никогда не замечала и не припомню, чтобы она об этом говорила.

— Может быть, вам приходилось видеть у нее маленькую золотую коробочку с рубиновыми инициалами «К. А.»?

— Маленькую золотую коробочку? Нет, никогда не видела. Это точно.

— А вы случайно не знаете, где была мисс Адамс в ноябре прошлого года?

— Дайте подумать. Кажется, в ноябре она ездила в Штаты. Это было в

конце месяца. А до этого ездила в Париж.

— Одна?

— Конечно одна! Извините, возможно, я вас не так поняла. Не знаю, почему упоминание о Париже всегда вызывает определенные мысли. На самом деле это такое симпатичное респектабельное место. Нет, Карлотта была не из тех, кто ездит туда развлекаться, если вы на это намекаете.

— А теперь, мадемуазель, я задам вам очень важный вопрос: может быть, мисс Адамс интересовалась кем-нибудь из молодых людей больше, чем остальными?

— Ответ будет «нет», — медленно произнесла девушка. — Все это время, что я знала Карлотту, она была занята только своей работой и своей деликатной сестрой. У нее был сильно развит инстинкт главы семьи. Карлотта считала, что без нее сестре не обойтись. Поэтому ответ на ваш вопрос, строго говоря, — НЕТ.

— А если не совсем строго?

— В последнее время я стала замечать... в общем, меня не удивило бы, если бы я узнала, что Карлотта питает симпатию к какому-то мужчине.

— Ага!

— Учтите, это только мои догадки. Я сужу просто по ее поведению. Она стала... какой-то не такой. Не то, чтобы мечтательной. Погруженной в свои мысли — будет точнее.

Даже выглядеть стала по-другому. Ну, я не могу объяснить. Просто женщина это чувствует, хотя, конечно, может и ошибаться.

Пуаро кивнул.

— Спасибо, мадемуазель. И последнее: не было ли у мисс Адамс друга или подруги, имя или фамилия которого начиналась с буквы Д.? Кроме вас, конечно.

— Д., — задумчиво повторила Дженни Драйвер. — Д.? Нет, извините, никого не могу припомнить.

11. Эгоистка

Не думаю, что мой друг ожидал какого-то другого ответа на свой последний вопрос. Но он все равно разочарованно покачал головой. Пуаро погрузился в раздумья. Мисс Драйвер, опершись локтями о стол, наклонилась к нему.

— Ну, а мне-то вы что-нибудь расскажете? — спросила она.

— Мадемуазель, — начал Пуаро, — прежде всего позвольте сделать вам комплимент. Ваши ответы на мои вопросы продемонстрировали ваш поистине исключительный интеллект. Вы спрашиваете, расскажу ли я вам что-нибудь. Отвечаю: расскажу, но не очень много. Изложу основные факты.

После небольшой паузы мой друг негромко начал:

— Вчера вечером лорд Эдвер был убит в библиотеке своего дома. В десять часов вечера какая-то женщина — я предполагаю, что это была ваша подруга мисс Адамс — вошла в его дом и назвалась леди Эдвер. На ней был парик золотистого цвета, и она была загримирована так, что имела с леди Эдвер максимальное сходство. Как вы, вероятно, знаете, жена лорда Эдвера — актриса и известна также как Джейн Уилкинсон. Мисс Адамс, если это была она, оставалась в доме буквально несколько минут. В пять минут одиннадцатого она покинула дом лорда Эдвера, однако у себя на квартире появилась только после полуночи. Она легла спать, приняв чрезмерную дозу веронала.

Дженни глубоко вздохнула.

— Да, — сказала она, — теперь я понимаю. Я думаю, вы правы, мистер Пуаро, в том, что это была Карлотта. Между прочим, вчера она купила новую шляпку.

— Новую шляпку?

— Да. Причем сказала, что хочет шляпу такого фасона, которая закрывала бы левую часть лица.

Здесь я должен дать читателю кое-какие разъяснения, так как не знаю, когда он будет читать это повествование. За свою жизнь я повидал немало шляпных фасонов. Были шляпки типа «колокол», которые закрывали лицо настолько, что увидеть его при всем желании было невозможно. Были шляпки, надвинутые на лоб. Были сдвинутые на затылок. Были береты и многие другие фасоны. А в то время, когда происходили описываемые события, последним криком шляпной моды было изделие, напоминавшее

перевернутую суповую тарелку. Эту шляпку сильно сдвигали на одну сторону — так что создавалось впечатление, что она присосалась к голове, — а оставшуюся часть лица и прически оставляли открытыми для осмотра.

— Такие шляпки обычно сдвигают на правую сторону? — осведомился Пуаро.

Маленькая модистка кивнула.

— Но у нас есть и такие, которые носят на левой стороне, — заметила она, — потому что некоторые люди предпочитают из-за пробора открывать правую сторону лица. Интересно, зачем это Карлотте понадобилось скрывать часть лица?

Я вспомнил, что дверь в доме лорда Эдвера открывается налево, поэтому слуга хорошо видит левую сторону лица входящего. У Джейн Уилкинсон в углу левого глаза была маленькая родинка.

Я взволнованно сказал об этом Пуаро. Мой друг согласился, энергично кивнув головой.

— Совершенно верно. Совершенно верно. Vous avez parfaitement raison^[40], Гастингс. Да, это объясняет покупку шляпы.

— Мистер Пуаро? — неожиданно Дженни выпрямилась в кресле. — Но вы не считаете... вы не думаете, что... что это сделала Карлотта? Я хочу сказать, это ведь не она убила лорда Эдвера, несмотря на то, что так резко о нем отзывалась? Вы не усомнились в ее порядочности, да?

— Нет, нет. Но все равно любопытно, почему она так воворила о нем? Что он такого сделал? Что она знала о нем, чтобы так говорить?

— Не знаю... но она его не убивала. Она... она была слишком э... утонченной натурой.

Пуаро одобрительно кивнул.

— Да, да. Это вы хорошо сказали. Это психологический фактор. Согласен. А преступление было, если можно так выразиться, научное, отнюдь не утонченное.

— Научное?

— Убийца точно знал, куда ударить ножом, чтобы поразить жизненно важный центр у основания черепа.

— Похоже, что это сделал врач, — задумчиво произнесла мисс Драйвер.

— Была ли мисс Адамс знакома с каким-нибудь доктором? Дружила ли она с кем-нибудь из них?

Дженни покачала головой.

— Никогда не слышала. По крайней мере, не в Лондоне.

— Еще один вопрос. Носила ли мисс Адамс пенсне?

— Очки? Никогда.

— Ясно, — нахмурившись, сказал мой друг.

Я мысленно нарисовал портрет доктора, пахнущего карболкой, близорукого, в сильных очках. Абсурд!

— Кстати, знала ли мисс Адамс Брайена Мартина, киноактера?

— Да, конечно. Она говорила мне, что знает его с детства. Впрочем, я не думаю, что они часто виделись. Так, время от времени. Она считала, что он стал высокомерным.

Она взглянула на часы и воскликнула:

— Боже, я должна бежать! Я хоть немного помогла вам, мистер Пуаро?

— Помогли. Попрошу вас и в будущем содействовать мне.

— Конечно. Ведь кто-то специально подстроил это злодейство. Мы должны выяснить кто.

Она подарила нам ослепительную улыбку, прощально взмахнула рукой и исчезла.

— Интересная личность, — заметил Пуаро, расплачиваясь.

— Мне она понравилась, — отозвался я.

— Всегда приятно иметь дело с сообразительными людьми, — добавил мой друг.

— Хотя, по-видимому, она несколько черствая по натуре, — сказал я. — Новость о смерти подруги расстроила ее не так сильно, как можно было ожидать.

— Конечно, она не из тех, кто заливается слезами, — сдержанно промолвил Пуаро.

— Вы получили от этой беседы, что хотели?

— Нет, — покачал головой мой друг. — Я надеялся, очень надеялся узнать, кто такой этот Д., подаривший мисс Адамс золотую коробочку. Я этого не узнал. К сожалению, Карлотта была девушкой сдержанной. Она не распространялась о своих друзьях и любовных приключениях, если таковые были. Хотя, с другой стороны, тот, кто предложил ей участие в «розыгрыше», мог и не входить в число ее друзей. Может, это был просто знакомый, который пригласил ее участвовать в «розыгрыше», якобы ради «спортивного интереса», и пообещал деньги. Этот же человек, наверное, увидел золотую коробочку и нашел возможность выяснить, что в ней.

— Но как, скажите на милость, мисс Адамс сумели подсыпать веронал? И когда?

— Ну, было время, когда дверь ее квартиры оставалась открытой. Служанка ведь ходила отправлять письмо. Правда, это объяснение меня не

удовлетворяет. Слишком легко можно опровергнуть эту версию. Но сейчас — за работу. У нас есть еще две нити.

— Какие?

— Первая; телефонный звонок в район Виктории. Мне представляется вполне вероятным, что Карлотта Адамс хотела позвонить после возвращения домой, чтобы объявить об успехе своей миссии. С другой стороны: где она была между пятью минутами одиннадцатого и двенадцатью часами ночи? Может быть, она встречалась с организатором этого «розыгрыша»? В этом случае она могла звонить просто подруге.

— А вторая нить?

— Вот на нее-то все мои надежды, Гастингс. Письмо. Возможно, что в письме сестре — я говорю только возможно — она описала все, что касается этого пари. Она не считала это разглашением тайны, потому что письмо прочитают лишь неделю спустя и к тому же в другой стране.

— Хорошо, если бы эта версия подтвердилась!

— Но мы не должны на нее слишком надеяться, Гастингс. Это лишь предположение. Нет, мы начнем с другого конца.

— Что вы называете другим концом?

— Тщательную проверку всех, кому в той или иной степени была выгодна смерть лорда Эдвера.

Я пожал плечами.

— Но за исключением его племянника и жены...

— ...И человека, за которого она хотела выйти замуж... — добавил Пуаро.

— Герцог? Он в Париже.

— Верно. Но не надо отрицать, что он тоже заинтересованное лицо. А еще люди, работающие в доме лорда Эдвера: слуга, горничная. Неизвестно, не затаил ли один из них обиду на хозяина? Но я считаю, что прежде всего нам надо вновь встретиться с мадемуазель Джейн Уилкинсон. Она в этих вопросах прекрасно ориентируется и может подсказать нам что-нибудь.

Мы опять отправились в «Савой». Леди Эдвер сидела в окружении картонных коробок и листов оберточной бумаги. По всем креслам были разбросаны тончайшие черные ткани. Джейн с серьезным, сосредоточенным видом примеряла перед зеркалом очередную черную шляпку.

— А, мистер Пуаро. Садитесь. Конечно, если вы найдете свободное кресло. Эллис, убери, пожалуйста, что-нибудь.

— Мадам, вы очаровательно выглядите.

— Я не хотела бы лицемерить, мистер Пуаро, но ради осторожности

надо соблюдать внешний траур, правда? Ой, кстати, я получила от герцога такую милую телеграмму из Парижа.

— Из Парижа?

— Да, из Парижа. Она, конечно, очень осторожно составлена, и на первый взгляд там вроде бы соболезнования, но я могу читать и между строк.

— Поздравляю вас, мадам.

— Мистер Пуаро, — Джейн скрестила руки, и ее хриловатый голос стал тише. Она была очень похожа на ангела, из уст которого сейчас польются исключительно благочестивые речи. — Я все думала и думала. Какое это счастье, что дело обернулось таким образом. Вы понимаете, что я имею в виду? Все трудности позади. Никаких проблем. Путь свободен, вперед на всех парусах! Знаете, я уже почти начала верить в бога.

Я затаил дыхание. Пуаро смотрел на актрису слегка склонив набок голову. Она говорила совершенно серьезно.

— Значит, вы расцениваете случившееся как чудо, мадам?

— Судьба благоволит ко мне, — восторженно прошептала Джейн. — В последнее время я мечтала только об одном: о, если бы лорд Эдвер умер! Раз — и он мертв! Как будто бог услышал мою молитву.

Пуаро откашлялся.

— Не могу сказать, что это было именно так, мадам. Вашего мужа убили.

— Да, конечно, — кивнула она.

— А вы не задумывались над тем, кто?

Она удивленно посмотрела на моего друга.

— А какая разница? Это к делу не относится. Мы с герцогом поженимся через четыре-пять месяцев...

— Да, мадам, я знаю, — Пуаро с трудом сдерживал себя. — И все же неужели вам не приходило в голову спросить самое себя: *кто убил моего мужа?*

— Нет, — похоже, эта мысль очень удивила Джейн. — Я думаю, что полиция найдет убийцу. Полицейские ведь очень умные, правда?

— Говорят, что да. Я тоже приложу все усилия, чтобы разобраться в этом деле.

— И вы тоже? Как забавно.

— Почему забавно?

— Ну, не знаю, — ее взгляд вернулся к разбросанным по комнате нарядам. Она выбрала атласную блузку и, приложив к груди, стала рассматривать себя в зеркале.

— Так вы не возражаете? — спросил Пуаро, и в его глазах зажегся огонек.

— Ну конечно нет, мистер Пуаро. Мне будет очень приятно, если вы проявите себя. Желаю вам всяческих успехов.

— Мадам, мне нужно нечто большее, чем ваши пожелания. Мне нужно ваше мнение.

— Мнение? — рассеянно спросила Джейн, поворачиваясь перед зеркалом. — Мнение о чем?

— Мадам! — обратился к ней Пуаро громко и с чувством. — Как вы думаете, КТО УБИЛ ВАШЕГО МУЖА?

На этот раз до нее дошло. Джейн бросила на моего друга испуганный взгляд.

— Наверное, Джеральдина.

— Кто такая Джеральдина?

Но внимание Джейн было для нас уже потеряно.

— Эллис, вот здесь, на правом плече надо будет чуть-чуть поднять. Да. Что вы говорите, мистер Пуаро? Джеральдина — это его дочь. Нет, Эллис, не здесь. Вот так лучше. О, мистер Пуаро, вам уже, наверное, пора идти? Я ужасно благодарна вам за все. И за развод тоже, хотя он мне теперь не нужен. Я всегда буду с благодарностью вспоминать вас.

С тех пор я видел Джейн Уилкинсон только дважды. Один раз на сцене, а второй — когда и она и я были приглашены на завтрак и сидели за одним столиком. Но я всегда буду вспоминать ее именно такой, какой видел в тот день в гостинице: поглощенной своими нарядами, беззаботно бросающей слова, которые серьезно повлияли на дальнейшие действия моего друга. Блаженное создание, целиком думающее только о себе.

— Epatant^[41], — с благоговением сказал Пуаро, и мы вышли.

12. Дочь

Когда мы вернулись домой, слуга сообщил, что рассыльный принес для Пуаро письмо. Пуаро взял конверт со стола, разрезал край со своей обычной аккуратностью, прочитал письмо и рассмеялся.

— Как это говорится? Легко на помине? Взгляните, Гастингс.

Я взял у него листок. В углу письма стоял адрес: Риджент-гейт, 17. Послание было написано аккуратным почерком, который на первый взгляд прочитать нетрудно и который на самом деле я разобрал с некоторым усилием:

«Дорогой сэръ, я слышала, что утром вы были у нас дома с инспектором полиции. К сожалению, тогда я не смогла поговорить с вами. Я была бы вам очень признательна, если бы вы смогли уделить мне несколько минут в любое удобное для вас время после обеда. С уважением, Джеральдина Марш».

— Интересно, зачем это ей нужно видеть вас? — спросил я.

— Вы удивляетесь естественному желанию леди видеть меня, Эркюля Пуаро? Очень невежливо, мой друг.

Меня часто раздражала привычка Пуаро шутить не вовремя.

— Мы отправимся немедленно, — заявил он и надел шляпу, смахнув с нее невидимую пылинку.

Беспечное заявление Джейн Уилкинсон о том, что Джеральдина могла убить своего отца, показалось мне особенно нелепым. Только безмозглый дурак мог ляпнуть такое. Я сказал об этом Пуаро.

— Мозш. Безмозглый. А что мы вообще подразумеваем под словом «мозш»? Вот у вас, англичан, есть такое пренебрежительное сравнение: «Мозш, как у кролика». Но давайте подумаем хорошенько об этом животном. Кролики живут и размножаются, не так ли? А в природе это признак превосходства над неживой материей. Прекрасная леди Эдвер не знает ни истории, ни географии, ни классической литературы, sans doute^[42]. Имя Лао Цзы^[43] наведет ее на мысль о собаке дорогой породы «китайский мопс», а имя Мольера вызовет ассоциации с maison de couture^[44]. Но когда дело доходит до вопросов фасона одежды, богатом и престижном замужестве, до того, чтобы добиться личной выгоды, — ее успех феноменален. Меня не интересует мнение философа о том, кто убил лорда

Эдвера, ибо мотив убийства с философской точки зрения — это создание наивысшего блага в интересах наибольшего количества людей. Поскольку решить, что есть наивысшее благо для наибольшего количества людей, трудно, то почти никто из философов не является убийцей. А вот предположение, небрежно брошенное леди Эдвер, может оказаться для меня чрезвычайно ценным, так как ее точка зрения материалистична и основана на знании худших черт человеческой природы.

— Вероятно, в этом что-то есть, — согласился я.

— Nous void^[45], — сказал Пуаро. — Интересно, зачем это я так срочно понадобился юной леди?

— Это вполне естественное желание. Вы сами сказали так четверть часа назад, — и, желая откупиться, я добавил, — естественное желание увидеть нечто уникальное.

— А может, это вы вчера покорили сердце юной леди, — ответил Пуаро, нажимая кнопку звонка.

Я вспомнил испуганное лицо девушки, стоявшей в дверях комнаты: блестящие темные глаза на бледном лице. Та быстро мелькнувшая перед глазами картина произвела на меня большое впечатление.

Слуга провел нас наверх в большую гостиную, и через пару минут появилась Джеральдина Марш. Это была высокая худенькая девушка с большими недоверчивыми черными глазами. Если в первый раз у меня создалось впечатление, что эта девушка обладает большой внутренней силой, то теперь оно усилилось.

Джеральдина выглядела спокойной и собранной, что в силу ее юного возраста являлось весьма примечательным фактом.

— Как хорошо, что вы пришли так быстро, мистер Пуаро, — сказала она. — Мне очень жаль, что я не смогла поговорить с вами утром.

— Вам нездоровилось?

— Да. Мисс Кэрролл, секретарша моего отца, настояла на том, чтобы я осталась в постели. Она такая добрая.

В голосе девушки послышалась странная, неприветливая нотка, и это удивило меня.

— Чем я могу помочь вам, мадемуазель? — спросил Пуаро.

Поколебавшись самую малость, Джеральдина сказала:

— За день до того, как был убит мой отец, вы приходили к нему?

— Да, мадемуазель.

— Зачем? Зачем он просил вас прийти?

Пуаро молчал. Казалось, он обдумывает ответ. Потом я понял, что это был ход с его стороны: он хотел заставить девушку выговориться. Она, по

его мнению, была слишком нетерпелива и хотела знать все чересчур быстро.

— Он чего-то боялся? Скажите мне. Скажите. Я должна знать. Кого он боялся? Почему? Что он сказал вам? Ну почему вы молчите?

Я подумал, что ее спокойствие было напускным. Она не смогла долго притворяться. Джеральдина подалась вперед, ее пальцы нервно сжимались и разжимались.

— Мой разговор с лордом Эдвером — это тайна, — медленно произнес мой друг, неотрывно глядя девушке в глаза.

— Значит, вы беседовали с ним... это наверняка был разговор о наших семейных делах. О! Зачем вы мучаете меня? Почему не отвечаете? Я должна знать. Говорю вам, мне необходимо это знать.

Опять, очень медленно, Пуаро покачал головой, очевидно, решая какую-то проблему.

— Мистер Пуаро, — Джеральдина выпрямилась. — Я его дочь. Я имею право знать, чего он так боялся в предпоследний день своей жизни. Нечестно оставлять меня в неведении. И по отношению к нему это нехорошо.

— Значит, вы были преданны своему отцу, мадемуазель? — мягко спросил Пуаро.

Девушка отпрянула, как ужаленная.

— Преданна ему, — прошептала она. — Преданна ему? Да я... я...

И вдруг все остатки самообладания покинули ее. Джеральдина откинулась в кресле и начала истерически смеяться. Смеялась она долго.

— Как забавно, — с трудом переводя дыхание, наконец выдавила она из себя, — услышать такой вопрос.

Этот нервный смех не остался без внимания. Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Кэрролл. Она сразу оценила ситуацию.

— Ну, цу, Джеральдина, дорогая, так не пойдет, — строго сказала секретарша. — Нет, нет. Успокойся. Все. Прекрати немедленно, нельзя же так.

Ее решительные манеры возымели действие. Смех девушки стал стихать. Она вытерла глаза и выпрямилась.

— Извините, — тихо сказала девушка. — Со мной такого раньше не случалось.

Мисс Кэрролл все еще тревожно смотрела на нее.

— Все в порядке, мисс Кэрролл. Это было очень глупо с моей стороны.

Неожиданно кривая, горькая улыбка появилась на ее лице. Она сидела

в кресле очень прямо и ни на кого не смотрела.

— Мистер Пуаро спросил меня, любила ли я своего отца, — пояснила девушка секретарше ясным холодным голосом.

Мисс Кэрролл издала неопределенный звук, что должно было означать нерешительность с ее стороны. Джеральдина продолжала высоким презрительным голосом:

— Не знаю, что лучше — лгать или сказать правду? Я думаю, сказать правду. Так вот: я не любила своего отца. Я ненавидела его!

— Джеральдина, дорогая.

— Зачем притворяться? Вы, мисс Кэрролл, не питали к нему ненависти, потому что вам он не мог ничего сделать. Вы были одной из немногих, кто не боялся моего отца. Для вас он был только работодателем, который платил вам столько-то фунтов в год. Его жуткие выходки, его приступы ярости не влияли на вас, и вы старались не замечать их. Я знаю, что вы ответите мне: «Бывает, приходится и терпеть». Вы были от этого далеки и всегда оставались жизнерадостной. Вы сильная женщина, но в вас нет жалости к своему ближнему. Да и вообще вы могли покинуть этот дом в любое время. А я нет. Мое место здесь.

— Право, Джеральдина, я не думаю, что следует вдаваться во все это. Отцы и дочери часто не уживаются. Но я поняла, что жизнь устроена так: чем меньше споришь, тем лучше тебе живется.

Джеральдина повернулась к секретарше спиной и обратилась к Пуаро:

— Мистер Пуаро, я *ненавидела* своего отца и рада, что он умер! Его смерть означает для меня свободу и независимость. Мне абсолютно все равно, кто его убил. Раз убили, значит, могли быть мотивы, и к тому же весьма веские.

Пуаро задумчиво смотрел на девушку.

— Оправдывать убийство — крайне опасная вещь, мадемуазель.

— А что, если убийцу найдут и повесят, мой отец оживет?

— Нет, — сухо ответил Пуаро, — но это может спасти от смерти других людей.

— Не понимаю.

— Человек, который убил один раз, почти всегда может решиться и на второе убийство.

— Не верю. Если он нормальный человек, он больше не будет никого убивать.

— Вы хотите сказать, если он не маньяк-убийца? Увы, то, что я говорю, правда. Допускаю, первое убийство он совершает после отчаянной борьбы с собственной совестью. Потом, если ему грозит разоблачение,

следует другое убийство. С моральной точки зрения оно уже оправдано. При малейшем подозрении следует и третье. И мало-помалу в убийстве зарождается такая артистическая гордость, убийство становится для него *metier*^[46], чуть ли не доставляющим удовольствие.

Джеральдина закрыла лицо руками.

— Ужасно. Ужасно. Это неправда.

— Ну, а если я скажу вам, что такое *уже случилось*? Что преступник, чтобы спасти себя, *убил уже во второй раз*?

— Что такое, мистер Пуаро? — вскричала мисс Кэрролл. — Второе убийство? Где? Кого?

— Это был просто пример, — покачал головой мой друг. — Прошу прощения.

— О, понимаю. А я-то подумала... А теперь, Джеральдина, прекрати молоть всякий вздор.

— Вы, я вижу, на моей стороне, — заметил Пуаро и поклонился.

— Я не верю в высшую меру наказания, — отрывисто сказала мисс Кэрролл, — а в остальном я действительно на вашей стороне. Общество должно быть защищено.

Джеральдина встала и поправила волосы.

— Извините меня. Боюсь, я выглядела довольно глупо. Но вы по-прежнему отказываетесь сказать мне, зачем отец позвал вас?

— Позвал мистера Пуаро? — удивленно спросила секретарша.

Мой друг вынужден был открыть карты.

— Я просто раздумывал о том, сколько вам можно рассказать из нашей беседы с лордом Эдвером. Ваш отец не приглашал меня. Это я искал встречи с ним по поручению моего клиента. Этим клиентом была леди Эдвер.

— О, понимаю.

Странное выражение появилось на лице девушки. Сначала я подумал, что она разочарована, но потом понял, что это облегчение.

— Я вела себя очень глупо, — медленно произнесла она. — Я думала, что отец чувствует какую-то опасность. Как глупо.

— Знаете, мистер Пуаро, вы меня сейчас так напугали, — заявила мисс Кэрролл. — Когда намекнули, что эта женщина совершила и второе убийство.

Пуаро не ответил. Он обратился к девушке:

— Мадемуазель, вы верите, что это убийство совершила леди Эдвер?

— Нет, не верю. Не могу представить ее в роли убийцы. Она слишком... неестественна, чтобы обладать насущными человеческими

чувствами.

— А я не вижу, кто бы это мог сделать, кроме нее, — вмешалась мисс Кэрролл. — У подобных женщин нет никакой морали.

— Это не обязательно она, — возразила Джеральдина. — Она могла прийти сюда, побеседовать с ним и уйти, а настоящий убийца, какой-нибудь лунатик, вошел в дом позднее.

— Я уверена, что убийцы — умственно неполноценные люди, — заявила секретарша. — Все зависит от секреции внутренних желез.

В этот момент дверь открылась и вошел какой-то человек. Увидев собравшихся, он в замешательстве остановился.

— Это мой двоюродный брат, новый лорд Эдвер, — пояснила Джеральдина. — Это мистер Пуаро. Входи, Рональд. Ты нам не помешал.

— Ты уверена, Дина? Как поживаете, мистер Пуаро? Сейчас ваши серые клеточки трудятся над нашей семейной тайной, да?

Я старался вспомнить, где я видел этого человека. Круглое, симпатичное, но ничего не выражающее лицо, небольшие мешки под глазами, маленькие усики, похожие на островок в океанских просторах.

Ну, конечно! Он сопровождал Карлотту Адамс в тот вечер, когда мы ужинали в номере Джейн Уилкинсон.

Капитан Рональд Марш, унаследовавший титул лорда. Новый лорд Эдвер.

13. Племянник

Новый лорд Эдвер был человеком наблюдательным. Он заметил, что я слегка вздрогнул.

— А, удивлены? — добродушно произнес он. — Маленькая вечеринка у тети Джейн, помните? Я тогда выпил чуть больше, чем надо, правда? Но я думал, что этого никто не заметит.

Пуаро прощался с Джеральдиной и мисс Кэрролл.

— Я провожу вас, — великодушно сказал Рональд.

Он первым стал спускаться по лестнице, разглагольствуя на ходу:

— Странная это штука — жизнь. Вчера тебя выбрасывают из дома, как котенка, а сегодня ты сам становишься владельцем этого особняка. Мой покойный дядя, да не будет ему земля пухом, вышвырнул меня отсюда три года назад. Но я думаю, вы слышали об этом, мистер Пуаро?

— Да, мне известен этот факт, — спокойно подтвердил мой друг.

— Естественно. Чтобы такого факта — да и не выкопать. Настоящий сыщик не откажет себе в этом удовольствии.

Он ухмыльнулся и распахнул дверь в гостиную.

— Опрокинем по рюмочке перед тем, как вы пойдете?

Мы отказались. Молодой человек налил себе виски с содовой.

— За убийство, — весело провозгласил он. — За одну короткую ночь я превратился из должника, вызывающего отчаяние всех кредиторов, в потенциального покупателя — надежду всех торговцев. Еще вчера нищета, образно выражаясь, жарко дышала у меня над ухом, а сегодня я купаюсь в изобилии.

Он осушил бокал. Потом уже другим тоном заговорил с Пуаро.

— Впрочем, шутки в сторону. Мистер Пуаро, что вы здесь делаете? Помните, как четыре дня назад тетя Джейн мелодраматически воскликнула: «Ну кто избавит меня от этого ужасного тирана?», и — о, чудо: кто-то взял, да и избавил ее от этого тирана! Я надеюсь, не ваше агентство? «Идеальное преступление Эркюля Пуаро, бывшей ищейки!»

Пуаро улыбнулся.

— Я пришел сюда по приглашению мисс Джеральдины Марш.

— Очень осторожный ответ, правда? Нет, в самом деле, мистер Пуаро, что вы здесь делаете? По каким-то причинам вас заинтересовали обстоятельства смерти моего Дяди.

— Я всегда интересовался убийствами, лорд Эдвер.

— Но сами их никогда не совершали. Весьма разумно. Научите благоразумию тетю Джейн. Благоразумию и маскировке. Извините, что я называю ее тетя Джейн, но меня это так забавляет. Вы помните, какое озадаченное у нее было лицо, когда я обозвал ее «тетей» на том ужине? Она не имела ни малейшего понятия, кто я такой.

— En verite?^[47]

— Да. Меня ведь выгнали отсюда за три месяца до того, как приехала Джейн.

Простоватое, добродушное выражение на его лице на миг пропало. Потом он продолжал небрежным тоном:

— Красивая женщина. Но грубовата. Нет утонченности, да?

— Может быть, — пожал плечами Пуаро.

Рональд с любопытством посмотрел на него.

— Вы, наверное, тоже думаете, что это сделала не она? Джейн и вас очаровала, не так ли?

— Я действительно преклоняюсь перед красотой, — бесстрастно заметил мой друг, — но перед фактами — тоже.

Слово «факты» прозвучало едва слышно.

— Перед фактами? — резко переспросил Рональд.

— Вы, видимо, не знаете, лорд Эдвер, что леди Эдвер вчера вечером была на ужине в Чизвике. Как раз в то время, когда ее якобы видели здесь.

Рональд выругался.

— Так, значит, она все-таки поехала! Женщина — что с нее возьмешь? В шесть часов вечера она заявила, что нет такой силы, которая бы заставила ее ехать в Чизвик, а минут десять спустя, я полагаю, она уже передумала! Если будете планировать убийство, никогда не полагайтесь на женщину: она пообещает и не сделает. Так наверняка провалилось немало преступлений. Нет, мистер Пуаро, я это не про себя. И будьте уверены, я прекрасно знаю, о чем вы сейчас думаете. На кого в первую очередь падает подозрение? Ну конечно, на пресловутого озлобленного бездельника-племянника!

Он откинулся в кресле и захихикал.

— Я берегу ваши серые клеточки, мистер Пуаро. И можете не рыскать в поисках свидетеля, который подтвердит, что, когда тетя Джейн объявляла о своем намерении никуда не ехать вчера вечером, я был поблизости. Я действительно стоял рядом. Теперь вы задаете себе вопрос: а может, это злодей-племянник, напялив на себя парик и женскую шляпку, приезжал сюда ночью?

Он смотрел поочередно то на меня, то на Пуаро. По-видимому,

ситуация доставляла ему немало удовольствия. Мой друг, слегка склонив голову набок, внимательно смотрел на молодого человека. Мне стало как-то неловко.

— Да, я признаю, у меня был мотив. И я преподнесу вам подарок в виде очень ценной информации. Вчера утром я приходил к дяде. Зачем? Попросить денег. ПОПРОСИТЬ ДЕНЕГ. Предвкушаете дальнейший ход событий? Я ушел не получив ни гроша. А вечером того же дня лорд Эдвер умирает. Смерть лорда Эдвера. Хороший заголовок для детективного романа. Отлично будет смотреться в книжных киосках.

Он сделал паузу, но Пуаро не проронил ни слова.

— Мне льстит ваше внимание, мистер Пуаро. А вы, капитан Гастингс, похожи сейчас на человека, который увидел привидение. Или вот-вот увидит. Расслабьтесь, мой дорогой друг. Подождите развязки. Итак, на чем мы остановились? Ага, слушается дело злодея-племянника, который хочет обставить все так, чтобы подозрение пало на жену лорда Эдвера. Племянник, который в студенческие годы превосходно играл в любительских спектаклях женские роли, решил потряхнуть стариной. Тонким женским голоском он сообщает слуге, что он — жена лорда Эдвера, бочком протискивается мимо слуги и семенит мелкими шажками в библиотеку. Никто ни о чем не подозревает. «Джейн!» — восклицает мой любезный дядюшка.

«Джордж!» — писклявым голосом вторю я ему, обнимаю за шею и аккуратно втыкаю перочинный ножик. Чисто медицинские детали я опускаю. Затем фальшивая леди покидает дом и отправляется спать. Хорошо поработал — можно и отдохнуть.

Засмеявшись, Рональд встал и снова налил себе виски с содовой. Потом медленно вернулся к креслу.

— Пока вроде бы все складывается для следствия прекрасно. Но видите ли, сейчас мы подходим к самой сути. Ах, какое разочарование! Откуда-то появляется неприятное предчувствие, что вас все время водили за нос. Потому что мы подошли к алиби, мистер Пуаро!

Молодой человек осушил стакан.

— Я всегда находил алиби чертовски приятной штукой, — заметил он. — Когда я читаю детективные романы, то всегда обращаю на алиби особое внимание. А мое алиби просто замечательное — трехголовое. Выражаясь попроще, я имею трех свидетелей: мистера Дортаймера, миссис Дортаймер и мисс Дортаймер. Исключительно богатые и исключительно музыкальные люди. У них ложа в «Ковент-гарден»^[48].

В эту ложу они приглашают самых перспективных молодых людей. А

я, мистер Пуаро, являюсь одним из самых перспективных молодых людей, которых только можно найти. Люблю ли я оперу? Откровенно говоря, нет. Но сначала я наслаждался великолепным обедом на Гросвенор-сквер, а потом не менее великолепным ужином. Правда, мне пришлось за это платить: от танцев с Рэчел Дортаймер у меня до сих пор рука ноет. Что и требовалось доказать, мистер Пуаро. В то время, как кровь хлещет из моего дядюшки, я шепчу всякие глупости в украшенные бриллиантами ушки прекрасной белокурой, простите, темноволосой Рэчел в ложе оперы, и ее длинный носик трясется от смеха. Теперь вы видите, мистер Пуаро, почему я могу быть с вами откровенен.

Он откинулся в кресле.

— Надеюсь, я не очень утомил вас своим рассказом? Есть вопросы?

— Уверяю вас, вы нас ничуть не утомили, — ответил Пуаро. — Но раз вы любезно разрешаете задавать вопросы, то у меня есть один маленький вопросик.

— Рад буду ответить.

— Лорд Эдвер, сколько времени вы знакомы с Карлоттой Адамс?

Рональд Марш ожидал все, что угодно, но только не это. Он резко выпрямился, и на его лице появилось совершенно новое выражение.

— Ради бога, зачем вам это? Какое это имеет отношение к моему рассказу?

— Просто любопытно и все. А кроме того, вы так подробно все изложили, что к вашему рассказу у меня нет никаких вопросов.

Молодой человек бросил на моего друга быстрый взгляд. Ему как будто не понравилась похвала Пуаро. Рональду, вероятно, хотелось, чтобы мой друг отнесся к его рассказу более подозрительно.

— С Карлоттой Адамс? Дайте подумать. Около года. Нет, чуть больше. Я познакомился с ней в прошлом году, во время ее первых гастролей.

— Вы ее хорошо знали?

— Довольно неплохо. Она не из тех людей, которых можно узнать очень хорошо. Она девушка не болтливая и все такое.

— Но она вам нравилась?

— Хотел бы я знать, почему вас так интересует эта леди? — Рональд удивленно посмотрел на Пуаро. — Может быть потому, что я был с ней на том ужине? Да, она мне очень нравится. Карлотта симпатичная, внимательно слушает собеседника и дает ему почувствовать, что и он, в конце концов, что-то из себя представляет.

Пуаро понимающе кивнул.

— Значит, вам будет очень жаль.

— Жаль? Чего жаль?

— Она мертва.

— Что!?! — подпрыгнул от удивления молодой человек. — Карлотта мертва?

Новость абсолютно ошеломила его.

— Вы меня разыгрываете, мистер Пуаро. Карлотта была в полном здравии, когда я видел ее в последний раз.

— А когда это было? — быстро спросил Пуаро.

— Кажется, позавчера. Точно не помню.

— Tout de même^[49], она умерла.

— Это совершенно неожиданная смерть. А что с ней случилось? Попала под машину?

— Нет, — Пуаро посмотрел в потолок. — Приняла чрезмерную дозу веронала.

— Ну и ну! Какая ужасная трагедия.

— N'est-ce pas?^[50]

— Мне действительно очень жаль. У нее все складывалось так неплохо. Собиралась вызвать из Штатов младшую сестру, строила всякие планы. Черт возьми, словами не выразить, как мне жаль ее.

— Да, — согласился Пуаро. — Так печально умереть молодым, когда умирать совсем не хочется, когда перед тобой открыта вся жизнь и у тебя есть все, ради чего следует жить.

Рональд с удивлением взглянул на моего друга.

— Я не совсем понимаю вас, мистер Пуаро.

— Нет? — Пуаро встал и протянул для прощания руку. — Наверное, я выразился... чересчур сильно. Потому что мне не нравится, когда молодых людей лишают права жить, лорд Эдвер. Я против этого. Очень против. До свиданья.

— Э... до свиданья, — несколько растерянно произнес Рональд.

Открыв дверь, я чуть не столкнулся с мисс Кэрролл.

— О! Мистер Пуаро, мне сказали, что вы еще не ушли. Я хотела бы поговорить с вами, если это возможно. Вы не будете против, если мы зайдем в мою комнату?

— Речь об этом ребенке, Джеральдине, — начала она, когда мы зашли в ее рабочий кабинет и она прикрыла дверь.

— Слушаю вас, мадемуазель.

— Сегодня она наговорила массу глупостей. Да, да, глупостей! У меня нет другого слова. Ее просто прорвало.

— Да, я заметил, что она страдает от перенапряжения, — мягко согласился мой друг.

— Э... сказать по правде, у нее не очень счастливо сложилась жизнь. Да, не стоит лицемерить. Откровенно говоря, мистер Пуаро, лорд Эдвер был весьма своеобразным человеком. Таким людям нельзя доверять воспитание детей. Если честно, то он просто терроризировал Джеральдину.

— Я предполагал что-то в этом роде, — кивнул Пуаро.

— Он был начитанным, образованным человеком. Но кое в чем... ну, я, конечно, с этим не сталкивалась, но было в нем что-то такое... Я не удивилась, когда леди Эдвер бросила его. Учтите, она мне никогда не нравилась, и я о ней совсем невысокого мнения. Выйдя замуж за этого человека, она получила все сполна. Потом она ушла. Как говорится, разошлись, как в море корабли. Но Джеральдина уйти не могла. Иногда лорд Эдвер вел себя так, будто девочки вовсе и не существовало, потом вдруг вспоминал о ней. Временами мне казалось... хотя, может, и не стоит говорить об этом...

— Нет, нет, мадемуазель, говорите.

— Ну, временами мне казалось, что лорд Эдвер хочет отыгаться на девочке за ее мать... за свою первую жену. Джеральдина — нежное создание с очень мягким характером. Мне всегда было жаль ее. Я бы никогда не вспоминала об этом, мистер Пуаро, если бы не эта глупая вспышка девочки. То, что она говорила о своей ненависти к отцу, может показаться подозрительным тому, кто не знает всех обстоятельств ее жизни.

— Большое спасибо, мадемуазель. Я думаю, что лорду Эдверу жилось бы намного лучше, если бы он не женился вообще.

— Намного лучше.

— А он не думал жениться в третий раз?

— Каким образом? Ведь он был женат.

— Но дав развод леди Эдвер, он бы и сам стал свободным.

— Я считаю, что и с двумя женами у него было немало неприятностей, — мрачно заметила мисс Кэрролл.

— Значит, вы думаете, что вопроса о третьем браке не стояло? И у него никого не было на примете? Подумайте, мадемуазель? Никого?

Секретарша слегка покраснела.

— Ну что вы все об этом? Конечно же, у него никого не было.

14. Пять вопросов

— А почему вы спросили, не хотел ли лорд Эдвер жениться в третий раз? — любопытствовал я, когда мы ехали домой.

— Просто я подумал, что не исключена и такая возможность, *mon ami*.

— Почему?

— Я все думаю, чем объяснить столь резкую перемену во взглядах лорда Эдвера на развод. Что-то в этом есть, мой друг.

— Да, — задумчиво согласился я. — Довольно странно.

— Видите ли, Гастингс, лорд Эдвер подтвердил то, что говорила нам его жена. Она обращалась за помощью ко многим адвокатам, но он упорно отказывался уступить. И вдруг совершенно неожиданно он соглашается!

— Если только не лжет, — заметил я.

— Очень верное замечание, Гастингс. Весьма справедливо. *Если только не лжет*. У нас нет никаких доказательств, что он действительно написал письмо. *Eh bien*, предположим, что этот мосье говорит неправду. Почему он подсовывает нам фальшивку, выдумку? С другой стороны, если он и *правда* написал письмо, то *чем* объяснить его неожиданное согласие на развод? Самое первое предположение, которое приходит на ум, — лорд Эдвер встретил какую-то женщину, на которой хочет жениться. И это прекрасно объясняет, почему он так внезапно изменил своим принципам. Естественно, я задаю вопросы на эту тему.

— Но мисс Кэрролл решительно отвергла это предположение, — сказал я.

— Да, мисс Кэрролл... — задумчиво протянул мой друг.

— На что вы намекаете? — спросил я с некоторой досадой. Пуаро прекрасно удается заронить сомнения даже интонацией своего голоса. — Ну какой смысл ей лгать?

— *Aucune-aucune*^[51]. Но видите ли, Гастингс, поверить ее словам все равно трудно.

— Значит, вы думаете, что она говорит неправду? Но зачем? Она производит впечатление вполне искреннего человека.

— В том-то и дело. Иногда не так просто распознать, где намеренное искажение фактов, а где неумышленная неточность.

— Что вы имеете в виду?

— Обманывать намеренно — это одно. Но быть уверенным в собственной правоте до такой степени, что мелкие детали кажутся

несущественными, — это, мой друг, характеризует исключительно честного человека. Мисс Кэрролл уже солгала нам произвольно один раз. Она сказала, что видела лицо Джейн Уилкинсон, хотя это невозможно. Как это случилось? Давайте рассуждать. Она стоит на втором этаже, смотрит вниз и вроде бы видит Джейн Уилкинсон. Никаких сомнений не зарождается у мисс Кэрролл: она считает, что это должна быть Джейн Уилкинсон. И секретарша заявляет нам, что отчетливо видела ее лицо. Будучи так уверена в истине, она не обращает внимания на детали, которые должны составлять эту истину! Мы сказали ей, что она не могла видеть лицо вошедшей женщины. Ведь так? Но мисс Кэрролл абсолютно все равно, видела она это лицо или нет: она «знает», что это была Джейн Уилкинсон. И так по любому вопросу. Она отвечает на них в соответствии со своими убеждениями, а не в соответствии с имевшими место фактами. К честному свидетелю всегда надо относиться с подозрением, мой друг. Свидетель, который колеблется, сомневается, задумывается над своими ответами — «э-э...», «гм...», «вроде бы было так и так...», — заслуживает намного больше доверия!

— Боже мой, Пуаро! — воскликнул я. — Да вы опрокидываете все привычные представления о свидетелях!

— Когда я спросил мисс Кэрролл, не хотел ли лорд Эдвер жениться в третий раз, она меня чуть на смех не подняла. И только потому, что лично ей такая мысль никогда не приходила в голову. Она даже не потрудилась вспомнить, не было ли каких-нибудь, пусть даже самых незначительных признаков того, что это может произойти. Следовательно, после беседы с этим свидетелем мы не продвинулись ни на шаг.

— Действительно, когда вы сказали ей, что она не могла видеть лицо вошедшей женщины, она ничуть не смутилась, — задумчиво произнес я.

— Верно. Вот потому я и решил, что она не лгунья, а один из этих честных, но ненадежных свидетелей. Вряд ли у нее есть причины лгать, если только она... Идея! Вот это мысль!

— Мне пришло в голову одно предположение. Впрочем, — Пуаро покачал головой, — это невозможно, просто невозможно.

Больше он ничего не сказал.

— По-видимому, мисс Кэрролл очень любит дочь лорда Эдвера, — заметил я.

— Да. Несомненно, ей хотелось помочь девушке отвечать на мои вопросы. А какого вы мнения о Джеральдине Марш?

— Мне жаль ее, очень жаль.

— У вас доброе сердце, Гастингс. Нежное создание, попавшее в беду,

всегда вызывает вашу симпатию.

— А вашу нет?

— Да, живется ей несладко, — серьезно сказал Пуаро. — Это видно по ее лицу.

— В любом случае вы понимаете, как нелепо предположение Джейн Уилкинсон о том, что эта девушка могла убить своего отца, — тихо заметил я.

— Ее алиби, несомненно, будет удовлетворительным, но пока Джепп ничего не говорил мне на этот счет.

— Мой дорогой Пуаро, вы хотите сказать, что даже после того, как вы увидели эту девушку и поговорили с ней, вам все же необходимо знать ее алиби?

— Eh bien, мой друг, что с того, что я увидел ее и поговорил с ней? Да, она глубоко несчастна, она призналась, что ненавидела своего отца и рада его смерти и ей не по себе от мысли о том, что она могла наговорить нам вчера утром. И после этого вы говорите, что ей не нужно алиби?

— Но эта откровенность и говорит о ее невиновности, — с симпатией произнес я.

— Откровенность вообще является отличительной чертой этой семейки. Вспомните нового лорда Эдвера... С каким апломбом он открыл нам свои карты!

— Да, действительно, — улыбнулся я, вспомнив речь Рональда. — Довольно оригинальный метод.

Пуаро кивнул.

— Он... как это говорится? Выбивает почву возле наших ног.

— Из-под наших ног, — поправил я. — Да, мы выглядели довольно глупо.

— Что за нелепая мысль! Вы, может быть, и выглядели глупо, а я нет. Я не чувствовал себя глупо и не думаю, что выглядел глупо. Напротив, мой друг, мне удалось привести нашего собеседника в замешательство.

— Неужели? — усомнился я, поскольку не мог вспомнить ни малейших признаков замешательства у нового лорда Эдвера.

— Si, si^[52]. Я слушал, слушал, а потом взял да и задал ему совершенно неожиданный вопрос, и это, как вы могли заметить, выбило нашего бравого мосье из колеи. Вы недостаточно наблюдательны, Гастингс.

— Но я думаю, что, когда он услышал о смерти Карлотты Адамс, его изумление, ужас были искренними, — ответил я. — А вы, наверное, считаете, что он всего лишь талантливо разыграл скорбь.

— Трудно сказать. Мне его чувства тоже *показались* вполне

правдивыми.

— Как вы думаете, зачем он забросал нас всеми этими фактами? Да еще говорил так цинично? Чтобы развлечься?

— Это тоже возможно. У вас, англичан, весьма своеобразное чувство юмора. Но может быть, он преследовал и другую цель. Если человек скрывает какие-то факты, это вызывает подозрения. Если же он излагает их откровенно, то слушающий начинает придавать им меньше значения, чем они того заслуживают.

— Например, рассказ о ссоре с дядей?

— Точно. Рональд знает, что рано или поздно этот факт будет обнаружен. Eh bien, он рассказывает об этом сам.

— Он не так глуп, как кажется.

— О, он совсем не глуп. Мозги у него в порядке, и он не ленится их эксплуатировать. Лорд Эдвер прекрасно сознает свои возможности и, как я уже сказал, смело открывает карты. Вот вы играете в бридж, Гастингс. Скажите, когда игрок поступает так?

— Да вы и сами играете, — засмеялся я, — и прекрасно знаете, что игрок открывает свои карты тогда, когда абсолютно уверен, что выиграет, и хочет просто сэкономить время.

— Да, mon ami, это совершенно справедливо. Но иногда случается и по-другому. Я сам замечал это пару раз, когда в игре участвуют les dames^[53]. Партия близится к концу, но кто выиграет — неизвестно. Eh bien, la dame^[54] бросает карты на стол и заявляет: «Все остальные взятки — мои!» И остальные игроки соглашаются, особенно если они не слишком опытные. Учтите, в бридже блеф почти не бросается в глаза, для этого требуется анализировать партию. И вот когда открыта новая колода, и карты уже наполовину раздали для следующего роббера, кого-нибудь из игроков начинают одолевать сомнения: «Да, но чем бы она побила мою бубновую масть?» или «У нее не было крупных трэф, и я легко перехватил бы ход...», ну и далее в том же духе.

— Значит, вы думаете...

— Значит, я думаю, Гастингс, что слишком много напускной бравады тоже заслуживает внимания. А также я считаю, что самое время поужинать. Une petite omelette, n'est pas?^[55] А потом, часов в десять, мне нужно нанести один визит.

— Кому?

— Сначала поужинаем. И пока не выпьем кофе, давайте больше не будем обсуждать это дело. Когда человек кушает, его мозг должен быть

слугой желудка.

Мой друг сдержал слово. В течение всего ужина в маленьком ресторане в Сохо, где Пуаро хорошо знали, он ни разу не обмолвился о деле лорда Эдвера. Мы съели прекрасный омлет, рыбу, цыпленка, а на десерт — ромовую бабу, которую мой друг очень любил.

Когда мы пили кофе, Пуаро дружески улыбнулся мне и сказал:

— Мой добрый друг. Я завишу от вас больше, чем вы думаете.

Я был смущен и тронут этим неожиданным заявлением. Пуаро никогда не говорил мне ничего подобного. Иногда втайне я даже обижался на него за это. Казалось, Пуаро из кожи лез вон, чтобы принизить мои умственные способности.

Хотя я и не думал, что его собственный ум ослабевает, мне неожиданно пришло в голову, что, вероятно, мой друг стал зависеть от меня больше, чем раньше.

— Да, — продолжал он задумчиво, — может быть, вы не всегда понимаете, как это происходит, но вы очень часто указываете мне правильный путь.

Я не верил своим ушам.

— Честное слово, Пуаро, — запинаясь произнес я, — я ужасно рад. Ведь я многому у вас научился.

— Mais non, ce n'est pas ça^[56], — покачал он головой. — Ничему вы не научились.

— О! — воскликнул я в изумлении.

— Послушайте, как должно быть. Ни один человек не должен учиться у другого. Каждый должен развивать свои собственные способности до предела, а не стараться подражать кому-то. Я не хочу, чтобы появился второй Пуаро, который по качеству будет уступать оригиналу. Я хочу, чтобы вы оставались Гастингсом, лучше которого не бывает. И вы действительно лучший в своем роде. В ваших мыслях, Гастингс, я нахожу пример деятельности нормального человеческого ума.

— Надеюсь, что нормального, — буркнул я.

— Да, да. Вы прекрасно уравновешенный человек. Вы воплощение здравого смысла. Знаете, что это для меня значит? Когда преступник совершает преступление, он старается замести следы. Кого он хочет обмануть? Раз он имеет дело с нормальными людьми, то и обман его направлен на нормального среднестатистического человека. Конечно, «нормальный человек» — это математическая абстракция. Но вы подходите под это определение почти идеально. У вас бывают вспышки гениальности, когда вы поднимаетесь выше среднего уровня, и бывают

моменты, когда вы, простите меня, опускаетесь до поразительных глубин бестолковости. Eh bien, какая от этого польза для меня? А вот какая: в ваших мыслях я как в зеркале читаю то, во что меня хочет заставить поверить преступник. Это чрезвычайно полезно, потому что подсказывает мне правильные ходы.

Я не совсем понял Пуаро, но мне показалось, что его объяснения едва ли можно назвать комплиментом. Однако скоро он избавил меня от этого впечатления.

— Я плохо выразился, — быстро поправился мой друг. — У вас есть интуиция, понимание криминального ума, чего мне не всегда достает. Вы подсказываете мне мысли преступника. Это большой дар.

— Интуиция, — задумчиво сказал я. — Да, возможно, у меня есть интуиция.

Я взглянул на Пуаро. Мой друг курил свои миниатюрные сигареты и смотрел на меня с большой симпатией.

— Ce cher^[57] Гастингс, — пробормотал он. — Я и правда очень вас люблю.

Хотя мне и было приятно слушать эти слова, но я смутился и быстро перевел разговор на другую тему.

— Давайте лучше поговорим об этом преступлении, — деловито сказал я.

— Eh bien, — Пуаро отклонился назад, глаза его сузились. Он выпустил клуб дыма и произнес:

— Je me pose questions^[58].

— Да? — спросил я с надеждой.

— Вас тоже мучают сомнения?

— Конечно, — ответил я. Отклонившись и сузив глаза, как Пуаро, я выпалил:

— Так кто же убил лорда Эдвера?

Пуаро немедленно распрямил плечи и энергично затряс головой:

— Нет, нет. Совсем не так. Это вопрос, да? Вы напоминаете человека, который читает детективный роман и начинает перебирать по очереди всех действующих лиц. Один раз и мне пришлось применить подобный метод. Как-нибудь я расскажу вам об этом чрезвычайно успешном для меня расследовании. Так на чем мы остановились?

— На вопросах, которые вы задаете себе, — сухо ответил я. Я хотел связвить, что на самом деле я нужен Пуаро только для того, чтобы ему было перед кем хвастаться своими успехами, но сдержался: раз ему так

нравится поучать других — пусть поучает. — Любопытно послушать, что же это за вопросы.

Пуаро только этого и надо было. Он снова откинулся на спинку кресла и начал:

— Первый мы уже обсудили. *Почему лорд Эдвер изменил свое отношение к разводу?* По этому поводу мне пришло в голову пару идей. С одной из них я вас познакомил.

Вопрос номер два: *что случилось с письмом лорда Эдвера?* Кому выгодно, чтобы развод не состоялся?

Третий вопрос: *что могло означать это странное выражение лица лорда Эдвера, которое вы случайно заметили вчера, выходя из библиотеки?* Может, у вас есть ответ, Гастингс?

Я покачал головой.

— Вы уверены, что это не плод вашего воображения? Иногда, мой друг, оно у вас un peu vif.^[59]

— Нет, нет, — я энергично затряс головой. — Я абсолютно уверен, что мне это не показалось.

— Bien^[60]. Значит, этот факт тоже требует объяснения. Четвертый вопрос касается пенсне. Ни Джейн Уилкинсон, ни Карлотта Адамс не носили очков. Откуда же тогда в сумочке мисс Адамс оказалось пенсне?

И последний вопрос: *зачем кто-то позвонил в Чизвик, чтобы удостовериться, что леди Эдвер там, и кто был этот человек?*

Вот это, мой друг, и есть вопросы, которые не дают мне покоя. Если я смогу ответить на них, я буду счастлив. Мое amour propre^[61] не будет страдать так сильно, если я смогу разработать теорию, которая удовлетворительно объяснит все эти несуразности.

— Но есть и другие вопросы, — заметил я.

— Например?

— Кто подбил Карлотту Адамс на участие в розыгрыше? Где была она в тот вечер до и после десяти часов? Кто такой Д., подаривший ей золотую коробочку?

— Ну, эти вопросы слишком прямолинейны, — возразил мой друг. — Они подразумеваются сами собой. Это *фактические* вопросы, ответы на которые мы можем получить в любой момент. Я бы сказал, что это просто детали, которых мы пока не знаем. Мои же вопросы, mon ami, психологические. Маленькие серые клеточки...

— Пуаро! — в отчаянии воскликнул я, понимая, что должен остановить его любой ценой, так как не смогу еще раз выдержать рассказ о

серых клеточках. — Вы говорили о каком-то визите сегодня вечером.

— Верно, — согласился Пуаро, взглянув на часы. — Я сейчас позвоню и выясню, примут ли нас.

Через несколько минут он вернулся.

— Поехали. Все в порядке.

— Куда? — осведомился я.

— К сэру Монтегю Корнеру в Чизвик. Я хотел бы поподробнее узнать о том загадочном телефонном звонке.

15. Сэр Монтегю Корнер

Около десяти часов вечера мы прибыли в Чизвик. Дом сэра Монтегю, большой особняк, окруженный парком, находился неподалеку от реки. Нас провели в красивый зал, стены которого были отделаны панелями. Через открытую дверь по правой стороне мы увидели столовую с длинным полированным столом, освещенным свечами.

— Пожалуйста, проходите сюда, — слуга провел нас по широкой лестнице на второй этаж.

Мы оказались в комнате, из окон которой открывался вид на реку. Здесь царил дух старого времени. В углу, возле открытого окна, стоял столик для игры в бридж. Вокруг него сидело четверо мужчин. Когда мы вошли, один из них поднялся навстречу нам.

— Рад с вами познакомиться, мистер Пуаро.

Я с интересом посмотрел на сэра Монтегю. Это был невысокий человек с очень маленькими черными умными глазами и тщательно уложенным париком. Его поведение было жеманным до предела.

— Позвольте представить вам мистера и миссис Уидберн.

— Мы уже знакомы, — весело сказала миссис Уидберн.

— А это мистер Росс.

Росс был молодым белокурым человеком лет двадцати двух с приятным лицом.

— Я помешал вашей игре. Тысяча извинений, — сказал Пуаро.

— Все нет. Мы еще не начинали, собирались только сдавать карты. Выпьете кофе, мистер Пуаро?

От кофе мой друг отказался, зато принял предложение выпить старого бренди. Нам принесли его в огромных бокалах.

Пока мы пили небольшими глотками, сэр Монтегю разглагольствовал о японских гравюрах, китайской глазури, персидских коврах, французском импрессионизме, современной музыке и теории Эйнштейна. Затем он откинулся на спинку кресла и добродушно взглянул на нас. Очевидно, ему понравилось собственное выступление.

В тусклом свете сэр Монтегю был похож на средневекового джина. По всей комнате были развешаны и расставлены изящные произведения искусства.

— А теперь, сэр Монтегю, — начал Пуаро, — я не буду больше злоупотреблять вашим терпением и перейду к цели моего визита.

Сэр Монтегю махнул рукой, удивительно напоминающей когтистую лапу птицы.

— Некуда спешить. Время бесконечно.

— Это всегда чувствуешь в вашем доме, — вздохнула миссис Уидберн. — Здесь так чудесно.

— Я бы не стал жить в Лондоне и за миллион, — заявил сэр Монтегю, — если бы не старомодная атмосфера этого дома, в которой чувствуешь себя так спокойно. В наши тревожные дни покой, увы, большая редкость.

Неожиданно мне пришла в голову крамольная мысль о том, что, если бы кто-то действительно предложил сэру Монтегю миллион фунтов стерлингов, старомодная атмосфера спокойствия могла бы катиться ко всем чертям. Но я отогнал эту еретическую мысль.

— Да и что есть деньги, в конце концов? — пробормотала миссис Уидберн.

— Да, — задумчиво произнес ее супруг и рассеянно побренчал мелочью в кармане.

— Арчи, — с упреком обратилась к нему миссис Уидберн.

— Извини, дорогая, — отозвался мистер Уидберн и перестал звенеть монетами.

— Говорить в таком обществе о преступлении просто непростительно, — начал Пуаро извиняющимся тоном.

— Вовсе нет, — сэр Монтегю милостиво махнул рукой. — Преступление ведь тоже может быть произведением искусства, а детектив — настоящим виртуозом. Я говорю, конечно, не о полиции. Сегодня в моем доме побывал один инспектор из Скотленд-Ярда. Интересный человек. Например, он никогда не слышал о Бенвенуто Челлини^[62].

— Наверное, он приходил по делу Джейн Уилкинсон, — заявила миссис Уидберн с внезапно проснувшимся любопытством.

— Какая удача, что эта леди была вчера вечером у вас в гостях, — заметил Пуаро.

— Похоже, что так, — согласился сэр Монтегю. — Я пригласил ее сюда, зная, что она красива и талантлива. Она хочет заняться поисками новых талантов, и я надеюсь быть ей полезен. Но пока судьба распорядилась иначе: я оказался полезен ей в совершенно другом вопросе.

— Джейн повезло, — сказала миссис Уидберн. — Она изо всех сил старалась избавиться от лорда Эдвера, и кто-то оказал ей такую услугу. Все говорят, что теперь она выйдет замуж за герцога Мертонна. А старая герцогиня чуть с ума от этого не сходит.

— На меня леди Эдвер произвела благоприятное впечатление, — снисходительно сказал сэр Монтегю. — Мы побеседовали с ней вчера об искусстве Древней Греции.

Я улыбнулся, представив, как Джейн своим волшебным хрипловатым голосом вставляет «да» и «нет» и «как чудесно!» в любую беседу. Сэр Монтегю был человеком, для которого интеллигентность собеседника состояла в умении слушать с должным вниманием.

— Все говорили, что Эдвер был странным человеком, — вступил в разговор мистер Уидберн. — Осмелюсь сказать, что врагов у него было не так уж мало.

— Мистер Пуаро, это правда, что кто-то всадил ему нож в затылок? — спросила миссис Уидберн.

— Абсолютная правда. Очень точный и эффективный удар, я бы даже сказал — научно обоснованный.

— Я чувствую, что это убийство восхитило вас, как произведение искусства, — заметил сэр Монтегю.

— А теперь я перехожу к цели моего визита, — объявил Пуаро. — Вчера, когда леди Эдвер ужинала здесь, ее позвали к телефону. Меня интересуют подробности этого телефонного звонка. Вы разрешите мне побеседовать с вашим лакеем?

— Конечно, конечно. Росс, будьте любезны, позвоните.

На звонок пришел слуга, высокий человек средних лет с лицом священника. Сэр Монтегю объяснил ему, что хочет Пуаро. Лакей с вежливым вниманием повернулся к моему другу.

— Кто взял трубку, когда зазвонил телефон? — начал Пуаро.

— Я, сэр. Телефон стоит в нише по пути из зала.

— Это был женский или мужской голос?

— Женский, сэр.

Лакей немного подумал.

— Насколько я помню, сэр, сначала телефонистка спросила, действительно ли это номер Чизвик 43 434. Я ответил, что да. А потом уже та, другая женщина осведомилась, ужинает ли у нас леди Эдвер. Я подтвердил, что госпожа Эдвер действительно ужинает у нас. Тогда эта женщина сказала: «Я хотела бы поговорить с ней». Я пошел в столовую, сообщил об этом леди Эдвер и проводил ее к телефону.

— А потом?

— Леди Эдвер взяла трубку и сказала: «Алло, кто это говорит?» Потом ответила: «Да, это леди Эдвер». Я уже хотел идти, когда она подозвала меня и сказала, что их рассоединили. Что кто-то засмеялся и, видимо, повесил

трубку. Потом леди Эдвер спросила меня, не называла ли говорившая свое имя. Я ответил, что нет. Вот и все, сэр.

Пуаро нахмурился каким-то своим мыслям.

— Вы действительно думаете, что этот телефонный звонок имеет какое-то отношение к убийству, мистер Пуаро? — спросила миссис Уидберн.

— Пока невозможно сказать, мадам. Просто это любопытное обстоятельство.

— Иногда люди звонят в шутку. Со мной тоже так шутили.

— *C'est toujours possible*^[63], madame, — подтвердил Пуаро и вновь обратился к лакею. — Голос этой женщины был высокий или низкий?

— Низкий, сэр. Такой осторожный и довольно отчетливый, — слуга сделал паузу. — Может, мне показалось, сэр, но в нем чувствовался *иностранный* акцент. Эта женщина слишком старательно выговаривала звук «р».

— Ну, если так, то это мог быть и шотландский акцент, Дональд, — улыбнулся Россу мистер Уидберн.

— Не виновен, — засмеялся тот. — В это время я сидел за столом.

Пуаро опять заговорил со слугой.

— Как вы думаете, могли бы вы узнать этот голос, если бы услышали его еще раз?

— Не знаю, сэр, — заколебался лакей. — Может быть. Наверное, мог бы.

— Благодарю вас, мой друг.

Лакей поклонился и удалился важной походкой.

Сэр Монтегю продолжал играть роль дружелюбного старомодного хозяина. Он стал уговаривать нас остаться на партию бриджа. Я извинился: ставки были выше, чем мне хотелось бы. Молодой Росс тоже с облегчением вздохнул, когда Пуаро сменил его за столиком. Так мы и сидели с Россом, наблюдая за игрой. Вечер закончился убедительной победой моего друга и сэра Монтегю: оба выиграли довольно крупные суммы.

Мы поблагодарили хозяина и покинули дом. Росс отправился с нами.

— Станный человек этот сэр Монтегю, — заметил Пуаро, когда мы вышли на ночную улицу.

Погода была чудесная. Мы решили пройтись пешком, пока нам не попадет такси.

— Да, странный человек, — снова сказал мой друг.

— Очень богатый человек, — с чувством добавил Росс.

— Еще бы.

— Мне кажется, что я ему понравился, — заявил молодой человек. — Надеюсь, это надолго. Поддержка сэра Монтегю много значит.

— Вы актер, мистер Росс?

Дональд ответил утвердительно. Кажется, он слегка расстроился, что его фамилия не вызвала у нас никаких ассоциаций. Оказывается, недавно он с успехом выступил в какой-то мрачной пьесе русского автора.

Когда мы с Пуаро утешили его, мой друг как бы между прочим спросил:

— Вы знали Карлотту Адамс?

— Нет. Я видел сообщение о ее смерти в вечерней газете. Чрезмерная доза какого-то наркотика. Как глупо эти девушки травят себя.

— Да, это печально. К тому же это была очень умная девушка.

— Может быть, — равнодушно сказал Росс. Его явно не интересовали способности других.

— А вы были на ее спектаклях? — спросил я.

— Нет. Мне такие вещи не нравятся. Сейчас все с ума сходят от пародий, но я считаю, что эта мода долго не продержится.

— Вот и такси, — сказал Пуаро и помахал тростью.

— А я пройду пешком до Хаммерсмита, — заявил молодой человек. — Оттуда поеду домой на метро.

Вдруг он как-то неестественно засмеялся.

— Странно. Этот вчерашний ужин...

— Да?

— Кто-то из гостей не пришел, и нас сидело за столом тринадцать. Но мы так и не заметили этого до конца ужина.

— А кто первым встал из-за стола? — спросил я.

— Я, — ответил Росс и нервно хихикнул.

16. Разговор с инспектором Джеппом

Вернувшись домой, мы обнаружили, что нас ожидает инспектор Джепп.

— Решил зайти поболтать перед сном, мистер Пуаро, — жизнерадостно сообщил он.

— Eh bien, мой друг, как идут дела?

— Да не особенно хорошо, — инспектор слегка помрачнел. — Может, у вас есть что-нибудь для меня?

— Могу поделиться с вами парочкой идей, — ответил мой друг.

— Ох, уж эти ваши идеи! Знаете, Пуаро, вы в некотором смысле человек со странностями. Но мне хотелось бы услышать ваши соображения, честное слово. Хотя ваша голова и имеет весьма причудливую форму, в нее часто приходят отличные мысли.

Пуаро выслушал комплимент без особого энтузиазма.

— Меня больше всего интересуют эти загадочные леди-близнецы, — продолжал Джепп. — Что вы думаете по этому поводу? А, мистер Пуаро? Кто же приходил в дом лорда Эдвера?

— Именно об этом я и хочу поговорить.

Пуаро спросил инспектора, слышал ли тот о Карлотте Адамс.

— Я слышал это имя. Но сейчас не могу припомнить в связи с чем.

Мой друг объяснил.

— А, актриса! Пародистка, да? А почему вы о ней спросили? Она-то какое имеет отношение к этому делу?

Пуаро рассказал, что привело его к подобному заключению.

— Боже мой, а ведь вы правы. Платье, шляпа, перчатки и прочее. И еще этот светлый парик. Ну, Пуаро, вы неотразимы. Отличная работа! Хотя я и не думаю, что Карлотту убрали как свидетеля. Здесь вы явно выдаете желаемое за действительное, и я не могу с вами согласиться.

Ваша теория на этот счет слишком неправдоподобна. У меня в этих вопросах больше опыта, чем у вас. Я не верю, что за всем этим скрывается человек, направлявший Карлотту Адамс. Она и сама была женщина предприимчивая. Я думаю, все произошло так: она пошла к лорду Эдверу с какими-то своими целями, наверное, шантажировать его, ведь она намекала, что скоро получит большие деньги. Они поспорили. Он вышел из себя, она вышла из себя. Карлотта его прикончила. Когда она вернулась домой и до нее дошло, что она натворила, с ней случилась истерика. Она

же не хотела убивать. Я считаю, что Карлотта сознательно приняла чрезмерную дозу наркотика. Это было для нее легчайшим выходом.

— И вы думаете, что этим можно объяснить все факты?

— Ну конечно, мы еще многого не знаем, но это неплохая рабочая гипотеза. А может быть, убийство лорда Эдвера и розыгрыш не имеют друг к другу отношения? Может, это чертовски неудачное совпадение?

Я знал, что мой друг не согласен с этим. Но он только сказал уклончиво:

— Mais oui, c'est possible^[64].

— Или вот послушайте еще. Сам розыгрыш достаточно безобиден, но кто-то из посторонних слышит о нем и понимает, что это можно отлично приспособить для своих планов. Неплохо? — инспектор сделал паузу, потом продолжал. — Но лично я предпочитаю версию номер один. А что связывало лорда Эдвера и эту девушку, мы еще выясним.

Пуаро рассказал ему о письме Карлотты Адамс в Америку, отправленном служанкой, и Джепп согласился, что оно может значительно помочь следствию.

— Я займусь этим письмом немедленно, — заявил инспектор, делая пометку в своей записной книжке и пряча ее в карман. — Я склонен думать, что убийца — женщина, потому что не могу найти никого другого. Правда, есть еще капитан Марш, новый лорд Эдвер. У него для убийства своего дяди был не мотив, а целый мотивище. Да и репутация у него отвратительная: постоянно нуждался в деньгах и был не очень-то разборчив насчет того, где их достать. Более того, вчера утром он сильно поругался с лордом Эдвером. Он мне сам об этом рассказал, хотя было бы, конечно, приятней, если бы я докопался до этого факта самостоятельно. Он был бы перспективным подозреваемым, но у него алиби на вчерашний день: он провел вечер в опере с Дортаймерами. Пообедал с ними на Гросвенор-сквер, посетил оперу, потом поужинал в «Собрание». Я проверял. Вот такие дела.

— А мадемуазель?

— Вы имеете в виду его дочь? Ее тоже не было дома. Она обедала с какими-то Картью Уэстами, потом пошла с ними в оперу. Вечером они проводили ее домой. Она вернулась без четверти двенадцать. Так что и ее кандидатура отпадает. Секретарша, похоже, тоже в порядке: очень деловая, приличная женщина. Потом еще слуга. Не могу сказать, что я проникся к нему особой симпатией. Разве мужчина может быть таким красивым? Ну, а если серьезно, в нем есть что-то подозрительное. Да и на службу к лорду Эдверу он поступил как-то странно. Сейчас я навожу о нем справки.

Впрочем, я не вижу у него никакого мотива для убийства.

— Есть ли какие-нибудь новые факты по этому делу?

— Да, есть кое-что. Трудно сказать, имеют ли они какое-то значение или нет. Во-первых, исчез ключ лорда Эдвера.

— Ключ от входной двери?

— Да.

— Это, конечно, интересно.

— Как я уже сказал, этот факт может говорить о многом, а может и ничего не значить. Мне кажется, что более важным является то, что лорд Эдвер получил вчера по чеку деньги. Правда, немного, всего сто фунтов. Он взял французской валютой, так как должен был ехать сегодня в Париж. Так вот: эти деньги исчезли.

— Кто вам об этом сказал?

— Мисс Кэрролл. Она получала эти деньги в банке. Она упомянула об этом в разговоре со мной, и я сразу же обыскал все вещи лорда Эдвера, но этих денег нигде не нашел.

— А где они были вчера?

— Секретарша не знает. Она отдала их лорду Эдверу около половины четвертого в библиотеке. Деньги были в банковском конверте. Лорд Эдвер взял конверт и положил его на стол.

— Надо подумать. Это усложняет дело.

— Или облегчает. Кстати, что касается раны...

— Да?

— По мнению доктора, она сделана не простым перочинным ножом. Чем-то вроде этого, но с лезвием другой формы. Очень острым лезвием.

— Не бритвой?

— Нет, нет. Меньше.

Пуаро, нахмутив брови, задумался.

— Новому лорду Эдверу, видно, очень понравилась его собственная шутка, — заметил Джепп. — Ему кажется забавным быть подозреваемым в убийстве. Он постарался сделать все, чтобы мы действительно насторожились по отношению к нему. Довольно странная позиция.

— Может быть, он хочет выяснить нашу точку зрения?

— Нет, скорее всего он пытался скрыть неловкость. Смерть дяди была ему очень выгодна. Между прочим, он уже переехал в его дом.

— А где он жил до этого?

— На Сент-Джордж-роуд. Не очень шикарное место.

— Запишите адрес, Гастингс.

Я выполнил просьбу Пуаро, хотя и удивился немного: если Рональд

переехал на Риджент-гейт, вряд ли нам понадобится его старый адрес.

— Я думаю, что убила все-таки эта Адамс, — заявил инспектор вставая. — Отличная работа, Пуаро. Конечно, вы ходите по театрам, развлекаетесь, поэтому вам и приходят в голову мысли, которые у меня никогда и не возникнут. Жаль только, что мы пока не нашли у этой девушки никакого мотива, но я уверен, что если мы покопаемся немного, обязательно его обнаружим.

— Вы не обратили внимания на одного человека, у которого есть серьезный повод для убийства лорда Эдвера.

— Кто это, сэр?

— Джентльмен, который, как полагают, хочет жениться на леди Эдвер. Я имею в виду герцога Мертон.

— Да, действительно здесь есть мотив, — засмеялся Джепп. — Но люди такого ранга не убивают. А кроме того, он в Париже.

— Значит, вы не считаете его серьезным подозреваемым?

— А разве вы считаете, мистер Пуаро?

И смеясь над нелепостью этого предположения, инспектор покинул нас.

17. Слуга

Следующий день мы бездействовали, зато Джепп работал не покладая рук. Мы пили чай, когда он забежал к нам весь красный и рассерженный.

— Я совершил грубейшую ошибку.

— Что вы, мой друг, это невозможно, — попытался успокоить инспектора Пуаро.

— Нет, совершил. Я позволил этому (тут инспектор вставил крепкое слово) слуге ускользнуть от меня.

— Так от исчез?

— Да. Смылся. Я не просто идиот, я круглый идиот, потому что мне и в голову не пришло включить его в число подозреваемых.

— Успокойтесь, ну право же, инспектор, успокойтесь.

— Вам хорошо утешать. Посмотрел бы я на ваше спокойствие, если бы начальство намылило вам шею так, как мне! О, этот слуга скользкий тип. Опытный, не первый раз убегает.

Джепп вытер пот со лба. Сейчас он представлял собой довольно жалкое зрелище. Пуаро издал неопределенный сочувственный звук, чем-то напоминающий кудахтанье курицы, откладывающей яйцо. Зная английскую натуру лучше, чем мой друг, я налил виски, самую малость разбавил его содовой и поставил перед инспектором. Тот немного оживился.

— Не откажусь, — произнес он.

Опрокинув стакан, Джепп продолжил свой рассказ уже не столь похоронным тоном:

— Даже сейчас я не уверен, что убийца — слуга. Конечно, его исчезновение выглядит подозрительным, но для этого могут быть и другие причины. Видите ли, я начал наводить о нем справки. Похоже, что этот слуга связан с парочкой ночных клубов. Не тех, что обычно конфликтуют с законом, а более непристойных, гадких. Этот парень — мерзкий тип.

— Tout de même^[65], это еще не значит, что он убийца.

— Верно. Он может быть замешан в каком-нибудь нечистом деле, но не обязательно убийстве. Нет, теперь я как никогда прежде уверен, что это сделала мисс Адамс, хотя доказательств у меня пока нет. Мои люди перерыли всю ее квартиру, но не нашли ничего полезного. Она была девушка себе на уме. Никаких личных записей, только деловые бумаги, копии заключенных контрактов. Все аккуратно сложено и помечено. Пара

писем от сестры из Вашингтона, так, ничего особенного. Один-два предмета старой бижутерии, не эти дорогие новомодные штучки. Дневник она не вела. Паспорт и чековая книжка в порядке. Черт возьми, как будто эта девушка не имела никакой личной жизни!

— Просто она была замкнутой, — задумчиво заметил Пуаро. — Жалко, конечно, с одной стороны.

— Я беседовал с ее служанкой. Тоже безрезультатно. Еще я ходил в шляпный магазин. Его содержит девушка, которая, кажется, была подругой Карлотты Адамс.

— Да? Ну и какого вы мнения о мисс Драйвер?

— Смышленная, наблюдательная девица. Впрочем, она тоже не смогла мне помочь. Меня это не удивило. Сколько раз мне приходилось искать пропавших девушек, и всегда их родные и близкие твердят одно и то же: «Она была таким добрым, любящим созданием. С парнями не общалась». И это всегда оказывалось неправдой. Это неестественно. Девушки должны дружить с парнями. Бестолковые друзья и родственники всегда затрудняют следствие.

Он передохнул, и я наполнил его стакан.

— Спасибо, капитан Гастингс, я не против. Так на чем мы остановились? Бегаешь, бегаешь, как ищейка... Нашлась дюжина молодых людей, с которыми она ужинала и танцевала, но нет ни малейшего намека на то, что к кому-нибудь из них она питала нежные чувства. Среди них и новый лорд Эдвер, и кинозвезда Брайен Мартин, и еще с десятков. Увы, никого, заслуживающего внимания. Вы не правы, если считаете, что за этим убийством стоит еще кто-то. Скоро вы убедитесь, что она действовала в одиночку, мистер Пуаро. Теперь я стараюсь выяснить, чем она была связана с убитым. Такая связь должна быть. На той маленькой коробочке было написано «Париж». Покойный лорд Эдвер побывал в Париже несколько раз прошлой осенью. Мисс Кэрролл сказала мне, что он покупал на распродажах антикварные вещи. Так что и мне стоит туда прокатиться. Завтра дознание, но оно, конечно, будет отложено. Поеду в Париж завтра после обеда.

— Меня поражает ваша неиссякаемая энергия, Джепп.

— Зато вы что-то ленитесь. Вы просто сидите, размышляете и называете это работой маленьких серых клеточек! Бесполезно. К фактам надо идти, они к вам сами не придут.

Дверь открылась, и служанка обратилась к Пуаро:

— Мистер Брайен Мартин, сэр. Вы заняты или примете его?

— Я ухожу, — Джепп встал. — Похоже, у вас консультируются все

звезды театрального мира.

Пуаро скромно пожал плечами, и инспектор засмеялся.

— Вы, наверное, уже миллионер, мистер Пуаро. Что вы делаете с деньгами? Копите?

— Безусловно, я сторонник экономии. Кстати, о деньгах: как распорядился ими лорд Эдвер?

— Та собственность, которая автоматически не переходит к новому лорду Эдверу, отойдет к его дочери. Пятьсот фунтов стерлингов он завещал мисс Кэрролл. Других наследников нет. Очень простое завещание.

— А когда лорд Эдвер сделал его?

— Чуть более двух лет назад, после того, как его бросила вторая жена. В связи с этим он лишил ее наследства.

— Мстительный тип, — пробормотал Пуаро.

Бросив нам «пока», повеселевший инспектор ушел.

В комнату вошел Брайен Мартин. Он был безукоризненно одет и элегантен, но выглядел не очень счастливым. Лицо его осунулось.

— Я обещал прийти раньше, — начал он. — Извините, мистер Пуаро. В конце концов оказалось, что я понапрасну тратил ваше время.

— En verite?

— Да. Я говорил с той женщиной. Убеждал ее, просил, но бесполезно. Она и слышать не захотела о том, чтобы этим делом занимались вы. Поэтому нам придется его бросить. Простите, что зря потревожил вас.

— Du tout-du tout^[66], — великодушно ответил мой друг. — Я и предполагал, что этим закончится.

— Да? — слова Пуаро сильно удивили актера. — Вы предполагали?

— Mais oui. Когда вы сказали, что вам надо проконсультироваться с той леди, я уже знал, что она откажется.

— Так у вас есть какая-то теория на этот счет?

— У сыщика, мистер Мартин, всегда есть какая-нибудь теория. От него это и требуется. Правда, я сам не называю это теорией. Так, небольшая идея. Первая стадия.

— А вторая?

— Если эта идея подтвердится, тогда я знаю правильное решение. Видите, все очень просто.

— Я бы хотел, чтобы вы поделились со мной вашей теорией, или, как вы ее называете, идеей.

— У сыщика есть еще одно правило: молчать до поры до времени, — покачивая головой, мягко сказал Пуаро.

— И намекнуть даже не можете?

— Нет. Скажу только, что я начал кое о чем догадываться, когда вы упомянули золотой зуб.

Брайен Мартин ошеломленно уставился на Пуаро.

— Вы меня окончательно запутали, — заявил он. — Не могу понять, к чему вы клоните. Если бы вы хоть намекнули...

Пуаро улыбнулся и вновь покачал головой:

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Да, но сначала... ваш гонорар... не отказывайтесь.

— Pas un sou!^[67] — повелительно взмахнул рукой мой друг. — Я вам ничем не помог.

— Но я отнял у вас время...

— Когда мне самому интересно, я не беру денег. А ваше дело меня очень заинтересовало.

— Я рад, — с тревогой произнес актер. Вид у него был просто несчастный.

— Ладно, — мягко сказал мой друг. — Переменим тему.

— Я встретил на лестнице человека. Он, кажется, из Скотленд-Ярда?

— Да, это инспектор Джепп.

— Там темно, и я плохо разглядел его. Кстати, он приходил ко мне и расспрашивал о той несчастной девушке, которая умерла от веронала.

— Вы хорошо знали мисс Адамс?

— Не очень. В детстве, там в Америке, мы дружили. Но с тех пор я видел ее нечасто, так, пару раз. Очень жаль, что она умерла.

— Вам она нравилась?

— Да. С ней было исключительно легко общаться.

— Я с вами согласен. Она как-то располагала к себе.

— Наверное, полиция считает, что это самоубийство? Я ничем не мог помочь инспектору. Карлотта всегда была скрытной девушкой.

— Не думаю, что это было самоубийство, — заметил Пуаро.

— Да, это больше похоже на несчастный случай.

Наступило молчание.

— Смерть лорда Эдвера становится все более загадочной, не правда ли? — улыбнулся Пуаро.

— Да. Чрезвычайно загадочной. А вы не знаете... нет ли у полиции каких-либо предположений... э... насчет того, кто это сделал? Ведь теперь Джейн вне всяких подозрений.

— Mais oui, у полиции есть сильные подозрения насчет другого человека.

— Правда? А насчет кого?

— Куда-то пропал слуга лорда Эдвера. А побег — это почти что признание вины.

— Слуга? Да, удивительный факт.

— Очень симпатичный молодой человек. И vous ressemble un peu^[68], — сделал комплимент Пуаро, слегка поклонившись.

Ну, конечно! Теперь я понял, почему лицо слуги показалось мне таким знакомым, когда я впервые увидел его.

— Вы мне льстите, — засмеялся актер.

— Нет, нет и нет. Разве молодые девушки, начиная от служанок и машинисток и кончая светскими леди, разве все они не влюблены без памяти в мистера Брайена Мартина? И вообще, найдется ли кто-нибудь, кто может устоять перед вами?

— Найдется. И я думаю, не так уж мало, — сказал Мартин и порывисто встал. — Большое вам спасибо, мистер Пуаро. Еще раз извините за то, что зря вас потревожил.

Актер пожал нам руки, и я опять поймал себя на мысли, что он выглядит старше своих лет. Усталость на его лице стала еще более заметной.

Любопытство буквально пожирало меня, и едва лишь за актером закрылась дверь, как я подступил к своему другу с расспросами.

— Пуаро, а вы действительно знали, что он вернется и объявит о том, что его делом не стоит заниматься?

— Вы же слышали, что я ему ответил, Гастингс.

— Но это значит, что... — начал я, желая поразить Пуаро строгой логикой своих суждений.

— Это значит, что у вас на языке вертится вопрос: что же это за таинственная леди, у которой мистер Мартин хотел спросить разрешение?

Мой друг улыбнулся и продолжал:

— У меня появилось одно предположение, мой друг. Как я сказал, толчком к этому стало упоминание о золотом зубе. Если моя догадка правильная, тогда я знаю, кто эта женщина и почему она не разрешила Мартину воспользоваться моей помощью, и вообще знаю правду обо всем, что касается этого дела. Вы бы и сами могли догадаться, если бы только должным образом использовали ваш мозг, этот величайший божий дар. А то мне иногда кажется, что когда бог раздавал людям разум, он нечаянно обошел вас.

18. Человек на заднем плане

Я не стану описывать процедуру дознания по делу о смерти лорда Эдвера и Карлотты Адамс. В отношении Карлотты полиция признала смерть в результате несчастного случая. Что касается лорда Эдвера, то здесь ограничились лишь формальным опознанием тела и медицинским освидетельствованием. Окончательные выводы об обстоятельствах его смерти так и не были сделаны. Согласно результатам вскрытия, смерть лорда Эдвера наступила не менее чем через час, максимум два часа, после ужина, то есть между десятью и одиннадцатью часами вечера, но скорее всего ближе к десяти.

Тот факт, что Карлотта сыграла роль двойника Джейн Уилкинсон, тщательно скрыли. В газетах появились приметы исчезнувшего слуги, и у людей создалось впечатление, что это и есть преступник. Его рассказ о визите на Риджент-гейт Джейн Уилкинсон посчитали наглой ложью. О показаниях секретарши, подтверждавших рассказ слуги, вообще не упоминалось. Хотя об убийстве писали все газеты, в этой информации содержалось мало реальных фактов.

Джепп тем временем продолжал активно работать. Меня несколько беспокоило, что Пуаро занял такую бездеятельную позицию. Уже в который раз я подумал, что это признак приближающейся старости моего друга. Он оправдывался, но его объяснения выглядели крайне неудовлетворительно.

— В моем возрасте избегают лишних хлопот, — заявил как-то Пуаро.

— Но Пуаро, мой дорогой друг, вы вовсе не старый, — запротестовал я.

Я чувствовал, что ему нужна поддержка. В то время как раз входило в моду лечение внушением.

— Вы так же полны энергии, как и прежде, — говорил я убежденно. — Вы в самом расцвете сил, Пуаро. Вы достигли своего апогея. Если бы вы только захотели, вы бы могли великолепно покончить с этим делом.

Пуаро ответил, что предпочитает решать эту задачу сидя дома.

— Но Пуаро, когда вы сидите дома, у вас ничего не получается.

— Верно, у меня не все получается.

— Мы бездействуем, а Джепп работает!

— Мне это вполне подходит.

— А мне нет. Я хочу, чтобы вы тоже действовали.

— А я действую.

— Каким образом?

— Жду.

— Чего ждете?

— Pour que mon chien de chasse me rapporte le gibier^[69], — ответил мой друг, и в его глазах зажегся огонек.

— Что вы имеете в виду?

— Не что, а кого. Я имею в виду нашего доброго Джеппа. Как говорится, зачем держать собаку и лаять самому? Инспектор приносит мне всю необходимую информацию. Он — воплощение физической активности, которая вас так восхищает. У него в распоряжении есть такие средства, которых нет у меня. Я не сомневаюсь, что скоро мы услышим от него новости.

Тем временем инспектор медленно, но верно продвигался вперед. Он накопил немало материала по делу лорда Эдвера, правда, в Париже ему не удалось узнать ничего стоящего. Через пару дней после поездки в Париж Джепп заглянул к нам. Он был очень доволен собой.

— Дело продвигается медленно, — признался инспектор, — но все же мы идем вперед.

— Поздравляю вас, мой друг. Что нового?

— Мне удалось выяснить, что какая-то белокурая девушка оставляла портфель в камере хранения вокзала Юстон в девять часов утра в день убийства. Работникам камеры показали портфель мисс Адамс, и они узнали его. Этот портфель американского производства, поэтому он несколько отличается от наших, английских.

— Ага! Вокзал Юстон. Это совсем недалеко от Риджент-гейт. Перед убийством она, несомненно, поехала на вокзал, загримировалась в туалетной комнате и оставила портфель в камере хранения. А когда его забрали?

— В пол-одиннадцатого. Служащий говорит, что его взяла та же самая женщина.

Пуаро удовлетворенно кивнул.

— Я разузнал еще кое-что, — продолжал инспектор. — У меня есть все основания предполагать, что Карлотта Адамс была в ресторане «Корнер-хаус» на Стренде в одиннадцать часов вечера.

— Ah! C'est tres bien ça!^[70] Откуда вы это узнали?

— Ну, я наткнулся на этот факт более-менее случайно. Видите ли, в газетах упоминалось, что у Карлотты Адамс была маленькая золотая

коробочка с рубиновыми инициалами. Один репортер написал недавно статью о пагубном увлечении наркотиками молодых актеров. Ну, такую сентиментальную чепуху в духе воскресных колонок. Так вот, этот репортер подробно описал в своей статье эту коробочку. Знаете, как у этих писак: роковая золотая коробочка со смертельным содержимым и трогательная фигура молодой девушки, у которой было все впереди. Ну и дальше в таком же духе. В этой статье он мимоходом поинтересовался, где Карлотта могла провести свой последний вечер, о чем она думала тогда и т. д. и т. п.

Одна официантка из «Корнер-хаус» прочитала статью и припомнила, что она обслуживала женщину, у которой была точно такая коробочка. Официантка разволновалась и рассказала об этом друзьям: мол, вдруг этим заинтересуется какой-нибудь журнал? Репортер из «Ивнинг шрик» заинтересовался ее рассказом, и сегодня в вечернем выпуске будет напечатана душещипательная история о последних часах талантливой актрисы. О том, как она ждала кого-то, но тот человек так и не пришел, о том, как официантка интуитивно почувствовала, что у этой женщины что-то не в порядке, ну, и прочая ерунда.

— А как вам удалось узнать об этом так быстро?

— О! Мы в очень хороших отношениях с «Ивнинг шрик». Я услышал об этом от одного их репортера. Тот все старался выведать у меня что-нибудь о деле лорда Эдвера. И я сразу же помчался в «Корнер-хаус».

Да, именно так и надо было вести это дело. Мне стало жаль Пуаро. Джепп получал все свои новости из первоисточников, и весьма возможно, что при этом он упускал из виду какие-то важные детали, а с Пуаро этого бы не случилось. Увы, мой друг безмятежно переваривал далеко не свежие факты.

— Я беседовал с этой официанткой и почти не сомневаюсь, что все было именно так, как она рассказала. Она, конечно, не смогла выбрать фото Карлотты Адамс из нескольких снимков, но ведь она и призналась, что не обратила особого внимания на лицо той женщины. Официантка запомнила, что это была молодая, стройная, смуглая, хорошо одетая женщина. На голове у нее была модная шляпка. Жаль, что женщины обращают больше внимания на одежду, чем на лицо ее обладателя.

— Лицо мисс Адамс не так-то легко запомнить, — вставил Пуаро. — Оно очень подвижное, чувствительное — в общем, быстро меняющее свое выражение.

— Да, вы правы. Правда, я не занимаюсь классификацией физиономий. Официантка сказала, что на этой женщине было черное

платье и что она принесла с собой портфель. Официантка особенно удивилась, зачем такой хорошо одетой леди носить портфель. Женщина заказала яичницу и кофе, но официантка считает, что она просто убивала время ожидая кого-то, потому что постоянно смотрела на часы. Официантка заметила эту золотую коробочку, коща подошла, чтобы получить деньги. Та женщина достала коробочку из сумки, положила на стол и все время смотрела на нее, улыбаясь своим мыслям. Эта вещь поразила официантку. Она так и сказала: «Как бы я хотела, чтобы у меня была такая же красивая коробочка и мои инициалы тоже были бы выложены рубинами!»

Расплатившись, мисс Адамс сидела в ресторане еще какое-то время. В конце концов она, вероятно, решила, что дальше ждать бесполезно, и ушла.

Пуаро нахмурился.

— Это было rendez-vous — пробормотал он. — Rendezvous с кем-то, кто не пришел. Встретила ли она потом этого человека? Или нет? Не потому ли она хотела дозвониться до него из дома? О, как мне нужно это знать!

— Опять эти ваши домыслы, мистер Пуаро. Таинственный Человек-На-Заднем-Плане. Мифический Человек-На-Заднем-Плане. Нет, я не утверждаю, что она никого не ждала. Может и ждала. Договорилась встретиться с кем-то после визита к лорду Эдверу. Ну, а результат этого визита мы знаем: она вышла из себя и прикончила его ножом. Но она не из тех, кто долго пребывает в состоянии аффекта. Вскоре после убийства Карлотта опомнилась, пошла на вокзал, изменила внешность, взяла в камере хранения свой портфель и отправилась на встречу в ресторан. И вот тут наступило, как говорится, прозрение. Осознание своего ужасного поступка. Когда ее дружок не явился на встречу, это окончательно добило ее. Может, он знал, что она ходила на Риджент-гейт. Карлотта поняла, что игра окончена. И вот она достает свою коробочку с наркотиком. Взять чуть больше, чем надо, — и все кончено. По крайней мере, виселица ей больше грозить не будет. Все так же очевидно, как то, что у вас на лице есть нос.

Пуаро с сомнением коснулся пальцами своего носа, потом дотронулся до усов. Он нежно погладил их, причем лицо его приняло горделивое выражение.

— Нет совсем никаких свидетельств того, что в этом деле замешан еще кто-то, — заявил инспектор, закрепляя успех. — Пока у меня нет доказательств того, что между мисс Адамс и лордом Эдвером существовала какая-то связь, но это лишь дело времени. Откровенно говоря, Париж разочаровал меня, но ведь с ноября прошлого года прошло почти девять

месяцев. Мои люди по-прежнему наводят там справки. Может, что-нибудь и раскопают. Я знаю, что вы со мной не согласны, упрямая вы голова!

— Сначала вам не понравился мой нос, а теперь — голова!

— Не принимайте близко к сердцу. Это я фигурально, — успокоил моего друга Джепп.

— Англичане говорят: «А я и не принимаю», — подсказал я Пуаро, который не знал всех тонкостей английского языка.

Пуаро посмотрел на нас в большом недоумении.

— Будут ли какие-нибудь указания? — шутливо спросил у двери Джепп.

Пуаро, улыбнувшись на прощание инспектору, сказал:

— Указаний не будет. Будет совет.

— Да? Ну и какой же? Выкладываете.

— Проверьте такси. Постарайтесь найти машину, которая брала пассажира или, может быть, двух пассажиров в районе «Ковент-гарден» и отвозила их на Риджент-гейт в ночь убийства. Это было примерно без двадцати одиннадцать.

Джепп скосил на Пуаро бдительный глаз. Инспектор напоминал смышленную охотничью собаку.

— Вы считаете, что это необходимо? Ну что ж, сделаю. Вреда от этого не будет. Иногда вы говорите дельные вещи.

Едва лишь за инспектором закрылась дверь, как мой друг встал и с усердием принялся чистить свою шляпу.

— Не задавайте мне вопросов, мой друг. Лучше принесите немного бензина. Сегодня утром мне на жилет попал кусочек омлета.

Я выполнил его просьбу.

— Впервые за все это время я считаю, что мои вопросы излишни, — заявил я. — Все предельно ясно. Но неужели вы действительно так думаете?

— Моп амі, в настоящий момент я думаю исключительно о своем туалете. Извините меня, но ваш галстук мне решительно не нравится.

— Очень неплохой галстук, — возразил я.

— Вы как-то намекали на мой преклонный возраст. То же самое можно сказать и про возраст вашего галстука. Смените его, прошу вас, и почистите правый рукав.

— Мы что, собираемся на прием к королю Джорджу? — съязвил я.

— Нет, но я прочитал в утренней газете, что герцог Мертон вернулся в Лондон. Его же считают первым английским аристократом. Вот я и хочу продемонстрировать ему должное почтение.

«В Пуаро нет ничего от социалиста», — подумал я.

— А зачем нам надо видеть герцога Мертона?

— Мне необходимо поговорить с ним.

Больше мне не удалось добиться от Пуаро ничего. Когда мой костюм стал, с точки зрения Пуаро, выглядеть удовлетворительно, мы отправились в путь.

Лакей осведомился, договаривались ли мы о встрече с герцогом. Получив отрицательный ответ, он взял визитную карточку Пуаро и понес ее хозяину. Вскоре лакей вернулся и сказал, что их светлость очень сожалеют, но в данный момент они исключительно заняты. Пуаро сел в кресло.

— Tres bien — заявил он. — Я подожду. Если понадобится, то и несколько часов.

Этого, однако, не потребовалось. Вероятно для того, чтобы поскорее избавиться от назойливого гостя, герцог решил принять его немедленно. Нас пригласили в покои Мертона.

Герцог оказался мужчиной лет двадцати семи, худым и болезненным на вид. Его внешность не производила особо благоприятного впечатления: у Мертона были редкие волосы неопределенного цвета, залысины, маленький рот с поджатыми губами и мечтательный, отсутствующий взгляд. По-моему, он более походил на не очень преуспевающего торговца галантереей. На стенах комнаты висело несколько распятий, а также другие произведения религиозной тематики. На широкой полке не было, похоже, ничего, кроме книг по богословию. Я знал, что, будучи болезненным ребенком, Мертон обучался исключительно дома. И этот человек пал жертвой Джейн Уилкинсон! Герцог принял нас сухо и недружелюбно.

— Может быть, вам приходилось слышать обо мне, — начал Пуаро.

— Не приходилось.

— Я изучаю психологию преступников.

Герцог не ответил. Он сидел за письменным столиком лицом к окну. Перед ним лежало неоконченное письмо. Мертон нетерпеливо стучал по столу кончиком ручки.

— По какому поводу вы хотели меня видеть? — осведомился он.

Пуаро сидел напротив герцога, спиной к окну.

— В настоящее время я расследую обстоятельства гибели лорда Эдвера.

— Правда? Я не имел чести знать его, — на слабовольном, но упрямом лице герцога не дрогнул ни один мускул.

— Но мне кажется, что вы знакомы с его женой, с мисс Джейн

Уилкинсон.

— Да, это так.

— Знаете ли вы, что у нее были веские основания желать смерти своего мужа?

— Ничего подобного мне не известно.

— Ваша светлость, позвольте мне спросить вас напрямик: вы собираетесь жениться на мисс Уилкинсон?

— Когда я буду собираться жениться, газеты сообщат об этом. Я считаю ваш вопрос неуместным, — герцог встал. — Всего хорошего.

Пуаро тоже поднялся. С неловким видом, понуриив голову, мой друг, запинаясь, пробормотал:

— Я не хотел... я... Je vous demande pardon... [71]

— Всего хорошего, — повторил герцог чуть громче.

На этот раз Пуаро сдался. Он безнадежно махнул рукой, и мы покинули комнату. Это было позорное поражение.

Мне стало жаль Пуаро. Его обычная напыщенность не произвела на герцога никакого впечатления. Великий сыщик оказался для него чем-то вроде таракана.

— Нехорошо получилось, — сказал я сочувственно. — Каким все-таки надменным типом оказался этот человек. Но зачем вы хотели его видеть?

— Хотел узнать, действительно ли он и Джейн Уилкинсон намерены пожениться.

— Но она же нам сама об этом сказала.

— О! Она сказала. Мисс Уилкинсон может сказать что угодно, лишь бы это служило ее целям. А вдруг она хочет женить герцога на себе, а он, бедняга, и знать об этом не знает?

— Да, герцог отбрил вас по всем правилам.

— Он ответил мне так, как ответил бы какому-нибудь репортеришке, — Пуаро хихикнул. — Но зато теперь я знаю, как обстоят дела с их браком.

— Откуда? Вы поняли это по его поведению?

— Вовсе нет. Вы видели, что он писал письмо?

— Видел.

— Eh bien, в молодости я служил в бельгийской полиции и научился читать почерк вверх ногами. Это бывает очень полезно. Так знаете, что герцог писал в этом письме? *«Моя дорогая, я с трудом переношу эти долгие месяцы ожидания. Джейн, обожаемая моя, мой прелестный ангел, как мне рассказать, что ты значишь для меня? Ты так много страдала! Только я знаю...»*

— Пуаро! — возмущенно закричал я.

— Он остановился как раз на этой фразе. *«Только я знаю о том, как ты прекрасна...»*

Я ужасно огорчился: мой друг, как ребенок, был рад своему поступку.

— Пуаро! — воскликнул я. — Вы не можете читать чужие письма...

— Вы говорите глупости, Гастингс. Как это не могу, когда я только что смог!

— Но это... это игра не по правилам.

— А я не играю, и вы это знаете^[72]. Убийство — это не игра. Это серьезно. А кроме того, Гастингс, вы не должны больше использовать это выражение — «играть по правилам». Так больше не говорят. Я обнаружил, что это выражение устарело. Молодые люди смеются, когда слышат его. Молодые красивые девушки будут смеяться над вами, если вы скажете «играть по правилам». Лучше сказать «играть в крикет».

Я не ответил. Меня глубоко огорчил легкомысленный поступок моего друга.

— Ну зачем было подглядывать? — спросил я. — Если бы вы только сказали герцогу, что по просьбе Джейн Уилкинсон ходили к лорду Эдверу, он бы обошелся с вами по-другому.

— О, я не мог этого сделать. Джейн Уилкинсон — мой клиент, а я не могу обсуждать дела своих клиентов с посторонними: они строго конфиденциальны. Разглашать секреты нечестно.

— Нечестно!

— Именно так.

— Но ведь она собиралась за него замуж.

— Это еще не значит, что у нее не может быть от него секретов. Ваши взгляды на брак весьма старомодны. Нет, я решительно не мог сделать так, как вы говорите. Подумайте о чести сыщика. Честь — это очень серьезно.

— А читать чужие письма честно? Видно, мы с вами по-разному понимаем слово «честь».

19. Грозная леди

Одна из самых больших неожиданностей случилась на следующее утро. Я находился у себя в комнате, когда ко мне вошел Пуаро. Его глаза блестели.

— Mon ami, у нас гость.

— Кто?

— Вдовствующая герцогиня Мертон.

— Невероятно. Чего же она хочет?

— Если вы спуститесь со мной в гостиную, то узнаете.

Я поспешил за своим другом.

Герцогиня была миниатюрной женщиной с властным взглядом. На ее лице выделялась высокая переносица. Хотя герцогиня была небольшого роста, назвать ее коренастой я не осмелюсь. Несмотря на то, что она была одета в черное платье немодного покроя, все говорило о том, что мы имеем дело с *grande dame*^[73]. Меня поразило решительное, почти безжалостное выражение ее лица. Она была полной противоположностью своего сына. Я почти чувствовал, как от нее исходили какие-то волны. Неудивительно, что эта женщина подавляла своей силой воли всех, кто был рядом!

Она поднесла к глазам лорнет и посмотрела сначала на меня, потом на моего друга. Герцогиня обратилась к Пуаро отчетливым твердым голосом человека, который привык к тому, чтобы его слушались и подчинялись.

— Вы мистер Пуаро?

— К вашим услугам, герцогиня, — поклонился мой ДРУГ.

Она перевела взгляд на меня.

— А это мой друг, капитан Гастингс. Он помогает мне в делах.

Лицо женщины мгновенно приняло недоверчивое выражение. Однако затем она согласно кивнула и села в предложенное кресло.

— Я пришла посоветоваться с вами по очень деликатному вопросу, мистер Пуаро, и хочу попросить вас, чтобы все это осталось строго конфиденциально.

— Само собой разумеется, мадам.

— Мне рассказала о вас госпожа Ярдли. По тому, как она о вас отзывалась, как была вам благодарна, я поняла, что помочь мне можете только вы.

— Будьте уверены, я сделаю все возможное, мадам.

Герцогиня все еще колебалась. Затем, преодолев свое нежелание, она

перешла к сути дела. Она сказала о цели своего визита с такой легкостью, которая, как это ни странно, сразу напомнила мне беззаботное щебетание Джейн Уилкинсон в тот памятный вечер в «Савое».

— Мистер Пуаро, я хочу, чтобы мой сын не женился на этой актрисе Уилкинсон.

Если Пуаро и удивился, то он ничем этого не выдал. Он задумчиво смотрел на герцогиню и не спешил с ответом.

— Вы не могли бы сказать поточнее, каких действий вы ждете от меня?

— Это не так-то легко сказать. Я чувствую, что этот брак будет катастрофой. С этой женщиной мой сын не будет счастлив никогда.

— Вы так думаете, мадам?

— Я уверена в этом. У моего сына высокие идеалы. Он так плохо разбирается в житейских вопросах. Он никогда не обращал внимания даже на девушек своего класса, так как считает их легкомысленными, никчемными особами. Но что касается этой женщины... ну, она, конечно, очень красива. Она может покорить мужское сердце. Она очаровала моего сына. Я надеялась, что эта влюбленность скоро пройдет. Слава богу, она была замужем. Но теперь, когда ее муж умер...

Она запнулась.

— Они хотят пожениться через несколько месяцев. На карту поставлено счастье моего сына, — и тоном, не терпящим возражений, герцогиня добавила. — Этому надо положить конец.

— Может быть, вы правы, мадам, — Пуаро пожал плечами. — Я согласен, этот брак не совсем подходит вашему сыну. Но что делать?

— Это уж вы думайте.

Пуаро покачал головой.

— Да, да, вы должны помочь мне.

— Сомневаюсь, что я смог бы добиться успеха, мадам. Ваш сын откажется слушать все, что направлено против этой леди! И к тому же мне кажется, что сказать против нее почти нечего. Я сомневаюсь, что в ее прошлом можно откопать что-нибудь компрометирующее. Она была... ну, скажем, осторожной.

— Знаю, — мрачно отозвалась герцогиня.

— А, значит, вы уже наводили о ней справки?

Пуаро понимающе взглянул на гостью, и та слегка покраснела.

— Мистер Пуаро, я готова на все, чтобы уберечь моего сына от этого брака. *На все!* — повторила она с чувством. — Назовите любую сумму. Деньги в этом случае ничего для меня не значат. Но дело не должно дойти

до брака. И все зависит от вас.

Пуаро снова покачал головой.

— Дело не в деньгах. Я ничего не смогу сделать, и я объясню вам почему чуть позже. К тому же я не думаю, что здесь можно что-то предпринять. Я не могу помочь вам, герцогиня. Вы не сочтете дерзостью с моей стороны, если я дам вам один совет?

— Какой совет?

— *Не настраивайте против себя своего сына!* В таком возрасте он сам может решать, что ему делать. Если ваши вкусы не совпадают, не думайте, что неправ именно он. Даже если его выбор неудачен, вы должны с этим смириться. Если ему понадобится ваша помощь, не отказывайте. Но не настраивайте сына против себя.

— Ничего вы не поняли, — герцогиня встала. Губы ее дрожали.

— Да нет же, мадам, я все прекрасно понял. Я знаю материнское сердце. И я заявляю вам авторитетно: будьте терпеливы. Терпеливы и спокойны. Ничем не выдавайте своих чувств. Может быть, брак расстроится сам по себе. Ваше противодействие только усилит упрямство сына.

— Прощайте, мистер Пуаро, — холодно сказала герцогиня. — Я разочарована.

— Мне бесконечно жаль, что я не смог вам помочь, мадам. Видите ли, я нахожусь в чрезвычайно затруднительном положении. Леди Эдвер оказала мне честь, проконсультировавшись со мной раньше, чем вы.

— А! Тогда все ясно. Вы в лагере противника. Теперь я понимаю, почему леди Эдвер до сих пор не арестована за убийство своего мужа, — голос герцогини резал, как лезвие ножа.

— Comment^[74], герцогиня?

— Вы прекрасно слышали, что я сказала. Почему эта женщина на свободе? В тот вечер она была в доме лорда Эдвера. Видели, как она входила туда, видели, как она входила в его комнату. А потом его нашли мертвым. И она до сих пор не арестована! Видно, наша полиция состоит из одних взяточников.

Дрожащими руками она обмотала вокруг шеи шарф и, едва поклонившись, вылетела из комнаты.

— Фью! — присвистнул я. — Вот это женщина! Меня она восхищает, а вас?

— Восхищает потому, что хочет, чтобы вся вселенная вращалась по ее заказу?

— Но она же думает только о благополучии собственного сына.

— Верно, — кивнул Пуаро. — И все же, Гастингс, так ли уж будет плохо, если мосье le Due^[75] женится на Джейн Уилкинсон?

— Вы думаете, она его любит?

— Видимо, нет. Почти наверняка нет. Но она любит его титул и будет играть свою роль весьма осторожно. Она исключительно красивая женщина и очень честолюбива. Это не так уж плохо. Герцог мог бы жениться на девушке своего класса, которая преследовала бы те же корыстные цели, что и мисс Уилкинсон, — и никто бы не делал из этого трагедии.

— Это верно, и все-таки...

— Предположим, что он женится на девушке, которая страстно любит его. Ну и какие в этом преимущества? Я часто замечал, что мужья, которых любят жены, страдают. Такие жены устраивают сцены ревности, настаивают на том, чтобы супруг отдавал им все свое время, уделял все свое внимание. Они делают из мужчин настоящее посмешище. О нет, такая жизнь тоже не мед.

— Пуаро, — сказал я. — Вы неисправимый циник.

— Mais non^[76], я только делюсь своими наблюдениями. Видите ли, на самом деле я на стороне доброй мамочки герцога.

Я не мог удержаться от смеха, услышав такое определение надменной герцогини. Пуаро же оставался совершенно серьезным.

— Не стоит смеяться. Это все очень важно. Я должен основательно пораскинуть мозгами.

— Вряд ли вы можете предпринять что-нибудь в этом случае, — заметил я.

— Вы обратили внимание на то, как хорошо информирована герцогиня? — спросил Пуаро, не обращая внимания на мои слова. — И как она мстительна. Наверняка она раскопала все компрометирующие факты из жизни Джейн Уилкинсон, какие только можно было.

— Собрала замечательный материал для прокурора, но отнюдь не для защиты, — улыбнулся я.

— И откуда она все узнала?

— Джейн рассказывала герцогу. Тот передал матери, — предположил я.

— Да, вполне возможно. И все же я нерезко зазвонил телефон. Я взял трубку.

Моя часть диалога состояла лишь в том, что я с различными интервалами говорил «да». Затем я положил трубку и взволнованно

повернулся к Пуаро.

— Это Джепп. Он, как всегда, начал с того, что вы, Пуаро, «то, что надо». Во-вторых, пришла телеграмма из Америки. В-третьих, он нашел того водителя такси. В-четвертых, инспектор приглашает вас прийти послушать, что скажет этот водитель. В-пятых, вы опять-таки «то, что надо». А кроме того, он с самого начала был уверен, что вы попали в самую точку, когда предположили, что за этим убийством скрывается еще какой-то человек! Я, к сожалению, не сказал ему, что по мнению одной нашей сегодняшней гостьи английская полиция состоит исключительно из взяточников.

— Итак, Джепп в конце концов убедился, — пробормотал Пуаро. — Самое забавное, что версия о Человеке-На-Заднем-Плане начала подтверждаться как раз тогда, когда я стал склоняться к другой теории.

— Какой же?

— Теории о том, что мотив убийства мог не иметь никакого отношения к личности лорда Эдвера. Представьте себе, что кто-то ненавидит Джейн Уилкинсон до такой степени, что даже готов отправить ее на виселицу. C'est une idee, qa!^[77]

Он вздохнул и добавил своим обычным тоном:

— Пойдемте послушаем, что скажет нам Джепп.

20. Таксист

Когда мы вошли, Джепп беседовал с пожилым человеком в очках и с неровно подстриженными усами. У шофера такси был хриплый голос. Он говорил таким тоном, будто жалел самого себя.

— А, это вы, — сказал инспектор. — Я думаю, здесь дело ясней ясного. Этот таксист, его фамилия Джобсон, вечером 29 июня подвозил с Лонг-Эйкр двух пассажиров.

— Верно, — хрипло подтвердил Джобсон. — Отличный был вечер, лунный. Девушка и джентльмен сели в мою машину возле станции метро.

— Они были в вечернем платье?

— Да. Мужчина в белом жилете, а девушка в белом платье с изображениями птиц. Мне кажется, что они вышли из оперы.

— Сколько было времени?

— Около одиннадцати.

— И что дальше?

— Джентльмен сказал мне ехать на Риджент-гейт. Сказал, что номер дома назовет потом, и попросил поторапливаться. Вечно эти пассажиры торопят, как будто таксисты нарочно теряют время. А нам-то, наоборот, выгодно побыстрее выполнить заказ и взять нового пассажира. Люди почему-то никогда об этом не думают. И учтите, если случится авария, тебя же потом и обвинят, что ехал слишком быстро!

— Оставим это, — нетерпеливо перебил Джепп. — Ведь аварии-то не было?

— Нет, — согласился шофер таким недовольным тоном, как будто жалел, что этого не произошло. — Нет, конечно не было.

— Минут за семь, не больше, я доехал до Риджент-гейт. Потом этот джентльмен постучал по стеклу, и я остановился. Вроде бы возле дома номер 8. Девушка перешла на противоположную сторону и пошла в обратном направлении. Мужчина сказал мне ждать и остался возле машины. Он стоял ко мне спиной, держал руки в карманах и наблюдал за девушкой. Минут через пять он негромко воскликнул что-то и тоже перешел на другую сторону улицы. Я глаз с него не спускал, потому что есть и такие пассажиры, которые убегают не расплатившись. Со мной такое уже бывало. Мужчина поднялся по ступенькам одного из домов и вошел.

— Дверь была не заперта?

— Нет, он открыл ее ключом.

— А какой это был номер дома?

— Ну, я думаю номер 17 или 19. Мне показалось странным поведение этой парочки, и я стал наблюдать за тем домом. Минут через пять они оба вышли. Сели в машину и сказали ехать назад в оперу «Ковент-гарден». Они остановили меня недалеко от здания оперы и расплатились. Между прочим, неплохо заплатили. Хотя теперь, кажется, я попал из-за них в какую-то историю.

— У нас нет к тебе никаких претензий, — успокоил его Джепп. — Ну-ка, взгляни на эти снимки. Может, среди них есть фотография той пассажирки?

Он протянул таксисту с полдюжины фотографий молодых женщин похожей внешности и примерно одинакового возраста. Я с интересом заглянул через плечо шофера.

— Вот эта, — решительно заявил тот, показывая на снимок Джеральдины Марш в вечернем платье.

— Ты уверен?

— Вполне. Такая же темноволосая и бледная.

— А теперь попробуй найти мужчину, — инспектор дал шоферу еще один комплект фотографий, среди которых был снимок Рональда Марша.

Джобсон внимательно разглядел каждую фотографию и покачал головой.

— Э... не могу сказать наверняка. Вот эти двое похожи.

Хотя таксист и не выбрал фото племянника, но мужчины на этих двух снимках были довольно сильно похожи на Рональда.

Джобсон ушел.

— Неплохо, — заявил Джепп, бросая фотографии на стол. — Жаль, что он не опознал нового лорда Эдвера. Это, конечно, старая фотография, семи- или восьмилетней давности, но никакой другой мне достать не удалось. Разумеется, было бы лучше, если бы он опознал Марша поточнее, хотя и так все ясно. Двух алиби как не бывало. Вы молодчина, Пуаро, что додумались до этого.

Пуаро скромно объяснил:

— Когда я узнал, что Джеральдина и ее двоюродный брат были в опере, я подумал, что там они могли встретиться. Их знакомым и в голову не пришло, что они могли покинуть «Ковент-гарден» во время одного из перерывов. За полчаса можно вполне доехать до Риджент-гейт и вернуться. Поскольку новый лорд Эдвер слишком налегал на свое алиби, я заподозрил неладное.

— Все-то вы подвергаете сомнению, — сказал Джепп, с любовью

глядя на моего друга. — Что ж, вы правы. В нашем мире лишняя осторожность не мешает. Теперь их светлость в наших руках. А сейчас взгляните вот на это.

Он протянул Пуаро лист бумаги.

— Это телеграмма из Нью-Йорка. Они разыскали Люси Адамс. Письмо от сестры пришло ей сегодня утром. Здесь изложен его текст и, черт возьми, лучшей улики не сыщешь.

Пуаро стал читать. Я заглядывал через его плечо.

«Ниже следует текст письма, полученного Люси Адамс. Датировано 29 июня. Адрес отправителя: Роуздью-меншенз, 8, Лондон, СУ 3. Начинается словами: Дорогая сестренка, извини меня за то, что на прошлой неделе я написала тебе такое бестолковое письмо, но я была сильно занята. Ну, дорогая, вот это успех! Отзывы прессы восторженные, выручка внушительная, публика доброжелательная. Я подружилась здесь с хорошими людьми и на следующий год думаю арендовать театр на два месяца. У публики пользуется большим успехом мой русский танец и сценка «Американка в Париже», но, по-моему, зрителям больше всего нравятся «Сцены в заграничном отеле». Я так взволнована, что почти не соображаю, что пишу в этом письме, и ты сейчас поймешь почему. Но сначала я напишу тебе, как обо мне отзываются мои знакомые. Мистер Гергшаймер так любезен, что собирается пригласить меня на ленч и познакомить с сэром Монтегю Корнером, который может оказать мне поддержку. А недавно я познакомилась с Джейн Уилкинсон. Ей очень понравилось мое выступление и моя пародия на нее. Как раз об этом я и хочу рассказать тебе. Если честно, то я не питаю к этой женщине особой симпатии, да и люди отзываются о ней не совсем хорошо. Я думаю, что она скрытная и жестокая, ну да ладно, я об этом не буду. А ты знаешь, что она замужем за лордом Эдвером? Я о нем немало слышала в последнее время и скажу тебе, что это ужасный человек. А как он относится к своему племяннику, капитану Маршу, о котором я тебе уже писала! Лорд Эдвер буквально выбросил его из своего дома и перестал поддерживать материально. Мистер Марш сам рассказывал мне об этом, и мне стало очень жаль его. Мистеру Маршу тоже очень нравятся мои пародии и то, как я изображаю леди Эдвер. Он даже

считает, что лорд Эдвер — и тот не заметил бы разницы, а на днях он говорит мне: «Помогите выиграть одно пари». Я засмеялась и спросила: «А сколько заплатите?» Люси, дорогая, у меня аж дыхание перехватило, когда я услышат ответ: «10 тысяч доллоров». Только подумай — 10 тысяч, чтобы помочь кому-то выиграть глупое пари! «Ну что же, — ответит я, — если заштят, я готова подшутить даже над королем в Букингемском дворце». А потом мы стали разрабатывать план.

Как все это прошло, раскусили наш розыгрыш или нет, я напишу тебе на следующей неделе. Но в любом случае мне все равно заплатят 10 тысяч. О, сестричка, ты даже не представляешь, что значат для нас с тобой эти деньги. Ну все, кончаю. Иду делать «розыгрыш». Милая моя сестричка, я тебя так люблю. Твоя Карлотта».

Пуаро положил письмо. Я видел, что оно тронуло моего друга.

Джепп, однако, реагировал по-другому.

— Он попался! — с энтузиазмом заявил инспектор.

— Да, — согласился Пуаро, но в его голосе прозвучало странное равнодушие.

— Что-нибудь не так, мистер Пуаро? — с любопытством взглянул на него Джепп.

— Все так. Только я представлял это несколько иначе, — не было никакого сомнения, что мой друг чем-то неудовлетворен. — Что ж, пусть будет так.

— А как же иначе? Вы же с самого начала как раз это и предполагали.

— Да, да, разумеется.

— Разве не вы утверждали, что за этой наивной девушкой кто-то стоит?

— Я.

— Так что же вы еще хотите?

Пуаро вздохнул и не ответил.

— Интересный вы человек. Никогда вам не угодишь. Нам крупно повезло, что Карлотта написала это письмо.

Пуаро согласился с несколько большим энтузиазмом, чем он проявлял до сих пор.

— Mais oui, этого убийца не ожидал. Когда мисс Адамс согласилась участвовать в этом «розыгрыше», она подписала себе смертный приговор. Преступник считал, что он предпринял все меры безопасности, и все же

наивность девушки оказалась сильнее его ума. Мертвые тоже говорят. Да, иногда даже мертвые говорят.

— Я с самого начала знал, что инициатива этого убийства исходит не от мисс Адамс, — не моргнув глазом заявил инспектор.

— Да, да, конечно, — рассеянно отозвался Пуаро.

— Ну что ж, надо приниматься за работу.

— Вы собираетесь арестовать капитана Марша? Я имею в виду нового лорда Эдвера.

— А почему нет? Его вина доказана на все сто процентов.

— Верно.

— Похоже, вы совсем не рады, мистер Пуаро. Если честно, очень уж вы любите все усложнять. Вот и сейчас: ваша теория оказалась верной, а вы опять чем-то недовольны. Неужели вы видите в ней какие-то слабые места?

Пуаро покачал головой.

— Не знаю, является ли дочь лорда Эдвера соучастницей преступления, — продолжал инспектор, — но похоже, что так. Ведь она уезжала вместе с Маршем во время перерыва в опере. Если она в этом не участвовала, то зачем он брал ее с собой? Посмотрим, что они скажут.

— Можно и мне послушать? — почти с робостью спросил Пуаро.

— Конечно можно. Ведь этой теорией я обязан вам! — сказала Джепп и взял со стола телеграмму.

— В чем дело, Пуаро? — спросил я, отводя своего друга в сторону.

— Я совсем неудовлетворен, Гастингс. Все кажется ясней ясного, ни к чему не придерешься. Но *здесь что-то не то*. Какой-то очень важный факт ускользнул от нас. Вроде бы все в порядке, все произошло так, как я предполагал, но здесь что-то не так, мой друг.

И Пуаро с расстроенным видом посмотрел на меня. Я не знал, что ответить.

21. Рассказ Рональда Марша

Я не понимал моего друга: разве все вышло не так, как он предполагал? Всю дорогу на Риджент-гейт он сидел расстроенный, хмурился и не обращал никакого внимания на Джеппа, который поздравлял сам себя по поводу удачно завершающегося расследования. Наконец, вздохнув, Пуаро вышел из состояния задумчивости.

— Во всяком случае, — пробормотал он, — послушаем, что скажет Марш.

— Если он человек умный, то почти ничего, — сказал Джепп. — Сколько преступников отправилось на виселицу из-за того, что они слишком хотели говорить. Никто не может упрекнуть нас, что мы не предупреждаем их. Все честно, все по закону. Но чем больше их вина, тем больше они хотят давать «показания», которые, по их мнению, подойдут к случаю. А потом их адвокаты путаются в суде, потому что плохо зазубрили эти «факты».

Он вздохнул и продолжал:

— Адвокаты и судебные медики — это худшие враги полиции. Сколько раз на руках у меня было абсолютно ясное дело, но коронер^[78] путал мне все карты, и преступник уходил от правосудия. Конечно, против адвокатов особо не попрешь. Им как раз и платят за их ловкость, за умение все перевернуть с ног на голову.

Мы застали нашу «жертву» дома. Было время ленча, и семья сидела за столом. Джепп попросил разрешения поговорить с лордом конфиденциально, и нас пригласили, в библиотеку.

Через пару минут пришел молодой хозяин. Его легкомысленная улыбка сползла, едва он увидел выражение на наших лицах. Лорд Эдвер поджал губы.

— Привет, инспектор. В чем, собственно говоря, дело?

Джепп не жалея красок описал ситуацию.

— Ах вот в чем дело, — протянул Рональд.

Он пододвинул кресло и вытащил портсигар.

— Я думаю, инспектор, что мне следует сделать заявление.

— Как вам угодно, милорд.

— Конечно, это чертовски глупо с моей стороны, и все же я сделаю заявление. Как говорят герои в книгах, «у меня нет причин бояться правды».

Джепп не ответил. Лицо инспектора было непроницаемым.

— Вот удобный столик, — продолжал Марш. — Господин полицейский может за него сесть и зафиксировать мой рассказ стенографически.

Вряд ли когда-либо прежде подозреваемый предлагал инспектору так тщательно фиксировать свои показания. Предложение лорда Эдвера было принято.

— Начну с того, — сказал молодой человек, — что котелок у меня худо-бедно, но все-таки варит. Поэтому я знал почти наверняка, что мое прекрасное алиби лопнет, как мыльный пузырь. Дортаймеры мне больше не нужны. Вы, наверное, нашли таксиста?

— Нам известно все, чем вы занимались в тот вечер, — холодно заметил Джепп.

— Скотленд-Ярд вызывает у меня чувство искреннего восхищения. И все равно, если бы я был преступником, я бы не брал такси, не ехал бы прямо к нужному месту и не просил бы таксиста подождать, пока я не закончу. Вам это не приходило в голову? А, вижу, мистеру Пуаро приходило.

— Совершенно верно, — подтвердил Пуаро.

— Преднамеренное убийство так не делается, — продолжал Рональд. — Преступник приклеил бы себе рыжие усы, нацепил бы очки в роговой оправе и остановил бы такси за квартал до места убийства. Или поехал бы на метро и... ну, я не буду вдаваться в детали. Мой адвокат за несколько тысяч гиней сделает это лучше меня. Предвижу ваши возражения: убийство, мол, могло быть совершено и под влиянием внезапного порыва. Еду себе в такси, ни о чем таком и не помышляю и вдруг — идея: «А не прикончить ли мне лорда Эдвера?»

Ладно. Теперь я расскажу вам всю правду. Я оказался на мели: ни гроша в кармане. По-моему, это понятно. Дело почти безнадежное — в течение суток я должен был раздобыть кругленькую сумму или — пиши пропало. Я пошел к дяде. Он не любил меня, но я считал, что ему дорога честь семьи. С пожилыми людьми такое случается. Увы, как это ни печально, мой дядя оказался вполне современным безразличным циником.

Ну что ж, оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре. Я мог бы попробовать занять деньги у Дортаймеров, но знал, что это бесполезно. А жениться на его дочери я не мог. Впрочем, она и сама достаточно умна, чтобы не совершать такой глупости. Случайно я встретил в опере свою кузину. Она хорошая девушка, но я мало с ней виделся после того, как меня выгнали из дома лорда Эдвера. Я рассказал ей о своем

положении. Она уже что-то слышала об этом от отца. Здесь она и показала свое благородство: предложила, чтобы я взял ее жемчужное ожерелье. Прежде оно принадлежало ее покойной матери.

Рональд сделал паузу. Мне показалось, что он говорит искренне. А может, он был прекрасным актером, более искусным, чем все думали?

— Ну... я принял предложение этого наивного ребенка. Я мог взять за это ожерелье деньги под залог, и, клянусь вам, я бы выкупил его назад, даже если бы мне пришлось для этого работать. Но ожерелье лежало в доме на Риджент-гейт. Мы решили взять его немедленно. Сели в такси и поехали туда.

Мы сказали таксисту остановиться на противоположной стороне улицы, чтобы никто в доме не услышал шум мотора. У Джеральдины был ключ. Мы решили, что она войдет, возьмет ожерелье и принесет мне. Мы надеялись, что она никого не встретит в доме, разве что слугу. Мисс Кэрролл, секретарша, ложится спать в полдесятого, а дядя скорее всего будет находиться в библиотеке.

Итак, Джеральдина пошла в дом. Я курил на тротуаре и посматривал на входную дверь. И вот тут я подхожу к самому интересному месту в моем рассказе. Не знаю, поверите вы мне или нет. Мимо меня прошел какой-то мужчина, и я посмотрел ему вслед. К моему удивлению, он поднялся по ступенькам дома номер 17 и вошел внутрь. Правда, сначала я не был уверен, что это дом номер 17, так как стоял на некотором расстоянии от него. Меня, конечно, это удивило. Во-первых, этот человек открыл дверь ключом, а во-вторых, мне показалось, что я узнал в нем известного актера.

Я решил проверить, в чем здесь дело. У меня был свой ключ от этого дома. Я думал, что потерял его еще три года назад, но буквально за несколько дней до этих событий случайно обнаружил его у себя и хотел вернуть в то утро дяде. Но когда мы с ним разругались, я совсем забыл отдать ключ. Когда я собирался в оперу, я машинально переложил ключ в вечерний костюм вместе с другими вещами.

Я сказал таксисту ждать, быстро перешел на противоположную сторону улицы и своим ключом открыл дверь дома. В прихожей никого не было, и вообще ничего не говорило о том, что кто-то только что вошел сюда. Я постоял минуту, потом подошел к библиотеке. «Может быть, этот человек разговаривает с моим дядей?» — подумал я. Я стоял у двери в библиотеку и слушал, но так ничего и не услышал.

Я вдруг почувствовал себя круглым дураком. Видно, тот человек вошел в соседний дом. Дом моего дяди плохо освещен по вечерам, и я подумал, что, наверное, ошибся. Да, ситуация была глупейшая. И зачем

только я пошел за этим человеком? А вдруг дядя выйдет из библиотеки и увидит меня? Тогда и Джеральдине не поздоровится, и вообще шуму будет немало. А все из-за того, что мне показалось, будто тот человек шел как-то крадучись. «Хорошо, что никто не видел меня здесь, — подумал я. — Надо сматываться».

Я на цыпочках вернулся к входной двери, но как раз в это время на лестнице показалась Джеральдина. Она, конечно, испугалась, когда увидела меня. Мы вышли на улицу, и я ей все объяснил.

Рональд помолчал немного.

— Мы поспешили назад в оперу. Когда входили в зал, как раз поднимали занавес. Никто и не подумал, что мы куда-то ездили. Вечер был душный, и кое-кто из зрителей выходил во время антракта на улицу подышать свежим воздухом.

Я знаю, вы спросите, почему я этого сразу не рассказал? Тогда спрошу и я: а вы бы, имея такой основательный мотив для убийства, как я, признались бы с легкой душой, что были на месте преступления в тот вечер, когда оно было совершено?

Честно признаюсь: я перепугался! Даже если бы нам и поверили, такое признание принесло бы и мне и Джеральдине немало неприятностей. Мы не имеем никакого отношения к этому убийству, ничего не видели и не слышали. Я подумал, что скорее всего это сделала тетя Джейн, так зачем мне создавать себе лишние проблемы ненужными признаниями? Я рассказал вам о ссоре с дядей, о том, что нуждался в деньгах, потому что вы и так разузнали бы это. Если бы я скрыл и эти факты, то это вызвало бы у вас куда больше подозрений. Чего доброго, вы взялись бы проверять мое алиби более тщательно. А так я считал, что, рассказав кое-что, я внушу вам, что мне нечего бояться. Я знал, что Дортаймеры абсолютно убеждены в том, что я был в «Ковент-гарден» все время, и то, что я провел один из перерывов с кухней, не должно вызвать у них подозрения. Она могла бы подтвердить, что мы никуда не ездили.

— И мисс Марш согласилась на эту... неточность?

— Да. Едва я узнал об убийстве, я сразу же предупредил ее, чтобы она ни в коем случае не говорила никому о нашей вечерней поездке на Риджент-гейт. Для всех мы просто прогулялись немного по улице во время последнего перерыва. Она все поняла и не возражала.

— Я знаю, как выглядит в ваших глазах это запоздалое признание, — продолжал Рональд после небольшой паузы, — но все, что я рассказал, — правда. Я могу дать вам адрес и фамилию человека, который дал мне сегодня утром деньги за ожерелье Джеральдины. Если вы спросите ее, она

подтвердит каждое мое слово.

Он откинулся в кресле и посмотрел на Джеппа. Лицо инспектора оставалось непроницаемым.

— Значит, лорд Эдвер, вы посчитали убийцей Джейн Уилкинсон? — спросил Джепп.

— Ну а вы бы не посчитали? После того, что рассказал слуга?

— А ваше пари с мисс Адамс?

— Мое пари с мисс Адамс? Вы имеете в виду Карлотту Адамс? А она-то здесь причем?

— Стало быть, вы отрицаете, что предложили ей десять тысяч долларов за то, чтобы она выдала себя за мисс Джейн Уилкинсон в доме лорда Эдвера в тот вечер?

Рональд в величайшем изумлении уставился на полицейского.

— Предложил ей десять тысяч долларов? Абсурд. Кто-то вас разыграл, инспектор. У меня никогда не было такой суммы. Это же бессмыслица. Это она вам сказала? Ой, черт, я и забыл, что она мертва.

— Да, — тихо подтвердил Пуаро, — она мертва.

Рональд поочередно посмотрел на каждого из нас. Его лицо, жизнерадостное прежде, теперь побледнело, в глазах появился страх.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Я рассказал вам всю правду, но, видно, никто из вас мне не верит.

И тут, к моему великому удивлению, Пуаро сделал шаг вперед и сказал:

— Я вам верю.

22. Странное поведение Эркюля Пуаро

Мы были у себя дома.

— Скажите, ради бога... — начал было я.

Пуаро остановил меня, вскинув обе руки и умоляюще потрясая ими. Более странного жеста у моего друга мне пока видеть не приходилось.

— Очень прошу вас, Гастингс: не сейчас! Не сейчас!

После этого он схватил шляпу, водрузил ее на голову и вылетел из комнаты, как будто сам никогда не проповедовал неторопливость и хладнокровие. Когда час спустя появился Джепп, мой друг все еще не вернулся.

— Наш сыщик куда-то ушел? — спросил инспектор.

Я кивнул. Джепп плюхнулся в кресло и стал вытирать лоб платком: день стоял жаркий.

— И куда его понесло? — начал инспектор. — Я вам ют что скажу, капитан Гастингс. Когда Пуаро подошел к Маршу и заявил: «Я вам верю», я чуть на пол не сел от удивления. Уж очень мне это напоминало дешевую мелодраму. Я такого еще не слышал.

Я сказал, что тоже был удивлен словами Пуаро.

— А теперь он вообще куда-то исчез, — продолжал Джепп. — Он не сказал, куда идет?

— Нет, — ответил я.

— Совсем ничего не сказал?

— Абсолютно ничего. Я попытался заговорить с ним, но он только отмахнулся, и я решил оставить его в покое. После разговора с Маршем я хотел спросить его кое о чем, но он замахал руками, схватил шляпу и убежал.

Мы переглянулись.

— А может быть... — инспектор постучал пальцем по лбу.

Впервые я готов был согласиться с этим. Джепп и раньше неоднократно высказывал мысль о том, что Пуаро немного «того». Это случалось, когда инспектор не мог понять мудреных теорий моего друга. Но я должен сознаться, что на этот раз и я не понимал поведения Пуаро. Если он и не «тронулся», то все равно как-то подозрительно изменился. Его теория с блеском подтвердилась, а он сразу же отказался от нее.

Поскольку я был самым преданным его другом, то встревожился не на шутку.

— Он всегда был человеком со странностями, — продолжал Джепп. — Смотрел на все под своим углом, да уж больно угол этот косой. Все делал по-своему, все не так, как у людей. Я признаю, конечно, что он вроде гения, но говорят, что гении часто ходят по самому краю, что им нужно совсем немного, чтобы свихнуться. Пуаро всегда нравилось усложнять. Простые, понятные вещи ему не по душе. Ему надо себя помучить. Он отошел от реальной жизни и создал свой собственный мирок. Чем-то он напоминает мне старую леди, раскладывающую пасьянс. У той если не выходит, то она начинает подкладывать нужные карты. А у Пуаро наоборот: если выходит слишком легко, то он нужные карты прячет, чтобы потом поломать себе голову!

Мне было трудно возразить инспектору. Я был слишком обеспокоен и расстроен, чтобы мыслить ясно. Я тоже не мог найти объяснения поведению Пуаро. Не могу описать вам, как я беспокоился за своего друга.

И вот когда в комнате воцарилась тоскливая тишина, вошел Пуаро. Слава богу, он был совершенно спокоен. Он аккуратно снял шляпу, положил ее вместе с тростью на стол и сел на свое обычное место.

— Вы пришли, Джепп? Очень рад. Я как раз думал о том, что нам надо как можно скорее поговорить.

Инспектор молча смотрел на моего друга. Джепп понимал, что это только вступление, и ждал разъяснений.

Пуаро медленно, подбирая слова, начал:

— *Ecoutez*^[79], Джепп. Мы все неправы. Абсолютно неправы. Печально, но факт: мы совершили ошибку.

— Да ладно вам, — самоуверенно сказал инспектор.

— Вовсе не ладно. Я скорблю.

— Не надо жалеть этого молодого человека. Он получит по заслугам.

— Да не его я жалею, а вас.

— Меня? Ну, обо мне не надо беспокоиться.

— А я все равно жалею. Кто намекнул, что вы должны двигаться в этом направлении? Эркюль Пуаро. *Mais oui*, я подал вам эту мысль. Я привлек ваше внимание к Карлотте Адамс, я упомянул вам о ее письме в Америку. Каждый ваш шаг направлял именно я!

— Я бы и сам пришел к разгадке, — холодно заметил Джепп. — Вы меня просто немного опередили.

— *Cela se peut*^[80]. Но это меня не утешает. Если ваш авторитет пошатнется из-за того, что вы слушали меня, я буду жестоко упрекать себя.

Было похоже, что этот разговор только забавлял инспектора. Он,

видимо, думал, что Пуаро движут честолюбивые мотивы и что мой друг сердится за то, что Джепп присвоил себе лавры успешно раскрытого преступления.

— Да вы не волнуйтесь, Пуаро, — стал успокаивать инспектор. — Я не забуду упомянуть где надо, что и вы подали кое-какие неплохие идеи в ходе расследования.

И Джепп подмигнул мне.

— Дело вовсе не в этом, — мой друг досадливо щелкнул языком. — Не нужно нигде упоминать о моих заслугах. Более того, заслуг здесь нет никаких. Вас, инспектор, ожидает фиаско, и я, Эркюль Пуаро, этому виной.

Лицо моего друга выражало крайнюю степень меланхолии, и Джепп неожиданно громко захохотал. Пуаро обиделся.

— Извините, мистер Пуаро, — инспектор вытер слезы, — но сейчас вы похожи на умирающего лебедя. Послушайте, давайте забудем этот разговор. Слава или позор — в этом деле я готов взять все на себя. Оно, конечно, получит большую огласку, здесь вы правы. Ну что ж, я приложу все силы, чтобы добыть веские улики. Может случиться и так, что смысленый адвокат все же вытащит их светлость. На жюри присяжных никогда нельзя положиться. Но даже если и так, мне-то что? Все равно моя совесть будет чиста: убийцу-то мы поймали. И если вдруг какая-нибудь служанка-замухрышка из дома лорда Эдвера в истерике признается, что убийство — дело ее рук, то и в этом случае я не буду плакаться, что меня вели по ложному следу. Так что все честно.

Пуаро посмотрел на инспектора печально и с сожалением.

— Вы, Джепп, всегда и во всем уверены. Всегда и во всем! Вы никогда не задумаетесь: а возможно ли это? А может ли так быть? Вы никогда не сомневаетесь, не удивляетесь, никогда не скажете себе: что-то все слишком просто!

— Вы абсолютно правы, меня не терзают сомнения. Вот именно здесь вы, простите за выражение, и даете осечку, Пуаро. А почему не может быть просто? А что плохого, если получилось просто?

Пуаро вздохнул, развел руками и покачал головой:

— *C'est fini*^[81]. Я не скажу больше ни слова на эту тему.

— Вот и отлично, — с чувством произнес инспектор. — А теперь поговорим о вещах более важных. Хотите послушать, чем я сейчас занимаюсь?

— Ну конечно.

— Я поговорил с нашей уважаемой Джеральдиной, и ее рассказ точь-в-точь совпадает с тем, что нам поведали их светлость. Может быть, она

тоже замешана в убийстве, но не думаю. Она по уши влюблена в Марша, и я считаю, что он просто обманул ее. Она ужасно расстроилась, когда узнала, что он арестован.

— Правда? А секретарша, мисс Кэрролл?

— Думаю, она не особенно удивилась. Впрочем, это мое личное мнение.

— Ну а жемчужное ожерелье? — спросил я. — Оно действительно существует?

— На все сто процентов. Марш действительно взял за него деньги под залог на следующее утро. Но не думаю, что это как-то влияет на нашу версию. А произошло, как мне кажется, вот что: когда Марш встретил в опере свою кузину, ему неожиданно пришла в голову идея. Он был в отчаянии, а тут в лице Джеральдины он увидел спасение. Наверное, он и раньше планировал нечто в этом роде, поэтому и ключ носил с собой. Не верю, что он наткнулся на него случайно. И вот когда Марш заговорил с девушкой, он смекнул, что если впутает ее в эту историю, то получит дополнительные гарантии своей безопасности. Он играет на ее чувствах к нему, намекает на ожерелье. Она уступает. Потом Марш с Джеральдиной отправляются к ней домой. Он входит в дом вслед за девушкой и проникает в библиотеку. Может быть, лорд Эдвер дремал в это время в кресле. Так или иначе, Маршу достаточно всего двух секунд, чтобы сделать свое дело. Потом он покидает дом. Вряд ли он хотел, чтобы девушка застала его там. Марш рассчитывал, что, когда Джеральдина выйдет, он будет опять прохаживаться возле такси. Марш также надеялся, что таксист не увидит, как он входит в дом, а будет думать, что он в ожидании девушки ходит возле машины и курит. Не забывайте, что такси было развернуто в противоположную сторону.

Конечно, на следующий день Марш вынужден был заложить ожерелье, чтобы произвести впечатление человека, нуждающегося в деньгах. Потом все узнают об убийстве, и Марш, пугая Джеральдину последствиями, заставляет ее молчать об этой поездке. В случае чего они всегда могут сказать, что в перерыве прогуливались возле театра.

— Почему же они сразу нам об этом не сказали? — отрывисто спросил Пуаро.

— Наверное, Марш не решался, — пожал плечами инспектор. — Считал, что Джеральдина не сможет хладнокровно солгать. Она девушка нервная.

— Да, — задумчиво протянул Пуаро. — Нервная.

Через пару минут он задал новый вопрос:

— А вам не кажется странным, что капитан Марш взял с собой девушку, хотя ему было куда проще съездить одному? Спокойно открыть дверь своим ключом, убить дядю и вернуться в оперу? Для чего же он берет свою нервную кузину, которая, увидев его в доме, может в любую минуту закричать и выдать его? И зачем он оставил поблизости такси?

Джепп ухмыльнулся.

— Вы или я, конечно, провернули бы это дело без свидетелей. Но мы-то с вами умнее Рональда Марша.

— Не разделяю вашей уверенности. Он произвел на меня впечатление весьма умного человека.

— Но не такого умного, как мистер Эркюль Пуаро! — засмеялся инспектор. — И перестаньте возражать! Я знаю, что говорю.

Пуаро неодобрительно посмотрел на Джеппа.

— И если он не виноват, зачем ему надо было просить мисс Адамс выдавать себя за леди Эдвер? — продолжал тот. — Этому «розыгрышу» может быть только одно объяснение: преступник хотел отвести от себя подозрения.

— Здесь я с вами абсолютно согласен.

— Рад, что вы хоть в чем-то согласны.

— Может быть, Марш действительно говорил с мисс Адамс, — начал размышлять вслух Пуаро, — хотя на самом деле... нет, это глупо.

И взглянув на Джеппа, мой друг неожиданно выпалил:

— Что вы думаете о смерти Карлотты Адамс?

Инспектор откашлялся.

— Я склонен думать, что это несчастный случай. Согласен, что он пришелся Маршу очень кстати, но подозревать его в убийстве мисс Адамс я не могу. После оперы его алиби выглядит вполне убедительным. Он был в «Собрание» с Дортаймерами до начала второго ночи. А Адамс легла спать задолго до этого. Нет, по-моему, это пример того, как чертовски удачливы бывают иной раз преступники. Впрочем, если бы этот несчастный случай не произошел, он все равно бы знал, как поступить с Карлоттой. Сначала запугал бы ее, сказав, что ее арестуют по подозрению в убийстве, если она признается, а потом бы утихомирил новой суммой денег.

— А вас не удивляет, — начал Пуаро, глядя прямо перед собой, — вас не удивляет, что в этом случае мисс Адамс обрекала бы на смерть невинного человека? Ведь ее показания могли бы спасти Джейн Уилкинсон?

— Джейн Уилкинсон и так не повесили бы. Показания всех гостей на вечеринке сэра Монтегю делают ее алиби исключительно сильным.

— Но убийца не знал об этом. Он должен был бы рассчитывать на то, что Джейн Уилкинсон приговорят к смертной казни, а Карлотта Адамс будет молчать.

— Любите вы поговорить, Пуаро, правда? И вы целиком убеждены теперь в том, что Рональд Марш — эдакий белокурый мальчишка, который и мухи не обидит. Вы верите, что он видел человека, тайком вошедшего в этот же дом?

Пуаро пожал плечами.

— Как вы думаете, кого этот человек напомнил ему? — спросил Джепп.

— Могу только догадываться.

— Знаменитого киноактера Брайена Мартина! Человека, который даже и в глаза не видел лорда Эдвера! Ну, что скажете?

— Что ж, если мистер Мартин действительно открыл дверь ключом и вошел в дом лорда Эдвера, это весьма странно.

— Ха! — презрительно отозвался Джепп. — А теперь слушайте внимательно: в тот вечер мистера Мартина вообще не было в Лондоне. Он пригласил одну юную леди за город, в Молеси. И вернулись они лишь около полуночи.

— Я не удивлен, — мягко произнес Пуаро. — Эта леди тоже актриса?

— Нет. У нее шляпный магазин. Ее фамилия Драйвер. Она дружила с мисс Адамс. Я думаю, вы согласитесь, что ее показания не вызывают сомнений.

— Я не оспариваю их, мой друг.

— По правде сказать, старина, вы оказались не на высоте, и вы знаете это. Вас увели в сторону эти небылицы Рональда Марша. Не было никакого мужчины, который якобы входил в дом номер 17. Да и в соседние дома тоже никто не входил. И к какому выводу мы приходим? Мы приходим к выводу, что новый лорд Эдвер — лгун.

Пуаро печально покачал головой. Джепп встал. К инспектору вернулось благодушное настроение.

— Сейчас мы на правильном пути, не возражайте.

— А кто этот Д.? «Париж, ноябрь»?

— Наверное, какая-то старая история, — инспектор пожал плечами. — Что подозрительного в том, что девушка получила от кого-то подарок полгода назад? И почему это обязательно должно быть связано с преступлением? Мы должны здраво смотреть на вещи.

— Полгода назад, — пробормотал Пуаро, и неожиданно в его глазах загорелся огонек. — Dieu, que je suis bete!^[82]

— Что он сказал? — спросил меня Джепп.

— Послушайте, — Пуаро встал и постучал пальцем по груди инспектора. — Почему служанка мисс Адамс не узнала эту коробочку? Почему ее не узнала мисс Драйвер?

— Ну и почему?

— А потому, что эта коробочка была совершенно новой. Ее подарили мисс Адамс совсем недавно! «Париж, ноябрь» — все это замечательно, но несомненно эта дата говорит о том, что этот сувенир должны были вручить в ноябре *нынешнего* года! Но его подарили *раньше*. Да, коробку купили совсем недавно! Очень недавно! Проверьте эту версию, мой добрый Джепп, умоляю вас. Это, конечно, всего лишь предположение, но шанс есть. Этот сувенир купили где-то за границей, вероятно в Париже. Если бы коробочку купили в Лондоне, какой-нибудь ювелир уже наверняка отозвался бы, ведь ее фотография и описание были во всех газетах. Да, да, именно в Париже. Может, и в каком-нибудь другом городе, но скорей всего в Париже. Выясните, очень прошу вас. Наведите справки. Мне просто необходимо знать, кто этот загадочный Д.

— Вреда от этого не будет, — добродушно заметил Джепп. — Не могу сказать, что я разделяю вашу уверенность в том, что эта коробочка имеет для следствия какое-то значение. Но я сделаю все, что в моих силах. Чем больше мы знаем, тем лучше.

И бодро попрощавшись, инспектор покинул нас.

23. Письмо

— А теперь, — сказал Пуаро, — мы примем наш ленч.

Он взял меня под руку и улыбнулся.

— У меня появилась надежда, — пояснил он.

Я был рад, что мой друг возвращается в свое обычное состояние. Лично я по-прежнему верил, что убийство совершил Рональд. Теперь я решил, что мой друг, убежденный аргументами Джеппа, тоже пришел к этому заключению. Поиски покупателя коробочки, подаренной мисс Адамс, были, вероятно, последней попыткой Пуаро спасти свой авторитет.

Дружески беседуя, мы отправились в ресторан. Я был несколько удивлен, когда заметил за одним из столиков в противоположном конце зала Брайена Мартина и Дженни Драйвер. Вспомнив рассказ Джеппа, я стал подозревать между молодыми людьми возможный роман. Они тоже заметили нас, и Дженни помахала рукой. Когда мы пили кофе, она покинула своего спутника и подошла к нашему столику, подвижная и энергичная, как и в прошлый раз.

— Можно мне присесть и поговорить с вами минутку, мистер Пуаро?

— Разумеется, мадемуазель. Мне доставляет истинное удовольствие видеть вас. Может и мистер Мартин к нам присоединится?

— Я сказала ему, что не надо. Видите ли, я хочу поговорить с вами о Карлотте.

— Слушаю, мадемуазель.

— Вы хотели узнать что-нибудь о ее отношениях с мужчинами?

— Да, да.

— Знаете, бывает так, что нужные факты не сразу приходят в голову. А потом начинаешь припоминать случайные слова и фразы, которым раньше не придавал значения, и вырисовывается определенная картина. После нашей с вами встречи я все думала и думала и, когда я стала вспоминать как следует, о чем мы разговаривали с Карлоттой, я пришла к некоторым выводам.

— Я вас слушаю, мадемуазель.

— Я думаю, что человеком, к которому Карлотта питала симпатию или начинала чувствовать что-то в этом роде, был Рональд Марш. Знаете, тот, который унаследовал титул лорда Эдвера.

— Почему вы так думаете, мадемуазель?

— Ну, например, Карлотта заговорила однажды об одном молодом

человеке, которому очень трудно живется, и о том, как это сильно влияет на его характер. Вот, мол, хороший человек под влиянием обстоятельств катится вниз, и хотя он небезгрешен, но против него грешат больше. Это первое, что начинает говорить женщина о мужчине, к которому питает симпатию. Я очень часто слышу подобные речи! Карлотте всегда хватало здравого смысла, но вот здесь она показала себя абсолютной идиоткой, ничего не смыслящей в жизни. Конечно, она делала вид, что никого конкретного не имеет в виду и что речь якобы идет о людях вообще. Но почти сразу же после этого она заговорила о Рональде Марше, о том, как отвратительно, по ее мнению, с ним обходятся. Она взяла его будто бы в качестве примера. Тогда я не придавала этому значения, но теперь... кто знает? Теперь мне кажется, что она симпатизировала именно ему. Что скажете, мистер Пуаро?

И она серьезно посмотрела на моего друга.

— Думаю, что вы дали мне весьма ценную информацию.

— Замечательно! — Джейн захлопала в ладоши.

Пуаро добродушно взглянул на девушку.

— Вероятно, вы еще не знаете, что джентльмен, о котором мы только что говорили, Рональд Марш, или новый лорд Эдвер, недавно арестован.

— О! — мисс Драйвер даже рот приоткрыла от удивления. — Тогда мой рассказ запоздал.

— Для меня никогда ничего не поздно, — заявил Пуаро. — Спасибо, мадемуазель.

Девушка вернулась к Брайену Мартину.

— Ну вот, Пуаро, — начал я. — Теперь ваша уверенность в невинности Рональда Марша несомненно пошатнулась.

— Нет, Гастингс. Наоборот, укрепились.

Несмотря на это героическое заявление, мой друг втайне наверняка разделял мои убеждения.

Прошло несколько дней, в течение которых Пуаро ни разу не упомянул о деле лорда Эдвера. Если о нем начинал говорить я, мой друг отвечал односложно и без энтузиазма. Иными словами, он умыл руки. Какой бы гениальной ни была его новая версия относительно убийства на Риджент-гейт, теперь он вынужден был признать, что она не подтвердилась и что его первое предположение оказалось верным и Рональд Марш обвинен в преступлении справедливо. Только натура Пуаро не позволяла ему открыто признать свое поражение, и он делал вид, что это дело его больше не интересует. Именно таким образом я истолковывал поведение моего друга, и было похоже, что факты подтверждают мое предположение. Пуаро не

проявил ни малейшего интереса к судебному процессу, который, впрочем, был чистой формальностью. Он занялся другими делами и как будто забыл об убийстве лорда Эдвера. Лишь почти две недели спустя я понял, как я ошибался.

Мы завтракали. Рядом с тарелкой Пуаро как всегда лежала пачка писем. Неожиданно, когда он начал ловко сортировать их, у него вырвался удивленно-радостный крик: мой друг заметил конверт с американской маркой. Я удивился тому, что подобный пустяк мог доставить Пуаро такую радость, и стал с интересом наблюдать за ним. Ножом для открывания писем Пуаро вскрыл конверт. Там оказалось несколько листков.

Бегло просмотрев их, мой друг прочитал один лист дважды и обратился ко мне:

— Хотите взглянуть, Гастингс?

Я взял письмо.

«Дорогой мистер Пуаро! Я была очень тронута вашим добрым письмом. Мне сейчас просто не по себе от того, что происходит вокруг. Огромное горе обрушилось на меня, а тут еще приходится выслушивать всякие оскорбительные намеки о Карлотте, моей дорогой и нежной сестре, лучше которой вряд ли можно найти на белом свете. Нет, мистер Пуаро, она не принимала наркотиков. Я в этом уверена. Такие вещи внушали Карлотте ужас. Она сама об этом часто говорила. Если и случилось так, что она сыграла какую-то роль в смерти человека, то это совершенно без злого умысла, и ее письмо подтверждает это. Посылаю его вам, как вы и просили. Мне очень не хочется расставаться с последним в ее жизни письмом, но я знаю, что вы будете обращаться с ним аккуратно и потом вернете мне. Если оно поможет раскрыть тайну смерти моей сестры, как вы обещаете, что ж, пусть побудет у вас.

Вы спрашиваете, упоминала ли Карлотта кого-нибудь из своих друзей отдельно. Она, конечно, писала о многих своих знакомых, но никого в отдельности не упоминала. Я думаю, что чаще всего она встречалась с Брайеном Мартином, которого мы знаем уже давно, с девушкой по имени Дженни Драйвер и капитаном Рональдом Маршем.

Очень хотелось бы помочь вам, но я не знаю как. Вы написали мне такое доброе письмо, с таким пониманием отнеслись к моей беде, что я думаю, вы хорошо представляете,

кем мы были с Карлоттой друг для друга. С благодарностью, ваша Люси Адамс.

Р. С. Только что приходил полицейский и просил у меня письмо Карлотты. Я сказала ему, что уже отправила его вам. Это, конечно, неправда, но мне почему-то кажется, что вы должны увидеть письмо первым. Наверное, Скотленд-Ярду нужна улика против убийцы. Когда попользуетесь письмом, пожалуйста, отдайте его полицейским, но напомните им, чтобы они потом вернули его вам. Вы понимаете, что значат для меня последние слова Карлотты».

— Значит, это вы попросили ее? — спросил я, откладывая письмо в сторону. — Но зачем? К чему вам оригинал письма?

— Честное слово, не знаю, Гастингс. Просто надеюсь, что в нем окажется что-то такое, что поможет мне объяснить необъяснимое.

Пуаро внимательно изучал листки, написанные рукой Карлотты Адамс.

— Не пойму, что можно извлечь из письма Карлотты. Она сама дала его служанке для отправки. Никакого мошенничества. Да и в самом тексте нет ничего примечательного.

— Знаю, знаю, — вздохнул Пуаро. — Именно поэтому мне так трудно. Дело в том, Гастингс, что письма в таком виде, в каком имеем его мы, *просто быть не может.*

— Что за ерунда?

— Si, si, это так. Видите ли, я представлял себе это дело следующим образом: в нем обязательно *должны* иметь место некоторые факты. Они сменяют друг друга в определенной четкой последовательности. Это понятно. И вдруг письмо, которому в этой цепочке просто нет места. Так кто неправ: Эркюль Пуаро или письмо?

— Вы не думаете, что неправ может быть Эркюль Пуаро? — как можно деликатней спросил я.

Мой друг бросил на меня укоризненный взгляд.

— Бывало, что и я ошибался, но это — не тот случай. Итак, если это письмо невозможно, стало быть, так оно и есть. В нем скрыто что-то такое, чего мы не замечаем. Вот я и ищу это «что-то».

И после этих слов Пуаро отправился изучать письмо с помощью миниатюрного микроскопа. Внимательно просмотрев каждую страницу, он передавал листы мне. Я, конечно, не увидел в них ничего особенного: письмо было написано четким, разборчивым почерком, и его текст точь-в-

точь совпадал с текстом, переданным по телеграфу.

— Никакой подделки. Все написано одной рукой, — вздохнул Пуаро. — Но этого, как я сказал, не может быть...

Он прервал себя на полуслове и нетерпеливым жестом указал на листки, лежавшие рядом со мной. Я передал их Пуаро, и он снова углубился в изучение письма.

Я вышел из-за стола и подошел к окну. Неожиданно Пуаро вскрикнул. Я вздрогнул и повернулся.

— Идите скорее сюда, Гастингс! Смотрите!

Мой друг буквально дрожал от нетерпения. Его глаза стали зелеными, как у кота. Указательный палец, которым он тыкал в один из листков, тоже дрожал.

Я подбежал к нему и, конечно же, не увидел ничего особенного.

— Разве вы не видите? У всех листов, кроме одного, края абсолютно ровные. Это одинарные листы. А вот у этого, смотрите, какой у него неровный левый край. Потому что от этого листка что-то оторвали. Поняли теперь, что я имею в виду? *Это был двойной лист;* и, как видите, *его вторая половина отсутствует.*

Вид у меня, несомненно, был довольно глупый.

— Да, в этом что-то есть, — отозвался я.

— Конечно есть! В этом-то вся соль. Прочитайте и вы все поймете.

Я взял листок и начал читать.

— Ну, видите? — спросил Пуаро. — Предыдущий лист обрывается там, где Карлотта пишет о капитане Марше. Ей жаль его, и потом идет следующий текст: «Мистеру Маршу очень нравятся мои пародии и то, как я изображаю леди Эдвер. Он даже считает, что лорд Эдвер — и тот не заметил бы разницы, а на днях...» На этих словах обрывается предыдущий лист. Но, *mon ami, следующий лист отсутствует.* Новая страница начинается с «...он говорит». *Это «он» вовсе не обязательно относится к капитану Маршу.* Так оно и есть на самом деле: розыгрыш предложил Карлотте кто-то другой. Заметьте, что имя Марша после этого нигде не упоминается. О, *c'est epatant!*^[83] Убийца каким-то образом завладел этим письмом и сразу понял, что оно может выдать его. Несомненно, сначала он хотел вообще уничтожить эту улику. Но, прочитав письмо, преступник находит другой способ. Он вырывает один лист, и таким образом под подозрением оказывается другой человек, к тому же тот, у которого есть веский мотив для убийства лорда Эдвера. Да, это письмо оказалось великолепным подарком для убийцы! Как говорится, лучшего и не придумаешь!

Я взглянул на Пуаро почти с восхищением. Я говорю «почти», поскольку не был до конца уверен в правильности его предположения. Мне представлялось вполне возможным, что Карлотта сама использовала для письма одинарный лист. Но лицо моего друга сияло такой радостью, что у меня не хватило духу намекнуть ему на такую прозаическую вероятность. В конце концов, может быть, он и прав.

И все же я осмелился указать Пуаро на слабое место в его версии.

— А как письмо попало в руки преступника? Служанка сказала, что мисс Адамс сама достала его из своей сумки и передала ей.

— Отсюда следует, что либо служанка лжет, либо в тот вечер Карлотта Адамс встречалась с убийцей.

Я кивнул.

— Мне кажется, что второе более вероятно, — продолжал Пуаро. — Мы все еще не знаем, где находилась мисс Адамс с того времени, как она вышла из дома, и до того момента, когда она сдала свой портфель в камеру хранения вокзала Юстон. Мне кажется, что в этот промежуток времени она встретила с убийцей в условленном месте. Может быть, они поужинали вместе, и он дал ей последние указания. Мы можем только догадываться, как преступник завладел ее письмом. Возможно, она держала его в руке, чтобы опустить в почтовый ящик, и в ресторане положила письмо на стол. Преступник увидел адрес и почувствовал опасность. Каким-то образом он незаметно взял письмо, нашел предлог, чтобы выйти из-за стола, открыл конверт, прочитал содержание и вырвал лист. Потом опять положил письмо на стол или отдал мисс Адамс перед тем, как она уходила. А может, сказал ей, что она его уронила. В общем неважно, как все это было, главное, что мы знаем почти наверняка следующее: Карлотта Адамс встретила в тот вечер с преступником или до или после убийства лорда Эдвера. Я полагаю, хотя, конечно, могу и ошибаться, что именно убийца дал ей золотую коробочку. Возможно, это был сентиментальный сувенир в память об их первой встрече. *Если так, то инициал Д. — это инициал преступника.*

— Не понимаю, какое отношение имеет к этому делу золотая коробочка.

— Послушайте, Гастингс, Карлотта Адамс не употребляла веронала. Я верю тому, что написала ее сестра. У Карлотты было прекрасное здоровье, трезвый взгляд на вещи и никаких склонностей к наркотикам. Ни ее друзья, ни служанка не узнали этой коробочки. Почему же ее нашли у мисс Адамс после смерти? А потому, что преступнику было выгодно создать впечатление, что она регулярно принимала веронал и делала это в течение значительного промежутка времени, то есть минимум шесть месяцев.

Предположим, что она встретила с преступником после убийства, пусть даже всего на несколько минут. Они выпили за успех своего предприятия. В бокал девушки убийца всыпал дозу веронала, достаточную для того, чтобы она не проснулась на следующее утро.

— Ужасно, — произнес я содрогнувшись.

— Да, приятного мало, — сухо заметил Пуаро.

— Вы все это расскажете Джеппу? — спросил я после небольшой паузы.

— Не сейчас. Что я могу ему сказать? Наш замечательный Джепп ответит мне: «Еще одна нелепость! Девушка наверняка сама использовала для письма одинарный лист бумаги». C'est tout^[84].

Я виновато потупился.

— И что я могу ответить на это инспектору? — продолжал мой друг. — Ничего. Ведь и такое вполне могло произойти. Да только я знаю, что все было не так. *Мне нужно, чтобы все было не так.*

Пуаро замолчал, и его лицо приняло мечтательное выражение.

— А ведь мы бы так ничего и не узнали, если бы только преступник не оторвал этот лист, а аккуратно обрезаю бы его. Ничего!

— Зато теперь методом дедукции мы установили, что убийца — человек безалаберный, — пошутил я.

— Нет, нет. Может быть, он спешил. Посмотрите, как неаккуратно оторвано. О, наверняка времени у него было в обрез.

Помолчав немного, Пуаро продолжал:

— Вы, Гастингс, наверное, обратили внимание на одно важное обстоятельство: у этого человека, этого Д., должно быть на тот вечер очень крепкое алиби.

— Не вижу, как ему вообще можно обзавестись даже плохоньким алиби, если сначала он был на Риджент-гейт, где совершил убийство, а затем встречался с Карлоттой Адамс.

— Как раз это я и имел в виду, — сказал мой друг. — Преступнику позарез нужно алиби, значит, он его наверняка приготовил. Второй вопрос: действительно ли его имя или фамилия начинается с буквы Д. или это прозвище, под которым его знала Карлотта Адамс?

Он помолчал и тихо добавил:

— Мы должны найти его, Гастингс. Мы обязательно должны найти человека, имя, фамилия или прозвище которого начинается с буквы Д.

24. Новость из Парижа

На следующий день к нам пришел неожиданный посетитель — Джеральдина Марш.

Пуаро поздоровался и пододвинул гостье кресло. Я взглянул на девушку, и прежнее чувство жалости овладело мной. Ее большие черные глаза, кажется, стали еще больше и темнее. Под ними были круги, как будто девушка провела бессонную ночь. Почти детское лицо выглядело изможденным.

— Я пришла к вам, мистер Пуаро, потому что не знаю, как жить дальше. Я ужасно расстроена и обеспокоена.

— Я вас слушаю, мадемуазель, — серьезно и с симпатией сказал Пуаро.

— Рональд рассказал мне, о чем вы говорили с ним в тот день. В тот ужасный день, когда его арестовали, — девушка зябко повела плечами. — У него не было надежды, что ему кто-то поверит, но вы неожиданно подошли к Рональду и сказали: «Я вам верю». Это правда, мистер Пуаро?

— Правда, мадемуазель, я так сказал.

— Вы действительно *поверили* его рассказу или это были просто слова?

Джеральдина с тревогой ждала ответа, подавшись вперед и крепко сцепив руки.

— Я поверил его рассказу, мадемуазель, — тихо ответил Пуаро. — Я считаю, что ваш двоюродный брат не убивал лорда Эдвера.

— О! — лицо девушки порозовело, глаза широко раскрылись. — Но тогда вы считаете, что... что убил кто-то другой!

— Evidemment^[85], мадемуазель, — улыбнулся мой друг.

— Какая я глупая. Я плохо выражаю свои мысли. Я хотела сказать, вы знаете, кто убийца? — нетерпеливо произнесла Джеральдина.

— Естественно, у меня есть кое-какие предположения. Лучше сказать, подозрения.

— А со мной вы ими не поделитесь? Ну пожалуйста!

— Нет, — покачал головой Пуаро. — Это было бы, пожалуй, неправильно.

— Значит, вы кого-то вполне определенно подозреваете?

Пуаро опять уклончиво покачал головой.

— Если бы я знала чуть больше, — умоляюще произнесла девушка, —

мне было бы легче. И наверное, я могла бы помочь вам.

Ее просительный тон обезоружил бы любого, но Пуаро был неумолим.

— Герцогиня Мертон по-прежнему считает, что это сделала моя мачеха, — задумчиво произнесла Джеральдина и вопросительно посмотрела на моего друга.

Он никак не отреагировал на это заявление.

— Но я не понимаю, как это может быть, — продолжала девушка.

— Какого вы мнения о вашей мачехе?

— Ну... я ее совсем плохо знаю. Когда отец женился на ней, я училась в пансионе в Париже. Когда я вернулась домой, она относилась ко мне неплохо. Я хочу сказать, что она просто не обращала на меня внимания. Я всегда считала эту женщину легкомысленной и э... корыстной.

Пуаро кивнул.

— Вы упомянули герцогиню Мертон. Вы часто видите с ней?

— Да. Она очень добра ко мне. За последние две недели я провела с ней немало времени. Все это так ужасно: разговоры, репортеры, арест Рональда и все такое, — Джеральдина поежилась. — У меня нет настоящих друзей. Но герцогиня так по-доброму ко мне относится и ее сын тоже.

— Вам он нравится?

— Мне кажется, что он человек застенчивый. Но его мать много о нем рассказывала, и теперь я знаю герцога намного лучше.

— Ясно. Скажите, мадемуазель, вы любите своего двоюродного брата?

— Рональда? Конечно. Последние два года мы с ним редко встречались, но до этого он жил в нашем доме. Я... я всегда считала, что он чудесный парень: постоянно шутил, придумывал всякие забавные вещи. О! В нашем мрачном доме он был единственным лучиком.

Пуаро понимающе кивнул, но вслед за этим произнес фразу, поразившую меня своей жестокостью.

— Значит, вы не хотите, чтобы его повесили?

— Нет, нет, — девушка задрожала всем телом. — Ни за что! О, если бы убийцей оказалась моя мачеха! Герцогиня говорит, что это наверняка она.

— Ага! Если бы только капитан Марш не выходил из такси в тот вечер, да? — добавил Пуаро.

— Да. Тогда бы... что вы этим хотите сказать? — Джеральдина нахмурилась. — Я не понимаю.

— Если бы он не пошел за тем человеком в дом... Кстати, а вы слышали, как кто-то входил в дом?

— Нет, я ничего не слышала.

— А что вы делали после того, как вошли?

— Я сразу побежала наверх, чтобы взять ожерелье.

— Понимаю. Конечно, на это потребовалось время?

— Да. Я не сразу нашла ключ от шкапулки.

— Бывает. Чем больше спешишь, тем медленнее получается. Значит, в течение какого-то времени вы оставались наверху, а потом, когда спустились вниз, вы увидели в прихожей вашего двоюродного брата?

— Да, возле библиотеки, — девушка судорожно сглотнула.

— Понимаю. И это вас напугало.

— Да, — Джеральдина с благодарностью принимала сочувственный тон Пуаро. — Очень напугало.

— Еще бы.

— Рональд сказал у меня за спиной: «Ну что, Дина, принесла?» — и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Жаль, что он не остался на улице, — тихо заметил Пуаро. — Тогда и показания таксиста очень помогли бы мистеру Маршу.

Девушка кивнула, и слезы закапали из ее глаз прямо на колени. Она встала. Пуаро взял Джеральдину за руку.

— Вы хотите, чтобы я спас его, правда?

— О, да, да! Пожалуйста, — она пыталась овладеть собой, кулачки ее судорожно сжимались и разжимались. — Вы не знаете...

— Вашу жизнь не назовешь счастливой, мадемуазель, — с симпатией сказал Пуаро. — Я понимаю, как вам трудно. Гастингс, вызовите, пожалуйста, такси для мадемуазель.

Я проводил девушку. Она уже взяла себя в руки и сердечно поблагодарила меня. Когда я вернулся, мой друг ходил по комнате взад-вперед нахмутив брови и размышляя о чем-то. Вид у Пуаро был недовольный. Я обрадовался, когда зазвонил телефон и отвлек его от неприятных мыслей.

— Кто говорит? О, это вы, Джепп! Bonjour, mon ami.

— Что там у него? — спросил я, подходя ближе.

После приветственных излияний Пуаро перешел к делу.

— Да, а кто приходил за ней? Они помнят?

Я, конечно, не слышал ответа инспектора, но судя по лицу моего друга, он такого ответа не ожидал. Его лицо смешно вытянулось.

— Вы уверены?

— Нет, но все равно я несколько огорчен.

— Да, мне придется пересмотреть кое-какие свои идеи. Comment?

— В этом я оказался прав. Мелочь, конечно.

— Нет, я по-прежнему того же мнения. Очень прошу вас еще раз проверить рестораны поблизости от Риджент-гейт, Юстона, Тоттенхем-Корт-роуд и, пожалуй, Оксфорд-стрит.

— Да, мужчина и женщина. И еще поблизости от Стренда около полуночи. Comment?

— Да, я знаю, что капитан Марш был с Дортаймерами, но в мире есть люди и кроме капитана Марша.

— Говорить, что у меня поросычья голова, нехорошо. Tout le même окажите мне эту услугу, умоляю вас.

Пуаро положил трубку.

— Ну? — нетерпеливо спросил я.

— Хорошо?^[86] Сомневаюсь. Гастингс, золотая коробочка была действительно куплена в парижском магазине, который специализируется на таких вещах. Письмо с заказом пришло туда от некоей леди Акерли за два дня до убийства. Оно было подписано «Констанция Акерли». Несомненно, это вымышленное имя. В письме просили, чтобы на крышке коробочки были инициалы К. А., предположительно автора письма, инкрустированные рубинами, а под крышкой — уже известная нам надпись. Заказ был срочный, его забрали на следующий день, то есть за сутки до убийства лорда Эдвера. Расплатились наличными.

— А кто его забрал? — взволнованно спросил я, чувствуя, что мы приближаемся к истине.

— Женщина, Гастингс.

— Женщина? — удивился я.

— Mais oui. Женщина. Низкорослая, средних лет и в пенсне.

Мы озадаченно переглянулись.

25. Завтрак

На следующий, если не ошибаюсь, день мы пошли по приглашению супругов Уидберн на завтрак в отель «Клариджес».

Ни мой друг, ни я не горели особым желанием идти, но это было, кажется, шестое приглашение: миссис Уидберн любила знаменитости. Нисколько не обескураженная отказами Пуаро, она предложила нам на выбор столько чисел, что наша капитуляция была неизбежна. Мы решили, что чем быстрее покончим с этой обязанностью, тем лучше.

После звонка из Парижа Пуаро почти не разговаривал о деле лорда Эдвера. На все мои вопросы он неизменно отвечал:

— Я здесь что-то не понимаю.

Пару раз я слышал, как он пробормотал:

— Пенсне. Пенсне в Париже. Пенсне в сумке Карлотты Адамс.

Я с радостью подумал, что приглашение Уидбернов поможет моему другу отвлечься от навязчивых мыслей.

Молодой Дональд Росс тоже был на завтраке. Он оживленно приветствовал меня. Поскольку мужчин было больше, чем женщин, его посадили рядом со мной. Джейн Уилкинсон сидела почти напротив нас, а между ней и миссис Уидберн был герцог Мертон.

Я заметил — впрочем, это могло мне только показаться, — что герцог чувствует себя несколько неловко. Мне подумалось, что компания, в которой он оказался, вряд ли отвечает его консервативным, до некоторой степени даже реакционным взглядам. Казалось, этот человек по какой-то досадной ошибке перенесся сюда из средневековья. Его увлечение сверхсовременной Джейн было одной из тех анахроничных шуток, которые так любит Природа.

Я не удивился капитуляции герцога Мертон, когда снова увидел прекрасную Джейн и услышал ее бесподобный хриловатый голос, который даже самые банальные фразы делал привлекательными. Но мне пришло в голову, что со временем мужчина может привыкнуть и к несравненной красоте и к пьянящему голосу и что даже сейчас, образно выражаясь, луч здравого смысла вполне может рассеять туман безрассудной любви. А поводом для вышеупомянутой мысли послужила случайная реплика, причем довольно глупая, оброненная Джейн во время беседы.

Уже не помню, кто из гостей заговорил о греческой мифологии,

упомянув, среди прочего, «суд Париса»^[87].

Тут же прозвучал восхитительный голосок мисс Уилкинсон:

— Париж? Ну, не скажите. Париж уже не тот, что был когда-то. Вот Лондон и Нью-Йорк — это да!

Как это довольно часто случается, ее слова прозвучали как раз в тот момент, когда беседа несколько затихла. За столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Справа от меня шумно вздохнул Дональд Росс, миссис Уидберн с подчеркнутым воодушевлением начала рассказывать о русской опере, и все гости как по команде торопливо заговорили друг с другом. Лишь одна Джейн безмятежно оглядела собравшихся: ей и в голову не пришло, что она только что сморозила великую глупость.

Я взглянул на герцога. Губы его были крепко сжаты, он покраснел и, как мне показалось, чуть отодвинулся от мисс Уилкинсон. Может быть, он начал понимать, что, если человек его титула женится на какой-то актрисе, последствия могут быть весьма неприятными?

Я наклонился к своей соседке слева, дородной леди, в обязанности которой входила организация детских благотворительных концертов, и спросил первое, что пришло в голову: — «Кто эта экстравагантная дама в пурпурном платье на противоположном конце стола?» Конечно же, это оказалась сестра моей соседки! Пробормотав извинения, я повернулся и заговорил с Россом, который, однако, отвечал односложно.

И тогда, получив отпор с обеих сторон, я обратил внимание на Брайена Мартина. Он, видимо, опоздал, так как я заметил его только сейчас. Актер, сидевший с той же стороны стола, что и я, с большим оживлением разговаривал с хорошенькой блондинкой напротив. С тех пор, как я последний раз видел Мартина, его внешний вид значительно улучшился. Усталость на лице исчезла, и он стал выглядеть моложе и энергичнее. Брайен смеялся, шутил со своей собеседницей и был, по всем признакам, в прекрасном настроении.

Я не смог наблюдать за ним дальше, потому что как раз в этот момент моя дородная соседка милостиво простила мне мою бестактность и заставила меня выслушать длинный монолог о пользе благотворительных мероприятий.

Пуаро ушел раньше, так как у него намечалась важная встреча: он расследовал дело о загадочном исчезновении ботинок одного посла. Мой друг попросил поблагодарить от его имени миссис Уидберн.

После завтрака гости окружили хозяйку. Прощаясь, каждый непременно начинал с «О, дорогая!..» Я терпеливо ждал своей очереди. В это время кто-то тронул меня за плечо.

Это был Росс.

— А разве мистер Пуаро уже ушел? — спросил он растерянно. — Я хотел поговорить с ним.

Присмотревшись к молодому человеку, я понял, что он, видимо, чем-то расстроен. Его лицо было бледным и напряженным, а взгляд — каким-то неуверенным.

— Зачем вы хотели видеть моего друга? — осведомился я.

— Я... не знаю, — ответил он медленно.

Услышав столь странный ответ, я в недоумении уставился на молодого человека. Росс покраснел.

— Я понимаю, что это звучит нелепо. Дело в том, что со мной произошла одна непонятная вещь, и я не могу разобраться в этом самостоятельно. Я... хотел бы посоветоваться с мистером Пуаро, потому что, видите ли... я не знаю, что делать... мне не хотелось бы его тревожить, но...

Росс был в таком замешательстве и выглядел таким несчастным, что я поспешил заверить его:

— У Пуаро важная встреча, но я знаю, что он хотел вернуться к пяти часам. Позвоните ему или заходите.

— Спасибо. Пожалуй, я так и сделаю. В пять часов?

— Лучше сначала позвоните, — посоветовал я, — чтобы знать наверняка, вернулся ли он.

— Хорошо, позвоню. Спасибо, Гастингс. Видите ли, я думаю, что это... может быть... очень важно.

Я кивнул и обернулся к миссис Уидберн, которая расточала медовые комплименты и некрепкие рукопожатия. Исполнив свой долг, я уже собирался уходить, когда кто-то взял меня под руку.

— Не бросайте меня, — послышался чей-то веселый голос.

Это была Дженни Драйвер. Выглядела она, между прочим, шикарно.

— Хелло, — приветствовал ее я. — Вы откуда здесь взялись?

— Я тоже была на завтраке. Сидела за соседним столиком.

— Я вас не заметил. Как дела?

— Спасибо, великолепно.

— Суповые тарелки по-прежнему пользуются спросом?

— Суповые тарелки, как вы нелестно называете наши шляпки, идут очень хорошо. Посмотрим, что вы запоете, когда мода на них пройдет и леди начнут носить какую-нибудь жуть с перышком на макушке.

— Вам, женщинам, видно, все равно, что носить, — заметил я.

— Все нет. Хотя, я думаю, страусов надо спасать. При нынешней

моде они обречены, — засмеялась девушка. — Ну, до свиданья. Сегодня после обеда я решила устроить себе небольшой отдых. Съезжу в деревню.

— Хорошо придумали, — одобрил я. — Сегодня в Лондоне дышать нечем.

Я вернулся домой около четырех часов. Пуаро еще не было. В двадцать минут пятого мой друг появился. Он был в отличном настроении, глаза его блестели.

— Я вижу, Холмс, что вы нашли ботинки посла, — заметил я.

— Преступники приспособили их для провоза через границу кокаина. Оригинальный способ. Целый час я просидел в салоне красоты. Там была одна девушка с каштановыми волосами. Вы бы сразу влюбились.

Пуаро почему-то считал, что я питаю слабость к женщинам с именно таким цветом волос, и я никогда не разубеждал его.

Зазвонил телефон.

— Это, наверное, Дональд Росс, — сказал я, подходя к аппарату.

— Дональд Росс? — переспросил Пуаро.

— Да. Молодой человек, с которым мы познакомились в доме сэра Монтегю. Он хотел видеть вас по какому-то делу.

Я снял трубку.

— Капитан Гастингс слушает.

— Это вы, Гастингс? — послышался голос Росса. — А мистер Пуаро уже вернулся?

— Да, он здесь. Хотите поговорить с ним или приедете?

— Нет, пожалуй, не приеду. Это же мелочь. Скажу ему по телефону.

— Хорошо, подождите минутку.

Пуаро подошел и взял у меня трубку. Я стоял так близко, что слышал, хотя и не совсем отчетливо, голос Росса.

— Мистер Пуаро? — нетерпеливо спросил молодой человек.

— Да, я.

— Мне очень не хотелось бы тревожить вас, но мне кажется странным одно обстоятельство, связанное со смертью лорда Эдвера.

Я заметил, как напрягся Пуаро.

— Продолжайте, продолжайте.

— Это может показаться вам бессмысленным...

— Нет, нет, все равно говорите.

— Сегодня на завтраке у Уидбернов заговорили о Парисе. И я сразу же...

Тут я услышал в трубке очень далекий звонок у входной двери.

— Одну минутку, — извинился Росс.

Послышался щелчок: он положил трубку на стол.
Мы ждали. Мой друг с трубкой в руке, я — рядом.

Прошло две минуты, три, четыре, пять...

Пуаро беспокойно переступил с ноги на ногу, посмотрел на часы.

Потом, подергав вверх-вниз рычаг аппарата, он вызвал телефонную станцию. Потом взглянул на меня.

— Телефонистка тоже не может дозвониться до квартиры Росса. Говорит, что трубка по-прежнему снята, но ее никто не берет. Гастингс, скорее посмотрите адрес Росса в телефонном справочнике. Надо немедленно ехать туда.

26. Париж или Парис!

Через несколько минут мы вскочили в такси. Лицо Пуаро было мрачным.

— Я боюсь, Гастингс, — сказала он. — Очень боюсь.

— Но вы не думаете... — начал я и замолчал.

— Преступник уже нанес два удара и не будет колебаться, чтобы ударить в третий раз. Он вертится, извивается, как крыса, пытаясь спасти свою жизнь. Росс представляет для него опасность — Росс должен быть уничтожен.

— А что такого может знать Росс? — спросил я недоверчиво. — Он же сам сказал, что это какая-то мелочь.

— Значит, он ошибался. Очевидно, он знает что-то весьма значительное.

— Но как об этом догадался преступник?

— Вы говорили, что Росс беседовал с вами в «Клариджез». Вокруг было много людей. Глупо, как глупо. Ну почему вы не взяли его с собой, не присмотрели за ним? Надо было не подпускать к нему никого, пока я не услышал бы, что он хочет сказать мне.

— Но я не думал... совсем не думал... — запинаясь начал оправдываться я.

Пуаро жестом остановил меня.

— Не переживайте. Действительно, откуда вы могли знать? Это я, я должен был предвидеть. Видите ли, Гастингс, убийца хитер и беспощаден, как тигр... Ну когда же мы в конце концов приедем?

Наконец мы подъехали к большой площади в Кенсингтоне, где находился нужный нам дом. Узкая карточка рядом с кнопкой звонка подсказала нам, что Росс живет на втором этаже. Дверь в дом была открыта. Широкая лестница вела наверх.

— Так легко войти. Ни души, — пробормотал Пуаро, взбегая по ступенькам.

Перегородка делила второй этаж пополам. Мы увидели дверь, в центре которой была карточка с фамилией Росса, и остановились. Стояла мертвая тишина.

Я толкнул дверь. К моему удивлению, она открылась. Мы вошли в небольшую прихожую. Дверь прямо вела, очевидно, в гостиную. Мы направились туда. Гостиная представляла из себя половину большой

комнаты, разделенной перегородкой. Она была дешево, но уютно обставлена. На маленьком столике стоял телефон, трубка лежала рядом. В комнате никого не было. Пуаро быстро шагнул вперед, огляделся и покачал головой.

— Не здесь. Пойдемте, Гастингс.

Мы вернулись в прихожую и оттуда прошли в маленькую кухню. Росс лежал навалившись на стол и раскинув руки. Пуаро склонился над ним, потом выпрямился с побледневшим лицом:

— *Он мертв. Убит ударом ножа в затылок.*

* * *

Все остальные события того дня слились для меня в один жуткий кошмарный сон. Я не мог побороть чувство, что в смерти молодого человека повинен я.

Вечером, когда мы вернулись домой и я начал бормотать упреки в собственный адрес, Пуаро быстро остановил меня:

— Нет, нет, это не ваша вина. Вы не могли этого предвидеть. Бог не наделил вас характером, который все ставит под сомнение.

— А вы бы заподозрили неладное?

— Я — другое дело. Видите ли, я всю жизнь ловлю убийц и знаю, что с каждым новым убийством тяга к следующему убийству становится у преступника все сильнее, пока наконец из-за какого-нибудь пустяка... — Пуаро не закончил.

С того момента, как мы обнаружили труп Росса, мой друг был очень немногословен. Во время всей этой ужасной рутины, сопровождающей подобные происшествия — прибытия полиции, опроса жильцов дома и еще сотни подобных вещей, — Пуаро хранил непонятное молчание. Он как бы отгородился от остального мира. Взгляд моего друга принял то отсутствующее выражение, которое всегда сопутствовало его напряженной мыслительной деятельности. И вот сейчас, когда он прервал на полуслове фразу, я снова увидел в его глазах это выражение.

— У нас нет времени упрекать себя да рассуждать, что было бы, если бы, — тихо начал Пуаро. — Молодой человек хотел сообщить нам что-то. И это «что-то» было чрезвычайно важным, иначе его не убили бы. Поскольку он уже никогда ничего не скажет, нам остается только гадать. Причем у нас всего лишь один маленький ключик.

— Париж, — сказал я.

— Да, Париж, — он встал и начал ходить по комнате. — Слово «Париж» фигурирует в этом деле несколько раз, но, к сожалению, в разных контекстах. «Париж» написано на золотой коробочке. Париж, ноябрь прошлого года. Тогда там находилась мисс Адамс, а может, и Росс тоже. Был ли там еще кто-нибудь, кого знал Росс? Кого он увидел с мисс Адамс и при каких особых обстоятельствах?

— Мы этого никогда не узнаем, — вставил я.

— Нет, нет, узнаем. *Обязательно!* Способности человеческого мозга почти безграничны. В связи с чем еще упоминался Париж? Невысокая женщина в пенсне приходила в магазин забрать коробочку. Знал ли ее Росс? Герцог Мертон был в Париже, когда убили лорда Эдвера. Париж, Париж, Париж. Сам лорд Эдвер тоже собирался в Париж... О! В этом, по-видимому, что-то есть. Может быть, его убили, чтобы он туда не ездил?

Пуаро сел и задумался. Брови его сошлись на переносице. Я почти чувствовал, как от моего друга исходили волны огромного умственного напряжения.

— Так что случилось за завтраком у Уидбернов? — пробормотал Пуаро. — Какое-то случайное слово или фраза подсказали Дональду Россу, что он знает нечто чрезвычайно важное, о чем он до этого и не догадывался. Кто-то заговорил о Франции, да? Или о Париже? Я имею в виду на вашей стороне стола?

— Заговорили не о Париже, а о Парисе, — и я рассказал Пуаро о том, какой ляпсус допустила Джейн Уилкинсон, перепутав греческое имя с названием французской столицы.

— Где-то здесь и скрыта разгадка, — задумчиво произнес мой друг. — Одного этого слова вполне достаточно, но мы должны знать, при каких обстоятельствах оно прозвучало. Может быть, за столом была какая-то особая атмосфера? На кого смотрел Росс в этот момент? Или о чем он говорил, когда прозвучало слово Парис?

— Он говорил о религиозных предрассудках в Шотландии.

— А куда он смотрел?

— Точно не скажу. Кажется, на тот конец стола, где сидела хозяйка, миссис Уидберн.

— А кто сидел рядом с ней?

— Герцог Мертон, затем Джейн Уилкинсон и еще какой-то джентльмен.

— Итак, герцог. Возможно, что Росс смотрел именно на него, когда упомянули Париса. Ведь это имя произносится точно так, как и название города. Помните, что герцог был в Париже или якобы был в Париже в

момент преступления. Предположим, что Росс неожиданно вспомнил о какой-то улике, доказывающей, что Мертон не *находился* в Париже в это время.

— Мой дорогой Пуаро!

— Да, вы считаете это предположение нонсенсом. И все будут так считать. Но были ли у мосье герцога мотивы для убийства? Да, и к тому же весьма основательные. Но предположить, что он мог убить человека — о, все посчитают это абсурдом! Он богат, занимает высокое положение в обществе и вообще он такая утонченная натура. Никто не будет особо тщательно проверять его показания. А обеспечить себе фальшивое алиби, находясь в огромном отеле, не так уж трудно. Уехать после обеда, возвратиться на следующее утро — все можно сделать. Вспомните, Гастингс, не сказал ли чего-нибудь Росс, когда упомянули о Парисе — или о Париже? Или может быть он повел себя как-то необычно?

— По-моему, он как-то шумно вздохнул.

— Ну а потом, когда он разговаривал с вами, как он выглядел? Озадаченным?

— Вот-вот, именно озадаченным.

— *Precisement*^[88]. Ему в голову пришла какая-то мысль. Он счел ее нелепой! Абсурдной! И однако он не решился поделиться своими подозрениями с кем-нибудь. Сначала он хочет поговорить со мной. Но увы! Когда он решился, меня в ресторане уже не было.

— Если бы он сказал мне чуть больше... — с сожалением произнес я.

— Да, если бы... Когда вы разговаривали с Россом, был ли кто-нибудь поблизости от вас?

— Ну, вообще-то все гости находились неподалеку. Все прощались с миссис Уидберн. Никто особенно близко к нам не стоял.

Пуаро снова встал.

— Где же я ошибался? — пробормотал он и опять начал ходить по комнате. — Неужели я все время шел по ложному следу?

Я посмотрел на своего друга с симпатией, хотя и не знал, какие мысли теснятся сейчас в его голове. «Он может закрыться ото всех, как устрица», — бывало, метко замечал инспектор Джепп. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что Пуаро вел сейчас с собой настоящую битву.

— Так или иначе, Рональда Марша можно теперь исключить из числа подозреваемых, — заметил я.

— Очко в его пользу, — рассеянно отозвался Пуаро. — Но сейчас надо думать не об этом.

Неожиданно он сел.

— Не может быть, Гастингс, чтобы я ошибался на все сто процентов. Помните, я задавал себе пять вопросов?

— Да, вроде что-то припоминаю.

— Так вот. Вопросы были такие: почему лорд Эдвер изменил свои взгляды на развод? Существует ли на самом деле письмо, которое он якобы написал и которое его жена якобы не получала? Что означало выражение ярости на его лице, которое вы увидели после нашей беседы с ним? Откуда в сумочке Карлотты Адамс оказалось пенсне? Зачем кто-то позвонил леди Эдвер во время ужина в Чизвике, а потом сразу повесил трубку?

— Я все вспомнил, — заявил я. — Именно эти вопросы вы себе и задавали.

— Гастингс, все это время у меня была одна маленькая идея насчет этого человека, Человека-На-Заднем-Плане. На три вопроса я ответил, и эти ответы полностью согласуются с моей теорией. Но еще на два вопроса я ответить не могу. Либо я ошибочно подозреваю *не того человека*, а значит, эти оставшиеся вопросы ответов иметь не могут, либо я все-таки прав, и ответы есть. Так что же, Гастингс, прав я или нет?

Он встал, подошел к столу и вынул из ящика письмо Карлотты Адамс. Пуаро попросил Джеппа разрешить ему оставить оригинал письма еще на пару дней, и тот не возражал. Пуаро разложил листы на столе и опять принялся сосредоточенно изучать их.

Время шло. Я зевнул и взял какую-то книгу. Я сомневался, что моему другу удастся извлечь из письма какую-либо новую информацию: мы уже столько раз просматривали его. И даже если в нем упоминался не Рональд Марш, то все равно не было ни малейшей возможности установить личность этого человека.

Я рассеянно переворачивал страницы книги, потом, по-видимому, задремал. Крик Пуаро заставил меня подпрыгнуть от неожиданности.

Мой друг смотрел на меня. Выражение его лица трудно передать. В глазах Пуаро сверкал зеленый огонек.

— Гастингс, Гастингс!

— Что такое?

— Вы помните, я сказал вам, что если бы убийца был аккуратным человеком, то он бы отрезал лист письма, а не оторвал бы его?

— Ну и что?

— А то, что я ошибался. В этом преступлении убийце как раз и не откажешь в смекалке. *Этот лист и надо было оторвать, а не отрезать.* Посмотрите сами.

Я посмотрел.

— Eh bien, вы видите?

Я покачал головой.

— Вы хотите сказать, что преступник спешил?

— Неважно, спешил он или нет. Разве вы не видите, мой друг? *Лист как раз и должен быть оторван...*

Я снова покачал головой.

— Какой же я глупец, — тихо произнес Пуаро. — Как слепой, я ничего не видел. Но *теперь... теперь* все пойдет как надо!

27. Пенсне

Через минуту его настроение изменилось. Он вскочил с кресла. Я охотно последовал его примеру, хотя и не понимал, что мы будем делать.

— Возьмем такси. Сейчас еще только девять часов. Не слишком поздно для того, чтобы нанести визит.

— А кому мы нанесем этот визит? — спросил я, спускаясь вслед за Пуаро по лестнице.

— Мы едем на Риджент-гейт.

Я счел благоразумным промолчать. Я видел, что мой друг не в настроении отвечать на вопросы: он был слишком взволнован. Пока мы ехали в такси, его пальцы нетерпеливо барабанили по колену. Обычное спокойствие изменило Пуаро. Я старательно вспоминал каждую фразу из письма Карлотты Адамс сестре. За это время я заучил его почти наизусть. Мысленно я повторял слова Пуаро об оторванном листе, но все было бесполезно: я решительно ничего не понимал. Почему этот лист должен быть оторван?

Дверь в доме лорда Эдвера открыл нам новый слуга. Пуаро осведомился, дома ли мисс Кэрролл. Мы проследовали за слугой на второй этаж, и я в который раз подумал: куда же исчез прежний красавец с греческим профилем? Полиция так и не смогла найти его. Я решил, что тот слуга, видимо, тоже убит, и мне стало не по себе.

Однако я сразу же забыл о своих неприятных мыслях, едва увидел мисс Кэрролл, опрятную, энергичную и рассудительную, как всегда. Секретарша очень удивилась визиту Пуаро.

— Очень рад, что вы по-прежнему здесь, мадемуазель, — сказал мой друг с поклоном. — Я боялся, что вы здесь больше не работаете.

— Джеральдина и слушать не хочет о моем уходе, — ответила мисс Кэрролл. — Она умоляла меня остаться. Действительно, в такое трудное время рядом с ребенком должен кто-то быть. Материально, конечно, она обеспечена всем, но ей нужен человек, который поможет ей побыстрее забыть свои прежние горести. И уверяю вас, мистер Пуаро, что таким человеком с успехом могу быть я.

Ее лицо приняло непреклонное выражение. Я подумал, что с репортерами и охотниками за пикантными подробностями у мисс Кэрролл разговор короткий.

— Мадемуазель, вы всегда представлялись мне образцом

эффективности. Я это очень высоко ценю, так как таких людей редко встретишь. Мадемуазель Марш, напротив, девушка не очень практичного склада ума.

— Джеральдина мечтательница, — сказала мисс Кэрролл. — Она абсолютно не приспособлена к жизни и всегда была такой. Хорошо, что ей хоть не надо заботиться о хлебе насущном.

— Да, действительно.

— Но я думаю, вы не затем пришли, чтобы порассуждать о практичных и непрактичных людях. Итак, чем могу служить, мистер Пуаро?

Моему другу, конечно, не очень понравилось, что ему так бесцеремонно намекнули на то, чтобы он поскорее переходил к делу. Ему, видимо, был по душе более завуалированный подход. Однако секретарше было не до дипломатических тонкостей. Она подозрительно смотрела на нас сквозь стекла своих сильных очков.

— Я хотел бы получить от вас кое-какую информацию по некоторым вопросам. Я знаю, мисс Кэрролл, что вашей памяти я вполне могу довериться.

— Плохой был бы из меня секретарь, если бы меня подводила память, — сухо заметила мисс Кэрролл.

— Ездил ли лорд Эдвер в Париж в ноябре прошлого года?

— Да.

— Вы можете сказать, какого это было числа?

— Надо посмотреть в записях.

Она встала, открыла ключом ящик стола, достала небольшую тетрадь в переплете и, полистав ее, объявила:

— Лорд Эдвер отбыл в Париж 3 ноября и вернулся 7 ноября. Вторично он посетил Париж с 29 ноября по 4 декабря. Что еще вас интересует?

— С какой целью он ездил туда?

— Первый раз он поехал, чтобы посмотреть кое-какие статуэтки, которые планировал приобрести впоследствии на аукционе. А второй раз, насколько я знаю, лорд Эдвер ездил в Париж без определенных целей.

— Сопровождала ли своего отца мадемуазель Марш?

— Нет, она никогда не ездила с отцом, мистер Пуаро. Лорду Эдверу и в голову не приходило брать ее с собой. В то время Джеральдина находилась в женском пансионе в Париже, но я не думаю, что лорд Эдвер ездил, чтобы повидать ее. По крайней мере, меня бы это очень удивило.

— Вы никогда не ездили с ним?

— Нет.

Секретарша как-то странно посмотрела на Пуаро и неожиданно спросила:

— Почему вы задаете мне все эти вопросы? Каков их смысл, мистер Пуаро? Какую цель вы преследуете?

Мой друг не ответил, а задал вместо этого новый вопрос:

— Мисс Марш очень любит своего двоюродного брата, да?

— Честное слово, мистер Пуаро, я не понимаю, какое вам до всего этого дело?

— Вам известно, что мадемуазель Марш приходила ко мне на днях?

— Нет, не известно, — по-видимому, это сообщение сильно удивило секретаршу. — И что же она вам сказала?

— Она сказала, точнее, дала понять, что очень любит своего кузена.

— Ну а зачем тогда вы спрашиваете об этом меня?

— Потому что хочу знать ваше мнение.

На этот раз мисс Кэрролл сообщила ответить:

— По-моему, она всегда любила его. Даже слишком.

— Вам не нравится новый лорд Эдвер?

— Я этого не говорила. Для него я совершенно бесполезная особа, вот и все. Он несерьезный человек. Не отрицаю, манеры у него приятные, он может красиво говорить. Но мне все-таки хотелось бы, чтобы Джеральдина увлеклась кем-то с более твердым характером.

— Как, например, у герцога Мертонна?

— Я не знаю герцога. По крайней мере, он серьезно относится к своему положению в обществе. Но ведь он влюбился в эту драгоценную Джейн Уилкинсон.

— Но мать герцога...

— 01 Осмелюсь сказать, что его мать предпочла бы его брак с Джеральдиной. Но что могут сделать матери? Сыновья никогда не женятся по желанию своих матерей.

— Как вы считаете, питает ли Рональд Марш нежные чувства к своей кузине?

— Теперь-то что об этом говорить? Он арестован.

— Значит, вы считаете, что его будут судить?

— Не думаю. Мне кажется, что он невиновен.

— Но бывает, что судят и невиновных.

Мисс Кэрролл не ответила.

— Не смею вас больше задерживать, — Пуаро встал. — Вы случайно не знали Карлотту Адамс?

— Я была на ее спектакле. Очень умные пародии.

— Да, она была девушка умная, — казалось, Пуаро о чем-то задумался. — О, я чуть не забыл перчатки.

Он протянул руку к столу, его манжет зацепился за цепочку от пенсне мисс Кэрролл, и оно упало на ковер. Пуаро смущенно пробормотал извинения. Он нагнулся, поднял пенсне, вернул секретарше и взял перчатки.

— Еще раз прошу прощения за то, что побеспокоил вас, — сказал он на прощанье. — В прошлом году у лорда Эдвера возникли с одним человеком какие-то разногласия, и я подумал, что, может быть, здесь кроется ключ к разгадке. Вот почему я спросил о Париже. Это, конечно, очень слабая надежда, но мадемуазель Марш абсолютно уверена, что ее кузен не преступник. Да, очень уверена. До свиданья, мисс Кэрролл. Тысяча извинений за наш визит.

Не успели мы выйти из комнаты, как вслед нам раздался голос секретарши:

— Мистер Пуаро, это не мое пенсне. Я в нем ничего не вижу.

— Comment? — Пуаро удивленно посмотрел на мисс Кэрролл. Потом его лицо расплылось в улыбке. — Какой же я недотепа! Мое пенсне тоже выпало из кармана, когда я наклонился за вашим пенсне. Я их перепутал. Видите, они похожи как две капли воды.

Вежливо улыбнувшись друг другу, они совершили обмен.

— Пуаро, — обратился я к своему другу, когда мы вышли на улицу, — вы же не носите очков!

— Верно подметили, — просиял он. — Вы, я вижу, уже поняли, в чем дело.

— Вы подсунули ей пенсне из сумочки Карлотты Адамс?

— Именно так.

— А почему вы считаете, что оно может принадлежать мисс Кэрролл?

Пуаро пожал плечами:

— Из всех людей, которые имеют какое-то отношение к убийству, она единственная носит очки.

— Так или иначе, это пенсне не ее, — задумчиво сказал я.

— Если верить ее утверждению.

— Ну и подозрительный же вы тип.

— Вовсе нет, вовсе нет. Может быть, секретарша говорит правду. Я уверен, что она говорит правду, иначе она вряд ли заметила бы разницу. Я подменил пенсне очень ловко, мой друг.

Мы брели по улицам почти наугад. Я предложил взять такси, но Пуаро покачал головой.

— Мне надо подумать. Прогулки помогают мне в этом.

Я не возражал. Ночь была душная, и я не спешил возвращаться домой.

— Так вы задавали вопросы о Париже просто так, для маскировки? — спросил я с любопытством.

— Не совсем.

— Мы все еще не знаем, кто скрывается под инициалом Д., — задумчиво произнес я. — Может быть, Дональд Росс? Но он мертв.

— Да, мертв, — мрачно подтвердил мой друг.

Я вспомнил, как таким же душным вечером мы шли по улице вместе с Россом. Почему-то в моей памяти всплыли слова, сказанные им при расставании, и у меня перехватило дыхание от волнения.

— Боже мой, Пуаро, — воскликнул я. — Вы помните?

— Что я должен помнить, мой друг?

— Росс сказал, что за столом на ужине в Чизвике сидело тринадцать человек. *И он встал из-за стола первым.*

Пуаро не ответил. Мне стало не по себе: так бывает, когда сбывается какая-нибудь плохая примета.

— Странно, — глухо сказал я. — Согласитесь, что странно.

— Что вы говорите?

— Я говорю, очень странно. Дональд и это число тринадцать. Пуаро, да о чем вы думаете?

И тут, к великому моему удивлению и, признаюсь, к возмущению, мой друг затрясся от смеха. Он смеялся довольно долго. Видно, какая-то забавная мысль вызвала у него приступ такого неудержимого веселья.

— Черт возьми, да над чем вы смеетесь? — резко спросил я.

— О-хо-хо! — прямо-таки задыхался Пуаро. — На днях, Гастингс, я услышал одну загадку. Что это такое: две ноги, перья и лает, как собака?

— Конечно, цыпленок, — нехотя ответил я. — Я эту загадку еще в детстве знал.

— Вы слишком много знаете, Гастингс. Ну почему вы не ответили: «Я не знаю»? Я бы тогда сказал: «Это цыпленок», а вы бы возразили мне: «Но цыпленок не может лаять». Тогда бы я ответил: «Я это и сам знаю, просто мне хотелось сделать загадку потруднее». А если с инициалом Д. все обстоит так же, как с этой загадкой?

— Какой вздор!

— Да. Для большинства. Но не для тех людей, которые имеют особый склад ума. Эх, если бы только я мог спросить у кого-нибудь...

Мы проходили мимо здания кинотеатра. Как раз окон чился сеанс, и зрители толпой повалили из зала. Люди обсуждали свои дела, свою

прислугу, своих друзей и подруг. Кое-кто обменивался впечатлениями от просмотренного фильма.

С группой зрителей мы пересекли Юстон-роуд.

— Мне так понравился фильм, — вздохнув, сказала какая-то девушка. — Брайен Мартин был просто великолепен. А как он скакал со скалы, чтобы вовремя передать документы! Я не пропускаю ни одной картины с его участием.

Сопровождающий девушку парень, напротив, не проявлял особого энтузиазма по поводу фильма.

— Идиотский сюжет. Если бы у них была хоть капелька здравого смысла, то они бы сразу спросили у Эллис...

Конец его фразы мы не услышали. Перейдя проезжую часть и ступив на тротуар, я обернулся. Пуаро стоял посреди дороги. Машины и автобусы мчались на него и спереди и сзади. Я непроизвольно закрыл глаза рукой, потом услышал скрип тормозов и сочную брань шофера. Пуаро величественно прошествовал к обочине. Сейчас мой друг был похож на лунатика.

— Пуаро! — закричал я. — Вы что, с ума сошли?

— Нет, топ амі. Просто ко мне пришла разгадка этой тайны. Там, на середине дороги.

— Чертовски неудачное место для разгадок, — заметил я. — Она могла оказаться для вас последней.

— Неважно. О, топ амі, как же я был слеп, глух и бесчувствен. Но теперь я знаю ответы на все пять вопросов. Да, теперь я понял. Все так просто, по-детски просто...

28. Пуаро задает вопросы

Удивительная у нас получилась прогулка домой.

Пуаро напряженно о чем-то думал и иногда бормотал под нос что-то неразборчивое. Один раз я услышал слово «свечи», другой — нечто похожее на «douzaine»^[89]. Будь я поумнее, я бы, наверное, смог уловить ход его мыслей. А так эти отдельные слова звучали для меня суццей тарабарщиной.

Едва мы пришли домой, как Пуаро поспешил к телефону. Он позвонил в «Савой» и попросил леди Эдвер. Я не раз говорил моему другу, что он является одним из самых плохо информированных людей в мире. Сейчас мои слова подтвердились еще раз.

— И не надейтесь, старина, — сказал я не без ехидства. — Разве вы не знаете, что мисс Уилкинсон занята в новой пьесе? Так что в данный момент она в театре. Еще только пол-одиннадцатого.

Пуаро не обратил внимания на мои слова. Он разговаривал со служащим отеля. Тот, вероятно, подтвердил все, что сказал я.

— Правда? Тогда соедините меня со служанкой леди Эдвер.

Через несколько минут его соединили с нужным номером.

— Это служанка леди Эдвер? Говорит мистер Эркюль Пуаро. Вы помните меня?

— Tres bien. Мне нужно поговорить с вами по важному делу. Я хочу, чтобы вы приехали немедленно.

— Ну конечно, очень важно. Я дам вам свой адрес. Слушайте внимательно.

Он дважды повторил адрес и повесил трубку. Лицо Пуаро было задумчиво.

— Зачем вам служанка? — с любопытством спросил я. — У вас действительно есть для нее что-то важное?

— Нет, Гастингс, это она сообщит мне что-то важное.

— Что именно?

— Сведения об одном человеке.

— О Джейн Уилкинсон?

— Нет, о ней мне известно все. Я изучил ее, как говорится, от и до.

— Так о чем же вы хотите поговорить со служанкой?

Пуаро улыбнулся той самой улыбкой, которая всегда вызывала у меня раздражение, и заявил, что я сам скоро все увижу. После этого он начал

суетливо убирать в комнате.

Десять минут спустя появилась служанка. На ней было аккуратное черное платье. Она вела себя не совсем уверенно и немного нервничала. Пуаро поспешил навстречу женщине, подозрительно оглядывающей обстановку комнаты.

— О! Вы уже пришли. Очень мило с вашей стороны. Садитесь, пожалуйста, мадемуазель... Эллис, да?

— Да, сэр. Эллис.

Она села в кресло, которое пододвинул ей Пуаро, и, положив руки на колени, поочередно посмотрела на нас. Ее маленькое бледное лицо было уже почти спокойно, губы поджаты.

— Для начала скажите мне, мисс Эллис, сколько вы служите у леди Эдвер?

— Три года, сэр.

— Я так и думал. Тогда вы должны знать о ней все.

Эллис неодобрительно взглянула на Пуаро и ничего не ответила.

— Я хочу сказать, что вы наверняка должны знать, кто мог питать к вашей госпоже враждебные чувства?

Служанка еще сильнее сжала губы, но потом все-таки ответила:

— Большинство женщин были настроены по отношению к ней недоброжелательно, сэр. Да, они все были против нее. Это все гадкая ревность.

— Значит, слабый пол ее не любил?

— Нет, сэр. Она слишком красива и всегда добивалась того, чего хотела. В театральном мире вообще много черной зависти.

— Ну, а как мужчины к ней относятся?

На увядшем лице служанки появилась кислая улыбка.

— Она вертела джентльменами, как хотела, и это факт.

— Я согласен с вами, — улыбнулся Пуаро. — Но даже и в этом случае... — он не закончил и уже другим тоном спросил. — Вы знаете мистера Брайена Мартина, кинозвезду?

— О да, сэр.

— Хорошо знаете?

— Очень хорошо.

— Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что менее года назад мистер Мартин был сильно влюблен в вашу госпожу.

— По уши влюблен, сэр. И если хотите знать мое мнение, то я считаю, что он и сейчас влюблен.

— Сначала он надеялся, что она выйдет за него замуж, да?

— Да, сэр.

— А она когда-нибудь думала серьезно о браке с ним?

— Думала, сэр. Если бы только лорд Эдвер дал ей развод, она бы, по моему, вышла замуж за этого актера.

— Но потом, я полагаю, на сцене появился герцог Мертон?

— Да, сэр. Он путешествовал в то время по Штатам и влюбился в мою госпожу с первого взгляда.

— И шансы Брайена Мартина стали равны нулю?

Эллис кивнула.

— Конечно, мистер Мартин зарабатывает очень много, но у герцога еще и положение в обществе, — пояснила она. — А для моей госпожи это очень важно. Если бы она вышла замуж за герцога, то стала бы одной из первых леди в Англии, — закончила служанка таким самодовольным тоном, что мне стало смешно.

— Значит, мистер Мартин был, как бы это сказать, отвергнут? Он очень расстроился?

— Да, сэр, он ужасно огорчился.

— Что вы говорите!

— Устраивал сцены ревности. Один раз даже угрожал ей револьвером. Я так боялась. Потом начал пить. В общем, стал опускаться.

— Но в конце концов мистер Мартин смирился.

— Это только так кажется, сэр. Он все еще не теряет надежды. И взгляд у него какой-то нехороший. Я несколько раз предупреждала госпожу, но она только смеется. Понимаете, она упивается своей властью над мужчинами.

— Понимаю, — задумчиво ответил Пуаро.

— Правда, в последнее время мы не часто видим мистера Мартина. По моему, это хороший признак. Хочется верить, что он отказался от своих притязаний.

— Может быть.

Что-то в интонации Пуаро насторожило Эллис, и она с тревогой спросила:

— Вы считаете, что моей госпоже грозит опасность, сэр?

— Да, я считаю, что она в большой опасности, — сурово сказал мой друг. — Но она сама в этом виновата.

Пуаро бесцельно провел рукой по каминной полке и нечаянно опрокинул вазу с розами. Вода полилась на голову и лицо служанки. Мой друг редко был таким неловким, из чего я заключил, что события последнего времени вывели его из состояния душевного равновесия. Он

ужасно огорчился, побежал за полотенцем, заботливо помог Эллис вытереть лицо и шею и рассыпался в извинениях.

В конце концов он сунул ей хрустящую купюру и проводил до двери, поблагодарив за то, что она любезно согласилась приехать.

— Еще совсем рано, — заметил Пуаро, взглянув на часы. — Вы будете дома еще до того, как вернется ваша госпожа.

— Ну, об этом я не беспокоюсь. По-моему, леди Эдвер собиралась еще поужинать, а кроме того, ей вовсе не нужно, чтобы я постоянно сидела в номере. Разве что когда она специально попросит об этом.

Совершенно неожиданно Пуаро отклонился от темы разговора:

— Я вижу, мадемуазель, что вы хромаете.

— Ничего страшного, сэ. Ноги немного болят.

— Мозоли? — понизив голос, спросил мой друг. Таким доверительным тоном обращается один пациент к другому, зная, что тот страдает от аналогичного недуга.

Да, служанку мучили мозоли. Пуаро порассуждал немного о каком-то лечебном средстве, творящем, по его мнению, чудеса, и в конце концов Эллис ушла.

Меня распирало любопытство.

— Ну что, Пуаро? Что?

Он улыбнулся моему нетерпению.

— На сегодня все, мой друг. Завтра рано утром мы позвоним Джеппу и попросим его приехать. Еще мы позвоним мистеру Брайену Мартину. Думаю, у него есть, что рассказать нам. Мне бы хотелось отдать ему долг.

— Правда?

Я искоса взглянул на Пуаро. Он странно улыбался каким-то своим мыслям.

— Как бы то ни было, вы не можете подозревать Мартина в убийстве лорда Эдвера, — сказал я. — Особенно после того, что мы услышали сейчас от служанки. Джейн это, конечно, было бы на руку. Но убить мужа, чтобы позволить вдове выйти замуж за своего соперника, — это не в интересах Мартина.

— Какая глубокая мысль!

— Не издевайтесь, — произнес я с некоторой досадой. — И скажите, ради бога, что это вы все время вертите в руках?

Пуаро поднял выше заинтересовавший меня предмет.

— Я верчу в руках пенсне нашей доброй Эллис, мой друг. Она его забыла.

— Не говорите ерунды. Когда она выходила от нас, оно было у

служанки на носу.

Пуаро покачал головой.

— Неверно! Абсолютно неверно! Когда она уходила, мой дорогой Гастингс, на носу у нее было пенсне, которое мы нашли в сумке Карлотты Адамс.

Я открыл рот от удивления.

29. Пуаро рассказывает

Звонить инспектору Джеппу на следующее утро выпало мне.

— А, это вы, Гастингс, — довольно расстроено отозвался тот. — Ну, что на этот раз?

Я передал ему просьбу Пуаро.

— Приехать в одиннадцать утра? Что ж, можно. У него есть какие-то соображения по поводу смерти Росса? Откровенно говоря, мы бы не отказались от помощи. Никаких улик. Очень загадочная история.

— Думаю, что у Пуаро есть для вас кое-что, — ответил я уклончиво. — Во всяком случае, он очень доволен собой.

— Чего не скажешь про меня, — заметил инспектор. — Хорошо, капитан Гастингс, я приеду.

Затем я позвонил Брайену Мартину. Пуаро проинструктировал меня, что сказать актеру: мол, мистер Пуаро обнаружил нечто весьма интересное и считает, что мистери Мартину это будет полезно услышать. Мартин спросил, что именно нашел Пуаро, и я ответил, что не имею ни малейшего понятия. Воцарилось молчание.

— Хорошо, — наконец сказал Брайен, — приеду.

Он повесил трубку.

Потом, к некоторому моему удивлению, Пуаро позвонил Дженни Драйвер и тоже попросил ее прийти. Мой друг был молчалив и даже несколько угрюм. Я не докучал ему вопросами.

Первым приехал Брайен Мартин. Он прекрасно выглядел, был в настроении, хотя — или это мне показалось? — чуть-чуть нервничал. Почти сразу же вслед за ним приехала мисс Драйвер. Она удивилась, увидев Брайена, он тоже поразился ее приезду. Пуаро пододвинул два кресла, предложил молодым людям сесть и взглянул на часы.

— Я думаю, инспектор Джепп будет с минуты на минуту.

— И Джепп тоже? — встревоженно, как мне показалось, спросил актер.

— Да, я попросил его прийти. Неофициально, как друга.

— Ясно.

Мартин не проронил больше ни слова. Дженни взглянула на него и быстро отвела взгляд. В то утро девушка показалась мне чем-то озабоченной.

Минуту спустя в комнату вошел инспектор. По-моему, он слегка

удивился, увидев Брайена Мартина и Дженни Драйвер, но ничем не выдал своих чувств. Он приветствовал Пуаро в своей обычной шутливой манере.

— Ну, мистер Пуаро, зачем звали? Я полагаю, у вас появилась какая-то новая потрясающая теория?

Мой друг лучезарно улыбнулся Джеппу.

— Нет, нет, ничего потрясающего. Просто одна маленькая, простенькая история. Стыдно признаться, но я не сразу разобрался в ней. Если вы позволите, я расскажу все с самого начала.

Инспектор вздохнул и посмотрел на часы.

— Если это займет не больше часа...

— Будьте уверены, это не займет даже часа, — успокоил Пуаро. — Вы ведь хотите знать, кто убил лорда Эдвера, мисс Адамс и Дональда Росса?

— Для начала я хочу знать, кто убил Росса, — осторожно произнес Джепп.

— Тогда слушайте. Я не буду хвастаться («Да неужели?» — недоверчиво подумал я). Я расскажу вам обо всех своих шагах, покажу, где я дал маху, где проявил чудовищную несообразительность, как мне помогла беседа с моим другом Гастингсом и как реплика случайного прохожего натолкнула меня на правильное решение.

Пуаро сделал паузу и, прочистив горло, начал говорить поучительным — «лекторским», как я его называю, — тоном.

— Я начну с ужина в отеле «Савой». Ко мне подошла леди Эдвер и попросила уделить ей немного времени. Она хотела, чтобы я помог ей избавиться от мужа. В конце нашего разговора она, не совсем осмотрительно, как я подумал, заявила, что может приехать на такси к лорду Эдверу и убить его сама. Эти слова услышал Брайен Мартин, который вошел в номер леди Эдвер как раз в этот момент.

Пуаро повернулся к актеру:

— Я все верно излагаю?

— Все слышали эту угрозу, — ответил тот, — Уидберны, и Марш, и Карлотта.

— Я абсолютно согласен с вами. Ен Ёеп, мне так и не удалось забыть эти слова леди Эдвер: на следующее утро Брайен Мартин пришел ко мне с целью покрепче вбить угрозы мисс Уилкинсон в мою голову.

— И вовсе нет, — сердито закричал Мартин. — Я пришел для того, чтобы...

— Вы пришли для того, чтобы рассказать мне небылицу о том, что вас кто-то преследует. Возможно, вы позаимствовали эту историю из какого-нибудь старого фильма. Девушка, согласие которой вы должны якобы

получить, какой-то человек, которого вы всегда узнавали по золотому зубу. Ребенок — и тот бы понял, что его водят за нос. Моп ами, да ни один молодой человек не поставит себе сейчас золотую коронку, а особенно в Америке. Золотые зубы — это вчерашний день зубоврачебного искусства. Да, вся эта история оказалась абсурдной выдумкой. Рассказав мне эту нелепицу, вы перешли к истинной цели вашего визита: вы хотели настроить меня против леди Эдвер. Если выражаться проще, вы приучали меня к мысли о том, что убийцей может быть только она.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — пробормотал актер. Лицо его было смертельно бледным.

— Вы не устаете повторять, что лорд Эдвер против развода! Вы предполагаете, что я пойду к нему только на следующий день, но обстоятельства изменились, и я беседовал с ним в то же утро. Лорд Эдвер сообщил мне, что он *согласен* на развод, и таким образом мотив убийства для леди Эдвер исчез. Более того, лорд Эдвер сказал, что послал ей письмо, в котором информировал о своем согласии.

Однако леди Эдвер заявила, что не получала никакого письма. Кто из них лгал: она или ее муж? Или кто-то перехватил письмо? И тогда я задал себе вопрос: *зачем* мистеру Брайену Мартину надо было утруждать себя всеми этими небылицами? Что движет им? Постепенно я начал приходить к выводу, что вы, мосье, безумно влюблены в леди Эдвер. Лорд Эдвер, кстати, сказал мне, что она хочет выйти за какого-то актера. Предположим, что сначала так оно и было, но потом леди Эдвер передумала, и к тому времени, как лорд Эдвер написал ей это письмо, Джейн хочет выйти замуж за кого-то другого, а не за вас! Теперь у вас есть все основания перехватить письмо.

— Я никогда...

— Вы будете говорить потом. А сейчас выслушайте меня. Что же вы замыслили, вы, испорченный успехом кумир публики, который никогда ни в чем не знал отказа? Я думаю, вами овладела бешеная ярость, желание причинить леди Эдвер как можно больше вреда. А что может быть более страшной мстью, чем привести ее на скамью подсудимых, а может, даже и на виселицу?

— Боже мой! — воскликнул Джепп.

Пуаро повернулся к инспектору.

— Да, да, вот это и была та маленькая идея, которая родилась у меня. Среди мужчин у Карлотты было двое друзей: капитан Марш и Брайен Мартин. Отсюда следует, что 10 тысяч долларов за участие в «розыгрыше» мог предложить ей Брайен Мартин, весьма богатый человек. Мне сразу

показалось, что Рональд Марш вряд ли мог участвовать в этом: мисс Адамс просто не поверила бы, что у него найдется такая сумма, ведь она знала, что Марш постоянно нуждается в деньгах. Так что более подходящим кандидатом являлся мистер Мартин.

— Я не... говорю вам, что я не... — хрипло начал актер.

— Когда из Вашингтона передали по телеграфу содержание письма мисс Адамс, oh, la, la, я был очень огорчен. Мне показалось, что я все время шел по ложному следу. Но потом я сделал открытие. Когда мне прислали оригинал письма, я обнаружил, что одного листа в нем не хватает. Предыдущий лист, в конце которого рассказывалось о капитане Марше, заканчивался словами: «Мистеру Маршу тоже очень нравятся мои пародии... а на днях...» Следующий лист начинается так: «...он говорит мне: «Помогите выиграть одно пари». Но поскольку одна половинка этого двойного листа была оторвана, то я предположил, что слово «он» со следующего листа не относится к «мистеру Маршу» с предыдущего листа. Значит, «розыгрыш» мог предложить Карлотте кто-то другой.

Это предположение подтверждается еще вот чем. Когда арестовали капитана Марша, он совершенно определенно заявил, что видел, как в дом лорда Эдвера входил человек, очень похожий на Брайена Мартина. В устах обвиняемого это заявление не имело никакого веса. К тому же у мистера Брайена было алиби. Этого следовало ожидать: если убил он, то ему обязательно надо было запастись алиби. Его алиби подтвердил только один человек — мисс Драйвер.

— Что такое? — резко спросила девушка.

— Ничего, мадемуазель, — улыбнулся Пуаро, — за исключением того, что в тот же самый день я видел вас в ресторане с мистером Мартином. Вы не поленились подойти ко мне и постарались убедить в том, что ваша подруга мисс Адамс питала симпатию к Рональду Маршу, а не к Брайену Мартину.

— Конечно к Маршу, — решительно заявил актер.

— Вы могли и не замечать чувств мисс Адамс к вам, мосье, — спокойно продолжал мой друг, — но я уверен, что она питала симпатию к вам. Это и объясняет, как нельзя лучше, ее неприязнь к леди Эдвер. Это все из-за вас. Вы ведь рассказали Карлотте о том, что Джейн отказалась выйти за вас замуж?

— Э... да... мне надо было с кем-то поделиться, а она...

— ...посочувствовала вам. Да и по моим наблюдениям она была к вам равнодушна. Eh bien, что же дальше? Арестовали Рональда Марша. Это немедленно поднимает ваше настроение. Хотя ваш план и не сработал из-за

того, что в последнюю минуту леди Эдвер передумала и все-таки поехала на ужин в Чизвик, но оказалось, что вину можно свалить и на Марша. Теперь вы могли спать спокойно. Но некоторое время спустя на завтраке у Уидбернов вы услышали, как Дональд Росс, этот симпатичный, но глуповатый молодой человек, сказал что-то Гастингсу, и вам показалось, что вам снова угрожает опасность.

— Неправда, — застонал Мартин. Пот градом катил по его лицу, в глазах стоял дикий ужас. — Говорю вам, я ничего не слышал... ничего... я ничего не сделал...

И тут произошла самая, по-моему, удивительная за все утро вещь: Пуаро спокойно сказал:

— Вы и правда абсолютно ни в чем не виновны. Надеюсь, что я достаточно наказал вас за то, что вы пришли ко *мне*, самому Эркюлю Пуаро, со своей небылицей.

Все присутствующие разинули от удивления рты, а Пуаро задумчиво продолжал:

— Видите ли, я просто показал вам все свои просчеты. Я задал себе пять вопросов. Гастингс их знает. Ответы на три вопроса прекрасно согласовались с моей теорией. Что случилось с письмом? Мистер Мартин прекрасно ответил на этот вопрос. Другой вопрос: что заставило лорда Эдвера неожиданно передумать и согласиться на развод? Насчет этого у меня появилось следующее предположение. Либо он хотел снова жениться — но эту версию ничто не подтверждало — либо здесь имел место шантаж. Лорд Эдвер был человеком с отклонениями от нормы. Возможно, кое-какие неприглядные факты из его жизни стали известны его жене. Хотя это и не давало леди Эдвер права на развод, но могло быть использовано ею в качестве рычага для достижения своих целей. Она стала угрожать, что его извращения станут достоянием окружающих. Лорд Эдвер желал избежать такого скандала — и он сдался. Совершенно случайно Гастингс заметил выражение жуткой ярости на его лице, когда лорд Эдвер совсем не ожидал, что на него будут смотреть. Это говорит о его подлинных чувствах к жене-шантажистке. Версию о шантаже подтверждает и та поспешность, с которой он ответил на мой вопрос о том, почему он все-таки передумал и решил дать развод. Лорд Эдвер сказал так: «Во всяком случае, не из-за того, что в письме было что-то компрометирующее», а ведь я даже и не упоминал об этом.

Оставалось еще два вопроса: откуда в сумке мисс Адамс оказалось пенсне, которое ей не принадлежало, и почему леди Эдвер позвонили в Чизвик во время ужина. никоим образом я не мог связать эти два факта с

личностью мистера Мартина.

Я вынужден был признать, что либо я ошибаюсь в отношении мистера Мартина, либо эти два вопроса неправильны по своей сути. В отчаянии я еще раз тщательно прочитал письмо мисс Адамс и кое-что обнаружил!

Вот это письмо. Взгляните сами. Двойной лист, от которого оторвана половина, начинается со слов «он говорит». Но верхняя часть этого листа оборвана неровно, поэтому я догадался, что в начале слова «НЕ»^[90] стояла буква «S», которую и оторвал преступник. Видите, что у вас получилось: «SHE»^[91]. «Она говорит»! Розыгрыш предложила Карлотте Адамс женщина.

Я сделал список всех лиц женского пола, которые, пусть даже и косвенно, имели отношение к этому делу. Кроме Джейн Уилкинсон их было еще четыре — Джеральдина Марш, мисс Кэрролл, мисс Драйвер и герцогиня Мертон. Из этих четырех меня больше всего интересовала мисс Кэрролл. Она носит пенсне, она в тот вечер оставалась в доме лорда Эдвера и в своем желании обвинить Джейн Уилкинсон она дала неточные показания. Это умная, хладнокровная женщина, которая вполне могла осуществить такое преступление. Ее мотив был неизвестен, но, в конце концов, она работала у лорда Эдвера несколько лет, а за это время какая-нибудь причина для убийства могла найтись.

Я также понимал, что из числа подозреваемых нельзя исключать и Джеральдину Марш. Она сама сказала, что ненавидит отца. Девушка она нервная, взвинченная. Предположим, что, когда она пришла домой в тот вечер, она сначала убила отца, а потом поднялась наверх, чтобы взять жемчужное ожерелье. И тут, спускаясь вниз, она обнаружила, что ее кузен, которого она так преданно любила, не остался в такси, а тоже вошел в дом!

Тогда волнение мисс Марш можно объяснить двумя причинами: или она боялась собственного разоблачения, или, если убила не она, девушка боялась, что убийцей является Рональд. К тому же на золотой коробочке, найденной в сумочке мисс Адамс, был инициал Д., и в ноябре прошлого года она была в пансионате в Париже, где и могла познакомиться с Карлоттой.

Вам может показаться совершенно невероятным, что я включил в список подозреваемых герцогиню Мертон. Но когда она приходила ко мне, я понял, что она — фанатичка. Весь смысл ее жизни заключался для нее только в собственном сыне, и она вполне могла разработать план, чтобы уничтожить женщину, грозившую разрушить ее материнское счастье.

Я подозревал также и мисс Дженни Драйвер... — Пуаро замолчал и

посмотрел на девушку. Она, слегка склонив голову набок, ответила ему дерзким взглядом.

— Ну и что такое вы обо мне разузнали?

— Ничего, кроме того, что вы дружите с Брайеном Мартином и что ваши инициалы тоже начинаются с буквы Д.

— Не очень-то много.

— К тому же вы девушка умная и хладнокровная и могли бы отважиться на такое преступление.

— Продолжайте, — весело сказала мисс Драйвер, закуривая сигарету.

— Мне следовало еще выяснить, можно ли верить алиби мистера Мартина. Если да, то кто был человек, который, как заявил Рональд Марш, входил в дом лорда Эдвера. И тут я кое-что вспомнил. Тот красавец-слуга был очень похож на мистера Мартина. Вот этого-то слугу и видел капитан Марш. У меня на этот счет следующее предположение: слуга обнаружил, что его хозяин мертв. На столе в библиотеке лежал конверт с французскими банкнотами на сумму, равную 100 фунтам. Слуга взял деньги, незаметно покинул дом и отдал деньги кому-то из своих дружков-мошенников. Потом он вернулся, открыв дверь ключом лорда Эдвера. На следующее утро труп хозяина обнаружила служанка. Слуга чувствовал себя в полной безопасности, так как был абсолютно уверен, что лорда Эдвера убила леди Эдвер. Что же касается денег, то, я думаю, их обменяли на английские фунты еще до того, как обнаружилась их пропажа. Однако потом оказалось, что у леди Эдвер алиби, и полиция стала проверять обитателей дома. Слуга пронюхал, что Скотленд-Ярд заинтересовался его прошлым, и поспешил скрыться.

Джепп одобрительно кивнул.

— Мне оставалось еще решить вопрос о пенсне. Если оно принадлежало мисс Кэрролл, то тогда все вставало на свои места. Тогда это она перехватила письмо, а ее пенсне могло случайно попасть в сумочку Карлотты Адамс, когда они обсуждали детали «розыгрыша» или когда они встретились в день убийства.

Но оказалось, что пенсне не принадлежит секретарше. И вот вчера вечером я шел с Гастингсом домой в расстроенных чувствах, стараясь привести в систему все имеющиеся у меня факты. И тут случилось чудо.

Гастингс упомянул, что Дональд Росс был одним из тринадцати гостей на ужине у сэра Монтегю и что он встал из-за стола первым. Я думал о своем и почти не обратил внимания на слова моего друга. Правда, у меня мелькнула мысль, что, строго говоря, Дональд не первым встал из-за стола. В конце ужина — да, но поскольку до этого леди Эдвер вызывали к

телефону, то первой из-за стола поднималась все-таки она. Мои мысли переключились на леди Эдвер. Я стал размышлять о ее несколько инфантильном складе ума, и мне пришла в голову одна детская загадка-шутка. Я задал ее Гастингсу, но его эта загадка не рассмешила. Потом я стал думать о том, кто мог бы рассказать мне об отношениях между леди Эдвер и мистером Мартином. Я знал, что сама она мне ничего не расскажет. И вот когда мы переходили улицу, я услышал, как какой-то прохожий, только что вышедший из кинотеатра со своей спутницей и обсуждавший с ней фильм, сказал одну простую фразу: «Они бы сразу спросили у Эллис...» Тут меня озарило!

Пуаро оглядел собравшихся.

— Да, да, и пенсне, и телефонный звонок, и низкорослая женщина, которая забирала заказ из ювелирного магазина в Париже, — все встало на свои места. Конечно *Эллис*, служанка Джейн Уилкинсон! Теперь я знал все до мельчайших подробностей: свечи, полумрак, миссис Ван Дюсен — все! Теперь я *понял!*

30. Пуаро продолжает рассказ

— Итак, мои друзья, — продолжал Пуаро, — сейчас я расскажу вам о том, как все происходило в тот вечер на самом деле. Карлотта Адамс уходит из дома в семь часов вечера. Она едет на такси в отель «Пиккадилли».

— Что? — воскликнул я.

— Да, в «Пиккадилли». Утром того же дня она сняла там номер под именем миссис Ван Дюсен. Она надела пенсне с сильными стеклами, которое, как мы все знаем, сильно изменяет выражение лица. Итак, она сняла номер, сказала, что отплывает вечерним пароходом в Ливерпуль и что ее багаж уже отправлен. В 8.30 вечера в отель приезжает леди Эдвер. Карлотта одевает светлый парик, белое шелковое платье и горностаевую пелерину. *Она, а не Джейн Уилкинсон отправляется на ужин в Чизвик.* Да, да, этот трюк вполне возможен. Я был в доме сэра Монтегю в вечернее время. Стол освещен только свечами, лампы горят неярко. Никто из гостей не был близко знаком с мисс Уилкинсон. Золотистые волосы, такой знакомый хриловатый голос, манеры — все это можно подделать. На случай неудачи женщины тоже придумали какое-то объяснение. Тем временем леди Эдвер в темном парике, одежде Карлотты Адамс и пенсне расплачивается за пребывание в гостинице, берет ее портфель и едет в такси на вокзал Юстон. В туалете она снимает темный парик и оставляет портфель в камере хранения. Перед тем, как ехать на Риджент-гейт, она звонит в Чизвик и просит позвать к телефону леди Эдвер. Они условились, что если все пойдет хорошо и подмену не обнаружат, то Карлотта должна будет ответить: «Да, это я». Конечно, мисс Адамс не подозревала об истинной цели этого звонка. Услышав ответ своего двойника, леди Эдвер приступает к реализации намеченного плана. Она едет на Риджент-гейт, затем объявляет свое имя и идет в библиотеку. *Здесь она совершает первое убийство.* Конечно, она не заметила, что сверху за ней наблюдает секретарша, мисс Кэрролл. Расчет мисс Уилкинсон таков: с одной стороны — показания слуги, который никогда и не видел ее (а кроме того, на ней шляпка, хорошо скрывающая лицо), а с другой — двенадцать уважаемых свидетелей, которые подтвердят, что она ужинала с ними в доме сэра Монтегю.

Затем леди Эдвер возвращается на вокзал, снова надевает темный парик и забирает портфель. Теперь ей надо ждать до тех пор, пока Карлотта

Адамс не вернется с ужина. Они условились насчет примерного времени встречи. Мисс Уилкинсон идет в ресторан «Корнер-хаус», поглядывая на часы. Время тянется для нее невыносимо медленно. Она начинает готовиться ко второму убийству. Сумочка Карлотты Адамс, конечно, при ней. Она кладет туда золотую коробочку, которую заказала в Париже. Возможно, именно тогда она и обнаружила письмо. А может, это было и раньше. Так или иначе, увидев адрес на конверте, леди Эдвер чувствует опасность. Она вскрывает конверт, читает — ее опасения подтверждаются.

Возможно, ее первой мыслью было уничтожить письмо, но, подумав, она находит лучший вариант. Она отрывает одну половинку двойного листа, и письмо становится уликой против Рональда Марша, человека, у которого есть веские основания желать смерти лорда Эдвера. Даже если у Рональда и будет алиби, то все равно преступника будут искать среди мужчин, так как с помощью оторванной буквы леди Эдвер превращает слово «она» в «он». Затем она кладет письмо обратно в сумку.

Когда подходит назначенное время, она идет в направлении отеля «Савой». Увидев автомобиль, в котором сидит вторая «леди Эдвер», преступница ускоряет шаг, входит в отель в то же самое время, что и ее двойник, и поднимается по лестнице. На ней невыразительное черное платье, и вряд ли кто из служащих обращает на нее особое внимание.

Итак, леди Эдвер направляется в свой номер. Карлотта Адамс уже ждет ее у дверей. Служанку отправили спать пораньше, вполне обычное дело. Женщины опять меняются одеждой, и затем, как я предполагаю, Джейн предлагает выпить за успешное осуществление «розыгрыша». В вино она незаметно подсыпает веронал. Леди Эдвер поздравляет свою жертву и обещает прислать чек на следующий день. Карлотта Адамс отправляется домой. Она пытается позвонить кому-то из своих друзей, я думаю, мистеру Мартину или капитану Маршу, потому что оба живут в районе Виктории, а служанка мисс Адамс припомнила, что Карлотта называла телефонистке именно этот район. Не дозвонившись, девушка ложится спать: она слишком устала, и к тому же начинает действовать наркотик. *Карлотта Адамс умирает во сне.* Так успешно осуществилось второе убийство.

Теперь поговорим о третьем. На завтраке супругов Уидберн сэра Монтегю Корнер упоминает о своей беседе с леди Эдвер на предмет греческой мифологии, которая состоялась в Чизвике в тот вечер, когда произошло убийство. Избежать разоблачения чрезвычайно легко: преступнице достаточно пробормотать в ответ что-нибудь насчет глубоких познаний сэра Монтегю в этой области. Но Немезида^[92] настигает ее —

едва леди Эдвер слышит упоминание о Парисе, как сразу же начинает говорить о Париже, ведь она знает только столицу мод и развлечений!

Напротив нее сидит Дональд Росс, молодой человек, который тоже присутствовал на ужине в Чизвике. Он слышал, как леди Эдвер обсуждала в тот вечер греческую культуру, поэзию Гомера. Карлотта Адамс была образованной, начитанной девушкой. Дональд Росс с удивлением смотрит на леди Эдвер и вдруг начинает понимать, *что на ужине в Чизвике была другая женщина*. Молодой человек ужасно сконфужен, он не уверен в правильности своего предположения. Ему надо с кем-то посоветоваться. Он хочет видеть меня и спрашивает обо мне у Гастингса.

Но леди Эдвер слышит его разговор с моим другом и понимает, что каким-то образом выдала себя. Гастингс говорит, что я вернусь к пяти часам. Без двадцати пять преступница приезжает на квартиру Дональда Росса. Он очень удивлен, но ему и в голову не приходит опасаться чего-то. Молодой сильный человек — с какой стати ему бояться женщины? Они идут в кухню. Леди Эдвер рассказывает ему какую-то небылицу. Может быть, бросается к нему на шею или что-нибудь в этом роде. Затем быстрым и точным ударом, как и своего мужа, она убивает Росса. Возможно, он издает приглушенный крик — и все. Замолчал еще один свидетель.

В комнате воцарилась тишина. Потом Джепп хрипло спросил:

— Так вы хотите сказать... что она убила всех троих?

Пуаро кивнул.

— Но почему? Ведь муж давал ей развод?

— А потому, что герцог Мертон — ярый англокатолик, который фанатично следует религиозным догмам. Он бы и слушать не стал о браке с женщиной, муж которой, пусть и бывший, жив. А вот если бы она была вдовой, то почти наверняка вышла бы за него. Несомненно, леди Эдвер пыталась устроить брак с герцогом и при живом муже, но он на это не пошел.

— Зачем же она послала вас к лорду Эдверу?

— Ah! Parbleu^[93], — и Пуаро, говоривший до сих пор сухим, официальным тоном, перешел к своей обычной манере. — Зачем? Попудрить мне мозги! Сделать меня свидетелем того факта, что с ее стороны для убийства нет никакого мотива! Она хотела сделать меня, самого Эркюля Пуаро, орудием в своих руках! Ma foi^[94], поначалу ей это удалось! О, этот странный ум, с одной стороны, по-детски наивный, с другой — зловещий. А какая актриса! Как великолепно разыграла удивление, когда я сказал ей о письме лорда Эдвера! Как убедительно она

клялась, что не получала его. Мучила ли ее совесть за три невинные жертвы? Готов поклясться, что вряд ли.

— Я говорил вам, что это за человек! — вскричал Брайен Мартин. — Я предупреждал. Я знал, что она хочет убить его, чувствовал. И я боялся, что это сойдет ей с рук. Джейн дьявольски умна, как бывают умны сумасшедшие. А еще я хотел, чтобы она страдала, мучилась. Я хотел, чтобы ее повесили.

Лицо актера стало пунцовым, голос дрожал.

— Ну, ну, успокойся, — сказала Дженни Драйвер таким тоном, каким няни разговаривают с маленькими детьми.

— А золотая коробочка с инициалом «Д.» и надписью «Париж, ноябрь»? — спросил Джепп.

— Она заказала ее в письме, оплатила авансом и послала свою служанку Эллис забрать пакет. Конечно, Эллис не имела ни малейшего понятия, что внутри. Леди Эдвер также позаимствовала у служанки пенсне, чтобы использовать его в создании образа мифической миссис Ван Дюсен. Но потом она позабыла о нем, и пенсне осталось в сумочке Карлотты Адамс. Это была еще одна ее ошибка.

Все это пришло мне в голову, когда я стоял на середине проезжей части. Конечно, водитель автобуса обозвал меня нехорошими словами, но ради конечного результата стоило потерпеть. Эллис! Пенсне Эллис. Визит Эллис в Париж за коробочкой. Эллис, а отсюда и Джейн Уилкинсон. Весьма возможно, что кроме пенсне леди Эдвер позаимствовала у служанки и еще кое-что.

— Что именно?

— Нож для хлеба.

Я вздрогнул.

— Это правда, мистер Пуаро? — спросил Джепп, и впервые в голосе инспектора не было привычного скепсиса.

— Да, это правда.

Затем подал голос Брайен Мартин, и мне подумалось, что эти его слова прекрасно характеризуют его натуру в целом.

— Послушайте, — начал он раздраженно, — а причем здесь я? Зачем вы меня сюда притащили? Вы же напугали меня до смерти.

Пуаро смерил его холодным взглядом.

— Я хотел вас проучить, мосье, за вашу наглость. Как вы осмелились водить за нос меня, самого Эркюля Пуаро?

И тут Дженни Драйвер рассмеялась. Смеялась она долго.

— Так тебе и надо, Брайен, — наконец сказала она.

Потом девушка повернулась к Пуаро.

— Я так рада, что это не Рональд Марш. Мне всегда нравился этот молодой человек. И как хорошо, что убийство лорда Эдвера не останется безнаказанным! Ну, а что касается Брайена, то я сообщу вам одну новость, мистер Пуаро. Я выхожу за него замуж. И если он думает, что будет жениться и разводиться каждые два-три года, как принято у них там в Голливуде, то он глубоко заблуждается. От меня ему так просто не отделаться.

Пуаро посмотрел на девушку, на ее огненно-рыжие волосы и решительный подбородок.

— Очень возможно, что так и будет, мадемуазель, — произнес он. — Как я уже сказал, вы девушка отважная. Смелости у вас хватит даже на то, чтобы выйти замуж за кинозвезду.

31. Признание

Буквально через несколько дней я был командирован по делам службы в Аргентину. Случилось так, что я больше никогда не увидел Джейн Уилкинсон и читал о суде над ней только в газетах. Совершенно неожиданно — по крайней мере для меня — она под давлением улик сломалась. До тех пор, пока леди Эдвер считала, что не сделала ни одной ошибки и находится в полной безопасности, она упивалась собственным умом. Но кто-то оказался умнее ее, и самоуверенность Джейн была разрушена до основания. Как ребенок, уличенный во лжи, не в состоянии лгать дальше, так и леди Эдвер перестала запереться. На перекрестном допросе с ней случилась истерика.

Итак, как я уже сказал, последний раз я видел мисс Уилкинсон на завтраке, устроенном супругами Уидберн. Но когда я вспоминаю о ней, перед моими глазами всегда встает та Джейн, которую мы видели в номере отеля «Савой», — Джейн, с серьезным, сосредоточенным видом примеряющая черное траурное платье. И я убежден, что это была не поза, а ее естественное состояние: она считала, что ее план удался, и сомнения больше не терзали ее. Я также думаю, что ее ни разу не мучили угрызения совести по поводу содеянного.

Ниже я привожу текст письма леди Эдвер, которое по ее просьбе переслали Пуаро после ее казни. Оно, по-моему, как нельзя лучше иллюстрирует натуру этой прекрасной, но совершенно бессовестной леди.

«Дорогой мистер Пуаро, я долго думала и решила написать вам. Я знаю, что время от времени вы публикуете отчеты о расследовании того или иного преступления. Но я не думаю, что вы хоть раз опубликовали признания самих преступников. А я хочу, чтобы все узнали точно, как я все это сделала. Я по-прежнему считаю, что мой план был великолепно продуман. Если бы не вы, все получилось бы просто замечательно. И хотя мне обидно, я понимаю, что вы, видимо, не могли поступить иначе. Я надеюсь, что вы опубликуете это письмо. Я хочу, чтобы люди помнили меня. А кроме того, я думаю, что я — личность уникальная. Здесь, в тюрьме, все так считают.

Все началось в Америке, когда я познакомилась с герцогом Мертоном. Я сразу же поняла, что, если бы была вдовой, он бы

на мне женился. К сожалению, у него были какие-то странные предрассудки против разводов. Я хотела перебороть эти предрассудки, но у меня ничего не получалось. Потом я прекратила попытки: герцог был фанатичным человеком, и я могла все испортить.

Скоро я пришла к выводу, что в таких обстоятельствах мой муж просто должен умереть, но я не знала, с чего начать. Такие вопросы легче решать в Штатах. Сколько я ни ломала себе голову, я ничего не могла придумать. Однажды я попала на концерт Карлотты Адамс. Когда я увидела ее пародию на меня, то сразу поняла, что делать. С ее помощью я могла сделать себе алиби. В тот же вечер я поговорила с вами, и мне неожиданно пришло в голову, что стоит послать вас к моему мужу, чтобы вы поговорили с ним о разводе. И я стала постоянно говорить о том, что хотела бы убить лорда Эдвера. Я часто замечала, что если говоришь правду, да еще делаешь при этом глуповатое лицо, то тебе никто не верит. Я всегда пользовалась этим приемом при подписании контрактов. А еще полезно притворяться, что ты глупее, чем на самом деле. Во время второй встречи с Карлоттой Адамс я подала ей мысль о розыгрыше. Я сказала, что это пари, и она сразу же клюнула. Я обещала заплатить ей 10 тысяч долларов, если она выдаст себя за Джейн Уилкинсон на какой-нибудь вечеринке. Она приняла предложение с энтузиазмом и даже подала несколько ценных мыслей: об обмене одеждой и еще что-то в этом роде. Мы не могли переодеться у меня в отеле из-за служанки и у нее на квартире по той же причине. Карлотта, конечно, не поняла, чем они могут нам помешать. Когда я наотрез отказалась переодеваться у нее на квартире и у меня в отеле, возникла весьма неловкая ситуация. Она сказала, что глупо так упираться из-за каких-то мелочей, но потом согласилась со мной, и мы решили использовать для этой цели отель «Пиккадилли». Для большей убедительности я захватила пенсне Элис.

Конечно, скоро я пришла к выводу, что Карлотту тоже придется убрать. Жаль, но иного выхода не было. Между прочим, ее пародия на меня была ужасно обидной. Если бы не мой план, я бы ужасно разозлилась на Карлотту. У меня был веронал, хотя я сама почти никогда не принимала его. Подсыпать порошок в вино было совсем нетрудно. А потом меня

осенило: надо создать впечатление, что Карлотта принимала веронал регулярно! В ювелирном магазине при отеле «Ритц» в Париже, где я останавливалась однажды, я заказала коробочку, точную копию такой, какую подарили когда-то мне. Я велела написать инициалы Карлотты Адамс на крышке, а под крышкой, чтобы запутать все еще больше, — букву Д. и «Париж, 10 ноября». Потом я послала Эллис в Париж, чтобы она забрала заказ. Служанка, конечно, не знала, что в пакете.

В тот вечер все шло как по маслу. Я взяла один из ножей Эллис, которыми она пользовалась для нарезания хлеба. Он был очень острый и красивый. Как-то в Сан-Франциско один доктор рассказывал мне о всяких там люмбальных и цистерных пункциях и предупреждал, что при их выполнении надо быть исключительно осторожным, иначе игла может проникнуть через какую-то «цистертия магна» в «медулла облонгата», где сосредоточены жизненно важные нервные центры, и наступит мгновенная смерть. Я заинтересовалась, сказала, что, возможно, использую эту идею в новом фильме, и попросила точно показать мне это место на затылке. Я почему-то подумала, что это мне может когда-нибудь пригодиться.

Карлотта Адамс поступила очень нечестно, когда написала своей сестре. Она ведь обещала, что никому ничего не скажет. Но я все-таки додумалась оторвать один лист письма, из-за чего слово «она» изменилось на «он». Как это было умно с моей стороны! Я это сама придумала! Этой идеей я горжусь больше всего. Люди всегда говорили, что я глуповатая особа, но для того, чтобы придумать такое, надо иметь гениальную голову.

Я тщательно продумала, как вести себя после убийства лорда Эдвера и Карлотты Адамс, и, когда пришел инспектор из Скотленд-Ярда, я разыграла все как по нотам. Этот спектакль доставил мне истинное наслаждение. Я даже думала, что меня арестуют, но чувствовала себя в полной безопасности, потому что моими свидетелями были все уважаемые гости, которые ужинали в Чизвике. О том, что мы с Карлоттой менялись одеждой, никто никогда не узнал бы.

После убийства лорда Эдвера я почувствовала себя удовлетворенной, счастливой. Фортуна улыбнулась мне, и я считала, что теперь все пойдет как надо. Старая герцогиня относилась ко мне ужасно, зато сам Мертон был очень добр. Он

хотел жениться на мне как можно скорее и ни о чем не подозревал.

Никогда я не была такой счастливой, как эти несколько недель. Потом арестовали племянника лорда Эдвера, и это еще больше укрепило мою уверенность. Когда я вспоминала о листе, вырванном из письма Карлотты Адамс, гордость переполняла меня.

А Дональд Россу просто не повезло. Я до сих пор не совсем понимаю, как он заподозрил меня. Париж — город, а Парис, значит, какой-то там грек? Ну и чем этот грек знаменит? Да и вообще дурацкое имя для мужчины. И почему всегда так получается: если начинаются неудачи, то это надолго? С Дональдом Россом надо было срочно что-то делать. У меня не было времени ни как следует подумать, ни подготовить алиби. Но все обошлось, и после его смерти я опять почувствовала себя в безопасности.

Эллис, конечно, рассказала мне, что вы приглашали ее к себе и задавали всякие вопросы, но я подумала, что вы в первую очередь интересуетесь Брайеном Мартином. Я не могла понять, какую цель вы на самом деле преследуете. Вы не спросили служанку, ездила ли она за заказом в Париж, наверное, для того, чтобы не спугнуть меня. Арест явился для меня полной неожиданностью. Просто невероятно, что вы смогли все так точно разузнать.

Я поняла, что с судьбой бороться бесполезно. Фортуна отвернулась от меня. Интересно, мучает ли вас хоть иногда совесть за то, что вы наделали? В конце концов я только хотела быть счастливой. Если бы я не попросила вас сходить к лорду Эдверу, вы бы вообще не занимались этим делом. Я не ожидала, что вы окажетесь таким умным. По вашему внешнему виду этого не скажешь.

Как это ни странно, но я и сейчас осталась такой же красивой, несмотря на ужасный суд и на все эти страшные вещи, которые говорил мне тот человек в зале. Правда, я стала намного бледнее и похудела. Все говорят, что я держусь удивительно стойко. Жаль, что теперь нет публичных казней, правда?

Я уверена, что такого убийцы, как я, еще не было.

А теперь мне, наверное, надо попроситься. Странно,

*конечно, но я, по-видимому, недопонимаю того, что меня ждет.
Завтра ко мне придет священник.*

Я вас прощаю, ведь мы должны прощать своих врагов, не так ли?

Ваша Джейн Уилкинсон.

Р. С. Как вы думаете, поместят ли мою фигуру в музей мадам Тюссо?»

Месть Нофрет. Смерть приходит в конце

Примечания автора

Описанные в этой книге события происходят за 2000 лет до нашей эры в Египте, а точнее, на западном берегу Нила, возле Фив, ныне Луксора. Место и время действия выбраны автором произвольно. С таким же успехом можно было назвать другие место и время, но так уж получилось, что сюжет романа и характеры действующих лиц оказались навеяны содержанием нескольких писем периода XI династии, найденных экспедицией 1920–1921 годов из нью-йоркского музея «Метрополитен» в скальной гробнице на противоположном от Луксора берегу реки и переведенных профессором Баттискоумбом Ганном для выпускаемого музеем бюллетеня.

Читателю, возможно, будет небезынтересно узнать, что получение должности жреца «ка», а следует отметить, что культ «ка»^[95] являлся неотъемлемым признаком древнеегипетской цивилизации, было по сути дела весьма схоже с передачей по завещанию часовни для отправления заупокойной службы в средние века. Жреца «ка» — хранителя гробницы — наделяли земельными владениями, за что он был обязан содержать гробницу того, кто там покоем, в полном порядке и в праздничные дни совершать жертвоприношения, дабы душа усопшего пребывала в мире.

В Древнем Египте слова «брат» и «сестра», обычно обозначавшие возлюбленных, часто служили синонимами словам «муж» и «жена». Такое значение этих слов сохранено и в этой книге.

Сельскохозяйственный год Древнего Египта, состоявший из трех сезонов по четыре тридцатидневных месяца в каждом, определял жизнь и труд земледельца и с добавлением в конце пяти дней для согласования с солнечным годом считался официальным календарным годом из 365 дней. Новый год традиционно начинался с подъема воды в Ниле, что обычно случалось в третью неделю июля по нашему календарю. За многие столетия отсутствие високосного года произвело такой сдвиг во времени, что в ту пору, когда происходит действие нашего романа, официальный новый год начинался на шесть месяцев раньше, чем сельскохозяйственный, то есть в январе, а не в июле. Чтобы избавить читателя от необходимости постоянно держать это в уме, даты, указанные в начале каждой главы, соответствуют сельскохозяйственному календарю того времени, то есть Разлив — конец июля — конец ноября, Зима — конец ноября — конец марта и Лето — конец марта — конец июля.

Действующие лица

Ренисенб — дочь Имхотепа. Слишком юная и красивая, чтобы долго оставаться вдовой, она стоит перед роковым выбором: жизнь или смерть.

Яхмос — старший сын Имхотепа. Сварливая жена и властный отец лишили его храбрости отстаивать свои права.

Себек — второй сын Имхотепа, красавец и хвастун. Он тоже недоволен своим подневольным положением в доме отца.

Имхотеп — тщеславный и спесивый священнослужитель культа «ка», или, проще говоря, хранитель гробницы, он обеспечивает содержание всех членов своей многочисленной семьи и, взяв в дом наложницу, не подозревает, что навлекает на себя беду.

Сатипи — рослая, энергичная, громкоголосая жена Яхмоса, она третирует своего мужа и оскорбляет всех вокруг.

Кайт — жена Себека, ею владеет одна страсть: любовь к детям.

Хенет — домоправительница Имхотепа; постоянно жалуясь на собственную судьбу, исподтишка вносит разлад в семью и с наслаждением раздувает семейные ссоры.

Иза — мать Имхотепа, считающая своего сына глупцом; она не побоялась бросить вызов смерти, но и ей довелось узнать, что такое страх.

Хори — писец и управляющий у Имхотепа, он строит свои расчеты, как уберечь Ренисенб от опасности, исходя из логики и... любви.

Ипи — младший сын Имхотепа; только отец готов сносить мальчишескую заносчивость своего любимца. Нофрет — прекрасная юная наложница стареющего Имхотепа, она разожгла страсти, подспудно тлевшие в семье хранителя гробницы.

Камени — родственник Имхотепа. Широкий в плечах красавец, он поет любовные песни, которые находят отклик в сердце Ренисенб.

Глава I

Второй месяц Разлива, 20-й день

Ренисенб стояла и смотрела на Нил.

Откуда-то издалека доносились голоса старших братьев, Яхмоса и Себека. Они спорили, стоит ли укрепить кое в каких местах дамбу. Себек, как обычно, говорил резко и уверенно. Он всегда высказывал свое мнение с завидной определенностью. Голос его собеседника звучал приглушенно и нерешительно. Яхмос постоянно пребывал в сомнениях и тревоге по тому или иному поводу. Он был старшим из сыновей, и, когда отец отправлялся в Северные Земли, все управление помещьем так или иначе оказывалось в его руках. Плотного сложения, неторопливый в движениях, Яхмос в отличие от жизнерадостного и самоуверенного Себека был осторожен и склонен отыскивать трудности там, где их не существовало.

С раннего детства помнились Ренисенб точно такие же интонации в спорах ее старших братьев. И от этого почему-то пришло чувство успокоения... Она снова дома. Да, она вернулась домой.

Но стоило ей увидеть сверкающую под лучами солнца гладь реки, как душу опять захлестнули протест и боль. Хей, ее муж, умер... Хей, широкоплечий и улыбочивый. Он ушел к Осирису^[96] в Царство мертвых, а она, Ренисенб, его горячо любимая жена, так одинока здесь. Восемь лет они были вместе — она приехала к нему совсем юной — и теперь, уже вдовой, вернулась с малышкой Тети в дом отца.

На мгновенье ей почудилось, что она никуда и не уезжала...

И эта мысль была приятна...

Она забудет восемь лет безоблачного счастья, безжалостно прерванного и разрушенного утратой и горем.

Да, она их забудет, выкинет из головы. Снова превратится в юную Ренисенб, дочь хранителя гробницы Имхотепа, легкомысленную и ветреную. Любовь мужа жестоко обманула ее своей сладостью. Она увидела широкие бронзовые плечи, смеющийся рот Хея — теперь Хей, набальзамированный, обмотанный полотняными пеленами, охраняемый амулетами, совершает путешествие по Царству мертвых. Здесь, в этом мире, уже не было Хея, который плавал в лодке по Нилу, ловил рыбу и смеялся, глядя на солнце, а она с малышкой Тети на коленях, растянувшись рядом, смеялась ему в ответ...

«Забудь обо всем, — приказала себе Ренисенб. — С этим покончено.

Ты у себя дома. И все здесь так, как было прежде. И ты тоже должна быть такой, какой была. Тогда все будет хорошо. Тети уже забыла. Она играет с детьми и смеется».

Круто повернувшись, Ренисенб направилась к дому. По дороге ей встретились груженные поклажей ослы, которых гнали к реке. Миновав закрома с зерном и амбары, она открыла ворота и очутилась во внутреннем дворе, обнесённом глиняными стенами. До чего же здесь было славно! Под сенью фиговых деревьев в окружении цветущих олеандров и жасмина блестел искусственный водоем. Дети, а среди них и Тети, шумно играли в прятки, укрываясь в небольшой беседке, что стояла на берегу водоема. Их звонкие чистые голоса звенели в воздухе. Тети, заметила Ренисенб, держала в руках деревянного льва, у которого, если дернуть за веревочку, открывалась и закрывалась пасть, — это была любимая игрушка ее собственного детства. И снова к ней пришла радостная мысль: «Я дома...» Ничто здесь не изменилось, все оставалось прежним. Здесь не знали страхов, не ведали перемен. Только теперь ребенком была Тети, а она стала одной из матерей, обитающих в стенах этого дома. Но сама жизнь и суть вещей ничуть не изменились.

Мяч, которым играл кто-то из детей, подкатился к ее ногам. Она схватила его и, смеясь, кинула назад ребенку.

Ренисенб поднялась на галерею, своды которой поддерживали расписанные яркими красками столбы, и вошла в дом, где, миновав главный зал — лотоса и мака, — очутилась в задней части дома, на женской половине.

Громкие голоса заставили ее застыть на месте, чтобы вновь насладиться почти забытыми звуками. Сатипи и Кайт — ссорятся, как всегда! И, как всегда, голос Сатипи резкий, властный, не допускающий возражений. Высокого роста, энергичная, громкоголосая Сатипи, жена Яхмоса, — по-своему красивая, деспотичная женщина. Она вечно командовала в доме, то и дело придиралась к слугам и добивалась от них невозможного злобной бранью и неукротимым нравом. Все боялись ее языка и спешили выполнить любое приказание. Сам Яхмос восхищался решительным и напористым характером своей супруги и позволял ей помыкать собою, что приводило Ренисенб в ярость.

В паузах между пронзительными возгласами Сатипи слышался тихий, но твердый голос Кайт. Кайт, жена красивого, веселого Себека, была широка в кости и непривлекательна лицом. Она обожала своих детей, и все ее помыслы и разговоры были только о детях. В своих ежедневных ссорах со свояченицей она стойко держала оборону одним и тем же незатейливым

способом, невозмутимо и упрямо отвечая первой пришедшей ей в голову фразой. Она не проявляла ни горячности, ни пыла, ее ничто не интересовало, кроме собственных забот. Себек был очень привязан к жене и, не смущаясь, рассказывал ей обо всех своих любовных приключениях в полной уверенности, что она, казалось, слушавшая его и даже с одобрением или неодобрением хмыкавшая в подходящих местах, на самом деле все пропускает мимо ушей, поскольку мысли ее постоянно заняты только тем, что связано с детьми.

— Безобразие, вот как это называется, — кричала Сатипи. — Будь у Яхмоса хоть столько храбрости, сколько у мыши, он бы такого не допустил. Кто здесь хозяин, когда нет Имхотепа? Яхмос! И я, как жена Яхмоса, имею право первой выбирать циновки и подушки. Этот толстый, как гиппопотам, черный раб обязан...

— Нет, нет, малышка, куклины волосы сосать нельзя, — донесся низкий голос Кайт. — Смотри, вот тебе сладости, они куда вкуснее...

— Что до тебя, Кайт, ты совершенно невоспитанна. Не слушаешь меня и не считаешь нужным отвечать. У тебя ужасные манеры.

— Синяя подушка всегда была у меня... Ой, посмотрите на крошку Анх: она пытается встать на ножки...

— Ты, Кайт, такая же глупая, как твои дети, если не сказать больше. Но просто так тебе от меня не отделаться. Знай, я не отступлю от своих прав.

Ренисенб вздрогнула, услышав за спиной тихие шаги. Она обернулась и, увидев Хенет, тотчас испытала привычное чувство неприязни.

На худом лице Хенет, как всегда, играла подобострастная улыбка.

— Ничего не изменилось, правда, Ренисенб? — пропела она. — Не понимаю, почему мы все терпим от Сатипи. Кайт, конечно, может ей ответить. Но не всем дано такое право. Я, например, знаю свое место и благодарна твоему Отцу за то, что он дал мне кров, кормит меня и одевает. Он добрый человек, твой отец. И я всегда стараюсь делать для него все, что в моих силах. Я вечно при деле, помогаю то тут, то там, не надеясь услышать и слова благодарности. Будь жива твоя ненаглядная мать, все было бы по-другому. Она-то уж умела ценить меня. Мы были, как родные сестры. А какая она была красавица! Что ж, я выполнила свой долг и сдержала данное ей обещание. «Возьми на себя заботу о детях, Хенет», — умирая, завещала мне она. И я не нарушила своего слова. Была всем вам рабыней и никогда не ждала благодарности. Не просила, но и не получала! «Это всего лишь старая Хенет, — говорят люди. — Что с ней считаться?» Да и с какой стати? Никому нет до меня дела. А я все стараюсь и стараюсь,

чтоб от меня была польза в доме.

И, ужом скользнув у Ренисенб под локтем, она исчезла во внутренних покоях со словами:

— А про те подушки, ты прости меня, Сатипи, но я краем уха слышала, как Себек сказал...

Ренисенб отвернулась. Она почувствовала, что ее давнишняя неприязнь к Хенет стала еще острее. Ничего удивительного, что все они дружно не любят Хенет из-за ее вечного нытья, постоянных сетований на судьбу и злорадства, с которым она раздувает любую ссору.

«Для нее это своего рода развлечение», — подумала Ренисенб. Но ведь и вправду жизнь Хенет была безрадостной, она действительно трудилась как вол, ни от кого никогда не слыша благодарности. Да к ней и невозможно было испытывать чувство благодарности — она так настаивала на собственных заслугах, что появившийся было в сердце отклик тотчас исчезал.

Хенет, по мнению Ренисенб, принадлежала к тем людям, которым судьбою уготовано быть преданными другим, ничего не получая взамен. Внешне она была обо всем осведомлена. Хенет обладала способностью появляться почти бесшумно, и ничто не могло укрыться от ее зоркого взгляда и острого слуха. Иногда она держала тайну при себе, но чаще спешила нашептать ее каждому на ухо, с наслаждением наблюдая со стороны за произведенным впечатлением.

Время от времени кто-нибудь из домочадцев начинал уговаривать Имхотепа прогнать Хенет, но Имхотеп даже слышать об этом не желал. Он, пожалуй, единственный относился к ней с симпатией, за что она платила ему такой собачьей преданностью, от которой остальных членов семьи воротило с души.

Ренисенб постояла еще с секунду, прислушиваясь к ссоре своих невесток, подогретой вмешательством Хенет, а затем не спеша направилась к покоям, где обитала мать Имхотепа Иза, которой прислуживали две чернокожие девочки-рабыни. Сейчас она была занята тем, что разглядывала полотняные одежды, которые они ей показывали, и добродушно ворчала на маленьких прислужниц.

Да, все было по-прежнему, думала Ренисенб, прислушиваясь к воркотне старухи. Старая Иза чуть усохла, вот и все. Голос у нее тот же, и говорила она то же самое, почти слово в слово, что и тогда, когда восемь лет назад Ренисенб покидала этот дом...

Ренисенб тихо выскользнула из ее покоев. Ни старуха, ни две маленькие рабыни так ее и не заметили. Секунду-другую Ренисенб

постояла возле открытой в кухню двери. Запах жареной уткины, реплики, смех и перебранка — все вместе. И гора ожидающих разделки овощей.

Ренисенб стояла неподвижно, полузакрыв глаза. Отсюда ей было слышно все, что происходило в доме. Начиненный запахами пряностей шум в кухне, скрипучий голос старой Изы, решительные интонации Сатипи и приглушенное, но настойчивое контральто Кайт. Хаос женских голосов — болтовня, смех, горестные сетования, брань, восклицания...

И вдруг Ренисенб почувствовала, что задыхается в этом шумном женском обществе. Целый дом крикливых вздорных женщин, никогда не закрывающих рта, вечно ссорящихся, занятых вместо дела пустыми разговорами.

И Хей, Хей в лодке, собранный, сосредоточенный на одном — вовремя поразить копьем рыбу.

Никакой зряшной болтовни, никакой бесцельной суетливости.

Ренисенб выбежала из дому в жаркую безмятежную тишину. Увидела, как возвращается с полей Себек, а вдалеке к гробнице поднимается Яхмос.

Тогда и она пошла по тропинке к гробнице, вырубленной в известняковых скалах. Это была усыпальница великого и благородного Мериптаха, и ее отец состоял жрецом-хранителем этой гробницы, обязанным содержать ее в порядке, за что и дарованы были ему владения и земли.

Не спеша поднявшись по крутой тропинке, Ренисенб увидела, что старший брат беседует с Хори, управителем отцовских владений. Укрывшись в небольшом гроте рядом с гробницей, мужчины склонились над папирусом, разложенным на коленях у Хори. При виде Ренисенб оба подняли головы и заулыбались. Она присела рядом с ними в тени. Ренисенб любила Яхмоса. Кроткий и мягкосердечный, он был ласков и приветлив с ней. А Хори когда-то чинил маленькой Ренисенб игрушки. У него были такие искусные руки! Она запомнила его молчаливым и серьезным не по годам юношей. Теперь он стал старше, но почти не изменился. Улыбка его была такой же сдержанной, как и прежде.

Мужчины тихо переговаривались между собой.

— Семьдесят три меры ячменя у Ипи-младшего...

— Тогда всего будет двести тридцать мер пшеницы и сто двадцать ячменя.

— Да, но предстоит еще заплатить за лес, за хлеб в колосьях мы расплачивались в Пераа маслом...

Разговор продолжался, и Ренисенб чуть не задремала, убаюканная тихими голосами мужчин. Наконец Яхмос встал и удалился, оставив

свиток папируса в руках у Хори.

Ренисенб, помолчав, дотронулась до свитка и спросила:

— Это от отца?

Хори кивнул.

— А о чем здесь говорится? — с любопытством спросила она, развернув папирус и глядя на непонятные знаки, — ее не научили читать.

Чуть улыбаясь, Хори заглянул через ее плечо и, водя мизинцем по строчкам, принялся читать. Письмо было написано пышным слогом профессионального писца Гераклеополя^[97].

— *Имхотеп, жрец души умершего, верно несущий свою службу, желает вам уподобиться тому, кто возрождается к жизни бесчисленное множество раз, и да пребудет на то благоволение бога Херишефа^[98], повелителя Гераклеополя, и всех других богов. Да ниспошлет бог Птах^[99] вам радость, коей он вознаграждает вечно оживающего. Сын обращается к своей матери, жрец «ка» вопрошает свою родительницу Изу: пребываешь ли ты во здравии и благополучии? О домочадцы мои, я шлю вам свое приветствие. Сын мой Яхмос, пребываешь ли ты во здравии и благополучии? Преумножай богатства моих земель, не ведая устали в трудах своих. Знай, если ты будешь усерден, я вознесу богам молитвы за тебя...*

— Бедный Яхмос! — засмеялась Ренисенб. — Он и так старается изо всех сил.

Слушая это напыщенное послание, она ясно представила себе отца: тщеславного и суетливого, своими бесконечными наставлениями и поучениями он замучил всех в доме.

Хори продолжал:

— *Твой первейший долг — проявлять заботу о моем сыне Ипи. До меня дошел слух, что он пребывает в неудовольствии. Позаботься также о том, чтобы Сатипи хорошо обращалась с Хенет. Помни об этом. Не премини сообщить мне о сделках со льном и маслом. Береги зерно, береги все, что мне принадлежит, ибо спрошу я с тебя. Если земли зальет, горе тебе и Себеку.*

— Отец ни капельки не изменился, — с удовольствием заметила Ренисенб. — Как всегда уверен, что без него все будет не так, как следует. — Свиток папируса соскользнул с ее колен, и она тихо добавила. — Да, все осталось по-прежнему...

Хори молча подхватил папирус и принялся писать. Некоторое время Ренисенб лениво следила за ним. На душе было так покойно, что не

хотелось даже разговаривать.

— Хорошо бы научиться писать, — вдруг мечтательно заявила она. — Почему всех не учат?

— В этом нет нужды.

— Может, и нет нужды, но было бы приятно.

— Ты так думаешь, Ренисенб? Но зачем, зачем это тебе?

Секунду-другую она размышляла.

— По правде говоря, я не знаю, что тебе ответить, Хори.

— Сейчас даже в большом владении достаточно иметь несколько писцов, — сказал Хори, — но я верю, придет время, когда в Египте потребуется множество грамотных людей. Мы живем в преддверии великой эпохи.

— Вот это будет замечательно! — воскликнула Ренисенб.

— Я не совсем уверен, — тихо отозвался Хори.

— Почему?

— Потому что, Ренисенб, записать десять мер ячменя, сто голов скота или десять полей пшеницы не требует большого труда. Но будет казаться, будто самое важное — уметь написать это, словно существует лишь то, что написано. И тогда те, кто умеет писать, будут презирать тех, кто пашет землю, растит скот и собирает урожай. Тем не менее на самом деле существуют не знаки на папирусе, а поля, зерно и скот. И если все записи и все свитки папируса уничтожить, а писцов разогнать, люди, которые трудятся и пахут, все равно останутся, и Египет будет жить.

Сосредоточенно глядя на него, Ренисенб медленно произнесла:

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Только то, что человек видит, может потрогать или съесть, только оно настоящее... Можно написать: «У меня двести сорок мер ячменя», но, если на самом деле у тебя их нет, это ничего не значит. Человек может написать ложь.

Хори улыбнулся, глядя на ее серьезное лицо.

— Ты помнишь, как чинил когда-то моего игрушечного льва? — вдруг спросила Ренисенб.

— Конечно, помню.

— А сейчас им играет Тети... Это тот же самый лев. — И, помолчав, доверчиво добавила. — Когда Хей ушел в царство Осириса, я была безутешна. Но теперь я вернулась домой и снова буду счастлива и забуду о своей печали — потому что здесь все осталось прежним. Ничто не изменилось.

— Ты уверена в этом?

Ренисенб насторожилась.

— Что ты хочешь сказать, Хори?

— Я хочу сказать, что все меняется. Восемь лет — немалый срок.

— Все здесь осталось прежним, — уверенно заявила Ренисенб.

— Тогда, возможно, перемена еще грядет.

— Нет, нет! — воскликнула Ренисенб. — Я хочу, чтобы все было прежним.

— Но ты сама не та Ренисенб, которая уехала с Хеем.

— Нет, та! А если и не та, то скоро буду той.

— Назад возврата нет, Ренисенб. Это как при подсчетах, которыми я здесь занимаюсь: беру половину меры, добавляю к ней четверть, потом одну десятую, потом одну даадцать четвертую и в конце концов получаю совсем другое число.

— Я та же Ренисенб.

— Но к Ренисенб все эти годы что-то добавлялось, и потому она стала совсем другой!

— Нет, нет! Вот ты, например, ты остался прежним Хори.

— Думай, как хочешь, но в действительности это не так.

— Да, да, и Яхмос, как всегда, чем-то озабочен и встревожен, а Сатипи по-прежнему помыкает им, и они с Кайт все так же ссорятся из-за циновок и бус, а потом, помирившись, как лучшие подруги, сидят вместе и смеются, и Хенет, как и раньше, бесшумно подкрадывается и подслушивает и жалуется на свою судьбу, и бабушка ворчит на рабынь из-за кусков полотна! Все, все как было! А когда отец вернется домой, он поднимет шум, будет кричать: «Зачем вы это сделали?», «Почему не сделали того?», и Яхмос будет оправдываться, а Себек только посмеется и скажет, что он тут ни при чем, и отец будет потакать Ипи, которому уже шестнадцать лет, так же, как потакал ему, когда тому было восемь, и все останется прежним! — выпалила она на одном дыхании и умолкла, обессиленная.

Хори вздохнул и тихо возразил:

— Ты не понимаешь, Ренисенб. Бывает зло, которое приходит в дом извне, оно нападает на виду у всех, но есть зло, которое зреет изнутри, и его никто не замечает. Оно растет медленно, день ото дня, пока не поразит все вокруг, и тогда гибели не избежать.

Ренисенб смотрела на него, широко раскрыв глаза. Хори говорил как-то странно, словно обращался не к ней, а к самому себе, размышляя вслух.

— Что ты хочешь сказать, Хори? — воскликнула она. — От твоих слов мне становится страшно.

— Я и сам боюсь.

— Но о чем ты говоришь? Какое зло имеешь в виду?

Он взглянул на нее и вдруг улыбнулся.

— Не обращай внимания, Ренисенб. Я говорил о болезнях, которые поражают плоды.

— Как хорошо! — с облегчением вздохнула Ренисенб. — А то уж я подумала... Я сама не знаю, что я подумала.

Глава II

Третий месяц Разлива, 4-й день

I

Сатипи, по своему обыкновению громогласно, на весь дом наставляла Яхмоса:

— Ты должен отстаивать свои права. Сколько раз я тебе говорила, с тобой никто не будет считаться, если ты не можешь постоять за себя. Твой отец велит тебе делать то одно, то совершенно другое, а потом спрашивает, почему ты не выполнил его приказаний. Ты же покорно выслушиваешь его и просишь прощения за то, что не выполнил того, что он велел, хотя, богам известно, понять, чего он хочет, невозможно. Твой отец относится к тебе, как к безответственному мальчишке! Словно тебе столько же лет, сколько Ипи.

— Мой отец никогда не относился ко мне, как к Ипи, — тихо возразил Яхмос.

— Разумеется, нет, — с удвоенной яростью переключилась на новую тему Сатипи. — Его безрассудная любовь совсем испортила этого баловня. С каждым днем Ипи наглеет все больше и больше. Слоняется без дела, а стоит дать ему поручение, заявляет, что оно ему не по силам. Безобразие! И все потому, что знает — отец ему потворствует и всегда будет на его стороне. Вам с Себеком следует воспрепятствовать этому.

— Что толку? — пожал плечами Яхмос.

— От тебя с ума можно сойти, Яхмос, всегда ты так. Никакой твердости характера, словно ты не мужчина. Что бы твой отец ни говорил, ты сразу соглашаешься!

— Я очень уважаю отца.

— Правильно, и он этим пользуется. Ты же покорно выслушиваешь его обвинения и просишь прощения за то, в чем вовсе не виноват! Ты должен, когда надо, возражать ему, как это делает Себек. Себек никого не боится.

— Да, но вспомни, Сатипи, что мне, а не Себеку отец доверяет вести хозяйство. Отец не полагается на Себека. Дела решаю я, а не Себек.

— Именно поэтому отцу давно пора сделать тебя совладельцем! Когда

он уезжает, ты заменяешь его во всем, даже совершаешь жреческие обряды. Все делаешь ты, и тем не менее никто не считает тебя полноправным хозяином. Этому надо положить конец. Тебе уже немало лет, а на тебя до сих пор смотрят, как на мальчишку.

— Отец предпочитает быть единовластным владельцем, — с сомнением в голосе возразил Яхмос.

— Именно. Ему доставляет удовольствие, что все в этом доме зависят от него и от его прихотей. От этого нам и так нелегко, а будет еще хуже. На сей раз, когда он приедет, ты должен поговорить с ним самым решительным образом. Скажи ему, что требуешь узаконить твое положение и записать это на папирусе.

— Он не будет слушать.

— Заставь его слушать. О, если бы я была мужчиной! Будь я на твоём месте, я бы знала, как поступить! Порой мне кажется, что мой муж не человек, а слизняк.

Яхмос вспыхнул.

— Ладно, посмотрим, что можно сделать. Быть может, на этот раз мне удастся поговорить с отцом, попросить его...

— Не попросить, а потребовать! В конце концов, ты его правая рука. Только на тебя он может положиться в свое отсутствие. Себек чересчур необуздан, твой отец ему не доверяет, а Ипи слишком молод.

— Есть еще Хори.

— Хори не член семьи. Твой отец ценит его мнение, но правом распоряжаться в своих владениях он облечет только кровного родственника. Вся беда в том, что ты слишком кроток и послушен — у тебя в жилах не кровь течет, а молоко. Ты не думаешь обо мне и наших детях. Пока твой отец не умрет, мы не займем в доме подходящего нам положения.

— Ты презираешь меня, Сатипи, да? — сокрушенно проговорил Яхмос.

— Ты выводишь меня из себя.

— Ладно, обещаю тебе поговорить с отцом, когда он вернется. Даю слово.

— Верю. Только, — еле слышно пробормотала Сатипи, — как ты будешь говорить? Опять будешь вести себя, как мышь?

Кайт играла с самой младшей из своих детей, крошкой Анх. Девочка только начала ходить, и Кайт стояла, раскинув руки, на коленях и, ласково подбадривая, подзывала дочку к себе. Малышка, неуверенно ковыляя на нетвердых ножках, наконец добралась до материнских объятий.

Кайт хотела поделиться с Себеком радостью по поводу успехов крошки Анх, но вдруг заметила, что он, не обращая на нее внимания, сидит задумавшись и нахмутив свой высокий лоб.

— О Себек, ты не смотришь на нас! Скажи своему отцу, маленькая, какой он нехороший, — даже не смотрит, как ты ходишь!

— Мне хватает других забот, — раздраженно отозвался Себек.

Кайт села на корточки и откинула закрывшие лоб до густых темных бровей пряди волос, за которые хваталась пальчиками Анх.

— А что? Разве что-нибудь случилось? — спросила она, не проявляя особого интереса, просто по привычке.

— Отец мне не доверяет, — сердито ответил Себек. — Он старый человек, упорно держится нелепых старомодных представлений, будто все должны ему подчиняться, и совсем не считается со мной.

— Да, да, это плохо, — покачав головой, пробормотала Кайт.

— Если бы у Яхмоса хватило духу поддержать меня, можно было бы образумить отца. Но Яхмос чересчур робок. Он рабски следует любому отцовскому распоряжению.

— Да, это правда, — подтвердила Кайт, развлекая ребенка звоном бус.

— Когда отец вернется, скажу ему, что я принял собственное решение о том, как поступить с лесом. И что лучше рассчитываться льном, чем маслом.

— Ты совершенно прав, я уверена.

— Но отец так настаивает на своем, что его не переубедишь. Он станет возмущаться: «Я велел тебе расплачиваться маслом. Все делается не так, когда меня нет. Ты пока еще ничего не смыслишь в делах». Сколько, он думает, мне лет? Он не понимает, что я мужчина в самом расцвете сил, а он уже старик. И когда он отказывается от любой нетрадиционной сделки, мы только проигрываем. Чтобы стать богатым, нужно рисковать. Я смотрю дальше собственного носа и ничего не боюсь, а у моего отца этих качеств нет.

Не отрывая глаз от ребенка, Кайт ласково проговорила:

— Ты такой храбрый и умный, Себек.

— На этот раз, если ему не понравится то, что я сделал, и он опять примется меня ругать, я скажу ему всю правду. И если он не позволит мне поступать по собственному разумению, я уйду. Навсегда.

Кайт, которая протянула к ребенку руки, резко повернула голову и застыла в этой позе.

— Уйдешь? Куда?

— Куда глаза глядят! Мне надоело выслушивать попреки и придирки старика, который чересчур много мнит о себе и не дает мне показать, на что я способен.

— Нет, — твердо сказала Кайт. — Нет, говорю я, Себек.

Он уставился на нее во все глаза, словно только сейчас заметив ее присутствие. Он так привык к тому, что она лишь вполголоса поддакивала ему, что воспринимал ее как некий убаюкивающий аккомпанемент к своим речам и часто вообще забывал о ее существовании.

— Что ты имеешь в виду, Кайт?

— Я хочу сказать, что не позволю тебе делать глупости. Все имущество — земля, поля, скот, лес, лен — принадлежит твоему отцу, а после его смерти перейдет нам — тебе, Яхмосу и детям. Если ты поссоришься с отцом и уйдешь из дому, он разделит твою долю между Яхмосом и Ипи — он и так чересчур благоволит к нему. Ипи это знает и часто пользуется благосклонностью отца. Ты не должен играть ему на руку. Если ты поссоришься с Имхотепом и уйдешь, Ипи это будет только на пользу. Нам нужно думать о наших детях.

Себек не сводил с нее глаз. Потом коротко и удивленно рассмеялся.

— Никогда не знаешь, чего ожидать от женщины. Вот уж не предполагал, Кайт, в тебе столько решительности.

— Не ссорься с отцом, — настойчиво повторила Кайт. — Промолчи. Веди себя благоразумно, потерпи еще немного.

— Возможно, ты и права, но ведь могут пройти годы. Пусть отец пока хоть сделает нас совладельцами.

— Он не пойдет на это, — покачала головой Кайт. — Он слишком любит говорить, что мы все едим его хлеб, что мы зависим от него и что без него мы бы пропали.

Себек взглянул на нее с любопытством.

— Ты не очень жалуешь моего отца, Кайт.

Но Кайт уже снова занялась делаящей попытке ходить Анх.

— Иди сюда, родненькая. Смотри, вот кукла. Иди сюда, иди...

Себек смотрел на склоненную над ребенком черноволосую голову жены. Потом с тем же озадаченным выражением на лице вышел из дому.

Иза послала за своим внуком Ипи.

Ипи, на красивом лице которого застыла гримаса вечного недовольства, стоял перед ней, пока она скрипучим голосом распекала внука, напряженно вглядываясь в него тусклыми глазами. Хотя зрение у старухи порядком ослабело, взгляд ее по-прежнему оставался пронизательным.

— Что это такое? Что я слышу? Ты не желаешь делать то одно, то другое! Согласен приглядывать за волами, но не хочешь помогать Яхмосу или следить за пахотой? К чему это приведет, если ребенок вроде тебя будет говорить, что он желает и чего не желает делать?

— Я не ребенок, — угрюмо возразил Ипи. — Я уже взрослый, и пусть ко мне относятся, как к взрослому, а не держат на побегушках, поручая без моего ведома то одно, то другое. И пусть Яхмос мною не командует. Кто он такой, в конце концов?

— Он твой старший брат и ведает всеми делами во владении моего сына Имхотепа, когда тот в отсутствии.

— Яхмос — дурак, недотепа и дурак. Я куда умнее его. И Себек — дурак, хотя и хвастается, как он хорошо соображает. Отец уже велел в письме поручать мне ту работу, которую я сам выберу...

— Ничего подобного, — перебила его Иза.

— ...кормить и поить меня послаще и еще добавил, что ему очень не понравится, если до него до вдут слухи, что я недоволен и что со мной плохо обращаются.

Повторив наставления отца, он улыбнулся хитрой, злорадной улыбкой.

— Ах ты, негодник! — в сердцах бросила Иза. — Так я и скажу Имхотепу.

— Нет, бабушка, ты этого не скажешь.

Теперь он улыбался ласково, хотя и чуть нагло.

— Только мы с тобой, бабушка, из всего нашего семейства умеем соображать.

— Ну и наглец же ты!

— Отец всегда поступает, как ты советуешь. Он знает, какая ты мудрая.

— Возможно... Пусть так, но я не желаю слышать это от тебя.

Ипи засмеялся.

— Тебе лучше быть на моей стороне, бабушка.

— О чем это ты ведешь речь?

— Старшие братья очень недовольны, разве ты не знаешь? Конечно, знаешь. Хенет тебе обо всем докладывает. Сатипи и днем и ночью, как

только остается с Яхмосом наедине, убеждает его поговорить с отцом. А Себек просчитался на сделке с лесом и теперь боится, что отец разгневется, когда узнает. Вот увидишь, бабушка, через год-другой отец сделает меня совладельцем и будет во всем слушаться.

— Тебя? Младшего из своих детей?

— Какое значение имеет возраст? Сейчас вся власть в руках отца, а я единственный, кто имеет над ним власть.

— Я запрещаю тебе так говорить! — рассердилась Иза.

— Ты у нас умная, бабушка, — тихо продолжал Ипи, — и прекрасно знаешь, что мой отец, несмотря на все его громкие слова, на самом деле человек слабый...

И сразу умолк, заметив, что Иза перевела взгляд и смотрит куда-то поверх его головы. Он повернулся и увидел Хенет.

— Значит, Имхотеп человек слабый? — скорбным тоном переспросила Хенет. — Не очень-то ему будет по душе твое мнение о нем.

Ипи смущенно рассмеялся.

— Но ведь ты не скажешь ему об этом, Хенет. Пожалуйста, Хенет, дай слово, что не скажешь... Милая Хенет...

Хенет скользнула мимо него, к Изе. И ноющим голосом, правда, громче, чем обычно, проговорила:

— Конечно, не скажу. Тебе ведь хорошо известно, что я всегда стараюсь никому не причинять неприятностей. Я всей душой служу вам и никогда не передаю чужих слов, кроме тех случаев, когда долг обязывает меня сделать это.

— Я просто дразнил бабушку, вот и все, — нашелся Ипи. — Так я и объясню отцу. Он знает, что я никогда не скажу такое всерьез.

И, коротко кивнув Хенет, вышел из комнаты.

— Красивый мальчик, — глядя ему вслед, проронила Хенет. — Красивый и уже совсем взрослый. И какие дерзкие ведет речи!

— Опасные, а не дерзкие, — недовольно возразила Иза. — Не нравятся мне его мысли. Мой сын чересчур к нему снисходителен.

— Ничего удивительного. Такой красивый и симпатичный мальчик.

— Судят не по внешности, а по делам, — снова резко проговорила Иза. И, помолчав секунду-другую, добавила. — Хенет, мне страшно.

— Страшно? Чего тебе бояться, Иза? Скоро вернется господин, и все встанет на свои места.

— Встанет ли? Не знаю.

И, опять помолчав, спросила:

— Мой внук Яхмос дома?

— Несколько минут назад я видела, как он возвращался домой.

— Пойди и скажи ему, что я хочу с ним поговорить.

Хенет вышла и, разыскав Яхмоса на прохладной галерее, украшенной массивными, ярко расписанными столбами, передала ему пожелание Изы. Яхмос тотчас поспешил явиться.

— Яхмос, Имхотеп со дня на день будет здесь, — сразу приступила к делу Иза.

Добродушное лицо Яхмоса осветилось улыбкой.

— Я знаю и очень рад этому.

— Все готово к его приезду? Дела в порядке?

— Я приложил все усилия, чтобы выполнить распоряжения отца.

— А как насчет Ипи?

Яхмос вздохнул.

— Отец слишком к нему благоволит, это может оказаться пагубным для мальчика.

— Следует объяснить это Имхотепу.

Лицо Яхмоса отразило сомнение.

— Я поддержу тебя, — твердо добавила Иза.

— Порой мне кажется, — вздохнул Яхмос, — что вокруг одни неразрешимые трудности. Но как только отец вернется домой, все уладится. Он сам будет принимать решения. В его отсутствие действовать так, как ему бы хотелось, нелегко, да еще когда я не наделен законной властью, а лишь выполняю поручения отца.

— Ты хороший сын, — медленно заговорила Иза, — преданный и любящий. И муж ты тоже хороший: ты следуешь наставлениям Птахотепа^[100], которые гласят:

...заведи себе дом.

Как подобает, его госпожу возлюби.

Чрево ее насыщай, одевай ее тело,

Кожу ее умащай благовонным бальзамом,

Сердце ее услаждай, поколе ты жив!^[101]

Но я дам тебе совет: не позволяй Сатипи взять над собой верх. На твоём месте, внук мой, я бы всегда об этом помнила.

Яхмос взглянул на Изу и, покраснев от смущения, вышел из ее покоев.

Глава III

Третий месяц Разлива, 14-й день

I

Повсюду царили суматоха и приготовления. В кухне уже напекли сотни хлебов, теперь жарились утки, пахло луком, чесноком и разными пряностями. Женщины кричали, отдавая распоряжения, слуги метались, выполняя приказы.

«Господин... Господин приезжает...» — несло по дому.

Ренисенб помогала плести гирлянды из цветов мака и лотоса, и душа ее наполнялась радостным волнением. Отец едет домой! За последние несколько месяцев она, сама того не замечая, окончательно втянулась в прежнюю жизнь. Чувство смутной тревоги перед чем-то неведомым и загадочным, возникшее в ней, по ее мнению, после слов Хори, исчезло. Она прежняя Ренисенб, и Яхмос, Сатипи, Себек и Кайт тоже ничуть не изменились; как и всегда, перед приходом Имхотепа в доме шумная суэта. Пришло известие, что хранитель гробницы прибудет до наступления темноты. На берег реки послали одного из слуг, который криком должен был возвестить о приближении господина, и вот наконец ясно послышался его громкий предупреждающий клич.

Бросив цветы, Ренисенб вместе с остальными побежала к причалу на берегу реки. Яхмос и Себек уже были там, окруженные небольшой толпой из рыбаков и землепашцев, — они все возбужденно кричали, указывая куда-то пальцем.

А по реке под большим квадратным парусом, надутым северным ветром, быстро шла ладья. За ее кормой следовала еще одна ладья-кухня, на которой теснились слуги. Наконец Ренисенб разглядела отца с цветком лотоса в руках, а рядом с ним сидел еще кто-то, кого Ренисенб приняла за певца.

Приветственные крики на берегу раздались с удвоенной силой. Имхотеп в ответ помахал рукой. Гребцы оставили весла и взялись за фалы. Послышались возгласы: «Добро пожаловать, господин!» — и слова благодарности богам за счастливое возвращение:

— Слава Себеку^[102], сыну Нейт^[103], который покровительствовал

твоему благополучному путешествию по воде! Слава Птаху, доставившему тебя из Мемфиса к нам на юг! Слава Ра^[104], освещающему Северные и Южные Земли^[105]!

И вот уже Имхотеп, сойдя на берег, отвечает, как того требует обычай, на громкие приветствия и вознесенную богам хвалу по случаю его возвращения.

Ренисенб, зараженная общим радостным волнением, протиснулась вперед. Она увидела отца, который стоял с важным видом, и вдруг подумала: «А ведь он небольшого роста. Я почему-то думала, что он куда выше».

И чувство, похожее на смятение, овладело ею.

Усох отец, что ли? Или просто ей изменяет память? Он всегда казался видным, властным, порой, правда, суетливым, поучающим всех вокруг, иногда она в душе посмеивалась над ним, но тем не менее он был личностью. А теперь перед ней стоял маленький пожилой толстяк, который изо всех сил тщетно пытался произвести впечатление значительного человека. Что с ней? Почему такие непочтительные мысли приходят ей в голову?

Имхотеп, завершив свою напыщенную ответную речь, принялся здороваться с домочадцами. Прежде всего он обнял сыновей.

— А, дорогой мой Яхмос, ты весь лучишься улыбкой, надеюсь, ты прилежно вел дела в мое отсутствие? И Себек, красивый мой сын, вижу, ты так и остался весельчаком? А вот и Ипи, любимый мой Или, дай взглянуть на тебя, отойди, вот так. Вырос, совсем мужчина! Какая радость моему сердцу снова обнять тебя! И Ренисенб, моя дорогая дочь, ты снова дома! Сатипи и Кайт, вы тоже мне родные дочери. И Хенет, преданная Хенет...

Хенет, стоя на коленях, вцепилась ему в ноги и нарочито, на виду у всех утирала слезы радости.

— Счастлив видеть тебя, Хенет. Ты здорова? Никто тебя не обижает? Верна мне, как всегда, что не может не радовать душу... И Хори, мой превосходный Хори, столь искусный в своих отчетах и так умело владеющий пером! Все в порядке? Уверен, что да.

Затем, когда приветствия завершились и шум замер, Имхотеп поднял руку, призывая к тишине, и громко возвестил:

— Сыновья и дочери мои! Друзья! У меня есть для вас новость. Уже много лет, как вам известно, я жил одиноко. Моя жена, а ваша мать, Яхмос и Себек, и моя сестрам — твоя мать, Ипи, — обе ушли к Осирису давным-давно. Поэтому вам, Сатипи и Кайт, я привез новую сестру, которая войдет

в наш дом. Вот моя наложница Нофрет, которую из любви ко мне вы должны любить. Она приехала со мной из Мемфиса в Северных Землях и останется здесь с вами, когда мне снова придется уехать.

С этими словами он вывел вперед молодую женщину. Она стояла рядом с ним, откинув назад голову и высокомерно сощурился глаза, — юная и красивая.

«Она совсем еще девочка, — с изумлением смотрела на нее Ренисенб. — Ей, наверное, меньше лет, чем мне».

На губах Нофрет порхала легкая улыбка, в ней сквозила скорей насмешка, чем желание понравиться.

Черные брови юной наложницы были безукоризненно прямой формы, кожа на лице цвета бронзы, а ресницы такие длинные и густые, что за ними едва можно было разглядеть глаза.

Семейство хозяина дома в растерянности молча взирало на нее.

— Подойдите, дети, поздоровайтесь с Нофрет. — В голосе Имхотепа звучало раздражение. — Разве вам не известно, как следует приветствовать женщину, которую отец избрал своей наложницей?

Они один за другим приблизились к ней и, запинаясь, произнесли положенные слова приветствия.

Имхотеп, чтобы скрыть некоторое замешательство, преувеличенно радостным тоном воскликнул:

— Вот так-то лучше! Сатипи, Кайт и Ренисенб отведут тебя, Нофрет, на женскую половину. А где короба? Короба не забыли снести на берег?

Дорожные короба с круглыми крышками переносили с ладьи на берег.

— Твои украшения и одежды доставлены в сохранности. Пригляди, чтобы их аккуратно выложили.

Затем, когда женщины все вместе направились к дому, он обратился к сыновьям:

— А как дела в хозяйстве?

— Нижние поля, которые в аренде у Нехте... — начал было Яхмос, но отец его перебил:

— Сейчас не до подробностей, дорогой Яхмос. С этим можно повременить. Сегодня будем веселиться. А завтра мы с тобой и Хори займемся делами. Подойди ко мне, Или, мой мальчик, я хочу, чтобы ты шел до дома рядом со мной. Как ты вырос! Ты уже выше меня!

Себек, хмуро шагая вслед за отцом и Ипи, прошептал в ухо Яхмосу:

— Украшения и одежды, слышал? Вон куда ушли доходы от наших северных владений. Наши доходы.

— Молчи, — предостерег его Яхмос, — не то отец услышит.

Как только Имхотеп вошел в свои покои, тотчас появилась Хенет приготовить ему воду для омовения. Она вся сияла.

Имхотеп, отбросив показную веселость, озабоченно спросил:

— Ну, Хенет, что скажешь про мой выбор?

Хотя он был настроен вести себя самым решительным образом, тем не менее отлично сознавал, что появление Нюфрет вызовет бурю, по крайней мере на женской половине дома. Иное дело Хенет, полагал он. И верная Хенет не обманула его ожиданий.

— Красавица! Необыкновенная красавица! — восторженно воскликнула она. — Какие волосы, как сложена! Она достойна тебя, Имхотеп, иначе и не скажешь. Твоя покойная жена будет рада, что такая женщина скрасит твое одиночество!

— Ты так думаешь, Хенет?

— Я уверена, Имхотеп. Ты столько лет оплакивал жену, пора тебе наконец снова вкусить радости жизни.

— Да, ты ее хорошо знала... Я тоже чувствую, что заслужил право жить, как подобает настоящему мужчине. Но вряд ли мои снохи и дочь будут довольны этим решением, а?

— Еще чего! — возмутилась Хенет. — В конце концов, разве они не зависят от тебя?

— Истинная правда, истинная правда, — согласился Имхотеп.

— Ты их щедро кормишь и одеваешь. Их благополучие — плод твоих усилий.

— Несомненно, — вздохнул Имхотеп. — Ради них я вечно в труде и заботах. Но порой меня одолевают сомнения: понимают ли они, чем обязаны мне?

— Ты должен напоминать им об этом. Я, покорная и преданная тебе Хенет, никогда не забываю о твоих благодеяниях. Дети же порой бездумны и себялюбивы, они слишком много помнят о себе, не понимая, что лишь выполняют твои распоряжения.

— Истинная правда, — подтвердил Имхотеп. — Я всегда знал, что ты умная женщина, Хенет.

— Если бы и другие так думали, — вздохнула Хенет.

— А что? Кто-то плохо к тебе относится?

— Нет, нет, то есть никто этого нарочно не делает... Просто я тружусь не покладая рук, что, по правде сказать, делаю с радостью, но... признательность и благодарность — их так не хватает!

— В этом ты можешь положиться на меня, — великодушно пообещал Имхотеп. — И твой дом здесь, запомни.

— Ты слишком добр, господин. — Помолчав, она добавила. — Рабы ждут тебя, вода уже согрета. А потом, когда они тебя омоют и оденут, тебе предстоит пойти к своей матери, она зовет тебя.

— Кто? Моя мать? Да, да, конечно...

Имхотеп чуть заметно смутился, но тут же поспешил скрыть смущение, воскликнув:

— Конечно, конечно! Я и сам собирался навестить ее. Скажи Изе, что я тотчас приду.

II

Иза, в праздничном одеянии из полотна, заложенного в мелкую складку, встретила сына язвительной усмешкой:

— Добро пожаловать, Имхотеп! Итак, ты вернулся домой — и не один, как мне донесли.

Собравшись с духом, Имхотеп спросил:

— Ты уже знаешь?

— Разумеется. Все только об этом и говорят. Я слышала, девушка очень красивая и совсем юная...

— Ей девятнадцать... И она недурна собой.

Иза рассмеялась — злым коротким смешком.

— Что ж, седина в бороду, а бес в ребро.

— Дорогая Иза, я решительно не понимаю, о чем ты.

— Ты всегда был глуп, Имхотеп, — невозмутимо проговорила Иза.

Имхотеп вновь собрался с духом и рассердился. При том, что он обычно был преисполнен самомнения, матери всякий раз ничего не стоило сбить с него спесь. В ее присутствии ему всегда было не по себе. Ехидная насмешка в ее подслеповатых глазах приводила его в замешательство. Мать, отрицать не приходилось, никогда не была большого мнения о его умственных способностях. И хотя сам он не сомневался в собственной значительности, отношение матери к нему тем не менее каждый раз выводило его из равновесия.

— Разве мужчина не может привести в дом наложницу?

— Почему же? Может. Мужчины вообще в большинстве своем дураки.

— Тогда в чем же дело?

— Ты что, не понимаешь, что появление этой девушки нарушит покой в доме? Сатипи и Кайт будут вне себя и распялят своих мужей.

— А какое им до этого дело? Какое у них право быть недовольными?

— Никакого.

Имхотеп разгневанно зашагал.

— Почему я не могу делать, что хочу, в собственном доме? Разве я не содержу своих сыновей и их жен? Разве не мне они обязаны хлебом, который едят? Разве я не напоминаю им об этом ежедневно?

— Чересчур часто напоминаешь, Имхотеп.

— Но это же правда. Они все зависят от меня. Все до одного.

— И ты уверен, что это хорошо?

— Разве плохо, когда человек содержит свою семью?

Иза вздохнула.

— Не забывай, что они работают на тебя.

— Ты хочешь, чтобы я позволил им бездельничать? Естественно, они работают.

— Они взрослые люди. Яхмос и Себек, по крайней мере.

— Себек мало смыслит в делах и все делает не так, как надо. К тому же он часто ведет себя крайне нагло, чего я не намерен терпеть. Вот Яхмос — хороший, послушный мальчик.

— Он уже далеко не мальчик, — вставила Иза.

— Однако мне нередко приходится по несколько раз ему объяснять, прежде чем он поймет, что от него требуется. Я и так вынужден думать обо всем, поспевать всюду. Мне приходится, будучи в отъезде, присылать сыновьям подробные наставления... Я не знаю ни отдыха, ни сна! И сейчас, когда я вернулся домой, заслужив право хоть немного пожить в мире и покое, меня снова ждут неприятности. Даже ты, моя мать, отказываешь мне в праве иметь наложницу, как подобает мужчине. Ты сердишься...

— Нет, я не сержусь, — перебила его Иза. — Мне даже интересно посмотреть, что будет твориться в доме. Это меня развлечет. Но я тебя предупреждаю, Имхотеп, когда ты снова задумаешь отправиться в Северные Земли, возьми девушку с собой.

— Ее место здесь, в моем доме. И горе тому, кто посмеет с ней дурно обращаться.

— Дело вовсе не в том, посмеют или не посмеют с ней дурно обращаться. Помни, что в иссушенной жарой стерне легче разжечь костер. Когда в доме слишком много женщин, добра, говорят, не жди. — Помолчав, Иза не спеша добавила. — Нофрет красива. А мужчины теряют голову, ослепленные женской красотой, и в мгновение ока превращаются в бесцветный сердолик.

И глухим голосом проговорила строку из гимна:

— «Начинается с ничтожного, малого, подобного сну, а в конце приходит смерть».

Глава IV

Третий месяц Разлива, 15-й день

I

В зловещем молчании слушал Имхотеп доклад Себека о сделке с лесом. Лицо его стало багровым, на виске билась жилка.

Вид у Себека был не столь беззаботным, как обычно. Он надеялся, что все обойдется, но, увидев, как отец все больше мрачнеет, начал запинаться.

— Понятно, — наконец раздраженно перебил Имхотеп, — ты решил, что разбираешься в делах лучше меня, а потому поступил вопреки моим распоряжениям. Ты всегда так делаешь, когда меня здесь нет и я не могу за всем проследить. — Он вздохнул. — Не представляю, что стало бы с вами без меня!

— Появилась возможность заключить более выгодную сделку, — упрямо стоял на своем Себек, — вот я и пошел на риск. Нельзя вечно осторожничать.

— А когда это ты осторожничал, Себек? Ты всегда стремителен и безрассуден, а потому и принимаешь неверные решения.

— Разве у меня была когда-нибудь возможность принять решение?

— На этот раз, например, — сухо отпарировал Имхотеп. — Вопреки моему приказу...

— Приказу? Почему я должен подчиняться приказам? Я уже взрослый человек.

Потеряв терпение, Имхотеп перешел на крик:

— Кто тебя кормит? Кто одевает? Кто заботится о твоём будущем? Кто постоянно думает о твоём благополучии, о твоём и всех остальных? Когда уровень воды в Ниле упал и вам угрожал голод, разве не я присылал вам с севера еду? Тебе повезло, что у тебя такой отец, который печется обо всех вас! И что я требую взамен? Только чтобы вы прилежно трудились и следовали моим наставлениям...

— Разумеется, — возвысил голос и Себек, — мы должны работать на тебя, как рабы, чтобы ты мог дарить своей наложнице золотые украшения!

Вконец разъяренный, Имхотеп двинулся на Себека.

— Наглец! Как ты смеешь так разговаривать с отцом! Берегись, не то я

выгону тебя из дому! Пойдешь куда глаза глядят!

— Берегись и ты, не то я сам уйду! У меня есть мысли... отличные мысли, как можно разбогатеть, если я не буду связан по рукам и ногам твоими распоряжениями.

— Все сказал? — угрожающе спросил Имхотеп.

Себек, немного поостыв, сердито пробормотал:

— Да, больше мне нечего сказать... пока.

— Тогда иди и присмотри за скотом. Нечего бездельничать.

Себек резко повернулся и зашагал прочь. Когда он проходил мимо Нофрет, оказавшейся неподалеку, она искоса взглянула на него и засмеялась. Кровь бросилась Себеку в лицо, и он рванулся было к ней. Она стояла неподвижно, глядя на него презрительным взглядом из-под полуопущенных век.

Себек что-то невнятно пробурчал и двинулся в прежнем направлении. Нофрет снова рассмеялась и неспешным шагом приблизилась к Имхотепу, обратившему теперь свое внимание на Яхмоса.

— Почему ты позволил Себеку делать глупости? — напустился он на Яхмоса. — Ты обязан был помешать ему. Тебе что, не известно, что он совсем не сведущ в торговых делах? Он заранее уверен, что все непременно получится так, как он задумал.

— Ты не представляешь, отец, как мне трудно, — начал оправдываться Яхмос. — Ты сам велел поручить эту сделку Себеку. Мне оставалось предоставить ему возможность решать самостоятельно.

— Решать самостоятельно? Он этого не умеет. Его дело — следовать моим распоряжениям, а ты обязан смотреть за тем, чтобы он их выполнял.

— Я? По какому праву?

— По какому праву? По тому, которым я тебя оделил.

— Будь я законным совладельцем, у меня было бы право...

Он умолк, потому что подошла Нофрет. Зевая, она мяла в руках алый цветок мака.

— Имхотеп, не хочешь ли пройти в беседку на берегу водоема? Там прохладно, и я велела подать туда фрукты и пиво. Ты уже покончил с делами?

— Повремени, Нофрет, повремени немного.

— Пойдем сейчас, — тихо произнесла Нофрет. — Я хочу, чтобы ты пошел сейчас...

На лице Имхотепа появилась смущенная улыбка. Яхмос поспешил сказать:

— Давай сначала закончим разговор. Это очень важно. Я хочу

попросить тебя...

Нофрет, оставив без внимания слова Яхмоса, произнесла, обращаясь к Имхотепу:

— Ты не можешь в собственном доме поступать, как тебе хочется?

— В другой раз, сын мой, — решительно проговорил Имхотеп. — В другой раз.

И ушел вместе с Нофрет, а Яхмос, глядя им вслед, остался стоять на галерее.

Из дома появилась Сатипи.

— Ну, поговорил? — спросила она. — Что он сказал?

Яхмос вздохнул.

— Наберись терпения, Сатипи. Время было не совсем... подходящим.

— Ну, конечно! — воскликнула Сатипи. — Вечно у тебя неподходящее время. Каждый раз ты этим отговариваешься. А если по правде, просто ты боишься отца. Ты, как овца, только блеять умеешь, а не разговаривать, как мужчина! Ты что, не помнишь, что обещал поговорить с отцом в первый же день его приезда? А что получается? Из нас двоих я больше мужчина, чем ты, так оно и есть.

Сатипи остановилась, но только чтобы перевести дух.

— Ты не права, Сатипи, — мягко сказал Яхмос. — Я начал было говорить, но нас перебили.

— Перебили? Кто?

— Нофрет.

— Нофрет! Эта женщина! Твой отец не должен позволять наложнице вмешиваться в деловой разговор со своим старшим сыном. Женщинам не положено вмешиваться в дела мужчин.

Возможно, Яхмосу хотелось посоветовать Сатипи придерживаться того правила, которое она так решительно провозглашала, но он не успел раскрыть и рта.

— Твой отец должен немедленно дать ей это понять, — продолжала Сатипи.

— Мой отец, — сухо отрезал Яхмос, — не выказал ни малейшего недовольствия.

— Какой позор! — вскричала Сатипи. — Твой отец совсем потерял голову. Он позволяет ей говорить и делать все, что она хочет.

— Она очень красива... — задумчиво произнес Яхмос.

— Да, она недурна собой, — фыркнула Сатипи, — но не умеет себя вести. Плохо воспитана. Грубит нам и даже не извиняется.

— Может, это вы грубы с ней?

— Я сама вежливость. Мы с Кайт оказываем ей должное почтение. Во всяком случае, у нее нет оснований жаловаться на нас твоему отцу. Мы ждем своего часа.

Яхмос пристально взглянул на нее.

— Что значит «своего часа»?

Сатипи многозначительно рассмеялась.

— Это чисто женское понятие, тебе его не постичь. У нас есть свои возможности и свое оружие. Нофрет следовало бы держаться поскромнее. В конце концов, жизнь женщины проходит на женской половине, среди других женщин.

В ее голосе прозвучала угроза.

— Твой отец не всегда будет здесь, — добавила она. — Он снова уедет в свои северные владения. Вот тогда посмотрим!

— Сатипи...

Сатипи рассмеялась громко и весело и исчезла в глубине дома.

II

У водоема резвились дети: два сына Яхмоса, здоровые, красивые мальчишки, больше похожие на мать, чем на отца; трое детишек Себека, включая младшую крошку, едва научившуюся ходить, и четырехлетняя Тети, хорошенькая девочка с печальными глазами.

Они смеялись, кричали, подбрасывали мячи, порой ссорились, и тогда раздавался пронзительный детский плач.

Сидя рядом с Нофрет и не спеша отхлебывая пиво, Имхотеп заметил:

— Как любят дети играть возле воды. Сколько я помню, всегда было так. Но, клянусь Хатор^[106], какой от них шум!

— Да, а здесь могло бы быть так покойно, — тотчас подхватила Нофрет. — Почему бы тебе не сказать, чтобы их сюда не пускали, пока ты здесь? В конце концов, следует быть почтительными к хозяину дома и дать возможность ему отдохнуть. Разве не так?

— Видишь ли... — не сразу нашелся что ответить Имхотеп. Мысль эта была новой для него, но приятной. — По правде говоря, они мне не мешают, — неуверенно закончил он. И добавил с сомнением в голосе. — Дети привыкли играть на берегу водоема.

— Когда ты уезжаешь, разумеется, — быстро согласилась Нофрет. — Но, по-моему, Имхотеп, принимая во внимание все, что ты делаешь для семьи, им полагалось бы проявлять к тебе больше почтительности, больше

уважения. Ты слишком снисходителен, слишком терпелив.

— Я сам во всем виноват, — мирно проговорил Имхотеп со вздохом. — Я никогда не требовал особого почтения.

— И посему эти женщины, твои снохи, пользуются твоей добротой. Им следует дать понять — когда ты возвращаешься сюда на отдых, в доме должны быть тишина и покой. Я сейчас же пойду к Кайт и скажу ей, чтобы она увела отсюда своих детей, да и остальных тоже. Тогда сразу станет тихо.

— Ты очень заботлива, Нофрет, и добра. Ты всегда печешься о том, чтобы мне было хорошо.

— Раз хорошо тебе, значит, хорошо и мне, — отозвалась Нофрет.

Она поднялась и направилась к Кайт, которая стояла на коленях у воды, помогая своему младшему сыну, капризному, избалованному мальчишке, отправить в плавание игрушечную деревянную ладью.

— Уведи отсюда детей, Кайт, — требовательно сказала Нофрет.

Кайт непонимающе уставилась на нее.

— Увести? О чем ты говоришь? Они всегда здесь играют.

— Но не сегодня. Имхотепу нужен покой. А дети чересчур шумят.

Грубоватое, с крупными чертами лицо Кайт залилось краской.

— Не выдумывай, Нофрет! Имхотеп любит смотреть, как дети его сыновей здесь играют. Он сам говорил.

— Но не сегодня, — повторила Нофрет. — Он велел передать, чтобы ты увела всю эту свору в дом. Он хочет побыть в тишине... со мной.

— С тобой... — Кайт не договорила, поднялась с колен и подошла к беседке, где полусидел, полувозлежал Имхотеп. Нофрет последовала за ней.

Кайт не стала деликатничать.

— Твоя наложница говорит, что детей надо увести. Почему? Что они делают плохого? За что их прогоняют отсюда?

— Потому что так желает господин, разве этого не достаточно? — ровным голосом произнесла Нофрет.

— Вот именно, — раздраженно подхватил Имхотеп. — Почему я должен объяснять? Кому принадлежит этот дом, в конце концов?

— Потому что она так захотела. — Кайт повернулась к Нофрет и смерила ее взглядом.

— Нофрет заботится о том, чтобы мне было удобно, хочет сделать мне приятное, — сказал Имхотеп. — Больше никому в доме нет до этого дела, кроме, пожалуй, Хенет.

— Значит, детям больше нельзя здесь играть?

— Когда я возвращаюсь домой на отдых, нет.

— Почему ты позволяешь этой женщине, — вдруг гневно вырвалось у Кайт, — настраивать себя против твоей собственной плоти и крови? Почему она вмешивается в давно заведенные в доме порядки?

Имхотеп счел нужным показать свою власть и закричал:

— Порядки в доме завожу я, а не ты! Вы все тут заодно — поступаете, как хотите, устраиваетесь, как вам удобно. И когда я, хозяин этого дома, возвращаюсь из странствий, никто не уделяет должного внимания моим желаниям! Позволь тебе напомнить, что здесь хозяин я! Я постоянно думаю о вас, забочусь о вашем будущем — и где благодарность, где уважение к моим нуждам? Их нет. Сначала Себек ведет себя нагло и непочтительно, а теперь ты, Кайт, пытаешься меня в чем-то упрекать. Почему я обязан вас содержать? Поостерегись так разговаривать со мной, иначе я перестану вас кормить. Себек заявил, что он уйдет. Вот и скажи ему, пусть уходит и прихватит с собой тебя и детей.

На мгновение Кайт застыла. Ее неподвижное лицо совсем окаменело.

Потом она сказала совершенно бесстрастным голосом:

— Я уведу детей в дом...

Сделав шаг-другой, она остановилась около Нофрет.

— Это дело твоих рук, Нофрет, — еле слышно проронила она. — Я этого не забуду. Я тебе этого не забуду...

Глава V

Четвертый месяц Разлива, 5-й день

I

Совершив поминальный обряд, который надлежит исполнять жрецу-хранителю гробницы, Имхотеп вздохнул с облегчением. Все до мелочей было сделано, как подобает, ибо Имхотеп был человеком в высшей степени добросовестным. Он излил вино, воскурил благовония, совершил положенные приношения еды и питья душе умершего.

И вот теперь в примыкающем в гробнице прохладном гроте, где его ждал Хори, он снова превратился в землевладельца и занялся делами. Они обсудили положение с хозяйстве, что и по какой обменной цене сейчас идет, какие доходы получены от сделок с зерном, скотом и лесом.

Спустя полчаса или около того Имхотеп с удовлетворением кивнул головой.

— У тебя отличная деловая хватка, Хори, — заметил он.

— Так и должно быть, Имхотеп, — улыбнулся Хори. — Недаром я уже много лет веду твои дела.

— И преданно мне служишь. Ладно, а сейчас мне хотелось бы с тобой посоветоваться. Речь пойдет об Или. Он жалуется, что все им командуют.

— Он еще очень молод.

— Но проявляет большие способности. Он считает, что братья не всегда к нему справедливы. Себек, по-видимому, груб и требует беспрекословного повиновения, а Яхмос чересчур робок и осторожен, что не может не раздражать. Ипи по натуре человек горячий. Он не любит, когда ему приказывают. Более того, он говорит, что только я, его отец, имею на это право.

— Верно, — согласился Хори. — По-моему, это и порождает все недоразумения, которые не идут на пользу твоему хозяйству. Ты позволишь мне говорить откровенно?

— Конечно, мой дорогой Хори. Твои слова всегда разумны и хорошо обдуманно.

— Тогда вот что я скажу тебе, Имхотеп. Когда ты уезжаешь, тебе следует оставлять здесь за себя человека, наделенного законными

полномочиями.

— Я доверяю вести дела тебе и Яхмосу...

— Я знаю, что в твое отсутствие мы имеем право действовать от твоего имени, но этого недостаточно. Почему бы тебе не взять в совладельцы одного из сыновей, письменно засвидетельствовав его право на ведение твоих дел?

Имхотеп, нахмурившись, зашагал по залу.

— И кого же из моих сыновей ты предлагаешь? Себек умеет распоряжаться, но не умеет слушаться. Ему я не доверяю, у него дурной характер.

— Я имел в виду Яхмоса. Он твой старший сын. Человек он добрый, отзывчивый. И предан тебе.

— Да, характер у него хороший, но он чересчур уж уступчив. Со всеми соглашается. Конечно, будь Ипи постарше...

— Давать власть слишком молодому всегда опасно, — перебил его Хори.

— Верно, верно. Хорошо, Хори, я подумаю о том, что ты сказал... Яхмос, конечно, примерный сын, послушный...

— Тебе следовало бы всерьез над этим призадуматься, — мягко, но настойчиво сказал Хори.

— Что ты имеешь в виду, Хори? — внимательно взглянул на него Имхотеп.

— Только что я сказал, что опасно давать власть слишком молодому, — медленно произнес Хори. — Но столь же опасно слишком долго не давать власти.

— Ты хочешь сказать, что Яхмос привык выполнять приказания, а не приказывать сам? Пожалуй, в этом что-то есть. — Имхотеп вздохнул. — Да, нелегко править семьей. И особенно трудно управляться с женщинами. У Сатипи неукротимый нрав. Кайт никого вокруг не замечает. Но я им объяснил, что к Нофрет они должны относиться с уважением. По-моему, могу я сказать...

Он замолчал. По узкой тропинке, задыхаясь, бежал раб.

— В чем дело?

— Господин, к берегу пристала фелюга. С сообщением из Мемфиса прибыл писец по имени Камени.

Имхотеп встревоженно поднялся на ноги.

— Опять неприятности! — воскликнул он. — Это столь же несомненно, как то, что бог Ра плывет в своей лодке по небесному океану. Нас ждут новые неприятности. Стоит мне дать себе поблажку, обязательно

что-нибудь случается.

Он, стуча сандалиями, поспешил вниз по тропинке, а Хори сидел неподвижно и смотрел ему вслед.

На лице его была написана обеспокоенность.

II

Ренисенб бродила по берегу Нила, как вдруг услышала шум и крик и увидела, что к причалу бегут люди. Она последовала за толпой. В приближающейся к берегу фелюге стоял молодой человек, и на мгновение, когда она увидела в ярком свете солнца его силуэт, сердце ее замерло.

Безумная, несбыточная надежда овладела ею.

«Хей! Хей вернулся из Царства мертвых».

И сама же посмеялась над собой за эту тщетную надежду. В ее воспоминаниях Хей всегда виделся ей в лодке, плывущей по Нилу, а этот молодой человек походил телосложением на Хея — вот ей и пришла в голову такая фантазия. Молодой человек оказался моложе Хея, у него были ловкие, изящные движения и веселое, приветливое лицо.

Юноша представился писцом по имени Камени из северных владений Имхотепа.

За хозяином дома послали раба, а Камени отвели в дом и предложили ему еду и питье. Вскоре появился Имхотеп и долго беседовал с писцом.

О чем они говорили, стало известно на женской половине дома благодаря Хенет, которая всегда приносила все новости первой. Ренисенб порой удивлялась, каким образом Хенет удавалось выведать и разузнать даже то, что хранилось в строжайшей тайне.

Камени, сын двоюродного брата Имхотепа, как выяснилось, служил у Имхотепа писцом. Он обнаружил подделку счетов, а поскольку дело было сложным и запутанным и в подлоге оказались замешаны управляющие, счел за лучшее самому явиться сюда и обо всем доложить хозяину.

Ренисенб эта история мало интересовала.

Однако доставленное Камени известие изменило все планы Имхотепа — он стал срочно готовиться к отъезду. Отец намеревался было еще месяца два пробыть дома, но теперь решил, что чем скорее он отправится на север, тем лучше.

По этому случаю были созваны все обитатели дома и щедро наделены многочисленными наставлениями и поручениями. Следует делать то и это. Яхмос ни в коем случае не должен делать того-то и того-то. Себеку

надлежит проявлять благоразумие в том-то. Все это, думала Ренисенб, ей знакомо. Яхмос был само внимание, Себек мрачен и угрюм, Хори, как всегда, спокоен и деловит. От назойливых требований Ипи отец отмахнулся решительнее обычного.

— Ты еще слишком молод, чтобы получить право распоряжаться средствами на твое содержание. Слушайся Яхмоса. Ему известны мои желания и воля. — Имхотеп положил руку на плечо старшего сына. — Я доверяю тебе, Яхмос. По возвращении мы продолжим разговор о том, чтобы сделать тебя совладельцем.

Яхмос расцвел от удовольствия. И даже расправил плечи.

— Смотри только, чтобы все было в порядке, пока меня здесь нет, — продолжал Имхотеп. — Пригляди, чтобы к моей наложнице относились с должным почтением. Ты за нее в ответе. Следи за порядком на женской половине дома. Заставь Сатипи прикусить язык. Присмотри, чтобы Себек должным образом наставлял Кайт. Ренисенб тоже должна быть вежлива и предупредительна по отношению к Нофрет. Кроме того, я не потерплю, чтобы с дорогой мне Хенет обращались дурно. Я знаю, что наши женщины ее недолюбливают. Но она уже давно живет среди нас, и ей по праву позволено говорить то, что кое-кому может быть не по сердцу. Она, конечно, не блистает ни красотой, ни умом, но нам преданна и, помните, всегда блюдет мои интересы. Я не позволю выказывать ей пренебрежение.

— Все будет так, как ты велишь, отец, — ответил Яхмос. — Правда, случается, Хенет болтает лишнее.

— Подумаешь! Все женщины болтают лишнее. И Хенет не больше других. Что касается Камени, то он останется здесь. У нас есть возможность содержать еще одного писца. Он будет помогать Хори. А вот насчет того земельного участка, который мы отдали в аренду женщине по имени Яаи...

Имхотеп перешел к делам по хозяйству.

Когда наконец все было готово к отплытию, Имхотепа вдруг одолели сомнения. Он отвел Нофрет в сторону и тихо спросил:

— Нофрет, ты довольна, что остаешься здесь? Может, тебе лучше поехать со мной?

Нофрет покачала головой и улыбнулась.

— Ты ведь скоро вернешься, — сказала она.

— Месяца через три, а может, и четыре. Кто знает?

— Вот видишь, скоро. А мне здесь будет хорошо.

— Я поручил Яхмосу и двум другим моим сыновьям выполнять каждое твое желание, — самоуверенно проговорил Имхотеп. — В случае

малейшего твоего недовольства на их головы падет мой гнев.

— Они выполнят твой приказ, Имхотеп, не сомневаюсь. — Нофрет помолчала. — Кому, по-твоему, я могу полностью доверять? Кто по-настоящему тебе предан? Я не говорю о членах семьи.

— Хори. Мой дорогой Хори. Он поистине моя правая рука, человек разумный и выдержанный.

— Но он и Яхмос, как братья, — задумчиво произнесла Нофрет. — Может...

— Тогда Камени. Он тоже писец. Я приставлю его к тебе в услужение. Если ты будешь чем-то недовольна, продиктуй ему письмо ко мне.

— Отличная мысль, — кивнула Нофрет. — Камени приехал из Северных Земель. Он знает моего отца. Твои родственники не смогут на него повлиять.

— И Хенет! — вспомнил Имхотеп. — Есть еще Хенет.

— Да, — с сомнением в голосе согласилась Нофрет, — еще есть Хенет. Быть может, ты поговоришь с нею сейчас, в моем присутствии?

— С удовольствием.

За Хенет послали, и она тотчас явилась, будто только этого и ждала. Она принялась сетовать по поводу отъезда Имхотепа. Но он прервал ее причитания:

— Да, да, моя дорогая Хенет, но от этого никуда не денешься. Я из тех людей, кому редко удается отдохнуть в тиши и покое. Я должен день и ночь трудиться на благо моей семьи, это принимается как должное. А сейчас мне нужно всерьез поговорить с тобой. Я знаю, что ты служишь мне верно и преданно. А потому могу полностью тебе доверять. Охраняй Нофрет, она мне очень дорога.

— Тот, кто дорог тебе, господин, дорог и мне, — твердо заявила Хенет.

— Очень хорошо. Значит, ты будешь преданна Нофрет всей душой?

Хенет повернулась к Нофрет, которая наблюдала за ней из-под полуопущенных век.

— Ты чересчур красива, Нофрет, — сказала она, — вот в чем беда. Поэтому все тебе завидуют. Но я присмотрю за тобой и буду передавать тебе все, что они говорят или замышляют. Можешь на меня рассчитывать!

Наступило молчание. Взгляды обеих женщин встретились.

— Можешь на меня рассчитывать, — повторила Хенет.

Улыбка, странная, загадочная улыбка тронула губы Нофрет.

— Да, — согласилась она, — я верю тебе, Хенет. И думаю, что могу на тебя рассчитывать.

Имхотеп громко откашлялся.

— Значит, мы договорились. Все в порядке. Улаживать дела — это я умею, как никто.

В ответ послышался сдержанный смешок. Имхотеп резко обернулся и увидел в дверях главного зала свою мать. Она стояла, опираясь на палку, и казалась еще более высохшей и ехидной, нежели обычно.

— Какой у меня замечательный сын! — обронила она.

— Я должен спешить... Мне надо еще кое-что сказать Хори... — озабоченно пробормотал Имхотеп и так поспешно вышел из зала, что ему удалось не встретиться с матерью взглядом.

Иза повелительно кивнула головой Хенет, и та беспрекословно выскользнула из главных покоев.

Нофрет встала. Они с Изой смотрели друг на друга.

— Итак, мой сын оставляет тебя здесь? — спросила Иза. — Советую тебе ехать с ним, Нофрет.

— Он хочет, чтобы я осталась здесь.

Голос Нофрет был тихим и кротким. Иза коротко рассмеялась.

— И вправду, какой толк ему брать тебя с собой! Но почему ты не хочешь ехать — вот чего я не понимаю. Что задерживает тебя здесь? Ты жила в городе, много, наверное, путешествовала. Почему ты предпочитаешь остаться в этом скучном доме среди людей, которые, я буду откровенна, тебя не любят, более того, ненавидят?

— И ты меня ненавидишь?

— Нет, — покачала головой Иза, — у меня нет к тебе ненависти. Я уже старуха и, хотя плохо вижу, все же способна разглядеть красоту и любоваться ею. Ты красива, Нофрет, и мне приятно на тебя смотреть. Потому что ты красива, я не желаю тебе зла. Но послушай меня: поезжай в Северные Земли вместе с моим сыном.

— Он хочет, чтобы я осталась здесь, — повторила Нофрет.

В покорном тоне теперь явно слышалась насмешка.

— Ты остаешься здесь с какой-то целью, — резко сказала Иза. — Интересно, с какой? Что ж, потом пеняй на себя. А пока будь осмотрительна и благоразумна. И никому не доверяй!

Она круто повернулась и вышла из зала. Нофрет стояла неподвижно. Медленно, очень медленно ее губы раздвинулись в усмешке, делая ее похожей на разозлившуюся кошку.

Глава VI

Первый месяц Зимы, 4-й день

I

Ренисенб взяла в обычай почти каждый день подниматься наверх к гробнице. Иногда она заставляла там Яхмоса и Хори, иногда одного Хори, а порой там вовсе никого не было, но всегда, поднявшись, Ренисенб испытывала странное чувство облегчения и покоя, едва ли не избавления от какой-то опасности. Больше всего ей нравилось, когда она находила у гробницы одного Хори. Ей была приятна его сдержанность: не любопытствуя ни о чем, он одобрительно принимал ее появление. Обхватив одно колено руками, она садилась в тени у входа в грот — обитель Хори — и устремляла взор на полосу зеленых полей, туда, где сверкали воды Нила, сначала бледно-голубые, потом в дымке желтовато-коричневые, а дальше кремово-розовые.

Первый раз она поднялась туда, когда ее вдруг охватило непреодолимое желание избавиться от женского общества. Ей хотелось тишины и дружеского участия, и она обрела их там. Это желание не исчезло и потом, но уже не из-за стремления бежать из дома, где царили суета и раздоры, а из-за ощущения, что грядет нечто более грозное.

— Я боюсь... — однажды сказала она Хори.

— Чего ты боишься, Ренисенб? — изучающе посмотрел на нее он.

— Ты как-то говорил про болезни, которые поражают плоды. И недавно мне пришло в голову, что то же самое происходит с людьми.

Хори кивнул головой.

— Значит, ты поняла... Да, Ренисенб, это так.

Неожиданно для себя самой Ренисенб сказала:

— Именно это происходит у нас в доме. К нам пришло зло. И я знаю, кто его принес. Нофрет.

— Ты так считаешь? — спросил Хори.

— Да, — энергично тряхнула головой Ренисенб, — да. Я знаю, о чем говорю. Послушай, Хори, когда я вернулась сюда к вам и сказала, что все в доме осталось по-прежнему, даже ссоры между Сатипи и Кайт, это была правда. Их ссоры, Хори, были не настоящие. Они были для них

развлечением, заполняли досуг, женщины не испытывали друг к другу неприязни. Но теперь все стало по-другому. Теперь они не просто ругаются, теперь они на самом деле стараются оскорбить друг друга и, когда видят, что цель достигнута, искренне радуются! Это страшно, Хори, страшно! Вчера Сатипи так разозлилась, что воткнула Кайт в руку длинную золотую булавку, а два-три дня назад Кайт опрокинула тяжелую медную кастрюлю с кипящим маслом Сатипи на ногу. Сатипи целый вечер бранит Яхмоса — ее слышно во всех покоях. Яхмос выглядит усталым и задерганным. А Себек ходит в деревню, знается там с женщинами и, возвратившись домой пьяным, кричит о том, какой он умный.

— Да, все это так, я знаю, — нехотя согласился Хори. — Но при чем тут Нофрет?

— Потому что это дело ее рук. Она шепнет одному одно, другому другое, какую-то мелочь, но не глупость — вот тут-то все и начинается! Она как стрекало, которым подгоняют вола. И ведь знает, что шептать. Иногда мне кажется, что ей подсказывает Хенет...

— Да, — задумчиво сказал Хори. — Вполне может быть.

Ренисенб вздрогнула.

— Не люблю я Хенет. Противно смотреть, как она крадучись ходит по дому. Твердит, что преданна нам всей душой, но кому нужна ее преданность? Как могла моя мать привезти ее сюда и так привязаться к ней?

— Мы знаем об этом только со слов самой Хенет, — сухо отозвался Хори.

— И с чего это Хенет так полюбила Нофрет, что ходит за ней по пятам, прислуживает ей и что-то нашептывает? О Хори, если бы ты знал, как мне страшно! Я ненавижу Нофрет! Хорошо бы она куда-нибудь уехала! Она красивая, но жестокая и плохая!

— Какой ты еще ребенок, Ренисенб. — И тихо добавил. — Она идет сюда.

Ренисенб повернула голову и увидела, как по крутой тропинке, что шла вверх к гробнице, поднимается Нофрет. Она чему-то улыбалась про себя и тихо напевала.

Дойдя до того места, где они сидели, она огляделась вокруг. На лице ее было написано лукавое любопытство.

— Вот, значит, куда ты бегаешь ежедневно, Ренисенб.

Ренисенб сердито молчала, как ребенок, тайное убежище которого оказалось раскрытым.

Нофрет огляделась.

— А это и есть знаменитая гробница?

— Совершенно верно, Нофрет, — ответил Хори.

Она взглянула на него и улыбнулась своей хищной улыбкой.

— Она, верно, приносит тебе недурной доход, а, Хори? Ты ведь человек деловой, я слышала, — со злой насмешкой добавила она, но на Хори это не произвело впечатления. Он по-прежнему улыбался ей своей тихой, степенной улыбкой.

— Она приносит недурной доход всем нам... Смерть всегда кому-нибудь выгодна...

Нофрет вздрогнула, обежала взглядом столы для приношений, вход в усыпальницу и ложную дверь.

— Я ненавижу смерть! — воскликнула она.

— Напрасно, — тихо проговорил Хори. — Смерть — главный источник богатств у нас в Египте. Смерть оплатила украшения, что на тебе надеты, Нофрет. Смерть тебя кормит и одевает.

— Что ты имеешь в виду? — не сводила с него глаз Нофрет.

— Имхотеп — жрец «ка», он совершает заупокойные обряды. Все его земли, весь его скот, лес, лен и ячмень дарованы ему за то, что он служит душе умершего.

Он помолчал, а потом задумчиво продолжал:

— Странные люди мы, египтяне. Мы любим жизнь и потому очень рано начинаем готовиться к смерти. Вот куда идет богатство Египта — в пирамиды, в усыпальницы, в земельные наделы, которые придаются гробницам.

— Перестань говорить о смерти! — крикнула Нофрет. — Я не хочу этого слышать.

— Потому что ты настоящая египтянка, потому что ты любишь жизнь, потому что... и ты порой чувствуешь, что смерть бродит где-то поблизости...

— Перестань!

Она едва не бросилась на него. Потом, пожав плечами, отвернулась и пошла вниз по тропинке.

Ренисенб вздохнула с облегчением.

— Как хорошо, что она ушла, — с наивной откровенностью проговорила она. — Ты ее напугал, Хори.

— Пожалуй... А ты тоже испугалась, Ренисенб?

— Нет, — не совсем уверенно произнесла Ренисенб. — Все, что ты сказал, чистая правда, только я почему-то раньше об этом не задумывалась: ведь мой отец священнослужитель души усопшего.

— Весь Египет одержим мыслями о смерти! — с внезапной горечью воскликнул Хори. — И знаешь почему, Ренисенб? Потому что мы верим только в то, что видим, а думать не умеем и боимся представить себе, что будет с нами после смерти. Вот и воздвигаем пирамиды и гробницы, укрываясь в них от будущего и не надеясь на богов.

Ренисенб с удивлением смотрела на него.

— Что ты говоришь, Хори? У нас ведь так много богов, так много, что я не в силах их всех запомнить. Только вчера вечером мы вели разговор о том, кому какой из богов больше нравится. Себеку, оказалось, Сехмет^[107], а Кайт молится богине Мехит^[108]. Камени всем богам предпочитает Тота^[109] — ну конечно, ведь он писец. Сатипи верит в коршуноголового Гора^[110] и нашу здешнюю богиню Меритсегер^[111]. Яхмос сказал, что поклоняется Птаху, потому что он творец всего на земле. Я больше других люблю Исиду^[112]. А Хенет утверждает, что лучше всех наш местный бог Амон^[113]. По ее словам, среди жрецов ходит поверие, что в один прекрасный день Амон станет самым могущественным богом в Египте, поэтому она приносит жертвы ему, хотя пока он совсем не главный бог. И затем, есть Ра, бог солнца, и Осирис, перед которым взвешивают на весах сердца умерших.

Ренисенб с трудом перевела дыхание и умолкла. Хори улыбался.

— А в чем, Ренисенб, различие между богом и человеком?

Она опять удивилась.

— Боги умеют творить чудеса.

— И это все?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Хори.

— Я хочу сказать, что тебе бог, по-видимому, представляется только мужчиной или женщиной, которые способны делать то, чего не могут делать обычные люди.

— Странно ты рассуждаешь! Я не понимаю тебя.

Она озадаченно смотрела на него, а когда взглянула вниз в долину, ее внимание привлекло нечто иное.

— Посмотри! — воскликнула она. — Нофрет беседует с Себеком. Она смеется. — И вдруг ахнула. — Нет, ничего. Мне показалось, что он хочет ее ударить. Она пошла в дом, а он поднимается сюда.

Явился Себек, мрачный, как грозовая туча.

— Пусть крокодил сожрет эту женщину! — выкрикнул он. — Мой отец сделал большую, чем всегда, глупость, взяв ее себе в наложницы.

— Чем она тебе так досадила? — поинтересовался Хори.

— Она, как всегда, оскорбила меня! Спросила, поручил ли мне отец и на этот раз торговать лесом. Я готов был задушить ее.

Он походил по площадке и, подобрав камень, швырнул его вниз в долину. Потом тронул камень покрупнее, но отскочил, когда свернувшаяся в клубок под камнем змея подняла голову. Она, шипя, вытянулась, и Ренисенб увидела, что это кобра.

Схватив тяжелую палку, Себек яростно бросился на змею и, хотя первым же удачным ударом переломил ей хребет, все равно продолжал с остервенением бить по ней палкой, откинув голову и что-то злобно бормоча сквозь зубы. Глаза его сверкали.

— Перестань, Себек! — крикнула Ренисенб. — Перестань! Змея уже мертвая.

Себек остановился, забросил подальше палку и рассмеялся.

— Одной ядовитой змеей меньше на свете.

И снова расхохотался. Он заметно повеселел и зашагал вниз по тропинке.

— По-моему, Себеку нравится убивать, — тихо заметила Ренисенб.

— Да, — не выказав удивления, проговорил Хори, по-видимому, лишь подтверждая то, что давно знал. Ренисенб повернулась к нему.

— Змей надо бояться, — произнесла она. — Но какой красивой была эта кобра...

Она не могла отвести глаз от растерзанной змеи. Почему-то сердце ее пронзило острое сожаление.

— Я помню, когда мы все еще были детьми, — не спеша заговорил Хори, — Себек подрался с Яхмосом. Яхмос был на год старше, но Себек крупнее и сильнее. Он схватил камень и принялся бить Яхмоса по голове. Прибежала ваша мать и разняла их. Я помню, как она кричала: «Нельзя этого делать, Себек, нельзя, это опасно. Говорю тебе, это опасно!» — Он помолчал и добавил. — Она была очень красивая... Я понимал это еще в детстве. Ты похожа на нее, Ренисенб.

— Правда? — обрадовалась Ренисенб. И спросила. — А Яхмос сильно пострадал?

— Нет, хотя поначалу казалось, что сильно. Зато Себек на следующий день заболел. По-видимому, чем-то отравился, но ваша мать сказала, что это из-за его злости и жаркого солнца. Стояла самая середина лета.

— У Себека горячий нрав, — задумчиво проронила Ренисенб.

Она снова бросила взгляд на мертвую змею и, вздрогнув, отвернулась.

Когда Ренисенб подошла к дому, на галерее сидел Камени со свитком папируса. Он пел. Она остановилась и прислушалась к словам песни.

В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!
Река — вино!
Бог Пта — ее тростник,
Растений водяных листья — богиня Сехмет,
Бутоны их — богиня Иарит^[114], бог Нефертум^[115] — цветок.
Блистая красотой, ликует Золотая^[116],
И на земле светло. Вдали Мемфис,
Как чаша с померанцами, поставлен
Рукою бога.

Он поднял глаза и улыбнулся:
— Тебе нравится моя песня, Ренисенб?
— А что это такое?
— Это любовная песня, которую поют в Мемфисе.
И не спуская с нее глаз, тихо повторил:

В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!

Лицо Ренисенб залилось краской. Она вбежала в дом, едва не столкнувшись с Нофрет.

— Почему ты так спешишь, Ренисенб?

В голосе Нофрет звучало раздражение. Ренисенб удивленно взглянула на нее. Нофрет не улыбалась. Лицо ее было мрачно-напряженным, руки стиснуты в кулаки.

— Извини, Нофрет, я тебя не разглядела. Здесь, в доме, темно, когдаходишь со света.

— Да, здесь темно... — Нофрет секунду помолчала. — Куда приятнее побыть на галерее и послушать, как Камени поет. Он ведь хорошо поет, правда?

— Да. Да, конечно.
— Но ты не стала слушать. Камени будет огорчен.
Щеки у Ренисенб снова зарделись. Ей было неуютно под холодным, насмешливым взглядом Нофрет.
— Тебе не нравятся любовные песни, Ренисенб?
— А тебя интересует, что мне нравится, а что — нет, Нофрет?
— Ага, значит, у кошечки есть коготки?
— Что ты хочешь этим сказать?
Нофрет рассмеялась.
— Оказывается, ты не такая дурочка, какой кажешься, Ренисенб. Как по-твоему, Камени красивый, да? Что ж, это его обрадует, не сомневаюсь.
— По-моему, ты ведешь себя гнусно, — разозлилась Ренисенб.
Она пробежала мимо Нофрет в глубь дома, слыша позади ее язвительный смех. Но он не заглушил в ее памяти голос Камени и звуки песни, которую он пел, не сводя глаз с ее лица...

III

В ту ночь Ренисенб приснился сон.
Они с Хеем плыли в ладье усопших в Царство мертвых. Хей стоял на носу ладьи — ей был виден только его затылок. Когда забрезжил рассвет, Хей повернул голову, и Ренисенб увидела, что это не Хей, а Камени. И в ту же минуту нос лодки превратился в голову извивающейся змеи. «Ведь это живая змея, кобра, — подумала Ренисенб, — та самая, что выползает из-под гробницы, чтобы пожирать души усопших». Ренисенб окаменела от страха. А потом голова змеи оказалась головой женщины с лицом Нофрет, и Ренисенб проснулась с криком:
— Нофрет! Нофрет!
Она вовсе не кричала, все это ей приснилось. Она лежала неподвижно, сердце ее билось, подтверждая, что все увиденное — лишь сон. И Ренисенб вдруг подумала: «Вот что бормотал Себек, когда убивал змею: «Нофрет... Нофрет...»

Глава VII

Первый месяц Зимы, 5-й день

I

Разбуженная страшным сном, Ренисенб никак не могла уснуть, лишь время от времени на мгновение впадая в забытие. Когда под утро она открыла глаза, предчувствие неминуемой беды уже не оставляло ее.

Она встала рано и вышла из дому. Ноги сами повели ее, как бывало часто, на берег Нила. Там рыбаки снаряжали большую ладью, и вот, влекомая вперед мощными взмахами весел, она устремилась в сторону Фив. На воде качались лодки с парусами, хлопающими от слабых порывов ветра.

В сердце Ренисенб что-то пробудилось — какое-то смутное желание, которое она не могла определить. Она подумала: «Я чувствую... Я чувствую...» Но что она чувствует, она не знала. То есть не могла подыскать слов, чтобы выразить свое ощущение. Она подумала: «Я хочу... Но что я хочу?»

Хотела ли она увидеть Хея? Но Хей умер и никогда к ней не вернется. Она сказала себе: «Я больше не буду вспоминать Хея. Зачем? Все кончено, навсегда».

Затем она заметила, что на берегу стоит еще кто-то, глядя вслед уплывающей к Фивам ладье. Узнав в неподвижной фигуре, от которой веяло горьким одиночеством, Нофрет, Ренисенб была потрясена.

Нофрет смотрела на Нил. Нофрет одна. Нофрет задумалась — о чем?

И тут Ренисенб вдруг поняла, как мало они все знают о Нофрет. Сразу приняли ее за врага, за чужую, им не было дела до того, где и как она жила прежде.

Как должно быть Нофрет тяжело, внезапно осознала Ренисенб, очутиться здесь одной, без друзей, в окружении людей, которым она не по душе.

Ренисенб нерешительно направилась к Нофрет, подошла и встала рядом. Нофрет бросила на нее мимолетный взгляд, потом отвернулась и снова стала смотреть на реку. Лицо ее было бесстрастно.

— Как много лодок на реке, — робко заметила Ренисенб.

— Да.

И, подчиняясь какому-то смутному порыву завязать дружбу, Ренисенб продолжала:

— Там, откуда ты приехала, тоже так?

Нофрет коротко рассмеялась — в ее смехе звучала горечь.

— Отнюдь. Мой отец — купец из Мемфиса. А в Мемфисе весело и много забав. Играет музыка, люди поют и танцуют. Кроме того, отец часто путешествует. Я побывала с ним в Сирии, видела царство Вавилонское. Я плавала на больших судах в открытом море.

Она говорила с гордостью и воодушевлением.

Ренисенб молча слушала, поначалу не очень представляя себе то, о чем рассказывала Нофрет, но постепенно ее интерес и понимание росли.

— Тебе, должно быть, скучно у нас, — наконец сказала она.

Нофрет нервно рассмеялась.

— Здесь сплошная тоска. Только и говорят про пахоту и сев, про жатву и укос, про урожай и цены на лен.

Ренисенб странно было это слышать, она с удивлением смотрела на Нофрет. И внезапно, почти физически, она ощутила ту волну гнева, горя и отчаяния, которая исходила от Нофрет.

«Она совсем юная, моложе меня. И ей пришлось стать наложницей старика, спесивого, глупого, хотя и доброго старика, мотего отца...»

Что ей, Ренисенб, известно про Нофрет? Ничего. Что сказал вчера Хори, когда она выкрикнула: «Она красивая, но жестокая и плохая»? — «Какой ты еще ребенок, Ренисенб», — вот что он сказал. Теперь Ренисенб поняла, что он имел в виду. Ее слова были наивны — нельзя судить о человеке, ничего о нем не ведая. Какая тоска, какая горечь, какое отчаяние скрывались за жестокой улыбкой на лице Нофрет? Что она, Ренисенб, или кто-нибудь другой из их семьи сделали, чтобы Нофрет чувствовала себя у них как дома?

Запинаясь, Ренисенб проговорила:

— Ты ненавидишь нас всех... Теперь мне понятно почему... Мы не были доброжелательны к тебе. Но еще не поздно. Разве не можем мы, ты, Нофрет, и я, стать сестрами? Ты далеко от своих друзей, ты одинока, так не могу ли я помочь тебе?

Ее сбивчивые слова были встречены молчанием. Наконец Нофрет медленно повернулась.

Секунду-другую выражение ее лица оставалось прежним — только взгляд, показалось Ренисенб, чуть потеплел. В тиши раннего утра, когда все вокруг дышало ясностью и покоем, Ренисенб почудилось, будто Нофрет

чуть оттаяла, будто слова о помощи проникли сквозь неприступную стену.

Это было мгновение, которое Ренисенб запомнила навсегда...

Затем постепенно лицо Нофрет исказилось злобой, глаза засверкали, а во взгляде запылали такая ненависть и ожесточение, что Ренисенб даже попятилась.

— Уходи! — в ярости прохрипела Нофрет. — Мне от вас ничего не нужно. Вы все дураки, вот вы кто, все до единого...

Помедлив секунду, она круто повернулась и быстро зашагала в сторону дома.

Ренисенб двинулась вслед за ней. Странно, но слова Нофрет вовсе ее не рассердили. Они открыли ее взору черную бездну ненависти и горя, до сих пор ей самой неведомую, и навели на мысль, пока не совсем четкую, как страшно быть во власти таких чувств.

II

Когда Нофрет, войдя в ворота, шла через двор, дорогу ей заступила, догоняя мяч, одна из дочерей Кайт.

Нофрет с такой силой толкнула девочку, что та растянулась на земле. Услышав ее вопль, Ренисенб подбежала и подняла ее.

— Разве так можно, Нофрет! — упрекнула ее Ренисенб. — Смотри, она ушиблась. У нее ссадина на подбородке.

Нофрет резко рассмеялась.

— Значит, я все время должна думать о том, чтобы ненароком не задеть одно из этих избалованных отродьев? С какой стати? Разве их матери считаются с моими чувствами?

Услышав плач ребенка, из дома выскочила Кайт. Она подбежала к девочке, осмотрела ее личико. И повернулась к Нофрет.

— Ядовитая змея! Злыдня! Подожди, мы еще расправимся с тобой! — И изо всех сил ударила Нофрет по лицу. Ренисенб вскрикнула и перехватила ее руку, предупреждая второй удар.

— Кайт! Кайт! Что ты делаешь, так нельзя.

— Кто сказал, что нельзя? Берегись, Нофрет. В конце концов, нас здесь много, а ты одна.

Нофрет не двигалась с места. На щеке у нее алел четкий отпечаток руки Кайт. Возле глаза кожа была рассечена браслетом, что был у Кайт на запястье, и по лицу текла струйка крови.

Но что поразило Ренисенб — это выражение лица Нофрет. Да,

поразило и напугало. Нофрет не рассердилась. Наоборот, взгляд у нее был почему-то торжествующим, а рот снова растянулся, как у разозлившейся кошки, в довольной усмешке.

— Спасибо, Кайт, — сказала она. И вошла в дом.

III

Что-то мурлыча про себя и полузакрыв глаза, Нофрет вдруг встрепелась и позвала Хенет.

Хенет прибежала, остановилась пораженная, заохала... Нофрет велела ей замолчать.

— Разыщи Камени. Скажи ему, чтобы принес палочку, которой пишут, и папирус. Нужно написать письмо господину.

Хенет не сводила глаз со щеки Нофрет.

— Господину?.. Понятно... — И, не выдержав, спросила. — Кто это сделал?

— Кайт, — тихо улыбнулась Нофрет, вспоминая происшедшее.

Хенет покачала головой, цокая языком.

— Ах, как дурно, очень дурно... Об этом обязательно надо сообщить господину. — Она искоса поглядела на Нофрет. — Да, Имхотепу следует об этом знать.

— Мы с тобой, Хенет, мыслим одинаково... — ласково произнесла Нофрет. — По-моему тоже, господину следует об этом знать.

Она сняла со своего одеяния оправленный в золото аметист и положила его в руку Хенет.

— Мы с тобой, Хенет, всем сердцем печемся о благополучии Имхотепа.

— Нет, я этого не заслужила, Нофрет... Ты чересчур великодушна... Такой прекрасной работы вещица!

— Имхотеп и я, мы оба ценим преданность.

Нофрет улыбалась, по-кошачьи щуря глаза.

— Приведи Камени, — сказала она. — И сама приходи вместе с ним. Вы с ним будете свидетелями того, что произошло.

Камени явился без большой охоты, хмурый и недовольный.

— Ты не забыл, что тебе велел Имхотеп перед отъездом? — свысока обратилась к нему Нофрет.

— Нет, не забыл.

— Сейчас настало время, — продолжала Нофрет. — Садись, бери

чернила и палочку и пиши, что я скажу. — И, поскольку Камени все еще медлил, нетерпеливо добавила. — То, что ты напишешь, ты видел собственными глазами и слышал собственными ушами, и Хенет тоже подтвердит все, что я скажу. Письмо следует отправить немедленно и никому про него не говорить.

— Мне не по душе... — медленно возразил Камени.

— Я не собираюсь жаловаться на Ренисенб, — метнула на него взгляд Нофрет. — Она глупое и жалкое создание, но меня она не пыталась обижать. Тебя это удовлетворяет?

Бронзовое лицо Камени запылало.

— Я об этом и не думал...

— А по-моему, думал, — тихо сказала Нофрет. — Ладно, приступай к выполнению своих обязанностей. Пиши.

— Пиши, пиши, — вмешалась Хенет. — Я очень огорчена тем, что произошло, очень. Имхотепу непременно следует об этом знать. Пусть справедливость восторжествует. Как ни трудно, но человек обязан выполнять свой долг. Я всегда так считала.

Нофрет беззвучно рассмеялась.

— Я в этом не сомневалась, Хенет. Ты неизменно выполняешь свой долг! А Камени будет делать свое дело. Я же... я буду поступать, как мне хочется...

Но Камени все еще медлил. Лицо у него было мрачное, почти злое.

— Не нравится мне это, — повторил он. — Нофрет, лучше бы тебе не спешить и сначала подумать.

— Ты смеешь говорить это мне?

Ее тон задел самолюбие Камени. Он отвел взгляд, лицо его окаменело.

— Берегись, Камени, — тихо произнесла Нофрет. — Имхотеп полностью в моей власти. Он слушается меня и... пока тобой доволен... — Она многозначительно умолкла.

— Ты мне угрожаешь, Нофрет? — спросил Камени.

— Возможно.

Мгновение он со злостью смотрел на нее, затем склонил голову.

— Я сделаю, что ты скажешь, Нофрет, но думаю, тебе придется об этом пожалеть.

— Ты угрожаешь мне, Камени?

— Я предупреждаю тебя...

Глава VIII

Второй месяц Зимы, 10-й день

I

День шел за днем, и Ренисенб порой казалось, что она живет как во сне.

Дальнейших робких попыток подружиться с Нофрет она не предпринимала. Теперь она ее боялась. В Нофрет было что-то такое, чего Ренисенб не могла понять.

С того дня, когда произошла ссора во дворе, Нофрет изменилась. В ней появилась какая-то странная удовлетворенность, ликование, которые были непостижимы для Ренисенб. Иногда ей думалось, что смешно и глупо считать Нофрет глубоко несчастной. Нофрет, казалось, была довольна собой и всем, что ее окружало.

А в действительности все вокруг Нофрет изменилось, и определенно не в ее пользу. В первые дни после отъезда Имхотепа Нофрет намеренно, по мнению Ренисенб, сеяла вражду между членами их семьи и преуспела в этом.

Теперь же все в доме объединилось против пришельцы. Прекратились ссоры между Сатипи и Кайт. Сатипи перестала ругать вконец растерявшегося Яхмоса. Себек стих и хвастался куда меньше. Ипи стал вести себя более уважительно к старшим братьям. В семье, казалось, воцарилось полное согласие, но оно не принесло Ренисенб душевного спокойствия, ибо породило стойкую скрытую неприязнь к Нофрет.

Обе женщины, Сатипи и Кайт, больше с ней не ссорились — они ее избегали. Не затевали с Нофрет разговоров и, как только она появлялась во дворе, тотчас подхватывали детей и куда-нибудь удалялись. И в то же время в доме стали случаться мелкие, но странные происшествия. Одно льняное одеяние Нофрет оказалось прожжено чересчур горячим утюгом, а другое запачкано краской. За ее одежды почему-то цеплялись колючки, а возле кровати нашли скорпиона. Еда, которую ей подавали, была то чересчур переперчена, то в нее вовсе забывали положить специи. А однажды в испеченном для нее хлебе оказалась дохлая мышь.

Это было тихое, мелочное, но безжалостное преследование — ничего

очевидного, ничего такого, к чему можно было бы придраться, — одним словом, типичная женская месть.

Затем, в один прекрасный день, старая Иза призвала к себе Сатипи, Кайт и Ренисенб. За креслом Изы уже стояла Хенет, качая головой и заламывая руки.

— Чем, мои умные внучки, — спросила Иза, вглядываясь в женщин с присущим ей ироническим выражением на лице, — объяснить, что одежды Нофрет, как я слышала, испорчены, а ее еду нельзя взять в рот?

Сатипи и Кайт улыбнулись. Улыбка их отнюдь не грела душу.

— Разве Нофрет тебе жаловалась? — спросила Сатипи.

— Нет, — ответила Иза и сдвинула набок накладные волосы, которые она носила даже дома. — Нет, Нофрет не жаловалась. Вот это-то меня и беспокоит.

— А меня нет, — вскинула свою красивую голову Сатипи.

— Потому что ты дура, — заметила Иза. — У Нофрет вдвое больше ума, чем у каждой из вас...

— Посмотрим, — усмехнулась Сатипи. Она, по-видимому, пребывала в хорошем настроении и была довольна собой.

— Зачем вы все это делаете? — спросила Иза.

Лицо Сатипи отвердело.

— Ты старый человек, Иза. Не хотелось бы говорить с тобой непочтительно, но то, чему ты уже не придаешь значения, остается важным для нас, ибо у нас есть мужья и малые дети. Мы решили взять дело в свои руки и наказать женщину, которая пришлась нам не ко двору и не по душе.

— Отличные слова, — сказала Иза. — Отличные. — Она хихикнула. — Только не все годится, что говорится.

— Вот это верно и умно, — вздохнула Хенет из-за кресла.

Иза повернулась к ней.

— Хенет, что говорит Нофрет по поводу происходящего? Ты ведь знаешь. Все время крутишься при ней.

— Так приказал Имхотеп. Мне это противно, но я обязана выполнять волю господина. Не думаешь же ты, я надеюсь...

— Мы все это знаем, Хенет, — прервала ее нить Иза. — Что ты всем нам преданна и что тебя мало благодарят. Я спрашиваю, что говорит по этому поводу Нофрет?

— Она ничего не говорит, — покачала головой Хенет. — Только улыбается.

— Вот именно. — Иза взяла с блюда, что стояло у ее локтя, ююбу, внимательно осмотрела и только потом положила себе в рот. А затем вдруг

резко и зло сказала. — Вы дуры, все трое. Власть на стороне Нофрет, а не на вашей. Все, что вы делаете, ей только на пользу. Могу поклясться, что ваши проделки даже доставляют ей удовольствие.

— Еще чего, — возразила Сатипи. — Нофрет одна, а нас много. Какая у нее власть?

— Власть молодой красивой женщины над стареющим мужчиной. Я знаю, о чем говорю. — И, повернув голову, Иза добавила. — И Хенет понимает, о чем я говорю.

Верная себе Хенет принялась вздыхать и заламывать руки.

— Господин только о ней и думает. Это естественно, вполне естественно в его возрасте.

— Иди на кухню, — приказала Иза. — И принеси мне фиников и сирийского вина. Да еще меду.

Когда Хенет вышла, старуха сказала:

— Я чувствую, что замышляется что-то дурное, чую по запаху. И всем этим заправляешь ты, Сатипи. Так будь же благоразумна, коли считаешь себя умной. Не лей воду на чужую мельницу!

И, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

— Я вас предупредила — теперь уходите.

— Власть на стороне Нофрет, еще чего! — тряхнула головой Сатипи, когда они очутились возле водоема. — Иза уже такая старая, что в голову ей приходят совсем несуразные мысли. Власть на нашей стороне, а не у Нофрет. Не будем делать ничего такого, что дало бы ей возможность жаловаться на нас с доказательствами в руках, и тогда скоро, очень скоро она пожалеет, что вообще приехала сюда.

— Какая ты жестокая! — воскликнула Ренисенб.

Сатипи язвительно проговорила:

— Не притворяйся, будто любишь Нофрет, Ренисенб.

— А я и не притворяюсь. Но в тебе столько злости!

— Я забочусь о моих детях и о Яхмосе. Я не из тех, кто терпит оскорбления. У меня есть чувство собственного достоинства. И я с удовольствием бы свернула этой женщине шею. К сожалению, это нелегко сделать. Можно навлечь на себя гнев Имхотепа. Но, по-моему, кое-что придумать можно.

II

Копьем, вонзившимся в рыбу, влетело в дом письмо.

Ошеломленные, в полном молчании, Яхмос, Себек и Ипи слушали, что читал им Хори, разворачивая свиток папируса.

— *«Разве я не говорил Яхмосу, что возлагаю на него вину за всякую обиду, чинимую моей наложнице? Отныне, покуда ты жив, мы друг другу враги. Я буду стоять против тебя, а ты — против меня. Отныне тебе не место в моем доме, ибо ты не выказал должного почтения моей наложнице. Ты мне больше не сын, не плоть моя. Равно как Себек и Ипи не сыновья мне, не плоть моя. Каждый из вас сотворил зло моей наложнице, чему свидетели Камени и Хенет. Я изгоню вас из дому всех, с детьми и женами! Я был вам кормильцем и защитой, отныне не стану кормить и защищать!»*

Хори помолчал, а затем продолжал:

— *«Имхотеп, жрец души умершего, обращается к Хори. О ты, кто верно служит мне, пребываешь ли ты во здравии и благополучии? Передай мои благопожелания моей матери Изе и дочери Ренисенб, передай слова приветствия Хенет. Правь моим хозяйством, пока я не вернусь домой, и тем временем составь грамоту, согласно которой наложница Нофрет отныне, как жена моя, обретает право владеть вместе со мной всем, что я имею. Ни Яхмоса, ни Себека я не возьму в совладельцы и не буду им больше опорой, ибо обвиняю их в том, что они причинили зло моей наложнице! Содержи все в сохранности, пока я не вернусь. Как горько, когда сыновья хозяина дома дурно относятся к его наложнице! Что же до Ипи, то предупреди его, что, если он причинит хоть малейший вред моей наложнице, он тоже покинет мой дом».*

Молчание всех словно парализовало. Затем в порыве ярости с места сорвался Себек.

— В чем дела? Что стало известно отцу? Кто это ему насплетничал? Мы этого не потерпим! Отец не имеет права лишать нас наследства и отдавать все свои владения наложнице!

— По закону он волен распоряжаться своим имуществом как ему заблагорассудится, — мягко объяснил Хори, — хотя, конечно, пойдут разные разговоры и его будут обвинять в несправедливости.

— Она околдовала его! Эта вечно улыбающаяся змея заморозила отца! — кричал Себек.

— Невероятно... Не могу поверить, — бормотал вконец потрясенный Яхмос.

— Отец сошел с ума! — выкрикнул Ипи. — Эта женщина настроила его даже против меня!

— Имхотеп, по его словам, скоро вернется, — спокойно сказал

Хори. — К тому времени его гнев, возможно, остынет; не думаю, что он поступит так, как пишет.

В ответ раздался короткий и неприязненный смех. В дверях, ведущих на женскую половину, стояла Сатипи и, глядя на них, смеялась.

— Значит, нам остается только ждать и надеяться, о мудрый наш Хори?

— А что еще? — растерянно произнес Яхмос.

— Что еще? — возвысила голос Сатипи. И выкрикнула: — Что течет в ваших жилах? Кровь или молоко? Яхмос, насколько мне известно, не мужчина. Но ты, Себек, ты тоже не знаешь средства избавиться от этой нечисти? Нож в сердце, и эта женщина навсегда перестанет причинять нам зло.

— Сатипи, — вскричал Яхмос, — отец нам этого никогда не простит!

— Это ты так считаешь. А я считаю, что мертвая наложница совсем не то, что живая. Как только она умрет, он снова обратится всем сердцем к своим сыновьям и внукам. И, кроме того, откуда он узнает, что было причиной ее смерти? Можем сказать, что ее ужалил скорпион. Мы ведь все заодно, не так ли?

— Отец узнает. Хенет ему скажет, — возразил Яхмос.

Сатипи истерически захохотала.

— Благоразумный Яхмос! Тихий и осторожный Яхмос! Это тебе следовало бы приглядывать за детьми и выполнять прочие женские обязанности в доме. Помогите мне, о Себек! Я замужем за человеком, в котором нет ничего мужского. А ты, Себек, ты ведь всем рассказываешь, какой ты храбрый и решительный! Клянусь богом Ра, во мне больше мужества, чем в любом из вас.

Она повернулась и скрылась внутри дома.

Кайт, которая стояла за ее спиной, сделала шаг вперед.

— Сатипи верно говорит, — глухим дрожащим голосом сказала она. — Она рассуждает, как настоящий мужчина, а вы, Яхмос, Себек и Ипи, только сидите сложа руки. Что будет с нашими детьми, Себек? Их вышвырнут на улицу умирать с голоду. Обещаю вам, если вы ничего не предпримете, тогда за дело возьмусь я. Вы не мужчины.

И, повернувшись, тоже скрылась в женской половине дома. Себек вскочил на ноги.

— Клянусь Девяткой богов Эннеады^[117], Кайт права. Это дело мужчин, а мы только болтаем и в растерянности пожимаем плечами.

И он решительно направился к выходу.

— Себек! Куда ты, Себек? — вдогонку ему крикнул Хори. — Что ты

собираешься делать?

Прекрасный в своей ярости, Себек отозвался:

— Не знаю, но что-нибудь придумаю. А уж то, что надумаю, сделаю с удовольствием.

Глава IX

Второй месяц Зимы, 10-й день

I

Ренисенб выскочила из дому на галерею и остановилась на мгновение, прикрыв глаза от слепящих лучей солнца.

Ее мутило и трясло от какого-то непонятного страха. Она твердила про себя одни и те же слова: «Я должна предупредить Нофрет... Я должна предупредить ее...»

За ее спиной еще слышались мужские голоса: Хори и Яхмос убеждали в чем-то друг друга, их слова были почти неразличимы, зато звенел по-мальчишески высокий голос Ипи:

— Сатипи и Кайт правы: у нас в семье нет мужчин! Но я мужчина. Если не возрастом, то сердцем. Нофрет смеется и глумится надо мной, она обращается со мной, как с ребенком. Я докажу ей, что давно уже не ребенок. Мне нечего опасаться отцовского гнева. Я знаю отца. Он околдован, эта женщина заморозила его. Если ее не будет, его сердце снова обратится ко мне, да, ко мне! Я его любимый сын. Вы все смотрите на меня, как на ребенка, но я докажу вам, чего стою. Увидите!

Выбежав из дому, он столкнулся с Ренисенб и чуть не сбил ее с ног. Она схватила его за рукав.

— Ипи! Ипи, куда ты?

— К Нофрет. Она узнает, каково смеяться надо мной!

— Подожди! Успокойся. Нельзя действовать необдуманно.

— Необдуманно? — Ипи презрительно расхохотался. — Ты похожа на Яхмоса. Благоразумие! Осторожность! Ничего нельзя делать, не подумав! Яхмос — древняя старуха, а не мужчина. Да и Себек — только на словах молодец. Пусти меня, Ренисенб!

И выдернул у нее из рук свой рукав.

— Где Нофрет?

Хенет, только что появившаяся в дверях дома, промурлыкала:

— Дурное дело вы затеяли, дурное. Что станется со всеми нами? Что скажет моя любимая госпожа?

— Где Нофрет, Хенет?

— Не говори ему, — выкрикнула Ренисенб.

Но Хенет уже отвечала:

— Она пошла задним двором. Туда, на поля, где растет лен.

Ипи бросился обратно в дом.

— Зачем ты ему сказала, Хенет? — укорила ее Ренисенб.

— Ты не доверяешь старой Хенет. Ты всегда отказывала мне в доверии. — Обида явственно зазвучала в ее ноющем голосе. — А бедная старая Хенет знает, что делает. Надо, чтобы мальчишка остыл. Ему не найти Нофрет возле тех полей. — Она усмехнулась. — Нофрет здесь, в беседе... с Камени. — И она кивнула в сторону водоема, повторив с явным удовольствием. — С Камени...

Но Ренисенб уже шла через двор.

От водоема навстречу матери бежала Тети. Она тянула за веревочку своего деревянного льва. Ренисенб схватила ее на руки и, когда прижала к себе, поняла, какая сила движет поступками Сатипи и Кайт. Эти женщины защищали своих детей.

— Мне больно,пусти меня, — закапризничала Тети.

Ренисенб опустила девочку на землю. И медленно двинулась в сторону беседки. У дальней стены ее стояли Нофрет и Камени. Когда Ренисенб приблизилась, они повернулись к ней.

— Нофрет, я пришла предостеречь тебя, — быстро проговорила Ренисенб. — Будь осмотрительна. Береги себя.

По лицу Нофрет скользнула презрительная улыбка.

— Собаки, значит, завыли?

— Они очень рассердились и могут причинить тебе зло.

Нофрет покачала головой.

— Никто из них не способен причинить мне зла, — с уверенностью изрекла она. — А если попытаются, я тотчас же сообщу Имхотепу, и он найдет способ, как их наказать. Это они и сами поймут, если как следует призадумаются. — Она рассмеялась. — Как глупо они себя вели, оскорбляя и обижая меня разными пустяками! Ведь они только играли мне на руку!

— Значит, ты все это предусмотрела? — спросила Ренисенб. — А я-то жалела тебя — мне казалось, что мы поступаем плохо. Больше мне тебя не жаль... По-моему, ты дурная женщина. Когда в судный час тебе придется каяться в грехах перед сорока двумя богами — Владыками справедливости^[118], ты не сможешь сказать: «Я не творила дурного», как не сможешь сказать: «Я не вожделем чужого богатства». И когда твое сердце положат на чашу весов, она перетянет другую чашу — кусочек правды, чаша с сердцем резко пойдет вниз.

— Ты что-то вдруг стала чересчур благочестивой, Ренисенб, — угрюмо отозвалась Нофрет. — А ведь я на тебя не жаловалась. Про тебя я ничего не писала. Спроси у Камени, он подтвердит.

И она, пройдя через двор, поднялась по ступенькам вверх на галерею. Навстречу ей вышла Хенет, и они обе исчезли в доме.

Ренисенб повернулась к Камени.

— Значит, это ты, Камени, помогал ей против нас?

— Ты очень сердишься на меня, Ренисенб? — с отчаянием в голосе спросил Камени. — Но что мне оставалось делать? Перед отъездом Имхотеп поручил мне по первому же требованию Нофрет написать ему все, что она прикажет. Скажи, что ты не сердишься, Ренисенб. Что я мог сделать?

— У меня нет права сердиться на тебя, — ответила Ренисенб. — Я понимаю, ты был обязан выполнить волю моего отца.

— Я не хотел писать, говорил, что мне это не по душе... И между прочим, Ренисенб, клянусь, в письме не было ни слова против тебя.

— Мне это безразлично.

— А мне нет. Невзирая ни на какие приказы Нофрет, я бы никогда не написал ничего такого, что могло бы быть тебе во вред. Прошу тебя, Ренисенб, верь мне.

Ренисенб с сомнением покачала головой. Попытки Камени оправдаться звучали для нее неубедительно. Она чувствовала себя оскорбленной и сердилась на Камени: ей казалось, что он в какой-то степени предал ее. Хотя что с него спросить? Ведь он ей чужой, хоть и родственник по крови, но чужой человек, приехавший к ее отцу из далеких краев. Он был всего лишь младшим писцом, получившим распоряжение от своего господина и безропотно выполнившим его.

— Я писал только правду, — настаивал Камени. — В письме не было ни слова лжи, клянусь тебе.

— Конечно, — согласилась Ренисенб, — лжи там и быть не могло. Нофрет слишком умна для этого.

Значит, старая Иза оказалась права. Эти мелкие гадости, которым так радовались Сатипи и Кайт, лишь сослужили службу Нофрет. Нечего удивляться, что с ее лица не сходила злорадная ухмылка.

— Она плохая, — сказала Ренисенб, отвечая своим мыслям. — Очень плохая.

— Да, — согласился и Камени, — она дурная женщина.

Ренисенб повернулась и с любопытством посмотрела на него.

— Ты знал ее и до приезда сюда, верно? Ты был знаком с ней там, в

Мемфисе?

Камени смутился.

— Я знал ее совсем немного... Но слышал про нее. Говорили, что она гордая, заносчивая и безжалостная, из тех, кто не умеет прощать.

Ренисенб вдруг сердито вскинула голову.

— Я не верю тому, что написал отец, — заявила она. — Он не выполнит своих угроз. Сейчас он сердится, но по натуре он человек справедливый, и, когда вернется домой, он нас простит.

— Когда он вернется, — сказал Камени, — Нофрет постарается сделать так, чтобы он не изменил своего решения. Она умна и своего добьется, к тому же, не забудь, она очень красивая.

— Да, — согласилась Ренисенб, — она красивая. — И пошла в сторону дома. Почему-то слова Камени о том, что Нофрет очень красивая, показались ей обидными...

II

Всю вторую половину дня Ренисенб провела с детьми. Пока она с ними играла, неясное чувство боли, сжимавшей ее сердце, исчезло. Уже почти село солнце, когда она поднялась на ноги, пригладила волосы и расправила складки на мятой и перепачканной одежде. Интересно, почему это ни Сатипи, ни Кайт ни разу не вышли во двор?

Камени давно ушел. Ренисенб направилась к дому. В главном зале никого не было, и она прошла вглубь, на женскую половину. В своих покоях дремала Иза, а ее маленькая рабыня ставила метки на куски полотна. В кухне пекли трехугольные караваи хлеба. Дом словно опустел.

Ренисенб вдруг стало одиноко. Куда все подевались?

Хори, наверное, поднялся к себе наверх. Может, и Яхмос с ним, или он пошел на поля? Себек и Ипи, скорее всего, при стаде или приглядывают за тем, как засыпают в закрома зерно. Но где Сатипи с Кайт, и где, да, где Нофрет?

В просторных покоях, которые облюбовала для себя Нофрет, терпко пахло ее притираниями. Ренисенб остановилась в дверном проеме и обвела взглядом деревянный подголовник кровати, шкатулку с украшениями, кучку браслетов из бусинок и кольцо с лазуритовым скарабеем. Душистые притирания, масла, одежды, белье, сандалии — все говорило о том, что их владелица Нофрет была чужой в этом доме и даже врагом.

«Где, интересно, сама Нофрет?» — подумала Ренисенб.

Она пошла к дверям, ведущим на задний двор, и столкнулась с Хенет.

— Куда все подевались, Хенет? В доме никого нет, кроме бабушки.

— Откуда мне знать, Ренисенб? Я занята работой, помогаю ткать, приглядываю за тысячью и одним делом. Мне некогда гулять.

Это означает, решила Ренисенб, что кто-то отправился на прогулку. Может, Сатипи поднялась вслед за Яхмосом к гробнице, чтобы и там досаждать ему упреками? Но где тогда Кайт? Как не похоже на Кайт так надолго оставлять своих детей!

И снова, словно подводным течением, пронеслась мысль: «А где Нофрет?»

И Хенет, будто прочитав ее мысль, тотчас откликнулась:

— Что касается Нофрет, то она уже давно пошла наверх, к Хори. — И Хенет язвительно рассмеялась. — Вот Хори ей ровня. Он тоже человек умный. — Она придвинулась к Ренисенб совсем близко. — Ты даже не представляешь себе, Ренисенб, как я переживаю из-за всей этой истории. В тот день — помнишь? — она явилась ко мне с отпечатком пощечины Кайт, и кровь текла у нее по лицу. Она позвала Камени, чтобы он писал, а меня заставила подтвердить, что я все видела собственными глазами. И разве я могла сказать, что ничего не видела? О, она очень умная. А я, вспоминая все это время твою дорогую мать...

Но Ренисенб, не дослушав ее, выбежала из дверей в золотой закат вечернего солнца. Скалы уже окутала густая тень — как прекрасен был мир в этот час!

Дойдя до тропинки, ведущей наверх, к гробнице, Ренисенб ускорила шаг. Она поднимется туда и разыщет Хори. Да, разыщет Хори. Так она всегда поступала в детстве, когда у нее ломались игрушки, когда она чего-либо не понимала или боялась. Хори был сам как скала — несгибаемый, стойкий, твердый духом.

«Все будет в порядке, как только я доберусь до Хори», — убеждала себя Ренисенб.

И снова ускорила шаг. Она почти бежала.

Потом вдруг увидела, что навстречу ей идет Сатипи. Сатипи, должно быть, тоже побывала наверху.

Как странно идет Сатипи: шатается из стороны в сторону, спотыкается, словно слепая...

Когда Сатипи увидела Ренисенб, она замерла на месте, прижав руку к груди. Ренисенб подошла к ней и была поражена, увидев ее лицо.

— Что случилось, Сатипи? Тебе плохо?

— Нет, нет.

Голос у Сатипи был хриплым, глаза бегали.

— Ты что, заболела? Или испугалась? Что произошло?

— Что могло произойти? Ничего не произошло.

— Где ты была?

— Я ходила наверх, искала Яхмоса. Его там нет. Там никого нет.

Ренисенб смотрела на нее во все глаза. Перед ней была другая Сатипи, словно она разом лишилась твердости характера и решительности.

— Пойдем, Ренисенб. Пойдем домой.

Рука ее чуть приметно дрожала, когда она схватила Ренисенб за плечо, принуждая повернуть назад, и это прикосновение вызвало у Ренисенб внезапный протест.

— Нет, я поднимусь наверх.

— Говорю тебе, там никого нет.

— Я хочу посидеть и посмотреть на реку.

— Но уже поздно. Солнце почти село.

Пальцы Сатипи впились ей в плечо. Ренисенб попыталась вырваться.

— Пусти меня, Сатипи.

— Нет. Пойдем вместе назад.

Но Ренисенб уже удалось вырваться, и она бросилась вверх по тропинке.

Там что-то есть, инстинктивно чувствовала она, что-то есть... Она ускорила шаги...

И тут она заметила — в тени от скалы что-то лежит... Она подбежала.

И ничуть не удивилась тому, что увидела. Словно именно этого ожидала.

Нофрет лежала навзничь в неестественной позе. Ее открытые глаза были безжизненны.

Наклонившись, Ренисенб дотронулась до холодной, уже застывшей щеки. Потом выпрямилась, не отводя взгляда от Нофрет. Она не слышала, как сзади подошла Сатипи.

— Наверное, она упала, — сказала Сатипи. — Шла по тропинке наверх и сорвалась...

Да, подумала Ренисенб, возможно, именно так и случилось. Нофрет сорвалась со скалы и, пока падала, несколько раз ударилась об известняковые глыбы.

— Возможно, увидела змею, — говорила Сатипи, — и испугалась. На тропинке часто можно встретить спящих на солнце змей.

Змеи. Да, змеи. Себек и змея. Змея, голова у нее разбита, она лежит на солнце. И Себек с горящими от ярости глазами...

Себек... Нофрет...

— Что случилось? — раздался голос Хори.

Ренисенб с облегчением вздохнула. К ним подошли Хори и Яхмос. Сатипи принялась с жаром объяснять, что Нофрет, по-видимому, сорвалась со скалы.

— Она, наверное, поднималась, чтобы разыскать нас, но мы с Хори ходили проверять оросительные каналы. Нас не было здесь около часа. А когда шли обратно, увидели, что вы стоите здесь, — сказал Яхмос.

— А где Себек? — спросила Ренисенб и сама удивилась тому, как хрипло звучит ее голос.

Она скорей почувствовала, чем увидела, как, услышав ее вопрос, резко повернул голову Хори. Яхмос же, видно, не очень удивился, потому что ответил:

— Себек? Во второй половине дня я его не видел. Во всяком случае, с тех пор, как он, рассердившись, убежал из дому.

Но Хори продолжал смотреть на Ренисенб. Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. И, когда увидела, что он отвел глаза и задумчиво смотрит на тело Нофрет, поняла, что знает, о чем он думает.

— Себек? — переспросил он.

— О нет, — услышала Ренисенб собственный ответ. — Нет... Нет...

— Она сорвалась с тропинки, — настойчиво повторила Сатипи. — Как раз над нами тропинка становится узкой, и поэтому особенно опасно...

«Опасно? О чем это говорил Хори? Ах да, он рассказывал ей, как еще ребенком Себек напал на Яхмоса и как ее покойная мать, растащив их, сказала: «Нельзя этого делать, Себек. Это опасно...»

Себек любит убивать. «А уж то, что надумаю, сделаю с удовольствием...»

Себек убил змею... Себек встретился с Нофрет на узкой тропинке...»

И опять она услышала собственный шепот:

— Мы не знаем... Мы не знаем...

А потом с огромным облегчением, будто с души у нее спала тяжесть, услышала, как Хори твердо и с уверенностью подтвердил предположение Сатипи:

— Да, наверное, она сорвалась со скалы...

Взгляд его снова встретился со взглядом Ренисенб. «Мы оба знаем... — подумала она. — И всегда будем знать...»

— Да, она сорвалась со скалы, — услышала Ренисенб собственный дрожащий голос.

И эхом отозвался Яхмос, словно ставя заключительную точку:

— Скорей всего, она и вправду сорвалась со скалы.

Глава X

Четвертый месяц Зимы, 6-й день

I

Имхотеп сидел перед Изой.

— Они все рассказывают одно и то же, — хмуро пожаловался он.

— Что ж, по крайней мере, хоть это удачно.

— Удачно? Что значит «удачно»? Странные у тебя выражения!

Иза издала короткий смешок.

— Я знаю, что говорю, сын мой.

— Правда ли то, что они рассказывают, — вот что я должен решить, — с важным видом заявил Имхотеп.

— Ты не богиня Маат^[119]. И не умеешь, как Анубис^[120], взвешивать сердца на весах правды.

— Несчастный ли это случай? — допытывался Имхотеп. — Я не имею права забывать, что мое письмо с угрозой выгнать их всех из дому могло возбудить у них низменные чувства.

— Да, конечно, — согласилась Иза. — Чувства у них явно были низменные. Они так кричали, что я, не выходя из своей комнаты, могла слышать каждое слово. Между прочим, ты на самом деле был намерен так поступить?

Имхотеп смущенно заерзал в кресле.

— Я пребывал в гневе, когда писал, я имел основания сердиться. Моих сыновей следовало проучить.

— Другими словами, — сказала Иза, — ты просто решил их поугатать. Так?

— Дорогая Иза, какое это имеет значение сейчас?

— Ясно, — сказала Иза. — Ты, как обычно, сам не знал, что делаешь. И не подумал о том, чем это может кончиться.

— Я хочу сказать, что сейчас все это не имеет никакого значения, — с трудом подавил раздражение Имхотеп. — Меня интересуют обстоятельства смерти Нофрет. Если мне предстоит заподозрить, что один из членов моей семьи может быть столь безответствен и невоздержан в чувствах, что намеренно совершил убийство, то я... я просто не знаю, как мне поступить.

— Вот, выходит, и удачно, — заметила Иза, — что все они рассказывают одно и то же. Никто ни на что не намекает?

— Нет.

— Тогда почему не считать происшедшее несчастным случаем. Тебе следовало взять девушку с собой в Северные Земли. Я ведь тебе тогда так и советовала.

— Значит, ты допускаешь...

— Я допускаю только то, что мне говорят, если это не противоречит тому, что я видела собственными глазами, — а нынче я вижу очень плохо, — или слышала собственными ушами. Ты, наверное, расспрашивал Хенет? Что она тебе сказала?

— Что она очень огорчена, страшно огорчена. За меня.

Иза подняла брови.

— Вот как? Ты меня удивляешь.

— У Хенет, — продолжал Имхотеп, — очень доброе сердце.

— Совершенно верно. И чересчур болтливый язык. Но если огорчение за тебя — это единственное, о чем она тебе сообщила, то происшедшее определенно можно считать несчастным случаем. Есть много других дел, которыми тебе предстоит заняться.

— Разумеется. — Имхотеп встал. Теперь он снова был преисполнен спеси и самоуверенности. — Яхмос ждет меня в зале с делами, которые требуют моего немедленного вмешательства. Кроме того, следует обсудить решения, которые были приняты без меня. Как ты всегда говоришь, горе, постигшее человека, не должно мешать главным в его жизни занятиям.

И он поспешил к дверям.

Иза иронически улыбнулась, потом ее лицо снова стало мрачным. Она покачала головой и тяжело вздохнула.

Я хмос вместе с Камени ждал отца. Хори, доложил Яхмос отцу, с самого начала неукоснительно следил за подготовкой к погребению — прежде всего за работой бальзамировщиков и изготовителей саркофага.

После получения известия о смерти Нофрет Имхотепу потребовалось несколько недель, чтобы добраться до дому, и за это время все было готово к погребению. Тело долго пролежало в крепком соляном растворе, затем, высушив его, постарались восстановить прежний внешний облик покойной, натерли труп душистыми маслами и травами, обмотали, как полагалось, полотняными пеленами и поместили в саркофаг.

Я хмос сказал, что выбрал для погребения небольшую нишу в скале, в которую потом положат и тело Имхотепа. Он подробно доложил о всех своих распоряжениях, и Имхотеп одобрил их.

— Ты отлично потрудился, Яхмос, — довольно проговорил Имхотеп. — Принял правильное решение и действовал, не теряя присутствия духа.

Яхмос обрадовался, он никак не ожидал, что отец похвалит его.

— Ипи и Монту берут за бальзамирование слишком много, — продолжал Имхотеп. — Эти каноны, например, не стоят того, что за них просят. Подобное расточительство ни к чему. Кое-какие из предъявленных ими счетов представляются мне непомерными. Вся беда в том, что услугами Ипи и Монту пользуется семья нашего правителя, а потому они считают себя вправе требовать самой высокой платы. Было бы куда лучше обратиться к менее известным мастерам.

— Поскольку ты отсутствовал, — принялся оправдываться Яхмос, — мне пришлось решать эти вопросы самому. А я полагал, что наложнице, которой ты дорожил, должны быть оказаны наивысшие почести.

Имхотеп кивнул и потрепал Яхмоса по плечу.

— Вот тут ты ошибся, сын мой, хотя и исходил из самых лучших побуждений. Я знаю, ты обычно очень осторожен в расходах, и понимаю, что в этом случае лишние затраты были допущены, только чтобы порадовать меня. Тем не менее я не так уж богат, а наложница — это... всего лишь наложница. Откажемся, пожалуй, от наиболее дорогих амулетов и... Дай-ка мне посмотреть, не найдется ли возможности сэкономить еще на чем-нибудь... Камени, читай список услуг и называй их стоимость.

Камени зашелестел папирусом.

Яхмос с облегчением вздохнул.

III

Кайт вышла из дому и присоединилась к женщинам, которые расположились вместе с детьми возле водоема.

— Ты была права, Сатипи, — сказала она, — живая наложница совсем не то, что мертвая.

Сатипи посмотрела на нее затуманенным, невидящим взглядом и промолчала.

— Что ты имеешь в виду, Кайт? — быстро откликнулась Ренисенб.

— Для живой наложницы Имхотепа ничего не было жаль: нарядов, украшений, даже земель, которые по праву должны были унаследовать его сыновья. А сейчас он только и думает о том, как бы сократить расходы на

погребение. И верно, чего зря тратиться на мертвую женщину? Да, Сатипи, ты была права.

— А что я говорила? Я что-то не помню, — пробормотала Сатипи.

— И очень хорошо, — отозвалась Кайт. — Я тоже уже не помню. И Ренисенб забыла.

Ренисенб молча смотрела на Кайт. Что-то в голосе Кайт, какая-то нота угрозы резанула ей слух. Она привыкла считать Кайт не очень умной, но приветливой и покладистой, хотя слишком незаметной. А сейчас ей показалось, что Кайт и Сатипи поменялись ролями. Обычно властная и задиристая Сатипи стала тихой, даже робкой, а тихоня Кайт вдруг принялась командовать.

Но людские характеры, рассуждала про себя Ренисенб, в один день не меняются. А может, меняются? Ничего не поймешь. На самом деле Кайт и Сатипи за последние несколько недель стали неузнаваемы или перемена в одной из них вызвала перемену в другой? Сделалась ли Кайт вдруг властной или просто кажется такой, потому что Сатипи пала духом?

Сатипи явно стала другой. Голоса ее, обычно бранившей всех подряд, не было слышно, ступала она по дому и по двору бесшумной, нетвердой походкой, так не похожей на прежнюю уверенную поступь. Ренисенб объясняла происшедшие в Сатипи перемены потрясением, вызванным смертью Нофрет, но что-то уж подозрительно долго Сатипи не могла прийти в себя. Было бы куда больше похоже на Сатипи, продолжала размышлять Ренисенб, откровенно, ни от кого не утаивая своей радости, ликовать по поводу внезапной и безвременной кончины наложницы. А она всякий раз, когда упоминается имя Нофрет, почему-то испуганно ежится. Даже Яхмос, по-видимому, избавился от ее поучений и попреков и сразу стал держаться куда более уверенно. Во всяком случае, перемены в Сатипи были, пожалуй, всем на пользу — к такому выводу пришла Ренисенб. Но что-то продолжало ее смутно тревожить...

Внезапно Ренисенб, очнувшись от своих мыслей, поняла, что Кайт, нахмурившись, смотрит на нее. Видно, Кайт что-то сказала и теперь ждет от нее ответа.

— Ренисенб тоже забыла, — повторила Кайт.

В Ренисенб невольно поднялось чувство протеста. Ни Кайт, ни Сатипи, ни кому-либо другому не дано право указывать ей, что она должна или не должна забыть. Она твердо и даже с некоторым вызовом встретила взгляд Кайт.

— Женщинам в семье, — продолжала Кайт, — следует держаться заодно.

Ренисенб обрела голос.

— Почему? — громко и дерзко спросила она.

— Потому что у них общие интересы.

Ренисенб покачала головой. Она думала: «Да, я женщина, но я еще и сама по себе. Я Ренисенб». А вслух произнесла:

— Не так все это просто.

— Ты ищешь неприятностей, Ренисенб?

— Нет. А кроме того, что ты имеешь в виду под «неприятное тями»?

— Все, что говорилось в тот день в зале, должно быть забыто.

Ренисенб рассмеялась.

— До чего же ты глупая, Кайт. Ведь это слышали слуги, рабы, бабушка — все! Зачем делать вид, что ничего не произошло?

— Мы были раздражены, — тусклым голосом произнесла Сатипи. — Но и в мыслях не держали делать того, о чем кричали. — И с лихорадочной поспешностью добавила: — Хватит говорить об этом, Кайт. Если Ренисенб ищет неприятностей, дело ее.

— Я не ищу неприятностей, — возмутилась Ренисенб. — Но притворяться глупо.

— Нет, — возразила Кайт, — это как раз умно. Не забудь, что у тебя есть Тети.

— А что может с Тети случиться?

— Теперь, когда Нофрет умерла, ничего, — улыбнулась Кайт.

Это была безоблачная, довольная, умиротворенная улыбка, и снова все в Ренисенб восстало против.

Тем не менее к словам Кайт следовало прислушаться. Теперь, когда Нофрет нет в живых, все стало на свои места. Сатипи, Кайт, ей самой, детям — всем им ничто не угрожает, в семье царит мир и согласие, за будущее можно не беспокоиться. Чужая женщина, внесшая в их дом раздор и страх, исчезла навсегда.

Тогда почему при мысли о Нофрет у нее в душе все переворачивается? Откуда это необъяснимое чувство жалости к умершей, которую она не любила? Нофрет была злой, она умерла. Почему бы не забыть про нее? Откуда этот внезапный прилив сожаления, а то и больше, чем сожаления, скорей сочувствия, сопереживания ей?

Ренисенб в недоумении замотала головой. После того как все ушли в дом, она осталась сидеть у воды, стараясь привести свои мысли в порядок.

Солнце стояло совсем низко, когда Хори, пересекая двор, увидел ее, подошел и сел рядом.

— Уже поздно, Ренисенб. Солнце заходит. Тебе пора в дом.

Его уравновешенный тон, как всегда, подействовал на нее успокаивающе. Повернувшись к нему, она спросила:

— Должны ли женщины в семье держаться заодно?

— Кто это тебе сказал, Ренисенб?

— Кайт. Они с Сатипи... — Ренисенб замолчала.

— А ты... Ты хочешь мыслить самостоятельно?

— Мыслить? Я не умею мыслить, Хори! У меня в голове все перепуталось. Я перестала понимать людей. Все оказались вовсе не такими, какими я их считала. Сатипи, по моему мнению, всегда была храброй, решительной, властной. А теперь она покорная, неуверенная, даже робкая. Какая же она на самом деле? За один день человек не может так измениться.

— За один день? Нет, не может.

— А кроткая, мирная, бессловесная Кайт вдруг принялась нас всех учить! Даже Себек, по-моему, теперь ее боится. Яхмос, и тот сделался другим — он отдает распоряжения и требует, чтобы его слушались!

— It все это сбивает тебя с толку, Ренисенб?

— Да. Потому что я не понимаю. Порой мне приходит в голову, что даже Хенет может оказаться на самом деле совсем не той, какой я привыкла ее считать.

И Ренисенб засмеялась — таким вздором ей представились ее собственные слова. Но Хори даже не улыбнулся. Его лицо было серьезно.

— Ты раньше мало задумывалась о других людях, верно, Ренисенб? Потому что, если бы задумывалась, ты бы поняла... — Он помолчал, а затем продолжал. — Ты замечала, что во всех гробницах всегда есть ложная дверь?

— Да, конечно. — Ренисенб не сводила с него глаз.

— Вот так и люди. Они создают о себе ложное представление, чтобы обмануть окружающих. Если человек сознает собственную слабость, неумелость и беспомощность, он прикрывается таким внушительным заслоном самонадеянности, хвастовства и мятой твердости, что спустя время сам начинает верить в свои силы. Считает себя, а за ним и все считают его человеком значительным и волевым. Но как за поддельной дверью гробницы, за этим заслоном, Ренисенб, ничего нет... Поэтому тогда, когда обстоятельства жизни вынуждают его, он обнаруживает свою истинную сущность. Покорность и кротость Кайт принесли ей все, чего она хотела: мужа и детей. Ей жилось легче, если все считали ее недалекой. Но когда ей стала угрожать действительная опасность, проявился ее настоящий характер. Она не изменилась, Ренисенб. Сила и жестокость

всегда были в ней.

— Но мне это не нравится, Хори, — по-детски пожаловалась Ренисенб. — Мне страшно. Все стали совсем не такими, какими я привыкла их видеть. Почему же я осталась прежней?

— Разве? — улыбнулся ей Хори. — Тогда почему ты часами сидишь здесь, нахмурив лоб, думаешь, терзаешься сомнениями? Разве прежняя Ренисенб, та, что уехала с Хеем, так поступала?

— Нет. Ей не было нужды... — Ренисенб умолкла.

— Вот видишь, ты сама ответила на свой вопрос! Нужда — вот что заставляет человека меняться. Ты перестала быть той счастливой, бездумной девочкой, которая принимала все происходящее на веру и мыслила так же, как все остальные на женской половине дома. Ты Ренисенб, которая хочет жить своим умом, которая размышляет о том, что представляют собой другие люди...

— Я все время думаю о Нофрет и удивляюсь, — медленно произнесла Ренисенб.

— Что же тебя удивляет?

— Почему я никак не могу забыть про нее... Она была плохой, жестокой, старалась обидеть нас, и она умерла. Почему я не могу на этом успокоиться?

— А ты и вправду не можешь?

— Не могу. Стараюсь, но... — Ренисенб умолкла и растерянно провела рукой по лицу. — Порой мне кажется, что я хорошо знаю Нофрет, Хори.

— Знаешь? Что ты хочешь этим сказать?

— Не могу объяснить. Но время от времени мне представляется, будто она где-то рядом, мне кажется, что я — это она, что я понимаю, какие чувства она испытывала. Она была очень несчастна, Хори, теперь я это знаю. Ей и хотелось причинить всем нам зло только потому, что она была так несчастна.

— Ты не можешь этого знать, Ренисенб.

— Знать я, конечно, не могу, но я это чувствую. Страдание, горечь, черную ненависть — все это я однажды прочла на ее лице и не поняла! Она, наверное, кого-то любила, но потом что-то произошло... Быть может, он умер... или уехал, что и сделало ее такой... Породило желание причинять другим боль, ранить. Говори, что хочешь, но Я чувствую, что все было именно так. Когда она стала наложницей старика, моего отца, и приехала сюда, а мы ее невзлюбили, она решила сделать и нас такими же несчастными, какой была сама... Да, именно так все это было!

Хори с любопытством смотрел на нее.

— Как уверенно ты рассуждаешь, Ренисенб. А ведь ты едва знала Нофрет.

— Но я чувствую, что это правда, Хори. Я ощущаю себя ею, Нофрет.

— Понятно.

Наступило молчание. Уже совсем стемнело.

— Тебе кажется, что смерть Нофрет не была несчастном случаем? — тихо спросил Хори. — По-твоему, ее сбросили со скалы?

Ренисенб всю передернуло, когда она услышала собственную мысль из уст Хори.

— Нет, нет, не говори так!

— По-моему, Ренисенб, раз эта мысль не выходит у тебя из головы, может, лучше произнести ее вслух? Ты ведь думаешь так, правда?

— Я?.. Да!

Хори помолчал.

— И ты считаешь, что это сделал Себе к? — спросил он.

— А кто же еще? Помнишь, как он расправился со змеей? И помнишь, что он сказал в тот день, в день ее смерти, перед тем, как бежал из главного зала?

— Да, я помню, что он сказал. Но не всегда поступки совершают те, у кого длиннее язык.

— Ты думаешь, что ее убили?

— Да, Ренисенб... Но это всего лишь предположение. Доказательств у меня нет. И я сомневаюсь, что доказательства найдутся. Поэтому и посоветовал Имхотепу считать ее смерть несчастным случаем. Кто-то столкнул Нофрет со скалы, но кто, нам не узнать.

— Ты хочешь сказать, что это, может быть, и не Себек?

— Возможно, и не он. Но кто, нам, как я уже сказал, скорее всего, и не узнать. Так что лучше об этом не думать.

— Но, если не Себек, кто же тогда?

Хори покачал головой.

— Хоть у меня и есть мысли на этот счет, я могу ошибаться. Поэтому не буду их высказывать...

— Но в таком случае мы никогда не узнаем?

В голосе Ренисенб звучало смятение.

— Может... — Хори помолчал. — Может, это и к лучшему.

— Не знать?

— Не знать.

Ренисенб вздрогнула.

— Но тогда, о Хори, мне страшно!

Глава XI

Первый месяц Лета, 11-й день

I

Завершились последние церемонии, были прочитаны положенные заклинания. Прежде чем навсегда замуровать вход в погребальный грот, Монту, верховный жрец храма богини Хатор, произнеся нараспев слова заговора, подмел грот пучком священной травы, дабы вымести из него следы злых духов.

Затем грот замуровали, а все, что осталось после бальзамирования: горшки с окисью натрия, притирания и длинные лоскуты холста, которыми пеленали тело усопшей, — все это поместили в нишу рядом, и ее тоже замуровали.

Имхотеп, расправив плечи, облегченно вздохнул и согнал с лица подобающее случаю выражение грусти. Все было сделано достойным образом. Нофрет погребли, соблюдая предписанные обряды, не жалея затрат (кое в чем лишних, по мнению Имхотепа).

Имхотеп поблагодарил жрецов, которые, завершив свои ритуальные обязанности, вновь превратились в обычных, наделенных земными заботами людей. Все спустились в дом, где жрецов ждало обильное угощение. Имхотеп обсудил с верховным жрецом недавние перемены в политике. Фивы превращались в могущественный город. Возможно, скоро снова произойдет объединение Египта под властью одного правителя, и тогда опять наступит золотой век, как и во времена строителей пирамид^[121].

Монту с уважением и похвалой отзывался о царе Небхепете-Ра. Отважный воин — и вместе с тем человек благочестивый. Вряд ли Северный Египет, где процветают корыстолюбие и трусость, сумеет оказать ему сопротивление. Единый Египет, вот что нам нужно. И в этом, несомненно, великое предназначение Фив...

Они прогуливались, рассуждая о будущем.

Ренисенб оглянулась на скалу, в которой навеки была замурована Нофрет.

— Вот и все, — сказала она себе и почувствовала облегчение. Она,

неизвестно почему, все время опасалась, что в последнюю минуту вдруг вспыхнет ссора и начнут искать виноватого! Но погребение Нофрет было совершено с достойным одобрения благолепием. — Все кончилось, — прошептала Ренисенб.

— Надеюсь, да, — едва слышно откликнулась Хенет.

Ренисенб повернулась к ней.

— О чем ты, Хенет?

Но Хенет отвела взгляд.

— Я только сказала, что надеюсь, все кончено. Бывает ведь и так: думаешь, все кончилось, а оказывается, это только начало. Чего ни в коем случае нельзя допустить.

— О чем ты, Хенет? — сердито повторила Ренисенб. — На что ты намекаешь?

— Я никогда ни на что не намекаю, Ренисенб. Я не могу себе этого позволить. Нофрет погребли, и все довольны. Теперь все стало на свои места.

— Мой отец интересовался тем, что ты думаешь про смерть Нофрет? — спросила Ренисенб. Голос ее звучал требовательно.

— Конечно, Ренисенб. И очень настойчиво. Он хотел, чтобы я доложила ему все, что думаю по этому поводу.

— А что ты ему сказала?

— Что это был несчастный случай. Что еще я могла сказать? Уж не думаешь ли ты, что я предположила, будто несчастную девушку мог убить кто-нибудь из членов нашей семьи? «Никто бы не осмелился, — уверяла я его, — хотя бы из великого почтения к тебе. Они могли роптать, но не более того, — сказала я. — Можешь мне верить, — сказала я, — что ничего подобного не произошло!» — усмехнулась Хенет и кивнула головой.

— И мой отец поверил тебе?

И снова Хенет с удовлетворением кивнула головой.

— Твой отец знает, как я блюду его интересы. Он всегда верит старой Хенет. Он ценит меня, чего не делают все остальные. Пусть так, моя преданность вам служит мне наградой. Я не ищу благодарности.

— Ты была преданна и Нофрет, — заметила Ренисенб.

— С чего ты это взяла, Ренисенб, не понимаю. Я обязана, как и все другие, выполнять приказания.

— Она считала, что ты ей преданна.

Хенет вновь усмехнулась.

— Нофрет не была так умна, как ей казалось. Она была чересчур гордой и решила, что ей принадлежит весь мир. Что ж, сейчас ей предстоит

держат ответ перед судом в Царстве мертвых — там ей вряд ли поможет ее хорошенькое личико. Мы, во всяком случае, от нее избавились. По крайней мере, — еле слышно добавила она, дотронувшись до одного из висящих у нее на шее амулетов, — я на это очень надеюсь.

II

— Ренисенб, я хочу поговорить с тобой о Сатипи.

— А в чем дело, Яхмос?

Ренисенб с участием смотрела на встревоженное лицо брата.

— С Сатипи что-то случилось. Я ничего не могу понять, — с трудом выдавил из себя Яхмос.

Ренисенб согласно кивнула головой, не найдя так сразу слов утешения.

— Последнее время она очень переменилась, — продолжал Яхмос. — При малейшем шорохе вздрагивает. Плохо ест. Ходит так, будто опасается собственной тени. Ты, наверное, тоже заметила это, Ренисенб?

— Да, конечно, мы все заметили.

— Я спросил ее, не больна ли она, не послать ли за лекарем, но она ответила, что не нужно, она совершенно здорова.

— Я знаю.

— Значит, ты тоже ее спрашивала? И она ничего тебе не сказала? Совсем ничего? — обеспокоенно допытывался он.

Ренисенб понимала озабоченность брата, но ничем не могла ему помочь.

— Она упорно твердит, что совершенно здорова.

— И плохо спит по ночам, — пробормотал Яхмос, — кричит во сне. Может, ее что-то мучает, о чем мы и не догадываемся?

Ренисенб покачала головой.

— По-моему, нет. Дети здоровы. В доме ничего не произошло, кроме, конечно, смерти Нофрет, но вряд ли Сатипи будет горевать по этому поводу, — сухо заключила она.

— Да, конечно, — чуть улыбнулся Яхмос. — Скорее, наоборот. Кроме того, это началось не после смерти Нофрет, а до нее.

Сказал он это не совсем уверенно, и Ренисенб быстро взглянула на него. Тогда Яхмос тихо, но настойчиво повторил:

— До смерти Нофрет. Тебе не кажется?

— Я заметила это только после ее смерти, — задумчиво ответила Ренисенб.

— И Сатипи тебе ничего не говорила? Ты твердо помнишь?

Ренисенб опять покачала головой.

— Знаешь, Яхмос, по-моему, Сатипи и вправду нездорова. Мне кажется, она чего-то боится.

— Боится? — не сумел сдержать удивления Яхмос. — А чего ей бояться? Кого? Сатипи всегда была храброй, как лев.

— Я знаю, — беспомощно призналась Ренисенб. — Мы все так считали. Но люди, как ни странно, меняются.

— Как по-твоему, может, Кайт что-нибудь известно? Не говорила ли Сатипи с ней?

— Разумеется, Сатипи скорей бы сказала ей, чем мне, но, по-моему, такого разговора между ними не было. Нет, не было, я уверена.

— А что думает Кайт?

— Кайт? Кайт никогда ни о чем не думает.

Зато Кайт, вспомнила Ренисенб, воспользовавшись необычной кротостью Сатипи, забрала себе и своим детям лучшие из вновь вытканых полотнищ льна, на что никогда бы не решилась, будь Сатипи в себе. Стены дома рухнули бы от ее крика! То, что Сатипи безропотно стерпела это, по правде говоря, просто потрясло Ренисенб.

— Ты говорил с Изой? — спросила Ренисенб. — Наша бабушка очень хорошо разбирается в женщинах и в их настроении.

— Иза посоветовала мне вознести хвалу богам за эту перемену, только и всего, — с досадой ответил Яхмос. — Можешь не надеяться, сказала она, что Сатипи долго будет пребывать в таком благодушном настроении.

— А Хенет ты спрашивал? — решилась наконец подать ему эту мысль Ренисенб.

— Хенет? — нахмурился Яхмос. — Нет. Я не рискнул бы говорить с Хенет о таких вещах. Она и так многое себе позволяет. Отец чересчур к ней снисходителен.

— Я знаю. Она ужасно всем надоела. Тем не менее... — не сразу нашлась Ренисенб, — Хенет обычно все обо всех знает.

— Может, ты спросишь у нее, Ренисенб? — задумался Яхмос. — А потом передашь мне ее ответ?

— Пожалуйста.

Улучив минуту, когда они с Хенет оказались наедине, направляясь к навесу, под которым женщины ткали полотно, Ренисенб попробовала поговорить с ней о Сатипи. И была крайне удивлена, заметив, что этот вопрос встревожил Хенет. От ее обычного желания посплетничать и следа не осталось.

Она дотронулась до висящего у нее на шее амулета и оглянулась.

— Меня это не касается... Мне некогда замечать, кто и как себя ведет. Это не мое дело. Я не хочу быть причастной к чужой беде.

— К беде? К какой беде?

Хенет бросила на нее быстрый взгляд.

— Надеюсь, ни к какой. Нас это, во всяком случае, не касается. Нам с тобой, Ренисенб, не в чем себя упрекнуть. Это-то меня и утешает.

— Ты хочешь сказать, что Сатипи... О чем ты говоришь?

— Ни о чем. И, пожалуйста, Ренисенб, не пытайся у меня что-то выведать. Я в этом доме почти на положении служанки, и мне не пристало высказывать свое мнение о том, к чему я не имею никакого отношения. Если хочешь знать, то я считаю, что перемена эта нам на благо и, если все так и останется, значит, нам везет. А теперь, Ренисенб, мне некогда, я должна присмотреть, чтобы на полотне была поставлена правильная метка. Эти беспечные служанки только болтают и смеются, вместо того чтобы работать как следует.

И она стремглав бросилась под навес, а Ренисенб медленно двинулась обратно к дому. Она незамеченной вошла в покои Сатипи, и та с воплем вскочила с места, когда Ренисенб тронула ее за плечо.

— О, как ты меня напугала! Я думала...

— Сатипи, — обратилась к ней Ренисенб, — что случилось? Может, ты скажешь мне? Яхмос беспокоится о тебе и...

Сатипи прижала пальцы к губам. А потом, заикаясь и испуганно расширив глаза, прошептала:

— Яхмос? А что... Что он сказал?

— Он обеспокоен. Ты кричишь во сне...

— Ренисенб! — схватила ее за руку Сатипи. — Я кричала... Что я кричала?

Ее глаза, казалось, от страха вот-вот вылезут из орбит.

— Яхмос считает... Что он тебе сказал?

— Мы оба считаем, что ты либо нездорова, либо чем-то расстроена.

— Расстроена? — еле слышно повторила Сатипи с какой-то странной интонацией.

— Ты в самом деле чем-то расстроена, Сатипи?

— Может быть... Не знаю. Дело не в этом.

— Я знаю. Ты чего-то боишься, верно?

Взгляд Сатипи стал холодно-неприятным.

— К чему ты это говоришь? Почему я должна чего-то бояться? Что может меня пугать?

— Не знаю, — ответила Ренисенб. — Но ведь это так, правда?

Сделав над собой усилие, Сатипи обрела прежнюю заносчивость.

— Я никого и ничего не боюсь! — вскинув голову, заявила она. — Как ты смеешь строить такие предположения, Ренисенб! И я не потерплю, чтобы вы с Яхмосом вели обо мне разговоры. Яхмос и я, мы хорошо понимаем друг друга. — Она помолчала, а потом резко заключила. — Нофрет умерла — и тем лучше, — вот что я тебе скажу. Можешь передать это всем, кто спрашивает, что я думаю по этому поводу!

— Нофрет? — удивленно переспросила Ренисенб.

Сатипи пришла в ярость — такой она часто была прежде.

— Нофрет, Нофрет, Нофрет! Меня тошнит от этого имени! Слава богам, больше не придется слышать его в нашем доме!

Ее голос поднялся до самых высоких нот, как бывало раньше, но, как только в комнате появился Яхмос, она сразу сникла.

— Замолчи, Сатипи, — сурово приказал он. — Если тебя услышит отец, опять будут неприятности. Почему ты так глупо ведешь себя?

Еще больше, чем суровый и недовольный тон Яхмоса, удивило Ренисенб поведение Сатипи.

— Прости меня, Яхмос... — кротко пролепетала она. — Я не подумала...

— Впредь будь более осмотрительной! Вы с Кайт и так достаточно натворили глупостей. Чувства меры нет у вас, женщин!

— Прости... — снова пролепетала Сатипи.

Решительным шагом, словно удачная попытка хоть раз в жизни утвердить свою власть пошла ему на пользу, Яхмос вышел из покоев.

Ренисенб решила побывать у старой Изы. Может, бабушка, подумалось ей, посоветует что-нибудь разумное.

Однако Иза, которая со вкусом расправлялась с огромной кистью винограда, отнеслась к этому вопросу крайне несерьезно.

— Сатипи? К чему вся эта шумиха вокруг Сатипи? Вам что, так нравилось, когда она вас поносила и всеми помыкала в доме, что вы враз растерялись, как только она стала вести себя примерно? — И, выплюнув виноградные косточки, добавила. — Во всяком случае, долго это не протянется, если, конечно, Яхмос не примет мер.

— Яхмос?

— Да. Надеюсь, Яхмос наконец пришел в себя и как следует поколотил Сатипи. Ей это и требовалось — она из тех женщин, которым по душе хорошая трепка. Яхмос, кроткий и не помнящий зла, должно быть, был для нее немалым испытанием.

— У Яхмоса золотое сердце, — возмутилась Ренисенб. — Он добрый и нежный, как женщина, если женщины вообще способны быть нежными, — словно сомневаясь, добавила она.

— Хоть и несколько запоздалая, но верная мысль, внучка, — усмехнулась Иза. — Нет, никакой нежности в женщинах нет, а если есть, то помоги им, Исида! И очень немногие женщины хотели бы иметь доброго и нежного мужа. Им скорее нужен красивый и буйный грубиян, вроде Себека. Такой им больше по душе. Или смысленый молодой человек, вроде Камени, а, Ренисенб? Такой не даст собой командовать. И любовные песни он недурно распевает, а? Хи-хи-хи.

Щеки у Ренисенб зарделись.

— Не понимаю, о чем ты, — с достоинством заявила она.

— Вы думаете, старая Иза ни о чем не догадывается. Догадываюсь! — Она подслеповато всматривалась в Ренисенб. — Догадываюсь раньше тебя, дитя мое. Не сердись. Так устроена жизнь, Ренисенб. Хей был тебе славным братом, но он уплыл в своей лодке к тем, кому приносят жертвы. Сестра найдет себе нового брата, который будет пронзать рыбу копьем в нашей реке Ниле, — не берусь утверждать, что Камени для этого очень подходит. Его больше привлекают тростниковая палочка и свиток папируса, хотя он и хорош собой и умеет петь любовные песни. Но при всех его достоинствах я не думаю, что он тебе пара. Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он явился из Северных Земель. Имхотепа он по душе, но это ничего не значит, ибо я всегда считала Имхотепа дураком. Лестью его можно в два счета обвести вокруг пальца. Посмотри на Хенет!

— Ты неправа, — возмутилась Ренисенб.

— Ладно, пусть неправа. Твой отец не дурак.

— Я не про это. Я хотела сказать...

— Я знаю, что ты хотела сказать, дитя мое, — усмехнулась Иза. — Ты просто шуток не понимаешь. Ты даже представить себе не можешь, до чего приятно, давно покончив со всей этой любовью и ненавистью между братьями и сестрами, есть отлично приготовленную жирную перепелку или куропатку, пирог с медом отменного вкуса, блюдо из порея с сельдереем, запивая все это сирийским вином, и не иметь ни единой на свете заботы. Смотреть, как люди приходят в смятение, испытывают сердечную боль, и знать, что тебя это больше не касается. Видеть, как мой сын совершает одну глупость за другой из-за молоденькой красотки и как она восстанавливает против себя всю его семью, и хохотать до упаду. Должна тебе признаться, мне эта девушка была в некотором роде по душе. В ней, конечно, сидел сам дьявол: как она умела нащупать у каждого его больное

место! Себек превратился в пузырь, из которого выпустили воздух, Ипи напомнили, что он еще ребенок, а Яхмос устыдился того, что он под каблуком у жены. Она заставила их увидеть себя со стороны, как видят свое отражение в воде. Но почему она ненавидела тебя, Ренисенб? Ответь мне.

— Разве она меня ненавидела? — удивилась Ренисенб. — Я как-то даже предложила ей дружить.

— И она отказалась? Правильно. Она тебя ненавидела, Ренисенб. — Иза помолчала, а потом вдруг спросила. — Может, из-за Камени?

Ренисенб покраснела.

— Из-за Камени? Я не понимаю, о чем ты.

— Она и Камени оба приехали из Северных Земель, — задумчиво сказала Иза, — но Камени смотрел на тебя, когда ты шла по двору.

— Мне пора к Тети, — вдруг вспомнила Ренисенб.

Вслед ей долго слышался довольный смех Изы. Щеки у Ренисенб горели, пока она бежала через двор к водоему. С галереи ее окликнул Камени:

— Ренисенб, я сочинил новую песню. Иди сюда, послушай.

Но она только покачала головой и побежала дальше. Сердце ее стучало сердито. Камени и Нофрет. Нофрет и Камени. Зачем старая Иза с ее пристрастием зло подшутить подала ей эту мысль? А собственно говоря, ей-то, Ренисенб, что до этого?

И вправду, не все ли равно? Камени ей безразличен, решительно безразличен. Навязчивый молодой человек с улыбочивым лицом и широкими плечами, напоминающий ей Хея.

Хей... Хей...

Она настойчиво повторяла его имя, но впервые его образ не предстал перед нею. Хей был в другом мире. У тех, кому приносят жертвы...

А с галереи доносилось тихое пение Камени:

В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!

III

— Ренисенб!

Хори пришлось дважды окликнуть ее, прежде чем она оторвалась от

созерцания Нила.

— Ты о чем-то задумалась, Ренисенб? О чем ты размышляла?

— Я вспоминала Хея, — с вызовом ответила Ренисенб.

Хори смотрел на нее несколько мгновений, потом улыбнулся.

— Понятно, — отозвался он.

А Ренисенб смущенно призналась себе, что он в самом деле понял, о чем она думала.

— Что происходит с человеком после смерти? — поспешно спросила она. — Кто-нибудь знает? Все эти тексты, что написаны на саркофагах, так непонятны, что кажутся бессмысленными. Нам известно, что Осириса убили, что его тело было вновь собрано из кусков, что он носит белую корону и что благодаря ему мы не умираем по-настоящему, но иногда, Хори, все это представляется выдумкой и так запутано...

Хори понимающе кивнул.

— А мне хочется знать, что на самом деле происходит с нами после смерти.

— Я не могу ответить на твой вопрос, Ренисенб. Спроси у жрецов.

— Они ответят так, как отвечают всегда. А я хочу знать.

— Узнать можно только тогда, когда мы сами умрем, — мягко сказал Хори.

Ренисенб задрожала.

— Не надо так говорить! Замолчи!

— Ты чем-то взволнована, Ренисенб?

— Да, меня расстроила Иза. — Помолчав, она спросила. — Скажи мне, Хори, Камени и Нофрет знали друг друга до... до приезда сюда?

На миг Хори приостановился, а потом, продолжив путь к дому, сказал:

— Значит, вот в чем дело...

— Почему ты говоришь: «Значит, вот в чем дело»? Я ведь только задала тебе вопрос...

— ...на который я не могу тебе ответить. Нофрет и Камени знали друг друга, но хорошо ли, я понятия не имею.

И тихо добавил:

— А это имеет значение?

— Нет, — ответила Ренисенб. — Это не имеет никакого значения.

— Нофрет умерла.

— Умерла, ее набальзамировали, и погребальный грот замуровали.

Вот и все.

— А Камени вроде и не горюет... — спокойно договорил Хори.

— Верно, — согласилась Ренисенб, удивляясь, что сама этого не

заметила. И вдруг повернулась к Хори. — О Хори, как ты умеешь утешить!

— Я ведь чинил игрушки маленькой Ренисенб. А теперь у нее другие забавы.

Они уже подошли к дому, но Ренисенб решила сделать еще один круг.

— Не хочется мне входить в дом. По-моему, я их всех ненавижу. Не по-настоящему, конечно. Просто я очень зла на них — они ведут себя так странно. Не подняться ли нам к тебе наверх? Там так хорошо, будто паришь над миром.

— Очень меткое наблюдение, Ренисенб. Именно такое ощущение появляется и у меня. Дом, поля — все это не заслуживает внимания. Надо смотреть дальше, на реку, а за ней — видеть весь Египет. Очень скоро он снова станет единым, великим и могущественным, как в былые годы.

— Это так важно? — пробормотала Ренисенб.

— Для маленькой Ренисенб — нет. Ей нужен только ее лев, — улыбнулся Хори.

— Ты смеешься надо мной, Хори. Значит, это действительно важно?

— Важно ли? Для меня? Почему? В конце концов, я всего лишь управляющий у хранителя гробницы. Какое мне дело до того, велик Египет или нет? — сам себя спрашивал Хори.

— Посмотри, — показала Ренисенб на скалу, которая была как раз над ними. — Яхмос и Сатипи ходили наверх. И теперь спускаются.

— Да, — сказал Хори, — там нужно было кое-что убрать. Бальзамиривщики оставили несколько штук полотна. Яхмос сказал, что возьмет с собой Сатипи, посоветоваться, на что их использовать.

Они остановились и смотрели на спускавшихся по тропинке Яхмоса и Сатипи.

И вдруг Ренисенб пришло в голову, что они как раз приближаются к тому месту, с которого сорвалась Нофрет.

Сатипи шла впереди; за ней на расстоянии нескольких шагов — Яхмос.

Внезапно Сатипи повернула голову, по-видимому, желая что-то сказать Яхмосу. Наверное, подумала Ренисенб, говорит ему, что именно здесь произошло несчастье с Нофрет.

И тут Сатипи неожиданно застыла на месте. Замерла, глядя назад, через плечо. Руки ее взметнулись вверх, словно она пыталась заслониться от страшного видения или защитить себя от удара. Она вскрикнула, пошатнулась и, когда Яхмос бросился к ней, с воплем ужаса сорвалась с обрыва и рухнула на камни внизу...

Ренисенб, зажав рот рукой, неверящими глазами следила за ее

падением.

Распростершись, Сатипи лежала на том самом месте, где когда-то лежала Нофрет.

Ренисенб подбежала, наклонилась над ней. Глаза Сатипи были открыты, веки трепетали. Ее губы шевелились, словно она силилась что-то сказать. Ренисенб наклонилась ниже. Ее потрясло выражение ужаса, застывшее в глазах Сатипи.

Потом она услышала голос умирающей.

— Нофрет... — с хрипом выдохнула Сатипи.

Голова ее упала. Челюсть отвисла.

Хори повернулся навстречу Яхмосу. Они подошли одновременно.

Ренисенб выпрямилась.

— Что она крикнула, перед тем как упала?

Яхмос тяжело дышал, не в силах вымолвить ни слова.

— Она посмотрела куда-то... за моей спиной... словно увидела на тропинке кого-то еще... но там никого не было... никого не было...

— Там никого не было, — подтвердил Хори.

— И тогда она крикнула... — испуганно прошептал Яхмос.

— Что она крикнула? — нетерпеливо переспросила Ренисенб.

— Она крикнула... Она крикнула... — Голос его дрожал. — «Нофрет!»

Глава XII

Первый месяц Лета, 12-й день

I

— Вот, значит, что ты имел в виду, Хори? — Ренисенб скорей утверждала, нежели спрашивала. И, охваченная ужасом, тихо добавила еще более убежденным тоном:

— Значит, Сатипи убила Нофрет...

Поддерживая руками свисавшее с шеи ожерелье, она сидела у входа в небольшой грот рядом с гробницей — обитель Хори и смотрела вниз на простирившуюся перед ней долину, и сквозь дремоту думала, насколько справедливы были слова, сказанные ею накануне. Неужто это было только вчера? Отсюда, сверху, дом и спешащие куда-то по делам люди казались не более значительными, нежели растревоженное осиное гнездо.

И только солнце, величественное в своем могуществе, сияет в небе, только узкая полоска серебра — Нил — блестит в утреннем свете, только они вечны и бессмертны. Хей умер, нет уже и Нофрет с Сатипи, когда-нибудь умрут и она, и Хори. Но Ра будет по-прежнему днем править на небесах, а по ночам плыть в своей ладье по Подземному царству, держа путь к рассвету. И Нил будет спокойно нести свои воды далеко с юга, из-за острова Элефантины, мимо Фив и места, где живут они, в Северный Египет, где жила и была счастлива Нофрет, а потом все дальше к большой воде, уходя навсегда из Египта.

Сатипи и Нофрет...

Ренисенб решила высказать свои мысли вслух, поскольку Хори так и не ответил на ее последний вопрос.

— Видишь ли, я была настолько уверена, что это Себек... — Она не договорила.

— Ты заранее убедила себя в этом.

— Совершив очередную глупость, — согласилась Ренисенб. — Ведь Хенет сказала мне, что Сатипи пошла наверх и что Нофрет еще до нее тоже отправилась туда. Я должна была сообразить, что Сатипи намеренно последовала за Нофрет, что они встретились на тропинке и Сатипи столкнула ее вниз. Ведь незадолго до этого она заявила, что в ней больше

мужества, чем в моих братьях.

И, вздрогнув, Ренисенб умолкла.

— Когда я ее встретила, — продолжала она, — я должна была сразу все понять. Она была сама не своя, выглядела такой испуганной. Пыталась уговорить меня вернуться вместе с ней домой. Не хотела, чтобы я увидела мертвую Нофрет. Я, должно быть, ослепла, иначе сразу бы все поняла. Но я так боялась, что это Себек...

— Я знаю. Потому что ты видела, как он убил змею.

— Да, именно поэтому, — с жаром подтвердила Ренисенб. — И потом... мне приснилось... Бедный Себек — я была несправедлива к нему. Как ты сказал, угрожать — это еще не значит убить. Себек всегда любил пускать пыль в глаза. А на самом деле отважной, безжалостной и готовой к решительным действиям была Сатипи. И потом после того события... она бродила, как привидение, недаром мы все ей удивлялись. Почему нам даже в голову не пришло такое простое объяснение?

И, вскинув глаза, спросила:

— Но тебе-то оно приходило?

— Последнее время, — ответил Хори, — я был убежден, что ключ к тайне смерти Нофрет лежит в странной перемене характера Сатипи. Эта перемена так бросалась в глаза, что было ясно: за ней что-то крылось.

— И тем не менее ты ничего не сказал?

— Как я мог, Ренисенб? У меня ведь нет никаких доказательств.

— Да, ты прав.

— Любое утверждение обосновывается доказательствами.

— Когда-то ты сказал, — вдруг вспомнила Ренисенб, — что люди в один день не меняются. А сейчас ты согласен, что Сатипи сразу переменилась, стала совсем другой.

Хори улыбнулся.

— Тебе бы выступать в суде при нашем правителе. Нет, Ренисенб, люди действительно остаются самими собой. Сатипи, как и Себек, тоже любила громкие слова. Она, конечно, могла перейти от слов к действиям, только, думаю, она была из тех людей, которые кричат о том, чего не знают, чего никогда не испытали. Всю свою жизнь до того самого дня она не знала чувства страха. Страх застиг ее врасплох. Тогда она поняла, что отвага — это способность встретиться лицом к лицу с чем-то непредвиденным, а у нее такой отваги не оказалось.

— Страх застиг ее врасплох... — прошептала про себя Ренисенб. — Да, наверное, с тех пор, как умерла Нофрет, в Сатипи поселился страх. Он был написан у нее на лице, а мы этого не заметили. Он был в ее глазах,

когда она умерла... Когда она произнесла: «Нофрет...» Будто увидела...

Ренисенб умолкла. Она повернулась к Хори, глаза ее расширились от недоумения.

— Хори, а что она увидела? Там, на тропинке. Мы же ничего не видели. Там ничего не было.

— Для нас ничего.

— А для нее? Значит, она увидела Нофрет, Нофрет, которая явилась, чтобы отомстить. Но Нофрет умерла и замурована в своем саркофаге. Что же Сатипи увидела?

— Видение, которое предстало перед ее мысленным взором.

— Ты уверен? Потому что если нет...

— Да, Ренисенб, если нет?

— Хори, — протянула к нему руку Ренисенб, — как ты думаешь, все кончилось? Со смертью Сатипи? Вправду кончилось?

Хори взял ее руку в свои, успокаивая.

— Да, да, Ренисенб, разумеется, кончилось. И тебе, по крайней мере, нечего бояться.

— Иза говорит, что Нофрет меня ненавидела... — еле слышно произнесла Ренисенб.

— Нофрет ненавидела тебя?

— По словам Изы.

— Нофрет умела ненавидеть, — заметил Хори. — Порой мне кажется, что ее ненависть простиралась на всех до единого в доме. Но ты ведь не сделала ей ничего плохого?

— Нет, ничего.

— А поэтому, Ренисенб, у тебя в мыслях не должно быть ничего такого, за что ты могла бы себя осудить.

— Ты хочешь сказать, Хори, что если мне придется спускаться по тропинке в час заката, то есть тогда, когда умерла Нофрет, и если я поверну голову, то ничего не увижу? Что мне не грозит опасность?

— Тебе не грозит опасность, Ренисенб, потому что, когда ты будешь спускаться по тропинке, я буду рядом с тобой и никто не осмелится причинить тебе зла.

Но Ренисенб нахмурилась и покачала головой.

— Нет, Хори, я пойду одна.

— Но почему, Ренисенб? Разве ты не боишься?

— Боюсь, — ответила Ренисенб. — Но все равно это нужно сделать. В доме все дрожат от страха. Они сбегали в храм, купили амулетов, а теперь кричат, что нельзя ходить по тропинке в час заката. Нет, не чудо заставило

Сатипи пошатнуться и упасть со скалы, а страх, страх перед злодеянием, которое она совершила. Потому что лишить жизни того, кто молод и силен, кто наслаждается своим существованием, — это злодеяние. Я же ничего дурного не совершала и, даже если Нофрет меня ненавидела, ее ненависть не может причинить мне зла. Я в этом убеждена. И, кроме того, лучше умереть, чем постоянно жить в страхе, поэтому я постараюсь преодолеть свой страх.

— Слова твои полны отваги, Ренисенб.

— На словах я, сказать по правде, более бесстрашна, чем на деле, — призналась Ренисенб и улыбнулась. Она встала. — Но произнести их было приятно.

Хори тоже поднялся на ноги и встал рядом.

— Я запомню твои слова, Ренисенб. И как ты вскинула голову, когда произносила их. Они свидетельствуют об искренности и храбрости, которые, я всегда чувствовал, живут в твоём сердце.

Он взял ее за руку.

— Послушай меня, Ренисенб! Посмотри отсюда на долину, на реку и на тот берег. Это — Египет, наша земля. Разоренная войнами и междоусобицами, разделенная на множество мелких царств, но скоро, очень скоро она станет единой — Верхний и Нижний Египет снова объединятся в одну страну, которая, я верю и надеюсь, обретет былое величие. И в тот час Египту понадобятся мужчины и женщины с сердцем, полным отваги, женщины вроде тебя, Ренисенб. А мужчины не такие, как Имхотеп, которого волнуют только собственные доходы и расходы, и не такие, как Себек, бездельник и хвостун, и не такие, как Ипи, который ищет только, чем поживиться, и даже не такие добросовестные и честные, как Яхмос. Сидя здесь, можно сказать среди усопших, подытоживая доходы и расходы, выписывая счета, я осознал, что человеку наградой может служить не только богатство и утрата — не только потеря урожая... Я смотрю на Нил и вижу в нем источник жизненной силы Египта, который существовал еще до нашего появления на свет и будет существовать после нашей смерти... Жизнь и смерть, Ренисенб, не имеют такого большого значения. Я всего лишь управляющий у Имхотепа, но, когда я смотрю вдаль, на Египет, я испытываю такие покой и радость, что не поменялся бы своим местом даже с нашим правителем. Понимаешь ли ты, Ренисенб, о чем я говорю?

— По-моему, да, Хори, но не все. Ты совсем не такой, как те, кто внизу, я это уже давно знаю. И когда я здесь, рядом с тобой, я испытываю те же чувства, что и ты, только смутно, не очень отчетливо. Но я понимаю, о чем

ты говоришь. Когда я здесь, все то, что внизу, — показала она, — кажется таким незначительным — все эти ссоры и обиды, шум и суета. Здесь от этого отдыхаешь.

Нахмутив лоб, она помолчала, а потом, чуть запинаясь, продолжала:

— Порой я рада, что мне есть куда уйти. И тем не менее... есть что-то такое... не знаю, что именно... что влечет меня обратно.

Хори отпустил ее руку и сделал шаг назад.

— Я понимаю, — мягко сказал он. — Песни Камени.

— Что ты говоришь, Хори? Я вовсе не думаю о Камени.

— Может, и не думаешь. Но все равно, Ренисенб, ты слышишь его пение здесь, не сознавая этого.

Ренисенб смотрела на него, сдвинув брови.

— Какие удивительные вещи ты говоришь, Хори. Как я могу слышать пение Камени здесь? Так далеко от дома?

Но Хори лишь тихо вздохнул и покачал головой. Насмешка в его глазах озадачила ее. Она рассердилась и даже чуть смутилась, потому что не могла понять его.

Глава XIII

Первый месяц Лета, 23-й день

I

— Можно мне поговорить с тооой, Иза?

Иза напряженно вгляделась в фигуру, появившуюся на пороге. В дверях с подобострастной улыбкой на лице стояла Хенет.

— В чем дело? — с неприязнью в голосе спросила Иза.

— Да так, пустяки, по-моему, но я решила, что лучше спросить...

— Входи, — прервала ее объяснения Иза. — А ты, — постучала она палкой по плечу маленькой черной рабыни, которая нанизывала бусины на нитку, — отправляйся на кухню. Принеси мне оливок и гранатового соку.

Девчушка убежала, и Иза нетерпеливо кивнула Хенет.

— Я хотела показать тебе вот это, Иза.

Иза уставилась на предмет, который протягивала ей Хенет. Это была небольшая шкатулка для украшений с выдвигной крышкой, которая запиралась на две застёжки.

— Ну и что?

— Это ее. Я нашла эту шкатулку только что — в ее покоях.

— О ком ты говоришь? О Сатипи?

— Нет, нет, Иза. О другой.

— О Нофрет, хочешь ты сказать? Ну и что?

— Все ее украшения, горшочки с притираниями и сосуды с благовониями, словом, все было замуровано вместе с ней.

Иза расстегнула застёжки и открыла шкатулку. В ней лежала нитка бус из мелкого сердолика и половинка покрытого зеленой глазурью амулета, который, по-видимому, разломали умышленно.

— Ничего здесь особенного нет, — сказала Иза. — Наверное, не заметили, когда собирали вещи.

— Бальзамировщики забрали все.

— Бальзамировщики заслуживают доверия не больше, чем все остальные. Забыли, и все.

— Говорю тебе, Иза: этого не было в комнате, когда я туда заходила.

Иза пристально взглянула на Хенет.

— Что ты хочешь сказать? Что Нофрет вернулась из Царства мертвых и обитает у нас в доме? Ты ведь не глупа, Хенет, хотя иногда и прикидываешься дурочкой. Зачем тебе надо распространять эти сказки?

Хенет многозначительно покачала головой.

— Мы все знаем, что случилось с Сатипи и почему.

— Возможно, — согласилась Иза. — Не исключено, что кое-кто из нас даже знал об этом раньше. А, Хенет? Я всегда считала, что тебе лучше других известно, как Нофрет повстречалась со своей смертью.

— О Иза, неужто ты способна подумать...

— А почему бы и нет? — перебила ее Иза. — Я не боюсь думать, Хенет. Я видела, как последние два месяца Сатипи крадучись ходила по дому, до смерти перепуганная, и со вчерашнего дня меня мучает мысль, что кто-то, наверное, знал, что Нофрет убила она, и этот кто-то угрожал Сатипи рассказать об этом Яхмосу, а может, и самому Имхотепу...

Хенет визгливым голосом разразилась клятвами и заверениями в своей невиновности. Иза выслушала ее, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, и произнесла:

— Я несколько не сомневалась в том, что ты не признаешься. И сейчас этого не жду.

— С чего ты взяла, что мне есть в чем признаваться? С чего, спрашиваю я тебя?

— Понятия не имею, — ответила Иза. — Ты совершаешь много поступков, Хенет, которым я никогда не могла найти разумного объяснения.

— По-твоему, я пыталась заставить ее платить мне за молчание? Клянусь Девяткой богов...

— Оставь богов в покое... Ты, Хенет, честна настолько, насколько тебе позволяет твоя совесть. Вполне возможно, что тебе ничего не известно об обстоятельствах смерти Нофрет. Зато ты знаешь почти все, что происходит в доме. И доведись мне давать клятву, то я готова поклясться, что ты сама подложила эту шкатулку в покои Нофрет — только зачем, я представить себе не могу. Но причина есть... Своими фокусами ты можешь обманывать Имхотепа, но меня тебе не обмануть. И не ной. Я старуха и не выношу нытья. Иди и ной перед Имхотепом. Ему, вроде, это нравится, хотя почему, знает только Ра.

— Я отнесу шкатулку Имхотепу и скажу ему...

— Я сама отдам ему шкатулку. Иди, Хенет, и перестань разносить по дому глупые слухи. Без Сатипи стало гораздо тише. После смерти Нофрет оказала нам куда больше услуг, чем при жизни. А теперь, поскольку долг оплачен, пусть все займутся своими повседневными заботами.

— Что случилось? — требовательно спросил Имхотеп, мелкими шажками вбегая в покои Изы мгновение спустя. — Хенет очень расстроена. Она пришла ко мне вся в слезах. Почему никто в доме не желает по-доброму относиться к этой преданной нам всем сердцем женщине?

Иза только рассмеялась своим кудхтающим смехом.

— Ты обвинила ее, насколько я понял, — продолжал Имхотеп, — в том, что она украла шкатулку с украшениями.

— Так она сказала тебе? Ничего подобного. Вот шкатулка. По-видимому, она нашла ее в покоях Нофрет.

Имхотеп взял шкатулку.

— Да, та самая, что я ей подарил. — Он открыл шкатулку. — Хм, да тут почти ничего нет. Бальзамировщики поступили крайне небрежно, позабыв положить ее в саркофаг со всеми остальными вещами Нофрет. При том, что Ипи и Монту так дорого запрашивают за свои услуги, можно было, по крайней мере, ожидать, что они не допустят подобной небрежности. Ладно, слишком много шума из-за пустяка — вот чем все это мне представляется.

— Совершенно справедливо.

— Я отдам эту шкатулку Кайт — нет, не Кайт, а Ренисенб. Она всегда относилась к Нофрет с почтением.

Он вздохнул.

— Эти женщины с их бесконечными слезами, ссорами и пререканиями — от них никогда нет покоя.

— Зато теперь, Имхотеп, одной женщиной стало меньше.

— И вправду. Бедный Яхмос! Тем не менее, Иза, мне кажется, что, быть может, это и к лучшему. Сатипи рожала здоровых детей, что правда, то правда, но женой она была плохой. Конечно, Яхмос сам виноват: он многое ей позволял. Что ж, с этим покончено. Должен сказать, что в последнее время я очень доволен Яхмосом. Он куда больше полагается на собственные силы, стал менее робким, некоторые принятые им решения превосходны, просто превосходны...

— Он всегда был хорошим, послушным мальчиком.

— Да, да, но в то же время медлительным и побаивающимся ответственности.

— Ты сам лишал его ответственности, — сухо заметила Иза.

— Ничего, зато теперь все будет по-другому. Я сейчас составляю распоряжение, согласно которому все три моих сына станут моими совладельцами. Папирус будет написан через несколько дней.

— Неужели и Ипи тоже?

— Откажи я ему, он был бы глубоко оскорблен. Такой добрый, ласковый мальчик!

— Да, вот в нем медлительности нет, — заметила Иза.

— Именно. Да и Себек — я часто бывал недоволен им в прошлом, но в последнее время он тоже заметно изменился. Перестал бездельничать и больше прислушивается к нашему с Яхмосом мнению.

— Хвалебный гимн, да и только, — отозвалась Иза. — Что ж, Имхотеп, должна признаться, по-моему, ты поступаешь правильно. Нехорошо, когда сыновья недовольны своим положением. И все же я считаю, что Ипи слишком молод для того, что ты задумал сделать. Зачем наделять мальчика его возраста такими правами? А что, если он станет ими злоупотреблять?

— Это разумное предостережение, — задумался Имхотеп.

Затем он встал.

— Пора идти. У меня тысяча дел. Пришли бальзамировщики, надо готовиться к погребению Сатипи. Смерть стоит недешево, очень недешево. Одно погребение за другим.

— Будем надеяться, — поспешила утешить его Иза, — что это в последний раз. Пока, конечно, не наступит мой черед.

— Надеюсь, ты еще долго проживешь, дорогая Иза!

— Не сомневаюсь, что ты надеешься, — усмехнулась Иза. — Но только на мне, пожалуйста, не скупись. Дурно это будет выглядеть. В мире ином мне понадобится много вещей. Не только еда и питье, но и фигурки слуг, хорошей работы доска для игр, благовония и притирания, и я требую, чтобы у меня были самые дорогие канопы из алебастра.

— Конечно, конечно. — Имхотеп нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Когда наступит этот печальный день, все будет сделано, как того требует мой долг. Признаюсь, по отношению к Сатипи я подобного чувства долга не испытываю. Не хотелось бы сплетен, но при столь странных обстоятельствах...

И, не завершив своих объяснений, Имхотеп поспешил уйти.

Иза иронически улыбнулась тому, что лишь в этих последних словах Имхотеп позволил себе признаться, что не считает смерть столь любезной его сердцу наложницы несчастным случаем.

Глава XIV

Первый месяц Лета, 25-й день

I

Когда мужчины вернулись из судебной палаты правителя, где было должным образом подтверждено распоряжение о введении совладельцев в их права, в доме воцарилось ликование. Только Ипи, которому в последнюю минуту было отказано по причине молодости лет, впал в мрачное состояние духа и куда-то намеренно скрылся.

Имхотеп, пребывая в отличном настроении, велел принести на галерею сосуд с вином, который поместили в специальную подставку.

— Пей, сын мой, — распорядился он, хлопнув Яхмоса по плечу. — Забудь на время о смерти жены. Будем думать только о светлых днях, что ждут нас впереди.

Сыновья выпили с отцом за то, чтобы его слова сбылись. Однако тут им доложили о краже одного из волов, и они поспешили проверить, насколько это известие соответствует истине.

Когда Яхмос через час снова появился во дворе, он выглядел усталым и возбужденным. Он подошел туда, где по-прежнему стоял сосуд с вином, зачерпнул из него бронзовым ковшом и уселся на галерее, неторопливо прихлебывая вино. Через некоторое время подошел и Себек.

— Ха! — радостно воскликнул он. — Вот теперь давай выпьем за то, что нас наконец ждет благополучное будущее! Сегодня у нас счастливый день, а, Яхмос?

— Еще бы. Сразу жизнь станет легче во всех отношениях, — спокойно согласился Яхмос.

— И почему тебя ничто не волнует, а, Яхмос? — расхохотался Себек и, зачерпнув ковшом вина, выпил его залпом, а потом, облизнув губы, поставил ковш на стол. — Вот теперь посмотрим, по-прежнему ли отец будет вести хозяйство по старинке или мне удастся уговорить его быть более современным.

— На твоём месте я бы не торопился, — предостерег его Яхмос. — Уж очень ты горяч.

Себек ласково улыбнулся брату. Он был в приподнятом расположении

духа.

— А ты, как обычно, верен поговорке: медленно, но верно, — усмехнулся он.

Ничуть не обидившись, Яхмос ответил с улыбкой:

— В конце всегда убеждаешься, что так лучше. Кроме того, отец был щедр к нам. Лучше его не раздражать.

— Ты в самом деле любишь отца? — с любопытством взглянул на него Себек. — До чего же у тебя доброе сердце, брат! Вот мне, например, ни до кого нет дела, кроме себя. А потому, да здравствует Себек!

И он одним глотком опорожнил еще ковш вина.

— Остерегись, — посоветовал ему Яхмос. — Ты сегодня почти не ел. Порой, если выпить вина...

И замолчал, губы его свело судорогой.

— Ты что, Яхмос?

— Ничего... Ни с того ни с сего стало больно... Я... Ничего...

Однако лоб его покрылся испариной, и он отер его левой рукой.

— Ты побледнел.

— Только что я себя чувствовал отлично.

— Уж не подложил ли кто яда в это вино? — расхохотался Себек и снова потянулся к сосуду с вином. И так и остался с протянутой рукой, согнувшись пополам от внезапного приступа боли.

— Яхмос, — задохнулся он, — Яхмос, я тоже...

Яхмос, скрючившись, сполз с сиденья. У него вырвался хриплый стон. Лицо Себека исказилось от муки.

— Помогите, — закричал он. — Пошлите за лекарем...

Из дома выскочила Хенет.

— Ты звал? Что такое? Что случилось?

Ее крики слышали другие.

— Вино... отравлено, — еле слышно произнес Яхмос. — Пошлите за лекарем...

— Опять беда! — завизжала Хенет. — Наш дом и вправду проклят. Скорее! Спешите! Пошлите в храм за жрецом Мерсу, он опытный и знающий лекарь!

Имхотеп нервно ходил взад-вперед по главному залу. Его красивые одежды были испачканы и измяты, но он их не менял и не мыл тела. Лицо его осунулось от беспокойства и страха.

В глубине дома слышались приглушенные причитания и плач — плакали женщины, проклиная злой рок, опустошающий дом. Громче других рыдала Хенет.

Из бокового покоя доносился громкий голос лекаря и жреца Мерсу, который пытался привести в чувство Яхмоса. Ренисенб, потихоньку проскользнув с женской половины в главный зал, прислушалась, и ноги сами понесли ее к отворенной двери, где она остановилась, уловив нечто успокоительное в звучных словах молитвы, которую нараспев читал жрец от лица Яхмоса.

— О, Исида, великая в своем могуществе, укрой меня от всего худого, злого и кровожадного, заслони от удара, нанесенного богом или богиней, от жаждущих мести мертвых мужчины или женщины, что задумали погубить меня...

Еле слышный стон сорвался с губ Яхмоса.

Ренисенб тоже присоединилась к молитве жреца:

— О, Исида, великая Исида, спаси его, спаси моего брата, Яхмоса, ведь ты умеешь творить чудеса... От всего худого, злого и кровожадного, — повторила она и в смятении подумала: «Вот в чем причина того, что происходит у нас в доме... В злобных, кровожадных мыслях убитой женщины, жаждущей мести».

И тогда она мысленно обратилась прямо к той, о ком думала:

«Ведь не Яхмос убил тебя, Нофрет, и, хотя Сатипи была его женой, почему он должен отвечать за ее поступки? Она никогда не слушалась его, да и других тоже. Сатипи, которая убила тебя, умерла. Разве этого не достаточно? Умер и Себек, который только грозился, но не причинил тебе никакого зла. О, Исида, не дай Яхмосу умереть, спаси его от мести и ненависти Нофрет».

Имхотеп, который в полной растерянности продолжал метаться по залу, поднял глаза и увидел дочь. Лицо его стало ласковым.

— Подойди ко мне, Ренисенб, дочь моя.

Она подбежала к отцу, и он обнял ее.

— Отец, что они говорят?

— Что у Яхмоса еще есть надежда, — глухо отозвался он. — А Себек... Тебе известно про Себека?

— Да, да. Разве ты не слышишь причитаний?

— Он умер на рассвете, — сказал Имхотеп. — Себек, мой сильный и красивый сын. — Голос его прервался, он умолк.

— О, какой ужас! И ничего нельзя было сделать?

— Было сделано все, что можно. Ему давали снадобья, чтобы рвотой исторгнуть яд. Поили соком целебных трав. Его обложили священными амулетами и читали над ним всеильные заклинания. И все бесполезно. Мерсу искусный лекарь. Если он не мог спасти моего сына, значит, на то

была воля богов.

Голос жреца-лекаря оборвался на высокой заключительной ноте заклинания, и он появился, отирая пот со лба.

— Ну, — бросился к нему Имхотеп.

— Милостью Исиды твой сын остался в живых, — торжественно провозгласил лекарь. — Он еще слаб, но опасность миновала. Власть зла слабеет.

И продолжал обыденным тоном:

— К счастью, Яхмос выпил гораздо меньше отравленного вина, чем Себек. Он отпивал по глотку, а Себек, по-видимому, опрокинул в себя не один ковш.

— Вот и тут сказалась разница между братьями, — печально проговорил Имхотеп. — Яхмос робкий, осторожный, медлительный, он никогда не спешит, даже когда ест и пьет. А Себек, расточительный и щедрый, ни в чем не знал меры и, увы, поступал опрометчиво.

И настойчиво переспросил:

— А в вине на самом деле был яд?

— Нет никаких сомнений, Имхотеп. Мои молодые помощники дали допить остатки вина животным, и те подошли, кто раньше, кто позже.

— А как же я? Я пил это же вино часом раньше, и ничего не случилось.

— Значит, тогда в нем еще не было отравы. Яд всыпали позже.

Имхотеп ударил кулаком одной руки по ладони другой.

— Здесь, у меня в доме, — заявил он, — ни одна живая душа не осмелилась бы отравить моих сыновей. Такого не может быть. Ни одна живая душа, говорю я!

Мерсу чуть наклонил голову. Лицо его было непроницаемо.

— Об этом судить тебе, Имхотеп.

Имхотеп стоял, нервно почесывая за ухом.

— Я хочу, чтобы ты послушал одну историю, — вдруг сказал он.

Он хлопнул в ладоши и, когда вбежал слуга, приказал:

— Приведи сюда пастуха.

И, обратившись к Мерсу, объяснил:

— Этот мальчишка немного не в себе. Он с трудом понимает, что ему говорят, и порой плетет нечто несуразное. Но глаза у него есть и видит он хорошо. Он всей душой предан моему сыну Яхмосу, который добр к нему и терпим к его недостаткам.

Вошел слуга, таща за руку худого темнокожего мальчишку с раскосыми глазами и напуганным, бессмысленным лицом. На пастухе,

кроме короткого передника, ничего не было.

— Говори, — приказал Имхотеп. — Повтори то, что ты мне только что рассказал.

Мальчишка стоял повесив голову и теребил свой передник.

— Говори, — крикнул Имхотеп.

Опираясь на палку и прихрамывая, в зал вошла Иза. Она взгляделась в присутствующих тусклыми глазами.

— Ты пугаешь ребенка. Ренисенб, возьми-ка у меня сушеную ююбу, дай ее мальчишке. А ты, дитя, расскажи нам, что ты видел.

Мальчик посмотрел на Изу, потом на Ренисенб.

— Вчера, когда ты заглянул во двор, ты увидел... — решила помочь ему Иза. — Что ты увидел?

Но мальчишка отвел глаза в сторону и, покачав головой, пробормотал:

— Где мой господин Яхмос?

— Твой господин Яхмос желает, чтобы ты поведал нам свою историю, — произнес жрец ласковым, но властным тоном. — Не бойся. Никто тебя не обидит.

Лицо мальчика стало осмысленным.

— Господин Яхмос всегда милостив ко мне, а потому я выполню его желание.

И снова замолчал. Имхотеп хотел было опять прикрикнуть на него, но, встретив взгляд лекаря, сдержался.

И вдруг мальчишка затараторил, волнуясь, глотая слова, оглядываясь по сторонам, словно боялся, что его услышит кто-то невидимый.

— С палкой в руках я гнался за осликом, которому покровительствует Сет^[122] и который вечно проказничает. Он вбежал в ворота, что ведут во двор, и когда я заглянул туда, то увидел дом. На галерее никого не было, но стоял сосуд с вином. А потом из дома на галерею вышла женщина, одна из хозяек дома. Она подошла к сосуду с вином, подержала над ним руки и потом... потом, наверное, скрылась в доме. Не знаю точно, потому что я услышал шаги, повернулся и увидел, что господин Яхмос возвращается с полей. Я опять начал искать ослика, а господин Яхмос вошел во двор.

— И ты не предупредил его! — гневно воскликнул Имхотеп. — Ты ничего ему не сказал!

— Откуда мне было знать, что затевается что-то дурное? — закричал мальчишка. — Я видел только, что госпожа стояла, держала руки над сосудом с вином и улыбалась... Больше я ничего не видел...

— Мальчик, кто была эта госпожа? — спросил жрец.

Мальчишка покачал головой, на его лице снова появилось выражение

тупой безучастности.

— Не знаю. Должно быть, кто-то из хозяек этого дома. Я их не знаю. Мое стадо пасется в самом дальнем конце владений. На ней было платье из беленого холста.

Ренисенб вздрогнула.

— Может, служанка? — спросил жрец, зорко следя за мальчишкой.

Мальчишка решительно покачал головой.

— Нет, не служанка... У нее были накладные волосы и украшения. На служанке украшений не бывает.

— Украшения? — переспросил Имхотеп. — Какие украшения?

Мальчишка ответил уверенно и с готовностью, словно наконец преодолел страх и не сомневался в правдивости своих слов.

— Три нитки бус, а посредине с них свисали золотые львы...

Палка Изы со стуком упала на пол. У Имхотепа вырвался стон.

— Если ты лжешь, мальчик... — пригрозил Мерсу.

— Это правда. Клянусь, что правда, — в полный голос закричал мальчишка.

Из боковых покоев, где лежал Яхмос, чуть слышно донеслось:

— В чем дело?

Мальчишка метнулся в открытую дверь и притаился возле ложа, на котором покоился Яхмос.

— Господин, они хотят меня пытать.

— Нет, нет. — Яхмос с трудом повернул голову, лежавшую на подушке из резного дерева. — Не обижайте ребенка. Он простодушен, но честен. Обещайте мне.

— Конечно, конечно, — заверил его Имхотеп. — В этом нет нужды. Нам и так ясно, что мальчишка сказал о том, что видел, — вряд ли он все это выдумал. Иди, дитя, только не уходи далеко. Побудь возле усадьбы, чтобы мы могли позвать тебя, если ты еще нам понадобишься.

Мальчишка поднялся на ноги, бросив жалостливый взгляд на Яхмоса.

— Ты болен, господин?

— Не бойся, — чуть улыбнулся Яхмос. — Я не умру. А сейчас иди, делай, как тебе велели.

Радостно улыбаясь, пастушонок вышел. Жрец оттянул веки глаз Яхмоса, пощупал, как быстро струится кровь под кожей. Потом, посоветовав ему заснуть, снова вышел в главный зал.

— По описанию мальчишки ты узнаешь, кто это? — спросил он у Имхотепа.

Имхотеп кивнул. Его отливающие темной бронзой щеки приобрели

болезненно-лиловый оттенок.

— Только у Нофрет было платье из беленого холста. Эту новую моду она привезла из Северных Земель. Но всю ее одежду замуровали вместе с ней, — сказала Ренисенб.

— И три нитки бус с львиными головами из золота — это мой подарок, — признался Имхотеп. — Такого ожерелья больше ни у кого в доме нет. Оно было дорогим и необычным. Все ее украшения, кроме дешевых бус из сердолика, были погребены вместе с ней и замурованы в гробнице.

Он воздел руки к небу.

— За что мне столь жестокая кара? За что преследует меня и мстит мне женщина, к которой я благоволил, которую с почетом ввел в свой дом, а потом, когда она умерла, должным образом, не скупясь, совершил обряд ее погребения? Я делил с ней свою трапезу — свидетели могут поклясться в том. Ей не на что было жаловаться — я делал для нее больше, чем следует и подобает, и готов был пожертвовать ради нее благополучием кровных своих сыновей. Почему же приходит она из Царства мертвых, чтобы карать меня и мою семью?

— Мне кажется, — задумчиво отозвался Мерсу, — что усопшая не желает зла тебе. В вине, когда ты его пил, яда не было. Кто из твоей семьи нанес покойной тяжкое оскорбление?

— Женщина, которая сама уже умерла, — ответил Имхотеп.

— Понятно. Ты говоришь о жене твоего сына Яхмоса?

— Да. — Имхотеп помолчал, а потом снова воззвал — Что мне делать, почтенный Мерсу? Как воспрепятствовать злой воле усопшей, которая жаждет мести? Будь проклят тот день, когда я впервые привел эту женщину к себе в дом!

— Да, будь проклят тот день! — низким голосом отозвалась Кайт, появившись в дверях, ведущих в женские покои.

Глаза ее опухли от слез, а на невыразительном лице запечатлелась такая сила и решительность, что оно стало значительным. Низкий и хриплый голос ее дрожал от гнева.

— Будь проклят тот день, когда ты привел Нофрет в наш дом, Имхотеп, ибо тем самым ты обрек на смерть самого умного и самого красивого из своих сыновей! Она убила Сатипи и Себека, она чуть не отправила на тот свет Яхмоса. Кто следующий? Пощадит ли она детей — она, которая посмела толкнуть мою маленькую Анх? Нужно что-то предпринять, Имхотеп!

— Да, нужно что-то предпринять, — эхом отозвался Имхотеп, с

мольбой глядя на жреца.

Жрец с полным пониманием кивнул головой.

— Пути и способы существуют, Имхотеп. Владея доказательствами того, что произошло, мы можем начать действовать. Я имею в виду твою покойную жену Ашайет. Она была родом из влиятельной семьи. Она может воззвать к могущественным силам в Царстве мертвых, которые встанут на твою защиту и над которыми у Нофрет нет власти. Будем держать совет, как приступить к исполнению нашего замысла.

— Только не советуйтесь чересчур долго, — коротко рассмеялась Кайт. — Мужчины все одинаковы. Да, даже жрецы. Рабски следуют правилам и законам. Торопитесь, говорю я вам, иначе смерть поразит еще кого-нибудь в нашем доме.

С этими словами она скрылась в женских покоях.

— Хорошая женщина, — пробормотал Имхотеп. — Преданная мать, послушная жена, но порой она ведет себя неподобающим образом по отношению к главе дома. Конечно, в такую минуту это простительно. Мы все потрясены и не отдаем отчета своим поступкам.

Он обхватил голову руками.

— Некоторые из нас слишком часто не дают отчета своим поступкам, — заметила Иза.

Имхотеп бросил на нее раздраженный взгляд. Лекарь собрался уходить, и Имхотеп проводил его до галереи, выслушивая последние наставления о том, как следует ухаживать за больным Яхмосом.

Ренисенб вопросительно взглянула на бабушку. Иза сидела неподвижно. Выражение хмурой задумчивости на лице было столь необычно для нее, что Ренисенб робко спросила:

— О чем ты задумалась, бабушка?

— Ты нашла точное слово, Ренисенб. В нашем доме происходят такие странные события, что нельзя не задуматься.

— И правда, события ужасные. Мне так страшно, — вздрогнув, призналась Ренисенб.

— И мне тоже, — сказала Иза. — Хотя, быть может, совсем по другой причине.

И привычным движением сдвинула набок накладные волосы.

— Но Яхмос выжил, — заметила Ренисенб. — Все обошлось.

— Да, — кивнула Иза. — Главный лекарь успел к нему вовремя. В другой раз ему может не повезти.

— По-твоему, такое может случиться снова?

— Я думаю, что Яхмосу, тебе, Ипи, да, пожалуй, и Кайт следует быть

очень осторожными в еде и питье. Пусть сначала кто-нибудь из рабов пробует каждое блюдо.

— А тебе, бабушка?

Иза улыбнулась своей иронической улыбкой.

— Я, Ренисенб, старуха и люблю жизнь так, как умеют ее любить старики, наслаждаясь каждым часом, каждым мигом, которые им еще суждено прожить. Из всех нас больше всего возможности остаться в живых у меня, потому что я куда более осторожна, нежели вы.

— А мой отец? Не может же Нофрет желать зла моему отцу?

— Твоему отцу?.. Не знаю... Да, не знаю. Я пока не во всем разобралась. Завтра, когда я как следует все продумаю, я еще раз поговорю с пастухом. В его рассказе есть что-то такое...

И, нахмурившись, она умолкла. Потом, вздохнув, поднялась и, опираясь на палку, заковыляла к себе.

А Ренисенб направилась в покои, где лежал брат. Он спал, и она тихо вышла. Постояв секунду в нерешительности, она пошла к Кайт. И, незамеченная, остановилась на пороге, наблюдая, как Кайт, напевая, укачивает ребенка. Лицо Кайт снова было спокойным и безмятежным — настолько, что на мгновение все трагические события последних суток показались Ренисенб лишь сном.

Она вернулась в свои покои. На столике среди коробочек и горшочков с маслами и притираниями лежала принадлежавшая Нофрет маленькая шкатулка для украшений.

Ренисенб смотрела на нее, держа на ладони, и думала. Этой шкатулки касалась Нофрет, брала ее в руки. Она принадлежала ей.

И снова жалость к Нофрет охватила Ренисенб. Нофрет была несчастна. И, наверное, держа эту шкатулку в руках и думая о том, как она несчастна, разжигала в себе злобу и ненависть... Даже сейчас эта ненависть не угасла... Нофрет еще жаждет мести... О, нет, нет!

Почти машинально Ренисенб расстегнула обе застёжки и сдвинула крышку. Внутри лежали сердоликовые бусы, половинка разломанного надвое амулета и что-то еще...

Сердце у Ренисенб отчаянно заколотилось, когда она вынула из шкатулки ожерелье из золотых бусинок с золотыми львами, свисающими посередине...

Глава XV

Первый месяц Лета, 30-й день

I

Эта находка очень напугала Ренисенб.

Она сразу же положила ожерелье обратно в шкатулку, задвинула крышку и застегнула застёжки. Ее первым порывом было никому не говорить о своей находке, и она даже боязливо оглянулась по сторонам, желая убедиться, что никто ничего не видел.

Ренисенб провела бессонную ночь, ворочаясь с боку на бок и никак не находя для головы удобного положения на резном деревянном подголовнике.

К утру она приняла решение с кем-нибудь поделиться своим открытием. Уж слишком тяжело было хранить его в тайне. Дважды за ночь она приподнималась посмотреть, не стоит ли Нофрет возле ее кровати. Нет, в покоях никого не было.

Вынув ожерелье с львиными головами из шкатулки, Ренисенб укрыла его в складках своего одеяния. И едва успела это сделать, как в покои к ней ворвалась Хенет с горящими от радостного возбуждения глазами — она могла поведать свежую новость.

— Только представь, Ренисенб, — ну не ужас ли? — мальчишку, этого пастуха, знаешь, нашли нынче утром крепко спящим возле кукурузного поля, его трясли и кричали ему в ухо, но, видно, он никогда больше не проснется. Словно напился макового настоя, — может, так и было — но если так, кто ему дал этого настоя? Из наших никто, я уверена. И вряд ли он отыскал его сам. Вчера еще следовало бы это предусмотреть. — Хенет схватилась за один из своих многочисленных амулетов. — Да защитит нас Амон от злых духов из Царства мертвых! Мальчишка рассказал нам, что видел. Признался, что видел Ее. Значит, Она вернулась и напоила его маковым настоем, чтобы его глаза закрылись навсегда. О, Она очень могущественна, эта Нофрет! Она ведь, знаешь, побывала и в других странах. И там, наверное, обучилась колдовству. Нам грозит опасность, всем без исключения. Твой отец должен принести в жертву Амону несколько волов, целое стадо, если понадобится, — сейчас не время

скупиться. Нам нужно искать защиты. Обратиться к твоей матери — вот что Имхотеп хочет сделать. Так посоветовал жрец Мерсу. Написать послание в Царство мертвых. Хори сейчас составляет его. Поначалу твой отец хотел взывать к Нофрет, просить ее, знаешь, вот так: «Превосходнейшая Нофрет, в чем моя вина пред тобою, что ты...» и так далее. Но верховный жрец Мерсу сказал, что этим не отделаешься. Твоя мать Ашайет была из знатной семьи. Брат ее матери был правителем, а ее собственный брат главным виночерпием у великого визиря в Фивах. Как только ей станет известно о наших бедах, она уж постарается сделать так, чтобы простой наложнице не было позволено губить ее детей. И тогда справедливость восторжествует. Вот Хори сейчас и составляет послание к ней.

«Надо разыскать Хори, — подумала Ренисенб, — и рассказать о найденном ожерелье со львами. Но если Хори составляет послание, да еще вместе со жрецами из храма Исиды, то поговорить с ним наедине вряд ли удастся. Пойти к отцу? Без толку», — покачала головой Ренисенб. Она уже давно утратила свою детскую веру во всемогущество отца. Теперь она знала: в минуту трудности он приходит в отчаяние и, вместо того, чтобы проявить твердость и решительность, напускает на себя важный вид. Не будь Яхмос болен, она могла бы поговорить с ним, хотя и сомневалась в его способности дать мало-мальски разумный совет. Наверное, он стал бы убеждать ее довести все до сведения Имхотепа.

А этого-то, все отчетливее сознавала Ренисенб, во что бы то ни стало следовало избежать. Первое, что сделал бы Имхотеп, это оповестил о случившемся всех вокруг. А Ренисенб инстинктивно чувствовала необходимость сохранить свое открытие в тайне, хотя и вряд ли была в состоянии объяснить, по какой именно причине.

Нет, только Хори может дать ей правильный совет. Хори всегда знает, как поступить. Он заберет у нее ожерелье, а вместе с ожерельем исчезнут тревога и страх. Он посмотрит на нее своими добрыми печальными глазами, и у нее сразу станет легко на сердце...

На миг у Ренисенб родилось искушение довериться Кайт. Нет. Кайт ничем не поможет, она даже слушать как следует не умеет. Конечно, если увести ее подальше от детей... Нет, бесполезно, Кайт славная, но глупая.

«Остаются еще Камени и бабушка, — пришло на ум Ренисенб. — Камени?..» Было что-то заманчивое в мысли рассказать обо всем Камени. Она отчетливо представила себе его лицо, сначала оживленное и веселое, потом озабоченное... Ему станет тревожно за нее, а может, вовсе не за нее?

Откуда это закрывшееся вдруг подозрение, что Нофрет и Камени были

более близкими друзьями, нежели казалось с виду? Из-за того, что Камени помогал Нофрет поссорить Имхотепа с его семьей? Он дал слово, что действовал вопреки собственной воле, но правда ли это? Дать слово ничего не стоит. Все, что Камени говорит, звучит искренне и правдиво. Его смех так заразителен, что хочется смеяться вместе с ним. Походка у него легкая, плечи смуглые и гладкие, и, когда он поворачивает голову, глядя на нее... Когда его глаза смотрят на нее... Ренисенб смутилась от собственных мыслей. Глаза Камени не были похожи на глаза Хори, печальные и добрые. Его взгляд настойчивый, зовущий. Эти размышления заставили Ренисенб покраснеть, в глазах ее появился блеск. Нет, решила она, она не расскажет Камени о том, что нашла ожерелье Нофрет. Она пойдет к Изе. Иза удивила ее вчера. Пусть старая, но соображает она куда лучше остальных членов семьи, да и в практической сметке ей не откажешь.

«Она старая, но знает, как поступить», — подумала Ренисенб.

II

При первых же словах об ожерелье Иза быстро оглянулась вокруг, приложив палец к губам, и протянула руку. Ренисенб извлекла из складок своего одеяния ожерелье и отдала его Изе. Иза мгновение разглядывала его своими тусклыми глазами, а потом сунула куда-то себе в одежды.

— Ни слова больше о нем, — низким властным голосом распорядилась она. — Ибо любой разговор в этом доме слушают тысячи ушей. Я полночи не спала, все размышляла и пришла к выводу, что предстоит сделать многое.

— Отец и Хори пошли в храм Исиды посоветоваться с Мерсу насчет послания моей матери, в котором они хотят попросить ее вступить за нас.

— Я знаю. Пусть твой отец занимается усопшими, нам же предстоит подумать о живых. Когда Хори вернется, приведи его ко мне. Нужно кое-что обговорить и обсудить, а Хори я доверяю.

— Хори скажет, что нам делать, — убежденно произнесла Ренисенб.

Иза с любопытством посмотрела на нее.

— Ты часто ходишь к нему наверх, а? О чем вы, Хори и ты, беседуете?

— О Ниле и о Египте... О том, как день переходит в ночь и как от этого меняется цвет песка и камней... Но очень часто мы вообще не разговариваем. Я просто сижу там в тишине, и мне так покойно, никто не бранится, не ходит попусту взад-вперед, не плачут дети. Я сижу и размышляю, и Хори мне не мешает. Порой я поднимаю глаза и ловлю его

на том, что он смотрит на меня, и тогда мы оба улыбаемся... Мне радостно бывать там.

— Счастливая ты, Ренисенб, — отозвалась Иза. — Ты нашла такое счастье, какое живет у человека в его собственном сердце. Для большинства женщин оно состоит в чем-то малозначительном и будничном: в уходе за детьми, в беседах и ссорах с подругами, в попеременно любви и ненависти к мужчине. Их счастье складывается из повседневных забот, нанизанных одна на другую, словно бусинки на нитку...

— И твоя жизнь была такой же, бабушка?

— В основном. Но теперь, когда я стала старой и большую часть времени провожу одна, когда я плохо вижу и с трудом передвигаюсь, я стала понимать, что, кроме жизни вокруг нас, существует жизнь внутри нас. Однако я уже слишком стара, чтобы сделать правильный выбор, и потому по-прежнему ворчу на свою маленькую рабыню, люблю полакомиться только что приготовленным, прямо с плиты, вкусным блюдом и всеми сортами хлеба, что мы печем, отведать спелого винограда и гранатового сока. Только это и осталось мне, когда ушло все остальное. Дети, которых я любила, уже все в Царстве мертвых. Твой отец, да поможет ему Ра, всегда был глуповат. Я любила его, когда он был малышом и только учился ходить, но сейчас он раздражает меня своей спесью и чванством. Из моих внуков я больше всех люблю тебя, Ренисенб... Кстати, а где Ипи? Я ни вчера, ни сегодня его не видела.

— Он очень занят. Отец поручил ему присматривать за уборкой зерна.

— Что, вероятно, пришлось по душе заносчивому мальчишке, — усмехнулась Иза. — Теперь будет расхаживать с важным видом. Когда он придет поесть, скажи ему, что я хочу его видеть.

— Хорошо, бабушка.

— А про остальное, Ренисенб, молчи...

III

— Ты хотела видеть меня, Иза?

Ипи стоял с цветком в белоснежных зубах и, чуть склонив голову набок, нагло улыбался. Он, по-видимому, был весьма доволен собой и жизнью в целом.

— Если ты готов пожертвовать минутой твоего драгоценного времени, — сказала Иза, сощурив глаза, чтобы лучше видеть внука, и

оглядывая его с головы до ног.

Ее резкий тон не произвел на Ипи ни малейшего впечатления.

— Да, я и вправду очень занят нынче. Мне приходится присматривать за всем хозяйством, поскольку отец ушел в храм.

— Молодой шакал лает громче других, — заметила Иза.

Но Ипи остался невозмутим.

— Неужели ты позвала меня только для того, чтобы это сказать?

— Нет, не только. Для начала позволь тебе напомнить, что у нас в доме траур. Тело твоего брата Себека уже бальзамируют. А у тебя на лице такая радость, будто наступил праздник.

Ипи усмехнулся.

— Ты ведь не терпишь лицемерия, Иза. Зачем же принуждаешь меня кривить душой? Тебе известно, что мы с Себеком друг друга недолюбливали. Он изо всех сил старался досадить мне и заставлял делать то, что мне не нравится. Обращался со мной, как с ребенком. В поле поручал самую унижительную работу, которая под силу даже детям. Часто дразнил меня и смеялся надо мной. А когда отец решил наделить меня вместе со старшими братьями правами на владение его имуществом, Себек убедил его этого не делать.

— Откуда ты знаешь, что именно Себек убедил его?

— Мне сказал Камени.

— Камени? — подняла брови Иза и, сдвинув на бок накладные волосы, почесала голову. — Значит, Камени? Очень интересно.

— Камени сказал, что услышал об этом от Хенет, а Хенет, как известно, все знает.

— Тем не менее, — сухо заметила Иза, — на этот раз Хенет ошиблась. Оба, и Себек и Яхмос, не сомневаюсь, считали, что ты слишком молод для участия в управлении хозяйством, но твоего отца убедила я, а не они.

— Ты, бабушка? — Ипи уставился на нее с искренним удивлением. Потом он мрачно насупился, и цветок упал на пол. — Зачем ты это сделала? Какое тебе до всего этого дело?

— Дела моей семьи — это и мои дела.

— И отец послушался тебя?

— Не сразу, — ответила Иза. — Но я преподам тебе урок, внук мой. Женщины идут не проторенным, а окольным путем и способны научиться, если не обладают этим даром от рождения, пользоваться слабостями мужчин. Ты, может, помнишь, что я как-то по вечерней прохладе прислала на галерею Хенет с игровой доской?

— Помню. Мы с отцом принялись играть. Ну и что с того?

— А вот что. Вы сыграли трижды. И всякий раз, поскольку ты играешь лучше, ты выигрывал у отца.

— Верно.

— Вот и все, — сказала Иза, прикрывая глаза. — Твой отец, как все слабые игроки, не любит проигрывать, да еще такому щенку, как ты. Вот он, припомнив мои слова, и решил, что еще рано брать тебя в совладельцы.

С минуту Ипи не сводил с нее глаз. Потом расхохотался — не очень, правда, весело.

— Ты умница, Иза, — сказал он. — Да, ты, может, и старая, но очень умная. В этой семье только у нас с тобой есть мозги. В нашей игре первую партию выиграла ты. Но во второй, увидишь, победу одержу я. Поэтому берегись, бабушка.

— Так я и намерена поступить, — откликнулась Иза. — А в ответ на твои слова позволь мне в свою очередь посоветовать тебе побережись. Одного из твоих братьев уже нет в живых, второй чуть не умер. Ты тоже сын своего отца, а поэтому и тебя может ждать та же участь.

Ипи презрительно рассмеялся.

— Я этого не боюсь.

— Почему? Ты тоже угрожал Нофрет и оскорблял ее.

— Нофрет? — В его голосе явно слышалось пренебрежение.

— Что у тебя в мыслях? — вдруг спросила Иза.

— Мои мысли оставь мне, бабушка. Могу заверить тебя, что Нофрет и ее загробные проделки меня мало волнуют. Пусть вытворяет что хочет.

За его спиной раздался вопль, и в покои ворвалась Хенет.

— Самонадеянный юнец! — воскликнула она. — Бросить вызов усопшей! После всего, что произошло? И на тебе даже нет амулета, чтобы защититься себя!

— Защитить? Я сам себя сумею защитить. Прочь с дороги, Хенет! Меня ждут дела. Эти ленивые землепашцы наконец-то почувствуют руку настоящего хозяина.

И, оттолкнув Хенет, Ипи удалился.

Иза не стала слушать жалобы и сетования Хенет.

— Перестань ныть, Хенет. Может, Ипи и знает, что делает. Во всяком случае, ведет он себя довольно странно. Лучше скажи мне вот что: говорила ли ты Камени, что это Себек убедил Имхотепа не включать Ипи в число совладельцев?

— Я слишком занята делами по дому, — снова по привычке запричитала Хенет, — чтобы бегать и с кем-то вести беседы, а уж меньше всего с Камени. Я бы с ним и словом не перекинулась, если бы он сам не

затянул со мной разговора. Он умеет расположить к себе, ты не можешь не признать этого, Иза, и не я одна думаю так... Если молодая вдова хочет снова выйти замуж, она обычно выбирает себе красивого молодого человека, хотя я не совсем представляю, как отнесется к этому Имхотеп. Камени всего-навсего младший писец.

— Это не имеет отношения к делу! Говорила ли ты ему, что именно Себек был против того, чтобы Ипи включили в число совладельцев?

— По правде говоря, Иза, я не помню, было это сказано или нет. Во всяком случае, я не ходила и не искала, с кем бы об этом поговорить. Но слухи всегда найдут себе дорогу, к тому же ты сама знаешь, что Себек кричал, да и Яхмос заявлял, между прочим, тоже, только не так громко и не так часто, что Ипи еще ребенок и что это ни к чему хорошему не приведет, и потому Камени сам мог слышать эти слова, а не выведать их у меня. Я никогда не занимаюсь сплетнями, но язык дан человеку, чтобы говорить, а я, между прочим, не глухонемая.

— Да, уж в этом я не сомневаюсь, — согласилась Иза. — Но язык, Хенет, порой может стать и оружием. Язык может оказаться причиной смерти, и не одной. Надеюсь, твой язык, Хенет, еще не лишил никого жизни.

— Как ты можешь такое говорить, Иза! И что у тебя в мыслях? Все, что я когда-либо говорила, я готова поведать целому миру. Я так преданна вашей семье, что готова сама умереть за любого из вас. Но никто не ценит мою преданность. Я обещала их дорогой матери...

— Ха, — перебила ее Иза, — наконец-то мне несут жирную куропатку с приправой из порея и петрушки. Пахнет очень вкусно, значит, сварили на славу. Раз уж ты так нам преданна, Хенет, попробуй кусочек — на тот случай, если туда положили отраву.

— Иза! — издала очередной вопль Хенет. — Отраву! И как у тебя язык поворачивается говорить подобные вещи! Ее же варили у нас на кухне!

— Все равно кому-нибудь придется попробовать, — сказала Иза. — На всякий случай. Лучше тебе, Хенет, поскольку ты готова умереть за любого из нас. Не думаю, что смерть будет слишком мучительной. Ешь, Хенет. Посмотри, какая куропатка, сочная, жирная и вкусная. Нет, спасибо, я не хочу лишиться моей маленькой рабыни. Она еще совсем юная и веселая. У тебя же лучшие годы уже позади, Хенет, и ничего страшного не произойдет, если с тобой что и случится. Ну-ка, открой рот... Вкусно, не правда ли? Что это ты, прямо позеленела от страха? Тебе что, не понравилась моя шутка? Видать, нет. Ха-ха-ха!

И Иза покатила со смеху, потом, вдруг сделавшись серьезной, с

жадностью принялась за свое любимое блюдо.

Глава XVI

Второй месяц Лета, 1-й день

I

После долгих споров, учтя множество исправлений, послание было наконец составлено, и Хори вместе с двумя храмовыми писцами записал его на свитке папируса.

Первый шаг был сделан.

Жрец подал знак зачитать послание вслух.

— *«Превосходнейшей Ашайет!*

Это весть от твоего любимого брата и мужа. Не забыла ли сестра своего брата? Не забыла ли мать рожденных ею детей? Разве не знает превосходнейшая Ашайет, что ее детям угрожает злой дух? Уже Себек, ее сын, отравленный ядом, ушел в Царство Осириса.

В земной жизни я чтил тебя, одаривал украшениями и нарядами, душистыми маслами и благовониями, дабы ты умащивала ими свое тело. Я делил с тобой свою трапезу, и мы сидели в мире и согласии перед столами, уставленными яствами. Когда одолел тебя злой недуг, я не жалел расходов, дабы излечить тебя, и призвал самого искусного лекаря. Тебя погребли с почестями, совершив все положенные обряды, и все необходимое тебе в загробной жизни — фигурки слуг и волов, еду и питье, украшения и одежды — замуровали вместе с тобой. Я скорбел по тебе долгие годы и только много лет спустя взял себе наложницу, чтобы жить, как подобает еще не старому мужчине.

И вот эта наложница теперь чинит зло твоим детям. Известно ли тебе об этом? Быть может, ты пребываешь в неведении? Нет сомнения, если бы Ашайет знала об этом, она тотчас бы поспешила на помощь сыновьям, рожденным ею.

Быть может, Ашайет все известно, и наложница Нофрет творит зло, потому что владеет искусством колдовства? Ибо, сомнения нет, это происходит против твоей воли, превосходнейшая Ашайет. А потому вспомни, что в Царстве мертвых у тебя есть знатные родственники и могущественные помощники — великий и благородный Ипи, главный виночерпий визиря. Взывай к нему о помощи! А также брат твоей матери,

великий и могучий Мерипмах, бывший правитель нашей провинции. Поведай ему о том, что произошло. И да велит он устроить суд и призвать свидетелей. И они поклянутся, что Нофрет сотворила зло. И тогда судьи порешат наказать Нофрет и повелят ей не чинить больше зла нашей семье.

О превосходная Ашайет, не гневайся на своего брата Имхотепа за то, что, следуя злым наветам этой женщины, грозился он совершить несправедливость по отношению к твоим родным детям! Будь милостива, ведь не он один страдает, но и твои дети тоже. Прости твоего брата Имхотепа, ибо взывает он к тебе во имя твоих детей».

Главный писец кончил читать. Мерсу кивнул в знак одобрения.

— Послание составлено должным образом. Ничего, по-моему, не упущено.

Имхотеп встал.

— Благодарю тебя, достославный Мерсу. Мои дары — скот, масло и лен — придут к тебе завтра до захода солнца. Может, мы сейчас условимся о дне церемонии возложения урны с посланием в поминальном зале гробницы?

— Пусть это произойдет через три дня. На урне следует сделать надпись, а также приготовить все необходимое для торжественного обряда.

— Как сочтешь нужным. Главное, чтобы ничего дурного больше не случилось.

— Я хорошо понимаю твою озабоченность, Имхотеп. Но отныне позабудь о страхе. Добрейшая Ашайет наверняка откликнется на это послание, а ее родственники, обладающие властью и могуществом, помогут ей восстановить справедливость там, где она была так грубо поправа.

— Да поможет нам Исида! Благодарю тебя, Мерсу, и за помощь, и за то, что ты излечил моего сына Яхмоса. Пойдем домой, Хори, нас ждут дела. Это послание сняло тяжесть с моей души. Превосходнейшая Ашайет не оставит в беде своего несчастного брата.

II

Когда Хори со свитками папируса в руках вошел за ограду усадьбы, у водоема его поджидала Ренисенб.

— Хори! — бросилась она к нему.

— Да, Ренисенб?

— Повдем со мной к Изе. Она зовет тебя.

— Сейчас. Позволь только я посмотрю, не захочет ли Имхотеп...

Но Имхотепом уже завладел Ипи, и отец с сыном о чем-то тихо беседовали.

— Подожди, я положу эти свитки на место, и мы пойдем с тобой к Изе, Ренисенб.

Иза обрадовалась, увидев пришедших.

— Вот Хори, бабушка. Я сразу привела его к тебе, как только он появился.

— Отлично. Как на дворе, тепло?

— По-моему, да, — удивилась Ренисенб.

— Тогда подай мне палку. Я пройду по двору.

Ренисенб была в недоумении: Иза крайне редко выходила из дому. Под руку она провела старуху через главные покои на галерею.

— Сядешь здесь, бабушка?

— Нет, дитя мое. Я дойду до водоема.

Иза шла медленно, но, хотя и хромала, уверенно продвигалась вперед и не жаловалась на усталость. Оглянувшись, она выбрала место, где возле пруда в приветливой тени фигового дерева была разбита небольшая цветочная клумба.

Усевшись, она с удовлетворением заметила:

— Наконец-то мы можем поговорить так, чтобы никто не сумел нас подслушать.

— Ты рассуждаешь мудро, Иза, — с одобрением отозвался Хори.

— То, о чем мы будем говорить, не должен знать никто, кроме нас троих. Я доверяю тебе, Хори. Ты появился у нас в доме еще ребенком. И всегда был преданным, скромным и умным. Из всех моих внуков я больше всех люблю Ренисенб. Пусть зло обойдет ее стороной, Хори.

— Так и будет, Иза.

Хори произнес эти слова тихо, но тон, каким они были сказаны, выражение его лица и взгляд, каким он встретил взгляд старухи, ее вполне удовлетворили.

— Хорошо сказано, Хори, спокойно, без излишней горячности, как и подобает человеку, который своих слов на ветер не бросает. А теперь расскажи мне, что вы делали сегодня.

Хори объяснил, как было составлено послание, и пересказал его содержание. Иза слушала внимательно.

— А теперь послушай меня, Хори, и посмотри вот на это. — Она вытащила из складок платья ожерелье со львами. — Скажи ему, Ренисенб,

где ты нашла это ожерелье, — добавила она. Ренисенб сказала. — Ну, Хори, что ты об этом думаешь? — спросила Иза.

С минуту Хори молчал.

— Ты старше и умнее меня, Иза. Что думаешь ты? — спросил он.

— Я вижу, ты из тех людей, Хори, кто не спешит что-либо утверждать, не имея твердых доказательств. Ты с самого начала знал, как умерла Нофрет?

— Я подозревал правду, Иза, но это было всего лишь подозрение.

— Именно. И сейчас мы располагаем только подозрением. Но здесь, вне стен дома, мы трое можем не бояться высказать наши подозрения, о которых потом, разумеется, лучше умолчать. Я думаю, есть три объяснения случившимся событиям. Первое — пастух сказал правду, и он в самом деле видел Нофрет, вернувшуюся из Царства мертвых с жестоким намерением отомстить за себя и причинить новую горе нашей семье. Может, так оно и было — жрецы, и не только они, утверждают, что такое возможно, да и мы все знаем, что болезни, например, насылаются на людей злыми духами. Но я старая женщина и не обязана верить всему, что говорят жрецы, а потому считаю, что есть и другие объяснения.

— Какие же? — спросил Хори.

— Предположим, что Сатипи и вправду убила Нофрет, что через какое-то время на том же месте Сатипи привиделась Нофрет и что в ужасе от сознания собственной вины она бросилась со скалы и разбилась насмерть. Все это более-менее ясно. Теперь перейдем к тому, что было дальше: некто по причине, нам пока не известной, решил убить двух сыновей Имхотепа. А замыслив это сделать, он надеялся, что его преступление из суеверного страха припишут Нофрет, как и произошло.

— Но кто вознамерился бы убить Яхмоса и Себека? — вскричала Ренисенб.

— Не слуги, — сказала Иза, — они бы на это никогда не осмелились. Значит, людей, из которых нам предстоит выбрать, совсем немного.

— Выходит, это кто-то из нас? Бабушка, такого быть не может!

— Спроси у Хори, — сухо отозвалась Иза. — Ты видишь, он мне не возразил.

— Хори, — обратилась к нему Ренисенб, — неужели...

Хори мрачно кивнул головой.

— Ренисенб, ты молода и доверчива. Ты считаешь, что все, кого ты знаешь и любишь, такие, какими они тебе представляются. Ты не подозреваешь, сколько жестокости и зла может гнездиться в человеческом сердце.

— Но кто из нас...

— Вернемся к истории, поведенной нам пастухом, — вмешалась Иза. — Он видел женщину в полотняном одеянии с ожерельем на шее, которое носила Нофрет. Если это не призрак, значит, он видел именно то, что рассказывал, то есть видел женщину, которая хотела, чтобы в ней узнали Нофрет. Это могла быть Кайт, могла быть Хенет и, наконец, могла быть ты, Ренисенб! С такого расстояния кто угодно может сойти за женщину, если надеть женское платье и накладные волосы. Подожди, дай мне договорить. Возможно, пастух солгал. Он поведал нам историю, которой его научили. Он выполнял волю человека, который имел право ему приказывать, даже не понимая по слабости ума, что его подкупили или уговорили так поступить. Этому нам никогда не узнать, потому что мальчишка умер — что само по себе уже кое о чем свидетельствует. Это-то и навело меня на мысль, что мальчишка рассказывал то, чему его научили. Если бы потом его стали выспрашивать поподробнее, он мог бы проговориться — имея немного терпения, нетрудно узнать, сказал ребенок правду или солгал.

— Значит, ты считаешь, что убийца среди нас? — спросил Хори.

— Да, — ответила Иза. — А ты?

— Я тоже так считаю, — сказал Хори.

Ренисенб, ошеломленная, переводила взгляд с одной на другого.

— Но мотив так и остается неясным, — продолжал Хори.

— Согласна, — отозвалась Иза. — Вот это-то меня и тревожит. Я не знаю, над кем теперь нависла угроза.

— Убийца среди нас? — недоверчиво переспросила Ренисенб.

— Да, Ренисенб, среди нас, — сурово ответила Иза. — Хенет или Кайт, Ипи или Камени, а то и сам Имхотеп. Кроме того, Иза, или Хори, или даже, — улыбнулась она, — Ренисенб.

— Ты права, Иза, — согласился Хори. — В этот список мы должны включить и себя.

— Но зачем убивать? — В голосе Ренисенб звучали удивление и страх. — Зачем?

— Знай мы это, мы бы знали все, что нам требуется, — сказала Иза. — Пока же мы можем рассуждать о действиях тех, кто оказался жертвой. Себек, если вы помните, подошел к Яхмосу уже после того, как Яхмос начал пить. Отсюда совершенно ясно, что тот, кто отравил вино, рассчитывал убить Яхмоса, и менее ясно, хотел ли он также убить и Себека.

— Но кому понадобилось убить Яхмоса? — недоумевала Ренисенб. —

Из всех нас он самый спокойный и добрый, а потому вряд ли у него есть враги.

— Отсюда следует, что преступление совершено не из личной неприязни, — сказал Хори. — Как говорит Ренисенб, Яхмос не из тех, кто наживает себе врагов.

— Да, — согласилась Иза, — личная неприязнь исключается. Значит, либо это вражда ко всей семье, либо преступником движет алчность, против которой нас предостерегают поучения Птахотепа. Она — соединение всех зол и вместилище всех пороков.

— Я понимаю ход твоих мыслей, Иза, — заметил Хори. — Но, чтобы прийти к какому-либо заключению, мы должны рассудить, кому выгодна смерть Яхмоса.

Иза согласно затрясла головой, от чего ее накладные волосы сползли ей на ухо. Как ни смешно она выглядела, никто даже не улыбнулся.

— Что ж, попробуй ты, Хори, — сказала она.

Минуту-другую Хори молчал, глаза его были задумчивы. Женщины терпеливо ждали. Наконец он заговорил:

— Если бы Яхмос умер, как кто-то рассчитывал, тогда главными наследниками стали бы два сына Имхотепа — Себек и Ипи. Часть имущества, конечно, отошла бы детям Яхмоса, но управление хозяйством было бы в руках сыновей Имхотепа, прежде всего в руках Себека. Больше всех, несомненно, выгадал бы от этого Себек. Надо думать, что в отсутствие Имхотепа он выполнял бы также обязанности жреца заупокойной службы, а после его смерти унаследовал бы эту должность. Но хотя Себек выгадал бы больше других, преступником он быть не может, ибо сам так жадно пил отравленное вино, что умер. Поэтому, насколько я понимаю, смерть двух братьев могла пойти на пользу только одному человеку, — в данный момент, разумеется, — и этот человек — Ипи.

— Правильно, — согласилась Иза. — Я вижу, Хори, ты умеешь рассуждать и смотреть на несколько ходов вперед. Теперь давай поговорим про Ипи. Он молод и нетерпелив; у него во многом дурной характер; он в том возрасте, когда исполнение желаний кажется самым важным на свете. Он возмущался и сердился на старших братьев, считая, что его несправедливо обошли, исключив из числа совладельцев. А тут еще Камени подогрел его чувства...

— Камени? — спросила Ренисенб. И в ту же секунду вспыхнула и закусила губу.

Хори повернул голову и взглянул на нее. Этот долгий, пронизательный, но добрый взгляд необъяснимым образом ранил ее. Иза,

вытянув шею, уставилась на Ренисенб.

— Да, — ответила Иза. — Камени. Под влиянием Хенет или нет — это уже другой вопрос. Ипи честолюбив и самонадеян, он не желает признавать над собой власть старших братьев и явно считает себя, как он уже давно мне сказал, гораздо умнее остальных членов семьи, — невозмутимо закончила Иза.

— Он тебе так сказал? — спросил Хори.

— Он весьма любезно признал, что только у нас с ним есть мозги, как он выразился.

— По-твоему, Ипи отравил Яхмоса и Себека? — с сомнением в голосе потребовала ответа Ренисенб.

— Я полагаю, что это не исключено, не более того. Сейчас мы ведем разговор о подозрениях — доказательств у нас пока нет. Испокон веку алчность и ненависть вдохновляли людей на убийство своих близких, и люди совершали убийство, хотя им было известно, что боги этого не одобряют. И если отраву в вино всыпал Ипи, нам нелегко будет уличить его, ибо Ипи, охотно признаю, очень неглуп.

Хори кивнул в знак согласия.

— Но здесь, под фиговым деревом, мы ведем разговор пока лишь о подозрениях. А потому нам предстоит обсудить поведение всех наших домочадцев. Как я уже сказала, слуг я исключаю, потому что даже на мгновение не могу поверить, что кто-либо из них осмелится на такой поступок. Но я не исключаю Хенет.

— Хенет? — воскликнула Ренисенб. — Но Хенет так искренне нам преданна. Она то и дело твердит об этом.

— Лгать не труднее, нежели говорить правду. Я много лет знаю Хенет. Впервые я увидела ее, когда она приехала в наш дом с твоей матерью. Она приходилась ей дальней родственницей, бедной и несчастной. Муж так и не полюбил ее — она была малопривлекательна — и вскоре покинул. Единственный ребенок умер в раннем возрасте. Явившись к нам, она заверяла в своей преданности твоей матери, но я видела ее глаза, когда она следила, как твоя мать ходит по дому и по двору, и я говорю тебе, Ренисенб, в них не было любви. Они горели завистью. А что касается ее преданности всем нам, то я ей не верю.

— Скажи мне, Ренисенб, — вмешался Хори, — а ты сама испытываешь привязанность к Хенет?

— Нет, — не сразу ответила Ренисенб. — Хотя часто корю себя за то, что не люблю ее.

— Не кажется ли тебе, что причиной этому неискренность, которую ты

неволью чувствуюешь? Подтвердила ли она хоть раз свою любовь к вам на деле? Не она ли постоянно вносит разногласия в семью, наушничая и нашептывая пересуды, которые только ранят душу и вызывают гнев?

— Да, да, все это верно.

Иза издала сухой смешок.

— У тебя, оказывается, неплохие глаза и уши, достойнейший Хори.

— Но отец ей доверяет и благоволит к ней, — не сдавалась Ренисенб.

— Мой сын всегда был дураком, — сказала Иза. — Мужчины любят, когда им льстят, вот Хенет и расточает лесть, подобно благовонному бальзаму, который щедро раздают, готовясь к пирам. Ему она, может, и в самом деле искренне преданна, но к остальным, уверена, никакой любви не испытывает.

— Но не решится же она... Не решится же она убивать, — сопротивлялась Ренисенб. — Для чего ей сыпать отраву в вино? Какая ей от этого польза?

— Никакой. Что же касается, для чего, — мы понятия не имеем, какие у Хенет мысли. Не знаем, что она думает, что чувствует. Но за ее подострастием и раболепством, по-моему, кроется нечто весьма необычное. А если так, то мотивов ее действий нам с тобой и Хори не понять.

Хори кивнул.

— Иногда порча кроется глубоко внутри. Я уже однажды говорил Ренисенб об этом.

— А я не поняла тебя, — отозвалась Ренисенб. — Но теперь мне кое-что стало понятно. Началось это все с появления Нофрет. Еще тогда, заметила я, мы все перестали быть такими, какими казались мне раньше. Я испугалась... А сейчас, — она беспомощно развела руками, — страх царит кругом...

— Страх вызван неведением, — сказал Хори. — Как только все прояснится, Ренисенб, страх исчезнет.

— Есть еще и Кайт, — продолжала Иза.

— При чем тут Кайт? — возмутилась Ренисенб. — Кайт ни за что не стала бы убивать Яхмоса. Это невероятно.

— Невероятного не существует, — сказала Иза. — Это, по крайней мере, я постигла за свою долгую жизнь. Кайт — удивительно тупая женщина, а я всегда не доверяла тупицам. Они опасны. Они видят только то, что вблизи, что их окружает, и могут сосредоточить свое внимание на чем-то одном. Кайт живет в собственном мире, который состоит из нее самой, ее детей и Себека как отца ее детей. Ей вполне могло прийти в

голову, что смерть Яхмоса сделает ее детей богаче. Себеком Имхотеп часто бывал недоволен — он был безрассудным, непослушным, дерзким. Имхотеп мог положиться только на Яхмоса. Но если бы Яхмоса не стало, Имхотепу пришлось бы полагаться на Себека. Вот так примитивно она, по моему, могла бы рассудить.

Ренисенб вздрогнула. Сама того не желая, она распознала в словах Изы суть характера поведения Кайт. Ее мягкость и нежность, ее спокойствие и любовь были направлены только на собственных детей. Помимо себя, своих детей и Себека, мира для нее не существовало. Он не вызывал у нее ни любопытства, ни интереса.

— Но ведь должна же была она сообразить, — начала Ренисенб, — что вернется Себек, захочет пить, как и случилось, и нальет себе вина?

— Нет, — сказала Иза, — не обязательно. Кайт, как я уже сказала, глупая. Она видела только то, что хотела видеть, — Яхмос пьет вино и умирает, что потом объясняют колдовством жестокой и прекрасной Нофрет. Она представляла себе только одну возможность, исключая всякую иную, и поскольку вовсе не желала смерти Себеку, то ей и в голову не приходило, что он может неожиданно вернуться.

— А получилось так, что Себек умер, а Яхмос остался жив! Как ей, должно быть, тяжело, если все произошло так, как ты предполагаешь.

— Такое часто бывает с глупыми людьми, — заметила Иза. — Затевают они одно, а получается совсем другое. — Она помолчала, а потом продолжала. — А теперь переходим к Камени.

— Камени? — Ренисенб постаралась ничем не выказать своего волнения или протеста. И снова смутилась под взглядом Хори.

— Да, не принимать в расчет Камени мы не можем. Мы не знаем, есть ли у него причины нанести нам вред, но что нам вообще известно о нем? Он приехал с севера, из тех же земель, что и Нофрет. Он помогал ей — охотно или неохотно, кто может сказать? — настроить Имхотепа против родных детей. Я иногда наблюдала за ним, но должна признаться, не знаю, что он собой представляет. В целом он кажется мне обычным молодым человеком, далеко не простодушным, и помимо того, что он красив, есть в нем что-то притягательное для женщин. Да, женщинам Камени всегда будет нравиться, но тем не менее, по моему, он не из тех, кто способен завладеть их мыслями и сердцем. Он весел и беспечен, и, когда умерла Нофрет, не заметно было, чтобы он горевал.

Но так видится со стороны. Кто может сказать, что происходит в человеческом сердце? Человек с твердым характером способен на любую роль... Может, Камени тяжело горюет по погибшей Нофрет и жаждет

отомстить за нее? Раз Сатипи убила Нофрет, пусть погибнет Яхмос, ее муж. И Себек, который угрожал ей, а потом, может, и Кайт, докучавшая ей мелкими пакостями, и Ипи, который тоже ненавидел ее. Все это кажется невероятным, но кто знает?

Иза умолкла и посмотрела на Хори.

— Кто знает, Иза?

Иза уставилась на него хитрыми глазами.

— Может, ты знаешь, Хори? Тебе думается, ты знаешь, не так ли?

С минуту Хори молчал, потом ответил:

— Да, у меня есть свое, хотя пока недостаточно твердое, мнение, кто и зачем положил в вино отраву... И я не совсем понимаю... — Он опять помолчал, потом, нахмурившись, покачал головой. — Нет, неопровержимых доказательств у меня нет.

— Но ведь мы ведем разговор о подозрениях. Так что можешь говорить, Хори.

Однако Хори снова покачал головой.

— Нет, Иза. Это всего лишь догадка, неясная догадка... И если она верна, то тебе лучше ее не знать. Ибо знать опасно. То же самое относится и к Ренисенб.

— Значит, и тебе грозит опасность, Хори?

— Да... По-моему, Иза, опасность грозит нам всем — меньше других, пожалуй, Ренисенб.

Некоторое время Иза смотрела на него молча.

— Много я бы дала, — наконец сказала она, — чтобы проникнуть в твои мысли.

Хори ответил не сразу. Некоторое время он размышлял.

— Мысли человека можно распознать только по его поведению. Если человек ведет себя странно, непривычно, если он сам не свой...

— Тогда ты начинаешь его подозревать? — спросила Ренисенб.

— Как раз нет, — ответил Хори. — Человек, который замышляет злодеяние, понимает, что ему во что бы то ни стало следует это скрыть. Поэтому он не может позволить себе вести себя необычно...

— Мужчина? — спросила Иза.

— Мужчина или женщина — все равно.

— Ясно, — отозвалась Иза. Потом, окинув его внимательным взглядом, она спросила. — А мы? В чем можно заподозрить нас троих?

— Вот в чем, — сказал Хори. — Мне, например, очень доверяют. Составление сделок и сбыт урожая в моих руках. В качестве писца я имею дело со счетами. Предположим, я кое-что подделал, как случилось в

Северных Землях, о чем узнал Камени. Затем Яхмос заметил, что счета не сходятся, у него возникли подозрения, и мне пришлось заставить его замолчать. — И он чуть улыбнулся собственным словам.

— О Хори, — воскликнула Ренисенб, — зачем ты все это говоришь? Ни один человек из тех, кто тебя знает, этому не поверит.

— Позволь напомнить тебе, что ни один человек не знает другого до конца.

— А я? — спросила Иза. — В чем можно заподозрить меня? Да, я старая. А старые люди порой выживают из ума. И начинают ненавидеть тех, кого раньше любили. Могло случиться так, что я возненавидела своих внуков и решила их уничтожить. Такого рода недуг, внушенный злыми духами, иногда поражает стариков.

— А я? — задала вопрос Ренисенб. — Зачем мне убивать брата, которого я люблю?

— Если бы Яхмос, Себек и Ипи умерли, — ответил Хори, — ты одна осталась бы у Имхотепа. Он нашел бы тебе мужа и все свое состояние отдал бы тебе. И ты с твоим мужем были бы опекунами детей Яхмоса и Себека. Но здесь, под фиговым деревом, мы ни в чем не подозреваем тебя, Ренисенб, — улыбнулся он.

— И под фиговым деревом, и не под фиговым деревом мы любим тебя, — заключила Иза.

Глава XVII

Второй месяц Лета, 1-й день

I

— Значит, ты выходила из дома? — спросила Хенет, когда Иза, прихрамывая, вошла в свои покои. — Уже год, как ты этого не делаешь.

Ее глаза не отрываясь следили за Изой.

— У старых людей бывают капризы, — сказала Иза.

— Я видела, как ты сидела у водоема с Хори и Ренисенб.

— Что ж, мне приятно было с ними посидеть. А бывает когда-нибудь, что ты чего-либо не видишь, Хенет?

— Не понимаю, о чем ты, Иза. Ты там сидела напоказ всему свету.

— Но недостаточно близко, чтобы всему свету было слышно? — усмехнулась Иза.

— И отчего ты так не любишь меня, Иза? — сердито заверещала Хенет. — Вечно ты со своими намеками и подковырками. Я слишком занята наведением порядка в доме, чтобы подслушивать чужие разговоры. И какое мне дело, о чем люди беседуют?

— И вправду, какое тебе дело?

— Если бы не Имхотеп, который по-настоящему ценит меня...

— Что, если бы не Имхотеп? — резко перебила ее Иза. — Ты зависишь от Имхотепа, верно? Случись что-либо с Имхотепом...

— С Имхотепом ничего не случится! — в свою очередь перебила ее Хенет.

— Откуда ты знаешь, Хенет? Разве в нашем доме так уж безопасно? Уже пострадали и Яхмос, и Себек.

— Это правда. Себек умер, а Яхмос чуть не умер...

— Хенет! — наклонилась вперед Иза. — Почему ты произнесла эти слова с улыбкой?

— Я? С улыбкой? — Иза застигла Хенет врасплох. — Тебе это приснилось, Иза! Разве я позволю себе улыбаться в такую минуту... когда мы говорим о смерти!

— Я вправду вижу очень плохо, — сказала Иза, — но я еще не совсем слеpla. Иногда мне помогает луч света, иногда я прищуриваюсь и вижу

вполне сносно. Бывает, люди, убежденные, что я плохо вижу, в разговоре перестают следить за собой и позволяют себе не скрывать своих истинных чувств, чего при иных обстоятельствах ни за что бы не допустили. Поэтому спрашиваю тебя еще раз: почему ты улыбалась такой довольной улыбкой?

— Твои слова возмутительны, Иза, возмутительны!

— А теперь ты испугалась!

— Кто же не ведает страха, когда в доме происходят такие чудовищные события? — завизжала Хенет. — Мы все живем в страхе, потому что из Царства мертвых нам на мучение возвратились злые духи. Но я-то знаю, в чем тут дело: ты наслушалась Хори. Что он сказал тебе про меня?

— А что Хори известно про тебя, Хенет?

— Ничего... Лучше спроси, что известно мне про него.

Взгляд Изы стал напряженным.

— А что тебе известно?

— А, вы все презираете бедную Хенет! Вы считаете ее уродливой и глупой. Но я-то знаю, что происходит!

Я много чего знаю. Я знаю все, что делается в этом доме. Может, я и глупа, но я соображаю, что к чему. И вижу порой дальше, чем умники вроде Хори. Когда мы с Хори встречаемся, он смотрит куда-то мимо меня, будто я вовсе и не существую, будто он видит не меня, а что-то за моей спиной, а там на самом деле ничего нет. Лучше бы он смотрел на меня, вот что я скажу! Он считает, что я пустое место, что я глупая, но иногда глупые знают больше, чем умные. Сатипи тоже мнила себя умной, а где она сейчас, хотелось бы мне знать?

И Хенет торжествующе умолкла. Потом почему-то встревожилась и съежилась, пугливо поглядывая на Изу.

Но Иза, по-видимому, была занята собственными мыслями. На лице ее попеременно отражалось то глубокое удивление, то страх, то замешательство.

— Сатипи... — медленно и задумчиво начала она.

— Прости меня, Иза, — опять заныла Хенет, — прости, я просто вышла из себя. Не знаю, что на меня нашло. Ничего подобного у меня и в мыслях нет...

Вскинув глаза, Иза перебила ее:

— Уходи, Хенет. Есть у тебя в мыслях то, что ты сказала, или нет, не имеет никакого значения. Но ты сказала нечто такое, что вызвало у меня новые раздумья... Иди, Хенет, и предупреждаю тебя, будь осторожна в своих словах и поступках. Хотелось бы, чтобы у нас в доме никто больше

не умирал. Надеюсь, тебе это понятно.

II

Вокруг один страх...

Во время беседы у водоема эти слова сорвались с губ Ренисенб случайно. И только позже она поняла их смысл.

Она направилась к Кайт и детям, которые играли возле беседки, но заметила, что сначала бессознательно замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась.

Ей было страшно подойти к Кайт, взглянуть на ее некрасивое тупое лицо и вдруг увидеть на нем печать убийцы. Тут на галерею выскочила Хенет, кинувшаяся затем обратно в дом, и возросшее чувство неприязни к ней заставило Ренисенб изменить свое намерение войти в дом. В отчаянии она повернулась к воротам, ведущим со двора, и столкнулась с Ипи, который шагал, высоко держа голову, с веселой улыбкой на дерзком лице.

Ренисенб поймала себя на том, что не сводит с него глаз. Ипи, балованное дитя в их семье, красивый, но своенравный ребенок — таким она запомнила его, когда уезжала с Хеем...

— В чем дело, Ренисенб? Чего ты уставилась на меня?

— Разве?

Ипи расхохотался.

— У тебя такой же придурковатый вид, как у Хенет.

— Хенет вовсе не придурковатая, — покачала головой Ренисенб. — Она очень себе на уме.

— Злющая она, вот это мне известно. По правде говоря, она всем давно надоела. Я намерен от нее избавиться.

— Избавиться? — прошептала она, судорожно глотнув ртом воздух.

— Дорогая моя сестра, что с тобой? Ты что, тоже видела злых духов, как этот жалкий полоумный пастух?

— У тебя все полоумные!

— Мальчишка-то уж определенно был слабоумным. Сказать по правде, я терпеть не могу слабоумных. Чересчур много их развелось. Небольшое, должен признаться, удовольствие, когда тебе сплошь и рядом докучают тугодумы-братья, которые дальше своего носа ничего не видят! Теперь, когда их на пути у меня нет и дело придется иметь только с отцом, увидишь, как все изменится! Отец будет делать то, что я скажу.

Ренисенб подняла на него глаза. Он был красив и самоуверен, больше

чем всегда. От него веяло такой жизненной силой и торжеством, что она даже удивилась. Самонадеянность, по-видимому, помогала ему пребывать в самом радужном состоянии духа, не ведать страха и сомнений.

— Не оба наших брата убраны с пути, как ты изволил выразиться. Яхмос жив.

Ипи посмотрел на нее презрительным и насмешливым взглядом.

— Думаешь, он поправится?

— А почему нет?

Ипи расхохотался.

— Почему нет? Хотя бы потому, что я так не думаю. С Яхмосом все кончено — еще какое-то время он, может, и поползает по дому, посидит на солнышке да постонет. Но он уже не мужчина. Он немного оправился, но, сама увидишь, лучше ему не станет.

— Почему это? — рассердилась Ренисенб. — Лекарь сказал, что через некоторое время он будет здоровым и сильным, как прежде.

— Лекари не все знают, — пожал плечами Ипи. — Они только умеют рассуждать с умным видом да вставлять в свою речь непонятные слова. Ругай, если угодно, коварную Нофрет, но Яхмос, твой дорогой Яхмос обречен.

— А ты сам ничего не боишься, Ипи?

— Боюсь? Я? — Ипи расхохотался, откинув назад красивую голову.

— Нофрет не очень-то жаловала тебя, Ипи.

— Мне нечего бояться, Ренисенб, если, конечно, я сам не полезу в пекло! Я еще молод, но я один из тех, кому от рождения предназначено преуспевать. Что касается тебя, Ренисенб, то ты не прогадаешь, если примешь мою сторону, слышишь? Ты часто относилась ко мне, как к безответственному мальчишке. Теперь я стал другим. И с каждым днем ты все больше и больше будешь в этом убеждаться. Скоро, очень скоро господином в этом доме буду я. Отец, может, и будет отдавать приказы, звучать будет его голос, но исходить они будут от меня! — Он сделал шаг-другой, остановился и через плечо бросил: — Поэтому будь осторожна, Ренисенб, чтобы мне не пришлось разочароваться в тебе.

Ренисенб смотрела ему вслед, когда за ее спиной раздались шаги. Она повернулась и увидела Кайт.

— Что сказал Ипи, Ренисенб?

— Он сказал, что скоро будет господином в этом доме, — проговорила Ренисенб.

— Вот как? А по-моему, все произойдет как раз наоборот.

Ипи легко взбежал по ступенькам на галерею и вошел в дом. При виде Яхмоса, покоившегося на ложе, он, не скрывая радости, весело спросил:

— Как дела, брат? Неужто нам больше не суждено видеть тебя в поле? Удивительно, как это наше хозяйство без тебя окончательно не развалилось?

Яхмос еле слышно, но с раздражением в голосе отозвался:

— Не знаю, в чем дело. Отрава из меня уже вышла. Почему же не возвращаются силы? Сегодня утром я попробовал встать, но ноги совсем меня не держат. Я ослабел... И худо то, что с каждым днем слабею все больше.

Ипи покачал головой в притворном сочувствии.

— Да, плохо. И лекари ничего не в силах сделать?

— Помощник Мерсу приходит каждый день. Не может понять, что со мной. Он возносит богам заклинания, поит меня крепкими настоями из трав. Для меня готовят особую еду, которая восстанавливает силы. Нет причины, уверяет меня лекарь, почему бы мне не поправиться быстро. А я чахну день ото дня.

— Да, плохо дело, — повторил Ипи.

И, тихонько напевая, пошел дальше, пока не наткнулся на отца и Хори, которые были заняты проверкой счетов.

Лицо Имхотепа, осунувшееся и озабоченное, просветлело, когда он увидел своего любимого младшего сына.

— А вот и мой Ипи. Какие у тебя новости?

— Все в порядке, отец. Начали уборку ячменя. Урожай хороший.

— Да, по милости Ра на полях все идет превосходно. Неплохо, если бы и в доме было так. Но я надеюсь на Ашайет — не думаю, что она откажет нам в помощи в трудный час. Вот только Яхмос меня беспокоит. Откуда у него эта слабость, которой не видно конца?

— Яхмос всегда был хилым, — отозвался Ипи.

— Ничего подобного, — стараясь говорить мягко, возразил Хори. — Яхмос отличался отменным здоровьем.

— Здоровье зависит от присутствия духа, — настаивал Ипи. — А Яхмос никогда не был твердым. Он даже боялся отдавать распоряжения.

— Последнее время это было совсем не так, — сказал Имхотеп. — Последние месяцы Яхмос проявил себя как человек, умеющий действовать на свой страх и риск. Я был просто удивлен. Но вот эта его слабость в

ногах меня крайне беспокоит. Мерсу уверял, что как только яд из него выйдет, Яхмос тотчас пойдет на поправку.

Хори отодвинул от себя какие-то бумаги.

— Бывают и другие яды, — тихо заметил он.

— Что ты хочешь этим сказать? — круто повернулся к нему Имхотеп.

— Есть яды, — спокойно и задумчиво сказал Хори, — которые действуют не сразу и не сильно. В этом их коварство. Такой яд, каждый день попадая в тело человека, накапливается там, и после долгих месяцев угасания наступает смерть... Про такие яды знают женщины; они пользуются ими, когда хотят известить супруга так, чтобы смерть его казалась естественной.

Имхотеп побледнел.

— Ты хочешь сказать, что... в этом причина слабости Яхмоса?

— Я хочу сказать, что такая возможность не исключается. И то, что его еду, когда ее приносят из кухни, всякий раз пробует раб, ничего не значит, ибо количество яда в каждом блюде настолько мало, что сразу не оказывает вредного воздействия.

— Чепуха! — громко сказал Ипи. — Полная чепуха! Я не верю, что существуют такие яды. Никогда о них не слышал.

Хори поднял глаза.

— Ты еще очень молод, Ипи. Тебе пока известно далеко не все.

— Но что нам делать? — воскликнул Имхотеп. — Мы обратились с посланием к Ашайет. Мы сделали подношения храму, хотя храмовым жрецам я не очень-то доверяю. Это женщины на них надеются. Что еще можно предпринять?

— Пусть еду Яхмосу всегда готовит один заслуживающий доверия раб, за которым следует постоянно наблюдать.

— Но это означает... что здесь, в моем доме...

— Вздор! — закричал Ипи. — Сущий вздор!

Хори поднял брови.

— Давайте попробуем, — предложил он. — И очень быстро узнаем, вздор это или нет.

Ипи в раздражении выбежал из главных покоев. Хори задумчиво смотрел ему вслед. Лицо его было хмурым и озадаченным.

IV

Ипи выбежал так стремительно, что чуть не сбил с ног Хенет.

— Прочь с пути, Хенет! Вечно ты болтаешься по дому и лезешь куда не следует!

— Какой ты невоспитанный, Ипи, ушиб мне руку.

— И очень хорошо. Мне надоели и ты сама, и вечное твоё нытье. Чем скорее ты навсегда уберешься из нашего дома, тем лучше. Уж я постараюсь, чтобы это случилось.

— Значит, ты меня выгоняешь, да? — Глаза Хенет блеснули злобой. — Это при том, какой заботой и любовью я всю жизнь вас окружала? Это при том, что я всегда преданно вам служила? Твоему отцу об этом очень хорошо известно.

— Он наслышан об этом досыта. И мы тоже. По-моему, ты просто старая сплетница и всегда старалась посеять раздор в нашей семье. Ты помогала Нофрет плести заговор против нас — об этом всем известно. А когда она умерла, ты снова стала подлизываться к нам. Увидишь, скоро отец будет слушать только меня, а не твои лживые басни.

— Ты не в духе, Ипи. Что тебя так рассердило?

— Не твоё дело.

— Ты чего-то боишься, а, Ипи? Странные вещи происходят в этом доме.

— Меня ты не напугаешь, старая ведьма!

И бросился мимо нее вон из дома.

Хенет медленно повернулась, чтобы войти в дом, и услышала стон. Яхмос с трудом приподнялся на своем ложе и сделал попытку встать. Но ноги не держали его, и, если бы не Хенет, кинувшаяся ему на помощь, он упал бы на пол.

— Не спеши, Яхмос, не спеши. Ложись обратно.

— Какая ты сильная, Хенет. Вот уж чего не скажешь, глядя на тебя. — Он устроился поудобнее, положил голову на деревянный подголовник. — Спасибо. Что со мной? Откуда у меня такое ощущение, будто из тела ушла вся сила?

— Это все потому, что наш дом заколдован. Это сделала та дьяволица, что явилась к нам с севера. Оттуда, известно, добра не жди.

— Я умираю, — вдруг упав духом, пробормотал Яхмос. — Да, умираю...

— Кое-кому суждено умереть до тебя, — мрачно произнесла Хенет.

— Что? О чем ты говоришь? — Он приподнялся на локте и уставился на нее.

— Я знаю, что говорю, — закивала головой Хенет. — Следующая очередь не твоя. Подожди, сам увидишь.

— Почему ты избегаешь меня, Ренисенб?

Камени загородил ей дорогу. Ренисенб залилась краской, не зная, что сказать в ответ. Она и вправду старалась свернуть в сторону, когда замечала, что навстречу идет Камени.

— Почему? Скажи, Ренисенб, почему?

Но у нее еще не было ответа, а потому она только безмолвно помотала головой. Затем подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. Ее пугала мысль, что и лицо Камени тоже изменилось. И она была на удивление самой себе рада, что оно ничуть не изменилось, только глаза его смотрели на нее с грустью, и на этот раз на его губах не было улыбки.

Встретив его взгляд, она опустила глаза. Камени всегда вызывал в ней какую-то тревогу. Когда он оказывался рядом, она чувствовала волнение. Сердце у нее забилось быстрее.

— Я знаю, почему ты избегаешь меня, Ренисенб.

— Я... Я вовсе не избегаю тебя, — наконец обрела она дар речи. — Я просто тебя не заметила.

— Ты лжешь, красавица Ренисенб! — Он улыбался. Не видя его лица, по голосу она поняла это и почувствовала его теплую сильную руку на своей руке.

— Не трогай меня, — отпрянув, сказала она. — Я не люблю, когда до меня дотрагиваются.

— Почему ты сторишься меня, Ренисенб? Ты ведь понимаешь, что происходит между нами. Ты молодая, сильная, красивая. Противно воле природы всю жизнь горевать по покойному мужу. Я увезу тебя из этого дома. В нем поселились смерть и злые духи. Ты поедешь со мной и будешь в безопасности.

— А если я не захочу ехать? — отважилась спросить Ренисенб.

Камени рассмеялся. Его ровные белые зубы сверкали на солнце.

— Но ведь ты хочешь поехать, только стыдишься в этом признаться. Жизнь прекрасна, Ренисенб, когда сестра и брат живут вместе. Я буду любить тебя и сделаю счастливой, а ты станешь «плодоносной пашней мне, твоему господину». Я не буду больше взывать к Птаху: «Любимую дай мне сегодня ночью», а пойду к Имхотепу и скажу: «Отдай мне мою сестру Ренисенб». Но здесь тебе оставаться опасно, а потому я увезу тебя на север. Я хороший писец, меня возьмут в любой богатый дом в Фивах, если я захочу, хотя, признаться, мне больше по душе сельская жизнь — поля, скот,

песни крестьян во время уборки урожая и небольшая лодка на реке. Мне бы хотелось катать тебя по реке, Ренисенб. И Тети мы возьмем с собой. Она красивая, здоровая девочка, я буду любить ее и постараюсь быть ей хорошим отцом. Ну, Ренисенб, что ты мне скажешь?

Ренисенб молчала. Она слышала стук своего сердца, ощущала истому во всем теле. Но вместе со стремлением к Камени рождалась странная неприязнь к нему.

«Только он дотронулся до моей руки, как слабость завладела мной... — думала она. — Потому что он сильный... У него широкие плечи... На губах всегда улыбка... Но я не знаю, о чем он думает, что у него в душе и на сердце. Нет между нами нежности... Мне тревожно рядом с ним... Что мне нужно? Не знаю... Но не это... Нет, не это...»

И тут вдруг она услышала свой голос. Но даже ей самой ее собственные слова показались неуверенными и неубедительными.

— Мне не нужен второй муж... Я хочу быть одна... Сама собой...

— Нет, Ренисенб, это не так. Ты не должна быть одна. Посмотри, как дрожит твоя рука в моей...

Ренисенб вырвала у него свою руку.

— Я не люблю тебя, Камени. По-моему, я тебя ненавижу.

Он улыбнулся.

— Меня это не страшит, Ренисенб. Твоя ненависть так похожа на любовь. Мы еще поговорим об этом.

И удалился легкой, быстрой поступью — так движется молодая газель. А Ренисенб не спеша направилась к пруду, где Кайт играла с детьми.

Кайт заговорила с ней, но Ренисенб, занятая своими мыслями, отвечала невпопад.

Кайт, однако, этого не заметила, как обычно, все ее внимание было обращено на детей.

Внезапно, нарушив воцарившееся молчание, Ренисенб спросила:

— Как ты думаешь, Кайт, выйти мне снова замуж?

— По-моему, да, — равнодушно отозвалась Кайт, не выказывая большой заинтересованности. — Ты молодая и здоровая, Ренисенб, и сможешь родить еще много детей.

— Разве в этом вся жизнь женщины, Кайт? Быть занятой по дому, рожать детей и сидеть с ними на берегу водоема в тени фиговых деревьев?

— Только в этом для женщины и есть смысл жизни, разве ты не знаешь? Ты ведь не рабыня. В Египте настоящая власть в руках женщин: они рожают детей, которые наследуют владения отцов. Женщины — источник жизненной силы Египта.

Ренисенб задумчиво посмотрела на Тети, которая, нахмурившись от усердия, плела своей кукле венок из цветов. Было время, когда Тети, выпячивая нижнюю губу и чуть наклоняя набок голову, так походила на Хея, что у Ренисенб от боли и любви замирало сердце. А теперь и лицо Хея не всплывало в памяти Ренисенб, и Тети больше не выпячивала губу и не наклоняла набок голову. Раньше были минуты, когда Ренисенб, страстно прижимая к себе Тети, чувствовала, что ребенок — это часть ее собственного тела, ее плоть и кровь. «Она моя, моя — и больше ничья», — твердила она про себя.

Теперь же, наблюдая за Тети, Ренисенб думала: «Она — это я и Хей...»

Тети подняла глаза и, увидев мать, улыбнулась. Серьезная и ласковая улыбка. В ней были доверие и радость.

«Нет, она — это не мы с Хеем, она — это она, — подумала Ренисенб. — Это Тети. Она существует сама по себе, как я, как все мы. Если мы любим друг друга, мы будем друзьями всю жизнь, а если любви нет, то, когда она вырастет, мы станем чужими. Она — Тети, а я Ренисенб».

Кайт смотрела на нее с любопытством.

— Чего хочешь ты, Ренисенб? Я не понимаю.

Ренисенб ничего не ответила. Как облечь в слова то, что она сама едва понимала? Оглядевшись, она как бы заново увидела обнесенный стенами двор, ярко раскрашенные столбы галереи, неподвижную водную гладь водоема, стройную беседку, ухоженные цветочные клумбы и заросли папируса. Кругом мир и покой, доносятся давно ставшие привычными звуки: щебет детей, хриплые пронзительные голоса служанок в доме, отдаленное мычание коров. Бояться нечего.

— Отсюда не видно реки, — рассеянно произнесла она.

— А зачем на нее смотреть? — удивилась Кайт.

— Не знаю, — ответила Ренисенб. — Наверное, я сказала глупость.

Перед ее мысленным взором отчетливо встала панорама зеленых полей, покрытых густой сочной травой, позади которых раскинулась уходящая за горизонт даль удивительной красоты, сначала бледно-розовая, а потом аметистовая, разграниченная посередине серо-серебристой полосой — Нилом...

У нее перехватило дыхание от этого богатства красок. Все, что она видела и слышала вокруг, исчезло, сменившись чувством безграничного покоя и безмятежности...

«Если повернуть голову, — сказала она себе, — то я увижу Хори. Он оторвется от своего папируса и улыбнется мне... Скоро сядет солнце,

станет темно, я лягу спать... И придет смерть».

— Что ты сказала, Ренисенб?

Ренисенб вздрогнула. Она не знала, что говорит вслух. И теперь, очнувшись, вернулась к действительности. Кайт с любопытством смотрела на нее.

— Ты сказала «смерть», Ренисенб. О чем ты думала?

— Не знаю, — покачала головой Ренисенб. — Я вовсе не... — Она снова огляделась вокруг. Как приятна была эта привычная сцена: плещется вода, рядом играют дети. Она глубоко вздохнула.

— Как здесь спокойно. Нельзя даже представить себе, что может случиться что-то страшное.

Но именно здесь возле водоема на следующее утро нашли Ипи. Он лежал лицом в воде — чья-то рука, окунув его голову в водоем, держала ее там, пока он не захлебнулся.

Глава XVIII

Второй месяц Лета, 10-й день

I

Имхотеп сидел, бессильно ссутулившись. Выглядел он гораздо старше своих лет — убитый горем, сморщенный, жалкий старик. На лице застыли растерянность и смятение.

Хенет принесла ему еду и с трудом уговорила поесть.

— Тебе нужно поддерживать свои силы, Имхотеп.

— Зачем? Кому нужны эти силы? Ипи был сильным, сильным и красивым — а теперь он лежит мертвый... Мой сын, мой горячо любимый сын! Последний из моих сыновей.

— Нет, нет, Имхотеп, у тебя есть еще Яхмос, твой добрый Яхмос.

— Как долго он проживет? Он тоже обречен. Мы все обречены. Что за несчастье обрушилось на наш дом? Я и представить себе не мог, что ожидает нас, когда привел в свой дом наложницу. Ведь я поступил по обычаю, одобренному людьми и богами. Я почитал эту женщину. За что же мне такая кара? Или это месть Ашайет? Она не хочет даровать мне прощения? Она не вняла моему посланию, ибо беда не покидает наш дом.

— Нет, нет, Имхотеп, не говори так. Прошло еще совсем немного времени с тех пор, как урну с посланием поставили в поминальном зале. Разве мы не знаем, как долго вершатся у нас дела, требующие правосудия? Как их без конца откладывают в суде при дворе правителя и как еще дольше приходится ждать, пока они попадут в руки визиря? Правосудие вершится медленно и в Царстве живых, и в Царстве мертвых, но в конце концов справедливость восторжествует.

Имхотеп недоверчиво покачал головой. И тогда Хенет продолжала:

— Кроме того, Имхотеп, ты должен помнить, что Ипи не сын Ашайет, его родила тебе твоя сестра Ипи. Станет ли Ашайет так о нем печься? Вот с Яхмосом все будет по-другому. Яхмос поправится, потому что за него похлопочет Ашайет.

— Должен признаться, Хенет, твои слова меня утешают... В том, что ты говоришь, есть правда. К Яхмосу и вправду с каждым днем возвращаются силы. Он хороший, надежный сын — но Ипи, такой

отважный, такой красивый... — И Имхотеп снова застонал.

— Увы! Увы! — с участием всхлипнула Хенет.

— Будь проклята эта Нофрет с ее красотой! И зачем только довелось мне ее увидеть!

— Суцая правда, господин. Настоящая дочь Сета, я сразу поняла! Обученная колдовству и злым наговорам, нечего и сомневаться.

Послышался стук палки, и в главные покои, прихрамывая, вошла Иза.

— Все в этом доме с ума посходили, что ли? — иронически фыркнула она. — Что, вам делать больше нечего, как осыпать проклятьями приглянувшуюся тебе бедняжку, которая развлекалась тем, что пакостила и досаждала глупым женам твоих сыновей, потому что они по своей дурости сами ее на это толкали?

— Пакостила и досаждала? Вот, значит, как ты это называешь, Иза, когда из трех моих сыновей двое погибли, а один умирает? И ты, моя мать, еще упрекаешь меня!

— По-видимому, кому-то следует это сделать, ибо ты закрываешь глаза на то, что происходит на самом деле. Выкинь из головы глупую мысль о том, что все это творится по злему умыслу убитой женщины. Рука живого человека держала голову Ипи в воде, пока он не захлебнулся, и та же рука насыпала яд в вино, которое пили Яхмос и Себек. У тебя есть враг, Имхотеп, он здесь, в доме. А доказательством этому то, что с тех пор, как по совету Хори еду Яхмосу готовит Ренисенб или раб под ее наблюдением, и она сама эту еду ему относит, с тех пор, говорю тебе я, Яхмос с каждым днем обретает здоровье и силу. Перестань быть дураком, Имхотеп, перестань стонать и сетовать, чему в немалой степени поспешествует Хенет...

— О Иза, ты несправедлива ко мне!

— Чему, говорю я, поспешествует Хенет, потому что она либо тоже дура, либо у нее на то есть причина...

— Да простит тебя Ра, Иза, за твою жестокость к бедной одинокой женщине!

Но Иза, угрожающе потрясая палкой, продолжала:

— Соберись с силами, Имхотеп, и начни думать. Твоя покойная жена Ашайет, которая была славной и неглупой женщиной, может, и использует свое влияние на том свете, чтобы помочь тебе, но уж едва ли она сумеет за тебя думать. Надо действовать, Имхотеп, ибо, если мы этого не сделаем, смерть еще не раз проявит себя.

— Враг? Враг из плоти и крови в моем доме? Ты вправду этому веришь, Иза?

— Конечно, верю, потому что здравый смысл подсказывает мне только это.

— И значит, нам всем грозит опасность?

— Конечно. Но не от злых духов или колдовства, а от человека, который сыплет яд в вино или крадется вслед за мальчишкой, возвращающимся из селения поздно вечером, и сует его головой в водоем.

— Для этого требуется сила, — задумчиво проронил Имхотеп.

— По-видимому, да, но я не очень в этом убеждена. Ипи напился в селении пива, плохо соображал, зато был самоуверен и бахвалился не в меру. Возможно, он вернулся домой, с трудом держась на ногах, и, когда встретил человека, который заговорил с ним, не испугался и сам наклонился к воде ополоснуть лицо. В таком случае большой силы не требуется.

— Что ты хочешь сказать, Иза? Что это сделала женщина? Нет, не могу поверить. Все, что ты говоришь, невероятно. В нашем доме не может быть врага, иначе мы бы давно о нем знали. По крайней мере, я бы знал!

— Вражда, которая таится в сердце, не всегда написана на лице.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из слуг или рабов...

— Не слуга и не раб, Имхотеп!

— Кто-то из нас? Или Хори и Камени? Но Хори давно стал членом нашей семьи и заслуживает всяческого доверия. Камени мы почти не знаем, это правда, но он наш кровный родственник и верной службой доказал свою преданность. Более того, сегодня утром он пришел ко мне с просьбой отдать ему в жены Ренисенб.

— Вот как? — проявила интерес Иза. — И что же ты ответил?

— Что я мог ответить? — раздраженно спросил Имхотеп. — Сейчас для этого неподходящее время. Так я ему и сказал.

— А как он к этому отнесся?

— Он сказал, что, по его мнению, сейчас самое время говорить о замужестве Ренисенб, потому что ей опасно оставаться в этом доме.

— Интересно, — задумалась Иза. — Очень интересно... А мы-то с Хори считали... Но теперь...

— Пристало ли устраивать свадебные и погребальные церемонии одновременно? — возмущенным тоном произнес Имхотеп. — Это неприлично. Вся провинция будет об этом судачить.

— Сейчас можно позабыть о приличиях, — возразила Иза. — Тем более что бальзамировщики, по-видимому, поселились у нас навечно. Боги, видно, благоволят к Ипи и Монту — они прямо разбогатели на нашей беде.

— Повысив свои цены еще на одну десятую, — тотчас подхватил

Имхотеп. — Какая наглость! Они говорят, что их услуги подорожали.

— Нам бы они могли сделать скидку — мы так часто пользуемся их услугами, — мрачно усмехнулась Иза собственной шутке.

— Дорогая Иза, — в ужасе глянул на нее Имхотеп, — сейчас не время для веселья.

— Вся жизнь — сплошное веселье, Имхотеп, и смерть смеется последней. Разве не так говорят на пирах? Ешьте, пейте и веселитесь, ибо завтра вас уже не будет в живых. Это будто для нас сказано. Вопрос только: кому суждено умереть завтра?

— Даже слушать тебя страшно. Лучше скажи, что делать?

— Не доверять никому, — ответила Иза. — Это первое и самое главное. — И повторила: — Никому.

Хенет принялась всхлипывать.

— Почему ты смотришь на меня?.. Уж если кто достоин доверия, то прежде всего я. Я доказала это долгими годами усердия. Не слушай ее, Имхотеп.

— Успокойся, дорогая Хенет, естественно, тебе я не могу не доверять. Я хорошо знаю, что у тебя честное, преданное сердце.

— Ничего ты не знаешь, — возразила Иза. — И никто из нас не знает. В этом-то вся опасность.

— Ты обвиняешь меня, — ныла Хенет.

— Никого я не обвиняю. У меня нет ни улики, ни доказательств — одни подозрения.

Имхотеп бросил на нее пристальный взгляд.

— Ты подозреваешь — кого?

— Я уже подозревала раз, потом второй, потом третий, — медленно произнесла Иза. — Я буду откровенна. Сначала я подозревала Ипи, но Ипи умер, значит, я ошиблась. Потом я стала подозревать другого человека, но в тот самый день, когда Ипи умер, мне пришла в голову мысль о третьем...

Она помолчала.

— Хори и Камени в доме? Пошли за ними и вызови Ренисенб из кухни. Мне нужно кое-что сказать, и пусть меня слышат все в доме.

II

Иза оглядела собравшихся. Она увидела грустный добрый взгляд Яхмоса, белозубую улыбку Камени, вопрос в глазах Ренисенб, тупое безразличие Кайт, загадочную непроницаемость на задумчивом лице Хори,

раздражение и страх Имхотепа, у которого от волнения дергались губы, и жадное любопытство и... злорадство во взоре Хенет.

«Их лица ни о чем не говорят, — подумала она. — Они выражают только те чувства, что владеют ими сейчас. Но если моя догадка верна, преступник должен чем-то себя выдать».

А вслух сказала:

— Я должна сообщить кое-что вам всем. Но прежде здесь, в вашем присутствии, я хочу поговорить с Хенет.

Лицо Хенет сразу изменилось: с него словно стерли жадное любопытство и злорадство.

— Ты подозреваешь меня, Иза? — испуганно завизжала она. — Я так и знала! Ты выдвинешь против меня обвинение, и разве я, бедная и обделенная умом женщина, сумею защитить себя? Меня будут судить и приговорят к смерти, не дав раскрыть и рта.

— Раскрыть рот ты успеешь, не сомневаюсь, — усмехнулась Иза и увидела, как Хори улыбнулся.

— Я ничего не сделала... Я не виновна... — вопила Хенет, все больше впадая в истерику. — Имхотеп, дорогой мой господин, спаси меня... — Она распростерлась перед ним на полу, обхватив его колени руками.

Не находя слов от возмущения, Имхотеп гладил ее по голове и лепетал:

— В самом деле, Иза, я не согласен... Какой позор...

— Я ни в чем ее еще не обвинила, — оборвала его Иза. — Я не берусь обвинять, когда у меня нет доказательств. Я прошу только, чтобы Хенет объяснила нам смысл сказанных ею слов.

— Я ничего не говорила...

— Нет, говорила, — заявила Иза. — Сказанное тобою я слышала собственными ушами, а слух у меня, не в пример зрению, пока еще хороший. Ты сказала, что знаешь кое-что про Хори. Так вот я у тебя спрашиваю: что тебе известно про Хори?

— Да, Хенет, — сказал Хори, — что тебе про меня известно? Скажи нам.

Сидя на корточках, Хенет вытирала глаза. Потом мрачно окинула всех вызывающим взглядом.

— Ничего мне не известно, — ответила она. — Да и что я могу знать?

— Именно это нам и хотелось бы услышать от тебя, — сказал Хори.

Хенет пожала плечами.

— Я просто болтала, ничего не имея в виду.

— Я повторю тебе твои слова, — снова вмешалась Иза. — Ты сказала,

что мы все тебя презираем, но что тебе известно многое из того, что делается в этом доме, и что ты видишь гораздо дальше, чем те, кто считают себя умниками. И еще ты сказала, что, когда вы с Хори встречаетесь, он смотрит куда-то мимо тебя, будто ты вовсе и не существуешь, будто он видит не тебя, а что-то за твоей спиной, *а там на самом деле ничего нет*.

— Он всегда так смотрит, — угрюмо откликнулась Хенет. — Как на букашку или на пустое место.

— Эта фраза мне запомнилась: «...что-то за твоей спиной, *а там на самом деле ничего нет*», — медленно произнесла Иза. — И еще Хенет сказала: «Лучше бы он смотрел на меня». И продолжала говорить о Сатипи да о Сатипи, о том, что она мнила себя умной, а где она сейчас?..

Иза оглядела присутствующих.

— Улавливает ли кто-либо из вас в этом хоть какой-нибудь смысл? — спросила она. — Вспомните Сатипи, Сатипи, которая умерла... И что смотреть нужно на человека, а не на то, чего нет...

На секунду воцарилось мертвое молчание, и затем Хенет вскрикнула. Это был даже не крик, а вопль ужаса.

— Я не хотела... Спаси меня, господин... — бессвязно выкрикивала она. — Не позволяй ей... Я ничего не сказала, ничего.

С трудом сдерживаемый Имхотепом гнев наконец выплеснулся.

— Я не позволю... — заорал он. — Не позволю запугивать эту женщину. В чем ты ее обвиняешь? По твоим же словам, ни в чем.

— Отец прав, — без обычной для него робости, твердо произнес Яхмос. — Если ты можешь в чем-то обвинить Хенет, говори.

— Я ее не обвиняю, — не сразу, с трудом проговорила Иза.

Она оперлась на палку и вся как-то сразу сникла.

— Иза не обвиняет тебя в тех несчастьях, которые поразили наш дом, — с той же твердостью обратился Яхмос к Хенет, — но, если я правильно ее понял, она считает, что ты что-то от нас утаиваешь. Поэтому, Хенет, если тебе что-либо известно о Хори или о ком-либо другом, сейчас самое время сказать. Здесь, в нашем присутствии. Говори. Что тебе известно?

— Ничего, — покачала головой Хенет.

— Ты уверена, что говоришь правду, Хенет? Потому что знать опасно.

— Я ничего не знаю. Клянусь великой Девяткой богов, клянусь богиней Маат, клянусь самим Ра.

Хенет дрожала. Из ее голоса исчезло свойственное ей нытье. В нем слышался неподдельный страх.

Иза глубоко вздохнула и совсем сгорбилась.

— Отведите меня в мои покои, — пробормотала она.

Хори и Ренисенб бросились к ней.

— Мне поможет Хори, — сказала Иза. — Ты оставайся здесь, Ренисенб.

Тяжело опираясь на Хори, она вышла из зала и, заметив его серьезный, но растерянный вид, прошептала:

— Что скажешь, Хори?

— Ты поступила рискованно, Иза. Очень рискованно.

— Я хотела знать.

— Да. Но это неоправданно большой риск.

— Понятно. Значит, и у тебя такая же мысль?

— Я уже давно об этом думаю, но у меня нет доказательств — ни малейшей зацепки. И даже сейчас, Иза, доказательств нет. Они только у тебя в мыслях.

— Достаточно и того, что я знаю.

— Может, и чересчур достаточно.

— О чем ты? Ах да, понимаю.

— Остерегайся, Иза. Отныне тебе грозит опасность.

— Мы должны действовать немедленно.

— Да, но что мы можем предпринять? Нужны доказательства.

— Я понимаю.

Больше поговорить им не удалось. К Изе подбежала ее маленькая рабыня. Хори оставил ее на попечение девочки, а сам пошел обратно. Лицо его было мрачным и озабоченным.

Маленькая рабыня, что-то щебеча, суетилась вокруг Изы, но та почти не замечала ее. Она чувствовала себя старой и больной, ей было холодно... Перед ней вставали лица тех, кто напряженно слушал ее, пока она говорила.

Только в одном взгляде на мгновение вспыхнули страх и понимание. Может, она ошибается? Уверена ли она в том, что заметила? В конце концов, глаза ее плохо видят...

Да, уверена. Скорей даже не взгляд, а то, как напряглось все лицо, отвердело, стало суровым. Только один человек понял ее бессвязные намеки, только он один безошибочно определил их истинный смысл...

Глава XIX

Второй месяц Лета, 15-й день

I

— Теперь, когда я тебе обо всем сказал, что ты ответишь, Ренисенб?

Ренисенб перевела нерешительный взгляд с отца на Яхмоса. Мысли ее были в беспорядке, в голове царила сумятица.

— Не знаю, — безучастно проронила она.

— В иное время, — продолжал Имхотеп, — это дело можно было бы обсудить не спеша. У меня есть другие родственники, мы могли бы выбрать тебе в мужья самого достойного из них. Но в нашем нынешнем положении мы не знаем, что будет завтра. — Голос его дрогнул, но он справился с собой. — Вот как обстоят дела, Ренисенб. Сегодня мы трое, Яхмос, ты и я, стоим перед лицом смерти. Кого из нас первым выберет она? Поэтому мне надлежит привести свои дела в порядок. Случись что-либо с Яхмосом, тебе, дочь моя, нужен рядом мужчина, который мог бы разделить с тобой оставленное мною наследство и выполнять те обязанности по управлению владениями, какие не в силах нести женщина. Ибо кому ведомо, в какую минуту мне суждено покинуть вас? Опекунство и попечительство над детьми Себека я в своем завещании возложил на Хори, если Яхмоса к тому времени не будет в живых, то же самое касается и детей Яхмоса, поскольку он сам этого хочет, да, Яхмос?

Яхмос кивнул головой.

— Хори всегда был мне близок. Он почти член нашей семьи.

— Почти, — согласился Имхотеп, — но не совсем. А вот Камени наш кровный родственник. И потому он, исходя из всего вышесказанного, наиболее подходящий в теперешних условиях муж для Ренисенб. Итак, что скажешь, Ренисенб?

— Не знаю, — повторила Ренисенб.

Ей все это было безразлично.

— Он красивый и приятный молодой человек, ты согласна?

— О да.

— Но тебе не хочется выходить за него замуж? — участливо спросил Яхмос.

Ренисенб бросила на брата благодарный взгляд. Он не заставлял ее спешить с ответом, не принуждал делать то, что ей не по душе.

— Я и вправду не знаю, чего хочу. — И быстро продолжала: — Глупо, конечно, но я сегодня немного не в себе. Это... Это от напряжения, в котором мы живем.

— Рядом с Камени ты будешь чувствовать себя защищенной, — настаивал Имхотеп.

— А тебе не приходило в голову сделать Хори мужем Ренисенб? — спросил у отца Яхмос.

— Да, пожалуй...

— Его жена умерла, когда он был совсем молодым. Ренисенб хорошо его знает, и он ей нравится.

Пока мужчины разговаривали, Ренисенб сидела словно во сне. Это ее замужество они обсуждали, и Яхмос старался помочь ей выбрать того, кого ей хотелось, но она оставалась безучастной, как деревянная кукла Тети.

И вдруг, не дослушав, что они говорят, она перебила их:

— Я выйду замуж за Камени, если вы считаете, что так будет лучше.

Имхотеп с одобрительным восклицанием поспешно вышел из зала. А Яхмос подошел к сестре и положил руку ей на плечо.

— Ты этого хочешь, Ренисенб? И будешь счастлива?

— А почему нет? Камени красивый, веселый и добрый.

— Я знаю. — Но Яхмос все еще сомневался. — Важно, чтобы ты была счастлива, Ренисенб. Ты не должна безвольно следовать настояниям отца и делать то, к чему не лежит душа. Ты ведь знаешь, он всегда стремится настоять на своем.

— О да. Уж если он вобьет себе что-то в голову, всем нам остается только подчиняться.

— Совсем не обязательно, — твердо возразил Яхмос. — Если ты не согласна, я ему не уступлю.

— О Яхмос, ты никогда не возражал отцу...

— А на этот раз возражу. Он не заставит меня согласиться с ним, я не допущу, чтобы ты была несчастлива.

Ренисенб посмотрела на него. Каким решительным было его обычно растерянное лицо!

— Спасибо тебе, Яхмос, — ласково сказала она, — но я поступаю так вовсе не по принуждению. Та прежняя жизнь здесь, та жизнь, к которой я была так рада вернуться, кончилась. Мы с Камени заживем новой жизнью и будем друг другу настоящими братом и сестрой.

— Если ты уверена...

— Я уверена, — сказала Ренисенб и, приветливо улыбнувшись, вышла из главных покоев. Потом пересекла внутренний двор. На берегу водоема Камени играл с Тети. Ренисенб осторожно подкралась и следила за ними, пользуясь тем, что они ее не заметили. Камени, веселый, как всегда, был увлечен игрой не меньше, чем ребенок. Сердце Ренисенб потянулось к нему. «Он будет Тети хорошим отцом», — подумала она.

Тут Камени повернул голову и, увидев ее, с улыбкой поднялся с колен.

— Мы сделали куклу Тети жрецом «ка», — объяснил он. — Он совершает жертвоприношения и поминальные обряды.

— Его зовут Мериптах, — добавила Тети. Личико ее было очень серьезным. — У него двое детей и писец, как Хори.

Камени засмеялся.

— Тети большая умница, — сказал он. — И еще она сильная и красивая.

Он перевел глаза с ребенка на Ренисенб, и в их ласковом взгляде она прочла его мысли — о детях, которых она ему родит.

Это вызвало в ней неясное волнение и в то же время — пронзительную печаль. Ей хотелось бы в эту минуту видеть в его глазах только себя. «Почему он не думает обо мне?» — пришло ей в голову.

Но чувство это тут же исчезло, и она нежно улыбнулась ему.

— Отец разговаривал со мной, — сказала она.

— И ты ответила согласием?

— Да, — не сразу кивнула она.

Последнее слово было сказано. Все кончено и решено. Но почему она испытывает такую усталость и безразличие?

— Ренисенб!

— Да, Камени...

— Покатаемся по реке? Я все время мечтал побыть с тобой наедине в лодке.

Странно, что он заговорил о лодке. Ведь когда она впервые его увидела, перед ее мысленным взором встала река, квадратный парус и смеющееся лицо Хея. А теперь она уже не помнит лица Хея, и вместо него в лодке под парусом будет сидеть и смеяться Камени...

И все это натворила смерть. Только смерть. «Мне видится это», — говоришь ты, или: «Мне видится то», — но все это лишь слова, на самом деле ты ничего не видишь. Мертвые не оживают. Один человек не может заменить другого...

Зато у нее есть Тети. А Тети — это новая жизнь, как воды ежегодного разлива, которые уносят с собой все старое и готовят землю для нового

урожая.

Что сказала Кайт? «Женщины нашего дома должны быть заодно»? Кто она, Ренисенб, в конце концов? Всего лишь одна из женщин этого дома — Ренисенб или какая-то другая женщина, не все ли равно?

И тут она услышала голос Камени — настойчивый, чуть обеспокоенный:

— О чем ты задумалась, Ренисенб? Ты иногда куда-то исчезаешь...
Покатаемся в лодке?

— Да, Камени, покатаемся.

— Мы возьмем с собой и Тети.

II

Это похоже на сон, думала Ренисенб, — лодка под парусом, Камени, она и Тети. Им удалось уйти от смерти и страха перед смертью. Начиналась новая жизнь.

Камени что-то сказал, и она ответила, не услышав его...

«Это моя жизнь, — думала она, — уйти от нее нельзя...»

Потом растерянно: «Но почему я все время говорю «уйти»? Куда я могу уйти?»

И снова перед ее глазами предстал грот рядом с гробницей, где, подперев подбородок рукой, сидит она...

«Но то только в мыслях, а не в жизни. Жизнь здесь, и уйти от нее можно, лишь умерев...»

Камени причалил к берегу, и она вышла из лодки. Он сам вынес Тети. Девочка прильнула к нему, обхватив его за шею руками, и нитка, на которой висел его амулет, порвалась. Амулет упал к ногам Ренисенб. Это был знак жизни «анх» из сплава золота с серебром.

— Ах, как жаль! — воскликнула Ренисенб. — Амулет погнулся. Осторожней, — предупредила она Камени, когда он взял его, — он может сломаться.

Но он своими сильными пальцами согнул его еще больше и сломал пополам.

— Зачем ты это сделал?

— Возьми одну половинку, Ренисенб, а я оставлю себе другую. Это будет означать, что мы две половинки единого целого.

Он протянул ей кусочек амулета, и не успела она взять его в руку, как что-то пронзило ей память с такой отчетливостью, что она ахнула.

— В чем дело, Ренисенб?

— Нофрет!

— Что Нофрет?

Уверенная в своей догадке, Ренисенб убежденно заговорила:

— В шкатулке Нофрет тоже была половинка амулета. Это ты дал ей ту половинку... Ты и Нофрет... Теперь я все понимаю. Почему она была так несчастна. И знаю, кто принес шкатулку ко мне в комнату. Я знаю все... Не лги мне, Камени. Говорю тебе, я знаю.

Но Камени и не пытался ничего отрицать. Он стоял и смотрел ей прямо в глаза. А когда заговорил, голос у него был глухим, и впервые с его лица исчезла улыбка.

— Я не собираюсь лгать тебе, Ренисенб. — Он помолчал, сдвинул брови, словно собираясь с мыслями, и продолжал: — Я даже рад, Ренисенб, что ты знаешь, хотя все было не совсем так, как ты думаешь.

— Ты дал ей половинку амулета, как только что хотел дать мне, и сказал, что вы две половинки единого целого. Сейчас ты повторил эти слова.

— Ты сердишься, Ренисенб, но я доволен: это значит, что ты меня любишь. И тем не менее ты не права, все произошло вовсе не так. Не я, а Нофрет подарила мне половинку амулета... — Он помолчал. — Можешь мне не верить, но это правда. Клянусь, что правда.

— Я не говорю, что не верю тебе... — призналась Ренисенб. — Вполне возможно, что это правда.

И опять она увидела перед собой разгневанное лицо Нофрет.

— Постарайся понять меня, Ренисенб, — настойчиво убеждал ее Камени. — Нофрет была очень красивой. Мне было приятно ее внимание, и я был польщен. А кто бы не был? Но я никогда не любил ее по-настоящему...

Жалость охватила Ренисенб. Нет, Камени не любил Нофрет, но Нофрет любила Камени, любила отчаянно и мучительно. Именно на этом месте на берегу Нила она, Ренисенб, заговорила с Нофрет, предлагая ей свою дружбу. Она хорошо помнила, какой прилив ненависти и страдания вызвало у Нофрет ее предложение. Теперь причина этого была понятна. Бедняжка Нофрет — наложница старика, она сгорала от любви к веселому, беззаботному, красивому юноше, которому до нее было мало, а то и вовсе не было, дела.

— Разве ты не понимаешь, Ренисенб, — уговаривал ее Камени, — что как только я приехал сюда и мы встретились, я в то же мгновение тебя полюбил и больше ни о ком и не помышлял? Нофрет сразу это заметила.

Да, думала Ренисенб, Нофрет это заметила. И с той минуты ее возненавидела. Нет, Ренисенб не могла ее винить.

— Я даже не хотел писать письмо твоему отцу. Я вовсе не хотел быть пособником ее замыслов. Но отказаться было нелегко — постарайся понять, что я не мог этого сделать.

— Да, да, — перебила его Ренисенб, — только все это не имеет никакого значения. Но несчастная Нофрет, она так страдала! Она, наверное, очень любила тебя.

— Но я не любил ее, — повысил голос Камени.

— Ты жестокий, — сказала Ренисенб.

— Нет, просто я мужчина, вот и все. Если женщина начинает донимать меня своей любовью, меня это раздражает. Мне не нужна была Нофрет. Мне нужна была ты. О Ренисенб, ты не должна сердиться на меня за это!

Она не смогла сдержать улыбки.

— Не разрешай мертвой Нофрет вносить раздор между нами — живыми. Я люблю тебя, Ренисенб, ты любишь меня, а все остальное не имеет никакого значения.

Она посмотрела на Камени — он стоял, чуть склонив голову набок, с выражением мольбы на всегда веселом уверенном лице. Он казался совсем юным.

«Он прав, — подумала Ренисенб. — Нофрет уже нет, а мы есть. Теперь я понимаю ее ненависть ко мне: как жаль, что она так страдала, — но я ни в чем не виновата. И Камени не виноват в том, что полюбил меня, а не ее».

Тети, которая играла на берегу, подошла и потянула мать за руку.

— Мы скоро пойдем домой? Я хочу домой.

Ренисенб глубоко вздохнула.

— Сейчас пойдем, — ответила она.

Они направились к дому. Тети бежала чуть впереди.

— Ты не менее великодушна, Ренисенб, чем красива, — удовлетворенно заметил Камени. — Надеюсь, между нами все по-старому?

— Да, Камени, все по-старому.

— Там на реке, — понизив голос, сказал он, — я был по-настоящему счастлив. А ты тоже была счастлива, Ренисенб?

— Да, я была счастлива.

— Но у тебя был такой вид, будто твои мысли где-то далеко-далеко. А мне бы хотелось, чтобы ты думала обо мне.

— Я и думала о тебе.

Он взял ее за руку, и она не отняла ее. Тогда он тихо запел:

— «Моя сестра подобна священному дереву...»

Он почувствовал, как задрожала ее рука, услышал, как участилось дыхание, и испытал истинное счастье.

III

Ренисенб позвала к себе Хенет.

Хенет вбежала в ее покои и тут же остановилась, увидев, что Ренисенб стоит, держа в руках открытую шкатулку и сломанный амулет. Лицо Ренисенб было суровым.

— Это ты принесла ко мне эту шкатулку для украшений, Хенет? Ты хотела, чтобы я увидела этот амулет. Ты хотела, чтобы в один прекрасный день я...

— Обнаружила, у кого другая половинка? Я вижу, ты обнаружила. Что ж, тебе это только на пользу, Ренисенб. — И Хенет злорадно рассмеялась.

— Ты хотела, чтобы, обнаружив, я огорчилась, — сказала Ренисенб, пылая гневом. — Тебе нравится причинять боль людям, не так ли, Хенет? Ты никогда не говоришь откровенно. Ты выжидаешь удобного случая, чтобы нанести удар. Ты ненавидишь нас всех, верно? И всегда ненавидела.

— Что ты говоришь, Ренисенб? Я уверена, что у тебя и в мыслях нет ничего подобного.

Но теперь она не ныла, как обычно, теперь в ее голосе слышалось тайное торжество.

— Ты хотела поссорить нас с Камени. Как видишь, ничего у тебя не получилось.

— Ты великодушна и умеешь прощать, Ренисенб. Не то что Нофрет, правда?

— Не будем говорить о Нофрет.

— Пожалуй, ты права. Камени счастливчик, да и красивый он, а? Ему повезло, хочу я сказать, что, когда потребовалось, Нофрет умерла. Она бы доставила ему кучу неприятностей — настроила бы против него твоего отца. Ей вовсе не по душе было бы, если бы он взял тебя в жены, нет, ей бы это не понравилось. По правде говоря, уж она бы нашла способ помешать вам, ни капли не сомневаюсь.

Ренисенб смотрела на нее с неприязнью.

— До чего же ядовит твой язык, Хенет! Жалит, как скорпион. Но тебе не удастся меня огорчить.

— Ну, и прекрасно, чего же еще? Ты, наверное, влюблена по уши в этого красавчика? Ох уж этот Камени, знает, как петь любовные песни. И

умеет добиваться чего надо, не беспокойся. Я восхищаюсь им, клянусь богами. А на вид такой простосердечный и прямодушный.

— Ты о чем, Хенет?

— Всего лишь о том, какое восхищение у меня вызывает Камени. Я убеждена, что он на самом деле простосердечный и прямодушный, а не прикидывается таким. До чего это все похоже на одну из тех историй, которые рассказывают на торжищах сказочники! Бедный молодой писец женится на дочке своего господина, который оставляет им большое наследство, и с тех пор они живут-поживают припеваючи. Удивительно, до чего же всегда везет молодым красавцам!

— Я права, — заметила Ренисенб. — Ты нас и вправду ненавидишь.

— Как ты можешь говорить такое, Ренисенб, когда тебе хорошо известно, что я из последних сил трудилась на вас всех после смерти вашей матери? — Однако тайное торжество продолжало звучать в ее голосе вместо привычного нытья.

Ренисенб опять посмотрела на шкатулку, и тут ее осенила новая догадка.

— Это ты положила золотое ожерелье с львиными головами в эту шкатулку. Не отрицай, Хенет. Я знаю.

Злорадного торжества как не бывало. Хенет испугалась.

— Я была вынуждена сделать это, Ренисенб. Я боялась.

— Чего ты боялась?

Хенет подвинулась на шаг и понизила голос:

— Мне его дала Нофрет. Подарила, хочу я сказать. За некоторое время до смерти. Она иногда делала мне подарки. Нофрет была не из жадных. Да, она была щедрой.

— То есть неплохо тебе платила.

— Не надо так говорить, Ренисенб. Я тебе сейчас все расскажу. Она подарила мне золотое ожерелье со львами, аметистовую застежку и еще две-три вещицы. А потом, когда пастух рассказывал, что видел женщину с ожерельем на шее, я испугалась. Могут подумать, решила я, что это я бросила отраву в вино. Вот я и положила ожерелье в шкатулку.

— И это правда, Хенет? Ты когда-нибудь говорила правду?

— Клянусь, что это правда, Ренисенб. Я боялась...

Ренисенб с любопытством посмотрела на нее.

— Ты вся дрожишь, Хенет, будто тебе и сейчас страшно.

— Да, страшно... У меня есть на то причина.

— Какая? Скажи.

Хенет облизала свои тонкие губы. И оглянулась. А когда вновь

посмотрела на Ренисенб, у нее был взгляд затравленного зверя.

— Скажи, — повторила Ренисенб.

Хенет покачала головой.

— Мне нечего сказать, — не очень твердо отозвалась она.

— Ты слишком много знаешь, Хенет. Ты всегда знала чересчур много. Тебе это нравилось, но сейчас знать много опасно — вот в чем беда, верно?

Хенет опять покачала головой. Потом зло усмехнулась.

— Подожди, Ренисенб. В один прекрасный день я буду щелкать кнутом в этом доме. Подожди — и увидишь.

Ренисенб собралась с духом.

— Мне ты зло причинить не сумеешь, Хенет. Моя мать не даст меня в обиду.

Лицо Хенет изменилось, глаза засверкали.

— Я ненавидела твою мать, — выкрикнула она. — Всю жизнь ненавидела... И тебя, у которой ее глаза, ее голос, ее красота и ее высокомерие, тебя я тоже ненавижу, Ренисенб.

Ренисенб рассмеялась.

— Наконец-то я заставила тебя признаться.

Глава XX

Второй месяц Лета, 15-й день

I

Старая Иза, тяжело опираясь на палку, вошла в свои покои.

Она была в смятении и очень устала. Возраст, думала она, наконец-то берет свое. До сих пор ей приходилось испытывать только телесную усталость, духом она была тверда, как в молодости. Но нынче, вынуждена была признать она, душевное напряжение лишало ее последних сил.

Теперь она без сомнения знала, откуда надвигается угроза, но дать себе послабление не могла. Наоборот, приходилось быть более чем когда-либо начеку, ибо она намеренно привлекла к себе внимание. Доказательства, доказательства, следует раздобыть доказательства. Но каким образом?

Вот тут она и осознала, что возраст стал для нее помехой. Она слишком устала, чтобы что-то придумать, заставить свой ум напрячься в созидательном усилии. Все, на что она осталась способна, была самозащита; следовало быть настороже, не терять бдительности, оберегать собственную жизнь. Ибо убийца — на этот счет она не заблуждалась — готов нанести очередной удар. А она не испытывала ни малейшего желания стать его жертвой. Оружием он изберет, несомненно, яд. Прибегнуть к насилию убийца не сможет, поскольку она никогда не оставалась одна, а была постоянно окружена слугами. Значит, яд. Что ж, придется искать противодействие. Еду ей будет готовить и приносить Ренисенб. Сосуд с вином и ковшик уже поставили ей в комнату, и, когда рабыня отпивала немного, она ждала еще сутки, чтобы убедиться в его безвредности. Она давно заставила Ренисенб есть и пить вместе с ней, хотя пока за Ренисенб можно было не беспокоиться. А глядишь, и вообще не придется. Но этого никто не знает.

Она сидела неподвижно, с трудом собираясь с мыслями для доказательства истины, и порой поглядывала, чтобы отвлечься, за маленькой рабыней, которая крахмалила и разглаживала складки на ее льняных одеяниях и перенизывала бусы и браслеты.

В этот вечер Иза особенно устала. Ей пришлось по просьбе Имхотепа

обсудить с ним, прежде чем он поговорит с дочерью, вопрос о замужестве Ренисенб.

От прежнего Имхотепа осталась лишь тень. Он превратился в ссутулившегося и раздражительного старика. Исчезли спесь и самоуверенность. Теперь он целиком полагался на неукротимую волю и решительность матери.

Что касается Изы, то она очень боялась сказать что-то не то. Необдуманное замечание могло навлечь на кого-то смерть.

Да, наконец сказала она, это замужество — мудрое решение. И на поиски мужа среди более влиятельных членов их рода нет времени. В конце концов владения достанутся Ренисенб и ее детям по наследству, а ее муж будет всего лишь управляющим.

Итак, предстояло только выбрать между Хори — человеком кристальной честности, старым и верным другом, сыном мелкого землевладельца, чей участок граничил с их землей, и молодым Камени, который якобы приходится им родственником.

Иза долго раздумывала, прежде чем сделать выбор. Не то слово — и грянет беда.

Наконец заявила с присущей ей властностью, не допуская и мысли о возражении: Камени должен стать мужем Ренисенб, разумеется, если Ренисенб согласна. Объявить об этом решении и устроить свадебные торжества — весьма непродолжительные из-за недавних печальных событий в доме — следует через неделю. Камени превосходный молодой человек, у них будут здоровые дети. Более того, они любят друг друга.

Что ж, думала Иза, жребий брошен. На игральной доске сделан роковой ход. Теперь от нее ничего не зависит. Она поступила так, как сочла целесообразным. Если в этом есть риск, что ж, Иза любила посидеть за игральной доской не меньше покойного Ипи. Нельзя всю жизнь остерегаться. Хочешь выиграть — рискуй.

Вернувшись к себе, она настороженно огляделась. Особенно присмотрелась к большому сосуду с вином. Он был закрыт и запечатан точно так, как при ее уходе. Она всегда, уходя, опечатывала его, а печатку для сохранности вешала себе на шею.

Да, на такой риск она не пойдет, усмехнулась Иза. Не так-то легко убить старуху. Старухи умеют ценить жизнь, и большинство уловок им знакомо.

Завтра... Она позвала свою маленькую рабыню.

— Не знаешь, где Хори?

— Наверное, наверху, в гроте возле гробницы, — ответила девочка.

Иза была довольна.

— Поднимись туда к нему. Скажи, что завтра утром, когда Имхотеп и Яхмос уйдут на поля, прихватив с собой Камени, чтобы было кому вести счет, а Кайт будет играть с детьми у водоема, он должен прийти сюда. Поняла? Повтори.

Маленькая рабыня повторила, и Иза отпустила ее.

Да, план ее был безупречен. Разговора с Хори никто не подслушает, потому что Хенет она отправит с поручением под навес к ткачихам. Она расскажет Хори, что им предстоит, и они вместе обговорят все подробности.

Когда черная рабыня вернулась с известием, что Хори обязательно придет, Иза вздохнула с облегчением.

Только теперь, когда все было сделано, она почувствовала, как усталость разлилась по всему телу. И велела рабыне взять горшочек с душистыми притираниями и помассировать ей руки и ноги. Ритмичные движения навеяли покой, а бальзам снял ломоту в костях. Наконец она вытянулась на своем ложе, положив голову на деревянный подголовник, и заснула — страхи на мгновение исчезли.

Когда много позже она проснулась, то почувствовала, что ей почему-то холодно. Руки и ноги окоченели, она не могла шевельнуть ими... Тело словно оцепенело. Она ощущала, как стынет ее мозг, парализуя волю, как все медленнее и медленнее бьется сердце.

«Это смерть...» — подумала она. Странная смерть — неожиданная, ничем о себе не возвестившая. «Так умирают старики», — подумала она.

И вдруг пришло убеждение: это неестественная смерть! Это удар, нанесенный из тьмы врагом. Яд... Но каким образом? Когда? Все, что она ела и пила, пробовали другие и остались живы — тут не могло быть ошибки. Тогда как? Когда? Последним проблеском угасающего сознания Иза пыталась проникнуть в тайну. Она должна знать, должна, перед тем как ей суждено умереть.

Она чувствовала, что тяжесть все сильнее давит ей на грудь, смертельный холод сжимает сердце. Дыхание слабело, стало болезненным.

Что сделал враг?

И вдруг из прошлого на помощь ей пришло беглое воспоминание. Кусочек овечьей кожи — отец показывал, как кожа способна впитывать яд. Овечье сало — благовонный бальзам, приготовленный на овечьем сале.

Вот каким путем добрался до нее враг. Горшочек с притираниями — необходимая принадлежность каждой египтянки. В них был яд...

А завтра... Хори... Он уже не узнает... Она не сумела ему сказать...

Уже поздно.

Наутро перепуганная маленькая рабыня бежала по дому с криком, что ее госпожа умерла во сне.

II

Имхотеп стоял и смотрел на мертвую Изу. На его лице была боль утраты, но ни тени подозрения.

Его мать, сказал он, умерла от старости.

— Она была старой, — говорил он. — Да, старой. Вот и пришла ей пора отправляться к Осирису, а все наши беды и горести еще и ускорили ее кончину. Но, по-видимому, смерть ее была легкой. По милости Ра на этот раз обошлось без помощи человека или злых духов. Иза умерла своей смертью. Смотрите, какое у нее спокойное лицо.

Ренисенб плакала, ее утешал Яхмос. Хенет вздыхала и качала головой, то и дело повторяя, какую утрату они понесли и как она была преданна Изе. Камени перестал петь и ходил, как и полагается, со скорбным выражением на лице.

Пришел Хори и тоже стоял и смотрел на покойную. Именно в этот час она велела ему прийти. Что она хотела ему сказать, думал он. Несомненно, она нашла какие-то доказательства. Но теперь ему никогда не узнать. Впрочем, думал он, может, он и сам догадается...

Глава XXI

Второй месяц Лета, 16-й день

I

— Хори, ее убили?

— Думаю, да, Ренисенб.

— А как?

— Не знаю.

— Но она была так осторожна. — В голосе Ренисенб слышались боль и недоумение. — Она всегда была начеку. Принимала все меры предосторожности. Все, что ела и пила, пробовали рабы.

— Я знаю, Ренисенб. Но тем не менее я уверен, что ее убили.

— Она была самая мудрая из всех нас, самая умная! Она была убеждена, что уж с ней-то ничего не случится. Нет, Хори, тут все неспроста. В этом случае действовали злые духи.

— Ты веришь в это, потому что таким путем легче всего объяснить случившееся. Люди всегда так поступают. Сама Иза этому ни за что бы не поверила. Если перед тем, как уснуть навсегда, она поняла, что умирает, то не сомневалась, что это дело рук человека.

— А она знала, чьих?

— Да. Она довольно откровенно намекнула, на кого падает ее подозрение. И стала опасной для убийцы. И то, что она умерла, только подтверждает, что в своих подозрениях она оказалась права.

— А она тебе сказала, кто это?

— Нет, не сказала, — ответил Хори. — Она ни разу не назвала имени. Тем не менее наши мысли, я убежден, совпали.

— В таком случае, Хори, скажи мне, чтобы я тоже его остерегалась.

— Нет, Ренисенб, мне слишком дорога твоя участь, чтобы я тебе его назвал.

— А если я не знаю, мне ничто не угрожает?

Хори потемнел лицом.

— Нет, Ренисенб, я не могу сказать, что тебе ничто не угрожает. Опасность существует для всех нас. Но опасность возрастет, если ты узнаешь правду, ибо тогда ты станешь для убийцы угрозой, которую, каков

бы ни был риск, следует немедленно устранить.

— А как же ты, Хори? Ты ведь знаешь.

— Я считаю, что знаю, — поправил ее он. — Но никак этого не проявляю, я не обмолвился и словом. Иза поступила неосторожно. Она высказалась, обнаружила, куда ведут ее мысли. Этого делать не следовало, о чем я ей потом и сказал.

— Но ты, Хори... Если что-нибудь случится с тобой...

Она замолкла, почувствовав, что Хори смотрит ей прямо в глаза. Его печальный пристальный взгляд проникал в ее мысли и сердце.

— Не бойся за меня, Ренисенб, — осторожно взял он ее руки в свои. — Все будет хорошо.

Если Хори так считает, подумала она, значит, и вправду все будет хорошо. Она испытала удивительное чувство умиротворения, покоя, ликующего счастья, прекрасное, но такое недостижимое, как те дали, что она видит со скалы, в которой высечена гробница, дали, куда не достигают шумные людские притязания и запреты.

И вдруг услышала собственный голос, резкий, решительный:

— Я выхожу замуж на Камени.

Хори отпустил ее руки — словно ни в чем не бывало.

— Я знаю, Ренисенб.

— Они... Мой отец... Они считают, что так надо.

— Я знаю.

И пошел прочь.

Окружающие двор стены, казалось, приблизились, голоса из дома и из-под навесов, где лутили кукурузу, стали громкими и настойчивыми. «Хори уходит», — мелькнуло у Ренисенб в голове.

— Хори, куда ты? — окликнула она его.

— На поля к Яхмосу. Уборка почти закончена, нужно многое подсчитать и записать.

— А Камени?

— Камени тоже будет с нами.

— Я боюсь оставаться здесь, — выкрикнула Ренисенб. — Да, даже в разгар дня, когда кругом слуги и Ра плывет по небесному океану, я боюсь.

Он тотчас вернулся.

— Не бойся, Ренисенб. Клянусь, тебе нечего бояться. Сегодня, во всяком случае.

— А завтра?

— Живи одним днем. Клянусь тебе, сегодня ты в безопасности.

Ренисенб посмотрела на него и нахмурилась.

— Значит, нам все еще грозит опасность? Яхмосу, моему отцу, мне? Ты хочешь сказать, что я не первая в очереди тех, кому грозит опасность?

— Постарайся не думать об этом, Ренисенб. Я делаю все, что в моих силах, хотя тебе может казаться, что я бездействую.

— Понятно... — Ренисенб задумчиво посмотрела на него. — Да, я понимаю. Первая очередь за Яхмосом. Убийца уже дважды использовал яд и промахнулся. Он сделает и третью попытку. Вот почему ты хочешь быть рядом с ним — чтобы защитить его. А потом наступит очередь моего отца и моя. Кто это так ненавидит нашу семью, что...

— Тсс. Лучше помолчи, Ренисенб. Доверься мне. И старайся прогнать страх.

Гордо откинув голову и глядя прямо ему в глаза, Ренисенб произнесла:

— Я верю тебе, Хори. Ты не дашь мне умереть... Я очень люблю жизнь и не хочу уходить из нее.

— И не уйдешь, Ренисенб.

— И ты тоже, Хори.

— И я тоже.

Они улыбнулись друг другу, и Хори отправился на розыски Яхмоса.

II

Ренисенб сидела, обхватив руками колени, и следила за Кайт.

Кайт помогала детям лепить игрушки из глины, поливая ее водой из водоема. Разминая пальцами глину и придавая ей нужную форму, она учила двух насупленных от усердия мальчиков, как и что делать. Ее доброе некрасивое лицо было безмятежно, словно страх смерти, царивший в доме, нисколько ее не коснулся.

Хори просил Ренисенб ни о чем не думать, но при всем своем желании Ренисенб не могла выполнить его просьбу. Если Хори знает, кто убийца, если Иза знала, кто убийца, то почему и ей не знать? Быть может, не знать менее опасно, но кто в силах с этим согласиться? Ей тоже хотелось знать.

Выяснить это, наверное, не так уж трудно — скорее даже легко. Отец, совершенно ясно, не мог желать смерти своим собственным детям. Значит, остаются... Кто же остается? Остаются двое, хотя поверить в это невозможно: Кайт и Хенет.

Женщины...

И что у них за причина?

Хенет, правда, ненавидит их всех... Да, она, несомненно, их

ненавидит. Сама призналась, что ненавидит Ренисенб. Почему бы ей не пылать такой же ненавистью и к остальным?

Ренисенб пыталась проникнуть в самые сокровенные мысли Хенет.

Живет здесь столько лет, ведет в доме хозяйство, без конца твердит о своей преданности, лжет, шпионит, ссоря их друг с другом... Появилась здесь давным-давно в качестве бедной родственницы красивой госпожи из знатного рода. Видела, что эта красивая госпожа счастлива с мужем и детьми. Ее собственный муж покинул ее, единственный ребенок умер... Да, это могло стать причиной. Вроде раны от вонзившегося копья, как Ренисенб раз видела. Снаружи эта рана быстро зажила, но внутри начала нарывать и гноиться, рука распухла и стала твердой. Пришел лекарь и, прочитав нужное заклинание, вонзил в опухшую руку небольшой нож, и оттуда брызнула струя вонючего гноя... Еще похоже бывает, когда прочищают сточную канаву.

То же самое произошло, по-видимому, и с Хенет. Страдания и обиды, казалось, забылись, но внутрь сознания просочился яд, который, накопившись, прорвался потоком ненависти и злобы.

Испытывала ли Хенет ненависть и к Имхотепу? Вряд ли. Много лет она увивается возле него, льстит и заискивает... А он полностью ей доверяет. Неужто и с ним она притворяется?

Если же она искренне преданна Имхотепу, то почему решила причинить ему столько горя?

А что, если она и его ненавидит? Ненавидела всю жизнь? И льстила, чтобы ловко пользоваться его слабостями? Что, если она ненавидит Имхотепа больше всех? Тогда что может доставить большую радость человеку со столь извращенными и порочными наклонностями, нежели возможность заставить своего заклятого врага собственными глазами видеть, как один за другим погибают его дети?

— Что с тобой, Ренисенб?

На нее смотрела Кайт.

— У тебя такой странный вид.

Ренисенб встала.

— Меня вот-вот вырвет, — сказала она.

Отчасти это было правдой. От картины, которую она сама себе нарисовала, ее начало тошнить. Кайт восприняла ее слова буквально.

— Ты, наверное, съела незрелых фиников либо рыба была несвежей.

— Нет, нет, это не от еды. Это от того, что у нас происходит.

— А, вот в чем дело, — откликнулась Кайт так равнодушно, что Ренисенб удивленно уставилась на нее.

— Разве ты не боишься, Кайт?

— Нет, не боюсь, — задумчиво ответила Кайт. — Если с Имхотепом что-нибудь случится, о детях позаботится Хори. Хори — человек честный, он будет им хорошим опекуном.

— Опекуном станет Яхмос.

— Яхмос тоже умрет.

— Кайт, как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе безразлично, умрут отец и Яхмос или нет?

Минуту-другую Кайт размышляла. Потом пожала плечами.

— Мы обе женщины, так что давай будем друг с другом откровенны. Имхотепа я всегда считала деспотичным и несправедливым. А как возмутительно он показал себя в истории с наложницей — позволил ей уговорить себя лишиться наследства собственных детей. Я никогда не испытывала привязанности к Имхотепу. Что касается Яхмоса, то он пустое место. Сатипи делала с ним что хотела. Потом, когда она умерла, он повел себя более решительно, стал распоряжаться. Но он всегда будет относиться к своим детям лучше, чем к моим, что вполне естественно. Поэтому, если ему суждено умереть, это будет только на благо моим детям — вот какой я делаю вывод. У Хори детей нет, и человек он справедливый. В том, что творится у нас в доме, конечно, ничего хорошего нет, но в последнее время я начала думать, что в конечном итоге оно, может, и к лучшему.

— Как ты можешь так спокойно, так хладнокровно рассуждать, Кайт, когда твой собственный муж, которого ты, по-моему, любила, погиб первым?

Что-то странное мелькнуло в глазах Кайт. Она бросила на Ренисенб взгляд, в котором явно сквозила презрительная усмешка.

— Ты иногда очень похожа на Тети, Ренисенб. Такой же ребенок, клянусь, как она.

— Ты не оплакиваешь смерть Себека, — медленно произнесла Ренисенб. — Я это заметила.

— Оставь, Ренисенб, меня не в чем упрекнуть. Я знаю, как должна вести себя вдова, только что потерявшая мужа.

— Да, упрекнуть тебя не в чем... Значит, ты не любила Себека?

— А почему я должна была его любить? — пожала плечами Кайт.

— Кайт! Он был твоим мужем, отцом твоих детей!

Лицо Кайт смягчилось. Она посмотрела сначала на двух увлеченных лепкой мальчиков, а потом туда, где барахталась, задрав ножки и что-то лепеча, малышка Анх.

— Да, он был отцом моих детей, за что я благодарна ему. Но в

остальном что он представлял собой? Красавец, хвостун и развратник. Он не привел в дом новую сестру, приличную скромную женщину, которая была бы всем нам в помощь. Нет, он посещал дома, которые пользуются дурной славой, и тратил медные и золотые украшения на вино и самых дорогих танцовщиц. Еще счастье, что Имхотеп держал сына в узде и тому приходилось до мелочей отчитываться в заключенных им торговых сделках. Почему же я должна была питать любовь и уважение к такому человеку? И вообще, что такое мужчины! Они нужны только для рождения детей, вот и все. Сила народа в женщинах. Мы, Ренисенб, передаем детям все, что есть в нас. Что же касается мужчин, то они должны участвовать в зачатии, а потом дело их — пусть умирают... — Словно заключительным музыкальным аккордом снова прозвучали в голосе Кайт презрение и насмешка. Ее некрасивое лицо преобразилось, стало значительным.

Ренисенб охватило смятение. «Какая Кайт сильная! Если она и глупая, то это самодовольная глупость. Она ненавидит и презирает мужчин. Мне бы давно следовало это понять. Ведь один раз я уже видела, что она способна на угрозу. Да, Кайт сильная...»

Взгляд Ренисенб случайно упал на руки Кайт. Они мяли и месили глину — сильные, мускулистые руки, и, глядя на них, Ренисенб подумала об Ипи и о сильных руках, которые безжалостно держали его голову под водой. Да, руки Кайт вполне могли это сделать...

Малышка Анх, наткнувшись на колючку, громко заплакала. Кайт кинулась к ней, схватила и, прижав к груди, принялась успокаивать. На ее лице были любовь и нежность.

— Что случилось? — выбежала на галерею Хенет. — Ребенок так громко кричал. Я было решила... — И разочарованно замолкла. Ее полное злорадного любопытства лицо вытянулось: очередной беды не случилось.

Ренисенб перевела взгляд с одной женщины на другую.

Ненависть на одном лице, любовь на другом. Что, интересно, страшнее?

III

— Берегись Кайт, Яхмос.

— Кайт? — удивился Яхмос. — Дорогая моя Ренисенб...

— Говорю тебе, она опасна.

— Наша тихая Кайт? Она всегда была кроткой, покорной женщиной, не очень умной...

— Она не кроткая и не покорная, — перебила его Ренисенб. — Я ее боюсь, Яхмос. И прошу тебя быть начеку.

— Боишься Кайт? — еще раз удивился он. — Представить себе не могу, чтобы все наши беды исходили от Кайт. У нее для этого ума не хватит.

— По-моему, тут не требуется большого ума. Достаточно знать яды. А как тебе известно, в некоторых семьях в ядах отлично разбираются и передают эти знания от матери к дочери. Есть женщины, которые умеют готовить снадобья из ядовитых трав. Может, и Кайт обучена этому. Во всяком случае, когда дети болеют, она сама готовит им лекарства.

— Да, это верно, — задумался Яхмос.

— И Хенет тоже злая, — продолжала Ренисенб.

— Хенет? Да. Недаром мы ее всегда недолюбливали. По правде говоря, если бы отец за нее не заступался...

— Отец обманывается в ней, — сказала Ренисенб.

— Вполне возможно. — И сухо добавил: — Он любит лесть.

Ренисенб посмотрела на него с удивлением. Впервые в жизни ей довелось услышать, чтобы Яхмос высказался об Имхотепе в таком непочтительном тоне. Он всегда был преисполнен благоговейного страха перед отцом.

Яхмос, поняла она, постепенно становится главой в семье. За последние недели Имхотеп заметно сдал. Разучился отдавать приказы, принимать решения. Он очень одряхлел. Часами сидит, уставившись в одну точку, взгляд у него затуманенный и рассеянный. Порой он даже не понимает, о чем ему говорят.

— Ты думаешь, что она... — Ренисенб умолкла. Оглядевшись, она продолжала: — Ты думаешь, что это она...

— Молчи, Ренисенб, — схватил ее за руку Яхмос. — Об этом не следует не только говорить, но и шептать.

— Значит, ты думаешь...

— Молчи. Мы кое-что придумали, — мягко, но настойчиво повторил Яхмос.

Глава XXII

Второй месяц Лета, 17-й день

I

На следующий день был праздник новолуния. Имхотепу предстояло подняться наверх, чтобы совершить обряд жертвоприношения. Яхмос уговаривал отца доверить это на сей раз ему, но Имхотеп и слушать не хотел.

— Откуда мне знать, что все будет сделано, как следует, если я сам обо всем не позабочусь? — тцился он напустить на себя былую важность. — Разве я когда-либо позволял себе уклониться от своих обязанностей? Не я ли добывал вам всем хлеб насущный, не я ли содержал вас всех?.. — Голос его упал. — Всех? Кого всех? Ах да, я забыл, два моих сына — красавец Себек и любимый мною отважный Ипи — ушли навсегда. Яхмос и Ренисенб, дорогие мои дети, вы по-прежнему со мной, но кто знает, надолго ли?

— Будем надеяться, что надолго, — отозвался Яхмос. Он говорил громче, чем обычно, словно обращался к глухому.

— А? Что? — Имхотеп, казалось, был не в себе. Потом вдруг ни с того, ни с сего добавил: — Это зависит от Хенет, верно? Да, все зависит от Хенет.

Яхмос и Ренисенб переглянулись.

— Я не понимаю тебя, отец, — тихо, но отчетливо сказала Ренисенб.

Имхотеп пробормотал что-то еще, чего они не расслышали. Потом громче, но глядя перед собой пустыми и тусклыми глазами, заявил:

— Хенет меня понимает. И всегда понимала. Она знает, как велики мои обязанности, как велики... А взамен всегда одна неблагодарность... Отсюда и возмездие. Так и должно быть. Высокомерие заслуживает наказания. Хенет же всегда была скромной, покорной и преданной. Ей причитается награда...

И, собрав последние остатки сил, спросил властным голосом:

— Ты понял меня, Яхмос? Хенет вправе требовать всего, что захочет. Ее распоряжения следует выполнять!

— Но почему, отец?

— Потому что я так хочу. Потому что, если желания Хенет будут удовлетворены, смерть уйдет из нашего дома.

И, многозначительно кивнув головой, удалился, оставив Яхмоса и Ренисенб в полном недоумении и тревоге.

— Что это значит, Яхмос?

— Не знаю, Ренисенб. Порой мне кажется, что отец не отдает себе отчета в том, что говорит или делает.

— Возможно. Зато, по-моему, Хенет чересчур хорошо знает, что говорит или делает. Лишь на днях она заявила мне, что в самом скором времени она будет щелкать кнутом у нас в доме.

Они стояли и смотрели друг на друга. Потом Яхмос положил руку на плечо Ренисенб.

— Не ссорься с ней, Ренисенб. Ты не умеешь скрывать своих чувств. Ты слышала, что сказал отец? Если желания Хенет будут удовлетворены, смерть уйдет из нашего дома...

II

Сидя на корточках в одной из кладовых, Хенет пересчитывала куски полотна. Это были старые холстины, и, заметив на одной из них метку, она поднесла ее к глазам.

— Ашайет, — прочитала она. — Значит, это ее холст. Тут вышит и год нашего приезда сюда. Много лет прошло с тех пор. Знаешь ли ты, Ашайет, на что сейчас идут твои холстины? — Она захихикала, но тут же, словно поперхнувшись, умолкла, ибо услышала за спиной чьи-то шаги.

Она повернулась. Перед ней стоял Яхмос.

— Чем ты занимаешься, Хенет?

— Бальзамировщикам не хватило полотна на погребальные пелены. Все им мало. Только за вчерашний день ушло четыре сотни локтей. Ужас сколько полотна они изводят. Придется нам взять это старое. Оно хорошего качества и не совсем ветхое. Это холстины твоей матери, Яхмос.

— А кто разрешил тебе их брать?

Хенет засмеялась.

— Имхотеп сказал, что я могу распоряжаться всем, чем хочу, и ни у кого не спрашивать разрешения. Он доверяет бедной старой Хенет. Знает, что она сделает все как надо. Я уже давно веду хозяйство в этом доме. Пора и мне получить вознаграждение.

— Может, и так, — согласился Яхмос. — Отец сказал... — он

помолчал, — что все зависит от тебя.

— Он так сказал? Что ж, приятно слышать. Но ты, Яхмос, я вижу, не согласен с отцом?

— Почему же? — Яхмос по-прежнему не повышал тона, но не сводил с нее пристального взгляда.

— По-моему, тебе лучше согласиться с отцом. Зачем нам лишние неприятности, а, Яхмос?

— Я не совсем понимаю тебя. Ты хочешь сказать, что, если ты станешь хозяйкой у нас в доме, смерть покинет его?

— Нет, смерть не собирается уходить.

— И кто же будет ее следующей жертвой, Хенет?

— Почему ты решил, что я знаю?

— Потому что, по-моему, тебе многое известно. Несколько дней назад, например, ты знала, что Ипи умрет... Ты очень умная, Хенет.

— А ты это только сейчас понял? — вскинулась Хенет. — Хватит мне быть бедной глупой Хенет. Я все знаю.

— И что же ты знаешь, Хенет?

У Хенет даже голос изменился. Он стал низким и резким.

— Я знаю, что наконец-то могу делать в этом доме что хочу. И никто не посмеет мне возразить. Имхотеп уже во всем полагается на меня. И ты будешь делать то же самое, Яхмос.

— А Ренисенб?

Хенет засмеялась злорадно, с явным удовольствием.

— Ренисенб здесь скоро не будет.

— По-твоему, следующей умрет Ренисенб?

— А по-твоему, Яхмос?

— Я хочу услышать, что скажешь ты.

— Может, я только хотела сказать, что Ренисенб выйдет замуж и уедет.

— А что на самом деле ты хотела сказать?

— Иза однажды обвинила меня в том, что я много болтаю, — хихикнула Хенет. — Может, и так.

И опять рассмеялась, покачиваясь на пятках.

— Итак, Яхмос, как ты думаешь? Имею я наконец право делать в доме что хочу?

Мгновение Яхмос вглядывался в ее лицо и только потом ответил:

— Да, Хенет. Раз ты такая умная, можешь делать все, что хочешь.

И повернулся навстречу Хори, который вышел из главного зала.

— Вот ты где, Яхмос! Имхотеп ждет тебя. Пора подняться наверх.

— Иду, — кивнул Яхмос. И, понизив голос, добавил: — Хори, Хенет,

по-моему, рехнулась. В нее вселился злой дух. Я и вправду начинаю думать, что вина за все случившееся лежит на ней.

Хори не сразу, но спокойным и ровным тоном откликнулся:

— Она странная женщина, а главное, злая.

— Хори, — перешел на шепот Яхмос, — по-моему, Ренисенб грозит опасность.

— От Хенет?

— Да. Она только что дала мне понять, что очередной жертвой может стать Ренисенб.

— Что, мне весь день вас ждать? — послышался капризный голос Имхотепа. — Что это такое? Никто со мной больше не считается. Никого не интересует, какие страдания я испытываю. Где Хенет? Только Хенет меня понимает.

Из кладовой отчетливо донесся торжествующий смех.

— Ты слышал, Яхмос? Хенет здесь хозяйка!

— Да, Хенет, я понимаю, — справился с собой Яхмос. — Власть теперь в твоих руках. Ты, мой отец и я — мы втроем...

Хори поспешил к Имхотепу, а Яхмос задержался, что-то еще сказал Хенет, и та согласно кивнула головой. Лицо ее расплзлось в злобной усмешке.

Когда Яхмос, извинившись за задержку, догнал отца и Хори, они все вместе двинулись наверх, к гробнице.

III

День почему-то тянулся медленно.

Ренисенб терзало беспокойство. Она то выходила из дому на галерею, то шла к водоему, то возвращалась обратно в дом.

В полдень Имхотеп вернулся. Ему подали еду, он поел и уселся на галерею. Ренисенб пристроилась рядом.

Она сидела, обхватив руками колени, и время от времени поглядывала на отца. На его лице было все то же отсутствующее выражение, смешанное с недоумением. Имхотеп почти не говорил. Только раз-другой тяжело вздохнул.

Потом встрепенулся и послал за Хенет. Но Хенет не было — она понесла холсты бальзамировщикам.

Ренисенб спросила у отца, где Хори и Яхмос.

— Хори ушел на дальние поля льна. Там надо провести подсчет. А

Яхмос здесь, на ближних полях. Теперь все на нем... Когда Себека и Ипи не стало. Бедные мои сыновья...

Ренисенб попыталась отвлечь его.

— А разве Камени не может присматривать за работами?

— Камени? А кто такой Камени? У меня нет сына по имени Камени.

— Писец Камени. Камени, которому надлежит стать моим мужем.

Он устался на нее.

— Твоим мужем, Ренисенб? Но ведь ты выходишь замуж за Хея.

Она вздохнула и промолчала. Жестоко каждый раз поправлять его.

Спустя некоторое время он, однако, очнулся, потому что воскликнул:

— Ты спрашивала про Камени? Он пошел на пивоварню отдать кое-какие распоряжения надсмотрщику. Надо и мне, пожалуй, туда сходить.

И зашагал прочь, бормоча что-то себе под нос, вид у него был такой самоуверенный, что Ренисенб даже воспряла духом.

Быть может, подобное затмение разума — явление временное?

Она огляделась. Что-то зловещее почудилось ей в том безмолвии, что царило в доме и на дворе. Дети играли на дальнем конце водоема. Кайт с ними не было. Интересно, где она, подумала Ренисенб.

На галерею вышла Хенет. Оглядевшись, робко подошла к Ренисенб. И заговорила-заныла с прежней покорностью:

— Я все ждала, пока мы останемся наедине, Ренисенб.

— А зачем я тебе нужна, Хенет?

Хенет понизила голос:

— Хори попросил меня передать тебе кое-что.

— Что именно? — жадно спросила Ренисенб.

— Он сказал, чтобы ты поднялась к гробнице.

— Сейчас?

— Нет. За час до заката, сказал он. Если его не будет, он просил, чтобы ты его подождала. Это очень важно, сказал он. — Хенет помолчала, а потом добавила: — Мне велено было дождаться, когда ты останешься одна — чтобы никто не подслушал.

И скользнула обратно в дом.

У Ренисенб стало легче на душе. Ее радовала мысль, что она пойдет туда, где правят мир и покой. Радовало, что она увидит Хори и сможет поговорить с ним о чем захочет. Но и удивило, что он передал свое приглашение через Хенет. Тем не менее Хенет хоть и злая, но просьбу Хори она выполнила добросовестно.

«И почему я все время боюсь Хенет? — думала Ренисенб. — Ведь я куда сильнее ее».

И с гордостью выпрямилась. Она чувствовала себя молодой, уверенной в себе и хозяйкой собственной жизни...

IV

После разговора с Ренисенб Хенет снова вернулась в кладовую. Тихо смеясь про себя, она склонилась над охапками холстин.

— Скоро вы опять нам понадобятся, — радостно проговорила она. — Ты слышишь меня, Ашайет? Теперь я здесь хозяйка и сообщаю тебе, что твое полотно пойдет на пелены для еще одного тела. И чье это будет тело, как ты думаешь? Хи-хи! Ты не очень-то поспешила им на помощь, а? Ты и брат твоей матери, сам правитель! Правосудие? Разве существует правосудие в этом мире? Отвечай!

Почувствовав у себя за спиной шорох, Хенет чуть повернула голову.

И тут же кто-то набросил ей на голову огромный холст, она стала задыхаться, и, пока не иссякли ее силы, не ведающие пощады руки все обкручивали и обкручивали тканью ее тело, туго пеленая его, точно мумию.

Глава XXIII

Второй месяц Лета, 17-й день

I

Задумавшись, Ренисенб сидела у входа в грот возле гробницы и не сводила глаз с Нила.

Ей казалось, что это было давным-давно, когда она впервые поднялась сюда после своего возвращения в дом отца. Тогда она весело говорила, что в доме ничего не изменилось, что все осталось точно таким, каким было до ее отъезда восемь лет назад.

Она вспомнила, как Хори сказал ей, что и она сама вовсе не та Ренисенб, что уехала с Хеем, и как она без тени сомнения ответила, что в самое ближайшее время будет опять той же.

Потом Хори принялся рассуждать о переменах, которые происходят не снаружи, а внутри, о порче, которая не бывает заметна сразу. Теперь она понимала, о чем он говорил. Он старался подготовить ее. Она была так уверена, так слепа, когда пыталась судить о каждом в доме лишь по его внешнему виду. И только с появлением Нофрет у нее открылись глаза... Да, с появлением Нофрет. Все началось с нее. Вместе с Нофрет в дом пришла смерть... Сама ли Нофрет олицетворяла зло или нет, но она внесла зло в дом... Которое все еще живет среди них.

В последний раз Ренисенб попыталась убедить себя, что все вершилось по воле духа Нофрет... Зло творила мертвая Нофрет... Или живая Хенет... Хенет, презираемая, угодничающая, расточающая лесть...

Ренисенб вздрогнула, встрепенулась и медленно поднялась на ноги. Больше ждать Хори она не может. Солнце вот-вот сядет. Почему он не пришел? Она огляделась по сторонам и стала спускаться по тропинке вниз в долину.

В этот вечерний час вокруг царила полная тишина. Как тихо и красиво, подумала она. Что задержало Хори? Если бы он пришел, они могли бы провести этот час вместе... Таких часов осталось немного. Скоро, очень скоро она станет женой Камени...

Неужто она в самом деле собирается выйти замуж за Камени? Потрясенная Ренисенб вдруг очнулась от оцепенения, в котором так долго

пребывала, будто пробудилась после страшного сна. Страх и неуверенность в себе, по-видимому, настолько овладели ею, что она была готова ответить согласием на любое предложение.

Но теперь она снова стала прежней Ренисенб, и если она выйдет за Камени, то это случится только потому, что она сама этого пожелает, а не потому, что так решили в семье. Камени с его красивым, вечно улыбающимся лицом! Она любит его, правда? Поэтому и собирается стать его женой.

В этот вечерний час здесь, наверху, не было ни лжи, ни неясности. И в мыслях не было смятения. Она — Ренисенб, она идет, глядя на мир со спокойствием и отвагой, став опять сама собой. Разве не сказала она как-то Хори, что должна одна спуститься по тропинке в час смерти Нофрет? Пусть ей будет страшно, все равно она должна это сделать. Вот она и идет. Примерно в это время они с Сатипи склонились над телом Нофрет. И опять же примерно в это время Сатипи тоже спускалась по тропинке, потом вдруг обернулась — чтобы увидеть, как ее догоняет судьба. И на том же самом месте. Что же услышала Сатипи, что заставило ее вдруг обернуться? Шаги? Шаги... Но сейчас и Ренисенб слышала шаги — кто-то шел за ней по тропинке.

Сердце ее взметнулось от страха. Значит, это правда! Нофрет шла за ней вслед... Ее объял ужас, но шагов она не замедлила. И не бросилась вперед. Она должна преодолеть страх, ибо совесть ее чиста...

Она выпрямилась, собралась с духом и, не сбавляя шага, обернулась. И сразу ей стало легко. За ней шел Яхмос. Никакой не дух из Царства мертвых, а ее родной брат. Он, наверное, был чем-то занят в поминальном зале гробницы и вышел оттуда сразу следом за ней.

— О Яхмос, как хорошо, что это ты! — остановившись, радостно воскликнула она.

Он быстрым шагом приближался к ней. И только она решила поведать ему о своих глупых страхах, как слова замерли у нее на губах. Это был не тот Яхмос, которого она знала, — мягкий и добрый. Глаза его горели, он то и дело облизывал пересохшие губы. Пальцы чуть вытянутых вперед рук скрючились как когти.

Он смотрел на нее, и взгляд его, можно было не сомневаться, был взглядом человека, который уже убивал и был готов на новое убийство. Его лицо дышало торжеством жестокости и зла. Яхмос! Убийцей был Яхмос! Под маской мягкого и доброго человека!

Она всегда была уверена, что брат любит ее. Но на этом искаженном нечеловеческой злобой, торжествующем лице не было и следа любви.

Ренисенб вскрикнула — едва слышно, ни на что не надеясь. Наступила, почувствовала она, ее очередь умереть. Ибо мериться силой с Яхмосом было безрассудно. Здесь, где сорвалась со скалы Нофрет, где тропинка сужалась, предстояло и ей встретить свою смерть.

— Яхмос! — В этот последний зов она вложила всю нежность, которую всегда испытывала к старшему брату. Но напрасно. Яхмос лишь коротко рассмеялся — тихим злорадным смехом. И бросился вперед — пальцы-когти потянулись к ней, чтобы сомкнуться вокруг ее горла. Ренисенб припала к скале, выставив вперед руки в тщетной попытке оттолкнуть его. К ней приближалась сама смерть!

И вдруг послышался звук, слабый, похожий на звон натянутой струны... В воздухе что-то просвистело. Яхмос замер, покачнулся и с воплем рухнул ничком у ее ног. А она тупо смотрела, смотрела и не могла отвести глаз от оперенья стрелы.

II

— Яхмос... Яхмос... — ошеломленно повторяла Ренисенб, словно была не в силах поверить...

Она сидела у входа в грот, обитель Хори, и он все еще поддерживал ее. Она не помнила, как он вел ее наверх. Она только, как замороженная, с удивлением и ужасом повторяла имя брата.

— Да, Яхмос, — мягко подтвердил Хори. — Всякий раз это был Яхмос.

— Но как? Зачем? Почему он? Ведь его самого отравили. Он чуть не умер.

— Он знал, что делает. Знал, сколько выпить вина, чтобы не умереть. И отхлебнул ровно столько, сколько было нужно, а потом прикинулся отравленным. Только так, считал он, можно отвести от себя подозрение.

— Но не мог же он убить Ипи? Он был тогда еще так слаб, что не держался на ногах.

— Он притворялся слабым. Помнишь, Мерсу сказал, что, как только яд выйдет, к нему тотчас вернутся силы? Вот так и случилось.

— Но зачем, Хори? Не могу понять, зачем?

Хори вздохнул.

— Помнишь, Ренисенб, однажды я говорил тебе о порче, которая возникает внутри?

— Помню. Я только сегодня думала об этом.

— Ты как-то сказала, что с приездом Нофрет в доме поселилось зло. Это было не совсем верно. Зло уже давно жило в сердцах членов вашей семьи. Но с появлением Нофрет оно вылезло из укромных уголков на свет. Ее присутствие вынудило его проявить себя. Кайт из нежной матери обратилась в безжалостную, беспощадную волчицу, алчущую преимуществ для себя и своих детей. Веселый, обаятельный Себек предстал хвастливым, распутным и слабовольным. Ипи, которого считали всего лишь избалованным красивым ребенком, оказался интриганом и себялюбцем. Хенет уже не могла скрыть за своей притворной преданностью лютой злобы. Властная Сатипи показала себя трусливой. Имхотеп превратился в суетливого тщеславного деспота.

— Знаю, — Ренисенб закрыла лицо руками, — можешь мне не объяснять. Я сама мало-помалу это поняла... Но почему, почему этому суждено было случиться? Почему эта порча, как ты говоришь, должна была проявить себя?

— Кто знает? — пожал плечами Хори. — Быть может, в человеке заложена способность к перерождению, и, если со временем он не становится добрее и мудрее, в нем растет злое начало. А может, это произошло оттого, что жизнь обитателей этого дома была слишком замкнутой, обращенной лишь на самих себя, они были лишены широты видения. А может, случилось то, что бывает с растениями: заболевает одно, от него заражается другое, потом третье.

— Но Яхмос... Яхмос, он, казалось, совсем не изменился.

— Да, и именно в этом одна из причин, почему я стал его подозревать. Ибо остальные члены семьи порой могли проявить характер, позволить себе не скрывать своего истинного «я». Яхмос же, от природы робкий, легко подчинялся власти других и не осмеливался восставать. Он любил Имхотепа и тяжело трудился, чтобы угодить ему, а Имхотеп, ценя старшего сына за старательность, считал его недостаточно умным и медлительным. И презирал его. Сатипи тоже помыкала им и без конца подначивала. Чувство обиды, затаенное, но глубоко ранившее, постепенно копилось, и чем более покорным он казался, тем больше рос в его сердце протест.

А затем, как раз тогда, когда Яхмос надеялся получить вознаграждение за свои усердие и прилежание и сделаться совладельцем отца, появилась Нофрет. Нофрет, или скорее ее красота, оказалась той искрой, от которой вспыхнул давно тлеющий костер. При виде ее все три брата вспомнили о том, что они мужчины. Она растравила Себека, выказав презрение к нему, как к глупцу, она привела Ипи в ярость, обращаясь с ним, как с ребенком, а Яхмосу ясно дала понять, что он для нее пустое место. После приезда

Нофрет Сатипи своими издевками довела Яхмоса до белого каления. Ее насмешки, разговоры о том, что она больше мужчина, нежели он, в конце концов вывели его из себя. Он встретил Нофрет на тропинке и в приступе бешенства сбросил ее со скалы.

— Но это же сделала *Сатипи*...

— Нет, Ренисенб, тут вы все ошиблись. Просто Сатипи *видела, как это произошло*. Теперь ты понимаешь?

— Но ведь Яхмос был с тобой на поле.

— Да, в течение последнего часа. Разве ты не заметила, Ренисенб, что тело Нофрет было *застывшим*? Ты сама дотрагивалась до ее щеки. Ты решила, что она только что упала, а на самом деле Нофрет была мертвой уже, по крайней мере, два часа. Иначе на таком жарком солнце ее лицо никогда не показалось бы тебе холодным. Сатипи *видела, как это случилось*. Вот она и бродила вокруг, напуганная, не зная, что предпринять. А когда увидела, что ты идешь, попыталась увести тебя назад.

— Хори, когда ты все это понял?

— Вскорости, наверное. Меня навело на мысль поведение Сатипи. Она явно кого-то или чего-то боялась, и я довольно быстро убедился, что боится она *Яхмоса*. Она перестала его подначивать, более того, была готова безоговорочно ему подчиняться. Убийство Нофрет ее потрясло. Яхмос, которого она презирала за слабодушие, оказался убийцей. Это перевернуло ее представление о нем вверх дном. Как большинство крикливых, задиристых женщин, на самом деле Сатипи была труслива. Этот новый Яхмос напугал ее. А от страха она стала разговаривать во сне. И тогда Яхмос почувствовал, что она представляет для него опасность... А теперь, Ренисенб, постарайся понять то, что ты *видела собственными глазами*. Вовсе не злого духа испугалась Сатипи, а того же человека, которого сегодня на тропинке встретила ты. И на лице своего преследователя — ее собственного мужа — она прочла намерение сбросить ее со скалы, как он уже поступил с Нофрет. В страхе она попятилась назад и сорвалась вниз. И когда, умирая, ей удалось прошептать «*Нофрет*», она пыталась дать тебе понять, что Нофрет убил Яхмос.

Иза тоже догадалась, как было дело, благодаря сказанным Хенет случайным словам. Хенет пожаловалась, что я смотрю *не на нее*, а мимо нее, словно вижу за ее спиной что-то, чего там нет. И тотчас заговорила о Сатипи. Тут Иза и поняла, что все гораздо проще, нежели мы думаем. Сатипи не смотрела на что-то *позади Яхмоса*, она смотрела на *самого Яхмоса*. Чтобы проверить свою мысль, Иза, собрав всех нас, завела речь о том, что было малопонятно кому-либо, кроме Яхмоса, и только ему, если ее

подозрения оправдались. Ее рассказ произвел на него впечатление, всего на миг он выдал себя, но этого было достаточно, чтобы Иза поняла, что знает правду. Но и Яхмос понял, что она его *подозревает*. А раз подозрение возникло, значит, до истины нетрудно докопаться, припомнив и историю с пастухом, который был так предан своему господину, что готов был беспрекословно выполнить любой его приказ, даже выпить отраву, которая не даст ему проснуться наутро...

— О Хори, как трудно поверить, что Яхмос был на это способен. Что касается Нофрет, это понятно. Но зачем он убил всех остальных?

— Это нелегко объяснить, Ренисенб, но если сердце открыто злу, тогда зло расцветает в нем, как маки на хлебном поле. Вполне возможно, Яхмос всегда тяготел к насилию, но не мог решиться совершить его. Он презирал себя за робость и покорность. Убив Нофрет, он, наверное, ощутил всю сладость *власти*, и первой ему дала это понять Сатипи. Сатипи, которая ни во что его не ставила и постоянно оскорбляла, вдруг стала покорной, она боялась его. Все обиды, которые он так долго таил в себе, обнаружили себя, как та змея, помнишь, которая подняла голову здесь на тропинке. Себек и Ипи были один красивее, другой умнее Яхмоса — вот *им* и суждено было уйти из жизни. Он, Яхмос, должен стать единственным хозяином в доме, единственной опорой и утешением старика-отца! Смерть Сатипи только усилила его жажду убивать и укрепила в сознании собственного могущества. Но одновременно зло помрачило его разум, с того дня овладев им целиком.

В тебе, Ренисенб, врага он не видел. Пока был способен любить, он тебя любил. Но он даже не допускал мысли о том, что ему придется разделить управление владениями с твоим мужем. По-моему, Иза дала согласие на твой брак с Камени из двух побуждений: во-первых, если Яхмос нанесет новый удар, то скорей жертвой будет Камени, чем ты, а на худой конец она поручила мне оберегать тебя; и во-вторых, — Иза была отважной женщиной, — чтобы вынудить действовать Яхмоса, за которым я непрерывно следил, а он и понятия не имел, что я его подозреваю, следовало поймать его с поличным.

— Что ты и сделал, — сказала Ренисенб. — О Хори, я так испугалась, когда оглянулась и увидела его.

— Я знаю, Ренисенб. Но через это нужно было пройти. Пока я был рядом с Яхмосом, тебе не грозила опасность, но вечно так продолжаться не могло. Я понимал, что если ему представится возможность сбросить тебя со скалы, *в том же самом месте*, он ее не упустит. Тогда можно будет снова все свалить на дух убитой Нофрет.

— Значит, просьба, которую мне передала Хенет, исходила не от тебя? Хори покачал головой.

— Я ничего не просил передать тебе.

— Но в таком случае, зачем Хенет... — Ренисенб помолчала. — Не понимаю, какую роль во всем этом играла Хенет.

— По-моему, Хенет знает правду, — задумчиво сказал Хори. — Сегодня утром она ясно дала это понять Яхмосу, что было крайне опасно. Он уговорил ее звать тебя сюда, что она и сделала с большой охотой, поскольку ненавидит тебя, Ренисенб...

— Я знаю.

— А затем... Трудно сказать... Хенет уверена, что, раз она все знает, власть у нее в руках. Вряд ли Яхмос оставил бы ее в живых. Может, сейчас она уже...

Ренисенб задрожала.

— Яхмос сошел с ума! — воскликнула она. — Злые духи овладели его разумом, ибо раньше он таким не был.

— Не был, но тем не менее... Помнишь, Ренисенб, я рассказывал тебе про Себека и Яхмоса, как Себек бил Яхмоса по голове и как ваша мать подбежала, бледная и дрожащая, и сказала: «Это опасно». По-моему, Ренисенб, она хотела сказать, что опасно так поступать с Яхмосом. Вспомни, что на следующий день Себек заболел — считалось, что он чем-то отравился, но, мне кажется, Ренисенб, ваша мать знала, какая бешеная злоба глубоко скрыта в груди ее мягкого, робкого сына, и боялась, что в один прекрасный день она вырвется наружу.

— Неужто никто не бывает таким, каким видится со стороны? — содрогнулась Ренисенб.

— Почему же? — улыбнулся ей Хори. — Вот мы с Камени, например, такие, какие мы есть. Камени и я, мы оба...

Последние слова он произнес многозначительно, и Ренисенб вдруг осознала, что стоит перед величайшим в ее жизни выбором.

— ...мы оба любим тебя, Ренисенб, — продолжал Хори. — Ты должна это знать.

— Однако, — не сразу возразила Ренисенб, — ты не противился приготовлениям к моему замужеству и не сказал ничего, ни единого слова.

— Для твоей же безопасности. Иза тоже считала, что я должен держаться в стороне, проявлять безразличие, чтобы иметь возможность неотрывно следить за Яхмосом и не возбуждать у него неприязни. — И с жаром Хори добавил: — Не забудь, Ренисенб, что Яхмос много лет был мне другом. Я любил его. И уговаривал вашего отца взять его в совладельцы и

облечь властью, какой он добивался. Ничего не получилось. Все это пришло слишком поздно. И хотя в глубине души я был уверен, что Нофрет убил Яхмос, я старался этому *не верить*. Я находил оправдания его поступку, даже если он его совершил. Он был мне очень дорог, Яхмос, мой, несчастный, терзаемый уязвленным самолюбием друг. Потом умер Себек, за ним Ипи и, наконец, Иза... Я понял, что в сердце Яхмоса не осталось добра. Поэтому Яхмос и принял смерть от моей руки — он умер быстро и почти безболезненно.

— Смерть — всегда смерть.

— Нет, Ренисенб, впереди у тебя не смерть, а жизнь. С кем ты разделишь ее? С Камени или со мной?

Ренисенб смотрела вниз на долину и на серебристую полосу Нила. Перед ее глазами вдруг возникло смеющееся лицо Камени, такое же, как тогда, когда он сидел напротив нее в лодке. Красивый, сильный, веселый... Она опять почувствовала, как кровь быстрее побежала по ее жилам. Она любила Камени. Он займет место Хея в ее жизни.

«Мы будем счастливы, да, мы будем счастливы, — думала она. — Будем жить вместе, наслаждаться любовью друг друга, иметь здоровых, красивых детей. Будут дни, занятые работой... и дни радости, когда мы будем плавать по реке... Жизнь станет такой, какой была у меня с Хеем... Чего еще мне ждать? Что еще мне нужно?»

И медленно, очень медленно она повернула голову к Хори. Словно, не произнося ни слова, задавала ему вопрос.

И, словно поняв ее, он ответил:

— Когда ты была ребенком, я любил тебя. Мне нравилось твое серьезное личико и доверчивость, с которой ты являлась ко мне, чтобы я починил твои сломанные игрушки. А потом, восемь лет спустя, ты снова пришла сюда, села и поделилась со мной своими мыслями. А мысли твои, Ренисенб, совсем не похожи на мысли всех других в вашей семье. Они не обращены внутрь себя, не ограничены узкими рамками собственного «я». Как и меня, они побуждают тебя смотреть за реку, видеть меняющийся мир со всеми его новшествами, мир, доступный только тем, кто наделен отвагой и способностью видеть...

— Я понимаю, Хори, я понимаю тебя. Я испытываю эти чувства, находясь рядом с тобой. Но не всегда. Будут минуты, когда я не смогу следовать за тобой, когда я останусь одна...

Она умолкла, не в силах найти слова, в которые можно было бы облечь ее бессвязные мысли. Она не могла представить себе, какой будет жизнь с Хори. Несмотря на его мягкость, на его любовь к ней, он в чем-то останется

для нее непредсказуемым и непонятным. Их ждут прекрасные минуты радости, но какой будет их повседневная жизнь?

В безотчетном порыве она протянула к нему руки.

— О Хори, реши за меня. Скажи мне, как поступить.

Он улыбнулся ей — в ней говорил ребенок, быть может, в последний раз. Но руки ее в свои он не взял.

— Я не могу подсказать тебе, что делать с твоей собственной жизнью, Ренисенб, потому что это твоя жизнь — тебе и решать.

Она поняла, что помощи ждать не приходится — Хори не взволнован к ее чувствам, как поступил когда-то Камени. Если бы Хори дотронулся до нее! Нет, он не сделает ни единого движения.

И вдруг она осознала, что в действительности выбор очень прост. Какой жизни она ищет: легкой или трудной? Ей захотелось встать и спуститься вниз по извилистой тропинке к обычной счастливой жизни, которую она уже знала, которой она жила вместе с Хеем. Эта жизнь не сулила опасностей, в ней ее ждали повседневные радости и горести, в этой жизни нечего было бояться, кроме старости и смерти...

Смерть... В мыслях о жизни она, сделав круг, снова пришла к мысли о смерти. Хей умер, возможно, умрет и Камени, и его лицо, как и лицо Хейя, постепенно сотрется из ее памяти...

Она посмотрела на Хори, молча стоявшего подле нее. Странно, подумала она, но она до сих пор его толком не разглядела. Ей это было ни к чему...

Она заговорила таким не терпящим возражения тоном, как тогда, когда заявила, что пойдет одна вниз по тропинке в час заката.

— Я сделала выбор, Хори. Я разделю жизнь, все радости и горести с тобой, пока смерть не разлучит нас...

Когда он обнял ее, а лицо его, прильнувшее к ее лицу, стало невиданно ласковым, она испытала восторг перед радостью бытия.

«Если Хори суждено умереть, — думала она, — его я не забуду! Хори будет вечно жить в моем сердце... А это значит, что смерть ушла навсегда...»

Испанский сундук

Как всегда, без минуты опоздания Эркюль Пуаро вошел в свой крохотный рабочий кабинет, где его секретарь мисс Лэмон уже дожидалась распоряжений на день.

Каждому, кто впервые видел мисс Лэмон, могло показаться, что она состоит исключительно из острых углов, что, впрочем, вполне устраивало Пуаро, во всем предпочитавшего геометрическую точность.

Правда, если говорить о женской красоте, тут Эркюль Пуаро свое пристрастие к геометрии не доводил до абсурда. Наоборот, он был, скорее, старомоден и, как истый житель континента, предпочитал округлость и даже, если можно так выразиться, пикантную пышность форм. Женщина, считал он, прежде всего должна быть женщиной. Ему нравились роскошные, экзотические женщины с безукоризненным цветом лица. Одно время ходили слухи о его романе с русской графиней, но это было очень давно. Ошибки и увлечения молодости.

Что же касается мисс Лэмон, то мосье Пуаро просто забывал, что она женщина. Для него это была безупречно точно работающая машина. И действительно, мисс Лэмон отличалась поистине устрашающей работоспособностью. Ей было сорок восемь, и природа милостиво обошлась с ней, начисто лишив всякого воображения.

— Доброе утро, мисс Лэмон.

— Доброе утро, мосье Пуаро.

Пуаро сел за письменный стол, а мисс Лэмон, разложив перед ним аккуратными стопками утреннюю почту, снова уселась на свое место, держа наготове карандаш и блокнот.

Но в это утро обычный распорядок дня был неожиданно нарушен. Пуаро принес с собой утренний выпуск газеты, и теперь его глаза с интересом пробежали заголовки.

Огромные буквы буквально вопили: «Гайна испанского сундука! Последние новости!»

— Вы, разумеется, просматривали утренние газеты, мисс Лэмон?

— Да, мосье Пуаро. Новости из Женевы не очень радуют.

Пуаро досадливым жестом отмахнулся от новостей из Женевы.

— Испанский сундук, — вслух размышлял он. — Вы можете мне сказать, мисс Лэмон, что такое испанский сундук?

— Я полагаю, мосье Пуаро, что это сундук, который был изготовлен в

Испании.

— Каждый мало-мальски разумный человек дал бы мне такое объяснение. Следовательно, вы точно не знаете?

— Их принято, как мне кажется, считать мебелью Елизаветинской эпохи. Они очень вместительны, больших размеров, со множеством медных украшений. Если поддерживать блеск полировки, то выглядят они вполне прилично. Моя сестра как-то купила такой сундук на распродаже. Она хранит в нем столовое белье. Он в прекрасном состоянии.

— Не сомневаюсь, что вся мебель в доме вашей сестры в прекрасном состоянии, — галантно склонив голову, произнес Пуаро.

На это мисс Лэмон не без грусти заметила, что нынешняя прислуга не знает, что такое «полировать локтями».

Мосье Пуаро вскинул на нее удивленные глаза, но решил воздержаться от расспросов, что может означать столь странное выражение.

Он снова углубился в газету и еще раз пробежал глазами список имен: майор Рич, мистер и миссис Клейтон, командор Макларен, мистер и миссис Спенс. Для него это были всего лишь имена, не более. Но за ними стоят живые люди, их страсть, любовь, ненависть, страх. Драма, в которой ему, Пуаро, не доведется участвовать. А жаль. Шестеро гостей на званом ужине, в комнате, где у стены стоит вместительный испанский сундук. Шестеро гостей, пятеро из которых беседуют, закусывают у буфета с холодными закусками, заводят граммофон, танцуют, а шестой *лежит мертвый на дне испанского сундука...*

«Вот досада, — подумал Пуаро. — Как обрадовался бы мой славный Гастингс! То-то получил бы удовольствие, дав волю своей фантазии! Какие нелепые предположения и догадки он сейчас бы высказал! Ах, се cher Гастингс, как мне его не хватает. А вместо него...»

Пуаро вздохнул и покосился на мисс Лэмон, которая, вполне разумно заключив, что шеф не расположен в это утро диктовать ей письма, сняла крышку с пишущей машинки и ждала лишь удобного момента, чтобы закончить кое-что из поднакопившейся работы. Ее меньше всего волновала история со зловещим испанским сундуком, в котором обнаружили труп.

Пуаро вздохнул и стал изучать фотографию в газете. Все фотографии в газетах, как правило, никуда не годятся, а эту, пожалуй, можно было отнести к числу особенно неудачных. И все-таки, какое лицо! Миссис Клейтон, вдова убитого...

И вдруг, повинувшись безотчетному чувству, мосье Пуаро протянул газету мисс Лэмон.

— Взгляните на этот снимок, — сказал он. — На это лицо.

Мисс Лэмон послушно, без какого-либо интереса посмотрела на фотографию.

— Что вы о ней скажете, мисс Лэмон? Это миссис Клейтон.

Мисс Лэмон взяла в руки газету, еще раз небрежно взглянула на фотографию и сказала:

— Она немного напоминает мне жену управляющего банком в Кройдон-Хите, когда мы там жили.

— Это любопытно! — воскликнул Пуаро. — Расскажите мне, пожалуйста, все, что вы знаете о жене управляющего банком в Кройдон-Хите.

— О, это, пожалуй, не очень красивая история, мосье Пуаро.

— Я так и думал. Однако продолжайте.

— Ходило много всяких слухов о миссис Адамс и молодом художнике. А потом мистер Адамс застрелился. Но миссис Адамс не захотела выйти замуж за художника, и он выпил какой-то яд. Правда, его спасли. А потом миссис Адамс вышла замуж за молодого адвоката. Мне кажется, после этого был еще какой-то скандал, но мы уже уехали из Кройдон-Хита, поэтому, что было дальше, я не знаю.

Мосье Пуаро с серьезным видом кивнул головой.

— Она была красива?

— Пожалуй, ее нельзя было назвать красивой в обычном смысле этого слова. Но в ней было что-то такое...

— Вот именно. Что-то такое, что есть во всех этих искусительницах рода человеческого! В Елене Прекрасной, Югеопатре...

Мисс Лэмон с решительным видом вложила в машинку чистый лист бумаги.

— Право, мосье Пуаро, я над этим никогда не задумывалась. Все это глупости, как я считаю. Если бы люди честно делали свое дело и не забивали голову всякой ерундой, было бы куда лучше.

Расправившись таким образом со всеми человеческими пороками и слабостями, мисс Лэмон опустила руки на клавиши машинки, с нетерпением дожидаясь, когда же ей наконец дадут заняться делом.

— Такова ваша точка зрения, мисс Лэмон, — заметил Пуаро. — Вот вы сейчас хотите лишь одного — чтобы вам не мешали и дали заняться вашей работой. Но ведь ваша работа состоит не только в том, чтобы писать под диктовку мои письма, подшивать бумажки, отвечать на телефонные звонки, печатать мою корреспонденцию... Все это вы выполняете безукоризненно, слов нет. Но я-то имею дело не только с мертвыми бумажками, но и с живыми людьми. И здесь мне тоже нужна ваша помощь.

— Разумеется, мосье Пуаро, — терпеливо ответила мисс Лэмон. — Чем я могу быть вам полезна?

— Меня заинтересовало это преступление. Я был бы признателен вам, если бы вы изучили отчеты о нем во всех утренних газетах, а затем и в вечерних тоже... Составьте мне точный перечень всех фактов.

— Хорошо, мосье Пуаро.

Пуаро с горестной усмешкой удалился в гостиную.

«Поистине ирония судьбы, — сказал себе он. — После моего друга Гастингса эта мисс Лэмон. Большого контраста не придумаешь. Ах, се cher Гастингс, как бы он радовался! Представляю, как бы он сейчас бегал по комнате! Его фантазия воссоздавала бы поистине невероятные романтические ситуации. Он свято верил бы каждому слову, напечатанному в газетах. А эта бедняжка мисс Лэмон не получит ни малейшего удовольствия от моего поручения».

Спустя положенное время мисс Лэмон явилась к нему с листком бумаги в руках.

— Я собрала интересующие вас сведения, мосье Пуаро. Только боюсь, что полагаться на них не следует. Об одном и том же каждая из газет сообщает совсем разное. Я лишь наполовину доверяла бы тому, что в них пишут.

— Ну, пожалуй, вы чересчур строги, мисс Лэмон, — пробормотал Пуаро. — Простите за беспокойство и благодарю вас.

Факты были поразительные, хотя и достаточно простые. Майор Чарльз Рич, богатый холостяк, пригласил на ужин своих друзей. Это были мистер и миссис Клейтон, мистер и миссис Спенс и командор Макларен. Последний был близким другом майора и четы Клейтон, что касается супругов Спенс, то знакомство с ними состоялось у всех сравнительно недавно. Арнольд Клейтон служил в министерстве финансов, Джереми Спенс был младшим чиновником на государственной службе. Майору Ричу было сорок восемь лет, Арнольду Клейтону — пятьдесят пять, Джереми Спенсу — тридцать семь. О миссис Клейтон сообщалось, что она была «моложе своего мужа». Один из гостей не смог присутствовать — в последнюю минуту мистер Клейтон по срочному вызову должен был выехать в Шотландию. Ему предстояло уехать в тот же вечер поездом в 8.15 с вокзала Кингс-Кросс.

Вечер в доме майора Рича прошел, как обычно проходят такие вечера. Гости веселились и получили удовольствие. Это не была ни особо шумная вечеринка, ни тем более пьяная оргия. Разошлись все в 11.45. Четверо из гостей уехали вместе на такси. Командор Макларен был высажен у своего

клуба, а затем супруги Спенс подвезли Маргариту Клейтон до Кардиган-гарденс у Слоун-стрит и поехали к себе в Челси.

Ужасное открытие было сделано на следующее утро слугой майора Уильямом Берджесом. Берджес был приходящим слугой и не ночевал в доме майора. В то утро он пришел раньше обычного, чтобы успеть убрать гостиную до того, как подать майору его утреннюю чашку чаю. Убирая комнату, Берджес обратил внимание на странное пятно на светлом ковре возле испанского сундука. Похоже было, что-то протекло. Подняв крышку, Берджес заглянул в сундук и застыл от ужаса — он увидел там мистера Клейтона с перерезанным горлом.

Повинуясь первому чувству, Берджес выбежал на улицу и кликнул полицейского.

Таковы были факты. Но сообщались еще и детали. Полиция немедленно известила о случившемся жену мистера Клейтона, которая была «сражена известием». В последний раз она видела мужа вскоре после шести часов. Он пришел домой раздраженный — его срочно вызывали телеграммой в Шотландию по делам, связанным с собственностью, которой он там владел. Он настоял, чтобы жена отправилась в гости без него. Телеграмму он получил, находясь в своем клубе, членом которого был также и его друг командор Макларен. Мистер Клейтон покинул клуб после того, как выпил с Маклареном и сообщил ему об этом досадном осложнении. Взглянув на часы, он заторопился, сказав, что едва успеет по дороге на вокзал заехать к майору Ричу и предупредить его о том, что не сможет присутствовать на ужине. Он пытался позвонить майору по телефону, но линия, должно быть, была повреждена.

По словам слуги майора Рича, мистер Клейтон действительно зашел на квартиру майора в 7.55. Хозяина не было дома, но он должен был с минуты на минуту вернуться. Слуга предложил мистеру Клейтону пройти в гостиную и подождать. Тот сказал, что очень торопится, однако согласился пройти в гостиную и написать записку. Он объяснил слуге, что спешит на поезд, отходящий через несколько минут с вокзала Кингс-Кросс. Слуга провел мистера Клейтона в гостиную, а сам вернулся в кухню, где готовил бутерброды к ужину. Он не слышал, когда вернулся хозяин, но минут десять спустя тот зашел на кухню и велел Берджесу бросить все и сбежать за турецкими сигаретами, которые любила миссис Спенс. Выполнив поручение, слуга отнес сигареты в гостиную. Мистера Клейтона уже не было, и Берджес вполне логично заключил, что тот ушел, поскольку торопился на поезд.

Рассказ майора Рича был краток и прост. Когда он вернулся домой,

Клейтона в его квартире уже не было. Майор даже не подозревал о том, что тот заходил к нему. Никакой записки также не было, и впервые майор Рич узнал о внезапном отъезде мистера Клейтона в Шотландию от его жены, сообщившей об этом, когда гости уже собрались.

В вечерних газетах было еще два дополнительных коротеньких сообщения. В первом говорилось, что «убитая горем» миссис Клейтон покинула свою квартиру в Кардиган-гарденс и временно поселилась у друзей.

Во втором же, помещенном в колонке последних новостей, сообщалось, что майору Ричу предъявлено обвинение в убийстве Арнольда Клейтона и он взят под стражу.

— Так вот как обстоят дела, — сказал Пуаро, взглянув на мисс Лэмон. — Однако этого и следовало ожидать. Но какое, тем не менее, интересное дело! Какое интересное дело! А вы как считаете?

— Что ж, я полагаю, подобное случается, хотя и нечасто, — равнодушно ответила мисс Лэмон.

— О, разумеется, случается, и, представьте, каждый день или почти каждый день. Но обычно такие происшествия вполне объяснимы, хотя это отнюдь не делает их менее неприятными.

— Да, история действительно неприятная.

— Еще бы! Быть зарезанным и спрятанным на дне сундука, что может быть в этом приятного? Скорее, наоборот. Но когда я сказал, что это интересный случай, я имел в виду странное поведение майора Рича.

Мисс Лэмон не без брезгливости заметила:

— Говорят, что они с миссис Клейтон очень близкие друзья... Правда, это только слухи, без каких-либо подтверждений, поэтому я и не включила это в мои заметки для вас.

— И правильно сделали. Однако подобное предположение напрашивается само собой. И это все, что вы хотели сказать?

Лицо мисс Лэмон ничего не выражало. И Пуаро, вздохнув, в который раз пожалел о живом воображении своего друга Гастингса. Обсуждать это дело с мисс Лэмон было пустой тратой времени и немалым испытанием.

— Представьте себе на минуту майора Рича. Допустим, он влюблен в миссис Клейтон... Муж мешает ему, и он хочет от него избавиться. Допустим и такое. Хотя, если миссис Клейтон отвечает ему взаимностью, у них роман, к чему тогда подобная поспешность? Или, может быть, мистер Клейтон не согласен дать жене развод? Но меня интересует не это. Майор Рич в отставке, он солдат, а о солдатах у нас принято говорить, что они не отличаются способностью думать. Но, tout de tôte, не может же майор Рич

быть полным идиотом?

Мисс Лэмон хранила молчание. Последний вопрос она сочла чисто риторическим и, следовательно, не требующим ответа.

— Ну так как же? — нетерпеливо спросил Пуаро. — Что *вы* думаете об этом?

— Что я думаю? — Мисс Лэмон даже вздрогнула от испуга.

— Mais oui, именно вы!

Мисс Лэмон попыталась сосредоточиться, поскольку ее к этому вынуждали. Не в ее привычках было размышлять, если, разумеется, ее не просили об этом. В те редкие свободные минуты, что у нее выдавались, она предпочитала обдумывать, как еще можно улучшить и без того доведенную ею до совершенства систему делопроизводства. Это было единственное отдохновение, которое она себе позволяла.

— Видите ли... — начала она и умолкла.

— Расскажите мне, что произошло, вернее, что, *по-вашему*, произошло в тот вечер. Мистер Клейтон пишет в гостиную записку, майор Рич возвращается домой и... Что же, *по-вашему*, было потом?

— Он видит у себя мистера Клейтона. Они... Я полагаю, между ними происходит ссора, и майор Рич бросается на него с ножом. Затем, испугавшись того, что он наделал, он... он прячет труп в сундук. Ведь с минуты на минуту должны прийти гости...

— Да-да, верно. Приходят гости. Труп лежит в сундуке. Вечер проходит, гости разъезжаются. А что потом?..

— Потом майор Рич ложится спать... О!..

— Ага! — воскликнул Пуаро. — Теперь вы сами понимаете? Вы убили человека, спрятали труп в сундуке, а потом преспокойно ложитесь спать, ничуть не опасаясь, что слуга утром может обнаружить его?

— Слуга мог и не заглянуть в сундук.

— Когда возле сундука огромная лужа крови?

— Возможно, майор Рич не предполагал, что будет так много крови?

— Не слишком ли беспечно с его стороны не подумать об этом?

— Он, очевидно, был очень расстроен, — сказала мисс Лэмон.

Пуаро в отчаянии развел руками.

А мисс Лэмон, воспользовавшись минутной паузой, выскользнула за дверь.

Тайна испанского сундука, строго говоря, ни с какой стороны не касалась Эркюля Пуаро. В данный момент он выполнял одно весьма деликатное поручение крупной нефтяной фирмы — возникли подозрения, что один из членов ее правления замешан в весьма сомнительных

операциях. Поручение носило конфиденциальный и ответственный характер и сулило хорошее вознаграждение. Оно было достаточно сложным, чтобы полностью завладеть вниманием Пуаро, и имело то преимущество, что почти не требовало от него каких-либо физических усилий. Это было утонченное преступление, без трупов и крови. Преступление в высших сферах.

Тайна испанского сундука скрывала события, полные драматизма и борьбы страстей. Пуаро неоднократно предостерегал своего друга Гастингса от опасности излишне переоценивать эти два обстоятельства, но тот не раз впадал в такую ошибку. И тогда Пуаро был особенно беспощаден к бедняге Гастингсу. А теперь он сам ведет себя не лучше, думая о загадочных красавицах, роковых страстях, ревности, ненависти и прочей романтической ерунде. Пуаро не терпелось узнать *все* об этом убийстве. Что представляют собой майор Рич и его слуга Берджес, Маргарита Клейтон (хотя это он, пожалуй, уже знал) и покойный Арнольд Клейтон (Пуаро считал, что сведения о личности убитого, пожалуй, наиболее важны для раскрытия преступления), и даже что собой представляет ближайший друг убитого командор Макларен, не говоря о чете Спенсов, знакомство с которыми состоялось у всех совсем недавно.

Но как удовлетворить с недавнего его любопытство?

Весь остаток дня Пуаро только и думал об этом.

Почему его так взволновало это убийство? В конце концов он пришел к выводу, что причиной этому известная невероятность случившегося, несмотря на неопровержимость фактов. Да, поистине евклидова задача.

Начнем хотя бы с того, что между мужчинами, несомненно, произошла ссора. Причина ясна: женщина. В ярости один убивает другого. Да, такое вполне возможно, хотя куда логичнее было бы, если бы муж убил любовника. Однако же как раз наоборот, любовник убивает мужа ударом кинжала(!). Оружие, прямо скажем, несколько необычное. Возможно, матушка майора Рича была итальянкой? Иначе как объяснить столь странный выбор орудия убийства? Как бы там ни было, придется согласиться с тем, что убийство совершено кинжалом (или стилетом, как предпочитают называть его газеты). Кинжал в критический момент оказался под рукой и был пущен в ход. Труп затем был упрятан в сундук. Выход сам по себе довольно простой, подсказанный здравым смыслом. Преступление, очевидно, совершено внезапно, и, поскольку каждую минуту в гостиную мог войти слуга, а до прихода гостей тоже оставались считанные минуты, разумнее всего было поступить именно так, как поступил убийца, — спрятать труп в сундуке.

Вечер приходит к концу, разъезжаются гости, уходит слуга и... что же делает майор Рич? Он как ни в чем не бывало ложится спать!

Чтобы понять, почему так могло случиться, необходимо прежде всего увидеть майора Рича, узнать, что же это за человек, если он мог поступить так.

Возможно, испытывая ужас от содеянного, не выдержав напряжения этого вечера, когда ему приходилось вести себя так, будто ничего не произошло, он принял снотворное или успокоительное и немедленно уснул. И разумеется, проснулся позже обычного. Все может быть. Или же это случай для психиатра — подсознательное чувство вины заставляет убийцу желать, чтобы преступление было раскрыто? Все зависит от...

В это время зазвонил телефон. Однако Пуаро не поднял трубку. Но потом он вспомнил, что мисс Лэмон, передав ему письма на подпись, ушла домой. Джордж, его камердинер, должно быть, отлучился куда-то. Пуаро снял трубку.

— Мосье Пуаро?

— Да, я вас слушаю.

— О, как я рада! — Пуаро удивленно моргал, вслушиваясь в мелодичный женский голос. — Говорит Эбби Четертон.

— О, леди Четертон. Чем могу служить?

— Тем, что немедленно, сейчас же, приедете ко мне, на эту ужасную вечеринку, которую я затеяла. Не столько ради вечеринки, сколько ради одного очень важного дела. Вы мне нужны. Это очень-очень серьезно! Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь! Я и слышать не хочу, что вы не сможете.

Но Пуаро совсем не собирался отказываться. Правда, лорд Четертон, кроме того, что он был родовитым аристократом и время от времени произносил в палате лордов скучнейшие речи, ничего собой не представлял. Но зато леди Четертон была, по мнению Эркюля Пуаро, украшением лондонского высшего света. Все, что она говорила или делала, мгновенно становилось сенсацией. Она была умна, красива, остроумна и представляла собой подлинный аккумулятор энергии, достаточной для запуска ракеты на Луну.

— Вы мне нужны, — снова повторила леди Четертон. — Подкрутите щипцами ваши неподражаемые усы, мосье Пуаро, и немедленно приезжайте.

Но Пуаро не мог собраться так быстро. Он прежде всего тщательно привел в порядок свой костюм, потом уделил необходимое внимание усам и лишь после этого тронулся в путь.

Дверь очаровательного особняка леди Четертон была открыта настежь, и из нее доносились такой гул и рев, словно вы очутились у ворот зоологического сада, где взбунтовались все его обитатели. Леди Четертон, которая одновременно развлекала беседой двух послов, одного регбиста с мировым именем и евангелического проповедника из США, увидев Пуаро, тут же быстро сбывла их с рук.

— Мосье Пуаро, как я рада вас видеть! Нет, нет, не пейте этот отвратительный мартини. У меня для вас найдется кое-что получше — щербет, который пьют султаны Марокко. Он в моей маленькой гостиной наверху.

И она стала быстро подниматься по лестнице, приглашая Пуаро следовать за нею. На секунду задержавшись, она бросила через плечо:

— Я не могла отменить этот вечер, потому что очень важно, чтобы никто ничего не заподозрил. Слугам я обещала хорошо заплатить, если будут держать язык за зубами. В конце концов, никому не хочется, чтобы его дом превратился в крепость, осаждаемую репортерами. А бедняжка и без того столько перенесла за эти дни.

На площадке второго этажа леди Четертон не остановилась, а стала подниматься еще выше. Запыхавшись, несколько озадаченный Пуаро еле поспевал за нею.

Наконец леди Четертон остановилась, бросила взгляд через перила вниз и распахнула одну из дверей.

— Я привела его, Маргарита! — воскликнула она. — Видишь, привела. Вот он! — И с торжествующим видом леди Четертон отступила в сторону, давая Пуаро пройти в комнату. Затем она тут же выполнила несложный ритуал представления:

— Маргарита Клейтон — мой самый-самый близкий друг. Вы обязаны помочь ей, мосье Пуаро. Маргарита, это тот самый знаменитый Эркюль Пуаро. Он сделает для тебя все, что ты попросишь. Не так ли, мой дорогой мосье Пуаро?

И, не дожидаясь ответа, который, по ее мнению, мог быть только один (ибо леди Четертон недаром слыла избалованной красавицей), она поспешила к двери и стала быстро спускаться по лестнице, неосторожно громко бросив на ходу:

— Я должна вернуться к этим ужасным гостям...

Женщина, сидевшая на стуле у окна, поднялась и пошла навстречу Пуаро. Он узнал бы ее, даже если бы леди Четертон и не назвала ее имени. Этот большой, покатый лоб, подобные темным крыльям полукружья волос на висках, широко расставленные серые глаза! Черное платье с высоким

воротом, плотно облегающее фигуру, подчеркивало совершенство форм и матовую белизну кожи. Это было лицо, поражающее скорее своей оригинальностью, чем красотой, — одно из тех странно пропорциональных лиц, какие можно увидеть на портретах итальянских примитивистов. Да и во всем облике ее было что-то средневековое, какая-то пугающая чистота и невинность, которая, как подумал Пуаро, куда опасней утонченной распушенности. Когда она заговорила, в голосе ее была детская непосредственность и простота.

— Эбби говорит, что вы можете мне помочь. — Она серьезно и вопрошающе посмотрела на него.

Какое-то время Пуаро стоял не двигаясь и внимательно разглядывал ее.

Однако в его взгляде не было ничего, что позволяло бы заподозрить его в неделикатном любопытстве. Так врач смотрит на нового пациента.

— Вы уверены, мадам, — наконец промолвил он, — что я могу вам помочь?

Щеки ее порозовели.

— Я не совсем вас понимаю...

— Что вы хотите, чтобы я для вас сделал?

— О! — Казалось, она была обескуражена. — Я была уверена, что вы знаете, кто я...

— Я знаю, кто вы. Знаю, что ваш муж был убит ударом кинжала и что майор Рич арестован по обвинению в убийстве.

Краска на ее лице стала гуще.

— Майор Рич не убивал моего мужа.

— Почему вы так думаете? — быстро спросил Пуаро.

Она вздрогнула и растерянно произнесла:

— Простите, я не понимаю...

— Я смутил вас, задав не совсем обычный вопрос, не тот, который неизменно задают полиция, адвокаты. Они спросили бы: «Почему майор Рич убил Арнольда Клейтона?» Я же ставлю вопрос по-другому: «Почему вы уверены, что он его не убивал?»

— Потому... — она запнулась, — потому что я очень хорошо знаю майора Рича.

— Так, вы хорошо знаете майора Рича, — ровным голосом повторил Пуаро.

А затем после секундной паузы резко спросил:

— Как хорошо?

Он не знал, поняла ли она его вопрос. Про себя же он подумал: передо

мною либо очень наивная и непосредственная натура, либо коварная, хитрая и искушенная женщина... И должно быть, не я один пытаюсь это разгадать, встречаясь с Маргаритой Клейтон.

— Как хорошо? — Она растерянно смотрела на него. — Лет пять, нет, почти шесть.

— Я не это имел в виду... Вы должны понять, мадам, что я вынужден задавать вам не деликатные вопросы. Вы можете сказать мне правду, можете солгать. Женщины иногда вынуждены лгать. Они должны защищаться, а ложь очень надежное оружие. Но есть три человека, мадам, которым женщина обязана говорить правду: духовник, парикмахер и частный сыщик, если, разумеется, она ему доверяет. Вы доверяете мне, мадам?

Маргарита Клейтон сделала глубокий вдох.

— Да, — ответила она. — Доверяю. — А затем добавила: — Я обязана вам доверять.

— Прекрасно, значит, все в порядке. Итак, что же вы хотите, чтобы я сделал — нашел убийцу вашего мужа?

— Да, должно быть... Да.

— Но это не самое главное, не так ли? Вы хотите, чтобы я снял всякие подозрения с майора Рича?

Она кивнула быстро, благодарно.

— Это и только это?

Он понял, что вопрос его излишний. Маргарита Клейтон была из тех женщин, которые способны в данную минуту думать лишь о чем-то одном.

— А теперь, — сказал Пуаро, — прошу прощения за нескромный вопрос. Майор Рич был вашим возлюбленным?

— Вы хотите сказать, были ли мы близки с ним? Нет.

— Но он был влюблен в вас?

— Да.

— А вы? Были ли вы влюблены в него?

— Мне кажется, да.

— Но вы не совсем в этом уверены, не так ли?

— Нет, теперь... теперь я уверена.

— Так. Следовательно, вы не любили своего мужа?

— Нет.

— Вы откровенны, это хорошо. Большинство женщин попыталось бы сейчас подробно объяснить мне свои чувства и тому подобное. Как давно вы замужем?

— Одиннадцать лет.

— Расскажите мне о вашем муже. Что он был за человек?

Она нахмурила лоб.

— Это очень трудно. Я сама не знаю. Он был очень молчалив, очень сдержан. Я никогда не знала, о чем он думает. О, разумеется, он был умен. Все считали, что он просто талантлив. Я хочу сказать, у себя на работе... Он, как бы это сказать... никогда не говорил о себе...

— Он любил вас?

— О, да. Должно быть, любил. Иначе он не принимал бы так близко к сердцу... — Она внезапно умолкла.

— Внимание других мужчин к вам? Вы это хотели сказать? Он ревновал вас?

— Должно быть, — снова ответила она. А затем, словно почувствовав, что эти слова нуждаются в пояснении, добавила: — Иногда он по нескольку дней не разговаривал со мной...

Пуаро задумчиво кивнул головой.

— С подобным актом насилия вы столкнулись впервые в вашей жизни?

— Насилия? — Она нахмурилась и покраснела. — Вы имеете в виду того бедного мальчика, который застрелился?

— Да, — сказал Пуаро. — Мне кажется, я именно его имею в виду.

— У меня и в мыслях не было, что он страдает... Мне было искренне жаль его, он был такой робкий, застенчивый и такой одинокий. У него, должно быть, нервы были не в порядке. А потом эти два итальянца и... дуэль. Это было так глупо. Слава богу, никто не погиб. Право, оба были мне совершенно безразличны. Да я и не скрывала этого.

— Разумеется. Судьбе было угодно, чтобы вы просто повстречались им на пути. А там, где появляетесь вы, там неизбежно что-нибудь случается. Мне это уже знакомо, я сталкивался с этим и раньше. Именно потому, что вы безразличны к ним, они теряют рассудок. Однако майор Рич вам не безразличен. И следовательно... мы должны сделать все возможное...

Он умолк. Наступила пауза.

Она сидела, очень серьезная, и внимательно смотрела на него.

— Хорошо. Теперь перейдем от главных действующих лиц, иногда играющих решающую роль, к фактам. Мне известно лишь то, о чем пишут в газетах. Судя по их сообщениям, только два человека могли убить вашего мужа, всего два человека имели такую возможность — майор Рич и его слуга.

Она упрямо повторила:

— Я знаю, что Чарльз не убивал его.

— Следовательно, это сделал слуга. Вы согласны с этим?

Она растерянно посмотрела на Пуаро.

— Я понимаю, что вы хотите сказать...

— Однако вы сомневаетесь в этом?

— Это просто... невероятно!

— И тем не менее вполне возможно. Ваш муж, без сомнения, заходил в тот вечер к майору, ибо тело его обнаружено в квартире майора. Если верить тому, что говорит слуга, его убил майор Рич. А если слуга лжет? Тогда убил он сам и спрятал труп в сундук до возвращения хозяина. С точки зрения убийцы, прекрасная возможность освободиться от улики. Ему остается лишь утром «заметить» пятно на ковре, а затем «обнаружить» труп. Подозрение неминуемо падает на майора Рича.

— Но зачем ему было убивать Арнольда?

— Вот-вот, зачем? Явных мотивов убийства нет, они неизвестны, иначе полиция уже занялась бы этим. Возможно, ваш муж знал что-то компрометирующее слугу и собирался сообщить об этом майору. Ваш муж когда-нибудь говорил об этом Берджесе?

Она отрицательно покачала головой.

— Как, по-вашему, был он способен на подобный поступок, если все обстояло так, как я предполагаю?

Она нахмурилась, размышляя.

— Мне трудно сказать. Как будто нет. Арнольд никогда ни о ком не говорил. Я вам уже сказала, он был очень скрытен. Он никогда не отличался... как бы это сказать... болтливостью.

— Он был человеком в себе... Так, а что вы можете сказать о Берджесе?

— Он из тех, кого почти не замечаешь. Хороший слуга. Опытен, хотя и недостаточно вышколен.

— Сколько ему лет?

— Тридцать семь или тридцать восемь, так мне кажется. Во время войны он был денщиком, хотя он не кадровый солдат.

— Как давно он служит у майора?

— Не очень давно. Я полагаю, года полтора.

— Вы не замечали ничего необычного в его отношениях с вашим мужем?

— Мы не так часто там бывали. Нет, я ничего не замечала.

— Расскажите мне о событиях того вечера. В котором часу предполагался съезд гостей?

— Между 8.15 и 8.30.

— Что это была за вечеринка?

— О, в этих случаях обычно подавались напитки и легкая закуска, очень хорошая, как правило. Гусиная печенка и гренки, лососина. Иногда Чарльз любил угощать горячим блюдом — рис, приготовленный по особому рецепту, вывезенному им с Ближнего Востока. Но чаще это бывало зимой. Потом мы обычно слушали музыку — у Чарльза большой выбор хороших стереофонических записей. Мой муж и Джок Макларен очень любили классическую музыку. Еще мы танцевали. Спенсы заядлые танцоры. В этот вечер тоже была такая дружеская встреча в тесном кругу. Чарльз умел принимать гостей.

— В этот вечер все было, как обычно? Вы не заметили чего-либо такого, что бросилось бы вам в глаза? Чего-нибудь необычного?

— Необычного? — Она на минуту задумалась, нахмутив лоб. — Как только вы спросили, я подумала... Нет, не помню. Но что-то было. — Она снова тряхнула головой. — Нет. На ваш вопрос я, пожалуй, могу только сказать, что ничего необычного в тот вечер я не заметила. Нам было весело, все веселились и чувствовали себя великолепно. — Она поежилась, словно от холода. — Подумать только, что все это время...

Пуаро предостерегающе поднял руку.

— Не думайте об этом. А то дело, по которому ваш муж был вызван в Шотландию, что вы о нем знаете?

— Очень мало. Были какие-то споры по поводу ограничений на продажу земельного участка, которым владел мой муж. Сделка состоялась, но потом, кажется, возникли какие-то затруднения.

— Вспомните точно, что сказал вам муж в тот вечер.

— Он вошел в комнату. В руках у него была телеграмма. Насколько мне помнится, он сказал: «Ужасная досада. Придется вечерним почтовым выехать сегодня же в Эдинбург. Надо завтра утром обязательно повидаться с Джонсоном... Должно быть, мне не следовало полагаться на то, что все сойдет гладко»... А затем он сказал: «Хочешь, я позвоню Джоку, чтобы заехал за тобой?» Но я отказалась: «Глупости, я поеду на такси». Тогда он сказал, что Джок или Спенсы после ужина проводят меня домой. Я спросила, не нужно ли собрать его в дорогу, но он сказал, что возьмет с собой только самое необходимое и поужинает в клубе. Он ушел и... я больше его не видела.

Когда она произнесла последние слова, голос ее слегка дрогнул.

Пуаро пристально посмотрел на нее.

— Он показывал вам телеграмму?

— Нет.

— Жаль.

— Почему вы это сказали?

Он оставил ее вопрос без ответа, а затем бодрым голосом промолвил:

— А теперь перейдем к делу. Вы можете назвать мне фамилии стряпчих мистера Рича?

Она назвала ему фамилии, и он записал адрес.

— Вы не будете столь любезны написать им коротенькую записочку, чтобы мне легче было представиться? Мне нужно повидать майора Рича.

— Он... под стражей вот уже целую неделю.

— Разумеется. Таков в этих случаях порядок. Напишите записки также командору Макларену и вашим друзьям Спенсам. Мне надо повидать их всех, и мне весьма важно, чтобы они сразу же не выставили меня за дверь.

Когда она закончила писать, он сказал:

— Еще одна просьба. Мне важно не только мое личное впечатление, но и ваше мнение о мистере Макларене и Спенсах.

— Джок наш давнишний друг. Я знаю его с детства. Он может показаться неприятным на первый взгляд, но он очень хороший человек, на него всегда можно положиться. Он не умеет быть веселым и приятным собеседником, но он надежен как скала. Я и Арнольд всегда дорожили его советами.

— И он, разумеется, тоже влюблен в вас? — В глазах Пуаро запрыгали насмешливые искорки.

— Да, — с готовностью, простодушно призналась Маргарита Клейтон. — Он всегда был в меня влюблен, но теперь это стало у него чем-то вроде привычки.

— А Спенсы?

— О, они очень веселые и приятные люди. Линда Спенс далеко не глупа. Арнольд любил с ней беседовать. И хорошенькая к тому же.

— Вы с ней друзья?

— С ней? В какой-то степени. Я не могу сказать, чтобы я по-настоящему любила ее. Она слишком злая.

— А ее муж?

— О, Джереми! Он очень мил и очень музыкален. Неплохо разбирается в живописи. Мы с ним часто вместе посещаем выставки...

— Хорошо, в остальном я разберусь сам. — Пуаро взял ее руку в свои. — Надеюсь, мадам, вы не пожалеете о том, что прибегли к моей помощи.

— Почему я должна пожалеть об этом? — Ее широко открытые глаза выражали удивление.

— Кто знает? — загадочно промолвил Пуаро.

«А сам-то я знаю?» — подумал он, спускаясь по лестнице. Вечеринка все еще была в разгаре, но он благополучно избежал каких-либо встреч и выскользнул на улицу.

«Нет, — снова повторил он, — я не знаю».

Он думал о Маргарите Клейтон. Эта детская непосредственность, эта откровенная наивность... Что это? Не маска ли? В средние века были такие женщины. По поводу них среди историков до сих пор не прекращаются жаркие споры. Он подумал о Марии Стюарт, королеве Шотландии. Знала ли она в ту ночь в Кирк о'Филдсе о том, что замышляется? Или она чиста и невинна, как дитя? Неужели заговорщики не посвятили ее в свои планы? Или она одна из тех женщин с душой и разумом младенца, которые могут сказать себе: «Я ничего не знаю» — и поверить в это? Он невольно испытывал и на себе странное обаяние Маргариты Клейтон. Но он не был в ней уверен...

Такие женщины, оставаясь невинными, толкают других на преступления. Они виновны не в том, что сами совершают преступление, а в том, что вдохновляют на него других.

Нет, обычно не их рука заносит нож...

Ну, а Маргарита Клейтон?.. Нет, здесь он не знает...

III

Стряпчие майора Рича едва ли могли чем-либо помочь Эркюлю Пуаро. Да он и не рассчитывал на это.

Однако они, не обмолвившись об этом ни словом, тут же дали ему понять, что вмешательство миссис Клейтон может лишь повредить их клиенту.

Посещение конторы стряпчих было для Пуаро просто визитом вежливости. Он располагал достаточными связями в министерстве внутренних дел и отделе расследования преступлений, чтобы беспрепятственно получить разрешение на свидание с заключенным.

Инспектор Миллер, которому было поручено вести дело об убийстве Арнольда Клейтона, не пользовался симпатиями Пуаро. Однако в данном случае инспектор был скорее снисходительно ироничен, чем враждебен.

— У меня нет времени возиться с этой старой перечницей, — недовольно заметил он своему помощнику, прежде чем принять сыщика. — Но хочешь не хочешь, а надо быть вежливым.

— Вам придется сотворить чудо, мосье Пуаро, — с наигранной веселостью сказал он, когда Пуаро вошел. — Ясно как день, что только майор Рич мог убить этого Клейтона.

— Если, разумеется, не принимать во внимание слугу майора.

— О, этого я готов вам уступить! Просто как вероятность. Но здесь вам будет трудно что-либо доказать. Да и мотивов нет.

— В этом никогда не следует быть слишком уверенным. Мотивы — вещь весьма тонкая.

— Он не был связан с Клейтоном ни с какой стороны, у него абсолютно незапятнанное прошлое, он психически здоров. Вам этого недостаточно?

— Мне нужны доказательства, подтверждающие, что Рич не совершал убийства.

— Чтобы угодить даме, да? — Инспектор Миллер ехидно ухмыльнулся. — Она и за вас принялась, не так ли? Вот штучка, скажу я вам. *Chercher la femme*, когда речь идет о мести. Знаете, она и сама бы это проделала, если бы только ей представилась возможность.

— Таким-то образом? Никогда!

— Вы не верите? Я знавал одну такую дамочку. Не моргнув глазом она убрала с дороги пару муженьков, когда они ей начали мешать. И всякий раз

была «убита горем». Суд присяжных хотел было ее оправдать, да не вышло. Уж больно вескими были доказательства.

— Давайте, мой друг, не будем спорить. Я позволю себе полюбопытствовать относительно некоторых деталей. То, что пишут в газетах, — это новости, но не всегда правда.

— Надо и им чем-то жить. Так что же вас интересует?

— Время, когда наступила смерть, и как можно точнее.

— Это трудно установить, поскольку труп подвергся экспертизе лишь утром следующего дня. Предполагается, что смерть наступила часов за десять-тринадцать до вскрытия. Следовательно, между семью и десятью часами вечера... Рассечена яремная вена. Смерть, должно быть, наступила мгновенно.

— А оружие?

— Что-то вроде итальянского стилета, небольшого, но острого, как бритва. Никто не видел его в доме раньше и неизвестно, как он туда попал. Но так или иначе, мы все это узнаем. Нужны лишь время и терпение.

— А не могло случиться так, что в момент ссоры стилет просто оказался под рукой?

— Нет. Слуга утверждает, что никогда не видел его в доме майора.

— Меня очень интересует телеграмма, — сказал Пуаро. — Та, которой Клейтон был вызван в Шотландию. Вызов действительно был?

— Нет, его никто никуда не вызывал. Никаких осложнений с продажей земли или чего-то в этом роде не возникало. Сделка состоялась, и все шло нормальным чередом.

— Кто же тогда послал телеграмму? Я полагаю, телеграмма все-таки была?

— Возможно. Однако едва ли стоит верить тому, что утверждает миссис Клейтон. Хотя сам Клейтон сказал слуге, что его вызвали телеграммой в Шотландию. Сказал он об этом и командору Макларену.

— В котором часу он с ним виделся?

— Они вместе перекусили в клубе. Примерно в 7.15. Затем Клейтон вызвал такси и поехал к майору Ричу. Он был у него что-то около восьми. А потом... — Тут инспектор Миллер лишь красноречиво развел руками.

— И никто не заметил ничего необычного в поведении Рича в тот вечер?

— Вы же знаете, как это бывает. Когда дело уже ясное, тогда всем вдруг кажется, что они и видели что-то и что-то замечали, чего на самом-то деле совсем и не было. Миссис Спенс, например, утверждает, что майор был рассеян, отвечал невпопад, словно что-то его беспокоило или занимало

его мысли. Я думаю, забеспокоишься, если у тебя труп в сундуке. Поломаешь голову, как от него поскорее избавиться.

— Почему же в таком случае он этого не сделал?

— Вот это-то меня и удивляет, черт побери. Струсил, должно быть. Хотя только круглый болван решился бы оставить труп там, где мы его нашли. У Рича были все возможности избавиться от него ночью. Ночного швейцара в доме нет. Он мог подвести машину прямо к подъезду, сунуть труп в багажник — машина большая, он вполне бы там уместился, — выехать за город, а там уже проще простого. Правда, есть риск, что кто-нибудь из соседей может увидеть, как он засовывает труп в багажник. Но и здесь риск был невелик — улица боковая, да и дом стоит в глубине двора. Часа в три ночи он мог бы преспокойно все это проделать. А что делает он? Ложится спать и спит допоздна, пока в дом не приходит полиция.

— Он спал, как может спать только человек с чистой совестью.

— Думайте, что хотите, но неужели вы действительно верите в это, мосье Пуаро?

— На этот вопрос я вам не могу сейчас ответить. Для этого мне прежде надо узнать, что за человек этот майор Рич.

— Считаете, что по одному виду можете отличить виновного от невиновного? Увы, это не так просто.

— Знаю, что не просто, и не стану утверждать, что я на это способен. Но мне хочется понять, действительно ли этот человек так глуп, как можно заключить из фактов.

IV

Пуаро собирался повидаться с майором Ричем лишь после того, как познакомится со всеми остальными.

Начал он с командора Макларена.

Это был высокий, смуглый, необщительный человек с суровым, изрезанным морщинами, однако приятным лицом. Он был застенчив, и его не так-то легко было вовлечь в беседу. Однако Пуаро это удалось.

Вертя в руках записку Маргариты Клейтон, Макларен неохотно пробормотал:

— Что ж, если Маргарита просит, чтобы я вам рассказал все, что знаю, я, разумеется, к вашим услугам. Однако, право, я не уверен, что знаю больше того, что вам уже известно. Но поскольку Маргарита хочет... Я никогда ни в чем ей не отказывал. С тех пор, как ей было всего шестнадцать... О, она умеет заставить вас сделать все по-своему...

— Да, я знаю, — промолвил Пуаро, а затем добавил: — Прежде всего попрошу вас откровенно и прямо ответить мне на один вопрос. Вы считаете, что Клейтона убил майор Рич?

— Да. Я не сказал бы этого Маргарите, раз она считает, что майор невиновен, но вам я могу это сказать. Черт побери, это же совершенно очевидно.

— Они были врагами?

— Что вы, напротив. Арнольд и Чарльз были наилучшими друзьями. В этом-то и вся загвоздка.

— Возможно, отношения между майором Ричем и миссис Клейтон...

Но Макларен не дал Пуаро закончить.

— Ерунда! Все это пустая болтовня и газетные сплетни... Гнусные инсинуации!.. Миссис Клейтон и майор Рич всего лишь друзья, не больше. У Маргариты много друзей. Я тоже ее друг. Не помню уж, сколько лет. Мне незачем скрывать или бояться этого. И Чарльз тоже был ее другом.

— Следовательно, вы не считаете, что между ними были более близкие отношения?

— Разумеется, не считаю! — Макларен был вне себя от гнева и возмущения. — Не советую вам прислушиваться к тому, что болтает эта хитрая кошка Линда Спенс. Она может наговорить что угодно.

— Но возможно, у мистера Клейтона все же зародились подозрения, что между его женой и майором Ричем существуют отношения более

близкие, чем дружба?

— Нет, этого не было, можете мне поверить. Кто-кто, а я бы знал об этом. Мы с Арнольдом были близкими друзьями.

— Расскажите, что он был за человек. Вы лучше, чем кто-либо, должны его знать.

— Арнольд по натуре был человеком скрытным и сдержанным. Он был очень умен, даже талантлив, я сказал бы, финансовый гений. Занимал видный пост в министерстве финансов.

— Да, я это уже слышал.

— Он много читал. Коллекционировал марки. Очень любил музыку. Правда, танцевать он не любил, да и вообще не очень любил общество.

— Как, по-вашему, это был счастливый брак?

Командор Макларен ответил не сразу. Казалось, вопрос заставил его призадуматься.

— На такие вопросы нелегко отвечать... Мне кажется, да. Думаю, они были счастливы. Он по-своему был ей предан. Я уверен, она тоже его любила. Во всяком случае, они не собирались разводиться, если вас это интересует. Правда, в чем-то их вкусы расходились, но и только.

Пуаро кивнул головой. Он понимал, что большего он не добьется от своего собеседника.

— А теперь расскажите мне все, что вы помните об этом вечере. Мистер Клейтон обедал с вами в клубе? Что он вам говорил?

— Сказал, что должен в тот же вечер уехать в Шотландию. Был недоволен этим. Кстати, мы с ним не обедали. Он торопился на поезд. Мы заказали вино и пару бутербродов. Собственно, бутерброды заказывал он. Я пил только вино. Ведь я должен был ужинать у майора Рича в тот вечер.

— Мистер Клейтон говорил что-нибудь о телеграмме?

— Да.

— Он случайно не показывал ее вам?

— Нет.

— Он говорил, что хочет по дороге на вокзал заехать еще к майору Ричу?

— Так прямо — нет. Но сказал, что не уверен, сможет ли сам предупредить Рича о своем внезапном отъезде, а потом добавил: «Впрочем, Маргарита или вы объясните ему это, — а затем сказал: — Позаботьтесь, чтобы Маргарита благополучно добралась домой». Он попрощался со мной и ушел. Ничего необычного я в этом не усмотрел.

— Он не высказывал каких-либо сомнений в подлинности телеграммы?

— А разве телеграмма была не настоящая? — испуганно воскликнул Макларен.

— Очевидно, нет.

— Странно... — Командор Макларен на мгновение словно окаменел, а затем, придя в себя, снова повторил: — Право, это очень странно... не понимаю, для чего кому-то понадобилось вызывать Арнольда в Шотландию.

— Это вопрос, на который мы еще не нашли ответа.

И Пуаро ушел, предоставив командору ломать голову над тем, что он услышал.

Супруги Спенсы жили в крохотном коттеджике в Челси.

Линда Спенс необычайно обрадовалась приходу Пуаро.

— О, расскажите, расскажите мне, что с Маргаритой! Где она?

— Этого, мадам, я не могу вам сказать.

— Она прячется, да? О, Маргарита чертовски хитра. Но ей все равно придется давать показания на суде. От этого ей не отвертеться.

Пуаро смотрел на Линду Спенс пытливым, изучающим взглядом. Он вынужден был признать, что она, пожалуй, привлекательная женщина — по современным представлениям о женской красоте (в то время в моде были женщины, похожие на худосочных, неопрятных подростков). Но Пуаро не был поклонником такого типа женщин — художественный беспорядок на голове, пара хитроватых, внимательно следящих за ним глаз на лице неумытого сорванца-мальчишки, никаких следов косметики, кроме кроваво-красного рта. На миссис Спенс был бледно-желтый свитер, доходивший ей почти до колен, и узкие черные брюки.

— А какое вы имеете к этому отношение? — сгорала она от любопытства. — Собираетесь спасти ее любовника? Не так ли? Едва ли удастся.

— Следовательно, вы считаете, что убийца он?

— Конечно. Кто же еще?

«Ну, это еще надо доказать», — подумал Пуаро. И вместо того, чтобы ответить Линде Спенс, сам задал ей вопрос:

— Каким он вам показался в тот вечер? Таким, как обычно, или вы что-нибудь заметили?

Линда с загадочным видом прищурила глаза.

— Нет, он был не такой, как всегда. Он был... какой-то другой.

— Какой же?

— Разумеется, после того, как ты хладнокровно зарезал человека...

— Позвольте, но вы тогда еще не знали этого?..

— Разумеется, нет.

— В таком случае, что же вам показалось в нем необычным? Что именно?

— Он был рассеянный. О, я не знаю. Но, вспоминая все уже потом, я пришла к выводу, что в нем было что-то странное.

Пуаро вздохнул.

— Кто из гостей приехал первым?

— Мы с мужем. Потом Джок Макларен, а потом уже Маргарита.

— От кого вы впервые услышали о том, что Клейтон уехал в Шотландию?

— Об этом сообщила нам Маргарита, сразу же, как вошла. Она сказала Чарльзу: «Арнольд очень сожалеет, но он был вынужден сегодня вечером уехать в Эдинбург». А Чарльз сказал: «Какая досада!» А потом Джок сказал: «Простите, я думал, вы уже знаете», — и мы стали пить коктейли.

— Майор Рич не упоминал о том, что в тот вечер виделся с мистером Клейтоном? Не говорил, что он заходил к нему перед отъездом?

— Насколько я помню, он ничего такого не говорил.

— Вам не кажется странной вся эта история с телеграммой? — спросил Пуаро.

— А что же здесь странного?

— Ведь телеграммы из Эдинбурга не было. Там никто ничего о ней не знает.

— Ах вот как! Мне и самой тогда показалось все это очень подозрительным.

— У вас есть догадки?

— По-моему, все яснее ясного.

— А именно?

— Мой дорогой друг, — протянула Линда Спенс. — Не прикидывайтесь простачком. Неизвестный злоумышленник убирает с дороги мужа. Путь свободен, во всяком случае, на этот вечер.

— Вы хотите сказать, что майор Рич и миссис Клейтон решили провести эту ночь вместе?

— Что здесь удивительного? Разве такого не бывает? — Линда явно наслаждалась произведенным эффектом.

— И кто-то из них послал телеграмму?

— Меня бы это ничуть не удивило.

— Вы считаете, что майор и миссис Клейтон были любовниками?

— Я вам отвечу иначе: я ничуть не удивилась бы, если бы это оказалось так. Но утверждать не стану.

— И мистер Клейтон подозревал их?

— Арнольд был очень странным человеком. Он был весь в себе, лишнего слова из него не вытянешь. Но мне кажется, он знал. Он из тех, кто и виду не подаст. Все считали его сухарем, человеком, лишенным чувств. Но я уверена, что он был совсем не такой. Странное дело, я была бы куда менее удивлена, если бы Арнольд зарезал майора, а не наоборот.

Мне кажется, Арнольд был дьявольски ревнив.

— Это очень интересно.

— Хотя он скорее всего убил бы Маргариту. Как Отелло... Вы знаете, Маргарита как-то чертовски действует на мужчин.

— Она красивая женщина, — осторожно заметил Пуаро.

— Красивая — это еще не все. В ней есть что-то, от чего мужчины буквально сходят с ума. А она лишь смотрит на них эдакими невинно-удивленными глазами. От этого они и вовсе теряют голову.

— *Femme fatale*.

— Да, кажется, у французов так принято говорить.

— Вы ее хорошо знаете?

— Мой дорогой мосье Пуаро, она моя лучшая подруга, хотя я ей не верю ни на грош.

— Понимаю, — пробормотал Пуаро и перевел разговор на командора Макларена.

— О, Джок — старый верный пес! Он прелесть. Создан, чтобы быть другом дома. Он и Арнольд были закадычными друзьями. Мне кажется, Арнольд доверял ему больше, чем кому-либо. И разумеется, Джок был просто на побегушках у Маргариты. Предан ей целую вечность.

— Мистер Клейтон и к нему ревновал свою жену?

— Ревновать к Джоку? Что за глупость! Маргарита была искренне к нему привязана, но не давала и тени надежды на что-либо большее, чем дружба. Да я уверена, что ни одной женщине и в голову не пришло бы!.. Даже сама не понимаю, почему... Это, право, ужасно несправедливо, ведь Джок такой милый...

Пуаро перевел разговор на слугу майора, но, кроме того, что Берджес отлично готовит коктейли, Линда ничего о нем сказать не могла. Она как-то вообще его не замечала. Но она сразу же сообразила, куда клонит ее собеседник.

— Вы считаете, что ему так же легко было убить Арнольда, как и Чарльзу? Но это совершенно невероятно!..

— Жаль, что вы так думаете, мадам. А мне вот представляется невероятным, хотя вы и не согласитесь со мной, что мистера Клейтона убил майор Рич. Вернее, что он мог убить его подобным образом.

— Вы имеете в виду кинжал? Да, это действительно не похоже на Чарльза. Он скорее способен воспользоваться тупым оружием или задушить. Как вы считаете?

Пуаро вздохнул.

— Мы опять вернулись к Отелло. Да-да, Отелло... Вы мне подали

неплохую мысль!

— Неужели? Как интересно! Что же... — Но в эту минуту в прихожей послышался звук ключа, поворачиваемого в замке, и скрип открываемой двери. — А вот и Джереми. Вы, разумеется, жаждете поговорить с ним тоже?

Вошел Джереми Спенс, щегольски одетый мужчина лет тридцати, приятной наружности, сдержанный и настороженный. Миссис Спенс, сказав, что у нее в духовке мясо, убежала на кухню, оставив мужчин вдвоем.

В отличие от своей жены мистер Спенс оказался куда менее словоохотливым. Ему явно не Хотелось быть замешанным в историю с убийством. Он был скуп на слова, и его ответы были подчеркнута лаконичны. Они знакомы с Клейтонами совсем недавно, а майора Рича вообще мало знают. Он представлялся им приятным человеком. Насколько он помнит, Рич вел себя в тот вечер, как обычно. Между Клейтоном и Ричем всегда были хорошие отношения. Эта история кажется просто невероятной.

И за все время беседы мистер Спенс не переставал всем своим видом подчеркивать нежелательность дальнейшего присутствия мосье Пуаро в его доме. Он, разумеется, был вежлив, но и только.

— Боюсь, — сказал Пуаро, — вам неприятны мои вопросы?

— Нам порядком надоели расспросы полиции. Я считаю, что этого вполне достаточно. Мы рассказали все, что знаем. А теперь... мне хотелось бы поскорее все забыть.

— Сочувствую и вполне вас понимаю. Чрезвычайно неприятно быть замешанным в такой истории. Особенно когда от вас требуют, чтобы вы рассказали не только то, что знаете или видели, но даже то, что вы думаете об этом.

— В таких случаях лучше не думать.

— А разве можно не думать? Вот, например, не думаете ли вы, что здесь не обошлось без Маргариты Клейтон? Не участвовала ли она вместе с майором в убийстве своего мужа?

— О, что вы! Ни в коем случае! — Спенс казался шокированным и искренне возмущенным. — Неужели у кого-то могло возникнуть такое нелепое подозрение?

— Разве ваша жена не высказывала его вам?

— О, Линда. Вы ведь знаете женщин. Не могут не позлословить друг о друге. Маргарите всегда от них доставалось. Она слишком привлекательна, чтобы они могли ей это простить. Но вся эта теория о том, что Маргарита и

майор Рич заранее готовили убийство, по-моему, просто фантастически нелепа!

— Такие вещи случались, вы знаете. Кинжал, например. Вероятнее всего, что он принадлежал женщине.

— Вы хотите сказать, что полиция располагает доказательствами? Этого не может быть! Я хочу сказать...

— Я ничего не знаю, — вполне искренне ответил Пуаро, ибо ему действительно ничего не было об этом известно, и поспешил откланяться.

Судя по смятению, отразившемуся на лице Спенса, Пуаро понял, что у того будет над чем поразмышлять.

VI

— Извините за резкость, мосье Пуаро, но не вижу чем вы можете быть мне полезны.

Пуаро пропустил мимо ушей это замечание своего собеседника. Он внимательно и спокойно разглядывал человека, обвиняемого в убийстве Арнольда Клейтона.

Перед ним был худощавый смуглый мужчина, мускулистый, сильный. Чем-то он напомнил ему гончую. Лицо его, узкое, с упрямым твердым подбородком, не выдавало ни мыслей, ни чувств. «Он подчеркнуто невежлив со мной», — подумал Пуаро.

— Я понимаю, что миссис Клейтон, посылая вас ко мне, руководствовалась наилучшими стремлениями. Однако я считаю, что она поступает неблагоразумно, во вред себе и мне.

— Вы так считаете?

Майор Рич нервно оглянулся через плечо, но дежурный надзиратель был, как положено, на порядочном от них расстоянии. Рич, понизив голос, ответил:

— Им нужны мотивы, подтверждающие их абсурдное обвинение. Они попытаются доказать, что между мною и миссис Клейтон... существовала любовная связь. Я надеюсь, миссис Клейтон уже сказала вам о том, что это сущий вымысел. Мы всего лишь друзья, друзья и не больше. Не кажется ли вам, что с ее стороны было бы благоразумней воздержаться от каких-либо попыток помочь мне?

Эркюль Пуаро словно и не слышал этого вопроса. Однако он тут же придрался к словам «абсурдное обвинение».

— Позвольте, вы сказали «абсурдное обвинение»? Оно не так уж абсурдно.

— Я не убивал Арнольда Клейтона.

— Тогда при чем здесь «абсурдное»? Скажите — ложное. Но не «абсурдное». Наоборот, все это вполне правдоподобно. Да вы и сами это понимаете.

— Могу только повторить, что считаю обвинение фантастически нелепым.

— Можете повторять это сколько вам угодно, проку от этого будет мало. Нам следует найти более веский аргумент.

— Я поручил все моим поверенным. Они пригласили опытного

адвоката. Не понимаю, почему вы говорите «нам»?

На лице Пуаро неожиданно появилась улыбка.

— Ах, — воскликнул он с истинно галльской экспансивностью, — вы мне подсказали неплохую мысль! Отлично, я ухожу. Мне хотелось повидаться с вами, и я это сделал. Я познакомился и с вашей биографией. Вы блестяще окончили училище в Сендхерсте и школу генштаба, и так далее и тому подобное. Я уже составил себе мнение о вас. О, вы отнюдь не глупый человек, майор Рич.

— Какое это имеет отношение к моему делу?

— Самое непосредственное. Человек ваших умственных способностей не мог совершить убийство подобным образом. Отлично! Вы невиновны. А что вы можете сказать о вашем слуге?

— О Берджесе?

— Вот именно, о нем. Если Клейтона убили не вы, то это сделал Берджес. Такой вывод напрашивается сам собой. Но почему он убил его? Должна быть причина, мотивы. Вы единственный, кто знает Берджеса настолько, чтобы объяснить это. Почему, майор Рич, почему он убил Клейтона?

— Не представляю. Ума не приложу. Мне тоже приходила в голову подобная мысль. Да, действительно, у Берджеса была возможность сделать это. У нас обоих была такая возможность. Однако я отказываюсь верить, что это сделал Берджес. Он не способен убить человека.

— А что думают ваши поверенные?

Губы майора Рича сжались в жесткую складку.

— Мои поверенные тратят время главным образом на то, чтобы внушить мне мысль, будто я всю жизнь страдал провалами памяти и, разумеется, не могу отвечать за свои поступки, поскольку не помню, что делаю.

— Следовательно, ваши дела плохи, если до этого дошло, — заметил Пуаро. — А может быть, не вы, а Берджес страдает амнезией? Как предположение это не так уж плохо! Теперь о кинжале. Вам его показывали и, разумеется, спрашивали, не ваш ли он или не видели ли вы его в своем доме?

— Нет, это не мой кинжал, и я никогда не видел его прежде.

— Понятно. Вы уверены, что никогда его не видели?

— Уверен. — Пуаро показалось, что в голосе майора прозвучали еле уловимые нотки неуверенности. — Это обыкновенная игрушка... сувенир. Такую вещь можно увидеть где угодно.

— Например, в гостиной у знакомой женщины. Скажем, у миссис

Клейтон?

— Разумеется, НЕТ!

Последние слова были произнесены майором с таким гневом и возмущением и так громко, что дежурный надзиратель поднял голову и посмотрел в их сторону.

— Tres bien. Разумеется, нет. Только зачем же повышать голос? Но вы все же где-то видели этот кинжал, а? Или похожий на него? Я угадал, не так ли?

— Сомневаюсь... Разве что в антикварной лавке...

— Возможно. — Пуаро встал. — Разрешите откланяться.

VII

«Теперь, — сказал себе Пуаро, — остался Берджес. Да, теперь можно заняться Берджесом».

Он познакомился со всеми действующими лицами, кое-что узнал о них со слов других, да и от них самих. Но о Берджесе ему никто ничего вразумительного сказать не смог. Ничего такого, что позволило бы составить представление об этом человеке. Увидев Берджеса, Пуаро понял, почему так могло получиться.

Лакей майора ждал его, предупрежденный по телефону командором Маклареном.

— Я Эркюль Пуаро.

— Да, сэр. Я жду вас.

Почтительно придерживая дверь, Берджес дал Пуаро пройти в небольшую квадратную прихожую, из которой открытая дверь налево вела в гостиную. Приняв от Пуаро пальто и шляпу, Берджес последовал за ним в гостиную.

— Итак, — сказал Пуаро, оглядываясь, — это произошло здесь.

— Да, сэр.

Тихий и неприметный человек с бледным лицом, малокровный и хилый на вид, сутулая спина, торчащие острые локти, бесцветный голос с незнакомым Пуаро провинциальным акцентом. Должно быть, Восточная Англия, подумал Пуаро. Так вот каков он, этот Берджес. Несколько нервный, а впрочем, ничем не примечательная личность. Трудно поверить, что он способен на какие-либо решительные действия. Способен ли такой убить человека?

У Берджеса были блекло-голубые бегающие глаза, что многие не слишком проницательные люди склонны считать бесспорным доказательством нечистой совести. Однако, как известно, отъявленные негодяи могут преспокойно смотреть вам прямо в лицо.

— Что предполагается делать дальше с этой квартирой? — спросил Пуаро.

— Пока, сэр, я присматриваю за ней. Майор Рич распорядился выплачивать мне жалованье до тех пор, пока-пока...

Берджес испуганно заморгал и закосил глазами.

— Понимаю, пока... — кивнул головой Пуаро, а потом невозмутимо добавил: — Майор Рич, разумеется, предстанет перед судом. Думаю, в

течение ближайших трех месяцев.

Берджес затряс головой, не столько отрицая подобную возможность, сколько выражая свое искреннее огорчение.

— Просто невероятно, сэр... — пробормотал он.

— Невероятно, что он мог убить?

— Да все это, сэр. И этот сундук...

Берджес посмотрел в противоположный конец комнаты.

— Так это и есть знаменитый испанский сундук?

Пуаро увидел огромный сундук очень темного полированного дерева, усеянный медными шляпками гвоздей, с большим медным запором.

— Отличнейшая штука. — Пуаро подошел поближе.

Сундук стоял у стены возле окна рядом с современным шкафчиком для грампластинок. По другую сторону его виднелась полуоткрытая дверь в спальню, наполовину загороженная ширмой из расписной кожи.

— Это дверь в спальню майора Рича, — пояснил Берджес.

Пуаро кивнул. Глаза его осматривали комнату. Из другой мебели в ней были еще два стереофонических экрана, к которым, как змеи, тянулись провода, несколько кресел, большой стол; стены украшали копии с японских гравюр. Это была скромно обставленная, однако красивая и уютная комната.

Пуаро посмотрел на Уильяма Берджеса.

— Когда вы сделали это... э-э-э... открытие, — начал он как можно осторожнее, — ощущение у вас было, должно быть, не из приятных?

— О, еще бы, сэр. Я этого вовек не забуду. — Лакей, казалось, только и ждал этого вопроса — слова посыпались как горох. Должно быть, он думал, что чем больше он будет говорить об этом, тем скорее удастся забыть кошмарную картину.

— Я ходил по комнате, сэр, собирал стаканы и прочую посуду. Только нагнулся, чтобы поднять с ковра оброненные маслины, как вдруг вижу странное рыжее пятно. Ковра нет, он сейчас в чистке. Полиция проделала с ним все, что ей было нужно. «Откуда это пятно? — подумал я про себя. А потом сам же себе и говорю в шутку: — А что, если это кровь, черт побери? — И себе же отвечаю: — Откуда ей здесь быть? Должно быть, пролили что-то». А потом вижу, что-то протекло из сундука вот с этой стороны, где щель. Я еще тогда подумал: «Черт возьми, что там может быть?» Поднял крышку вот так (Берджес тут же продемонстрировал, как он это сделал), гляжу — человек, лежит на боку, ноги поджал, словно спит. А в горле у него торчит нож. Мне никогда не забыть этого, сэр, никогда. Сколько жить буду, не забыть. Меня словно кто обухом по голове хватил,

сэр...

Берджес перевел дыхание.

— Я захлопнул крышку и бросился вон из дома. Думаю, надо сейчас же позвать полицейского. Мне повезло, я нашел его за углом.

Пуаро задумчиво разглядывал Берджеса. Что ж, если это игра, то Берджес неплохой актер. Однако у него возникло ощущение, что это не игра, что именно так все и было.

— А вы не подумали о том, что прежде следовало бы все же разбудить майора Рича? — спросил он слугу.

— Нет, сэр, мне как-то в голову не пришло. Я так был ошарашен... хотел поскорее убраться из дома... — Берджес сглотнул слюну, — да позвать кого-нибудь на помощь...

Пуаро сочувственно кивнул головой.

— Вы узнали в этом человеке мистера Клейтона? — спросил он.

— По правде говоря, сначала нет. Должно быть, от страха, сэр. Но потом, когда я привел полицейского, я сразу же сказал: «Господи, да ведь это мистер Клейтон!» А полицейский спрашивает: «Какой такой мистер Клейтон?» Тогда я ему сказал, что он, мол, заходил к нам вчера вечером.

— Ага, — промолвил Пуаро, — значит, он заходил... Вы помните точно время, когда это было?

— Если с точностью до одной минуты, сэр, то нет. Примерно без четверти восемь...

— Вы хорошо знали мистера Клейтона?

— Он и миссис Клейтон довольно часто бывали у майора Рича за те полтора года, что я у него в услужении.

— Каким показался вам мистер Клейтон в тот вечер? Он был такой, как обычно?

— Кажется, да, сэр. Правда, немного запыхался, и я подумал, что он, должно быть, торопится. Он сам мне сказал, что должен еще успеть на поезд.

— В руках у него был чемодан? Он ехал в Шотландию.

— Нет, сэр, чемодана не было. Он, должно быть, оставил его в такси.

— Он был очень огорчен, что не застал майора дома?

— Не думаю, сэр. Просто он сказал, что в таком случае оставит записку. Он прошел вот сюда, прямо к столу, а я вернулся в кухню — мне надо было еще приготовить яйца с анчоусами. Кухня у нас в конце коридора, там почти ничего не слышно. Я и не слышал, ушел он или нет и когда вернулся хозяин, да мне это было и ни к чему.

— Что было потом?

— Потом майор Рич позвал меня. Он стоял вот здесь, в дверях. Он сказал, что совсем забыл про турецкие сигареты для миссис Спенс, и велел мне тотчас же сбегать и купить их. Я купил сигареты, принес их сюда, в гостиную, и положил на стол. Мистера Клейтона уже не было, и я решил, что он давно ушел, чтобы успеть на свой поезд.

— И никто больше не приходил сюда, пока майора Рича не было дома, а вы были на кухне?

— Нет, сэр, никто.

— Вы уверены в этом?

— Как тут будешь уверен, сэр. Хотя я услышал бы звонок.

Пуаро покачал головой. Действительно, разве можно быть уверенным? Но он знал, что супруги Спенс, командор Макларен и миссис Клейтон могут дать отчет о каждой минуте своего времени. Макларен в это время выпивал с приятелем в клубе; к Спенсам пришли друзья, и они угостили их вином, прежде чем отправиться в гости к майору Ричу; Маргарита Клейтон болтала с подругой по телефону. И потом, кому из них взбрело бы в голову идти за Клейтоном в квартиру, где находится слуга и куда с минуты на минуту может вернуться хозяин? Нет, Пуаро их не подозревал, он надеялся, что в последнюю минуту обнаружится таинственное неизвестное лицо, кто-нибудь из безупречного прошлого мистера Клейтона, кто, узнав его на улице, проник за ним сюда, убил ударом кинжала, спрятал труп в сундуке и так же просто ушел, никем не замеченный. Мелодрама, мало похожая на действительность, почти неправдоподобная ситуация, нечто встречающееся лишь в исторических романах о загадочных убийствах и прочих преступлениях. Словом, история под стать испанскому сундуку.

Пуаро пересек комнату, подошел к злополучному сундуку и поднял крышку. Она поднималась легко и бесшумно.

— Сундук вымыт внутри, сэр. Я распорядился, — слабым голосом промолвил Берджес.

Пуаро наклонился над открытым сундуком и заглянул внутрь. Вдруг он издал легкое восклицание. Нагнувшись еще ниже, он провел рукой по стенкам сундука.

— Вот эти отверстия в задней стенке! И с этой стороны. Похоже, что их проделали совсем недавно.

— Какие отверстия, сэр? — Слуга заглянул в сундук. — Право, не знаю, сэр. Я их никогда раньше не замечал.

— Они действительно незаметны. И все же их кто-то специально просверлил. Как вы думаете, зачем?

— Я, право, не знаю, сэр. Может, какой-нибудь грызун или жучок.

Знаете, что портят мебель.

— Хорош грызун, — пробормотал Пуаро. — Интересно.

Пуаро снова отошел в другой конец комнаты.

— Когда вы принесли сигареты, вы не заметили никаких перемен в комнате? Ничего необычного? Скажем, передвинутого стула, стола или еще чего-нибудь из мебели?

— Странно, сэр, теперь, когда вы это сказали, я припоминаю что-то... Вот эта ширма, которой закрывают дверь в спальню, чтобы не было сквозняков, она была сдвинута немного влево.

— Вот так? — Пуаро быстрым движением передвинул ширму.

— Еще левее, сэр... Вот так. — Ширма, ранее лишь наполовину скрывавшая сундук, теперь почти совсем его закрыла.

— Как вы думаете, зачем была передвинута ширма?

— Я ничего не думаю, сэр.

(Еще одна мисс Лэмон!)

Но тут Берджес неуверенно добавил:

— Очевидно, чтобы легче было пройти в спальню, если дамы, например, захотят оставить там свои накидки.

— Возможно. Но может быть, была и другая причина.

Берджес вопросительно смотрел на Пуаро.

— Ширма сейчас скрывает от нас сундук и ковер около сундука. Если бы майор Рич ударил ножом мистера Клейтона, то кровь сразу стала бы просачиваться через щели в дне сундука. Это мог бы кто-нибудь заметить, как заметили вы наутро. Поэтому ширму и передвинули.

— Мне не пришло это в голову, сэр.

— А какое здесь освещение, яркое или приглушенное?

— Я покажу вам, сэр.

Лакей быстро задернул шторы и зажег пару настольных ламп. Они бросали мягкий рассеянный свет, при котором едва ли можно было читать. Пуаро посмотрел на люстру под потолком.

— Нет, сэр, люстра не горела в тот вечер. Она у нас вообще редко зажигается.

Пуаро окинул взглядом комнату, освещенную слабым светом ламп.

— Мне кажется, сэр, при таком освещении пятно трудно было бы заметить, — сказал слуга.

— Пожалуй, вы правы. Итак, зачем же была передвинута ширма?

Берджес зябко поежился.

— Подумать только, сэр, что такой приятный джентльмен, как майор Рич, мог сделать такое.

— Следовательно, вы даже не сомневаетесь, что это сделал майор Рич? А почему он это сделал, Берджес?

— Что ж, он был на войне. Может, получил ранение в голову. Говорят, что спустя много лет вдруг может что-то разладиться. Они и сами тогда не знают, что делают. И говорят, что близким да родственникам достается тогда больше всех. Может, так оно и было?

Пуаро посмотрел на Берджеса, затем вздохнул и отвернулся.

— Нет, — сказал он, — это было не так. — Жестом фокусника он ловко сунул хрустящую бумажку Берджесу в руку.

— О, благодарю вас, сэр, но, право, не стоит...

— Вы очень помогли мне, — сказал Пуаро, — тем, что показали мне эту комнату, мебель и все, что здесь имеется. И описали, как все было в тот вечер. Невероятное никогда не бывает столь уж невероятным. Запомните это. Я говорил, что были лишь две возможности, но я ошибся. Была и третья. — Он еще раз окинул взглядом комнату и слегка поежился, словно от холода. — Раздвиньте шторы. Пусть здесь будет больше света и воздуха. Это необходимо. И надо произвести здесь хорошую уборку. Немало пройдет времени, пока эта комната очистится от того, что ее оскверняет, — от духа ненависти, который все еще витает здесь.

Берджес, разинув рот от удивления, молча подал Пуаро его пальто и шляпу. Казалось, он уже совсем ничего не понимал, а Пуаро, любивший говорить загадками, вполне довольный собой, бодрым шагом покинул дом.

VIII

Придя домой, Пуаро позвонил инспектору Миллеру.

— Кстати, инспектор, где чемодан Клейтона? Его жена сказала, что он захватил с собой чемодан.

— Он оставил его в клубе у швейцара. А потом, должно быть, забыл о нем.

— Что в нем было?

— Что берут с собой в таких случаях? Пижама, чистая сорочка, туалетные принадлежности.

— Собрался как положено.

— А что, по-вашему, там должно было оказаться?

Пуаро даже не счел нужным ответить инспектору.

— Теперь о стилете. Предлагаю немедленно допросить женщину, убирающую квартиру миссис Спенс. Узнайте, видела ли она когда-нибудь у них что-либо похожее?

— Миссис Спенс? — Инспектор даже свистнул. — Вот вы куда гнете? Мы показывали кинжал Спенсам. Они отрицают, что видели его.

— Спросите их еще раз.

— Вы утверждаете...

— А потом сообщите мне, что они скажут на этот раз.

— Вы что-то мудрите.

— Прочитайте «Отелло», Миллер. И вспомните персонажей этой трагедии. Мы пропустили одного из них.

Пуаро повесил трубку. Потом набрал номер леди Четертон. Телефон был занят.

Через несколько минут он снова попытался дозвониться, но безуспешно. Тогда он вызвал своего слугу Джорджа и велел ему звонить до тех пор, пока леди Четертон не ответит. Он знал, как она любит болтать по телефону.

Пуаро опустился в кресло, осторожно снял ботинки, пошевелил уставшими пальцами и откинулся на спинку.

«Старею, — сказал он себе. — Быстро устаю... — Но тут же не без гордости воскликнул: — Но клетки серого вещества — о, они еще работают! Да, еще работают. «Отелло», да-да... Кто первый сказал мне об этом? Ага, миссис Спенс. Чемодан... Ширма... Поза спящего человека... Все продумано! Заранее и до мельчайших подробностей. И я уверен, не без

удовольствия...»

Вошел Джордж и доложил, что леди Четертон у телефона.

— Говорит Эркюль Пуаро, мадам. Могу я побеседовать с вашей гостьей?

— О, разумеется, мосье Пуаро. Вам удалось что-нибудь для нее сделать?

— Пока нет, мадам, — ответил Пуаро. — Но я не теряю надежды.

Потом он услышал нежный голос Маргариты Клейтон.

— Мадам, когда я спросил вас, не заметили ли вы чего-либо необычного в гостиной в тот вечер, вы нахмурили лоб, словно пытались что-то вспомнить. Вам это не удалось тогда. Может быть, вы имели в виду ширму?

— Ширму? О, конечно, конечно. Она была сдвинута.

— Вы танцевали в тот вечер?

— Немного.

— С кем больше всего?

— С Джереми Спенсом. Он прекрасно танцует. Чарльз тоже неплохо танцует, но не так хорошо, как Джереми. Чарльз танцевал с Линдой Спенс, а потом мы менялись. Джок Макларен не танцует. Он ставил пластинки, выбирая те, что мы просили.

— А потом вы все слушали серьезную музыку?

— Да.

Наступила пауза. Затем снова раздался голос Маргариты Клейтон:

— Мосье Пуаро, что... что все это значит? У вас есть новости для меня?

— Мадам, вы когда-нибудь задумывались над чувствами людей, которые вас окружают?

В ее голосе было легкое удивление, когда она ответила:

— Мне... мне кажется, да.

— А мне кажется, нет, мадам. Я думаю, вы о них просто не имеете представления. И я думаю еще, что в этом ваша трагедия. Однако к трагическому концу, как правило, приходят другие, но не вы. Не помню, кто сказал мне сегодня об Отелло. Помните, я спросил вас, не ревновал ли вас муж, и вы мне ответили: «Возможно». Но ответили так беззаботно, как дитя. Так ответила бы Дездемона, не подозревающая об опасности, которая ей грозит. Разумеется, она тоже знала, что существует такое чувство, как ревность, но она не понимала его, ибо сама никогда не испытывала ревности, да и не способна была испытывать ее. Я думаю, она не знала, что такое всепоглощающая земная страсть. Она любила мужа высокой

романтической любовью, боготворила, как — боготворят героев, она питала чистое и невинное чувство привязанности к своему другу Кассио... Именно потому, что ей самой была неведома страсть, она сводила мужчин с ума... Вы понимаете, о чем я говорю, мадам?

На другом конце провода опять воцарилось молчание, а затем спокойный, нежный и чуть удивленный голос Маргариты Клейтон произнес:

— Я не совсем... не совсем понимаю...

Пуаро вздохнул, а затем обычным голосом добавил:

— Я буду у вас сегодня вечером.

IX

Инспектор Миллер не принадлежал к числу людей, которых легко в чем-либо убедить. Но и Эркюль Пуаро был не из тех, кто легко сдается. В итоге инспектор поворчал и уступил.

— ...Только не понимаю, при чем здесь леди Четертон?

— Ни при чем. Просто она предоставила убежище своей подруге, вот и все.

— А Спенсы? Как вы узнали?

— Значит, стилет принадлежит все-таки им? Просто догадка. Джереми Спенс натолкнул меня на эту мысль. Когда я высказал предположение, что стилет принадлежит Маргарите Клейтон, он не смог скрыть, что ему доподлинно известно, что это не так. — Пуаро сделал паузу. — Что же они вам сказали? — спросил он не без любопытства.

— Признались, что он очень похож на игрушечный кинжал, который у них когда-то был. Но несколько недель тому назад он куда-то затерялся, и они забыли о нем. Должно быть, Рич взял его.

— Мистер Джереми действительно очень осторожный человек, — заметил Пуаро. И пробормотал себе под нос — Затерялся несколько недель назад. Разумеется, все было продумано заранее.

— А? Вы о чем?

— Ничего, мы приехали, — сказал Пуаро. Такси остановилось у дома леди Четертон на Черитон-стрит. Пуаро расплатился с шофером.

Маргарита Клейтон ждала их наверху. Лицо ее застыло, когда она увидела инспектора Миллера.

— Я не думала...

— Не думали, что я захвачу с собой вашего друга инспектора?

— Инспектор Миллер мне не друг.

— О, это зависит от того, хотите ли вы, миссис Клейтон, чтобы справедливость восторжествовала. Ваш муж был убит...

— Мы сейчас и перейдем к вопросу о том, кто его убил, — быстро вмешался Пуаро. — Вы разрешите нам сесть, мадам?

Маргарита Клейтон медленно опустилась на стул с высокой прямой спинкой и посмотрела на мужчин.

— Прощу вас, — сказал Пуаро, обращаясь к ней и к инспектору, — внимательно выслушать меня. Мне кажется, я знаю, что произошло в тот роковой вечер в гостиной у майора Рича... Мы все исходили из

предположения, которое было ошибочно, а именно, что только у двух человек имелась возможность спрятать труп убитого в сундуке, то есть у майора Рича и его слуги Уильяма Берджеса. Но мы ошибались — был еще третий человек в тот вечер в гостиной, у которого была не меньшая возможность проделать это.

— Кто же? — иронически спросил Миллер. — Мальчишка-лифтер?

— Нет. Сам Арнольд Клейтон.

— Что? Убитый сам спрятал свое тело? Вы спятили, Пуаро!

— Разумеется, не мертвое, а живое тело. Иными словами, он сам спрятался в сундуке. Такие вещи проделывались и раньше, история знает их немало. Мертвая невеста из баллады «Ветка омелы», Якимо, задумавший бросить тень на честь Имогены, и так далее. Мне эта мысль пришла в голову, как только я увидел дыры, просверленные в стенке сундука, и к тому же просверленные совсем недавно. Зачем? Чтобы не задохнуться без воздуха. Почему ширма была сдвинута со своего обычного места? Чтобы спрятать сундук, чтобы тому, кто в нем был, можно было время от времени приподнимать крышку, расправлять затекшие члены и, разумеется, лучше слышать, что говорят в комнате.

— Но зачем? — воскликнула Маргарита, широко раскрыв глаза. — Зачем было Арнольду прятаться в сундуке?

— И это спрашиваете вы, мадам? Ваш муж был ревнив. Ревнив и скрытен. «Человек в себе», как выразилась ваша приятельница миссис Спенс. Его обуревала ревность, она становилась все сильнее, она терзала его. Была или не была его жена любовницей майора? Он не знал, терялся в догадках, и он должен был узнать правду. Отсюда «телеграмма из Шотландии», телеграмма, которую никто не посылал и поэтому никто не видел. Чемоданчик собран в дорогу, но он оставляет его в клубе. Визит к майору, когда Клейтон уверен, что того нет дома... Он говорит слуге, что оставит записку, но как только тот уходит, просверливает дыры в сундуке, передвигает ширму и залезает в сундук. Сегодня он узнает правду. Возможно, его жена задержится после ухода последнего из гостей или же уйдет со всеми, а потом вернется! В этот вечер доведенный до отчаяния, истерзанный ревностью муж узнает всю правду...

— Надеюсь, вы не станете утверждать, что он сам пырнул себя ножом? — В голосе Миллера звучала явная насмешка.

— Нет, это сделал другой. Тот, кто знал, что он там. Это, бесспорно, было убийство. Заранее подготовленное и тщательно продуманное убийство. Вспомним персонажи из «Отелло». Нас сейчас интересует Яго. Кто-то исподволь очень искусно отравлял рассудок Клейтона намеками,

подозрениями. Честный Яго, верный друг, человек, которому доверяют! И Арнольд Клейтон ему верил. Он позволил разжечь в себе ревность, довести ее до предела. Самому ли ему пришла в голову мысль спрятаться в сундуке или ему казалось, что это его собственная мысль? Так или иначе, решение принято. А стилет, тайком похищенный несколько недель назад, терпеливо ждет свою жертву. Наступает роковой вечер. Лампы льют приглушенный свет, играет граммофон, танцуют пары, тот, кто не танцует, кому нет пары, перебирает пластинки у столика рядом с испанским сундуком, спрятанным за сдвинутой ширмой. Скользнуть незаметно за ширму, поднять крышку, ударить кинжалом — рискованно, смело, но, увы, так просто!

— Клейтон мог закричать!

— Нет, ибо он спал, — ответил Пуаро. — По словам слуги, он лежал в сундуке в позе спящего человека — человека, одурманенного сильной дозой снотворного. И только один человек мог дать ему снотворное — тот, с кем он пил, перед тем как покинуть клуб.

— Джок? — В голосе Маргариты Клейтон прозвучало искреннее, почти детское удивление. — Джок? Нет-нет! Добрый, славный Джок. Но я знаю его вечность! Зачем ему было это делать?..

Пуаро повернулся и в упор посмотрел на нее.

— Зачем, мадам, два итальянца дрались на дуэли? Зачем юноша лишил себя жизни? Джок Макларен не умеет выражать свои чувства словами. Он примирился с ролью преданного друга вашей семьи, но тут появляется майор Рич. Нет, это уж слишком! Этого он вынести не может. В отуманенном ненавистью и страстью мозгу рождается план, безукоризненно продуманный план убийства, — двойного убийства, ибо майора, без сомнения, признают виновным в убийстве Клейтона. Убрав вашего мужа и майора Рича с дороги, он надеется наконец получить вас. Ибо верит, что вы потянетесь к нему, мадам. И вы бы это сделали, не так ли?

Она смотрела на него широко открытыми, полными ужаса глазами. Почти не отдавая себе отчета в том, что она говорит, она едва слышно прошептала:

— Да, возможно... Я не знаю...

Но тут прозвучало безапелляционное заявление инспектора Миллера:

— Очень хорошо, Пуаро. Но это всего лишь версия, не больше. У вас нет доказательств. А потом, все это может быть просто вашей фантазией, где нет и крупинки правды.

— Это и есть правда.

— А где доказательства? Где улики? Мы даже не можем предъявить

ему обвинение.

— Вы ошибаетесь. Я уверен, что Макларен сам сознается, как только вы ему все это расскажете. Создается, если поймет, что миссис Клейтон все известно!..

Потом, помолчав, Пуаро добавил:

— Ибо, узнав это, он поймет, что проиграл... Что столь безукоризненно подготовленное убийство оказалось напрасным.

---

notes

Примечания

1

Викарий — священник англиканской церкви (*прим. пер.*).

Рассказывали, что парфянцы, якобы убегая, оборачивались и поражали стрелами преследующих врагов (*прим. пер.*).

3

Рассеян (*фр.*).

4

Слак (slack) — разболтанный, вялый (*англ.*).

Следователь — чиновник, присланный от графства или муниципалитета, расследующий случаи насильственной или скоропостижной смерти (*прим. пер.*).

Cacher — прятать (*фр.*), здесь — тайник.

7

Звучит как «ловушка» (*по-английски*).

Raison d'être — повод (*фр.*).

После фамилии ставятся заглавные буквы, обозначающие специальность человека, ученую степень и членство в различных обществах (*прим. пер.*).

Extempore — экспромтом (*лат. прим. пер.*).

Отцы-пилигримы — английские переселенцы, поселившиеся в Америке в 1620 году, по своим убеждениям и образу жизни — строгие пуритане (*прим. пер.*).

Красивая женщина (*фр. здесь и далее примечания переводчика*).

Мой друг (фр.).

Дорогой мой (фр.).

Да, это так (*фр.*).

Она артистка! (фр.).

Κακ? (φρ.).

Профиль (фр.).

Это ремесло (*фр.*).

Представитель наиболее консервативной части англиканской церкви.

«Мейфлауэр»— название корабля, на котором в 1620 г. группа английских переселенцев-пуритан прибыла в Северную Америку.

Ну, что (фр.).

23

А почему нет? (фр.)

Слава богу (*фр.*).

Фактически (фр.).

Продолжайте (фр-).

Прекрасно! (фр.).

Послушайте (фр.).

Наш добрый Джепп (*фр.*).

Мелочь (*фр.*).

Самолюбие (фр.).

Пригород Лондона.

Да, да (фр.).

Но продолжайте (*фр*).

Это уж слишком! (фр.).

Боже мой (фр.)

Извините (фр.).

Я дал себе клятву (фр.)

Доктор (фр.)

Вы абсолютно правы (*фр.*).

Потрясающе (*фр.*).

Несомненно (*фр.*).

Древнекитайский философ.

Ателье мод (фр.).

Приехали (фр.).

Ремеслом (фр.).

Правда? (фр.).

Оперный театр в Лондоне.

И все равно (фр.).

Не правда ли? (фр.).

Никакого, никакого (фр.).

Да, да (исп.)

Дамы (фр.).

И вот дама (*фр.*).

Немного омлета, не правда ли? (фр.)

Нет, это не так (*фр.*).

Дорогой (фр.).

Я задаю себе вопросы (*фр.*).

Чересчур живое (фр.).

Хорошо (фр.).

Самолюбие (фр.).

Итальянский скульптор, ювелир и писатель XVI в.

63

Вполне возможно (фр.).

Да, это возможно (ϕp).

Все равно (фр.).

Здесь: пожалуйста, пожалуйста (*фр.*).

Ни гроша! (фр.)

Он немного похож на вас (*фр.*).

Когда моя охотничья собака принесет мне дичь (фр.).

О, это очень хорошо! (фр.)

Я прошу прощения (*фр.*).

В английском языке выражение «играть по правилам» в переносном смысле означает «поступать благородно». Пуаро, очевидно, не знает переносного смысла.

Светской дамой (фр.).

Как (φρ.).

Герцог (*фр.*).

Нет (*φρ.*).

Вот это мысль! (фр.)

Судебный следователь по делам насильственной и внезапной смерти.

Послушайте (фр.).

Может быть (фр.).

Кончено (фр.).

Боже, как я глуп! (фр.)

Это великолепно! (фр.)

и все (фр.).

Очевидно (фр.).

Междометие «ну» имеет в английском языке и значение «хорошо».

Согласно греческой мифологии, Парис, сын троянского царя Приама, должен был выбрать из трех богинь, Геры, Афины и Афродиты, самую красивую. В английском языке имя Парис произносится так же, как и название города Парижа.

Точно (фр.).

Дюжина (фр.).

Он (англ.).

Она (*англ.*).

В древнегреческой мифологии богиня возмездия.

А, черт возьми (фр.).

Честное слово (фр.).

«Ка» — в египетской мифологии один из элементов, составляющих человеческую сущность, в том числе загробное воплощение человека.

Осирис — бог производительных сил природы, царь загробного мира.

Герacleopolis — столица правления IX–X династий Древнего Египта (XXIII–XXII вв. до н. э.).

Херишеф — бог города Гераклеополя, хранитель вод.

Птах (Пта) — бог города Мемфиса, создавший мир и все в нем существующее.

Птахотеп — возможно, главный советник фараона V династии Исеси (XXV в. до н. э.). Считался позднее одним из великих древних мудрецов.

Перевод В. Потаповой.

Себек — бог воды и разлива Нила.

Нейт — богиня войны и охоты; богиня воды и моря.

Ра — бог солнца.

Северные и Южные Земли — образованные около шести тысяч лет назад номы Древнего Египта, представлявшие собой маленькие самостоятельные государства; со временем объединились в Нижний Египет, или Северные Земли, в дельте Нила, и Верхний Египет, или Южные Земли, в верхнем течении Нила.

Хатор — богиня неба.

Сехмет — богиня войны и палящего солнца.

Мехит — богиня-львица.

Тот — бог мудрости, счета и письма.

Тор — бог охоты, покровитель царской власти.

Меритсгер — богиня, охраняющая кладбища и покой умерших.

Исида — богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и семейной верности.

Амон (Амон-Ра) — бог солнца, культ которого зародился в Фивах.

Иарит — богиня-змея, охранительница власти фараона.

Нефертум — бог растительности.

Золотая — эпитет богинь Хатор и Сехмет.

Девятка богов Эннеады — девять изначальных богов города Гелиополя — Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида.

Владыки справедливости — согласно древнеегипетскому мифу сорок два бога во главе с Осирисом образуют судилище, куда приводят покойника. В центре зала суда стоят весы, на которых взвешивают сердце покойника. На одной чаше весов находится сердце, на другой — статуэтка богини правды. Если сердце и правда весят одинаково, покойник признается оправданным и отправляется в цветущие поля рая. Если сердце перетягивает правду, покойника пожирает чудовище Амагат. Покойник должен перечислить сорок два греха, отрицая при этом их совершение.

Маат — богиня истины и порядка.

Анубис — бог-покровитель умерших.

Времена строителей пирамид — Древнее царство, почти все цари которого начиная с III династии воздвигали огромные каменные гробницы-пирамиды.

Сет — бог пустыни, олицетворение злого начала.